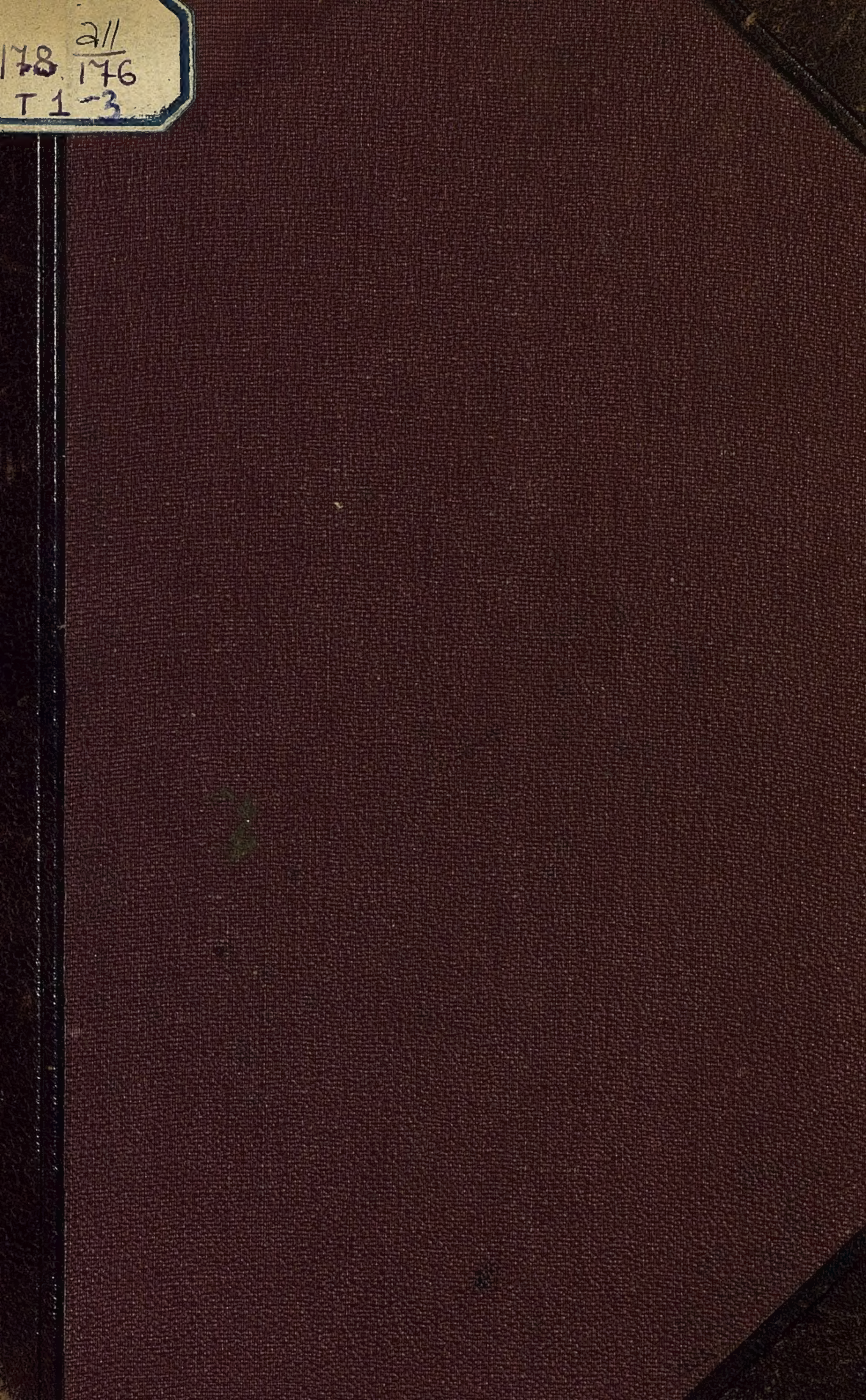

178 211/176
T 1-3

В. В. Назаревскій.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

I.

862—1676.

Изданіе третье.

Съ 300 рисунками.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Второе изданіе „Русской Исторіи. Часть I. (862—1676)“ разошлось все. Продолжающійся спросъ на нее побудилъ насъ выпустить настоящее третье изданіе. Пересмотръ предшествующаго — вызвалъ нѣкоторыя небольшія, впрочемъ, измѣненія и дополненія въ книгѣ, особенно по части рисунковъ, число которыхъ нынѣ доведено до 300.

Уже по отпечатаніи второго изданія, первая часть этой книги, кромѣ прежней рекомендаціи Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, получила еще и одобренія Училищнаго Совѣта, при Св. Синодѣ (для обращенія въ библіотекахъ церковно-приходскихъ школъ) и Главнаго Штаба (для чтеній въ войскахъ).

Въ настоящее время приготовлена къ печати и *третья часть* нашей „Русской Исторіи (1725—1801)“, обнимающая время отъ смерти Петра I до воцаренія Александра I.

Воспроизводимъ предисловіе ко второму изданію настоящей книги.

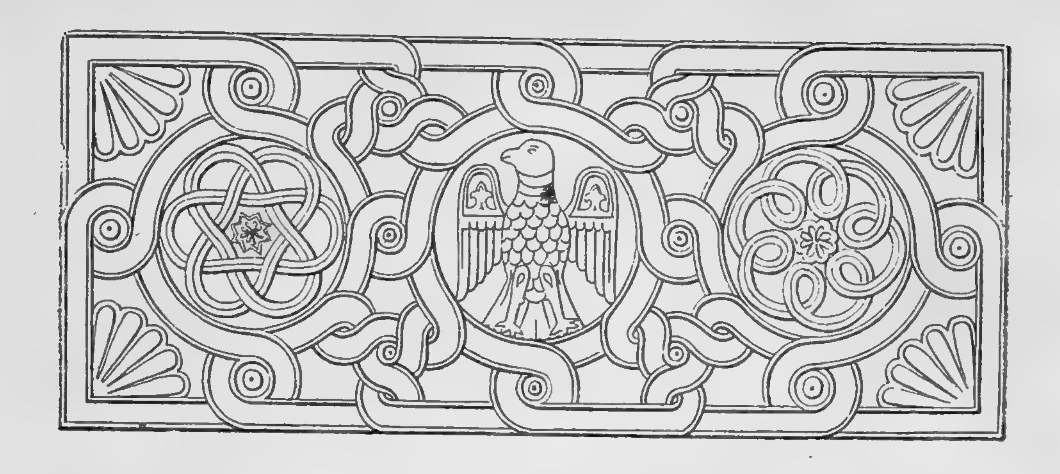
Предлагаемая Русская Исторія обнимаетъ ея періоды: кіевскій, владимірскій и московскій и составляетъ воспроизведеніе (съ дополненіями и измѣненіями) чтеній автора въ аудиторіи московскаго Историческаго музея, въ 1902—1904 годахъ, которыя были ведены по порученію комиссіи по устройству чтеній для фабрично-заводскихъ рабочихъ Москвы.

Въ указанные годы чтенія эти были напечатаны для слушателей въ видѣ послѣдовательныхъ пяти выпусковъ.

Въ виду требованій на этотъ новый опытъ Русской Исторіи, внѣ круга названныхъ слушателей, а также и въ виду допущенія ея особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ и для обращенія въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ низшихъ училищъ, изданіе это выпускается нынѣ вторично въ одной цѣлой книгѣ.

Она снабжена снимками съ разнообразныхъ историческихъ памятниковъ и соотвѣтствующихъ художественныхъ картинъ и можетъ служить нагляднымъ пособіемъ при изученіи Русской Исторіи въ школѣ и дома. Кромѣ того, къ книгѣ приложены географическія карты и списокъ иллюстрирующихъ предлагаемыя чтенія свѣтовыхъ картинъ, значительная часть которыхъ была выработана вновь въ московскихъ художественныхъ мастерскихъ.

Москва,
15 марта 1904 г.

1.

Главнѣйшіе признаки современнаго могущества Россіи.—Русская Исторія объясняетъ намъ, какъ возникло и постепенно развивалось это могущество.—Благопріятныя условія изученія Исторіи Россіи въ древне-русскихъ городахъ, а особенно въ Москвѣ.—Значеніе Московскаго періода Русской Исторіи.

Русскимъ людямъ несвойственно величаться собою. Но пониманіе могущества своего отечества, сознаніе его величія не представляетъ чего-либо предосудительнаго.

Россія—одно изъ величайшихъ въ свѣтѣ государствъ, многовѣковой оплотъ Европы отъ нехристіанскихъ племенъ Азіи. Другіе народы, помимо насъ, причисляютъ отечество наше къ немногимъ первостепеннымъ государствамъ міра.

Россія, по своему пространству, занимаетъ $1/6$ суши всего земного шара, или болѣе половины Европы и треть Азіи: 19.713.152 квадратныхъ версты материка съ его внутренними водами. Протяженіе ея отъ крайняго пункта на сѣверѣ, на Ледовитомъ океанѣ, до крайняго пункта на югѣ (на рѣкѣ Кушкѣ, на границахъ Афганистана), 3.401 версты. Протяженіе ея съ запада на востокъ составляетъ 10.000 верстъ. Достаточно сказать, что во владѣніяхъ Русскаго Царя солнце никогда не заходитъ: въ то самое время, когда на западѣ, на Прусской границѣ, оно заходитъ, и тамъ наступаетъ ночь, на дальнемъ востокѣ, на Великомъ океанѣ оно уже восходитъ, и здѣсь начинается день. Такимъ образомъ у Россіи, по ея пространству, нѣтъ соперницъ.

Вслѣдствіе этого Россія пользуется необычайнымъ разноб-

разіемъ климата (отъ жаркаго до холоднаго) и произведеній царствъ: минеральнаго, растительнаго и животнаго. У насъ есть все: и желѣзо, и каменный уголь, и золото, и драгоцѣнные камни, и нефть, и цѣлебныя минеральныя воды. Растительность Россіи даетъ почти все, начиная съ полярныхъ мховъ и кончая не только виноградомъ и хлопкомъ, но и пальмами и чайнымъ деревомъ. Животное царство представляетъ у насъ не малое разнообразіе, почему Россія дѣлаетъ огромныя поставки за границу по части драгоцѣнныхъ мѣховъ, разнообразной рыбы и проч.

Чрезвычайно важно, что природныя богатства нашей страны не только неистощены, но во многихъ случаяхъ едва еще початы и потому представляютъ необозримое поприще для народнаго труда и всѣ средства для удовлетворенія своихъ нуждъ, почему мы можемъ существовать безъ помощи другихъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія не нуждается въ пріобрѣтеніи новыхъ земель и въ колонизаціонномъ выселеніи своего народа въ чужія земли, которое стало необходимымъ для государствъ Западной Европы, гдѣ земель мало и гдѣ все тяжелѣе становится отъ густоты населенія.

Особымъ образомъ выдѣляется Россія изъ Европейскихъ государствъ своимъ населеніемъ. Изъ 135.000.000 подданныхъ Русскаго Царя 90.000.000 одной крови, одного языка и одной вѣры со своимъ Государемъ, между тѣмъ, какъ, напр., въ Великобританіи англичанъ всего 40.000.000 на 300.000.000 совершенно другого происхожденія подданныхъ, разбросанныхъ на далекихъ отъ Англіи пространствахъ.

Если Россія въ денежномъ отношеніи уступитъ нѣкоторымъ государствамъ запада, то все же ея земледѣліе, промышленность и торговля растутъ изъ года въ годъ, что доказывается сильнымъ ростомъ ея государственныхъ доходовъ, которые уже достигли 2 милліардовъ въ годъ и, за покрытіемъ государственныхъ нуждъ, могутъ давать значительные остатки. Безъ сомнѣнія, при трудолюбіи народа и покровительствѣ государственной власти, наше земледѣліе, промышленность и торговля будутъ развиваться и далѣе. Особенно этому содѣйствуетъ быстрое развитіе у насъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Вспомнимъ единственный въ мірѣ и строившійся подъ непосредственнымъ управленіемъ Самого Государя Императора великій желѣзно-дорожный путь черезъ Сибирь къ Великому океану.

Просвѣщеніе Россіи, путемъ быстраго умноженія школъ и

разныхъ образовательныхъ учрежденій, растетъ изъ года въ годъ. Вступивъ на самостоятельный путь своего національнаго развитія, оно уже выставило не мало выдающихся представителей русскаго генія, какъ въ искусствѣ и наукѣ, такъ и въ другихъ отрасляхъ образованности. Вамъ, конечно, извѣстны такія крупныя русскія имена, какъ—Пушкина, Гоголя, Глинки, Иванова (картина: явленіе Христа народу), Васнецова и многихъ другихъ представителей самобытнаго русскаго искусства, равныхъ представителямъ его у самыхъ образованныхъ народовъ запада. Не стану называть мало знакомыя вамъ имена самостоятельныхъ представителей русской науки. Но, повѣрьте, они свидѣтельствуютъ, что мы догоняемъ другіе образованные народы и въ дѣлѣ научныхъ познаній.

Россія, въ своемъ многочисленномъ и доблестномъ войскѣ, въ значительномъ флотѣ, представляетъ могучую военную силу, дающую намъ защиту и безопасность, сильную поддержку для нашихъ друзей и союзниковъ и составляющую опору справедливаго мира и для другихъ народовъ. Наши недавнія военныя неудачи на отдаленномъ востокѣ не могутъ поколебать созданную вѣками мощь Россіи.

Но надъ всѣми этими силами русскими, какъ ихъ главный двигатель, стоитъ единственная во всемъ мірѣ Власть Царская. Ея самодержавная, неограниченная мощь отличаетъ ее отъ власти западныхъ государей, ограниченныхъ и стѣсненныхъ въ своихъ дѣйствіяхъ. По мощи своей она равна власти древнихъ Римскихъ Цезарей-Императоровъ, но отличается тѣмъ, что имѣетъ для русскаго православнаго народа значеніе священное: это— власть Помазанника Божія, Сердце Котораго въ руцѣ Божіей. И нашъ народъ, не вступаясь во власть Государеву, видитъ въ ней олицетвореніе своего историческаго національнаго духа. Такъ относился народъ нашъ къ Царской Власти и тогда, когда государи, какъ бывало встарь, призывали изъ него лучшихъ людей для совѣта и разработки законодательныхъ вопросовъ.

Такова Россіи въ ея настоящемъ положеніи. Но оно основано, какъ на фундаментѣ своемъ, на ея историческомъ прошломъ. Безъ знанія его мы не поймемъ, какъ произошли Русское государство и русскій народъ, какъ развились они и достигли настоящаго своего положенія, что помогало и что препятствовало имъ въ ихъ жизни? Безъ рѣшенія же этого мы не можемъ рѣшать, какъ должно, вопросовъ о томъ, какъ намъ

дѣйствовать въ будущемъ. Исторія — это великая учительница жизни.

Серіозное изученіе Россіи въ ея настоящемъ и прошломъ интересуетъ теперь и иностранцевъ. Но для чужихъ людей она больше всего исполинская машина, которая можетъ или выработать полезные для нихъ продукты, или раздавить ихъ. Для лучшихъ и наиболѣе образованныхъ изъ нихъ, она — интересный предметъ научнаго изученія, какъ и другія могущественныя государства.

Для насъ же Россія — не то: для насъ она — святая родина, мать наша родная, мы—дѣти Россіи. Она дала намъ жизнь, она вскормила и вырастила насъ. Она создала намъ то великое государство, подъ сѣнью котораго мы живемъ и дѣйствуемъ, которое бережетъ насъ и даетъ силы для нашего труда. Она даетъ свои завѣты Царю-Отцу нашему, какъ править Его многомилліонными подданными, — Его величайшею семьею. Она учитъ вѣрноподданныхъ, какъ лучше выполнять свой долгъ, свои обязанности предъ Царемъ-Отцомъ и своимъ Отечествомъ. Можемъ ли мы съ холоднымъ любопытствомъ изучать, какъ иноземцы, свою родную Россію? Конечно, нѣтъ: живѣйшая и глубочайшая любовь одушевляетъ каждаго русскаго въ этомъ изученіи.

И прошлое Россіи должны изучать всѣ мы до единаго. и тѣ, кто несутъ на себѣ тяжкое бремя правленія Россіи и участвуютъ въ выработкѣ для нея законовъ, и тѣ, кто въ скромной трудовой долѣ работаютъ у сохи или держатъ въ рукахъ своихъ топоръ и пилу, или кузнечный молотъ, или подбрасываютъ каменный уголь въ фабричную печь.

Не думайте, что величіе Россіи создалось легко и скоро. Оно создавалось тяжкимъ тысячелѣтнимъ трудомъ.

Ярославъ Мудрый умирая говорилъ сыновьямъ своимъ, чтобы они берегли Русскую землю, и указывалъ на то, что отцы и дѣды стяжали ее своимъ трудомъ великимъ.

Да, тяжкимъ и страднымъ трудомъ, потомъ и кровью создавалось величіе и могущество Россіи. Много поту, слезъ и крови пролили государи наши, вмѣстѣ со своими вѣрными подданными, чтобы изъ разрозненныхъ племенъ и удѣльныхъ княжествъ создать одно Русское государство, единый Русскій народъ. Много костей своихъ пришлось собирателямъ Руси положить непостыдно, чтобы свергнуть съ Руси монгольское иго и возвести ее на степень Царства. Не мозолями только на рукахъ и на плечахъ, а тяжкимъ напряженіемъ всей своей души, ума и воли

возвелъ Петръ I свою Россію на степень Имперіи... Не ждите отъ русской лѣтописи, чтобы она утѣшала васъ одними радостными повѣствованіями. Многія страницы ея написаны слезами, а иныя—горячей кровью, текшей изъ израненной груди державныхъ правителей Россіи и ихъ подданныхъ.

Особенно удобно изучать Отечественную Исторію въ древнерусскихъ городахъ—такихъ, какъ Новгородъ Великій, Кіевъ, Владиміръ на Клязьмѣ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Ростовъ и многіе другіе, которые были свидѣтелями и участниками разнообраз-

Красная площадь въ Москвѣ.

ныхъ историческихъ событій и хранятъ въ себѣ множество ихъ драгоцѣнныхъ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ.

Но ваше особое счастье, что вы изучаете исторію Россіи въ сердцѣ Москвы, на ея Красной площади, у подножія ея многовѣкового Кремля, гдѣ стоитъ Историческій Музей *).

Дѣло вотъ въ чемъ. Тысячу лѣтъ существуетъ Русское государство и три четверти этого времени, семь съ половиной вѣковъ, Москва была свидѣтельницей событій Русской исторіи, а

*) Предлагаемыя лекціи были читаны рабочимъ въ находящемся на Красной площади Московскомъ Историческомъ Музеѣ.

изъ этого времени четыре вѣка (XIV, XV, XVI и XVII) Москва, какъ царствующій градъ, въ лицѣ ея государей, великихъ князей всея Руси и царей Всероссійскихъ, правила Россіей. Столица Имперіи Петербургъ, которому въ 1903 году минуло 200 лѣтъ съ его основанія, правитъ Россіей лишь два вѣка. Заслуживаетъ вниманія, что послѣ начальныхъ періодовъ нашей исторіи, подъ главенствомъ Новгорода, Кіева и Владиміра, Москва создала средину, сердцевину Русской Исторіи. Она написала самую большую скрижаль нашей исторіи. Она создала и самую важную часть ея, выработавъ изъ раздробленныхъ удѣловъ единую Россію, выковавъ Русское Царство, закаливъ единый національно - государственный духъ русскаго народа.

Само собой понятно, что нигдѣ въ Россіи не найдешь столько письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ Исторіи нашей, какъ въ Москвѣ. Многія ея лѣтописи, грамоты государей, разные государственные акты и огромное количество всевозможныхъ историческихъ бумагъ, до документовъ Отечественной войны 1812 года включительно, хранятся въ Москвѣ, въ ея великихъ и многоцѣнныхъ библіотекахъ, каковы: Патріаршая библіотека, архивы Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и Императорскаго Двора, Румянцевская библіотека и архивъ Министерства Юстиціи и друг. Большинство русскихъ историковъ XVIII и XIX столѣтій собрали множество матеріаловъ для своихъ многоцѣнныхъ трудовъ именно въ Москвѣ. Здѣсь у насъ работали великій русскій исторіографъ Карамзинъ и такіе знаменитые историки, какъ Погодинъ, Соловьевъ и Бѣляевъ. Да работаютъ у насъ и теперь выдающіеся историки—В. О. Ключевскій, Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ и многіе другіе.

Но не одними письменными памятниками нашей исторіи богата Москва. Не богаче ли она вещественными памятниками, увѣковѣчивающими и событія и дѣятелей исторіи? Правда сказано: «Москва въ своемъ составѣ вся сложена изъ памятниковъ своей исторіи. Ея Кремлевскія святыни, ея круговыя стѣны, каждое ея урочище, каждый храмъ, каждая улица и площадь хранятъ въ себѣ цѣлыя повѣсти о радостяхъ и печаляхъ этого средоточнаго города, объ его тревогахъ въ дни бѣдъ и общаго горя, общаго торжества, въ славные дни одолѣнія враговъ или избавленія отъ наступившей гибели (И. Е. Забѣлинъ)».

Скажу, что почти половину Русской исторіи можно обозрѣть

бѣгло по однѣмъ только надписямъ на гробницахъ почивающихъ въ Москвѣ историческихъ дѣятелей. Начните свое путешествіе съ Данилова монастыря, гдѣ покоятся мощи сына св. Александра Невскаго,—основателя Московскаго княжества, Даніила Александровича, и перейдите въ Кремль въ Архангельскій соборъ, затѣмъ въ Успенскій,—въ Чудовъ и Вознесенскій монастыри—и вы увидите здѣсь гробницы князей и княгинь, царей и царицъ, отъ временъ Іоанна Даніиловича Калиты до Петра I исключительно, найдете мѣста упокоенія всероссійскихъ митрополитовъ и патріарховъ, начиная съ общерусскаго первосвятителя Петра до послѣдняго патріарха Адріана.

Но это—не все, въ Москвѣ много громадныхъ и драгоцѣнныхъ хранилищъ древностей, каковы: Оружейная палата, Патріаршая ризница, Историческій и Румянцевскій музеи, ризницы соборовъ и монастырей. Въ нихъ вы можете наглядно ознакомиться съ древне-русскимъ бытомъ, съ его одеждами, вооруженіемъ, утварью и съ другими принадлежностями государственнаго и домашняго нашего обихода. Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ недавнее Свое пребываніе въ Москвѣ, въ 1902 году, показали поучительный примѣръ того, какъ русскимъ людямъ слѣдуетъ знакомиться съ этими драгоцѣнными и въ высшей степени интересными собраніями русскихъ историческихъ древностей. По Царскому примѣру, не одни москвичи, но и всѣ русскіе люди обязаны внимательно знакомиться съ святынями и древностями Москвы.

Въ рядѣ свѣтовыхъ картинъ изъ исторіи Москвы *), я покажу вамъ, въ быстрой смѣнѣ, что съ Красной площади и съ Кремлевскаго холма можно видѣть, въ даль вѣковъ, вереницу нашихъ московскихъ историческихъ дѣятелей и цѣлый рядъ великихъ историческихъ событій. Основанная Суздальскимъ княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ срединѣ XII вѣка, она, до основателя московскаго удѣльнаго княжества Св. Даніила Александровича, не была даже стольно-княжескимъ городомъ. Но вотъ Іоаннъ Даніиловичъ Калита, первый изъ собирателей Руси вокругъ Москвы, далъ ей значеніе обще-русское: потому что сталъ великимъ княземъ владимірскимъ и привлекъ сюда на жительство всероссійскаго митрополита Св. Петра. Слѣдующая картина пред-

---

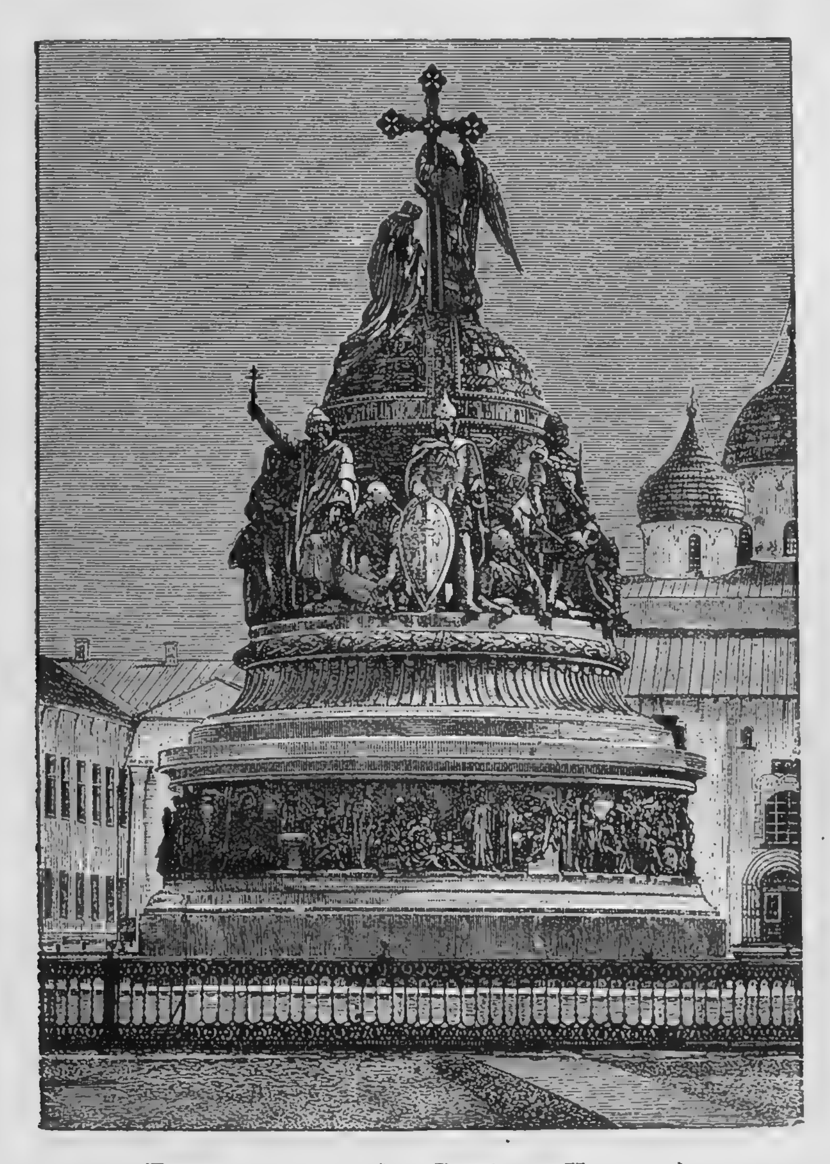
*) Въ концѣ изданія приложенъ подробный списокъ свѣтовыхъ картинъ, которыми были иллюстрированы настоящія чтенія.

ставляетъ вамъ внука Калиты, великаго князя Димитрія Іоанновича Донского, своей побѣдой надъ Мамаемъ на Куликовскомъ полѣ положившаго начало освобожденію Россіи отъ монгольскаго порабощенія. Встрѣча иконы Владимірской Богоматери въ княженіе Василія Димитріевича напоминаетъ намъ освобожденіе Россіи отъ страшнаго нашествія грознаго монгольскаго завоевателя Тамерлана. Изображенія Іоанна III и изгнанія имъ ханскихъ пословъ изъ Грановитой палаты рисуютъ намъ могущество единодержавной Москвы. Картины покоренія Казани и Сибири, при первомъ Русскомъ Царѣ—Іоаннѣ Васильевичѣ IV, свидѣтельствуютъ, что Россія уже стала грозной силой для азіатскаго востока, положила починъ въ такъ-называемомъ восточномъ вопросѣ. Изъ періода смутнаго выступаютъ предъ нами лики святѣйшаго патріарха Гермогена, своими грамотами поднявшаго Россію на освобожденіе ея отъ польскаго владычества, и князя Пожарскаго, положившаго своимъ вступленіемъ въ Кремль конецъ этому владычеству и внутренней смутѣ. Портреты двухъ Царей изъ дома Романовыхъ Михаила Өеодоровича и Алексѣя Михайловича и патріарховъ Филарета Никитича и Никона напоминаютъ намъ новую эпоху въ Русской Исторіи: въ царствованіе двухъ первыхъ представителей этой династіи разрушенная смутой Россія возродилась въ новой мощи и породила своего преобразователя въ лицѣ царевича Петра. Картина спуска имъ ботика въ скромную московскую Яузу говоритъ намъ, что здѣсь у насъ зародился планъ Петра I утвердиться на моряхъ, завести русскій флотъ и войти въ близкія отношенія съ Западной Европой и многими другими странами.

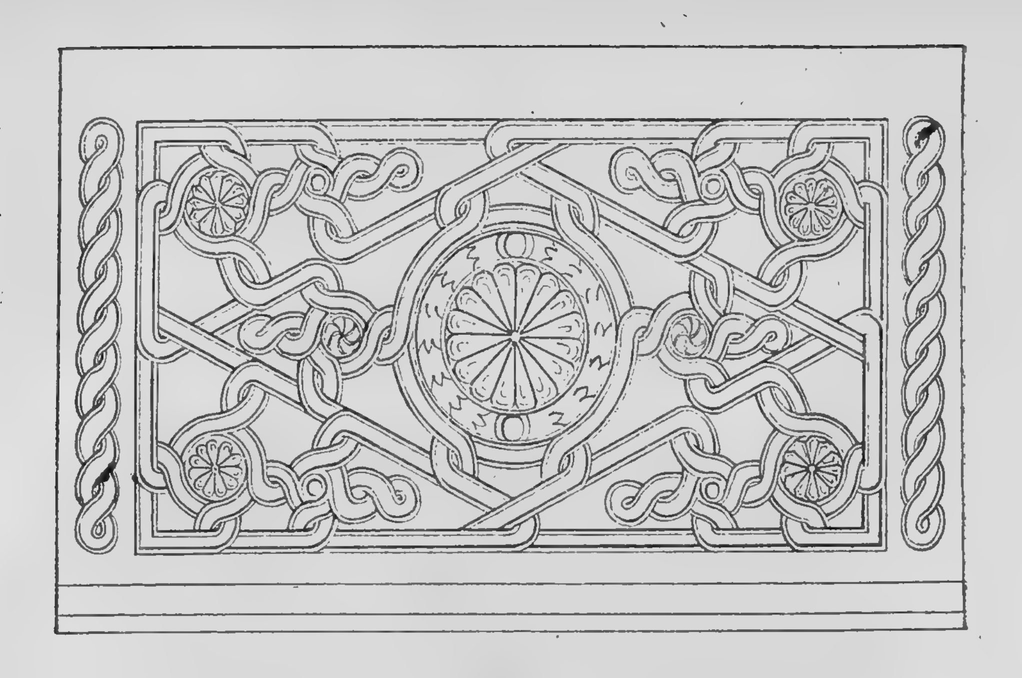
Изъ этихъ уже картинъ вы можете убѣдиться, какъ много видѣла эта Красная площадь, гдѣ вы слушаете это чтеніе, и этотъ сосѣдній Кремль, и вся Москва, и какъ много было сдѣлано для Россіи въ московскій періодъ ея исторіи, а также увидать, сколько можно узнать въ Москвѣ по части Русской Исторіи. Еще разъ совѣтую вамъ почаще осматривать московскіе памятники и хранилища древностей. Начните это ознакомленіе съ Историческаго музея, дающаго пріютъ нашимъ чтеніямъ. Длинный рядъ залъ его наполненъ древностями Россіи, въ каменный и бронзовый вѣка ея, въ періодъ скиѳскій и эпоху переселенія народовъ, въ періоды новгородскій, кіевскій, владимірскій и, наконецъ, московскій. Москвичи должны подавать примѣръ въ изученіи Отечественной исторіи по ея вещественнымъ памятникамъ

всѣмъ русскимъ людямъ, пріѣзжающимъ въ нашу древне-престольную столицу.

Начатый настоящимъ чтеніемъ курсъ, въ первомъ своемъ томѣ, обниметъ Русскую Исторію отъ основанія нашего государства до кончины Царя Алексѣя Михайловича, родителя Петра Великаго, закончившаго Московскій періодъ нашей исторіи и начавшаго новый.

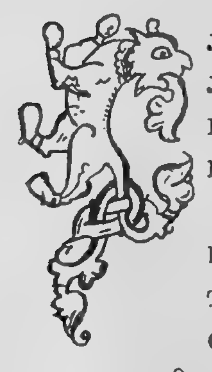

Памятникъ тысячелѣтія Россіи въ Новгородѣ.

2.

Начало Русскаго государства.—Государства и народы западной, южной и сѣверной Европы, въ особенности славянскіе—въ пору возникновенія государственной жизни у насъ.—Страна, въ которой образовалось Русское государство.—Ея народы.—Бытъ восточныхъ славянъ.—Сказаніе объ учрежденіи Русскаго государства.

лѣдующими словами открывается наша начальная лѣтопись: «се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду пошла есть Русская земля, и кто первѣе нача.... княжити».

И наше повѣствованіе о прошлыхъ вѣкахъ нашего отечества должно начать съ вопроса, откуда, т.-е. съ какого мѣста и времени началось государство Русской земли, кто были первыми въ ней государями?

ѿкудурускаꙗземлѧсталаесть:

Начальная лѣтопись, по Лаврентьевскому списку XIV вѣка.

Короткій отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: изъ земли восточныхъ славянъ, въ восточной половинѣ Европы, съ 862 года, т.-е. со второй половины IX вѣка. Но прежде чѣмъ дать отвѣтъ: кто

первѣе у насъ началъ княжить, намъ должно посмотрѣть, что дѣлалось въ западной, восточной и южной Европѣ въ это время, особенно у единоплеменныхъ намъ славянъ.

IX-й вѣкъ, когда основано было Русское государство, былъ примѣчательнымъ вѣкомъ для всей Европы. Въ началѣ его всѣ небольшія германскія или нѣмецкія государства, путемъ завоеваній франкскаго короля Карла Великаго, соединяются въ въ одно цѣлое, обнимавшее почти всѣ владѣнія павшей въ V вѣкѣ

Константинополь — (Царьградъ).

Западной Римской имперіи. Этотъ Карлъ Великій, кромѣ единоплеменныхъ ему нѣмцевъ, подчинилъ себѣ и говорившія латиноримскимъ языкомъ населенія нынѣшней Франціи, Италіи и Испаніи и часть западныхъ славянъ и, сознавая себя наслѣдникомъ Западной Римской имперіи, принялъ изъ рукъ римскаго папы въ самомъ городѣ Римѣ императорскую корону. Но не прочна была его имперія: въ нее входило слишкомъ много разныхъ народовъ не-германскаго происхожденія, разныхъ языковъ, даже болѣе образованныхъ, чѣмъ нѣмцы. При его слабыхъ преемникахъ эта имперія быстро слабѣетъ и распадается: говорившія

латино-римскимъ языкомъ страны, поглощая немногочисленныхъ нѣмцевъ, образуютъ романскія народности и государства Франціи, Италіи, послѣ Испаніи. Сами нѣмцы образовываютъ отдѣльныя владѣнія—герцогства, графства и т. п., едва признающія надъ собою власть германскаго короля. Западные славяне, жившіе по рѣкѣ Эльбѣ, по берегу Балтійскаго моря, въ поморьѣ (Померанія) и въ средней Европѣ, вслѣдствіе распаденія Карловой монархіи, почувствовали себя свободнѣе.

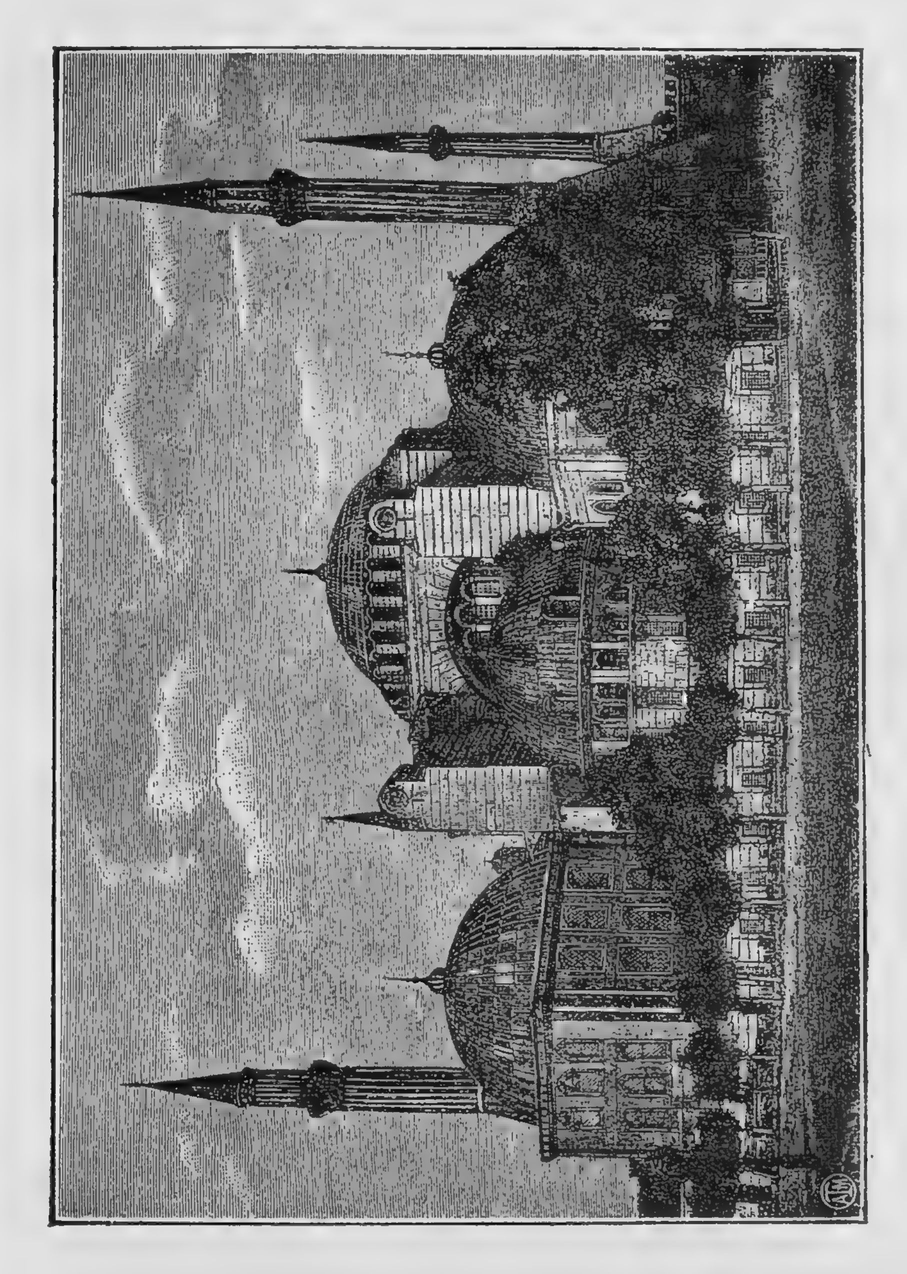
Посмотримъ, что въ это время происходило на югѣ Европы. Тамъ существовала Восточная Римская или Византійская имперія со столицей Константинополемъ, или Цареградомъ, съ владѣніями на Балканскомъ полуостровѣ, въ нынѣшней южной Россіи, гдѣ на Таврическомъ полуостровѣ, по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, было много старинныхъ греческихъ колоній *), въ южной Италіи и въ Малой Азіи. Къ IX вѣку эта прежде могущественная имперія ослабѣла, во-первыхъ, отъ внутреннихъ смутъ (борьба иконоборцевъ противъ православнаго почитанія иконъ, другихъ сектъ и проч.) и, во-вторыхъ, вслѣдствіе завоеванія арабовъ, у которыхъ въ VII вѣкѣ появилась новая религія Магомета, воинственные преемники котораго—калифы, соединивъ въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть, стали очень могущественны и завоевали у византійскихъ грековъ Египетъ, Палестину, или Святую Землю, Сирію и Месопотамію. Въ это время у патріарховъ константинопольскихъ начивается борьба съ римскими патріархами или папами. Послѣдніе незаконно присвоили себѣ на западѣ главенство надъ всѣми тамошними епископами и надъ всею западною церковью, сдѣлались свѣтскими государями въ Римѣ и его области и стали требовать, чтобы патріархи и епископы Восточной православной церкви подчинились имъ.

Какъ вслѣдствіе ослабленія западной Карловой имперіи почувствовали себя свободнѣе западные славяне, такъ вслѣдствіе ослабленія восточной греческой имперіи свободнѣе почувствовали себя южные славяне, съ Дуная растекшіеся по всему Балканскому полуострову до Македоніи и греческаго полуострова Мореи, каковы: болгары, сербы и хорваты.

---

*) Херсонесъ Таврическій, близъ нынѣшняго Севастополя, Пантикапея у Керченскаго пролива, Ольвія при устьяхъ Буга, Танаисъ при устьяхъ Дона и друг.

У них около того времени основываются государства, и начинается государственный порядокъ, государственная жизнь. У болгаръ являются свои князья, изъ которыхъ былъ могуществененъ въ IX вѣкѣ князь Борисъ или Богорисъ; у сербовъ пра-

Храмъ Св. Софіи въ Константинополѣ.

вятъ свои князья въ лицѣ жупановъ. Не отстаютъ отъ южныхъ славянъ и славяне средней Европы: у жившихъ на среднемъ Дунаѣ паннонскихъ славянъ появляется въ это время свой князь Коцелъ; моравскіе славяне тоже основываютъ государство, и у нихъ въ это время княжитъ могущественный Ности-

славъ; у чеховъ правилъ Буривой, у поляковъ, жившихъ на Вислѣ и Вартѣ, тоже развивается государственная жизнь и появляются свои князья изъ рода Пяста.

Но съ зарей государственной жизни для южныхъ славянъ и для ихъ единоплеменниковъ въ другихъ странахъ Европы загорается и свѣтъ христіанства и неразрывно съ нимъ свѣтъ письменнаго и книжнаго просвѣщенія: въ юныя государства славянскія, какъ разъ во второй половинѣ IX вѣка, являются великіе апостолы и первоучители славянскіе, св. братья Кириллъ и Меѳодій. Изучивъ съ дѣтства на родинѣ своей Македоніи славянскій языкъ, въ ту его пору, когда, по выраженію нашего начальнаго лѣтописца, «бѣ словенескъ языкъ единъ» для всѣхъ славянъ, святые братья изобрѣтаютъ для всего нашего племени славянскую азбуку—кириллицу, переводятъ съ греческаго языка Евангеліе и другія книги Священнаго Писанія и книги православнаго богослуженія, полагая тѣмъ важное начало общеславянской письменности. Люди большой знатности, глубокіе ученые, равныхъ которымъ не могъ выставить тогдашній западъ Европы, они съ апостольской простотой проповѣдуютъ Христово ученіе славянамъ моравскимъ и паннонскимъ, разсылая своихъ учениковъ и въ Чехію, и въ Болгарію, и въ Польшу, которая тоже первоначально приняла восточное православіе и кириллицу. Но намъ, восточно-русскимъ славянамъ, хотя св. братья были и на нижней Волгѣ у хазаръ и на Таврическомъ полуостровѣ, не суждено было слушать ихъ проповѣдь и изъ ихъ рукъ пріять славянскую грамоту. Въ то время у насъ еще не было государства и государственнаго порядка, и мы уже по смерти первоучителей славянскихъ получили ихъ драгоцѣнную обще-славянскую письменность.

Изъ средней Европы перейдемъ на ея сѣверъ.

На полуостровахъ Скандинавскомъ и Ютландскомъ жили племена германскаго происхожденія: шведы (по нашей лѣтописи, свеи), норвежцы (урмане) и даны. На западѣ ихъ называли норманнами (сѣверными людьми), у насъ и у грековъ—варягами. Эти норманны обладали удивительной неустрашимостью и предпріимчивостью. Изъ младшихъ братьевъ, которые не наслѣдовали отъ отцовъ земель, составлялись особыя дружины удальцовъ-витязей, добывавшія себѣ средства къ существованію войной. Они сами дѣлали себѣ лодки, выбирали себѣ морского короля, или викинга, и въ IX и X вѣкахъ совершали изумитель-

ныя плаванія по морямъ и рѣкамъ. Въ своихъ пѣсняхъ они пѣли, что вѣтеръ и бури несутъ и гонятъ ихъ туда, куда они сами хотѣли плыть. Они заселили Исландію и оттуда задолго до Колумба плавали къ берегамъ Америки; они появлялись и

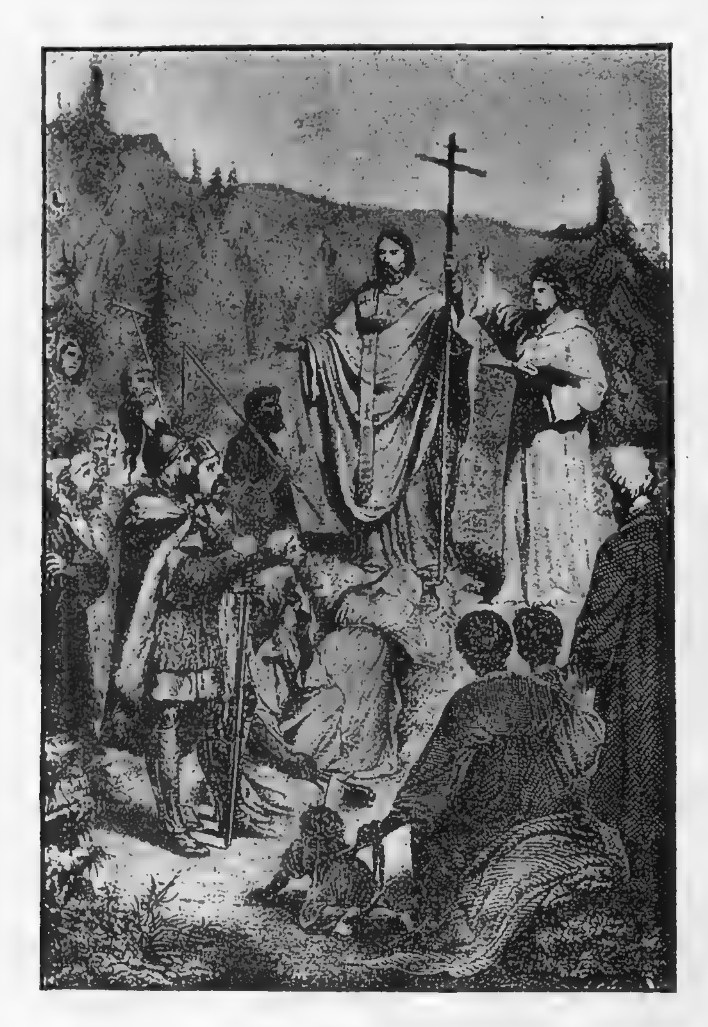

С҃тые равноапостольные
первоучителіе словѣнскіе

въ Сициліи, и въ Византіи, и даже въ Святой Землѣ. Въ ту и послѣдующую эпоху завоевывали они цѣлыя страны: долго владычествовали въ Британіи; во Франціи покорили себѣ тотъ

полуостровъ, который до сихъ поръ называется Нормандіей, завоевали южную Италію и Сицилію. Съ ними-то много пришлось имѣть дѣла и нашимъ восточнымъ славянамъ.

Обращаясь на родной нашъ востокъ Европы, мы видимъ, что страна, въ которой жили наши предки и гдѣ образовалось Рус-

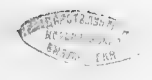
Св. Кириллъ и Меѳодій проповѣдуютъ славянамъ.

ское государство, составляетъ огромную равнину, ограниченную тремя горными хребтами: Карпатскимъ, Кавказскимъ и Уральскимъ, и четырьмя морями: Балтійскимъ моремъ, Ледовитымъ океаномъ, Чернымъ (вмѣстѣ съ Азовскимъ) и Каспійскимъ морями. Только въ срединѣ эта равнина поднимается въ видѣ плоской возвышенности, высшій подъемъ которой называется Алаунской плоской возвышенностью. Отсюда берутъ свое начало самыя большія рѣки Россіи, направляющіяся по склонамъ, спускающимся къ тремъ мо-

РОССІЯ ВЪ IX ВѢКѢ.

Изъ атласа Древней Русской Исторіи М. П. Погодина.

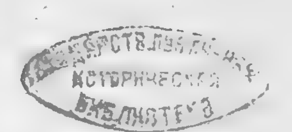

рямъ: Днѣпръ—къ Черному, Волга—къ Каспійскому, Западная Двина—къ Балтійскому. Чрезъ Волховъ и Ладожское озеро этотъ центръ страны связывается, при посредствѣ Сѣверной Двины, съ водной системой Бѣлаго моря. Рѣки представляли да и теперь представляютъ отличные пути, связующіе окраины съ центромъ этой равнины, дающей прекрасныя условія для образованія на ней одного государства, для разселенія одного великаго народа.

Не стану вамъ разсказывать, какъ, по описанію греческаго историка Геродота, жили здѣсь еще до Рождества Христова скиѳы и другіе народы. Со скиѳскими курганами и другими древностями можно будетъ послѣ познакомиться, особенно при помощи богатыхъ собраній скиѳскихъ памятниковъ въ нашемъ Историческомъ музеѣ. Пройду молчаніемъ и жившихъ здѣсь въ IV вѣкѣ остготовъ и аланъ, покоренныхъ пришедшими изъ Азіи страшными завоевателями гуннами, что было началомъ великаго переселенія народовъ.

Въ IX столѣтіи, когда возникло Русское государство, главными поселенцами этой страны были славяне, пришедшіе сюда изъ Прикарпатской, а, по сказанію нашей начальной лѣтописи, изъ Придунайской страны. У озера Ильменя и по Волхову жили словене; по Западной Двинѣ и верхнему Днѣпру — кривичи; часть ихъ называлась полочанами, рѣчки ради Полоты; отъ Березины до Припяти—дреговичи; между Днѣпромъ и Сожью—радимичи; по Днѣпру отъ Десны до Сулы—сѣверяне; по Днѣпру до Роси—поляне; по Припяти, Горыни, Случу и Тетереву—древляне; по Западному Бугу—волыняне (бужане, дулѣбы); въ степяхъ черноморскихъ отъ Днѣпра до Дуная—уличи и тиверцы; въ горахъ Карпатскихъ—хорваты; самымъ сѣверо-восточнымъ славянскимъ племенемъ были вятичи, жившіе по Окѣ.

Сосѣдями славянъ по Нѣману и Западной Двинѣ были близкіе къ славянамъ по языку и происхожденію литовцы (литва, жмудь, пруссы, летгола, или латыши). Сѣверъ и сѣверо-востокъ занимали финны (чудь—въ Эстляндской губерніи, водь въ Петербургской, весь—на Бѣломъ озерѣ, меря—въ губерніяхъ Московской и Владимірской, мурома—на Окѣ, мещера, черемисы, мордва—по Волгѣ). Отъ Волги до Урала жили зыряне (Пермь или Біармія). На нижней Камѣ жило тюркское, очень торговое племя—болгары. Между Дономъ и Волгой жили хазары, народъ тоже тюркскій и торговый. Ихъ правители-коганы исповѣдывали еврейскую вѣру, столицею ихъ былъ городъ Итель на устьяхъ Волги. Такъ индо-

европейское племя славянъ въ предѣлахъ нашего отечества соприкасалось съ народами азіатскаго востока.

Бытъ восточныхъ славянъ въ IX вѣкѣ нельзя представлять себѣ бытомъ дикарей, пользующихся каменными орудіями: топорами, ножами и стрѣлами, выдѣланными изъ камня. Въ это время они уже не были и кочевниками, употреблявшими бронзовыя орудія: они жили осѣдло и строили не шалаши, а дома и имѣли нѣсколько городовъ. Главный капиталъ ихъ состоялъ не въ стадахъ и табунахъ; хозяйство ихъ было основано на обработкѣ земли. Объ однихъ древлянахъ лѣтопись говоритъ, что они «живяху звѣринскимъ образомъ», т. е. занимаясь звѣроловствомъ, охотой, были грубы въ своихъ нравахъ, но и о нихъ же лѣтопись прибавляетъ, что они «дѣлаютъ нивы своя и земли своя». Страны, въ которыхъ приходилось жить и пахать славянамъ, были лѣсныя, поэтому у нихъ развиваются и лѣсные промыслы: охота за пушными звѣрями—куницами, горностаями, соболями, лисицами и др., пчеловодство, плотничное ремесло, въ особенности дѣланіе лодокъ. Кіевскій князь Святославъ, желая поселиться на Дунаѣ, говорилъ: «хочу жити въ Переяславцѣ на Дунаѣ, яко ту есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся». Перечисляя далѣе все привозимое туда изъ Греціи и Рима и разныхъ странъ, прибавляетъ: «изъ Руси же—скора (шкуры мѣховыя), медъ, воскъ и невольники». Это уже другая сторона хозяйственной жизни славянъ — торговля. Она велась нашими предками по двумъ великимъ воднымъ путямъ: одинъ велъ отъ «варяговъ въ греки», чрезъ Балтійское море, Неву, Ладожское озеро, Волховъ, Ильмень, Ловать, затѣмъ Днѣпръ, въ Черное море, къ самому Цареграду. Другой—изъ того же Балтійскаго моря, при посредствѣ разныхъ рѣкъ, въ Волгу, оттуда въ Каспійское море—въ Персію и къ арабамъ. О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мы можемъ судить по множеству большихъ монетныхъ кладовъ VIII и IX вѣковъ, находимыхъ въ областяхъ нашихъ великихъ рѣкъ. Напр., у Великихъ Лукъ найденъ былъ большой монетный кладъ, оцѣненный въ 7 тысячъ рублей. Возможность зарыть въ одномъ кладѣ столько цѣнностей показываетъ, что уже въ то время въ восточной Европѣ торговля велась большими капиталами и сосредоточивалась въ немаловажныхъ городахъ.

Торговля въ это время сильно кипѣла въ Новгородѣ, куда стекались варяжскіе купцы, и откуда славянскіе купцы, въ родѣ

былиннаго Садка, богатаго гостя, плавали, какъ сказывается въ былинѣ о немъ, съ Волхова въ Ладожское озеро, съ Ладожска въ Неву-рѣку, а съ Невы рѣки въ сине-море. Огромными караванами спускались лодки однодеревки по Днѣпру, мимо Смоленска къ Кіеву, нагруженныя товарами. Отъ Кіева, миновавъ днѣпровскіе пороги, спускались въ Черное море, гдѣ славяне торговали и съ крымскими греками, и съ Малой Азіей, и съ самимъ Царь-городомъ. Отсюда шли обратно, размѣненные на дорогіе мѣха, медъ, воскъ и невольниковъ, золотыя издѣлія, шелковыя ткани, или паволоки, вино, кольчуги и панцыри и другое оружіе. Съ запада приходили къ намъ другіе товары, какъ серебряныя издѣлія, кони и проч.

Занимаясь охотой, земледѣліемъ и торговлей, славяне отличались мирнымъ характеромъ, не составляя, какъ народы германскіе, постоянныхъ военныхъ дружинъ, оставлявшихъ весь хозяйственный и земледѣльческій трудъ на рукахъ женщинъ и рабовъ и обращавшихъ войну и завоеванія въ постоянное свое ремесло. Но миролюбіе славянъ не лишало ихъ храбрости. Въ случаяхъ нападенія враговъ, они мужественно защищали свои земли и жилища. Однако это миролюбіе, а особенно разъединеніе восточныхъ славянъ на отдѣльныя племена, раздоры среди нихъ, показывавшіе отсутствіе государственнаго порядка, дѣлали ихъ слабыми, и они должны были подчиняться своимъ болѣе воинственнымъ сосѣдямъ. Жившіе на сѣверѣ славяне и кривичи платили вслѣдствіе этого дань варягамъ, а южные, какъ поляне и сѣверяне—хазарамъ.

Не должно однако и въ до-государственное время представлять себѣ восточныхъ славянъ въ видѣ,какихъ-то разсыпчатыхъ массъ, не связанныхъ никакими союзами. У нихъ были родовые союзы,—соединеніе родственныхъ семействъ. Каждый родъ жилъ особо, сообща владѣя землями и другимъ имуществомъ, управляясь своими старшими въ родѣ, имѣвшими власть надъ своими сородичами. Но родовое начало у славянъ не такъ сильно развилось, какъ, напримѣръ, у евреевъ, въ ихъ колѣнахъ, или у римлянъ, въ ихъ родовыхъ куріяхъ и трибахъ. Къ роду славяне принимали и чужихъ сосѣднихъ людей, давая имъ права владѣнія и участіе въ выборѣ старшинъ. Такимъ образомъ, возникли у нихъ управлявшіяся сходами своихъ старшинъ общины или верви; изъ такихъ общинъ слагались волости. Изъ этихъ близкихъ по роду своему волостныхъ населеній слагались племенные союзы (полянъ, древлянъ, сѣверянъ

и т. д.). Въ этихъ племенныхъ союзахъ имѣли большое значеніе города, какъ племенные центры: Новгородъ у ильменскихъ славянъ, Смоленскъ и Полоцкъ у кривичей, Кіевъ у полянъ, Черниговъ у сѣверянъ, Искоростень у древлянъ. Эти большіе племенные центры господствовали надъ окрестными обитателями: городамъ подчинялись волости не только одноплеменныя, но и инородческія, какъ, напр., новгородцамъ подчиняются финскія волости веси, мери и другія.

Что же мы видимъ въ городскихъ обществахъ предъ временемъ основанія обще-государственнаго союза племенъ? Мы видимъ здѣсь разслоеніе населенія на два класса: младшихъ и старшихъ людей (старцы градстіи), выдѣлявшихся изъ общей массы и родовитостью или дородствомъ, и земельнымъ, и торговымъ богатствомъ. Изъ этого класса возвышаются и отдѣльныя лица, на что указываетъ вліяніе въ Новгородѣ предъ временемъ призванія Рюрика Гостомысла, подавшаго объ этомъ совѣтъ новгородцамъ. Изъ подобнаго же рода людей, вѣроятно, выходили и племенные князья въ родѣ Мала древлянскаго и Рогвольда у полочанъ. Это уже — носители государственной монархической власти. Но рядомъ съ такимъ стремленіемъ къ устроенію монархическаго государства проявлялось у восточныхъ славянъ народовластіе на вѣчахъ городскихъ. Лѣтопись говоритъ объ этихъ большихъ, по сравненію со средними, въ общинахъ (вервяхъ), вѣчахъ, что «новгородцы бо изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти (волости), якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ».

Но все, что устраивалось у восточныхъ славянъ ихъ родовыми начальниками, сходками на вервяхъ и въ волостяхъ, на вѣчахъ въ городахъ, что дѣлалось старцами и даже племенными начальниками-князьями, было слишкомъ плохо. Славяне, при единствѣ языка, при общности земледѣльческихъ, торговыхъ и промысловыхъ занятій, при обширной и богатой землѣ, не въ силахъ были объединить отдѣльныя племена въ одинъ народъ, не могли даже отстоять свою независимость отъ своихъ сосѣдей, и, что главное, не могли установить у себя внутренняго порядка, внутренней безопасности и правды. Лѣтопись рисуетъ коротко, но ясно всю анархію, господствовавшую въ IX столѣтіи у славянъ: «брали дань варяги изъ-за моря на чуди, словенахъ (новгородскихъ), мери, веси, на кривичахъ; а хазары брали на по-

лянахъ, сѣверянахъ, радимичахъ и вятичахъ, брали по горностаю и бѣлкѣ отъ дыма». Далѣе подъ 862 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань варягамъ, изгнали ихъ за море, не дали имъ дани и начали сами у себя владѣть. Но владѣли дурно, не могли установить внутренняго порядка: «не было у нихъ правды», продолжаетъ лѣтописецъ, «всталъ родъ на родъ, начались усобицы». Не было правды, т.-е. безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять; не было власти, которая бы прину-

Призваніе князей въ 862 году.

дила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. Словене, кривичи и финскія племена не нашли возможнымъ какими-либо измѣненіями въ устройствѣ своего вѣча или народовластія установить у себя государственный порядокъ и рѣшились обратиться къ устроенію у себя порядка монархическаго, государственнаго, къ учрежденію государства, къ передачѣ Верховной Власти надъ собою Государю-Монарху. Собравшись на общее совѣщаніе, эти племена порѣшили такъ: «поищемъ себѣ князя, который бы вла-

дѣлъ нами и судилъ по праву». Они отправили пословъ за море къ дружественному племени—варягамъ—руси и наказали своимъ уполномоченнымъ передать имъ слѣдующія слова: «земля наша велика и обильна, но порядку въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами».

Это было въ 862 году. Приглашеніе было принято княжескимъ родомъ, во главѣ коего стоялъ Рюрикъ, съ двумя братьями Синеусомъ и Труворомъ. Онъ взялъ съ собою въ новооснованное государство, кромѣ этихъ своихъ братьевъ, весь свой родъ,—князей сущихъ подъ рукою его и великихъ и свѣтлыхъ бояръ, составлявшихъ его старшую дружину, и тѣхъ, кто были дружинниками младшими.

Такимъ образомъ, Рюрику и его потомству вручена была Верховная Власть словенами, кривичами и весью надъ самими собою. Они первые организовали наименованное Русскимъ государство, обязались подчиняться уставамъ, суду и управленію Государя—князя. Государь, устанавливая власть и порядокъ государственный, судъ и расправу, становился и защитникомъ своихъ подданныхъ отъ внѣшнихъ враговъ,—вождемъ ихъ вооруженныхъ силъ. Скоро родъ Рюрика подчинилъ себѣ и остальныя племена восточныхъ славянъ, введя ихъ въ единое Русское государство, составивъ изъ нихъ одну Русскую землю, одинъ Русскій народъ.

Глубже всматриваясь въ исторію происхожденія Русскаго государства, мы видимъ, что оно въ своемъ началѣ не похоже на западно-европейскія государства. Тѣ основаны были тоже пришельцами, среди чужихъ имъ племенъ, но не по добровольному ихъ призванію, а завоеваніемъ. Приходили римскіе легіоны въ Галлію, Германію, Британію, Иберію или Испанію, силою оружія покоряли себѣ мѣстные народы, дѣлали ихъ римскими подданными, вводили у нихъ римское государственное управленіе. То же было и съ германцами: приходили они военными дружинами, съ своими герцогами и королями, во владѣнія Западной Римской имперіи и, покоривъ силою мѣстные народы, обращали ихъ въ своихъ подданныхъ и установляли у нихъ свои германскіе порядки.

Знаемъ мы на западѣ случай добровольнаго призванія государей изъ чужой страны, именно въ Британіи. Здѣсь бриты, когда отъ нихъ были отозваны въ Римъ его легіоны, стали подвергаться нападеніямъ воинственныхъ пиктовъ и скоттовъ. Не будучи въ силахъ справиться съ ними, они для отраженія ихъ

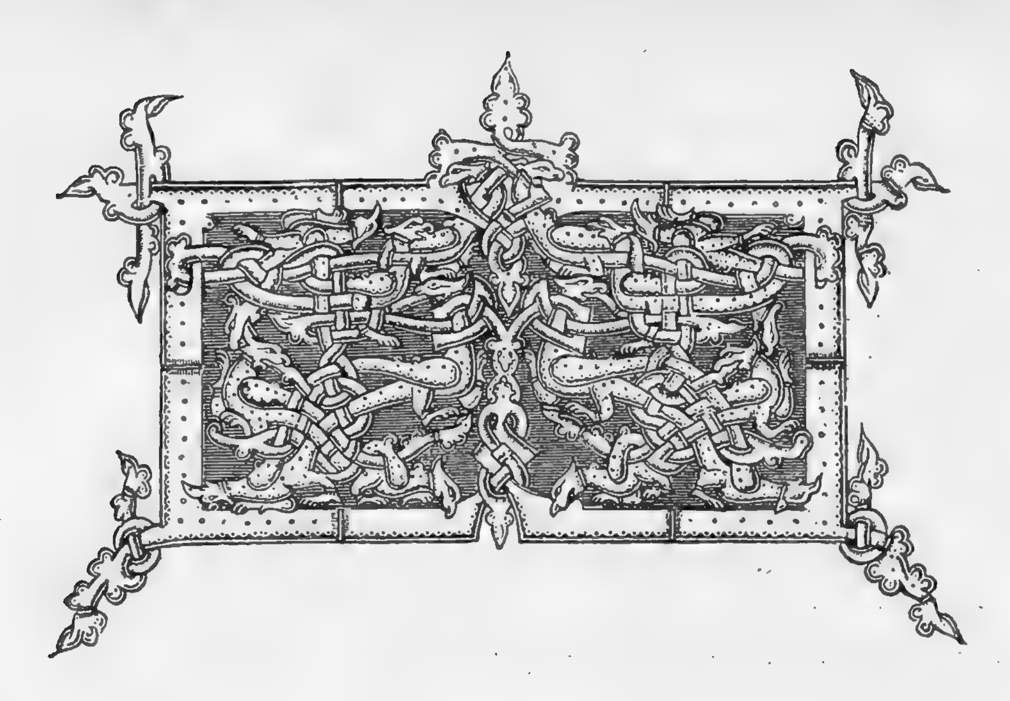
отправили за море пословъ почти съ такими словами, какъ у насъ *), звать англо-саксовъ съ ихъ королями Генгистомъ и Горзой, чтобы они защитили ихъ, обязуясь подчиняться ихъ власти въ землѣ своей. Тѣ пришли къ нимъ, но, отразивъ пиктовъ и скоттовъ, покорили самихъ бритовъ навсегда и остались, вопреки ихъ волѣ, властвовать надъ ними, сдѣлавъ свое временное государствованіе постояннымъ. И въ такомъ основаніи англо-саксами государства въ Британіи мы видимъ нѣчто иное, по сравненію съ началомъ государства у насъ.

Эта особенность въ самомъ происхожденіи нашего государства отразилась, какъ увидимъ далѣе, особенностями и въ дальнѣйшемъ его развитіи, что выдѣляетъ наше отечество изъ ряда другихъ государствъ въ Европѣ.

Новгородъ. Софійская сторона.

*) Саксонскій лѣтописецъ (X вѣка) Видукиндъ писалъ, что бриты чрезъ своихъ пословъ сказали англо-саксамъ: „они поручаютъ (сказать), чтобы земля, обширная и великая и изобиліемъ всего богатая, повиновалась вашей власти“.

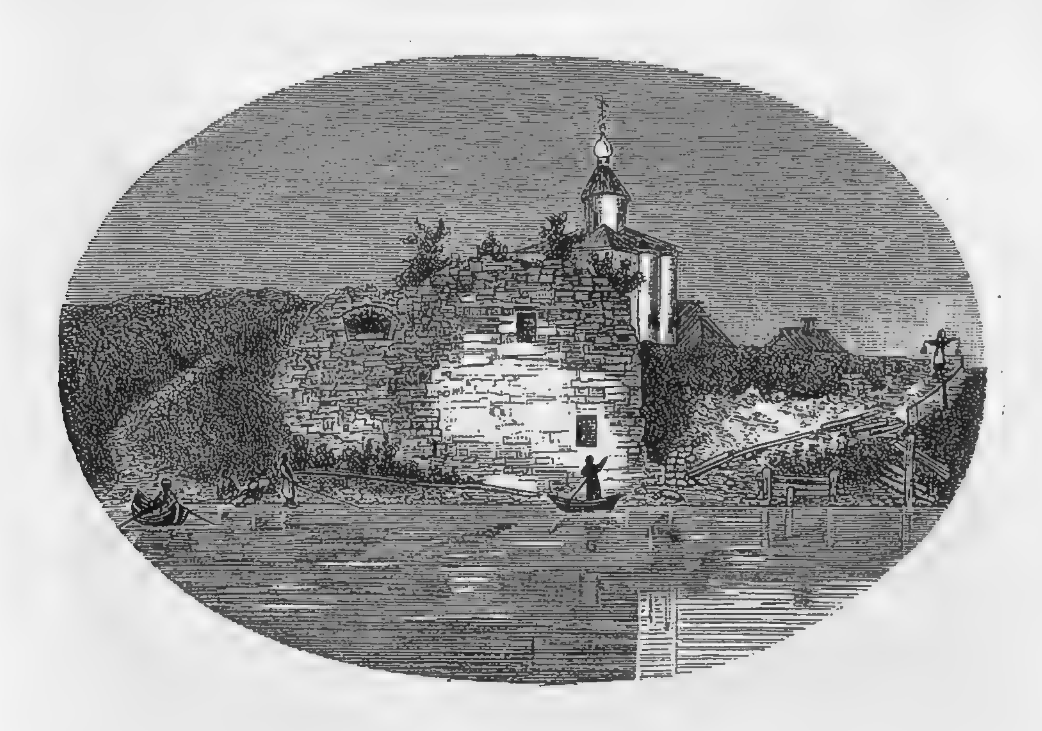
3.

Что было бы, если бы восточные славяне не основали въ IX вѣкѣ своего государства? — Княженіе Рюрика, Аскольдъ и Диръ. — Олегъ, включеніе имъ въ составъ Русскаго государства другихъ восточныхъ славянъ. Его походъ на Византію и договоры съ греками. Смерть Олега.

Прошлый разъ мы окончили наше чтеніе словами о добровольномъ призваніи славянами новгородскими и кривичами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими племенами, Государя, въ лицѣ Рюрика, въ 862 году, и въ этой добровольности отмѣтили отличіе происхожденія Русскаго государства отъ возникновенія западныхъ — романо-германскихъ государствъ, основанныхъ путемъ завоеванія, — отличіе, которое отразилось и на дальнѣйшемъ ходѣ нашей исторіи, во всѣхъ отношеніяхъ нашего народа къ нашему государству, къ Верховной въ немъ Власти.

Теперь мы перейдемъ къ объясненію значенія этого важнѣйшаго, основного факта нашей исторіи. Подумайте, что сталось бы съ восточными славянами, если бы у нихъ во второй половинѣ IX вѣка не пробудился здравый государственный смыслъ, и они не пришли бы къ рѣшенію найти себѣ князя—государя который бы владѣлъ ими и судилъ ихъ по праву, т. е. если бы они не учредили у себя государства? Отвѣтъ на это заключается въ тѣхъ словахъ нашей начальной лѣтописи, коими характери-

зуется до-государственное житье нашихъ предковъ. При ихъ племенномъ вѣчевомъ укладѣ продолжались бы та же неправда и тѣ же усобицы, которыя дѣлали ихъ слабыми и ихъ великую и обширную землю жертвой завоеваній сосѣдей. Надъ сѣверными изъ славянскихъ племенъ всегда господствовали бы германцы—норманны, надъ южными, какъ полянами, сѣверянами, вятичами, радимичами, — хазары и другія азіатскія племена. Безъ своего государства восточные славяне были бы подавлены своими азіатскими и европейскими сосѣдями.

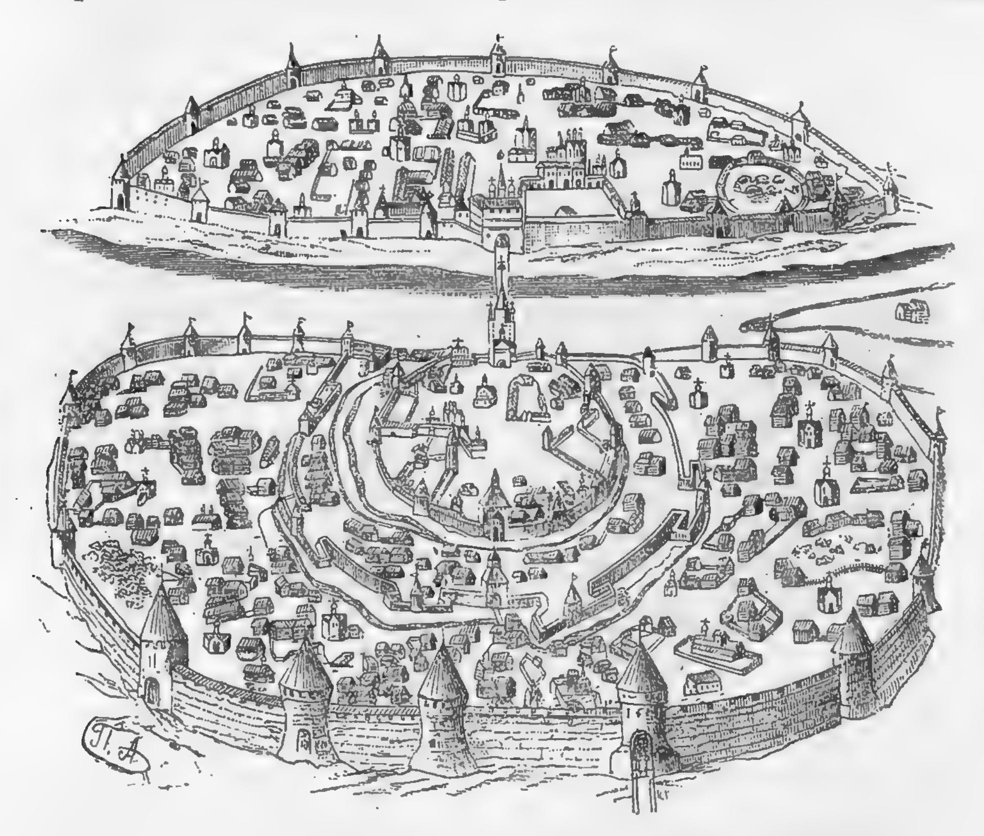

Крѣпость въ Старой Ладогѣ.

При чуждой же власти завоевателей въ нашей великой и обильной землѣ, съ теченіемъ времени, племена восточныхъ славянъ могли бы утратить и самый свой языкъ и племенныя особенности и вполнѣ слиться съ своими завоевателями, какъ то сталось съ нѣкоторыми изъ западныхъ славянъ. Полабскіе славяне, сербы лужицкіе, бодричи, лютичи и поморяне, не образо вавшіе своихъ самостоятельныхъ славянскихъ государствъ, будучи покорены нѣмцами, утратили съ теченіемъ времени всѣ черты своего славянства, были онѣмечены, а ихъ славянскіе города до сихъ поръ носятъ нѣмецкія имена: Липецкъ называется Лейпцигомъ, Бранный Боръ—Бранденбургомъ, Щетинъ—Штэттиномъ и т. д.

Прочное же установленіе на югѣ азіатскаго государства хазарскаго ли, печенѣжскаго, или половецкаго, вмѣсто европейскаго славяно-русскаго, сдѣлало бы и всю Европу болѣе доступною для вторженій азіатскихъ народовъ. Между тѣмъ, созданіе и существованіе Русскаго государства на рубежѣ Европы и Азіи поставили крѣпкій оплотъ и защиту для всѣхъ европейскихъ народовъ: «мы искупили, говоритъ Пушкинъ, своею кровью Европы вольность, честь и миръ»...

Переходя къ изложенію исторіи государственнаго правленія

Планъ Новгорода, съ древней иконы.

первыхъ князей, которые, по происхожденію своему изъ племени Руси, дали названіе новому государству, сложившемуся у восточныхъ славянъ, Русскаго государства, мы должны рѣшить еще вопросъ: почему славяне не выбрали изъ своей среды, а рѣшили найти себѣ князя на сторонѣ?

На этотъ вопросъ должно отвѣтить: вражда родовъ и общинъ у славянъ и кривичей была такъ велика и привычка къ безнарядью такъ сильна, что трудно было избрать такого своего князя, который былъ бы любъ всѣмъ враждующимъ родамъ и племенамъ и былъ бы въ силѣ подняться надъ привычными безпо-

рядками до твердаго и сильнаго порядка, до суда праваго и безпристрастнаго. Враждующія стороны обыкновенно ищутъ себѣ третейскаго судью среди людей, стоящихъ внѣ ихъ распрей и волненій.

О первомъ князѣ Рюрикѣ мы знаемъ мало. Приплывъ по Варяжскому морю въ Неву и Ладожское озеро, онъ при впа-

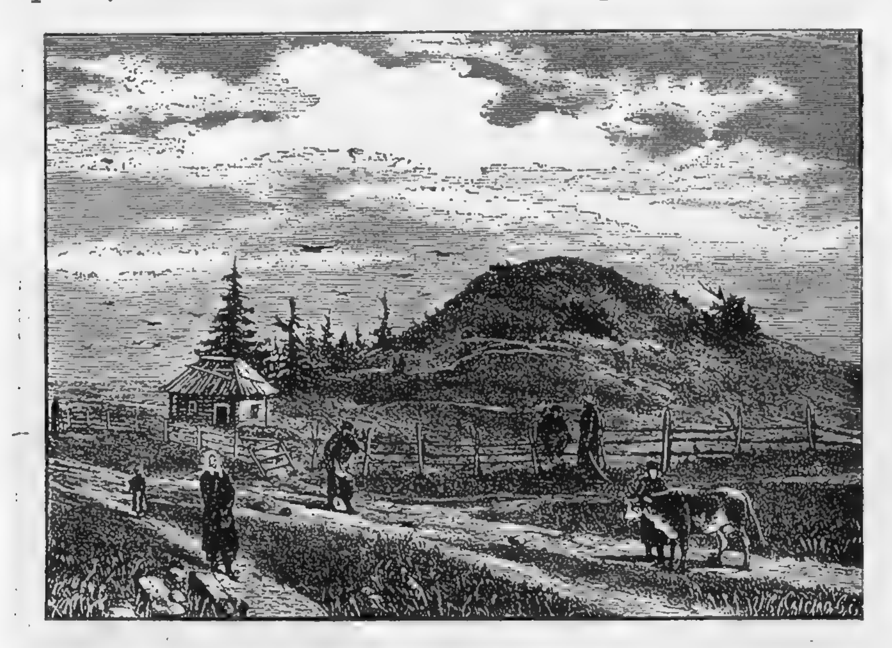

Городъ Изборскъ.

деніи въ него рѣки Волхова закладываетъ въ Ладогѣ крѣпость (кремль), до сихъ поръ слывущую Рюриковой, и отсюда начинаетъ княжить и владѣть у призвавшихъ его на государство племенъ; своему брату Синеусу даетъ городъ Бѣлозерскъ (у веси), а Трувору — Изборскъ (у кривичей). Но они имѣли значеніе князей, какъ говоритъ договоръ Олега съ греками, сущихъ подъ его рукою, какъ бы удѣльныхъ; самъ же Рюрикъ среди нихъ является главнымъ или велимъ княземъ. Вѣдь, славяне рѣши-

лись искать себѣ не троихъ князей, а одного; они сказали: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву». Если же изъ племени варяговъ — руси въ отвѣтъ на это избрались три брата, то это зависѣло отъ ихъ варяжнаго строя и отъ ихъ обычая, а не отъ тѣхъ племенъ, кои рѣшились учредить у себя государство, основанное на единовластіи одного государя, не на многодержавіи разныхъ князей.

Чрезъ два года, въ 864 году, умираютъ Синеусъ и Труворъ, и Рюрикъ, оставшись одинъ княземъ, перешелъ въ Новгородъ,

Курганъ Синеуса.

гдѣ срубилъ, какъ въ Ладогѣ, городъ *) или крѣпость и сталъ раздавать въ управленіе города своимъ старшимъ дружинникамъ, или „мужамъ“, отъ коихъ отличались младшіе дружинники, именовавшіеся отроками. Подобное дѣленіе на старшихъ и младшихъ было и среди горожанъ, гдѣ, какъ вы знаете, были выдающіеся по своему положенію, какъ мужи въ дружинѣ княжей, старцы градскіе и мужики въ селеніяхъ; но старцы и мужики могли быть, по возрасту, молоды, тогда какъ молодшіе, по значенію, люди могли быть стариками по лѣтамъ. Такіе-то мужи княжеской дружины назывались свѣтлыми боярами, и имъ Рюрикъ сталъ раздавать въ управленіе города: одному далъ Полоцкъ (у кривичей), другому Ростовъ (у мерянъ), третьему Бѣлоозеро (у веси).

Но среди дружины Рюрика оказались недовольные. Изъ нихъ двое мужей, не родныхъ ему, по имени Аскольдъ и Диръ, не по-

*) Городомъ называлось мѣсто, огороженное стѣнами, деревянными или каменными.

лучивъ намѣстничества въ городахъ, пользуясь свободой ухода изъ дружины, отпросились у князя идти въ Царь-градъ на службу, пошли съ родомъ своимъ по великому водному пути изъ варягъ въ греки и по Днѣпру доплыли до Кіева въ землѣ миролюбивыхъ полянъ. Увидавъ на горѣ на правомъ берегу городокъ, они спросили у тамошнихъ полянъ, чей онъ? Тѣ отвѣчали, что были три брата: Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрой Лыбедью, построили этотъ городъ и померли, а потомки ихъ платятъ дань хазарамъ. Аскольдъ и Диръ не велѣли платить эту дань и стали княжить въ Кіевѣ. Существуетъ преданіе, что сюда еще до основанія города приходилъ апостолъ Андрей и на одной горѣ водрузилъ здѣсь крестъ и предсказалъ, что на горахъ кіевскихъ возсіяетъ благодать Божія и что здѣсь будетъ построенъ

Храмъ Св. Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

славный городъ, въ которомъ будетъ много христіанскихъ храмовъ. Одна изъ кіевскихъ мѣстностей въ память Щека называлась Щековицей, другая Хоревицею, а небольшая тамошняя рѣчка называлась Лыбедью. Около Кіева, на Днѣпрѣ, была большая стоянка для судовыхъ каравановъ, шедшихъ изъ варягъ въ греки.

Но безпокойные Аскольдъ и Диръ очень не долго оставались въ Кіевѣ; они снарядили походъ на Византію, или Царь-градъ.

Въ это время тамъ царствовалъ императоръ Михаилъ III, ушедшій какъ разъ тогда въ Малую Азію, въ походъ противъ

арабовъ или сарацинъ. Патріархомъ Константинопольскимъ въ то время былъ знаменитый Фотій, отправившій къ славянамъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія и начавшій споръ съ папами, кои незаконно присвоили себѣ главенство надъ западными епископами.

Цареградъ имѣетъ слишкомъ большое значеніе въ нашей исторіи, чтобы не познакомить васъ съ этимъ знаменитымъ го-

Древняя статуя Константина Великаго.

родомъ, въ пору перваго похода русскихъ къ его стѣнамъ при Аскольдѣ и Дирѣ.

Основанный императоромъ Константиномъ Великимъ въ IV вѣкѣ, на развалинахъ древней греческой колоніи Византіи, онъ сталъ столицей Восточной Римской имперіи, подъ именемъ Константинополя, и центромъ высокой образованности, особенно для восточной Европы. Его мѣстоположеніе было необыкновенно счастливо: онъ лежитъ на рубежѣ двухъ частей свѣта—Европы и Азіи, между морями Чернымъ и Мраморнымъ, у самаго Кон-

стантинопольскаго пролива, или Босфора Ѳракійскаго. Этотъ проливъ, извиваясь змѣею между гористыми берегами, покрытыми широколиственными каштанами, пирамидальными кипарисами и красивыми кедрами, соединяетъ оба моря.

Тамъ, гдѣ проливъ сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ выдѣляетъ изъ себя заливъ, далеко врѣзывающійся въ европейскій берегъ. Этотъ длинный, узкій и загнутый заливъ, напоминающій бычій рогъ, получилъ названіе Золотого Рога. Полуостровъ, или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, Золотымъ Рогомъ и проливомъ, и есть то мѣсто, на которомъ раскинулся чудный Цареградъ. Онъ, какъ и древній Римъ, расположенъ на семи холмахъ. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города, или Цареградскій кремль. Онъ весь былъ занятъ великолѣпными царскими дворцами, украшенными разноцвѣтными мраморами и мозаиками, изъ мелкихъ цвѣтныхъ камешковъ, дворцы соединялись между собою особыми колоннадами; посреди раздѣлявшихъ зданія площадокъ стояли храмы и часовни, а вблизи ихъ статуи императоровъ изъ бронзы и мрамора. Дворцовыя зданія начинались отъ самаго Мраморнаго моря.

Мать Константина, Св. Елена.

Главнымъ святилищемъ въ Царьградѣ былъ громадный храмъ Св. Софіи или Премудрости Божіей. Построенный Юстиніаномъ Великимъ (славяниномъ по происхожденію), храмъ этотъ представлялъ величественное и исполненное красоты зданіе. Въ немъ были столбы изъ разноцвѣтнаго мрамора; стѣны были облицо-

ваны плитами разныхъ цвѣтовъ, или покрыты художественными изображеніями; а своды — вызолочены. Алтарь отдѣлялся отъ остального храма 20 столбами, покрытыми серебромъ; престолъ, подъ сѣнью на 4-хъ столбахъ, былъ сдѣланъ изъ золота и серебра и украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Помостъ вокругъ престола былъ выложенъ золотыми листами. Горнее мѣсто для патріарха было сдѣлано изъ серебра. Храмъ освѣщался множествомъ лампадъ, подсвѣщниковъ и паникадилъ, и свѣтъ ихъ, отражаясь на блестящей поверхности сводовъ, производилъ чудное впечатлѣніе. По завоеваніи Константинополя турками, соборъ этотъ обращенъ въ мечеть; его священ-

Мозаика Цареградской Софіи.
Юстиніанъ Великій, молящійся Христу Спасителю.

ныя изображенія были замазаны известью, многія украшенія были уничтожены, а на куполѣ вмѣсто креста поставленъ магометанскій полумѣсяцъ. При освященіи этого храма нашъ единоплеменникъ Юстиніанъ Великій, сравнивая свой храмъ съ іерусалимскимъ, былъ въ правѣ воскликнуть: „я побѣдилъ тебя, Соломонъ“. Изъ другихъ храмовъ должно упомянуть еще храмъ 12-ти Апостоловъ и церковь Влахернской Божіей Матери, гдѣ хранилась ея одежда или риза. Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями. Важнѣйшими воротами считались Золотыя ворота.

Чудный городъ этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ славился высокимъ просвѣщеніемъ и своею художественною и промышленною дѣя-

тельностью (мозаичная живопись, золотыя издѣлія, выработка шелковыхъ тканей или паволокъ и проч.).

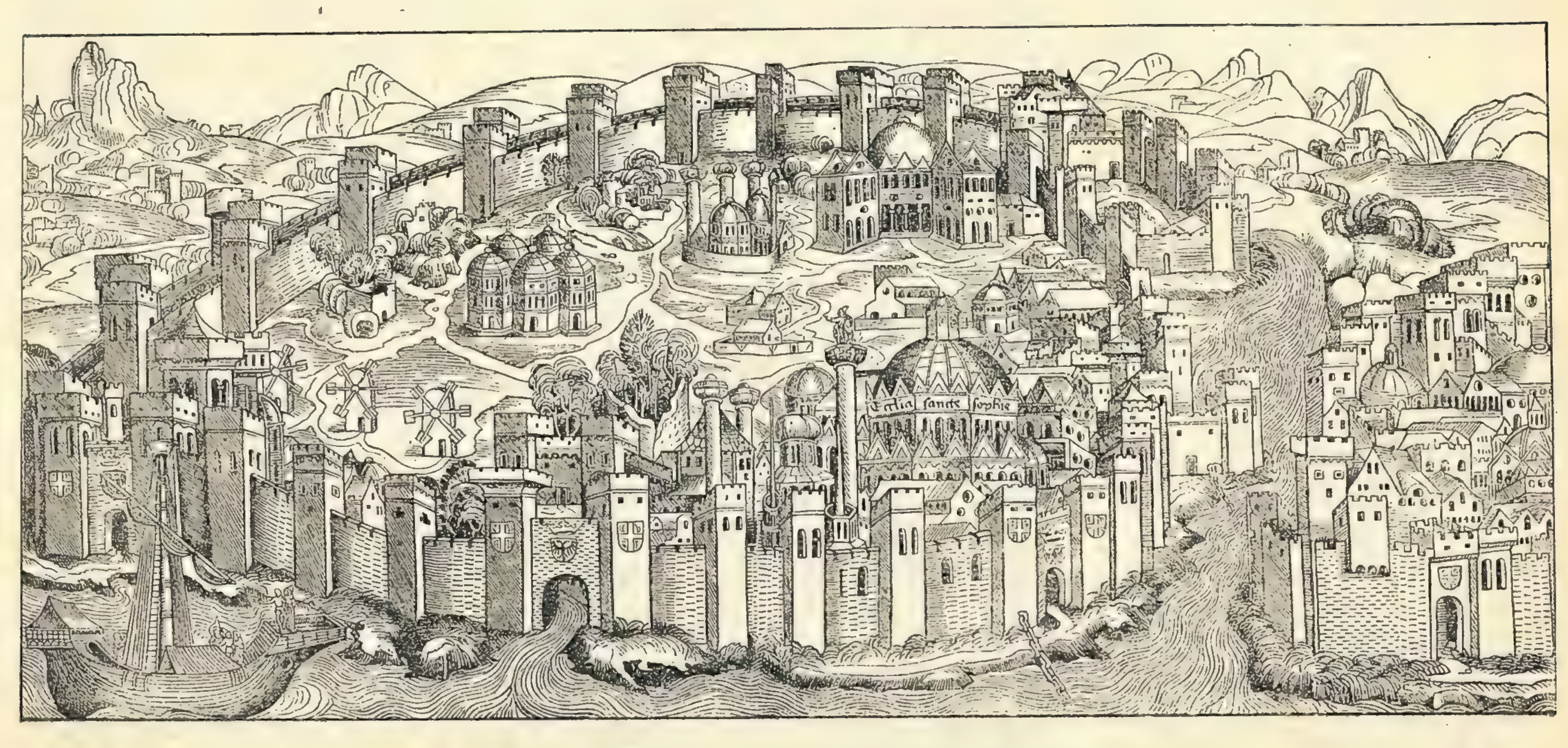
Однажды въ 865 году день склонялся къ вечеру, когда въ Царьградъ явились бѣглецы изъ селеній, расположенныхъ по берегамъ Константинопольскаго пролива, и принесли тревожную вѣсть: многочисленные корабли народа Рось вошли въ Босфоръ и плывутъ прямо къ столицѣ. Эта неожиданная вѣсть поразила жителей цареградскихъ. Вмигъ брошены всѣ дѣла, и повсюду распространилось смятеніе.

Русскіе, очевидно, имѣли вѣрныя свѣдѣнія объ отсутствіи императора Михаила III съ легіонами и почти беззащитномъ положеніи столицы. Нападеніе ихъ греки объяснили тѣмъ, что за нѣсколько времени греческое правительство нарушило свои торговые договоры съ русскими и допустило избить многихъ нашихъ торговцевъ, проживавшихъ въ Византіи; ссора съ ними возникла изъ-за какого-то незначительнаго долга.

Греки наскоро приняли мѣры: заперли городскія ворота, разставили по башнямъ стражу и поспѣшили отправить гонцовъ къ императору.

Наступившая ночь, мрачная и бурная, еще усиливала тревогу. Наиболѣе робкимъ представлялось, что враги уже перелѣзли стѣны, завладѣли городомъ,—и насталъ всему конецъ. Но вотъ мракъ разсѣялся, вѣтеръ утихъ, морскія волны улеглись, и тогда жители Византіи увидали вереницу судовъ, которыя обступали столицу со стороны моря. Держа въ рукахъ обнаженные мечи свои, потрясая копьями, руссы грозили городу, испуская громкіе военные клики. Это были статные люди съ свѣтло-русыми волосами и сѣрыми живыми глазами. Наиболѣе знатные между ними отличались бритыми подбородками и длинными усами; остроконечные шлемы покрывали ихъ чубатыя подстриженныя кругомъ головы; сверхъ кольчуги на нихъ наброшены были плащи, углы которыхъ застегивались пряжкою на правомъ плечѣ. Вооруженіе этого народа составляли стрѣлы, копья, сѣкиры и мечи съ широкимъ, обоюдоострымъ лезвеемъ; а щиты, суживающіеся къ низу, были такъ длинны, что закрывали почти все тѣло.

Окруживъ городъ со стороны моря, руссы высадились на берегъ и, по обычаю своему, начали насыпать валъ вдоль стѣнъ, защищавшихъ городъ съ суши, чтобы тѣмъ легче завладѣть ими. Въ то же время часть ихъ разсѣялась по окрестностямъ

Видъ Константинополя, по старинной нѣмецкой гравюрѣ.

Константинополя; они принялись опустошать селенія и монастыри.

Въ отчаяніи жители Византіи обратились къ молитвѣ, посту и покаянію. Духовенство совершало постоянные молебны въ отверстыхъ храмахъ. Особенно густая толпа стекалась въ соборный храмъ св. Софіи. Патріархъ Фотій сталъ говорить съ софійской каѳедры проповѣди, въ которыхъ яркими красками изображалъ вражеское нашествіе, какъ кару, ниспосланную Господомъ за грѣхи населенія. При этомъ онъ называлъ враговъ грозными и неодолимыми. Напримѣръ, онъ говорилъ: «народъ сей двинулся съ сѣвера съ тѣмъ, чтобы дойти до второго Іерусалима, и людъ сей устремился съ конца земли, неся съ собой стрѣлы и копья: онъ грозенъ и не милуетъ; голосъ его, какъ шумъ моря» и т. д. То отзывался о нихъ съ презрѣніемъ, чтобы ярче выставить униженіе и стыдъ, которымъ подверглась Византія. Патріархъ призывалъ народъ къ покаянію и исправленію.

Между тѣмъ, осада продолжалась; валъ, насыпаемый руссами, постепенно возрасталъ, и близился часъ, когда они съ этого вала могли перелѣзть на стѣны и ворваться въ городъ. Наконецъ, говорилъ патріархъ, настало время прибѣгнуть къ Матери Божіей, къ Ея заступничеству. Онъ взялъ ризу Божіей Матери изъ Влахернскаго монастыря и съ молитвенными пѣснопѣніями въ крестномъ ходѣ обнесъ ее вдоль стѣнъ вокругъ города и погрузилъ ее въ воды Босфора.

Поднялась буря и разметала ладьи русскихъ; потерпѣвъ крушеніе, они возвратились въ Кіевъ. Устрашенные чудомъ, Аскольдъ и Диръ приняли христіанскую вѣру со многими варягами.

Въ 879 году умираетъ Рюрикъ, оставивъ малолѣтняго сына, Игоря. Опекуномъ его сталъ родственникъ Олегъ. Но, какъ старшій въ родѣ, онъ получилъ всю княжескую власть въ государствѣ Рюрика и владѣлъ ею до самой своей смерти. Народъ, приписывая ему сверхъестественное знаніе, прозвалъ его вѣщимъ. Онъ дѣйствительно вѣдалъ, т. е. зналъ, и то, какъ раздвинуть предѣлы Русскаго государства на огромныя пространства на югъ, включая въ составъ его почти всѣ племена восточныхъ славянъ, и вѣдалъ, какъ побѣждать и хазаръ, и грековъ. Три года пробылъ онъ въ Новгородѣ, прежде чѣмъ двинуться на югъ, по великому водному пути изъ варягъ и греки, и двинулся туда, не какъ предводитель дружины, а какъ государь, въ войскѣ ко-

тораго участвовали не одни варяги, а и другія подвластныя ему племена: славяне (ильменскіе), кривичи, чудь, меря и весь. Въ его рукахъ были сосредоточенныя единствомъ государственной власти силы этихъ племенъ, а такимъ объединеннымъ силамъ трудно сопротивляться, и все, что лежало на его пути, было

Смертъ Аскольда и Дира.

безсильно противостоять ему и должно было входить въ составъ его Русскаго государства.

Перешедши въ бассейнъ Днѣпра, Олегъ утверждается въ землѣ днѣпровскихъ кривичей, присоединяетъ къ своему государству Смоленскъ, сажаетъ здѣсь въ качествѣ своего намѣст-

ника «мужа», разумѣется, съ достаточною дружиною. Спускаясь отсюда внизъ по Днѣпру, онъ приходитъ въ землю сѣверянъ и присоединяетъ къ своей державѣ городъ ихъ Любечъ, посадивъ и здѣсь своихъ мужей. Изъ лѣтописи не видно, чтобы этотъ городъ, какъ и Смоленскъ, сопротивлялся ему. Затѣмъ идетъ въ землю полянъ, къ ихъ городу Кіеву, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ. По преданію, большую часть лодокъ онъ оставилъ позади, а въ остальныхъ ладьяхъ скрылъ своихъ ратпыхъ людей. Подплывъ къ самому Кіеву, послалъ сказать тамошнимъ владѣтелямъ, что земляки ихъ—купцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Пришедшіе на зовъ его Аскольдъ и Диръ были окружены воинами, повыскакавшими изъ лодокъ. Олегъ сказалъ кіевскимъ владѣтелямъ: «вы не князья и не княжескаго роду, я—князь, а вотъ сынъ Рюрика». По данному знаку, оба были убиты и погребены на горахъ. По преданію св. Ольга поставила церковь св. Николая на могилѣ Аскольда. Въ переданномъ вамъ лѣтописномъ сказаніи этомъ Олегъ является карателемъ дерзкихъ дружинниковъ Рюрика, нарушавшихъ права его рода и на землю полянъ. Олегу полюбился Кіевъ, и онъ сказалъ о немъ: «се буди мати городовъ русскихъ» и сдѣлалъ его столицею своего государства, вмѣсто Новгорода. Съ этого времени Кіевъ дѣлается оплотомъ Русской земли противъ степныхъ азіатскихъ народовъ. Первымъ дѣломъ Олега на этой украйнѣ было построеніе защитныхъ укрѣпленій или градовъ. Построивъ города и уставивъ дани для сѣверныхъ племенъ (славянъ ильменскихъ, кривичей, веси и мери), Олегъ обращается къ другимъ славянскимъ племенамъ. Прежде всего онъ идетъ къ древлянамъ, издавна враждовавшимъ съ полянами. Тѣ не поддались добровольно Русскому князю, и онъ силой заставилъ ихъ платить дань по черной куницѣ съ дыма, т. е. съ жилья. Въ слѣдующемъ 885 году онъ пошелъ на сѣверянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань легкую; эта легкость объясняется малымъ сопротивленіемъ сѣверянъ, которые платили дань хазарамъ и слѣдовательно могли легко согласиться платить ее Русскому князю. «Я—врагъ хазарамъ, говоритъ онъ, а вовсе не вамъ». Въ слѣдующемъ году онъ послалъ спросить радимичей: «кому даете дань? Тѣ отвѣчали: «хазарамъ». «Не давайте хазарамъ, а давайте мнѣ», сказалъ Олегъ, и тѣ подчинились ему безъ сопротивленія. Затѣмъ ему удалось подчинить себѣ дулѣбовъ, хорватовъ и тиверцевъ. Только угличи остались незавоеванными.

Такимъ образомъ, соединивъ подъ своею рукою всѣхъ восточныхъ славянъ, Олегъ въ 907 году предпринялъ походъ на Царь-градъ. Оставивъ въ Кіевѣ Игоря, онъ собираетъ подъ свои знамена варяговъ, славянъ новгородскихъ, кривичей, полянъ, сѣверянъ, древлянъ, радимичей, хорватовъ, дулѣбовъ, тиверцевъ и чудскія племена и идетъ съ ними на коняхъ и въ корабляхъ «въ греки»; кораблей было 2.000, а на каждомъ изъ нихъ по 40 человѣкъ. Это былъ уже не набѣгъ Аскольда и Дира, а была война, испугавшая грековъ не внезапностью, но своей силой.

Аскольдова могила въ Кіевѣ.

Греческій императоръ Левъ Философъ велѣлъ запереть всѣ ворота Константинополя и затянуть цѣпями входъ въ Золотой Рогъ. Олегъ безпрепятственно вышелъ на берегъ; велѣлъ выволочь корабли на землю; ратные разсѣялись по окрестностямъ Цареграда и начали опустошать ихъ. Лѣтопись передаетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки свои на колеса, и флотъ при попутномъ вѣтрѣ двинулся на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Началась осада съ суши и съ моря. Греки послали сказать Русскому князю: «не губи города; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь». Олегъ остановился. Но греки послали ему

кушанье и напитки съ отравою. Вѣщій Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся присланнаго. Самый хитрый изъ народовъ былъ не въ силахъ обмануть этого Русскаго князя. Олегъ предложилъ греческому императору слѣдующія условія мира: заплатить по 12 гривенъ (фунтовъ) серебра на корабль, да еще уклады на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе; Русь, приходящая въ Царе-

Византійскій императоръ.

градъ, можетъ брать тамъ съѣстныхъ припасовъ, сколько хочетъ; гости (купцы) могутъ брать припасы на 6 мѣсяцевъ; мыться въ баняхъ, сколько угодно. На возвратный путь русскіе берутъ у греческаго царя съѣстное, якори, паруса и все нужное. Императоръ принялъ условія съ нѣкоторыми измѣненіями, напримѣръ, русскіе не должны грабить окрестности Константинополя, могутъ жить въ предмѣстьи св. Мамы, гдѣ переписы-

ваются ихъ имена; они получаютъ мѣсячное; входъ въ городъ дозволяется безъ оружія партіями не болѣе 50 человѣкъ. Но они могутъ торговать, не платя пошлинъ. Императоръ со своими греками, утверждая этотъ договоръ, цѣловалъ крестъ въ свидѣтельство этого, а Олегъ съ русскими, по своему обычаю, клялся своимъ оружіемъ и богами Перуномъ и Велесомъ. Олегъ въ честь своей побѣды надъ греками велѣлъ прибить свой щитъ къ вратамъ Цареграда. Русскіе натянули на своихъ судахъ паруса шелковые, а славяне полотняные. Но вѣтеръ разорвалъ ихъ, и славяне, натянувъ паруса холстинные, поплыли домой. Много золота, дорогихъ тканей и всякаго узорочья привезъ Олегъ въ Кіевъ. Чрезъ четыре года былъ заключенъ новый торговый договоръ съ греками, подробнѣе урядившій отношенія между русскими и греками. Послы возвратились съ этимъ договоромъ въ Кіевъ въ 912 году, когда этотъ знаменитый князь умеръ.

Поэтическое сказаніе лѣтописи о смерти Олега мы передадимъ дивными стихами нашего великаго поэта, въ его «Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ».

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ
   Отмстить неразумнымъ хазарамъ;
Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ
   Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей въ цареградской бронѣ
   Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
   Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
   Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ,
   И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.
„Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
   Что сбудется въ жизни со мною?
И скоро ль на радость сосѣдей—враговъ
   Могильной засыплюсь землею?
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
   Въ награду любого возьмешь ты коня“.
„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
   А княжескій даръ имъ не нуженъ;

Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ
  И съ волей небесною друженъ.
Грядущіе годы таятся во мглѣ;
  Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.
Запомни же нынѣ ты слово мое:
  „Воителю слава—отрада;
Побѣдой прославлено имя твое;
  Твой щитъ на вратахъ Цареграда;
И волны, и суша покорны тебѣ;
  Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.
И синяго моря обманчивый валъ
  Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
  Щадятъ побѣдителя годы...
Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ;
  Незримый хранитель могучему данъ.
Твой конь не боится опасныхъ трудовъ,
  Онъ, чуя господскую волю,
То смирный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
  То мчится по бранному полю,
И холодъ и сѣча ему ничего:
  Но примешь ты смерть отъ коня своего“.
Олегъ усмѣхнулся, однако чело
  И взоръ омрачилися думой.
Въ молчаньи, рукой опершись на сѣдло,
  Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмый;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
  И гладитъ, и треплетъ по шеѣ крутой.
„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга;
  Разстаться настало намъ время.
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога
  Въ твое позлащенное стремя.
Прощай, утѣшайся, да помни меня;
  Вы, отроки—други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ,
  Въ мой лугъ подъ уздцы отведите,
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
  Водой ключевою поите“.
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
  А князю другого коня подвели.
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
  При звонѣ веселомъ стакана.
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
  Надъ славной главою кургана...
Они поминаютъ минувшіе дни
  И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.
„А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
  Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

Здоровъ ли? Все также ль легокъ его бѣгъ?
Все тотъ же ль онъ бурный, игривый"?
И внемлетъ отвѣту: на холмѣ крутомъ
Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ.
Могучій Олегъ головою поникъ
И думаетъ: „что же гаданье?
Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ!
Презрѣть бы твое предсказанье;
Мой конь и донынѣ носилъ бы меня"?
И хочетъ увидѣть онъ кости коня.
Вотъ ѣдетъ могучій Олегъ со двора,
Съ нимъ Игорь и старые гости,
И видятъ: на холмѣ, у брега Днѣпра
Лежатъ благородныя кости;
Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль
И вѣтеръ волнуетъ надъ ними ковыль.
Князь тихо на черепъ коня наступилъ
И молвилъ: „спи, другъ одинокій!
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь,
И жаркою кровью мой прахъ напоишь!
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
Мнѣ смертію кость угрожала"!
Изъ мертвой главы гробовая змѣя
Шипя, между тѣмъ, выползала;
Какъ черная лента, вкругъ ногъ обвилась
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь...
Ковши круговые запѣнясь шипятъ
На тризнѣ плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ.
Дружина пируетъ у брега;
Бойцы поминаютъ минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

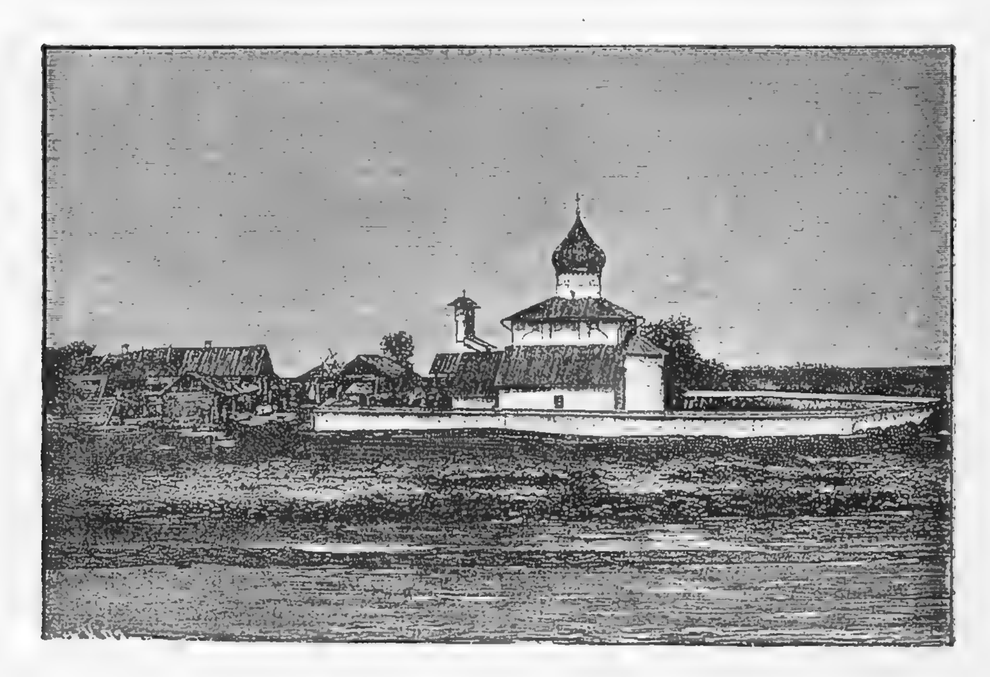
4.

Игорь, его походы на грековъ и древлянъ.—Смерть его.—Ольга, ея месть древлянамъ. Путешествіе въ Цареградъ и принятіе христіанства. — Святославъ, его характеръ и войны. — Святославъ въ Болгаріи. — Борьба его съ Іоанномъ Цимисхіемъ и смерть.

Вѣщій Олегъ собралъ племена восточныхъ славянъ подъ одно знамя Русскаго государства; далъ ему новый центръ въ Кіевѣ, оградилъ его со стороны степи рядомъ городовъ-укрѣпленій, установилъ дани для племенъ. Онъ достигалъ своихъ государственныхъ цѣлей, гдѣ можно—однимъ умомъ, гдѣ слѣдовало—мечомъ. Его походъ на Византію не былъ дружиннымъ набѣгомъ Аскольда и Дира, а явился войною, въ коей участвовали всѣ подвластныя ему племена, почувствовавшія въ ней общее національное предпріятіе. Прибитый имъ къ вратамъ Цареграда, въ знакъ побѣды, щитъ поднималъ національное чувство Руси, а два выгодныхъ трактата или договора съ греками свидѣтельствовали, что это не было только безплодною похвальбой или тщеславіемъ. Мы скоро услышимъ отъ его и Рюрикова внука—героическаго Святослава, что лучше лечь костьми, чѣмъ посрамить Русскую землю отступленіемъ даже предъ сильнѣйшимъ врагомъ, или заключеніемъ съ нимъ мира непочетнаго. Приписанный народомъ Олегу вѣщій умъ вѣдалъ уже силу еще молодого Русскаго государства и въ настоящемъ видѣлъ предзнаменованіе его будущаго величія.

Но исторія не представляетъ однѣхъ только свѣтлыхъ картинъ: въ ней очень часто свѣтъ смѣняется тѣнью. Такъ, вслѣдъ за славнымъ княженіемъ Олега идетъ тусклое, не чуждое мрачныхъ сторонъ княженіе сына Рюрика Игоря (912—945).

По смерти Олега, ему было около 35 лѣтъ. За девять лѣтъ до этого, именно въ 903 году, еще при жизни Олега, привели ему въ жены изъ Пскова, уроженку Выбуты, Ольгу. До этого времени Игорь росъ подъ присмотромъ своего дяди: ходилъ по Олегѣ, какъ говоритъ лѣтопись, слушался его и оставался въ Кіевѣ во время Олегова похода на Царегradъ.

Выбута — родина св. Ольги.

Первое лѣтописное сказаніе о самостоятельномъ правленіи Игоря гласитъ объ отложеніи отъ него древлянъ, которые «заратились», т.-е. ополчились ратью противъ русскаго князя, отказавшись платить ему дань. Игорь пошелъ на древлянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили Олегу.

При немъ въ степяхъ Приднѣпровья утвердились новые азіатскіе кочевники—воинственные печенѣги, кои, пользуясь ослабленіемъ при Олегѣ ханства хазарскаго, прорвались изъ Азіи чрезъ его владѣнія и вытѣснили съ юга Россіи венгровъ или мадьяръ, тоже азіатское племя; они ушли на средній Дунай. Но новые кочевники еще не начали вражды противъ русскихъ и даже вступали въ ополченія Игоря.

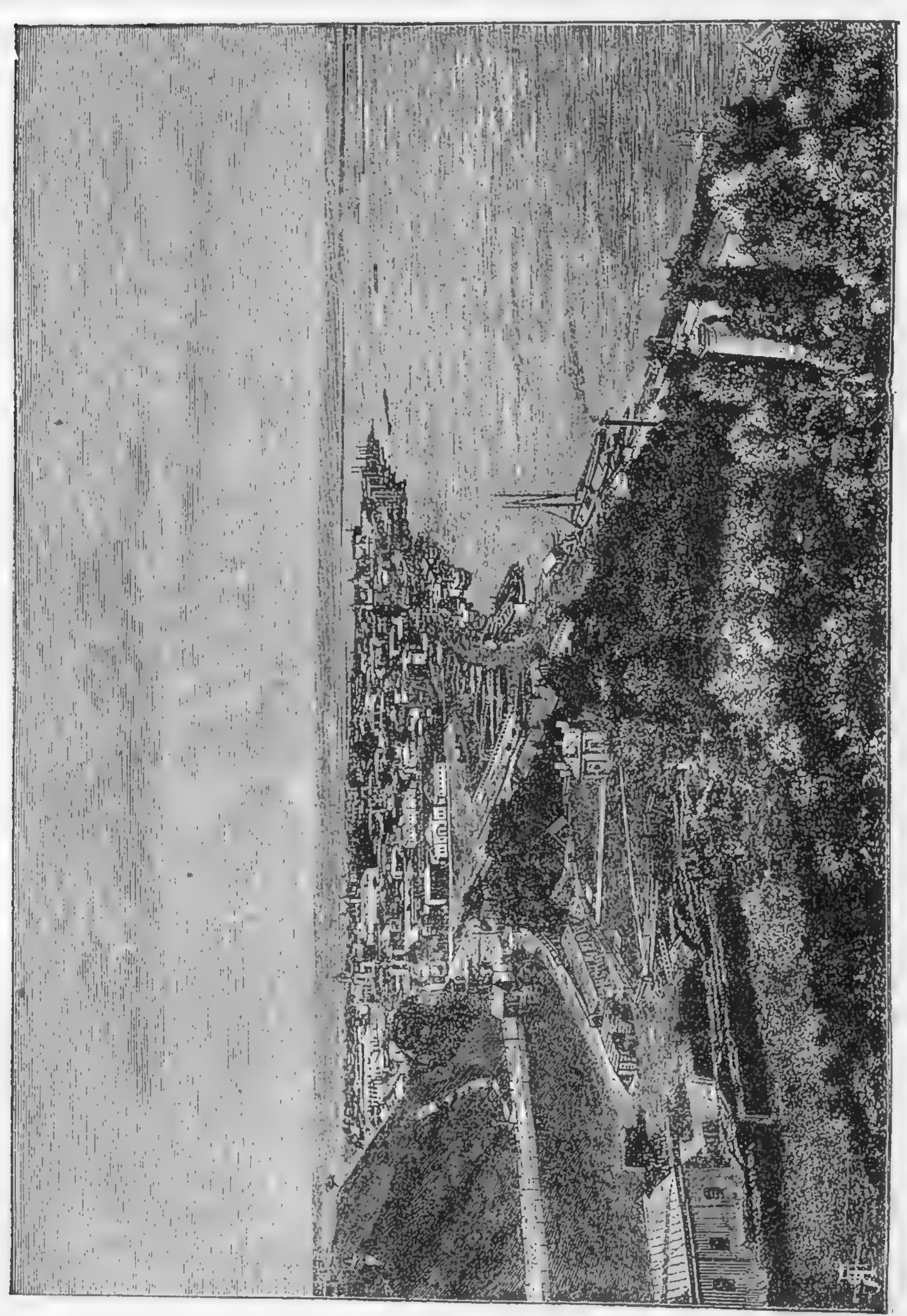
Въ 941 году Игорь предпринимаетъ походъ на Цареградъ. Видно, заключенный Олегомъ въ 912 году договоръ нарушался греками. Но не обладавшій мудростью своего предшественника, князь снарядилъ походъ недостаточно сильный. На нѣсколькихъ сотняхъ ладей русскіе пристали къ берегамъ Малой Азіи и здѣсь начали свои опустошенія. Греческій императоръ Романъ Лакапенъ, за отсутствіемъ флота, отправленнаго противъ арабовъ, приказалъ старыми судами преградить въ Босфорскомъ проливѣ путь къ Константинополю русскимъ судамъ. Греки вооружили свою слабую флотилію особыми огнеметательными снарядами, бросавшими такъ называемый греческій огонь. Когда Игорь пытался прорваться сквозь греческія суда, противъ его ладей пущенъ былъ этотъ огонь, который казался, какъ говоритъ лѣтопись наша, точно молніей небесной, которую греки бросали на русскія суда и жгли ихъ. Вслѣдствіе этого русскіе отошли въ Малую Азію, и здѣсь собравшіяся византійскія войска стали наносить пораженія нашимъ отрядамъ. Приближалась зима, а съ ней недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ опустошенной странѣ. Игорь собралъ свой флотъ и снова сдѣлалъ нападеніе на увеличившіяся въ числѣ своемъ греческія суда. Но греческіе моряки, пустивъ опять противъ русскихъ свой огонь, нанесли имъ полное пораженіе. Игорь только съ десяткомъ кораблей возвратился въ свою землю, а захваченные въ плѣнъ русскіе были торжественно обезглавлены въ Константинополѣ.

Пришедши въ Кіевъ, онъ снаряжаетъ новый походъ противъ Византіи. На этотъ разъ онъ посылаетъ за море нанимать варяговъ и собирать изъ полянъ, ильменскихъ славянъ, кривичей, тиверцевъ войско, нанимаетъ и печенѣговъ, взявъ у нихъ заложниковъ, и выступаетъ въ походъ на ладьяхъ и на коняхъ. Корсунскіе греки послали сказать императору Роману: «идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей. Покрыто все море кораблями». Болгары также послали вѣсть: «идетъ Русь, наняла и печенѣговъ».

Императоръ Романъ посылаетъ къ Игорю своихъ лучшихъ бояръ сказать: «не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ, придамъ и еще къ ней». Вмѣстѣ съ этимъ греки старались подѣйствовать и на печенѣговъ, пославъ къ нимъ дорогія шелковыя паволоки и много золота.

Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ свою дружину на совѣтъ и началъ думать съ ней о предложеніяхъ греческаго императора.

Мужи Игоревы сказали: «если такъ говоритъ царь, то чего намъ еще больше? Не бившись возьмемъ золото, серебро и паволоки; какъ знать, кто одолѣетъ: мы или они? Вѣдь, съ моремъ нельзя заранъше уговориться: одна смерть всѣмъ». Игорь послушался

Видъ Кіева. „Подолъ" и набережная.

дружины; взялъ у грековъ золото и паволоки на себя и на все ополченіе; приказалъ печенѣгамъ воевать Болгарскую землю и пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Въ 945 г. заключенъ былъ договоръ съ греками, и отправлены были въ Цареградъ послы отъ великаго князя (Игорь), сына его Святослава (Вуефастъ), княгини Ольги (Искусеви), даже отъ племянника тоже Игоря, отъ другихъ князей и княгинь. Они заключили миръ вѣчный до тѣхъ поръ, пока солнце сіяетъ и міръ стоитъ. Кто изъ русскихъ помыслитъ нарушить такую любовь, сказано въ договорѣ, то крещеный приметъ месть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на гибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещеные же «не получатъ помощи отъ бога своего Перуна, не ущитятся щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, погибнутъ отъ стрѣлъ и другого оружія своего и будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій».

Великій князь Русскій и бояре его посылаютъ къ великимъ царямъ греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостями, какъ установлено въ Олеговомъ договорѣ. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же, по Игореву договору, они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой должно быть написано, сколько послано кораблей; поэтому греки и будутъ знать, что русскіе пришли съ миромъ. Если же придутъ безъ грамоты, то греки задержатъ ихъ, пока не обошлются съ Русскимъ княземъ; если же русскіе будутъ сопротивляться, то можно перебить ихъ безъ всякой отвѣтственности предъ княземъ. Это ограниченіе новое, какого нѣтъ въ договорѣ Олега. Послѣ повторенія прежнихъ условій о мѣстѣ жительства русскихъ (въ предмѣстьи св. Мамы), о содержаніи русскихъ пословъ (на греческія средства) и гостей (посредствомъ мѣсячины), прибавляется, что къ русскимъ будетъ приставленъ греческій чиновникъ, который будетъ разбирать ихъ споры съ греками. Русскіе купцы не могутъ покупать паволокъ дороже 50 золотниковъ, а купленныя клеймятся греческимъ чиновникомъ. Исчисляя вознагражденія, по греческому и русскому закону, за убитыхъ, пораненыхъ, бѣглыхъ рабовъ, за кражи, договоръ обязываетъ русскихъ не воевать съ корсунцами, въ Тавридѣ, не мѣшать ихъ ловлѣ рыбы въ устьяхъ Днѣпра, тамъ не зимовать, удерживать черныхъ болгаръ отъ войны съ землей корсунскою и проч.

Послы Игоревы пришли вмѣстѣ съ греческими въ Кіевъ. Игорь спросилъ грековъ: «что вамъ говорилъ царь?» Тѣ отвѣчали: «царь насъ послалъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ русскимъ княземъ; твои послы водили нашихъ царей

къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ». На другое утро онъ призвалъ пословъ на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна; здѣсь русскіе сложили свое оружіе, щиты и зотото и дали присягу. Христіанъ же приводили къ присягѣ въ соборномъ храмѣ св. Иліи.

Изъ большихъ, по сравненію съ Олеговымъ договоромъ, ограниченій для русскихъ въ этомъ договорѣ видно, что походъ Игоря былъ менѣе удаченъ, чѣмъ походъ Олеговъ.

Приготовленія къ языческому погребенію знатнаго Русса, съ картины Семирадскаго.

Въ правленіе Игоря, независимо отъ него, русскіе предпринимали походы и къ берегамъ Каспійскаго моря. Такъ, въ 914 году, 500 русскихъ судовъ, съ сотней ратниковъ на каждомъ, приплыли изъ Азовскаго моря къ устью Дона и отправили къ хазарамъ просить о пропускѣ ихъ чрезъ ихъ землю на Волгу и Каспійское море, обѣщая имъ половину добычи, какую возьмутъ съ прикаспійскихъ народовъ. Получивъ разрѣшеніе, они поднялись вверхъ по Дону и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ близко подходитъ къ Волгѣ, волокомъ перетянули туда свои суда и ея устьемъ вышли въ Каспійское море. Они стали опустошать его западные берега, уводя жителей въ рабство, или подвергали

ихъ грабежу, укрываясь на морскихъ островахъ. Вооружившись противъ нихъ, окрестные жители высадились на этихъ островахъ, вступили въ битву съ русскими, но были ими разбиты. Когда русскіе возвращались, отдавъ условную часть добычи хазарскому кагану, подвластные ему мусульмане, составивши войско въ 15,000 человѣкъ, напали, въ отместку за своихъ единовѣрцевъ, на русскихъ. Тѣ вышли изъ своихъ лодокъ и три дня бились съ ними, но были побиты врагами: много ихъ перетонуло въ рѣкѣ, другіе перебиты были буртасами (мордвою) и камскими болгарами. Подобный же походъ на Каспійское море русскіе предприняли и въ 944 году, и на рѣкѣ Курѣ взяли много добычи, даже овладѣли богатымъ городомъ арабскаго калифата, Бердой. Русскіе, отъ неумѣреннаго употребленія фруктовъ, сильно мерли, а потомъ были разбиты однимъ изъ тамошнихъ владѣтелей.

Въ 945 году Игорь былъ убитъ древлянами. «Какъ пришла осень, говоритъ лѣтопись, дружина стала говорить Игорю»: «отроки Свѣнельда изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь и мы».

Въ объясненіе этого нужно сказать, что воевода Свѣнельдъ окончилъ начатое еще Олегомъ покореніе на нижнемъ Днѣпрѣ угличей; послѣ трехлѣтней осады взялъ ихъ городъ Пресѣчень и обогатился съ своей дружиной большою добычей. Чтобы утолить зависть своихъ дружинниковъ, Игорь отправился къ древлянамъ, въ «полюдье», или для сбора дани. Не мало неправды сдѣлали надъ ними дружинники Игоревы. Съ нихъ взята была дань еще больше прежней. Возвращаясь въ Кіевъ, Игорь сказалъ своей дружинѣ: «идите съ данью домой, а я возвращусь и похожду и еще». И съ небольшимъ числомъ ратниковъ поворотилъ къ древлянамъ за новою данью. Услыхавъ объ этомъ, тѣ начали думать съ своемъ княземъ Маломъ: «повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ; если не убьемъ его,—всѣхъ разоритъ насъ». Они послали сказать Игорю: «зачѣмъ идешь опять? Вѣдь, ты взялъ всю дань». Но Игорь словамъ этимъ не внялъ; тогда древляне, вышедши изъ города Коростеня, убили Игоря и бывшихъ съ нимъ. Византійскій писатель Левъ діаконъ говоритъ, что они нагнули вершины двухъ деревьевъ, привязали къ нимъ Игоря и, отпустивъ ихъ, разорвали его.

Убіеніе Игоря древлянами было тяжкимъ преступленіемъ и про-

тивъ князя лично и противъ государства Русскаго, какъ мятежный выходъ этого племени изъ государственнаго союза объединенныхъ племенъ. Уже поэтому вы должны заключить, что древлянъ ожидали тяжкія кары. Но они носили особенно кровавый характеръ потому, что къ нимъ присоединилась родовая кровавая месть, составлявшая не только обычай древнихъ языческихъ народовъ, но и прямой, притомъ, священный у нихъ законъ, нарушеніе котораго тяжкимъ бременемъ ложилось на весь родъ убитаго.

Вы знаете, что и восточные славяне жили родовымъ бытомъ, т.-е. родственными семьями, кои сообща владѣли принадлежащими роду землями и другими имуществами и управлялись старшимъ въ родѣ, который былъ правителемъ и судьей рода. Но родъ связывался въ одно цѣлое не одними интересами крови, имуществомъ и одною родовою властью, а религіозной связью: родичи имѣли родовыхъ боговъ, которые у нихъ назывались Родомъ или Щуромъ и Рожаницей. Этотъ Родъ или Щуръ, Пращуръ—умершій родоначальникъ, Рожаница—родоначальница. Они были богами рода, имъ приносились жертвы и молитвы, совершаемыя старшими въ родѣ,—родовладыками. Ихъ именемъ совершались охранительныя заклятія, въ родѣ: «чуръ меня». Оторвать отъ рода какого-либо члена было нарушеніемъ интереса родичей и ихъ родовыхъ боговъ. Даже выходъ изъ рода дѣвушки, по ея доброй волѣ, въ замужество за чужанина былъ въ своемъ родѣ похищеніемъ, кражей изъ рода, и замужество совершалось посредствомъ умыканья, или кражи невѣсты, за которую приходилось чужанину и его роду расплачиваться особымъ выкупомъ или «вѣномъ», по особому договору съ родичами невѣсты. Что же сказать о томъ, если кто-нибудь изъ родичей былъ вырываемъ изъ рода насиліемъ, въ особенности убійствомъ? За убійство должны были убійствомъ мстить убійцѣ и его роду родичи убитаго. Кровавая месть была не простымъ только возмездіемъ пострадавшаго отъ убійства рода, но и его священнымъ религіознымъ закономъ. Если убійство не было отомщено родичами, то противъ нихъ пойдутъ и душа убитаго, который, будучи лишенъ погребенія и всей его обстановки (убитаго коня, убитой жены, убитыхъ рабовъ, а также домашней утвари), станетъ негодовать на своихъ родичей, и души предковъ, пращуровъ, въ своихъ немстящихъ родичахъ увидятъ измѣну Роду и Рожаницѣ. Вотъ почему уже и послѣ принятія русскими кре-

щенія, уже при Ярославѣ Мудромъ, нельзя было еще отмѣнить языческаго закона кровавой мести.

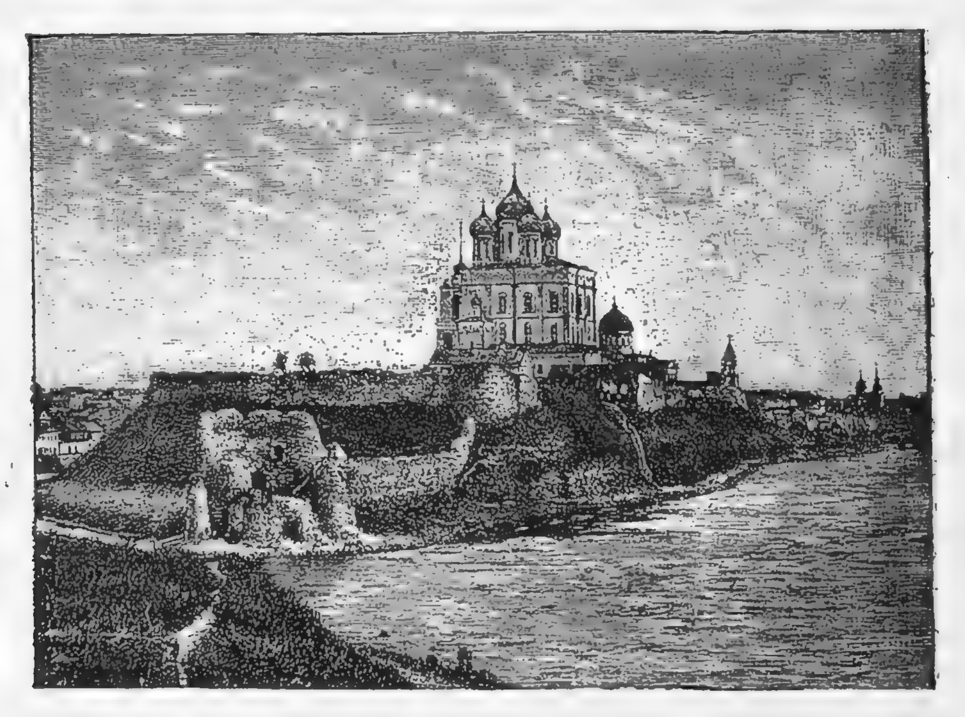
При этихъ условіяхъ понятно, что древляне за смерть Игоря и его дружины расплатились не только, какъ за государственный мятежъ, но и стали искупительными жертвами предъ Игоремъ и богами его рода.

Такимъ образомъ, месть Ольги, тогда еще язычницы, за своего мужа, какъ исполненіе закона своего времени и требованій религіозныхъ, не должна намъ, чуждымъ понятій того времени, казаться чѣмъ-нибудь чрезмѣрно жестокимъ, несправедливымъ. Такъ какъ Ольга, будучи вѣрна духу своего народа, съ особымъ прилежаніемъ занялась этою местью, то народныя преданія того времени, занесенныя въ лѣтопись, съ особой подробностью и сочувствіемъ разсказываютъ объ Ольгиномъ кровомщеніи.

Древляне, зная, что сынъ Игоря Святославъ, будучи въ то время четырехъ лѣтъ, еще долго не въ состояніи будетъ отмстить за отца своего, рѣшили отвлечь отъ кровомщенія вдову убитаго Ольгу и чрезъ своихъ пословъ предложили ей выйти замужъ за ихъ князя Мала. Пришедшимъ въ Кіевъ древлянскимъ посламъ она сказала: «люба мнѣ ваша рѣчь; мужа мнѣ, вѣдь, не воскресить, хочу почтить васъ предъ всѣми людьми своими. Теперь ступайте назадъ въ свою ладью; а какъ завтра я пришлю за вами, скажите посланнымъ: «не ѣдемъ на коняхъ, нейдемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ ладьѣ; они васъ и понесутъ». Между тѣмъ, по ея приказанію, у ея терема была вырыта большая и глубокая яма. Когда на утро кіевляне сказали древлянскимъ посламъ, что «Ольга зоветъ ихъ на великую честь», тѣ отвѣтили по внушенію княгини; ихъ, величавшихся коварнымъ почетомъ, понесли къ терему княгини и бросили въ яму и стали живыми засыпать землей. Ольга спросила ихъ: довольны ли они честью? Древляне отвѣчали: «охъ, пуще Игоревой смерти». Затѣмъ, она сама, скрывъ о судьбѣ посольства, отправила пословъ къ древлянамъ сказать: «если вправду просите меня къ себѣ, то пришлите самыхъ лучшихъ мужей за мною, чтобы мнѣ придти къ вамъ съ большой честью, а то кіевляне, пожалуй, не пустятъ меня». Для новыхъ пословъ Ольга велѣла вытопить баню и сожгла ихъ въ ней. Затѣмъ, она посылаетъ къ древлянамъ сказать: «я ужъ иду къ вамъ; наварите побольше медовъ; я поплачу на могилѣ мужа и справлю по немъ тризну». Древляне и здѣсь не разгадали ея хитрости.

Ольга съ дружиной своей явилась въ землю древлянскую; поплакавъ на могилѣ своего мужа, стала править по немъ тризну. Древляне спросили о своихъ послахъ. Ольга отвѣчала, что они идутъ позади съ Игоревой дружиной. Повѣря ей, они сѣли пить, а дружинники Ольги прислуживали имъ. Когда же древляне упились, по приказу Ольги, дружина ея перебила до 5,000 гостей. Это было большое жертвоприношеніе тѣни убитаго Игоря и богамъ его рода.

Исполнивъ родовую месть, Ольга на слѣдующій годъ творитъ надъ древлянами государственную казнь за ихъ мятежъ

Кремль Пскова, близъ коего родилась Ольга.

противъ Русскаго государства. Придя въ землю древлянъ съ большою ратью, она вступила въ битву съ ними, при чемъ малолѣтній князь Святославъ первый бросилъ свое копье на враговъ. Но оно, пролетѣвъ межъ ушей коня, упало у его ногъ: «бѣ бо дѣтескъ», говоритъ лѣтопись. Разбитые древляне заперлись въ своемъ городѣ Коростенѣ въ осаду. Цѣлое лѣто простояла здѣсь Ольга и опять прибѣгла къ хитрости; она сказала древлянамъ: «чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ и платятъ дань и дѣлаютъ земли своя и нивы своя. Неужели вы хотите лучше погибнуть голодной смертью, чѣмъ платить дань»? Тѣ отвѣчали, что рады бы платить дань, да боятся опять

ея мести за Игоря. Ольга отвѣчала: «я ужъ три раза отомстила за мужа и больше не хочу мстить и, взявъ дань, пойду домой». Она сказала истомленнымъ древлянамъ, что у нихъ нѣтъ мѣховъ и меду, что съ нея довольно, если они пришлютъ съ каждаго двора по три голубя и по три воробья. Древляне охотно исполнили это требованіе. Ольга велѣла своимъ ратнымъ людямъ привязать къ хвостамъ птицъ въ тряпкахъ сѣру, зажечь ее и выпустить ихъ въ сумерки. Полетѣли въ городъ голуби по голубятнямъ, а воробьи по застрѣхамъ, и всѣ дворы коростеньскіе загорѣлись разомъ, такъ что тушить было нельзя. Бѣжавшихъ перехватывали воины; старшинъ Ольга взяла себѣ, а другихъ отдала своей дружинѣ, на всѣхъ остальныхъ наложила тяжелую дань. Но по всей древлянской землѣ установила менѣе тяжелые уставы и уроки. Съ того времени они платили дань и исполняли урочныя работы не такъ, какъ при Игорѣ, а по заранѣе сдѣланному опредѣленію.

Много заботъ посвятила великая княгиня Ольга установленію порядка по всей Русской землѣ. Она объѣзжала ее, начиная съ сѣвера, въ разныхъ направленіяхъ, творя вездѣ судъ и расправу. Послѣ распоряженій въ землѣ древлянской, она отправилась на сѣверъ въ Новгородъ и по рѣкѣ Мстѣ, важной по судоходству, установила погосты (гость—богатый купецъ)—торговые, ярмарочные пункты, и дани—подати, а по рѣкѣ Лугѣ—оброки и дани. Долго народъ помнилъ о ея становищахъ и ловищахъ, мѣстахъ охоты, а въ Псковѣ чрезъ сто лѣтъ показывали ея сани. При внукѣ ея Владимірѣ, лучшіе люди Русской земли, ставя принятіе ею христіанства въ примѣръ для великаго князя, называли ее «мудрѣйшей изъ людей». Очевидно, они цѣнили ея умъ выше ума Вѣщаго Олега.

По словамъ нашей лѣтописи, Ольга приняла крещеніе въ Цареградѣ въ 957 году. Къ этому она была подготовлена еще въ Кіевѣ, гдѣ были христіане, со временъ Аскольда и Дира, и гдѣ ихъ было много при ея мужѣ Игорѣ, потому что въ это время у христіанъ въ Кіевѣ былъ соборный храмъ св. Иліи, и, конечно, были и приходскіе храмы. Крещеніе Ольги совершалъ константинопольскій патріархъ, а воспріемникомъ ея отъ купели, или крестнымъ отцомъ, былъ императоръ греческій Константинъ Багрянородный. Русскіе люди, восхищаясь умомъ Ольги, разсказывали, что этотъ императоръ, пораженный ея мудростью, хотѣлъ жениться на ней. Но Ольга просила его прежде быть ея

воспріемникомъ отъ купели, а когда, послѣ крещенія, онъ возобновилъ свое предложеніе, Ольга сказала ему, что, по христіанскому закону, крестный отецъ не можетъ жениться на своей крестной дочери. Пораженный этимъ, императоръ сказалъ: «переклюкала еси ты меня, Ольга», т.-е. ты меня перехитрила.

Въ своемъ сочиненіи: «Объ обрядахъ Византійскаго двора» Константинъ Багрянородный, не говоря объ этомъ обстоятельствѣ, разсказываетъ только о томъ, какъ принимали великую княгиню въ Цареградѣ.

9-го сентября Ольга прибыла въ императорскій дворецъ; за ней слѣдовали сопровождавшія ее родственницы, знатныя рус-

Св. Ольга и памятники въ честь ея въ Псковской области.

скія боярыни, послы русскихъ князей, ея собственные старшіе дружинники и русскіе гости. Въ одной изъ залъ ее провели мимо императора, возсѣдавшаго на тронѣ и окруженнаго сановниками. Затѣмъ, чрезъ длинный рядъ дворцовыхъ палатъ повели въ Юстиніанову залу, гдѣ представили императрицѣ, возсѣдавшей на тронѣ, на особомъ возвышеніи, покрытомъ пурпуровыми тканями. На золотомъ особомъ сѣдалищѣ сидѣла и невѣстка императора. По сторонамъ стояли придворные сановники и дамы. Придворный сановникъ привѣтствовалъ Русскую великую княгиню отъ имени императрицы. Ольгу и ея свиту отвели отсюда на короткій отдыхъ въ особый покой, а потомъ опять при-

гласили въ ту же Юстиніанову залу, куда явился императоръ со своими дѣтьми и внуками. Великая княгиня приглашена была сѣсть и разговаривала съ императоромъ.

Въ тотъ же день и въ той же палатѣ былъ торжественный обѣдъ. Императрица и ея невѣстка обѣдали на тронномъ возвышеніи, а Русская княгиня, сдѣлавъ легкій поклонъ императрицѣ, должна была сѣсть за другой столъ со свитой своей и греческими придворными дамами. Во время обѣда пѣли пѣвчіе, и плясали танцоры. Мужская свита обѣдала въ Золотой палатѣ. Послѣ обѣда императрица и великая княгиня перешли въ другую комнату, гдѣ подавались сласти. Ольгѣ и ея свитѣ были поднесены подарки въ видѣ золотыхъ монетъ.

18 октября былъ устроенъ другой пиръ для мужской свиты въ Золотой палатѣ, гдѣ присутствовалъ самъ императоръ, а Ольгу угощали въ палатѣ св. Павла, гдѣ присутствовала императрица съ невѣсткой и дѣтьми. Опять нашей княгинѣ и ея свитѣ сдѣланы были подарки золотыми монетами.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга стала уговаривать сына, оставивъ языческихъ боговъ, принять христіанство. По словамъ лѣтописи, она часто говорила сыну: «я узнала Бога истиннаго, и душа моя исполнилась радости; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться». Но Святославу была не по душѣ религія мира и любви, и онъ отвѣчалъ матери: «какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина надъ этимъ станетъ смѣяться». Ольга говорила: «если ты крестишься, то и всѣ сдѣлаютъ тоже». Когда же мать повторяла свой совѣтъ, Святославъ, по словамъ лѣтописи, сердился на нее и до смерти своей остался язычникомъ.

Его душа всю жизнь жаждала бранныхъ подвиговъ. Его дѣтство началось подъ звонъ мечей, и смерть пришла къ нему не дома, а у пороговъ днѣпровскихъ, на походѣ, среди воинственныхъ кликовъ враговъ. Еще ребенкомъ, какъ вы знаете, онъ посаженъ былъ «на конь» и пошелъ въ бранный походъ противъ мятежныхъ древлянъ, на кровавую месть за отца своего Игоря. Лѣтопись картинно отмѣчаетъ, какъ этотъ князь-ребенокъ, будучи еще «дѣтескъ», своей слабой рукой, впереди своей дружины, первый бросилъ, межъ ушей коня, копье на враговъ. Правда, оно падаетъ тутъ же, у ногъ коня, но это былъ починъ для боя, замѣченный всей княжеской ратью.

Художественно сильными чертами рисуетъ намъ этого чудо-

богатыря русскаго наша прекрасная лѣтопись. Онъ ходилъ на враговъ съ быстротой барса, были ли они на Волгѣ, или у горъ Кавказскихъ, или на синемъ Дунаѣ и у подошвы Балканъ. Въ походъ онъ не возилъ ни возовъ, ни котловъ, ни шатровъ. На стоянкахъ походныхъ онъ не варилъ мяса, но, изрѣзавъ ломтями конину, или говядину и звѣрину, самъ пекъ ее на угольяхъ и ѣлъ; спалъ на землѣ сырой, подложивъ подъ себя конскій потникъ, а подъ голову боевое сѣдло. Такова жъ была и его дружина. Его львиное сердце было исполнено благородства. Этотъ князь-витязь не любилъ нападать на враговъ своихъ врасплохъ, а заранѣше посылалъ сказать имъ: «иду на вы, готовьтесь къ честному бою со мною». Его геройскій образъ, такъ дивно начерченный въ лѣтописномъ преданіи, столь любимомъ у насъ въ старину, думаю, не разъ поднимался во весь ростъ предъ очами русскихъ людей, когда шли они на враговъ, и будилъ въ груди ихъ благородную отвагу и непобѣдимую храбрость, чтобъ не посрамить земли Русскія.

При предшествующихъ князьяхъ осталось не вполнѣ включеннымъ въ составъ Русскаго государства еще одно восточно-славянское племя—вятичи, жившее на востокъ отъ Днѣпра по берегамъ Оки. Они платили дань хазарамъ. Чтобъ освободить ихъ отъ чужой власти, Святославъ бросился на хазаръ, побѣдилъ ихъ кагана или хана, разорилъ его главный городъ на Дону Саркелъ или Бѣлую Вѣжу. Отсюда двинулся къ Кавказскимъ горамъ и побѣдилъ тамъ воинственныхъ ясовъ и касоговъ, подчинилъ себѣ здѣсь островъ Тамань или Тмутаракань между Азовскимъ и Чернымъ морями. Предпринималъ походъ на богатый по торговлѣ народъ болгаръ, жившихъ на Камѣ и Волгѣ, и разгромилъ ихъ городъ Великіе Болгары. Отсюда русскіе спустились на устье Волги и разгромили другую столицу хазаръ—Итель.

Властитель большого государства на востокѣ Европы,—онъ рѣшился утвердиться на югѣ ея, на третьей великой рѣкѣ—Дунаѣ, у южныхъ славянъ—болгаръ дунайскихъ. Сюда звалъ его греческій императоръ Никифоръ Фока, тѣснимый съ юга арабами, а съ сѣвера болгарами; онъ отправилъ къ русскому князю своего посла Калокира, который, сдружившись съ Святославомъ, уговорилъ его овладѣть Дунайской Болгаріей.

Высоко поднялось могущество Болгарскаго государства при ихъ царѣ Симеонѣ, который едва не овладѣлъ и самою Визан-

тіей. Но послѣ смерти его могущество болгаръ падаетъ. Они не успѣли сплотить всѣхъ балканскихъ славянъ воедино, какъ сдѣлали по отношенію къ восточнымъ славянамъ наши русскіе князья. При слабомъ царѣ Петрѣ въ Болгаріи начались смуты, вслѣдствіе ереси богомиловъ, и Святославу нетрудно было съ своими храбрыми дружинами разбить войска болгаръ, овладѣть ихъ столицей Переяславцемъ на Дунаѣ, ихъ крѣпостью Доростоломъ (нынѣшняя Силистрія) и другими городами. Старый Петръ отъ этихъ огорченій былъ разбитъ параличемъ и умеръ.

Когда Святославъ увлекся своими завоеваніями на Дунаѣ, нагрянула бѣда на Днѣпрѣ на Кіевъ. Здѣсь сидѣла престарѣлая Ольга со своими малолѣтними внуками, сыновьями Святослава. Изъ степи пришли полчища печенѣговъ и обступили стольный городъ. Нельзя было ни выйти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода. На противоположномъ берегу собрались ратные люди на лодкахъ, но не смѣли напасть на печенѣговъ. Кіевляне встужили и стали говорить: «нѣтъ никого, кто бы пробрался на ту сторону и сказалъ нашимъ, что если они завтра не нападутъ на враговъ, мы сдадимся». Вызвался одинъ молодой человѣкъ и сказалъ: «я пойду». «Иди», закричали ему всѣ. Вышедши изъ города и пробравшись съ уздой въ рукахъ въ станъ печенѣговъ, юноша сталъ спрашивать ихъ по-печенѣжски, не видали ли его коня? Принявъ его за своего, они подпустили его къ Днѣпру, а когда тотъ, сбросивъ одежду, поплылъ по рѣкѣ, стали пускать въ него изъ луковъ стрѣлы. Но было поздно, съ противоположнаго берега къ нему плыла русская лодка. Узнавъ въ чемъ дѣло, воевода Претичъ сказалъ: «подступимъ завтра на лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ, какъ воротится, погубитъ насъ». На разсвѣтѣ всѣ сѣли на лодки и громко затрубили въ трубы; кіевляне радостно откликнулись имъ; а печенѣги, подумавъ, что воротился Святославъ, отбѣжали отъ города. Тѣмъ временемъ Ольга съ внуками сѣла на лодку и переплыла рѣку. Увидавъ это, печенѣжскій князь явился одинъ къ русскому воеводѣ Претичу и спросилъ его: «кто это пришелъ?» Претичъ отвѣтилъ: «люди съ той стороны». «А ты князь ли?» спросилъ печенѣгъ. «Я мужъ княжой и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ,—несчетное множество войска». Устрашенный печенѣгъ сказалъ воеводѣ: «будь мнѣ другомъ». Тотъ согласился; оба они

подали другъ другу руки и размѣнялись подарками. Печенѣгъ подарилъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, а тотъ отдарилъ его броней, щитомъ и мечомъ.

Кіевляне, продолжаетъ лѣтописное преданіе, послали сказать Святославу: «ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся; чуть-чуть насъ не взяли печенѣги вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если не придешь и не оборонишь насъ, возьмутъ неминуемо; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей малыхъ?»

Св. Ольга.

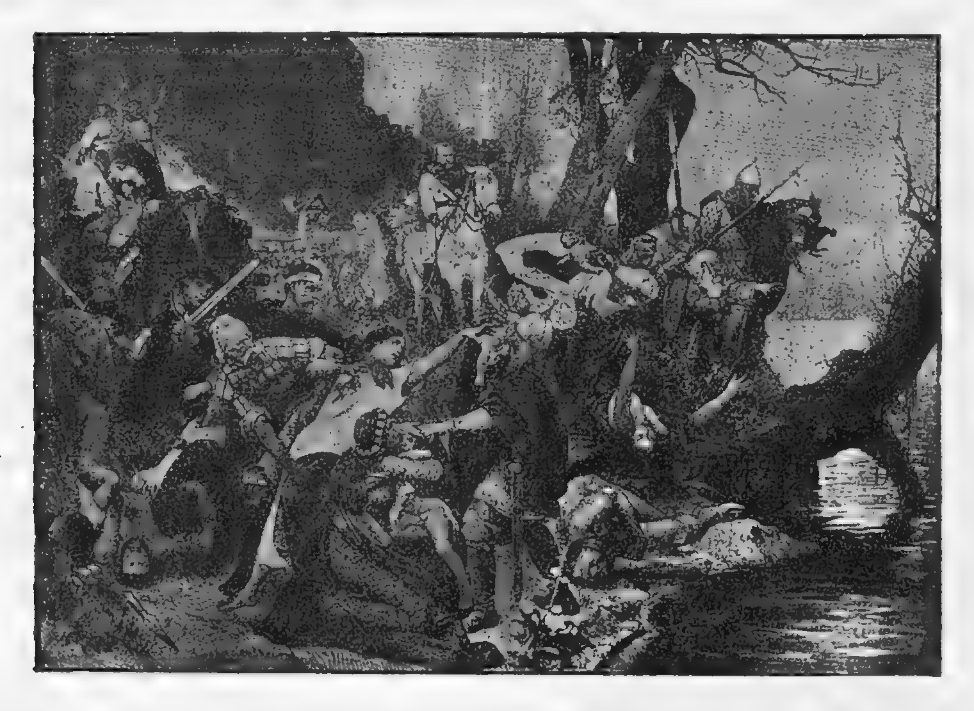
Святославъ съ дружиной сѣлъ на конь, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, крѣпко разгнѣвался на печенѣговъ, собралъ войско и прогналъ враговъ въ степь. Но не долго онъ сидѣлъ въ Кіевѣ и сказалъ матери и боярамъ: «не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ средина земли моей; туда со всѣхъ сторонъ сходится все лучшее: отъ грековъ золото, паволоки, вина, плоды разные; отъ чеховъ и венгровъ серебро и кони; изъ Руси мѣха, медъ, воскъ и рабы». Ольга на это сказала ему: «ты видишь, что я уже больна; куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, иди, куда хочешь». Черезъ три дня умерла Ольга, «и плакались по ней сынъ ея, внуки и люди всѣ плачемъ велимъ». Ольга, какъ христіанка, запретила справлять по себѣ тризну и была по-христіански похоронена священникомъ православнымъ. Это была чудная утренняя заря—предвѣстница восхода на Руси солнца христіанскаго при внукѣ ея Владимірѣ Святославичѣ.

Уходя опять въ Дунайскую Болгарію, Святославъ посадилъ старшаго сына своего Ярополка въ Кіевѣ, другого—Олега въ землѣ древлянской. Новгородцы, не любя жить безъ князя и управляться посадникомъ, отправили къ Святославу просить у него князя: «если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, то мы найдемъ себѣ князя», говорили они. Бояринъ Добрыня внушилъ новгородцамъ просить себѣ въ князья младшаго сына—Владиміра. Послы сказали: «дай намъ Владиміра». «Возьмите», отвѣтилъ Святославъ и отпустилъ младшаго сына вмѣстѣ съ дядей Добрыней въ Новгородъ, а самъ ушелъ на Дунай въ Болгарію. Но здѣсь уже встрѣтилъ не то. Болгары затворились въ Переяславцѣ и вышли изъ города на битву; сѣча была сильная, и враги стали было одолѣвать. Тогда Святославъ сказалъ своимъ: «уже видно намъ здѣсь погибнуть: потягнемъ мужески, братья и дружино!» Къ вечеру Святославъ одолѣлъ враговъ и копьемъ (т.-е. приступомъ) взялъ городъ. Отсюда онъ послалъ къ грекамъ сказать: «иду на васъ, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ». Греки было пообѣщали дань, но обманули русскихъ, и Святославу пришлось двинуться къ Цареграду. Но противъ него выслано было огромное войско, испугавшее и русскихъ. Въ этомъ критическомъ положеніи Святославъ сзываетъ свою дружину на военный совѣтъ и говоритъ: «ужъ намъ некуда дѣться: волей-неволей нужно стать противъ грековъ. Не посрамимъ земли Русскія! Ляжемъ костьми. Мертвіи бо срама не имутъ. Если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда. Станемъ же крѣпко! Я пойду передъ вами; и если сложу свою голову, вы сами о себѣ промышляйте». Дружина, какъ одинъ человѣкъ, отвѣтила: «гдѣ твоя голова ляжетъ, княже, тамъ и мы свои головы положимъ». Одушевленная такими словами великаго князя, геройски исполчилась Русь и побила грековъ.

Послалъ, по совѣту грековъ, императоръ дары Святославу—золото и паволоки и велѣлъ смотрѣть ему въ лицо, на что онъ больше всего польстится. Мало обратилъ вниманія на это Святославъ, сказавъ отрокамъ коротко: «спрячьте». Тогда греки послали ему оружіе. Онъ принялъ его съ радостью, хвалилъ, любовался имъ и послалъ поклонъ царю. Греки сказали: «лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ, дѣлать нечего, станемъ платить ему дань». Заключенъ былъ мирный договоръ съ Святославомъ.

Но новый императоръ Іоаннъ Цимисхій, даровитый и отважный полководецъ, рѣшилъ вытѣснить русскихъ изъ Дунайской Болгаріи. Собравъ большое войско и двинувшись съ нимъ чрезъ Балканы, Цимисхій послалъ свой флотъ чрезъ Черное море въ Дунайское устье. Какъ ни защищались русскіе, Переяславецъ былъ взятъ, и только немногіе изъ нашихъ успѣли спастись и пришли къ Святославу, занявшему Доростолъ, гдѣ онъ — былъ окруженъ съ суши и съ Дуная.

Геройская борьба Святослава съ греками длилась здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ и, описанная византійскими историками, пред-

Русскіе погребальные обряды на Дунаѣ.

ставляетъ цѣлый рядъ поразительныхъ проявленій русскаго мужества. Отрѣзанные отъ родины, не получая ни откуда помощи ни людьми, ни припасами, русскіе защищались геройски. Они не прятались за городскими стѣнами и рѣдкій день не выходили на битвы съ непріятелемъ. Подавляя числомъ своимъ, греки могли принудить русскихъ къ отступленію, но не къ бѣгству. Разбитые въ полѣ, они шли медленно въ городъ, закинувъ за спины свои длинные щиты. По ночамъ, при свѣтѣ луны, они выходили на поле битвы, собирали тѣла павшихъ товарищей и сожигали ихъ на разложенныхъ кострахъ; приносили имъ въ жертву плѣнниковъ, рабовъ и женщинъ; приносили также въ

жертву младенцевъ и пѣтуховъ, погружая ихъ въ волны Дуная. Снимая доспѣхи съ убитыхъ, греки находили между русскими женщинъ, одѣтыхъ въ мужское платье.

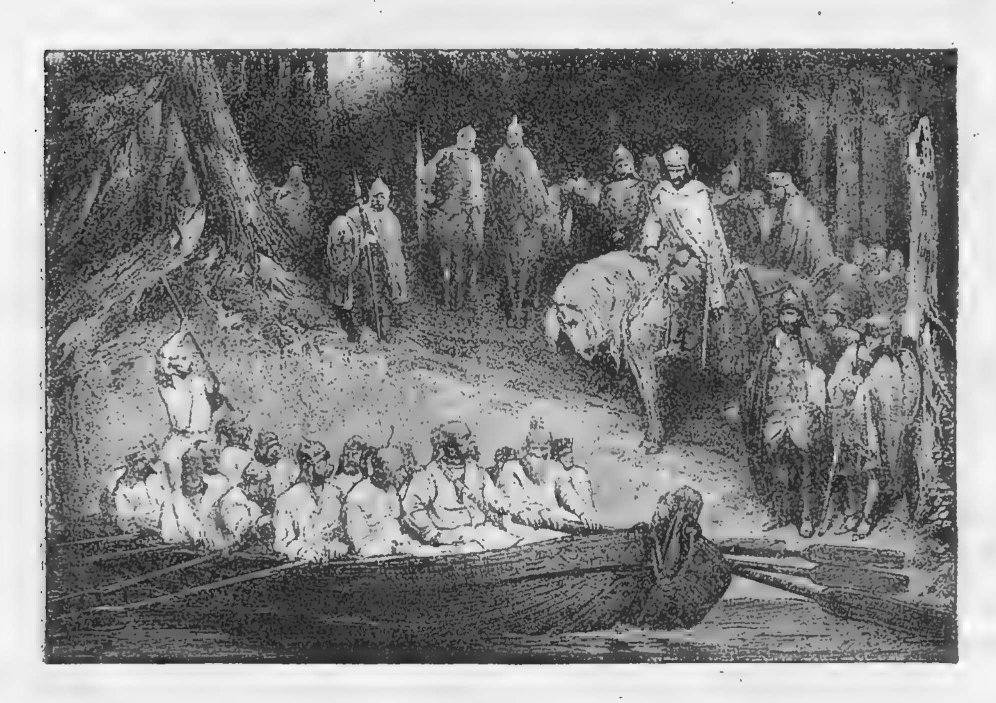
Цимисхій велѣлъ устроить метательные снаряды, бросавшіе камни въ городъ. Русскіе сдѣлали вылазку, чтобы уничтожить эти машины, но были отбиты. Имъ удалось однако убить сочтеннаго было за Цимисхія греческаго военачальника въ золоченныхъ доспѣхахъ; его отрубленную голову воткнули на копье и выставили на стѣнѣ города. Выбравъ бурную ночь, самъ Святославъ на ладьяхъ, не замѣченныхъ греческими судами, высадился съ 2000 воиновъ на берегъ и въ окрестныхъ селеніяхъ захватилъ много хлѣба и другихъ припасовъ.

Цимисхій, чтобы прекратить кровопролитіе, предлагалъ Святославу рѣшить судьбу войны единоборствомъ, но нашъ князь сказалъ: «я лучше врага своего знаю, что мнѣ дѣлать; если жизнь ему наскучила, то много способовъ отъ нея избавиться; пусть выбираетъ любой».

Въ войскѣ русскихъ былъ одинъ, отличавшійся силой и ростомъ, богатырь Икморъ, убивавшій много грековъ; а у послѣднихъ славился Анема. Однажды Анема понесся на Икмора и могучимъ ударомъ отрубилъ ему голову вмѣстѣ съ правою рукою. Опечаленные этою потерею, русскіе должны были уйти въ городъ. Въ другой разъ тотъ же Анема своимъ ударомъ повергъ на землю самого Святослава, но былъ убитъ подоспѣвшими русскими. Это ободрило нашихъ. Но дружина наша таяла отъ потерь въ битвахъ, и русскому князю пришлось заключить миръ съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Русскіе обязались очистить Болгарію, не воевать съ греками, но получили свободный выходъ изъ Придунайской страны и прежнія условія относительно торговли съ Византіей.

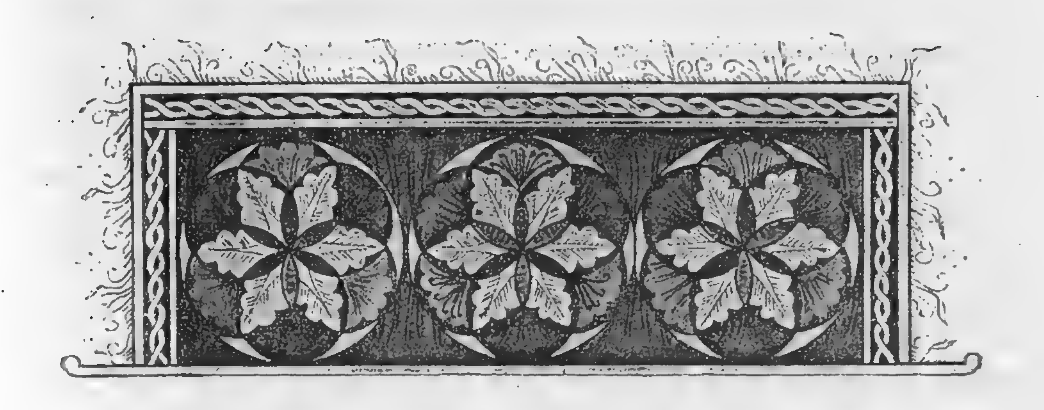
Оба героя этой войны имѣли свиданіе на берегу Дуная. Іоаннъ Цимисхій подъѣхалъ къ условленному мѣсту на конѣ въ блещущихъ золотомъ доспѣхахъ и вооруженіи, въ сопровожденіи отряда всадниковъ, богато вооруженныхъ. Въ это время къ берегу подходила лодка, въ которой сидѣли гребцы на веслахъ, одѣтые въ бѣлыя одежды. Среди нихъ сидѣлъ и нашъ Святославъ съ весломъ въ рукѣ. Съ любопытствомъ греки смотрѣли на русскаго героя, когда онъ всталъ въ лодкѣ. Онъ былъ средняго роста, статенъ, широкоплечъ, съ мускулистой шеей. У него были голубые глаза и густыя брови, длинные усы, нѣ-

сколько плоскій носъ. Голова его была гладко обстрижена. Только съ средины ея спускался длинный локонъ или чубъ. Въ одномъ ухѣ блестѣла золотая серьга съ рубиномъ и двумя жемчужинами. Коротко чрезъ переводчика поговорилъ нашъ великій князь съ императоромъ, затѣмъ подалъ знакъ гребцамъ и самъ сѣлъ на весла; лодка поплыла внизъ по Дунаю.

Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ.

Іоаннъ Цимисхій съ тріумфомъ вступилъ въ свою столицу, а нашего Святослава у днѣпровскихъ пороговъ поджидали получившіе греческое золото печенѣги. Свѣнельдъ совѣтовалъ ему идти на коняхъ степью въ Кіевъ. Но Святославъ не внялъ совѣту и палъ геройской смертью подъ ударами печенѣговъ. Ихъ князь Куря велѣлъ черепъ его оправить въ серебро и сдѣлать изъ него застольную чашу, служившую, конечно, предметомъ великой гордости для печенѣговъ. и долго ходившую въ круговую на ихъ пирахъ.

5.

Первое столѣтіе государственной жизни нашей.—Владиміръ Святославичъ въ борьбѣ его со своими братьями.—Язычество нашихъ предковъ.—Владиміръ собирается перемѣнить вѣру. — Посольства къ нему отъ разныхъ народовъ съ предложеніями вѣры.—Русскіе послы наблюдаютъ религіи разныхъ народовъ въ ихъ странахъ.—Война съ греками.—Крещеніе Владиміра и кіевлянъ. — Правленіе Владиміра.—Перемѣна въ его жизни.—Смерть Св. Владиміра и его историческое значеніе.

Прошлое наше чтеніе мы окончили смертью Святослава, въ 972 году. Прошло всего 110 лѣтъ съ основанія Русскаго государства. Но въ это первое столѣтіе было уже много сдѣлано: восточные славяне, прежде разрозненные на отдѣльныя враждующія племена, были объединены въ одно государство, въ одинъ народъ; появилось сознаніе единой Русской земли, ея достоинства и славы. Вырвавшееся изъ устъ Святослава, въ критическую минуту, когда этотъ князь-государь былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, восклицаніе: «не посрамимъ земли Русскія, ляжемъ за нее костьми», свидѣтельствуетъ, что наши предки въ то время дорожили Русскимъ государствомъ и его честью. И не напрасно восточные славяне создали свое государство, стремясь къ установленію у себя правды, коей у нихъ не было въ до-государственное время. Не вдругъ вырабатывается эта правда, и выработанная, какъ и все человѣческое, не является совершенствомъ, но важенъ уже самый починъ. Договоры съ греками, устанавливая наказанія за преступленія, уже говорятъ,

наравнѣ съ закономъ греческимъ, о русскомъ законѣ, который охраняетъ нарядъ или порядокъ государственный и уже скоро появится въ видѣ особаго писаннаго русскаго законодательства: устава св. Владиміра и Русской Правды Ярослава Мудраго. Сила русскаго оружія, щита и меча становится честной и грозной не только для азіатскихъ народовъ, какъ для хазаръ, печенѣговъ, касоговъ и другихъ, но и для европейскихъ, каковы дунайскіе болгары и сами греки Византійской имперіи. На Русское государство уже можно положиться, если съ нимъ эта имперія заключаетъ трактаты или договоры.

Страницы русской лѣтописи въ первое столѣтіе нашего государства свидѣтельствуютъ, что мы не уступимъ въ дарованіяхъ и подвигахъ своихъ государей ни одному изъ народовъ запада. Нашъ вѣщій Олегъ, наша мудрая Ольга, нашъ неустрашимый Святославъ съ честью выдержатъ сравненіе съ государями народовъ запада за соотвѣтствующее время. Это было благимъ предзнаменованіемъ въ нашей исторіи, при самомъ ея началѣ.

Но прошло всего 126 лѣтъ съ основанія Русскаго государства, какъ на Руси начинается новая и плодотворная эпоха: Русь принимаетъ христіанство, становится народомъ христіанскимъ, православнымъ. Христіанство еще болѣе сплачиваетъ русскихъ въ одно цѣлое и поднимаетъ на новую высоту жизнь этого цѣлаго, даетъ ему еще новую правду, которой не знала языческая Русь.

Всемірная или всеобщая исторія ведетъ свое лѣтосчисленіе по годамъ и вѣкамъ до Рождества Христова и послѣ Рождества Христова и этимъ самымъ говоритъ, что средоточіемъ исторіи, ея важнѣйшимъ поворотнымъ пунктомъ служитъ христіанство. Древняя исторія народовъ—это исторія безъ вліянія на нихъ христіанства, новая исторія—это исторія народовъ подъ вліяніемъ христіанства. И это вліяніе неизмѣримо по своей благотворности для исторической жизни народовъ. Вотъ почему исторія ярко отмѣчаетъ паденіе язычества и начало христіанства у каждаго народа и высоко ставитъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые вводятъ народы подъ сѣнь христіанской церкви, вотъ почему и сынъ Святослава—Владиміръ Равноапостольный, просвѣтивъ свой народъ свѣтомъ Христова ученія, затмитъ своего славой всѣхъ своихъ предшественниковъ и не будетъ поставленъ въ тѣнь своими преемниками, какою бы славою они ни пользовались.

И самъ Владиміръ Святославичъ до принятія христіанства былъ не тѣмъ, чѣмъ сталъ послѣ своего крещенія, и его народъ глубоко измѣнился подъ вліяніемъ Христовой вѣры.

Мы знаемъ, что онъ по волѣ своего отца, подъ руководствомъ своего дяди Добрыни, княжилъ въ Новгородѣ, когда Святославъ былъ убитъ печенѣгами. Послѣ его смерти возобновились тѣ усобицы, которыя были въ до-государственное время, когда

Св. Владиміръ, академика Солнцева.

одинъ родъ возставалъ на другой, когда не было въ нашей землѣ правды.

Неправда овладѣла двумя братьями Владиміра. У Ярополка, княжившаго въ Кіевѣ, совѣтчикомъ и руководителемъ былъ извѣстный намъ воевода Свѣнельдъ. Сынъ его Лютъ, гоняясь на оходѣ за звѣремъ, забрался въ лѣса Олега древлянскаго, какъ разъ въ то время, когда тотъ былъ на ловахъ, именно въ тѣхъ

мѣстахъ. Узнавши, кто такой—Лютъ, Олегъ убилъ его. Свѣнельдъ, желая отомстить за сына, не переставалъ твердить Ярополку: «поди на брата и возьми волость его». Кіевскій князь, послушавшись своего совѣтчика, идетъ со своею ратью на брата. Древлянскій князь былъ разбитъ и побѣжалъ въ городъ Овручъ. Но на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ у городскихъ воротъ, произошла давка, въ которой и Олега столкнули въ ровъ; туда попадали лошади, раздавившія тамъ людей; въ числѣ ихъ погибъ и Олегъ. Когда, послѣ долгихъ поисковъ, нашли его трупъ, принесли Ярополку и положили его предъ нимъ на коврѣ, братъ началъ плакаться и укорялъ Свѣнельда: «порадуйся теперь, — твое желаніе исполнилось».

Третій Святославичъ, Владиміръ, узнавъ о смерти Олега и страшась и за свою жизнь, бѣжалъ со своимъ дядей Добрыней за море. Ярополкъ, присоединивъ къ себѣ и его волость и назначивъ въ нее своихъ посадниковъ, сталъ одинъ владѣть Русскою землей.

Чрезъ три года Владиміръ возвратился съ варягами, прогналъ изъ Новгорода Ярополковыхъ посадниковъ и велѣлъ имъ сказать брату: «Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ». Но вражда братьевъ началась изъ-за невѣсты раньше ихъ встрѣчи. Ярополкъ былъ сговоренъ съ княжной Рогнѣдой, дочерью полоцкаго князя Рогвольда. И Владиміръ сталъ свататься за ту же Рогнѣду. Отецъ, не отказывая новгородскому князю, отдалъ отвѣтъ на волю дочери. Она сказала, что «не хочетъ разуть робычича, т. е. выйти за него замужъ: Владиміръ родился отъ Малуши, рабыни-ключницы Ольги. Такой отвѣтъ былъ оскорбленіемъ и князю и его дядѣ, брату Малушину Добрынѣ. Въ то время, какъ Рогнѣду готовились свадебнымъ поѣздомъ везти къ Ярополку, Владиміръ, съ войскомъ изъ варяговъ, новгородцевъ, кривичей и чуди, нападаетъ на Полоцкъ, убиваетъ Рогвольда и двухъ его сыновей и женится на Рогнѣдѣ, а княжество полоцкое беретъ себѣ.

О судьбѣ ея народное преданіе гласитъ слѣдующее: когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Но однажды пришелъ къ ней и заснулъ въ ея теремѣ. Она хотѣла его зарѣзать его же ножомъ, но онъ внезапно проснулся и удержалъ ея руку. Она сказала мужу: «ужъ мнѣ горько стало: отца моего убилъ и землю его полонилъ для меня, а теперь не любишь меня и

младенца моего». Владимiръ приказалъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ она была одѣта на свадьбу, сѣсть на богатой постели и ожидать его. Опасаясь казни, она дала своему маленькому сыну Изяславу въ руки мечъ и научила, что сказать отцу. Когда явился Владимiръ, сынъ сказалъ ему: «развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» «А кто жъ тебя зналъ, что ты здѣсь», сказалъ Владимiръ и велѣлъ позвать бояръ на совѣтъ. Тѣ сказали: «ужъ не убивай ее ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей ее съ сыномъ». Поступилъ по этому совѣту Владимiръ и даже построилъ сыну своему городъ Изяславль.

Когда Владимiръ съ войскомъ двинулся на Ярополка, тотъ не былъ въ состоянiи биться съ нимъ въ открытомъ полѣ и затворился въ Кiевѣ въ осаду. Главнымъ княжимъ совѣтникомъ былъ воевода Блудъ. Новгородскiй князь, переманивая его на свою сторону, велѣлъ сказать ему: «помоги мнѣ, если я убью брата, ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь большую честь». «Не я, говорилъ онъ, началъ избивать братьевъ, а онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи». Блудъ согласился и сталъ подавать Ярополку коварные совѣты; отклоняя его отъ вылазокъ изъ Кiева, стращалъ его: «кiевляне ссылаются съ Владимiромъ, зовутъ его на приступъ и хотятъ предать тебя». Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кiева и затворился въ городѣ Роднѣ, на рѣкѣ Роси, впадающей въ Днѣпръ, гдѣ скоро начался голодъ, отчего сложилась пословица: «бѣда, какъ на Роднѣ». «Видишь, сколько войска у брата твоего? Намъ ихъ не перебороть; мирись съ братомъ», продолжалъ Блудъ. Тотъ согласился, а коварный совѣтчикъ послалъ сказать Владимiру: «твое желанiе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его». Ярополку же говорилъ: «ступай къ брату и скажи ему, что дашь, то и возьму». Одинъ изъ дружинниковъ Варяжко говорилъ Ярополку: «не ходи, княже, убьютъ тебя, лучше бѣги къ печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско». Но князь не внялъ предостереженiю и пошелъ къ Владимiру, а когда входилъ въ двери, два варяга прокололи его мечами; Блудъ затворилъ двери и не далъ войти Ярополчимъ дружинникамъ. Такъ, по-язычески, дѣйствовали въ то время. Ярополкъ любилъ христiанъ и, по всей вѣроятности, самъ скоро крестился бы и, кажется, именно за это не любимъ былъ язычниками въ Кiевѣ.

Владимiръ ознаменовалъ свое утвержденiе въ Кiевѣ и еди-

нодержавіемъ на Руси и энергическимъ подъемомъ язычества,— ревностнымъ служеніемъ богамъ. Но это было послѣдней вспышкой жизни язычества предъ его паденіемъ отъ того же Владиміра.

Религія восточныхъ славянъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: они вѣровали въ боговъ двухъ родовъ. Одни олицетворяли силы внѣшней природы, другіе—души умершихъ предковъ.

Славяне наши, какъ и другіе, какъ и всѣ индоевропейскіе народы, обоготворяли стихію свѣта. Первоначальнымъ божествомъ у нихъ былъ богъ неба Сварогъ. Солнце и огонь у нихъ назывались сварожичами, т. е. дѣтьми Сварога. Но солнце небесное у нихъ почиталось подъ именемъ Даждь--бога, который былъ источникомъ жизни не только для природы, но и для людей, внуковъ Даждь-бога. То же солнце почиталось у насъ также и подъ именемъ Хорса. Даже богъ домашняго скота Волосъ или Велесъ былъ въ связи съ солнцемъ, подобно греческому Геліосу, солнцу. Тотъ же Волосъ считался покровителемъ пѣвцовъ, какъ и у грековъ солнечное божество Аполлонъ. Всѣ праздники, зимніе, весенніе и лѣтніе, были связаны съ перемѣнами въ положеніи солнца. Когда солнце поворачивало на лѣто, а зима па морозъ, наши предки, около нынѣшняго Рождества Христова, праздновали Коляду и колядовали, т. е. пѣли особыя пѣсни колядскія и совершали гаданія. Когда кончалась зима и подступала весна, совершали празднества въ честь Ярилы, требовавшаго круглыхъ, какъ солнце, блиновъ. Весна-красна встрѣчалась на красной горкѣ хороводами и пѣснями въ честь Лады и Леля. Конецъ ея справлялся купальскими празднествами, соединенными съ плетеніемъ вѣнковъ и прыганьемъ чрезъ огонь костровъ. Предъ принятіемъ христіанства изъ небесныхъ боговъ особенно чествовался богъ молніи и грома Перунъ. Вообще всѣ боги неба были врагами тьмы и холода, зимы и ночи, смерти и зла, кои были подъ властью Черно-бога, Кащея безсмертнаго, Бабы-яги и ночныхъ вѣдьмъ.

Мать-сыра-земля давала нашимъ предкамъ своихъ боговъ. Воздухъ, ее окружающій, былъ во власти Стрибога и стрибожьихъ внуковъ, олицетворяющихъ собою вѣтры. Вода находилась подъ властью Мокоша и его водяныхъ и русалокъ. Лѣсами завѣдывали лѣсовики или лѣшіе. Такимъ образомъ, нашимъ предкамъ вся природа представлялась одушевленною живыми божественными силами.

На ряду съ этими силами и явленіями природы восточные

славяне, какъ уже извѣстно, обоготворяли души умершихъ предковъ. Родичи обоготворяли своихъ Рода и Рожаницу, т. е. души родоначальника и родоначальницы. Родоначальникъ назывался еще щуромъ и пращуромъ. Къ нему, какъ было сказано, обращались родичи съ охранительными заклятіями (чуръ меня), онъ размножалъ родъ посредствомъ рожденія дѣтей, разгнѣванный на родичей; онъ посылалъ на дѣтей родимцы и другія болѣзни. Семья имѣла свое божество домашняго очага, которое сидѣло за печью, — дѣдушку домового.

Погребеніе умершаго большею частью совершалось посредствомъ сожиганія. Въ жертву умершему приносились одежда, пища, кони, волы, домашняя птица, рабы, его жена, а если онъ не былъ женатъ, то дѣвушка. Все это сжигалось вмѣстѣ съ покойникомъ, чтобы онъ могъ пользоваться всѣмъ этимъ въ своей загробной жизни.

Восточные славяне не строили своимъ богамъ храмовъ, но ставили ихъ изображенія или идоловъ на высокихъ мѣстахъ, огороженныхъ въ видѣ такъ-называемыхъ городищъ. Они не имѣли у себя жреческаго сословія, если не считать жрецами волхвовъ или кудесниковъ. Жертвы богамъ обыкновенно приносили старшіе въ родахъ, старцы въ общинахъ и сами князья среди своихъ племенъ. Жертвы состояли изъ плодовъ земли, кушаній и разныхъ напитковъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ приносились и кровавыя жертвы, для коихъ убивались животныя а рѣже люди.

Лѣтопись говоритъ: «началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ и поставилъ кумиры на холмѣ внѣ двора теремного: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса-Дажбога, Стрибога, Симаргла (неизвѣстное божество) и Мокоша». Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бѣсамъ. «Осквернилась, говоритъ христіанская лѣтопись, кровью земля Русская и холмъ тотъ». Дядя великаго князя Добрыня также ставилъ кумировъ на берегахъ Волхова въ Новгородѣ. Но такой подъемъ язычества привелъ, наконецъ, къ христіанскому мученичеству въ Кіевѣ. Возвратясь въ 983 году изъ труднаго похода противъ литовскаго племени ятвяговъ, Владиміръ, вмѣстѣ со своими людьми, приносилъ жертву кумирамъ. Но бояре и старцы градскіе сказали: «кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ жребій, прине-

семъ въ жертву богамъ». Жребій палъ на юнаго варяга-христіанина, прекраснаго лицомъ и душою. Отецъ его пришелъ изъ Византіи и былъ христіаниномъ. Посланные отъ народа, придя къ старику варягу, сказали: «палъ жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его въ жертву имъ». Тотъ отвѣчалъ: «у васъ—не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ: не ѣдятъ, не пьютъ, не говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева, а Богъ одинъ, Которому служатъ греки, который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, и далъ ему жизнь на землѣ; а эти боги, что сдѣлали? Сами дѣланные. Не дамъ сына своего бѣсамъ!» Народъ вооружившись двинулся къ дому варяга и разломалъ заборъ вокругъ него. Толпа яростно кричала: «дай сына своего богамъ». Но христіанинъ отвѣчалъ: «если они боги, то пусть пришлютъ кого-нибудь изъ своихъ взять сына моего, а вы о чемъ хлопочете?» Толпа бросилась къ дому, подрубила подъ нимъ сѣни и убила ихъ обоихъ. Язычество торжествовало, но слова христіанина: «ваши боги—дерево; Богъ одинъ, Который сотворилъ все», звучали смертнымъ приговоромъ безмолвнымъ Перуну, Даждь-богу и Стрибогу. Многіе послѣ этого извѣрились въ язычествѣ, а главное извѣрился самъ Владиміръ.

Сказаніе о принятіи христіанства и о крещеніи русскаго народа представляется единственнымъ во всѣхъ лѣтописяхъ европейскихъ народовъ.

Вы помните, что наша начальная лѣтопись рисуетъ намъ такую картину происхожденія у насъ государства, какой мы не найдемъ у другихъ народовъ. Сознательное и добровольное рѣшеніе самихъ славянъ вручить надъ собою Верховную власть Государю—князю представляетъ отличительную особенность происхожденія нашего государства и условіе особыхъ отношеній народа къ носителямъ этой власти. Точно также и принятіе христіанства Владиміромъ совершилось вслѣдствіе того, что онъ сознательно убѣдился въ его истинѣ и добровольно выбралъ его изъ числа другихъ религій. Его примѣру послѣдовалъ добровольно народъ. Въ этомъ заключаются и особыя отношенія у насъ и власти и народа къ христіанству.

Чтобы вамъ стало яснѣе сказаніе лѣтописи объ этомъ, я разскажу вамъ нѣсколько примѣровъ принятія христіанства у западныхъ народовъ.

Возьмемъ, напр., саксовъ, жившихъ по рѣкѣ Эльбѣ и поклонявшихся своимъ воинственнымъ богамъ. Своими нападеніями на владѣнія франковъ они вынудили ихъ государя, Карла Великаго, воевать съ собою. Побѣдивъ ихъ, онъ для замиренія съ собою саксовъ рѣшилъ сдѣлать ихъ христіанами и оставилъ въ ихъ землѣ латинскихъ (папскихъ) миссіонеровъ, вмѣстѣ съ франкскими гарнизонами. Но лишь только онъ ушелъ отъ нихъ, саксы перебили франкскихъ воиновъ и изгнали христіанскихъ проповѣдниковъ. Много разъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, пришлось Карлу предпринимать такого рода крестовые походы противъ саксовъ, пока, наконецъ, истомленный войной ихъ предводитель герцогъ Витекиндъ не явился въ станъ Карла и не принялъ тамъ крещенія. Подобными же войнами были обращены нѣмецкими рыцарями въ католическую вѣру эсты и латыши, живущіе на Западной Двинѣ, и пруссы, жившіе на устьѣ Вислы.

Во многихъ случаяхъ и добровольное принятіе христіанства на западѣ носитъ характеръ иной, чѣмъ у нашего Владиміра. Вотъ примѣръ: предшественникъ Карла Великаго—король франковъ Хлодвигъ—въ битвѣ съ алеманами громко далъ обѣтъ креститься, если побѣдитъ ихъ. Когда, при помощи христіанъ, бывшихъ въ его войскѣ, побѣда была одержана, онъ принимаетъ крещеніе. Но предъ самымъ таинствомъ онъ обнаруживаетъ глубокое непониманіе христіанства. Христіанскій епископъ, подготовляя его къ крещенію, говорилъ ему объ искупительной смерти Христа Спасителя и передалъ, какъ іудеи и римляне распяли Его на крестѣ. При этихъ словахъ Хлодвигъ схватывается за свой мечъ и говоритъ: «будь я тамъ со своими франками, я жестоко отмстилъ бы за Него». Непроникнутый разумѣніемъ христіанства, онъ и послѣ крещенія всю жизнь остается мстительнымъ, жестокимъ и коварнымъ язычникомъ.

Не такъ принялъ крещеніе нашъ Владиміръ, а главное не такимъ, какимъ былъ въ язычествѣ, сталъ въ христіанствѣ.

Когда онъ рѣшился оставить язычество, онъ не вдругъ, а послѣ долгой работы надъ собою, послѣ прилежнаго ознакомленія съ другими религіями, по искреннему убѣжденію, избираетъ новую вѣру.

Прознавъ о намѣреніи Владиміра перемѣнить свою вѣру, сосѣдніе народы присылаютъ къ нему своихъ пословъ съ предложеніемъ своей вѣры каждый. Первыми пришли въ Кіевъ бол-

гары (камскіе) вѣры магометовой и сказали: «ты—князь мудрый и смысленый, а не знаешь закона (истиннаго); вѣруй въ нашъ законъ и поклонись Магомету». И спросилъ Владиміръ: «въ чемъ состоитъ ваша вѣра?» «Вѣруемъ въ Бога, говорили они; а Магометъ заповѣдуетъ намъ обрѣзаніе, не ѣсть свинины, не пить вина; а по смерти дастъ Магометъ каждому по семидесяти женъ прекрасныхъ:.. И иную многую лесть, по словамъ лѣтописи, говорили, чего и писать нельзя срама ради». Понравилось Владиміру, что было говорено о женахъ, но не по душѣ ему было обрѣзаніе и запреты въ пищѣ, а о запрещеніи пить и слышать онъ не хотѣлъ, сказавъ: «Руси есть веселіе пити, не можемъ бо безъ того быти».

Потомъ явились нѣмцы, говоря: «пришли мы (къ тебѣ) посланные отъ папы; земля твоя, какъ и земля наша, а вѣра ваша не какъ наша...» и стали говорить о вѣрѣ своей. Владиміръ сказалъ нѣмцамъ: «идите назадъ: ибо отцы наши сего не принимали». Услыхавъ объ этомъ, пришли жиды хазарскіе съ словами: «слышали мы, что приходили болгары и христіане, уча тебя каждый своей вѣрѣ; христіане вѣруютъ въ Того, Кого мы распяли, а мы вѣруемъ во единаго Бога Авраамова, Исаакова, Іаковлева». И спросилъ Владиміръ: «что есть законъ вашъ?» Они отвѣчали: «обрѣзываться, не ѣсть свинины и заячины, хранить субботу». «А гдѣ земля ваша?» спросилъ Владиміръ. Тѣ отвѣчали: «въ Іерусалимѣ, но разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ землямъ за грѣхи наши, и предана была земля наша христіанамъ». Русскій князь сказалъ: «какъ же другихъ учите, когда сами отвержены Богомъ и расточены?.. Или вы хотите, чтобы и съ нами случилось тоже?» Послѣ этого прислали греки въ Кіевъ философа, который, высказавъ осужденіе тѣхъ вѣръ, кои предлагались прежде, сталъ говорить о Христѣ, какъ Богѣ, сошедшемъ на землю, воплотившемся и принявшемъ крестную смерть. «Но для чего, спросилъ Владиміръ, Богъ сошелъ на землю и принялъ страданіе?» «Если хочешь, отвѣчалъ философъ, скажу тебѣ по порядку и обстоятельно». «Послушаю, радъ», сказалъ князь. Полилась одушевленная рѣчь философа, изложившаго въ главныхъ чертахъ исторію Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ заключеніе онъ говорилъ о страшномъ судѣ Христа и показалъ Владиміру картину его, на которой тотъ увидалъ одесную Спасителя праведныхъ, идущихъ въ рай, а ошуюю грѣшныхъ, идущихъ въ муку вѣчную.

Владимiръ вздохнулъ и сказалъ: «добро симъ одесную, горе же симъ ошуюю». «Если хочешь стать съ первыми одесную,

Внутреннiй видъ Софiйскаго собора.

крестись». Князь, положивъ въ сердцѣ своемъ эти слова, сказалъ: «подожду еще мало», и съ честью и дарами отпустилъ греческаго проповѣдника.

Созвалъ великій князь бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и повѣдалъ имъ о приходившихъ къ нему послахъ и спросилъ: «какъ вы мнѣ ума прибавите (своимъ совѣтомъ)?» Они отвѣчали: «знаешь, князь, что свое никто не хулитъ, а хвалитъ; если хочешь испытать хорошенько, то имѣешь у себя мужей, пошли ихъ посмотрѣть службу (Богу) у каждаго народа». Эта рѣчь была люба князю; избрали 10 мужей добрыхъ и смысленныхъ и отправили ихъ въ разныя земли, откуда приходили послы. Въ Цареградѣ, по приказанію императора, патріархъ съ особою торжественностью совершилъ для нихъ богослуженіе въ Софійскомъ соборѣ, которое произвело на нихъ неизгладимо глубокое впечатлѣніе.

Возвратившись въ Кіевъ, они разсказывали: «ходили мы къ болгарамъ и смотрѣли, какъ они поклоняются въ ропати (мечети): стоятъ безпоясые; поклонившись, сядетъ (на корточки) и смотритъ туда и сюда, какъ бѣшеный. Нѣсть веселья въ нихъ, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ. Потомъ мы пришли къ нѣмцамъ и видѣли, что они творятъ въ храмахъ своихъ многія службы, но красоты не видали никакой. Послѣ этого пришли мы къ грекамъ, и ввели они насъ туда, гдѣ служатъ Богу своему. И не знаемъ мы—на небѣ были мы или на землѣ, ибо на землѣ нельзя видѣть такой красоты. Не умѣемъ вамъ разсказать, только то знаемъ, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми; и служба ихъ превосходитъ службу всѣхъ другихъ странъ; мы не можемъ забыть такой красоты. Какъ всякій человѣкъ, если попробуетъ сладкаго, послѣ уже не хочетъ горькаго; такъ и мы не хотимъ оставаться въ прежнемъ. Если бы худъ былъ законъ греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, которая была мудрѣйшею изъ всѣхъ людей». Владиміръ спросилъ: «такъ гдѣ же крестимся»? Бояре отвѣтили: «гдѣ любо тебѣ, князь». Но онъ еще разъ задумался и не сразу исполнилъ свое желаніе.

Чрезъ годъ случилась война съ греками, и Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ, вблизи нынѣшняго Севастополя. Корсунцы затворились въ городѣ въ осаду и крѣпко отбивались отъ русскихъ. Великій князь объявилъ, что если они не сдадутся, то онъ хоть три года простоитъ подъ городомъ и велѣлъ, по обычаю славянскому, присыпать валъ около городскихъ стѣнъ. Но

корсуняне, подкопавъ стѣну, по ночамъ уносили землю въ городъ. Въ это время одинъ грекъ, по имени Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ стрѣлу съ запиской къ Владиміру: «за тобой съ восточной стороны лежатъ колодцы; отъ нихъ идетъ вода въ городъ; перекопай и перейми ее, и городъ сдастся».

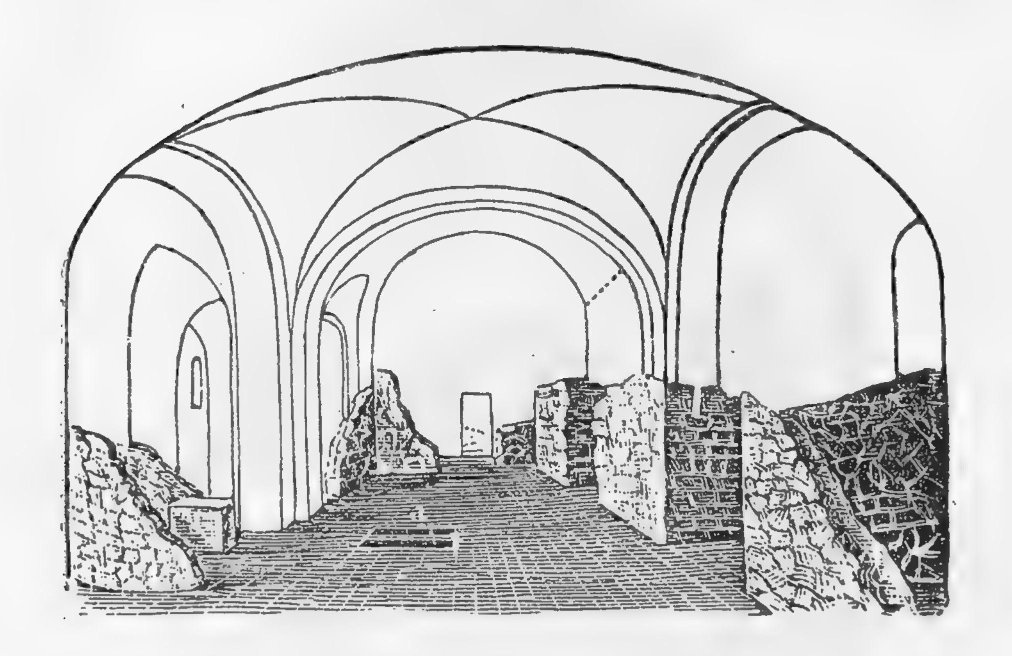
Владиміръ, взглянувъ на небо, сказалъ: «если это сбудется, я крещусь». Начали копать и воду переняли. Изнемогши отъ

Крещеніе Владиміра. В. М. Васнецова.

жажды, корсунцы сдались. Нашъ великій князь послалъ сказать царямъ греческимъ Константину и Василію: «я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же, что съ Корсунемъ». Императоры отвѣчали: «не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ за язычниковъ. Но если крестишься, и сестру нашу получишь и вмѣстѣ царство небесное

и съ нами будешь единовѣрцемъ»... «Скажите царямъ, отвѣчалъ Владиміръ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, любы мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные наши мужи». Царевнѣ Аннѣ очень не хотѣлось идти въ чужую землю. «Иду, говорила она, точно въ полонъ, лучше бы мнѣ здѣсь умереть». Но братья указывали, что это приведетъ къ крещенію русскихъ и избавитъ имперію отъ большихъ бѣдъ. И Анна, въ сопровожденіи вельможъ и пресвитеровъ, отправилась на кораблѣ въ Корсунь. Торжественно встрѣ-

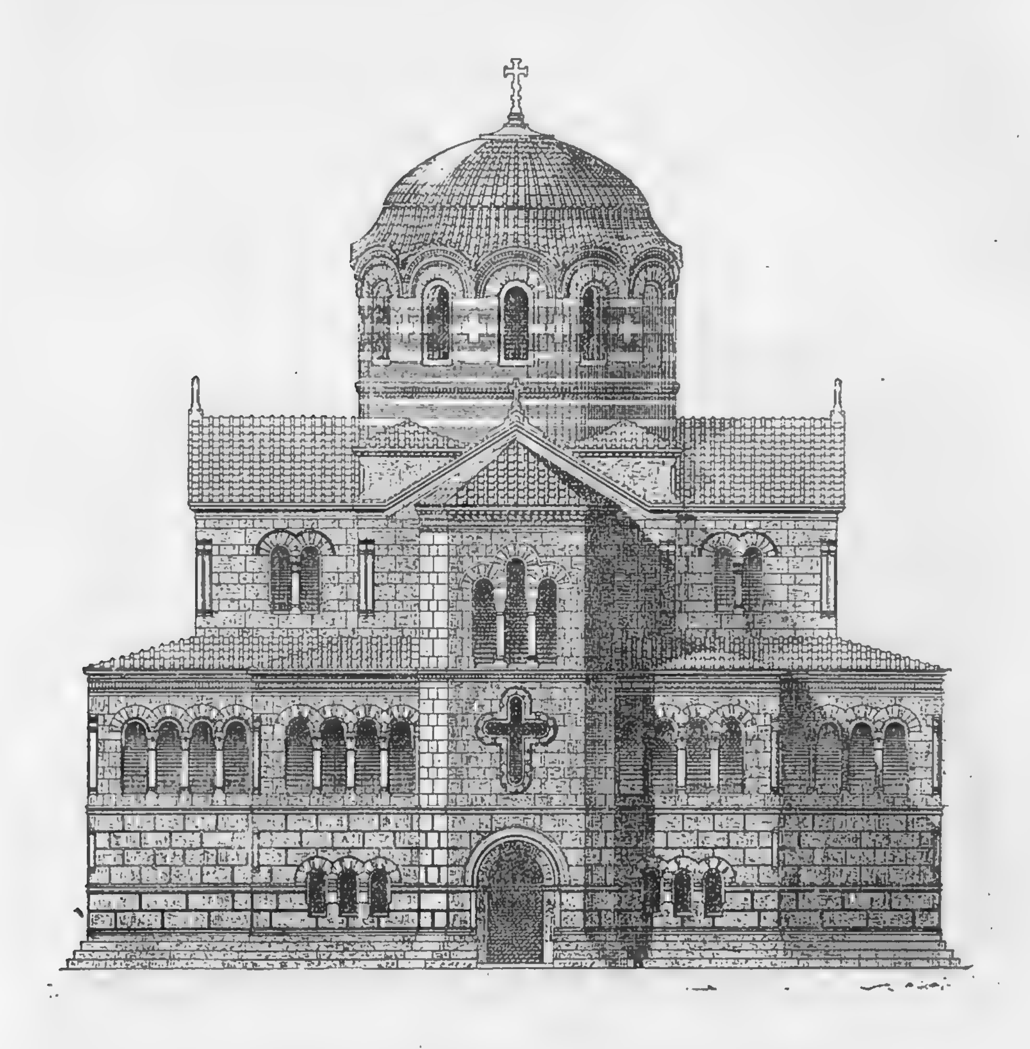

Храмъ, гдѣ крестился Св. Владиміръ.

ченная тамъ, она застала жениха своего ослѣпшимъ отъ глазной болѣзни. «Если хочешь исцѣлиться, говорила невѣста, то крестись скорѣе». Владиміръ изъявилъ на это свою готовность. Епископъ корсунскій, съ царевниными священниками, наставивъ Владиміра въ вѣрѣ, крестилъ его. Когда возложили на него руки, онъ прозрѣлъ и сказалъ: «теперь только я узналъ истиннаго Бога». Видя это, крестились многіе и изъ дружины его. Скоро Владиміръ и Анна были повѣнчаны.

Взявъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи свв. Климента и Фива, сосуды церковные и иконы, а также двѣ статуи и четырехъ мѣдныхъ коней, княжеская чета поплыла

Днѣпромъ въ Кіевъ. Прибывъ сюда, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ и людей ближнихъ. Затѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Однихъ разсѣкли на части, другихъ

Нынѣшній Владимірскій соборъ въ Херсонесѣ.
Въ память девятисотъ-лѣтія крещенія Св. Владиміра.

сожгли, а главнаго Перуна привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, а двѣнадцать человѣкъ въ поруганіе били истукана палками. Когда его волокли въ Днѣпръ, народъ плакалъ по немъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, приставленные люди палками отталкивали его отъ берега, пока не пройдетъ пороги. Язычники кричали: «выдыбай, боже, выдыбай, Перуне!» И онъ причалилъ къ одному мысу, гдѣ послѣ былъ построенъ монастырь, названный Выдубицкимъ.

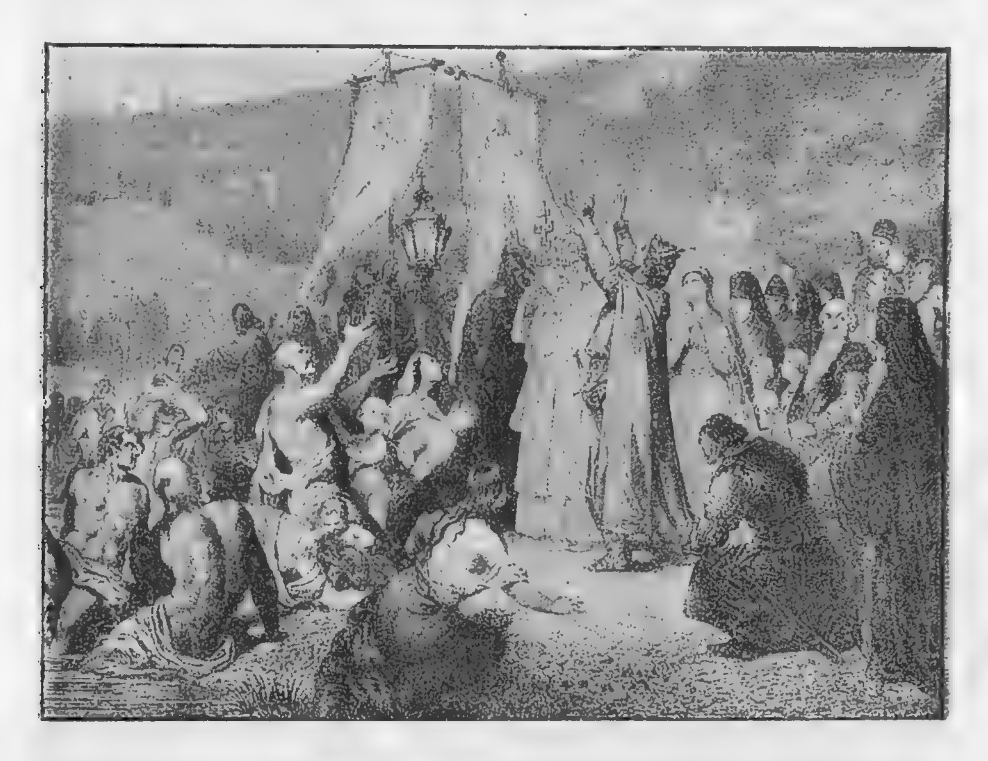
Послѣ этого священники ходили по городу съ проповѣдью христіанскою. Многіе съ радостью крестились, но многіе, будучи преданы старой вѣрѣ, отказывались отъ крещенія. Тогда князь послалъ повѣстить по городу, чтобы на другой день всѣ некрещеные шли на Днѣпръ; кто жъ не явится, будетъ противникомъ князю. Большинство народа исполнило волю государя, сказавъ: «если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея». Владиміръ съ священниками и иконами вышелъ на Днѣпръ, гдѣ въ него впадала Почайна. Некрещеные вошли въ воду и стояли одни по шею, другіе по грудь. Несовершеннолѣтніе стояли у берега, взрослые держали на рукахъ дѣтей; а уже крещеные ходили по рѣкѣ, уча другихъ, какъ держать себя при совершеніи таинства и стали ихъ воспріемниками.

Присланный изъ Царяграда митрополитъ съ священниками, Анастасомъ и Добрыней, ходили на сѣверъ и крестили по пути народъ, встрѣтивъ лишь въ одномъ Новгородѣ сопротивленіе. Когда сюда дошла вѣсть о проповѣдникахъ новой вѣры, вѣче поклялось ихъ не пускать въ городъ. Къ приходу Добрыни новгородцы разобрали мостъ на Волховѣ. Особенно подстрекалъ ихъ къ сопротивленію волхвъ Богомилъ и тысяцкій Угоняй. Разоренъ былъ домъ Добрыни, убита была его жена и нѣкоторые изъ родни. Но тысяцкій Путята усмирилъ мятежниковъ, а Добрыня пожегъ часть города. Тогда новгородцы крестились въ Волховѣ. Но отсюда сложилась пословица, что Путята крестилъ ихъ мечомъ, а Добрыня огнемъ. Самъ Владиміръ предпринималъ съ священниками путешествія и училъ народъ христіанству и крестилъ его. Всюду христіанство принималось добровольно.

Владиміръ строилъ церкви и монастыри въ Кіевѣ и по другимъ городамъ. Ставились епископы и священники. Въ Кіевѣ, на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ, Владиміръ построилъ храмъ во имя св. Василія, въ честь котораго былъ нареченъ во святомъ крещеніи. Насажденная Владиміромъ св. православная вѣра требовала такой церкви въ смыслѣ храма, который былъ бы церковью всея Руси и матерью всѣхъ церквей русскихъ, какимъ являлся послѣ въ Московской Руси нашъ Всероссійскій Успенскій соборъ. Такую церковь во имя Успенія Богоматери, въ годъ крещенія Руси, въ 988 году, заложилъ Владиміръ въ Кіевѣ и строилъ ее съ помощью греческихъ зодчихъ пять лѣтъ. Какъ бы поручая крещеную Русь покрову этой церкви, Владиміръ, по окончаніи постройки этого храма, молился такъ: «Господи Боже!

Призри съ небесе и виждь, и посѣти винограда своего и сверши, яже насади десница Твоя,—новыя люди си, имже обратилъ еси сердце познати Тебе, Бога истиннаго»... Назначивъ на ея содержаніе десятую часть своихъ доходовъ, Владиміръ, по словамъ лѣтописи: «положи написавъ клятву въ церкви сей».

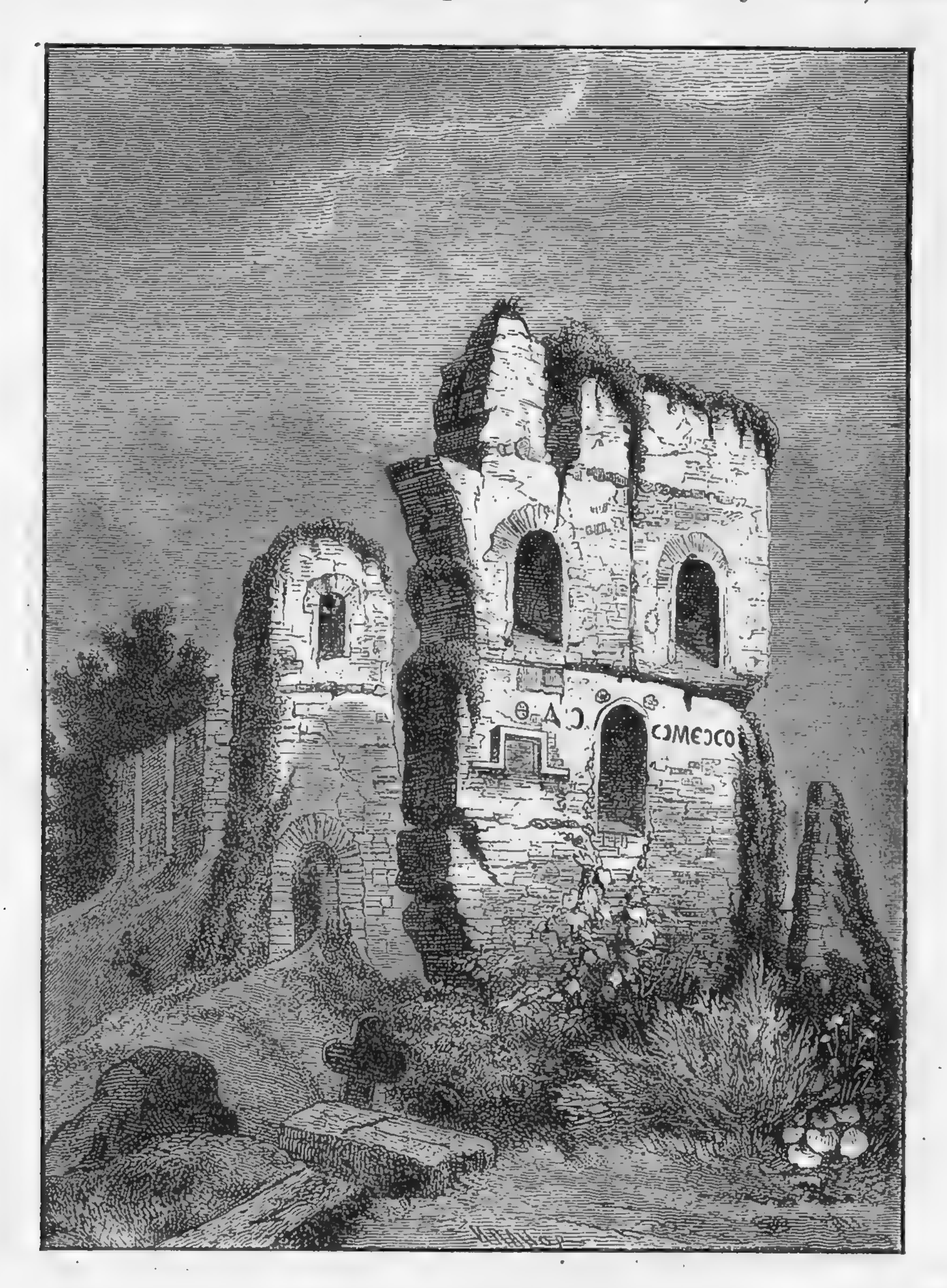
Съ введеніемъ у насъ христіанства и учрежденіемъ церкви православной связано было начало книжнаго и школьнаго просвѣщенія народа. Вмѣстѣ съ крещеніемъ Руси у насъ появились на родномъ славянскомъ языкѣ грамота св. Кирилла и Меѳодія и книги Св. Писанія и богослуженія и святоотеческія

Крещеніе кіевлянъ.

творенія. Лѣтопись говоритъ, что Владиміръ велѣлъ отбирать дѣтей у лучшихъ (нарочитыхъ) горожанъ и отдавать ихъ въ книжное ученіе по церквамъ къ священникамъ и причтамъ. Но матери плакались по нимъ, какъ по мертвымъ, прибавляетъ лѣтопись, потому что еще не утвердились въ вѣрѣ. Память о книжномъ ученіи при св. Владимірѣ сохранилась и въ былинахъ народныхъ. Одна изъ нихъ говоритъ, какъ учился грамотѣ Добрыня Никитичъ и какъ она ему «въ наукъ пошла», какъ отъ того онъ сталъ уменъ: онъ крестъ кладетъ по-писанному, а поклонъ по-ученому...

Учредитель книжнаго и школьнаго ученія, Владиміръ былъ у насъ насадителемъ неизвѣстной въ язычествѣ христіанской благотворительности. Его милосердіе къ нищимъ и убогимъ, можно

Развалины Десятинной церкви.

сказать, было безграничнымъ. Необычайно щедрый и гостепріимный, «ласковый князь», какъ называютъ его наши народныя былины, Владиміръ въ своемъ великокняжескомъ дворцѣ каждую недѣлю устраивалъ обильные пиры. Лѣтопись говоритъ: «по

вся недѣли устави на дворѣ въ гридницѣ (палата, гдѣ собирались гриди—младшая дружина) пиръ творити и приходити боляромъ и гридемъ, и соцькимъ, и десятьскимъ, и нарочитымъ мужемъ

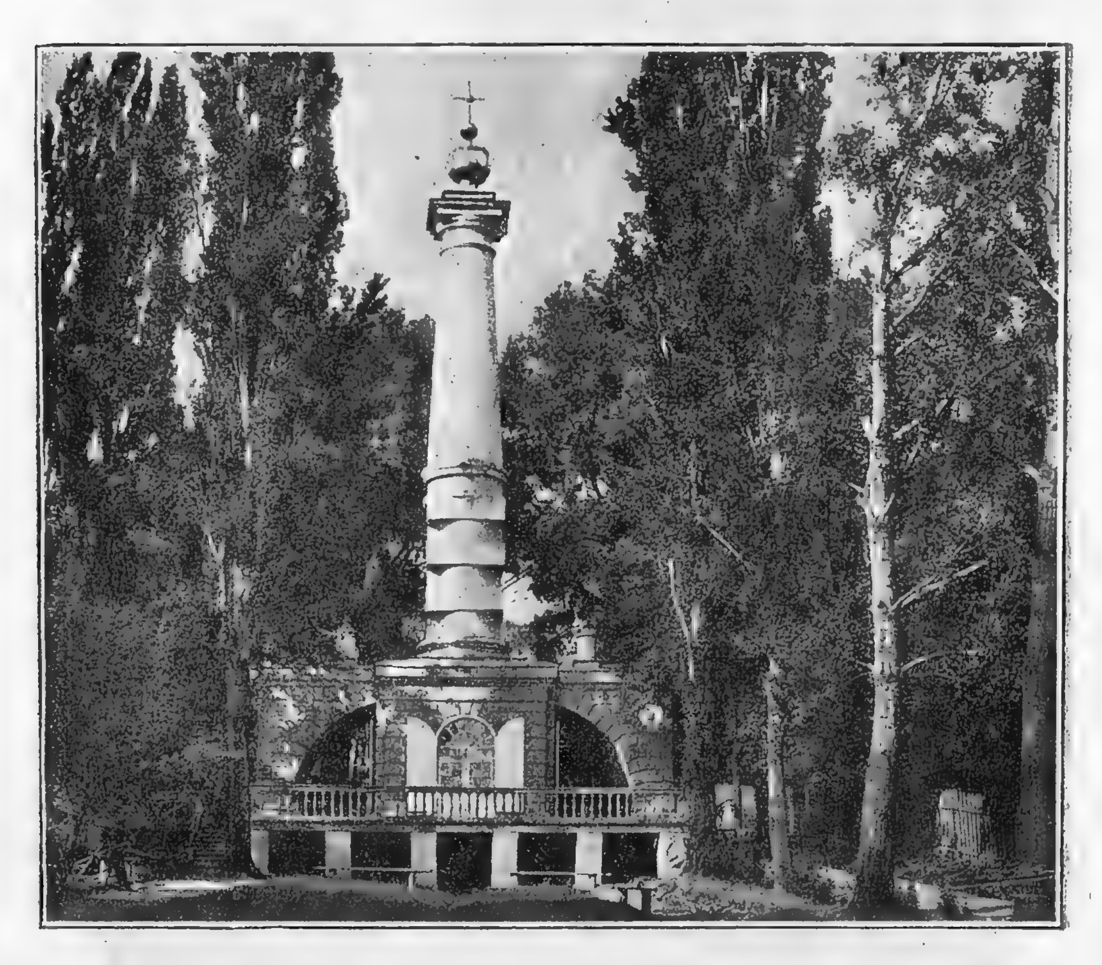
Нынѣшняя Десятинная церковь.

при князи и безъ князя; бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины (дичь), бяше по изобилью отъ всего». И долго пѣлъ народъ на Руси:

Въ стольномъ городѣ, во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь—князь Владиміра,
А и было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ,
Много было князей
И русскихъ могучихъ богатырей.

Особенно были велики пиры у Владиміра по случаю освященія церквей и храмовыхъ праздниковъ. Одинъ изъ такихъ пировъ, по замѣчанію лѣтописи, продолжался 8 дней.

Но, оказывая гостепріимство знатнымъ и богатымъ, Влади-

Памятникъ Св. Владиміру въ Кіевѣ.

міръ Святой едва ли не больше заботъ своихъ посвящалъ маломочнымъ и убогимъ. Лѣтопись говоритъ: «повелѣ всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу—питье и яденье и отъ скотницы кунами (изъ княжьей казны деньгами). Устрои же и се, рекъ: яко немощніи и больніи

не могутъ долѣсти (добраться до) двора моего, повелѣ пристроити кола (возы), и вскладаша хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, медъ въ бчелкахъ (боченкахъ), а въ другыхъ квасъ возити по городу вопрошающимъ: кдѣ больній и нищъ не могы ходити? Тѣмъ раздаваху на потребу». Митрополитъ Иларіонъ въ похвальномъ словѣ Св. Владиміру говоритъ: «кто исповѣсть многія твоя нощныя милостыни и дневныя щедроты, яже къ убогимъ творяще, къ сирымъ же и къ болящимъ, къ должнымъ, и къ вдовамъ, и ко всѣмъ требующимъ милости». Монахъ Іаковъ, написавшій житіе Св. Владиміра, говоритъ: «не могу сказати многія его милостыни: не токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но по всей земли Русской,—и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напаяя, странныя покоя милостію»... При освященіи церквей Владиміръ раздавалъ бѣднымъ огромныя суммы, какъ, напр., по 300 гривенъ или фунтовъ серебра.

Владиміръ до того сдѣлался кроткимъ, что, боясь пролитія крови, не казнилъ даже разбойниковъ, отъ чего они сильно размножились. Даже епископы должны были сказать ему: «ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе;

ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ

Монетная надпись: „Владиміръ на столѣ".

тебѣ должно казнить разбойниковъ, только разобравъ дѣло». Владиміръ послушался и отвергъ виры или денежные штрафы за преступленія. Но потомъ тѣ же епископы вмѣстѣ съ старцами сказали ему: «рать теперь сильная; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней». Владиміръ отвѣчалъ: «пусть будетъ такъ» и сталъ дѣйствовать опять, «по устроенію отцовскому и дѣдовскому».

Владиміръ Св. является у насъ и законодателемъ: онъ много думалъ съ дружиной своею о строѣ землянемъ, объ уставѣ землянемъ; ему принадлежитъ церковный уставъ, носящій его имя, а также законъ судный. Въ первомъ онъ заклинаетъ своихъ преемниковъ блюсти нерушимо постановленія, составленныя имъ на основаніи правилъ Вселенскихъ соборовъ и

Богатыри Владиміра „Красное Солнышко“: Добрыня Никитичъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ.
Съ картины В. М. Васнецова.

законовъ греческихъ царей. Уставъ опредѣляетъ положеніе церкви въ новомъ для нея государствѣ. Церковь на Руси вѣдала въ тѣ времена не одно только дѣло спасенія душъ: на нее много возлагалось и земныхъ заботъ, близко подходящихъ къ задачамъ государства. Ей предоставленъ былъ судъ по семейнымъ дѣламъ, по нарушеніямъ неприкосновенности и святости храма, о вѣроотступничествѣ, объ оскорбленіяхъ нравственности, о покушеніяхъ на женскую честь. Подъ ея власть было поставлено особое общество, носившее названіе церковниковъ и состоявшее изъ чернаго и бѣлаго духовенства и семей послѣдняго и изъ мірянъ, служившихъ церкви, какъ-то: просвиренъ, лѣкарей, повивальныхъ бабокъ и т. п., и изъ безпріютныхъ и убогихъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ. Законъ судный установляетъ, что всякій обвиняющій долженъ доказать свою жалобу приводомъ свидѣтелей добрыхъ и честныхъ, какимъ бы судья могъ повѣрить. За ложное показаніе на судѣ назначается строгое наказаніе. Установлены здѣсь наказанія и за другія преступленія.

Владиміръ оставилъ по себѣ Русской землѣ память градостроителя, «нарубаніемъ городовъ», какъ говоритъ лѣтопись. Видя, что степные азіатскіе народы дѣлаютъ постоянныя нападенія на Русь съ востока и юга, онъ сказалъ: «худо, что мало городовъ около Кіева», и велѣлъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Осетру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ. Рядъ этихъ укрѣпленій онъ соединялъ валами и даже частоколами съ особыми воротами и переселялъ въ эти укрѣпленія лучшихъ мужей отъ славянъ новгородскихъ, кривичей, вятичей и чуди. Они составляли охрану русской границы. Въ полоцкой землѣ онъ построилъ городъ Изяславль, въ Червонной Руси—Владиміръ Волынскій, въ суздальской своимъ становищемъ намѣтилъ—Владиміръ Залѣсскій.

Владиміръ не былъ столь воинственнымъ княземъ, какъ отецъ его Святославъ. Но и въ его княженіе было не мало походовъ. Кромѣ извѣстныхъ вамъ походовъ полоцкаго, корсунскаго и ятвяжскаго, мы должны сказать объ его войнахъ съ польскими королями Мечиславомъ и Болеславомъ Храбрымъ, у коихъ онъ отвоевалъ червенскіе города: Перемышль, Червень и др., объ усмиреніи имъ вятичей и радимичей (послѣдніе бѣжали по рѣкѣ Пищанѣ отъ воеводы Владимірова Волчьяго Хвоста, отчего сложилась насмѣшливая пословица: «пищанцы бѣгаютъ отъ волчьяго хвоста»), о погромѣ камскихъ болгаръ,

съ которыми заключенъ былъ миръ, пока камень не станетъ плавать, а хмель тонуть. Но больше всего предпринималъ Владиміръ походовъ противъ печенѣговъ. Объ этихъ походахъ сохранились любопытныя сказанія. Приведемъ слѣдующее однажды Владиміръ вышелъ противъ печенѣговъ на рѣку Трубежъ. Оба войска расположились на противоположныхъ берегахъ, не отваживаясь переправляться. Печенѣжскій князь

Крещатикъ въ Кіевѣ.

кликнувъ Владиміра чрезъ рѣку, сказалъ: «выпусти своего мужа, а я своего, пусть борятся. Если твой мужъ ударитъ моимъ (о землю), не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, будемъ воевать три года». Послалъ Владиміръ бирюча по стану, выкликать борца, но никто не откликнулся. На другой день печенѣги вывели уже своего борца и издѣвались надъ русскими. Затужилъ Владиміръ, но опять велѣлъ кличъ кликнуть. Въ отвѣтъ на это пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ:

«князь, есть у меня меньшой сынъ дома, а съ четырьмя я пришелъ сюда, а тотъ дома остался; издѣтства еще никому не удавалось ударить его о-земь; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками». Приведенный въ станъ молодой силачъ сказалъ, что не знаетъ, сладитъ ли онъ съ печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка большого и сильнаго? Нашли такого и, разъяривъ каленымъ желѣзомъ, пустили мимо силача; тотъ схватилъ его пястью за бокъ и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукой. Обрадованный Владиміръ сказалъ: «можешь бороться съ печенѣгомъ». Противъ него выступилъ огромнаго роста богатырь печенѣжскій и сталъ смѣяться надъ средняго роста русскимъ. Но тотъ схватилъ его въ могучія руки, задушилъ его и бросилъ на-земь. Вскрикнули печенѣги и побѣжали, а Владиміръ построилъ городъ и назвалъ его Переяславлемъ, потому что здѣсь русскій переялъ славу у печенѣга. Этотъ русскій богатырь по имени Янъ Усмовичъ (швецъ изъ кожи) взятъ былъ въ княжую дружину вмѣстѣ съ отцомъ своимъ.

Владиміръ на монетныхъ изображеніяхъ.

Владиміръ Св. скончался 15 іюля 1015 года, близъ Кіева, въ любимомъ своемъ селѣ Берестовѣ. Окружающіе вынесли его тѣло не дверями, а проломали полъ и, обернувъ его въ коверъ, на веревкахъ опустили на землю, положили на сани и отвезли въ Кіевъ, гдѣ поставили въ Десятинной церкви. Лишь только вѣсть о кончинѣ его разнеслась по городу, какъ безчисленное множество народа устремилось въ церковь, и начали плакаться по немъ: знатные, какъ о заступникѣ земли своей, убогіе, какъ о

кормильцѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ и съ плачемъ похоронили. Святыя мощи его донынѣ почиваютъ въ Кіевѣ. Одна кость изъ головы Св. Владиміра была прислана царю Михаилу Ѳеодоровичу кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой и хранится въ нашемъ Успенскомъ соборѣ.

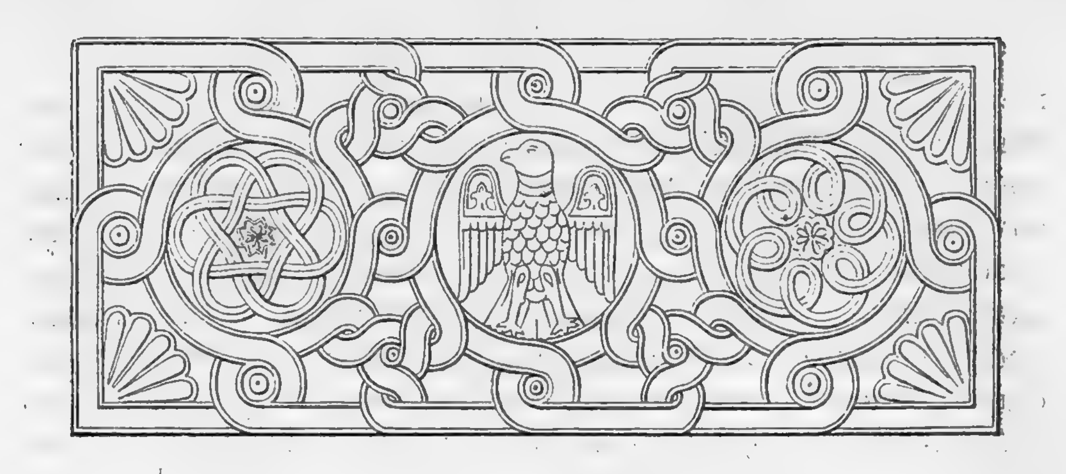
Церковь не только причла Владиміра къ лику святыхъ, но и нарекла Равноапостольнымъ, исторія зоветъ его Великимъ, а народъ—Краснымъ Солнышкомъ и въ своихъ былинахъ поэтично окружаетъ своего ласковаго стольно-кіевскаго князя богатырями,

Монеты св. Владиміра.

какими были уже извѣстные намъ бояринъ Добрыня Никитичъ, поповичъ Алеша, крестьянскій сынъ Илья Муромецъ и другіе.

«Дивно же есть, колико добра сотворилъ Володиміръ Русьстѣй земли, крестивъ ю», говоритъ свидѣтельство того времени. Чтобы оцѣнить величайшее значеніе этого, вообразимъ себѣ на одну минуту, что было бы, если бы онъ принялъ магометанство и ввелъ его въ Россіи? Не только русскій народъ былъ бы не тѣмъ, что онъ есть теперь, но и Россія, соединившись въ вѣрѣ съ азіатскими народами, составила бы страшное султанство въ родѣ турецкаго. Трудно и помыслить, что было бы съ нами, если бы мы 900 лѣтъ тому назадъ приняли еврейство. Но ясно, что было бы съ Россіей, если бы у насъ было введено римское католичество. Латинскимъ, непонятнымъ для народа богослуженіемъ оно подавило бы или ослабило нашу славяно-русскую національность; единовѣріемъ оно связало бы, какъ другихъ славянъ: поляковъ, чеховъ и хорватовъ, съ романо-германскими народами и привило бы къ намъ историческіе ихъ недостатки. Внеся къ намъ папское преобладаніе, оно внесло бы въ нашу жизнь борьбу государства съ церковью, столь потрясающую до сегодняшняго дня западъ. Благодареніе Богу, что Владиміръ Святой принялъ чистое христіанство, въ видѣ восточнаго православія, которое, какъ вы знаете и увидите изъ дальнѣйшей исторіи, является зиждительной силой для нашего народа, для нашего отечества, давая ему дорогіе свято-русскіе идеалы.

6.

Смерть Св. Бориса и Глѣба. — Борьба Ярослава съ Святополкомъ Окаяннымъ и Мстиславомъ.—Единодержавное правленіе Ярослава: строеніе городовъ и храмовъ; его заботы о книжномъ и школьномъ просвѣщеніи Руси; „Русская правда", брачные союзы его семьи съ европейскими государями. Смерть Ярослава Мудраго и его завѣщаніе сыновьямъ.

Равноапостольный Владиміръ свято почилъ 15 іюля 1015 года. Съ его смертью, какъ и со смертью его отца, опять прервалось на Руси единодержавіе, и снова начались усобицы, противныя и государственному началу и несовмѣстныя съ принятой при Св. Владимірѣ единою вѣрою Христовой. Опять въ междоусобіи проливалась кровь русская; много разъ будетъ литься она, пока окончательно не утвердится въ Москвѣ единодержавіе, полагающее предѣлъ дробленію Руси между членами княжескаго рода на особыя удѣльныя княжества.

Послѣ Владиміра Св. остались 12 сыновей. Старшій изъ нихъ Святополкъ, рожденный еще въ язычествѣ и женатый на дочери польскаго короля Болеслава Храбраго, не былъ любимъ своимъ отцомъ. При его жизни, княжа въ Туровѣ, въ землѣ Волынской, онъ держалъ у себя папскаго епископа и подъ вліяніемъ своего тестя питалъ враждебные замыслы противъ отца своего. Но Владиміръ, узнавъ объ этомъ, заключилъ его въ темницу, вмѣстѣ съ женой и епископомъ католическимъ. Правда, онъ скоро былъ освобожденъ, но не снискалъ любви народной въ землѣ Кіевской. Когда же скончался Владиміръ въ Берестовѣ, ближ-

ніе его бояре послали вѣсть объ этомъ не Святополку, а любимому сыну Владиміра, Борису Ростовскому, родившемуся уже въ христіанскомъ бракѣ. Тотъ въ это время возвращался изъ похода на печенѣговъ. Провѣдавшій о смерти отца, Святополкъ прискакалъ въ Кіевъ, сѣлъ на столѣ великокняжескомъ и сталъ раздавать кіевлянамъ подарки, но «сердце ихъ, по словамъ лѣтописца, не было съ Святополкомъ». Чувствуя, что онъ непрочно сидитъ на столѣ отца своего, онъ рѣшается истребить своихъ братьевъ, какъ то дѣлалось въ это время и въ другихъ земляхъ, чтобы одному властвовать на Руси. Первой жертвой своего братоубійства онъ намѣтилъ Бориса, какъ любимца отца и народа. По словамъ лѣтописца, Святополкъ ночью приходитъ въ Вышгородъ и тайно призываетъ къ себѣ какого-то Путшу и вышгородскихъ бояръ Лешка (польское имя), Еловита и Талька и спрашиваетъ ихъ: «привержены ли они ему всѣмъ сердцемъ?» Путша отвѣчаетъ: «можемъ головы за тебя сложить». Святополкъ велѣлъ имъ, не говоря никому ни слова, убить брата Бориса.

Совсѣмъ не то было съ этимъ благовѣрнымъ княземъ: дружина Владиміра, бывшая съ Борисомъ, уговаривала его, когда онъ плакалъ по отцѣ своемъ, идти на столъ кіевскій, но тотъ сказалъ: «не подниму руки на брата моего старѣйшаго и буду чтить его во отца мѣсто». Дружина, не желая служить князю удѣльному, покинула его, а убійцы Святополковы пришли къ нему, когда онъ съ ближними людьми своими раскинулъ шатеръ на берегу рѣки Альты. Въ ночь, съ субботы на воскресенье, набожный князь въ шатрѣ своемъ слушалъ и самъ пѣлъ утреню и горячо молился. Убійцы ворвались въ шатеръ и пронзили Бориса копьями. Отрокъ его Георгій бросился было укрыть его своимъ тѣломъ, но тоже былъ израненъ. Умирающій князь молилъ Бога, чтобы Онъ простилъ его убійцъ. Израненнаго обернули въ полотно его палатки, положили и повезли на телѣгѣ; а замѣтивъ въ немъ признаки жизни, докончили его мечомъ.

Глѣбъ, одной матери съ Борисомъ, находился въ то время въ своемъ удѣлѣ Муромскомъ. Святополкъ послалъ сказать ему, что больной отецъ зоветъ его къ себѣ. Сѣвъ на-конь, онъ добрался до Смоленска, а отсюда въ лодкѣ поплылъ по Днѣпру къ Кіеву, но былъ настигнутъ убійцами, которые тоже плыли въ лодкѣ; они перепрыгнули въ княжью лодку, а его спутники оробѣли; посланцы Святополка велѣли повару Глѣбову зарѣзать

князя. Эти два брата были причислены церковью къ лику святыхъ мучениковъ и почитались особыми молитвенниками за княжескій родъ Св. Владиміра. Убитъ былъ, по приказанію Святополка, и третій его братъ Святославъ Волынскій, когда онъ бѣжалъ чрезъ Приднѣпровскую землю въ Венгрію.

Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, получилъ отъ сестры своей Предславы изъ Кіева вѣсть объ убіеніи Бориса и Глѣба. Новгородцы, любившіе Ярослава, хотя онъ за какое-то убійство

Похороны св. Бориса, въ житіи XIV вѣка.

велѣлъ перебить многихъ изъ нихъ, сказали ему: «не печалься, княже, мы постоимъ за тебя, поколѣ мочи нашей хватитъ», и собрали 40,0000 воиновъ. Ярославъ присоединилъ къ нимъ 1.000 варяговъ и, призвавъ имя Божіе, сказалъ: «не я началъ избивать братью, а Святополкъ, да будетъ Богъ отмститель крови моихъ братьевъ. Онъ безъ вины пролилъ ихъ кровь; не ждать же мнѣ, чтобы и со мной сдѣлалъ тоже».

Святополкъ тоже собралъ большое войско изъ русскихъ и печенѣговъ. Встрѣча обоихъ произошла на Днѣпрѣ у Любеча, но ни Святополкъ, ни Ярославъ долго не рѣшались переправиться чрезъ рѣку. Однажды Святополковъ воевода Волчій Хвостъ, разъѣзжая по рѣкѣ въ лодкѣ, сталъ кричать новгородцамъ: «эй, вы, плотники! зачѣмъ пришли съ своимъ хромымъ княземъ?

Вотъ мы заставимъ васъ рубить себѣ хоромы». Оскорбленные новгородцы рѣшили на разсвѣтѣ перевезтись чрезъ Днѣпръ; а Святополкъ, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ со своею дружиной. Были уже заморозки. Переправившіеся воины, чтобы отрѣзать себѣ отступленіе, оттолкнули лодки отъ берега и, перевязавъ головы бѣлыми платками, чтобы отличить своихъ отъ чужихъ, начали злую сѣчу. Они не дали времени печенѣгамъ, стоявшимъ за озеромъ, подать Святополку помощь и, притиснувъ его дружину къ озеру, принудили ее вступить на ледъ, который подъ нею провалился. Потерпѣвшій пораженіе Святополкъ бѣжалъ въ Польшу къ тестю своему королю Болеславу, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Болеславъ, стремившійся къ расширенію Польши, охотно пошелъ вмѣстѣ съ зятемъ въ походъ на Русь. Ярославъ съ своимъ войскомъ двинулся противъ нихъ на Волынь, и встрѣча враговъ произошла на Западномъ Бугѣ. Тутъ опять повторился обычай русскихъ дразнить враговъ. Кормилецъ и воевода Ярослава Будый, ѣздя по берегу, кричалъ, указывая на тучнаго Болеслава: «вотъ мы тебѣ лучиной проколемъ твое толстое чрево». Закипѣвъ гнѣвомъ, король польскій закричалъ своимъ: «если васъ не задѣваетъ такая обида, я одинъ погибну», и бросился на конѣ вплавь въ Бугъ, а поляки за нимъ. Ярославъ не былъ готовъ къ бою; его войска, не выдержавъ напора, были разбиты; а кіевскій князь бѣжалъ съ немногими людьми въ Новгородъ.

Болеславъ, овладѣвъ Кіевомъ, не возвратилъ его своему зятю, а засѣлъ въ немъ самъ и развелъ своихъ поляковъ по русскимъ городамъ. Святополкъ же очутился въ своемъ государствѣ подручникомъ иноземнаго властителя. Но такое поведеніе польскаго короля и его заносчивой дружины, обращавшейся съ русскими, какъ съ рабами, раздражило всю Русь. Тогда, съ согласія Святополка, русскіе начали избивать малочисленныхъ поляковъ. Болеславъ долженъ былъ бѣжать изъ Кіева въ Польшу, захвативъ богатство княжеское и сестеръ Ярославовыхъ. Въ это время онъ завладѣлъ городами Червонной Руси.

Ярославъ, приготовивъ въ Новгородѣ лодки, хотѣлъ было идти за море за варягами. Но новгородцы, изрубивъ лодки, не пустили его и сказали: «будемъ и еще биться за тебя съ Болеславомъ и Святополкомъ».

Собравъ свою дружину и нанявъ печенѣговъ, Святополкъ сталъ тоже готовиться, но безъ польской помощи, къ борьбѣ

съ братомъ. Битва произошла на той самой Альтѣ, гдѣ была пролита святая кровь Бориса. Ярославъ предъ началомъ боя, поднявъ руки къ небу, такъ взмолился къ Господу: «кровь брата моего вопіетъ къ Тебѣ, Владыко! Отомсти кровь праведнаго сего, какъ мстилъ за кровь Авелеву, положивъ на Каина стенанье и трясенье». И обращаясь къ мученикамъ братьямъ своимъ, воскликнулъ: «братья мои! Хотя вы отошли отъ насъ тѣ-

Ярославъ Мудрый.
Съ рисунка профессора исторической живописи В. П. Верещагина

ломъ своимъ, но молитвой своей помогите мнѣ противъ этого гордаго убійцы». Ярославъ бросился въ битву; закипѣла страшная сѣча, какой еще не было на Руси. Съ утра до вечера рати по три раза то сходились, то расходились; рубились, схватываясь съ врагами за руки; кровь ручьями текла по удольямъ; поле покрылось трупами. Только къ вечеру разбиты были вой-

ска Святополка, и онъ сталъ спасаться бѣгствомъ. Объятый ужасомъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, Святополкъ впалъ въ такое разслабленіе, что не могъ сидѣть на конѣ. Отроки несли его на носилкахъ до Берестья, или Бреста. Преслѣдуемый укорами совѣсти и видѣніями убитыхъ братьевъ, слыша все какую-то погоню за собою, Святополкъ умеръ. Онъ прозванъ былъ въ народѣ «окаяннымъ», т. е. подобнымъ Каину.

Ярославъ сѣлъ на столъ въ Кіевѣ и, по выраженію лѣтописи, «утеръ потъ со своею дружиною». Но скоро опять по лицу его заструились капли пота. Пришлось ему воевать съ племянникомъ своимъ Брячиславомъ Полоцкимъ, нападавшимъ на Новгородъ и уводившимъ его жителей въ полонъ. Разбитый Брячиславъ долженъ былъ помириться съ дядей.

Въ 1023 г. Ярославу пришлось выдержать болѣе сильную борьбу съ младшимъ своимъ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ (Тамань). Древнія сказанія такъ рисуютъ намъ этого князя: онъ былъ плотенъ тѣлосложеніемъ, краснолицый, съ большими глазами, отважный въ битвахъ, щедрый къ дружинѣ. Богатырская его удаль особенно памятно для народныхъ сказаній проявилась въ единоборствѣ его съ касожскимъ богатыремъ Редедей. Тмутараканскому князю приходилось много воевать съ прикавказскимъ воинственнымъ племенемъ касоговъ. Названный касожскій князь предъ битвою вызвалъ Мстислава на единоборство съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто останется въ борьбѣ побѣдителемъ, взялъ имущество, жену, дѣтей и землю побѣжденнаго. Мстиславъ принялъ вызовъ. Редедя былъ исполинскаго роста и необычайной силы. Началось единоборство. Мстиславъ, уже изнемогая въ борьбѣ, взмолился къ Пресвятой Богородицѣ о помощи и далъ обѣтъ построить ей храмъ въ Тмутаракани, напрягъ послѣднія свои силы, повалилъ на землю богатыря и зарѣзалъ его ножомъ. Касоги покорились, а Мстиславъ построилъ обѣщанный храмъ. Память объ этомъ единоборствѣ долго жила въ народѣ и была воспѣта въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Этотъ-то богатырь-князь поднялся и на брата своего Ярослава. Кіевляне не пустили его къ себѣ, а Ярославъ съ варягами, подъ начальствомъ Якуна, носившаго златотканный плащъ, пошелъ на Мстислава. Встрѣча произошла въ Сѣверской землѣ у Листвена. Была ночь и страшная гроза. Бой былъ жестокій. Мстиславъ выставилъ противъ варяговъ сѣверянъ. Варяги одолѣвали сѣверянъ, но стремительный Мстиславъ кинулся на нихъ со своею

удалою дружиною. Варяги побѣжали, а Якунъ потерялъ свой златотканный плащъ. Утромъ, обозрѣвая поле битвы, Тмутараканскій князь говорилъ: «ну, какъ этому не порадоваться: здѣсь лежитъ варягъ, а тамъ сѣверянинъ, а своя дружина цѣла!»

Побѣдитель не сталъ болѣе вести войну съ братомъ. Онъ послалъ сказать Ярославу, ушедшему въ Новгородъ: «ты, старѣйшій братъ, сиди въ Кіевѣ, а мнѣ будетъ лѣвая сторона Днѣпра». Ярославъ согласился, Мстиславъ избралъ себѣ столи-

Преображенскій соборъ Мстислава въ Черниговѣ, заложенный въ 1024 году.

цей Черниговъ и построилъ тамъ Спасскій соборъ и княжескій теремъ. Съ тѣхъ поръ братья жили душа въ душу и отвоевали Червонную Русь у поляковъ. Ярославъ много плѣнныхъ поляковъ поселилъ на рѣкѣ Роси. Въ 1036 году Мстиславъ, выѣхавшій на охоту, умеръ, а Ярославъ до смерти своей оставался единодержавнымъ властителемъ всея Руси.

Ярославъ является однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ госуда-

рей Русской земли. Слава его въ то время гремѣла и во всей Европѣ.

Онъ былъ и строителемъ городовъ, и храмоздателемъ, и распространителемъ христіанства, и великимъ заботникомъ о книжномъ и школьномъ просвѣщеніи, и, наконецъ, выдающимся законодателемъ.

На западной и восточной окраинахъ тогдашней Руси онъ построилъ два города, которые до нашего времени носятъ его имя. Послѣ войны своей съ эстонской чудью, въ 1030 году, онъ основалъ здѣсь русскій городъ, названный, по его христіанскому имени, Юрьевымъ (послѣ нѣмцы переименовали этотъ городъ въ Дерптъ, а Императоръ Александръ III повелѣлъ именовать его по-старорусски Юрьевымъ). Въ Суздальской землѣ, гдѣ волхвы мутили народъ во время голода, онъ основалъ другой городъ на Волгѣ, который, по языческому имени князя, названъ Ярославлемъ. Онъ расширилъ и великолѣпно обстроилъ самый стольный Кіевъ свой.

Одержавъ въ 1037 году подъ самой своей столицей большую побѣду надъ печенѣгами, послѣ которой этотъ народъ исчезъ въ землѣ русской, Ярославъ принимается за большія работы по обстройкѣ своего Кіева, соотвѣтственно могуществу своего государства, чтобы поставить свой стольный городъ вровень съ любою западно-европейской столицей того времени. До-олеговскій Кіевъ былъ малъ: ибо лѣтопись называетъ его городкомъ. Владиміръ расширилъ Кіевъ, поставивъ въ загородьи, за княжескимъ загороднымъ теремомъ, гдѣ было языческое мольбище, церкви св. Василія и Десятинную. Но Ярославъ не считалъ достаточнымъ для своей столицы такое расширеніе: онъ обнесъ Кіевъ обширнымъ Кремлемъ (длинными крѣпостными стѣнами). Вслѣдствіе такой обширности Ярославовыхъ стѣнъ, лѣтопись уже называетъ Кіевъ «градомъ великимъ», а современные иностранцы удивляются его величинѣ и прекраснымъ постройкамъ. Ни тогдашній Парижъ, ни тогдашній Лондонъ не притязали походить на древній Римъ. Но Ярославъ постарался придать своему Кіеву подобіе второго Рима—Цареграда. Въ этомъ послѣднемъ были золотыя ворота, соборъ Св. Софіи, Георгіевскій и Ирининскій монастыри, и славолюбивый Ярославъ строитъ въ Кіевѣ золотыя ворота, воздвигаетъ великолѣпный храмъ Св. Софіи и придворные монастыри Георгіевскій и Ирининскій.

Если Владиміръ Св. вмѣстѣ съ христіанствомъ принесъ на

Русь школьное и книжное просвѣщеніе и, создавъ и украсивъ при помощи византійскихъ зодчихъ и живописцевъ великолѣпный храмъ Десятинный и другія церкви, положилъ начало распространенію на Руси византійскаго искусства, то сынъ его Ярославъ еще шире далъ мѣсто въ своемъ государствѣ образовательному вліянію высокопросвѣщенной Византіи, ея письменности и искусствамъ. Онъ первый ввелъ на Руси греческое нотное, или демественное пѣніе.

Несмотря на всѣ послѣдующіе погромы и перестройки, храмъ Св. Софіи до сихъ поръ можетъ служить прекраснымъ образ-

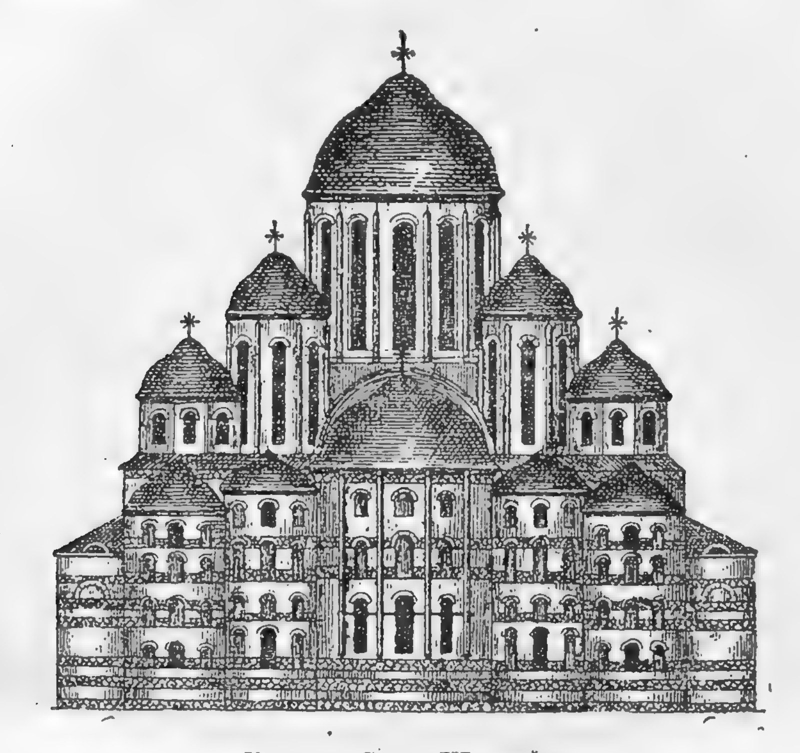

Изображеніе Богоматери „Нерушимая стѣна“.

цомъ византійскаго зодчества и византійской живописи на Руси и по всей Европѣ. У насъ это чуть ли не единственное зданіе XI вѣка, наиболѣе сохранившееся въ цѣлости. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ мозаическія, сдѣланныя изъ цвѣтныхъ камешковъ изображенія этого собора. Такъ, на алтарной стѣнѣ Св. Софіи было сдѣлано огромное изображеніе молящейся за міръ людской Богоматери, названное народомъ «Нерушимой

стѣной». Въ одномъ изъ залъ Историческаго музея, гдѣ вы слушаете эту лекцію, вы можете обстоятельно разсмотрѣть точно воспроизведенные мозаикою же и другіе драгоцѣнные образцы софійской стѣнописи. Обратите особое вниманіе на запрестольное изображеніе Тайной Вечери Спасителя, великолѣпное по исполненію. Ярославъ сдѣлалъ Софійскій соборъ митрополіей или митрополичьей каѳедрой. Сынъ его Владиміръ построилъ Софійскій соборъ въ Новгородѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что Кіевская Софійская церковь была извѣстна всѣмъ окружнымъ странамъ, «яко ина не обрящется во всемъ полунощи землянѣмъ».

Но, пользуясь византійскимъ просвѣщеніемъ, Ярославъ вовсе не рабствовалъ предъ греками. Вѣроятно, за неисполненіе ими

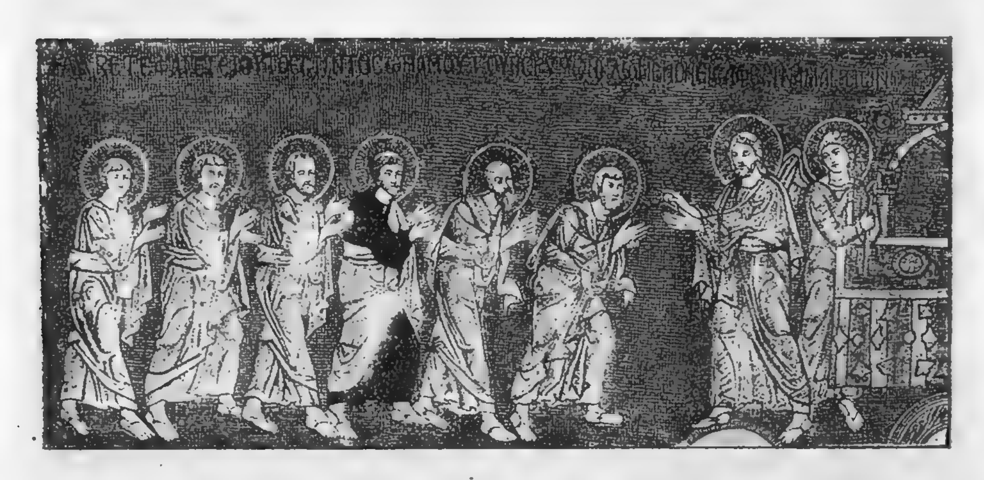
Кіевская Софія XI-го вѣка.

прежнихъ договоровъ, онъ снаряжалъ, подъ начальствомъ сына своего Владиміра и воеводы Вышаты, противъ Византіи походъ, неудачно однако окончившійся; и въ пору этого размирья не взялъ митрополита отъ грековъ, а велѣлъ своимъ епископамъ избрать первосвятителя для нашей церкви изъ русскихъ. Выборъ остановился на благоговѣйномъ и книжномъ священникѣ села Берестова Иларіонѣ. Ради молитвенныхъ и нравственныхъ подвиговъ онъ выкопалъ себѣ въ горахъ кіевскихъ ту пещеру,

которая положила начало Кіево-Печерской Лаврѣ. Въ этой пещерѣ подвизался потомъ преподобный Антоній, который привлекъ сюда многихъ подражателей своему подвигу и поставилъ имъ въ игумена преподобнаго Θеодосія.

Славу свою Ярославъ возвысилъ своими плодотворными заботами о начатомъ Владиміромъ книжномъ и школьномъ просвѣщеніи Россіи. О дѣятельности Ярослава въ этомъ отношеніи лѣтопись говоритъ: «и собра Ярославъ писцы многи и прекладаше отъ грекъ (переводилъ съ греческаго) на словенское письмо, и списаша книги многы... Многи написавъ положи въ святой Софіи—юже созда самъ».

Такимъ образомъ, Ярославъ, чего не было еще при Влади-

Тайная вечеря. Софійская мозаика.

мірѣ, не только основалъ первую библіотеку въ Россіи изъ готовыхъ лишь переписанныхъ славянскихъ книгъ, но и далъ ей при помощи ученыхъ переводчиковъ новыя книги, какихъ не имѣли и другіе славянскіе народы.

Вамъ, дешево покупающимъ печатныя книги, трудно представить, какъ дороги и рѣдки были рукописныя книги въ древнія времена. Та книга, которую вы легко купите теперь за 50 коп. или дешевле, прежде переписывалась однимъ переписчикомъ, по меньшей мѣрѣ, полгода, на дорогой, особымъ способомъ выдѣланной кожѣ или пергаментѣ. Такая книга, если она была переписана просто, безъ живописныхъ украшеній и рисунковъ, стоила въ то время, по меньшей мѣрѣ, 500 р. Двѣ или три книги могли имѣть только богачи, а библіотеки по силамъ было имѣть государямъ, или богатымъ монастырямъ, гдѣ много было своихъ переписчиковъ. Въ западно-европейскихъ библіотекахъ рукописныя книги пе-

реплетались въ деревянныя доски, служившія крышками для книгъ; въ эти доски ввертывались металлическія кольца, и въ нихъ продѣвались цѣпи, прикрѣпляемыя къ стѣнамъ, чтобы книгу нельзя было унести изъ книгохранилища. Подумайте, чего же стоили тѣ «книги многи», которыя положилъ Ярославъ въ библіотекѣ Св. Софіи. Большое училище завелъ Ярославъ въ

Софійскій соборъ въ настоящемъ видѣ.

Новгородѣ. Онъ собралъ тамъ у старостъ и священниковъ 300 дѣтей и отдалъ ихъ учиться книгамъ.

Великій просвѣтитель народа, Ярославъ былъ примѣчательнымъ законодателемъ Русскаго государства. Если Владиміръ составилъ, на основаніи греческихъ церковно-государственныхъ законовъ, свой церковный уставъ, то Ярославъ составилъ сборникъ чисто русскихъ законовъ, который именуется «Русскою Правдою». Здѣсь установлены взысканія за убійство, увѣчье, кражи, оскорбленія и проч. Ярославовы законы дозволяли кровью

мстить сыну за убитаго отца, брату за брата, родичу за родственниковъ. Если не было мстителей, убійца долженъ былъ за убитаго платить князю виру или штрафъ; за раба и женщину

Соудъ Яро
славль · володи
мирича ::—
Правдароусьскаꙗ а
жьоубьетьмоу
жьмоужа · томьсти
тибратоубрата
любоѡцюлюбосноу.

Русская Правда, по списку XIII вѣка.

20 гривенъ (фунтовъ серебра), за свободнаго мужчину 40 гривенъ, за мужа, т. е. княжьяго боярина, 80 гривенъ.

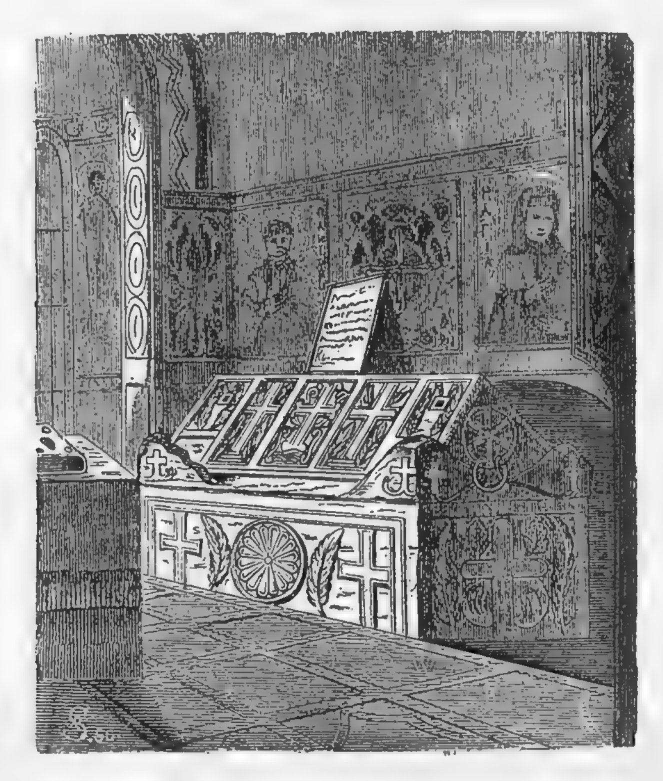
Кіевъ и сидѣвшій тамъ на златокованномъ престолѣ князь

Ярославле сребро.

были славны на всю тогдашнюю Европу, и почти всѣ государи считали за честь выдавать своихъ дочерей за сыновей Ярослава,

а своихъ женить на русскихъ княжнахъ: за Всеволодомъ Ярославичемъ была замужемъ греческая царевна—дочь императора Константина Мономаха, и этотъ княжичъ былъ настолько образованъ, что говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ. Два другихъ его сына были женаты на германскихъ принцессахъ. Княжна Анна была выдана замужъ за короля французскаго Генриха I и, послѣ его смерти, въ малолѣтство своего сына, правила Франціей и подписывала государственные акты своей рукой: «Regina (королева) Анна». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

Гробница Ярослава Мудраго.

предъ поѣздкой нашего Государя Императора во Францію, французы пріѣзжали въ Кіевъ, чтобы возложить вѣнокъ на гробницу отца своей королевы — Ярослава Мудраго. Другія Ярославны были выданы за королей Польши, Венгріи и Норвегіи. Есть свѣдѣнія, что русскій княжескій домъ былъ въ родственныхъ отношеніяхъ съ королями Англіи, на что указываетъ пребываніе двухъ англійскихъ королевичей при дворѣ Ярослава.

Норвежскій принцъ Гаральдъ Гардрада (Смѣлый), впослѣдствіи король Норвегіи, влюбился въ старшую Ярославну Елизавету и много лѣтъ домогался ея руки, но получилъ отказъ, по-

тому что былъ изгнанникомъ изъ своей земли. Онъ служилъ и въ Ярославовой дружинѣ, и въ гвардіи Византійскаго императора. Здѣсь онъ прославился своею храбростью въ битвахъ и

Развалины Золотыхъ воротъ.

завоевывалъ для Византіи города; побывалъ въ Іерусалимѣ и многихъ другихъ городахъ въ Азіи и Африкѣ, обогатился знатной добычей, и только послѣ долгихъ домогательствъ Ярославъ

выдалъ за него свою дочь. Гаральдъ Смѣлый былъ поэтомъ и сложилъ пѣсню въ честь княжны Ярославны, красавицы—Русской дѣвы.

Лѣтопись говоритъ объ Ярославѣ, наименованномъ Мудрымъ: «Святой Владиміръ вспахалъ землю, умягчилъ ее крещеніемъ, а Ярославъ засѣялъ сѣменами книжнаго ученія... Отъ книгъ мы получаемъ мудрость и воздержаніе. Книги—это рѣки, напаяющія

Ярославъ Мудрый въ изваяніи Антокольскаго.

вселенную. Книгами въ печали утѣшаемся. Кто читаетъ книги, тотъ бесѣдуетъ съ Богомъ и святыми его мужами».

Ярославъ дожилъ до глубокой старости. Смерть постигла его 76 лѣтъ отъ роду недалеко отъ Кіева въ Вышгородѣ, въ февралѣ 1054 года; любимый его сынъ Всеволодъ перевезъ его тѣло на саняхъ въ Кіевъ, и оно было торжественно похоронено въ мраморномъ гробѣ въ соборѣ Св. Софіи.

Предъ смертью Ярославъ призвалъ къ себѣ сыновей и сказалъ имъ: «вотъ я отхожу отъ свѣта сего, сыновья мои. Имѣйте другъ къ другу любовь, какъ дѣти одного отца и одной матери. Если будете въ любви между собою, Богъ будетъ за васъ и покоритъ вашихъ враговъ. Если же будете ненавидѣть другъ друга и жить въ распряхъ между собой, то погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ и дѣдовъ, которые стяжали ее трудомъ своимъ великимъ».

«Такъ живите же дружно, слушаясь другъ друга. Свой столъ—Кіевъ поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему, а брату вашему Изяславу. Слушайтесь его, какъ меня слушались: да будетъ онъ вамъ во отца мѣсто. Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду—Переяславль, Игорю—Володиміръ, Вячеславу—Смоленскъ. И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня». Изяславу сказалъ: «если кто будетъ обижать брата, то ты помогай обиженному. Такъ уряди Ярославъ сыны своя пребывати въ любви».

Если бы завѣты Ярослава Мудраго исполнялись его потомками, Русская земля пользовалась бы миромъ и спокойствіемъ и въ силахъ была одолѣвать своихъ враговъ.

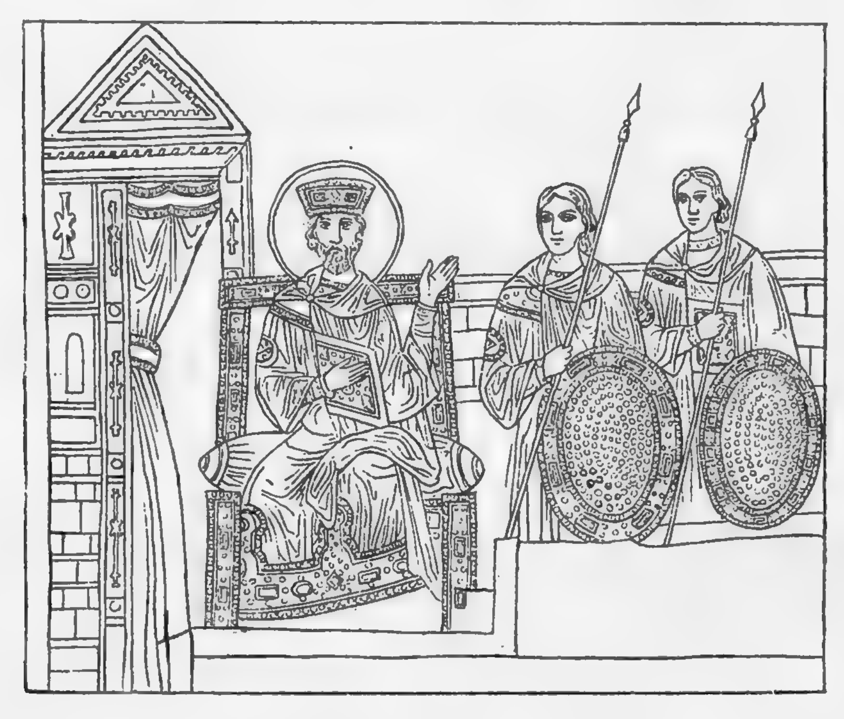
7.

Сыновья и внуки Ярослава Мудраго.—Съѣзды князей въ Любечѣ, Витичевѣ и Долобскѣ.—Владиміръ Мономахъ, какъ образецъ южно-русскихъ князей.—Его „Поученіе дѣтямъ“.—Несторъ—лѣтописецъ.

о смерти Ярослава Мудраго единодержавіе не возстановляется у насъ, до времени московскихъ государей—собирателей Руси и долгое время господствуетъ многодержавіе сыновей, внуковъ и дальнѣйшихъ потомковъ Ярослава, владѣвшихъ особыми удѣлами или княжествами. Но удѣлы не расторгли Руси на отдѣльныя государства или самостоятельныя земли. Единство Россіи поддерживалось тѣмъ, что она была общимъ владѣніемъ одного княжескаго рода Рюрика, и члены этого рода объединялись властью старшаго въ родѣ князя или великаго, который былъ по отношенію къ младшимъ, составлявшимъ одну семью, какъ бы отцомъ,—во отца мѣсто. Если же отеческая власть старшаго въ родѣ ослабѣвала, иногда даже надъ родными братьями, а еще болѣе надъ двоюродными, особенно же надъ племянниками, когда между ними начинались раздѣленіе, раздоры и, наконецъ, кровавыя междоусобія, то расторженію Русской земли также мѣшали съ одной стороны церковь православная, возстававшая противъ раздоровъ и междоусобій, а съ другой—сознаніе объединившихся въ одно цѣлое восточныхъ славянъ, слагавшихся уже въ одинъ русскій народъ.

Въ Кіевскій періодъ Руси престолъ переходитъ по старшинству отъ брата къ брату, а когда умирали всѣ братья—къ старшему племяннику. При этомъ всѣ князья перемѣняли свои удѣлы, переходя одинъ на мѣсто другого, изъ худшаго удѣла въ лучшій. Такое перехожденіе называлось лѣствичнымъ восхожденіемъ. Вершиной лѣствицы было княжество Кіево-Новгородское, ближайшей къ нему ступенью было Черниговское княжество, слѣдующею низшею Переяславское (въ нынѣшней Полтавской губерніи), затѣмъ шло Владиміро-Волынское и Смоленское и т. д. По такому лѣствичному восхожденію, когда умиралъ си-

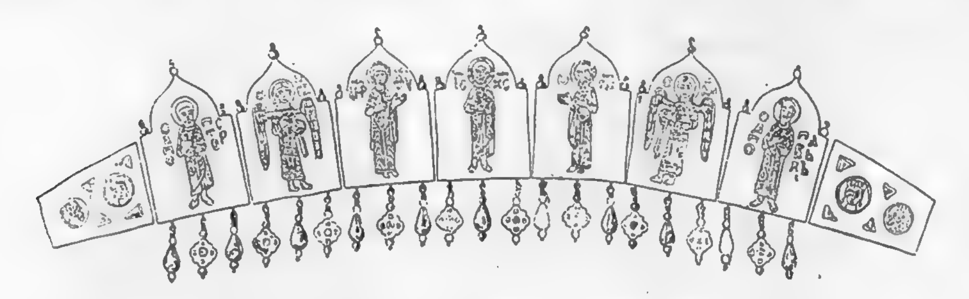

Князь, по Кіево-Софійской стѣнописи.

дѣвшій на великомъ княжествѣ Кіевскомъ старшій братъ, его столъ занималъ тотъ братъ, который княжилъ въ Черниговѣ, а сюда передвигался третій братъ изъ Переяславля и т. д. Это передвиженіе совершалось стройно, и князья жили между собою мирно, если между ними былъ родственный ладъ, поддерживаемый нравственными отношеніями и нравственнымъ вліяніемъ старшаго въ родѣ. Но эти нравственныя отношенія не были подкрѣплены твердымъ принудительнымъ государственнымъ порядкомъ. Если надъ нравственными требованіями у родичей бралъ верхъ корыстный интересъ, а великій или старшій князь не имѣлъ сильнаго вліянія на своихъ родичей, начинались между

ними споры, ссоры, переходившіе въ кровавыя усобицы; князья отнимали другъ у друга удѣлы, даже сгоняли съ великокняжескаго стола того, кто былъ имъ названнымъ отцомъ или во отца мѣсто. Усобицы, какъ говоритъ лѣтопись, «несли розно Русскую землю» и свидѣтельствуютъ о вредѣ многовластія, многодержавія и о необходимости установленія у насъ, вмѣсто власти одного рода, власти единаго государя,—власти единодержца.

Уже сыновья Ярослава нарушили завѣтъ его—жить имъ въ любви, какъ дѣтямъ одного отца и одной матери, и младшимъ слушаться старшаго, какъ его самого слушались: Святославъ Черниговскій изгналъ своего старшаго брата Изяслава изъ Кіева и не по праву княжилъ тамъ до своей смерти. Утвердившійся послѣ того Изяславъ воевалъ со своими племянниками,

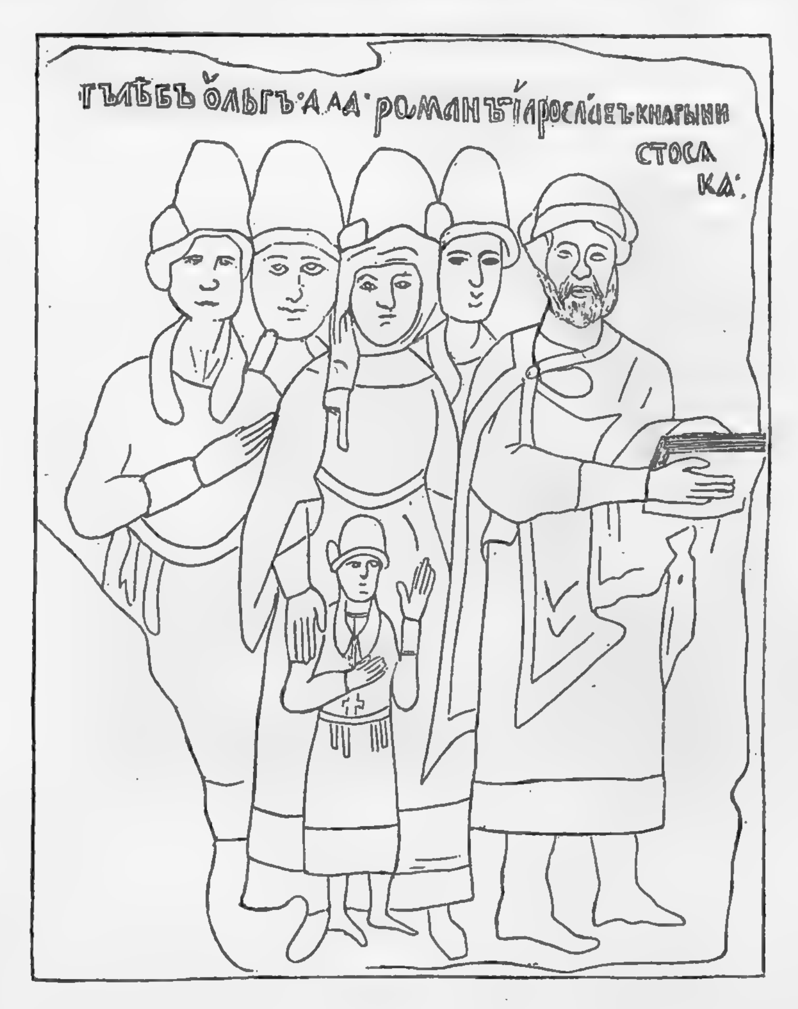
Княжескій вѣнецъ. Изъ Кіевскаго клада 1889 года.

черниговскими Святославичами. Изъ князей особенно выдѣлялся своимъ безпокойнымъ характеромъ Олегъ Святославичъ. Великій князь разбилъ его недалеко отъ Чернигова на Нежатиной нивѣ, но самъ здѣсь былъ убитъ. Этотъ Олегъ былъ прозванъ Гориславичемъ, потому что во время усобицъ приводилъ на Русскую землю новыхъ воинственныхъ кочевниковъ—половцевъ, утвердившихся въ южныхъ степяхъ, гдѣ до того времени жили печенѣги.

Третій изъ братьевъ Всеволодъ, любимый отцомъ своимъ Ярославомъ паче всѣхъ, строго слѣдовалъ завѣтамъ его. Когда онъ послѣ смерти братьевъ своихъ по праву достигъ высшей ступени лѣствичнаго восхожденія, т.-е. кіевскаго великокняжескаго стола, въ Русской землѣ было тишины и мира больше, чѣмъ при его братьяхъ. Ему помогалъ въ дѣлѣ правленія сынъ его Владиміръ. Онъ получилъ греческое прозваніе Мономаха, т.-е. единоборца, въ честь своего дѣда, по матери, греческаго императора Константина Мономаха и, помогая отцу въ

правленіи, пріобрѣлъ большую любовь кіевлянъ. Послѣ смерти отца не трудно было ему остаться на великокняжескомъ столѣ, но, чтя право старшинства, онъ уступилъ Кіевъ двоюродному брату своему Святополку II, сыну старшаго Ярославича—Изяслава и всячески, и совѣтомъ, и дѣломъ, помогалъ ему въ мирѣ держать родичей и сталъ душою всѣхъ общерусскихъ предпріятій своего времени.

Самъ онъ былъ образцомъ миролюбія среди князей. Когда

Семья Святослава въ его „Изборникѣ".

онъ княжилъ въ Черниговѣ, на него изъ Тмутаракани, вмѣстѣ съ половцами, двинулся Олегъ Святославичъ, предавая все на пути своемъ огню и опустошенію. Владиміръ послалъ сказать ему, что не хочетъ кровопролитія въ православномъ христіанствѣ и что ему жаль горящихъ кругомъ селъ и монастырей, и добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ ушелъ въ Переяславль. Желая окончательно замирить Олега Гориславича, онъ

звалъ его къ великому князю на совѣтъ въ Кіевъ къ гробамъ родителей. Но когда тотъ не послушался, Мономахъ вмѣстѣ съ Святополкомъ пошелъ на него войной. «Ты не идешь къ намъ на совѣтъ въ Кіевъ, ты ведешь дружбу съ заклятыми врагами— половцами, пускай же нась съ тобою Богъ разсудитъ», гово-

Всеволодъ I и его сынъ. По рисунку В. П. Верещагина.

рили князья. Осажденный въ Стародубѣ, Олегъ долженъ былъ отдаться на волю Мономахову и, лишившись черниговской земли, ушелъ въ муромо-рязанскій удѣлъ. Но здѣсь онъ долженъ былъ выдержать борьбу со своимъ племянникомъ и крестникомъ Изяславомъ Мономаховичемъ. Тотъ княжилъ въ суздалеростовской землѣ и захватилъ муромскій удѣлъ, принадлежавшій Святославичамъ, но былъ разбитъ Олегомъ и палъ въ битвѣ.

Тѣло его Гориславичъ отправилъ къ его брату Мстиславу въ Новгородъ, а самъ захватилъ суздале-ростовскую землю, заковавъ здѣсь въ цѣпи бояръ Мономаховыхъ. На него пошелъ войною княжившій въ Новгородѣ Мстиславъ. Владиміръ прислалъ сыну рать со своимъ знаменемъ; битва произошла на рѣкѣ Колокшѣ, впадающей въ Клязьму. Въ бою Олегъ увидалъ, что знамя Мономахово заходитъ ему въ тылъ, и бѣжалъ. Но благородный Мстиславъ послалъ сказать бѣглецу: «ты старше меня, иди къ отцу моему и брату своему въ Кіевъ, они не лишатъ тебя причастія въ Русской землѣ», т.-е. удѣла въ

Шапка Мономаха.

южной Руси. Онъ обѣщалъ, что сошлется со своимъ отцомъ и дѣйствительно писалъ къ нему: «не помяни ему смерти брата моего Изяслава: станутъ они оба на судъ передъ самимъ Богомъ». Великодушный Владиміръ отправилъ приводимое въ лѣтописи слѣдующее посланіе къ Олегу, ярко характеризующее духъ Мономаха и его время.

«Долго печальное мое сердце боролось съ закономъ христіанскимъ, повелѣвающимъ прощать и миловать. Богъ велитъ братьямъ любить другъ друга. Дерзнемъ ли отвергнуть примѣръ Божественной кротости, данный намъ Спасителемъ? Нынѣ въ чести и славѣ,—завтра въ могилѣ, и другіе раздѣлятъ наше

богатство. Попомнимъ, братья, своихъ отцовъ: что они взяли съ собою въ могилу кромѣ добродѣтели?.. Убивъ моего сына и твоего собственнаго крестника, видя кровь сего агнца, видя этотъ юный увядшій цвѣтъ, ты не пожалѣлъ о немъ; не хотѣлъ прислать и мнѣ утѣшительной грамотки; не хотѣлъ отослать ко мнѣ его вдову, мою бѣдную сноху; не далъ мнѣ поплакать вмѣстѣ съ ней объ ея мужѣ, взамѣнъ того, что я не видалъ ихъ радостнаго брака, не слыхалъ ихъ веселыхъ свадебныхъ пѣсенъ... Ради Бога, отпусти ее, да сѣтуетъ, какъ горлица, въ дому моемъ; а меня утѣшитъ Отецъ Небесный. Не укоряю тебя безвременною кончиною сына: и славные люди находятъ смерть въ битвахъ. Онъ искалъ чужого и ввелъ меня въ стыдъ и печаль, обманутый слугами своими. Если имѣешь совѣсть, если захочешь успокоить мое сердце и съ посломъ или священникомъ напишешь ко мнѣ грамоту безо всякаго лукавства, то возьмешь добрымъ порядкомъ область свою обратно, и мы будемъ жить дружелюбнѣе прежняго. Но не боязнь и не крайность заставляютъ меня говорить такъ, а совѣсть и душа, которая мнѣ всего на свѣтѣ дороже».

По совѣту Мономаха, въ 1097 году съѣхались у города Любеча, близъ Кіева, всѣ князья со своими боярами. Совѣщанія они вели въ большомъ шатрѣ. «Зачѣмъ мы губимъ Русскую землю своими ссорами», говорили они между собой: «будемъ отнынѣ заодно, и пусть каждый владѣетъ своей отчиной». Рѣшено было, чтобы Святополкъ попрежнему держалъ Кіевъ, Владиміръ Мономахъ — земли переяславскую и ростовскую, Олегъ и его братья черниговскую и муромо-рязанскую, Давидъ Игоревичъ владиміро-волынскую, Ростиславичи Василько и Володарь червонно-русскіе города Перемышль и Теребовль... Князья утвердили это рѣшеніе крестнымъ цѣлованьемъ: «если и послѣ того, кто на кого встанетъ, на того пусть будетъ крестъ честный, и всѣ прочіе князья должны идти на него войною».

Но лишь только стихла усобица изъ-за земель черниговосѣверскихъ и муромо-рязанскихъ, какъ закипѣла снова распря изъ-за червонно-русскихъ. Завистливый Давидъ Игоревичъ не хотѣлъ сосѣдить съ Ростиславичами Василькомъ и Володаремъ, князьями смѣлыми и энергичными. Возвратившись изъ Любеча въ Кіевъ, слабый Святополкъ услышалъ отъ Давида коварный навѣтъ, будто Владиміръ Мономахъ и Василько Ростиславичъ, сговорившись между собою, хотятъ—одинъ завладѣть Кіевомъ,

другой—Владиміромъ волынскимъ. «Пока не схватимъ Василька, ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ». Какъ разъ въ это время, 4-го ноября, проѣзжалъ мимо стольнаго города Василько и, отужинавъ у игумена Выдубицкаго монастыря, пошелъ въ свой шатеръ. Поутру Святополкъ-Михаилъ прислалъ сказать проѣзжему: «княже, не уходи отъ моихъ именинъ (8 ноября, въ день Михаила архангела)». Тотъ отказывался, говоря, что ему нужно поспѣвать домой: ему грозитъ рать отъ поляковъ. «Смотри, говоритъ коварный Давидъ, онъ не почитаетъ

Княжескій съѣздъ.

тебя за старѣйшаго; а вотъ, какъ вернется домой, такъ захватитъ твои волости Туровъ, Пинскъ и Берестье». Второй разъ посылалъ Святополкъ звать князя къ себѣ, хоть на короткое время. Одинъ отрокъ говорилъ Васильку: «не ходи, князь, тебя хотятъ схватить». Но тотъ, сѣвъ на коня, сказалъ: «воля Господня да будетъ», и поѣхалъ въ княжій теремъ. Въ гридницѣ велико-княжеской сидѣлъ, молча потупившись, Давидъ. Святополкъ, подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ, вышелъ изъ палаты, а за нимъ и Давидъ. Сюда вошли воины и надѣли на князя оковы. Святополкъ передалъ боярамъ и кіевскимъ старцамъ, въ чемъ обвиняютъ Василька; но они дали отвѣтъ уклончивый: «ты, князь, долженъ беречь свою голову; если справед-

ливо обвиненіе, Василько подлежитъ наказанію; но если Давидъ сказалъ неправду, пусть за нее дастъ отвѣтъ предъ Богомъ». Игумены монастырей стали ходатайствовать за Василька. Но Давидъ, удвоивъ свои внушенія, склонилъ Святополка ослѣпить неповиннаго князя. Ростиславича связаннаго повезли изъ Кіева, и остановились съ нимъ въ 10 верстахъ въ Звенигородѣ въ одной избѣ. Тутъ онъ увидалъ пастуха, родомъ торчина, точившаго ножъ; онъ понялъ, что ждетъ его, и горько заплакалъ. Вошли конюхи Святополковъ, а другой—Давидовъ, разостлали коверъ и хотѣли повалить князя. Но съ нимъ и связаннымъ не могли справиться. Тогда пришли еще двое; повалили его, наложили на него доски и сѣли на нихъ—кости несчастнаго затрещали,—а торчинъ вырѣзалъ ему изъ глазницъ очи. Залитый кровью, князь потерялъ сознаніе. Замертво повезли слѣпого на Волынь. На одномъ привалѣ въ избѣ хозяйка сняла съ него рубашку, вымыла и сухую надѣла на страдальца. Онъ очнулся и, ощупавъ рубашку, сказалъ: «зачѣмъ вы сняли съ меня мою окровавленную рубашку. Лучше бы въ ней я предсталъ къ Господу и позвалъ къ Нему на судъ моихъ вороговъ». Во Владимірѣ въ заключеніи сторожили бѣднаго слѣпца 30 воиновъ подъ начальствомъ двухъ отроковъ Давидовыхъ. Благородный князь, томясь въ тюрьмѣ, говорилъ: «не хотѣлъ я зла братьямъ, ни Русской землѣ, но Богъ низложилъ меня за мое высокоуміе». Впослѣдствіи онъ былъ освобожденъ и сталъ слѣпой водить въ битвы свои рати. Однажды Святополкъ и Василько встрѣтились въ Червонной Руси въ битвѣ на Рожнемъ полѣ. Слѣпой князь на конѣ выѣхалъ предъ своей дружиною и поднялъ крестъ въ ту сторону, гдѣ съ дружинами стоялъ Святополкъ, и громко сказалъ: «ты цѣловалъ крестъ и преступилъ крестное цѣлованье! Ты отнялъ у меня свѣтъ очей моихъ, а теперь и жизнь мою отнять хочешь Крестъ Святой на тебя! Пусть насъ Богъ разсудитъ». Началась битва, и Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ.

Ужасомъ дрогнула Русская земля отъ совершеннаго въ Звенигородѣ злодѣянія, хотя ослѣпленіе было знакомо въ то время и Германіи, и Византіи, и въ славянскихъ земляхъ. Владиміръ Мономахъ зарыдалъ, услыхавъ, что «межъ братьевъ брошенъ ножъ». «Никогда такого дѣла не было въ родѣ нашемъ», говорили и другіе князья. И Мономахъ вмѣстѣ съ Святославичами Олегомъ и Давидомъ пошелъ на Кіевъ войною. Святополкъ, оправдываясь, слагалъ вину на Давида Игоревича. «Нечего тебѣ ссы-

латься на Давида, говорили князья;—не въ Давидовомъ городѣ былъ взятъ и ослѣпленъ Василько». Они готовились переправиться чрезъ Днѣпръ, чтобы изгнать изъ Кіева Святополка, какъ къ нимъ явились послами отъ кіевлянъ—мачеха Владиміра и митрополитъ Николай. Они умоляли князей не губить Руси новою междоусобною бранью и не радовать тѣмъ половцевъ: послѣдніе придутъ и возьмутъ землю Русскую, которую князья стяжали храбростью и своими трудами великими. Владиміръ былъ

Воины XII вѣка.

тронутъ этими увѣщаніями; онъ чтилъ вдову своего отца, чтилъ и санъ святительскій и согласился на миръ, но съ тѣмъ, чтобы самъ Святополкъ шелъ на Давида и наказалъ его.

Но опять на Волыни и въ Червонной Руси закипѣли усобицы, въ которыя вмѣшаны были и поляки, и венгры, и половцы, пока, наконецъ, въ 1100 году не былъ созванъ новый княжескій съѣздъ подлѣ Витичева. Сюда съѣхались Святополкъ, Мономахъ

Давидъ и Олегъ Святославичи, чтобы разсудить дѣло Давида Игоревича. «Ну вотъ ты сидишь теперь съ нами на одномъ коврѣ,—сказали братья Давиду. Скажи, въ чемъ твоя жалоба?» Смущенный Давидъ молчалъ, сидя въ сторонѣ. Братья встали, сѣли на коней и подъѣхали къ своей дружинѣ посовѣтоваться и отрядили своихъ мужей сказать Давиду: «не даемъ тебѣ стола владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между братьевъ и сдѣлалъ то, чего никогда не бывало въ Русской землѣ Мы не подвергаемъ тебя заключенію и не дѣлаемъ тебѣ никакого дру-

Обѣдъ князя съ митрополитомъ. Съ древней рукописи.

гого зла, ступай садись въ Бужскъ и въ Острогѣ. Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ». Опальный князь долженъ былъ подчиниться рѣшенію родичей.

Водворивъ миръ въ Русской землѣ, князья склонились на убѣжденія Владиміра и соединенными силами ударили на общихъ враговъ своихъ—половцевъ, которые въ тотъ разъ были побѣждены, при чемъ было убито 20 ихъ хановъ; но половецкія нападенія опять стали возобновляться, а между тѣмъ охота бороться съ врагами ослабѣла у князей. Тогда Мономахъ пригласилъ Святополка на совѣщаніе у Долобскаго озера, недалеко отъ Кіева, на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князья совѣщались въ шатрѣ; Владиміръ первый прервалъ молчаніе:

«Братъ, ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?»

Святополкъ отвѣчалъ: «братъ, лучше ты начни».

«Какъ же мнѣ говорить? — возразилъ Владиміръ. Противъ меня и моя, и твоя дружина; скажутъ, что я хочу погубить поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы того не подумаете, что станетъ весною смердъ (крестьянинъ) пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣ-

Одежда XI вѣка.

лою, лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ не подумаете?»

Дружина единодушно признала справедливость его словъ.

«Я готовъ съ тобою идти», сказалъ Святополкъ. «Великое добро сдѣлаешь Русской землѣ», отвѣчалъ Владиміръ. Позвали въ походъ и Святославичей. Но отъ нихъ пошелъ только Давидъ. Князья съ дружиной двинулись на коняхъ, а пѣшіе плыли на лодкахъ по Днѣпру. У острова Хортицы, гдѣ послѣ была сѣчь запорожскихъ казаковъ, произошла битва. Половцы, по-

добно густому бору, покрывали широкое поле; но не было въ нихъ бодрости; по свидѣтельству лѣтописи, и всадники, и кони стояли въ какой-то дремотѣ. Враги потерпѣли отъ русскихъ сильное пораженіе.

Но особенно великъ былъ походъ Задонскій въ 1111 году предпринятый чрезъ нѣсколько лѣтъ. Князья выступили очень рано, въ концѣ февраля, чтобы воротиться домой до наступленія лѣтняго зноя. У Хорола бросили сани; перейдя Псёлъ, Ворсклу, Донецъ, на шестой недѣлѣ великаго поста достигли Дона, гдѣ находились осѣдлыя становища половцевъ. Русскіе надѣли брони, и полки двинулись къ городу Шурухану. Священники шли впереди и пѣли тропари. Но шуруханцы вышли навстрѣчу съ поклономъ, рыбой и виномъ и тѣмъ спасли свои жилища. Слѣдующій городъ былъ сожженъ; 24 марта встрѣтились съ большой ордой азіатской и разгромили ее, а блестящую побѣду отпраздновали въ Благовѣщеніе, которое тогда совпало съ Лазаревой субботой. Но самая главная битва была въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ. Побѣда была такъ велика, что вѣсть о ней распространилась между другими народами—чехами, поляками, венграми и греками—и дошла до Рима.

Вотъ что въ XII вѣкѣ пѣлъ поэтъ русскій, авторъ прекрасной поэмы, названной «Словомъ о полку Игоревѣ», о походѣ на половцевъ.

Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыль уже знамена плещутъ.
Ото всѣхъ сторонъ враги подходятъ,
И отъ Дона и отъ синя моря.
Обступаютъ нашихъ отовсюду!
Отовсюду бѣсово исчадье
Понеслося съ гиканьемъ и крикомъ.
Молча, Русь, отпоръ кругомъ готовя,
Подняла щиты свои багряны.

Отъ зари до вечера, до свѣта, рѣютъ стрѣлы,
Гремлютъ остры сабли о шеломы,
Съ трескомъ копья ломятся булатны,
Середи невѣдомаго поля,
Въ самомъ сердцѣ половецкой степи.

Подъ копытомъ черное все поле
Было сплошь засѣяно костями,
Было кровью алою полито.

Про князя, громившаго половцевъ, говорилось:

Поострилъ отвагой храброй сердце,
Распалился славнымъ ратнымъ духомъ
И за землю Русскую дружины
Въ степь повелъ на хановъ половецкихъ.
Залетѣлъ далече ясный соколъ,
Загоняя птицъ ко синю морю,
Не считаетъ ранъ ужъ онъ на тѣлѣ.
Да ему о ранахъ ли тутъ помнить,
Коль забылъ онъ и Черниговъ славный,
Отчій столъ, честны пиры княжіе
И своей красавицы княгини
Милый ликъ и ласковый обычай.

Въ 1113 году умеръ Святополкъ-Михаилъ въ Вышгородѣ. Тѣло его привезли въ лодкѣ въ Кіевъ и похоронили въ основанномъ имъ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ.

Ближайшее по старшинству право на Кіевскій престолъ принадлежало бы Святославичамъ Давиду и Олегу, если бы ихъ отецъ Святославъ, вопреки справедливости, не отнялъ Кіева у старшаго брата своего Изяслава. Вслѣдствіе этого право это переходило къ сыну Всеволода, Владиміру Мономаху. Да и кіевляне открыто высказались противъ нелюбимыхъ Святославичей. Въ Кіевѣ за отсутствіемъ князя начались безпорядки мятежные. Лучшіе люди второй разъ послали сказать Мономаху: «князь, иди скорѣе въ Кіевъ, а если не придешь, знай, поднимется большое зло... И ты будешь отвѣчать передъ Богомъ...»

Владиміръ поспѣшилъ въ Кіевъ и здѣсь торжественно былъ встрѣченъ митрополитомъ и епископами съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ, сѣлъ на престолъ отца и дѣдовъ и отсюда со славою держалъ всю Русскую землю, не смотря на то, что уже достигъ шестидесятилѣтняго возраста.

Затихли междоусобія, и половцы перестали нападать на Русскую землю. Князья повиновались Владиміру Мономаху, какъ отцу, а строптивые чувствовали его сильную руку. Если неповиновеніе повторялось, онъ каралъ непокорныхъ, лишая ихъ удѣловъ, какъ, напр., Глѣба минскаго онъ лишилъ удѣла и заключилъ въ Кіевѣ; а волынскаго князя Ярополка, когда послѣдній ударилъ ему челомъ, возвратилъ въ стольный городъ, сказавъ: «всегда иди, когда позову тебя!» Онъ вызвалъ изъ Новго-

рода сотскаго Ставра и его соучастниковъ, виновныхъ въ безпорядкахъ и грабежахъ, и посадилъ въ тюрьму въ Кіевѣ. Оружіе Мономаха было грозно для инородцевъ Россіи. Княжившій въ суздале-ростовской области сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, будущій основатель нашей Москвы, побѣдилъ болгаръ камскихъ, Мстиславъ съ новгородцами разгромилъ эстонскую чудь, жившую у Балтійскаго моря, Ярополкъ разрушилъ на Дону три половецкихъ

Одежда XII вѣка.

города и привезъ себѣ жену, дочь ясскаго князя—необыкновенную красавицу.

Мономахъ дополнилъ Русскую Правду своего дѣда: понизилъ долговые проценты, запретилъ подвергать наказаніямъ должниковъ, несостоятельныхъ по неотвратимому несчастію; ограничивалъ умноженіе на Руси числа рабовъ. Иностранные государи съ уваженіемъ смотрѣли на Мономаха и за честь считали родниться посредствомъ браковъ съ его семьею.

На могучую власть его и на Руси, и въ Греческой имперіи начали смотрѣть, какъ на власть царя.

Владиміръ Всеволодовичъ, по рѣзному изображенію на тронѣ Мономаха. XVI вѣка.

Съ картины В. М. Васнецова.

Изъ книги: „Великокняжеская и Царская охота на Руси“ Н. Кутепова.

Русскіе говорили, что его кровь смѣшалась чрезъ кровь матери греческой царевны съ кровью царскою, а императоръ греческій Алексѣй Комненъ, послѣ войны русскихъ съ греками на Дунаѣ, прислалъ ему съ эфесскимъ митрополитомъ Неофитомъ царскую корону, бармы (оплечье), крестъ съ частицами животворящаго древа, принадлежавшіе его дѣду, императору византійскому Константину Мономаху, и сосудъ изъ сердолика, принадлежавшій первому римскому императору Августу. Сложилось

ОДЕЖДЫ
князя и княгини.

преданіе, что Владиміръ вѣнчанъ былъ въ Кіевѣ этой царской шапкой Мономаха; эти знаки царскаго достоинства, какъ святыня, передавались въ благословенномъ и любимомъ народомъ родѣ Мономаха и перешли чрезъ св. Александра Невскаго въ родъ его сына—основателя московскаго княжества св. Даніила Александровича. Шапка Мономаха хранится въ Оружейной палатѣ, въ ея тронной залѣ. Въ Москвѣ, въ царствованіе Іоанна IV, сдѣланъ былъ царскій тронъ, на стѣнкахъ котораго изображено было принесеніе Владиміру Мономаху этихъ знаковъ царскаго

достоинства. Этотъ тронъ называется Мономаховымъ и стоитъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ.

Свято-русскіе идеалы, одушевлявшіе Владиміра Мономаха, ясно выразились въ его «Поученіи дѣтямъ»,—прекрасномъ памятникѣ древне-русской письменности.

Оно рисуетъ намъ характеръ этого князя и весь складъ жизни южно-русскихъ князей. Прежде всего изъ этого Поученія видно, какая глубокая православная религіозность одушевляла Мономаха. Онъ заповѣдуетъ своимъ дѣтямъ каждый день начинать и кончать молитвою. И на пути, ѣдучи на конѣ, слѣдуетъ про себя повторять: «Господи, помилуй!» Въ свободное время нужно читать Слово Божіе, особенно Псалтирь Давида. Самыя наставленія Мономаха передаются большею частью словами Священнаго Писанія. Заповѣдуя дѣтямъ страхъ Божій и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ, онъ больше всего предостерегалъ ихъ отъ гордости: «нынѣ мы живы, а завтра во гробѣ. Но смерти не бойтесь, дѣти мои, ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ даетъ вамъ Богъ. Сколько разъ спасался я и отъ рати, и отъ звѣря, и отъ воды; такъ и вамъ ничто не можетъ повредить безъ воли Божіей; а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ спасти. Божіе блюденіе лучше человѣческаго».

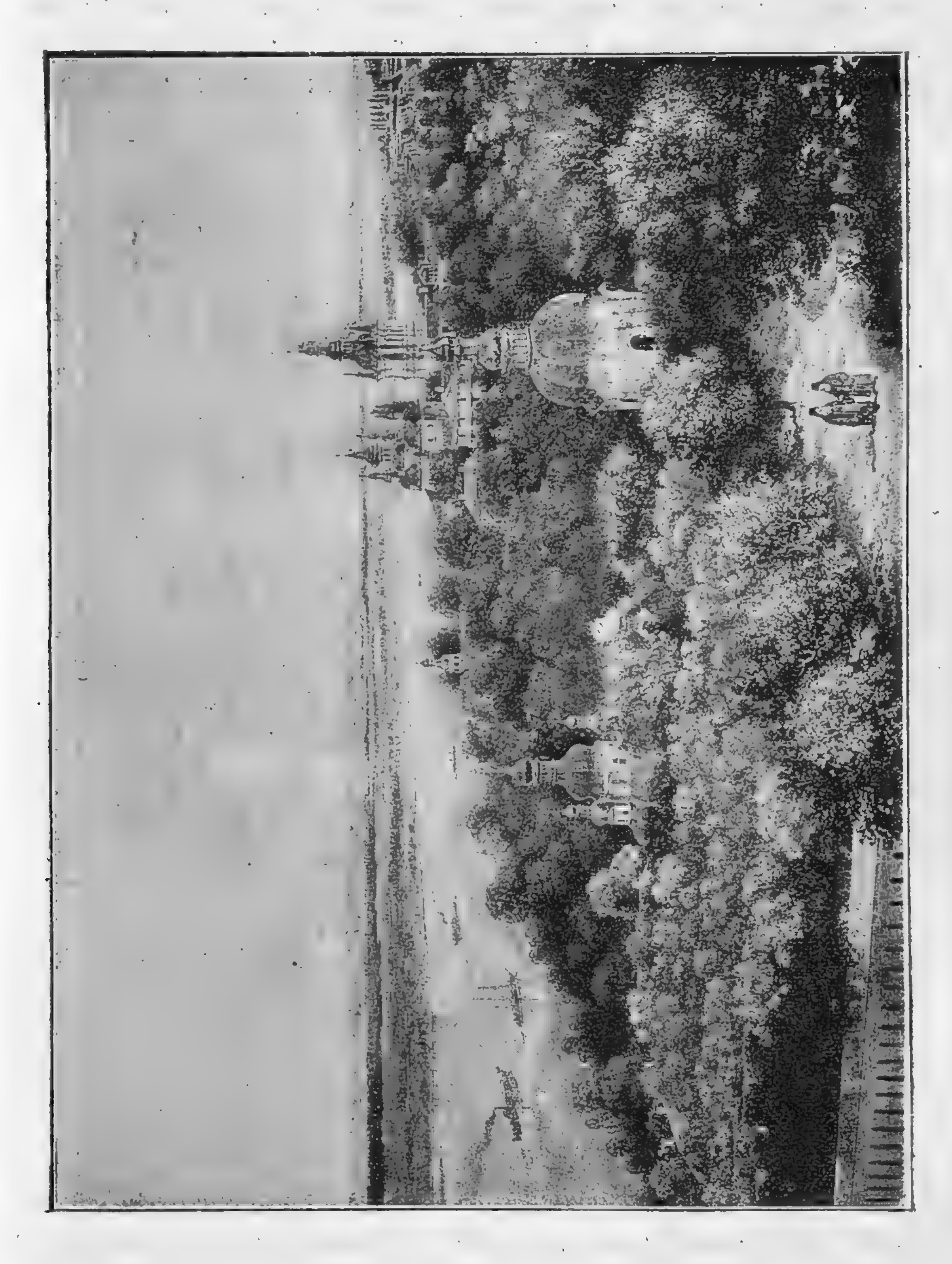
Кіевская пещера XI вѣка.

«Ходя по своимъ землямъ, говоритъ Мономахъ, не давайте своимъ отрокамъ (младшимъ дружинникамъ) обижать ни чужихъ, ни своихъ, чтобы васъ потомъ не кляли. Гдѣ остановитесь, накормите и напойте бѣдняка; больного посѣтите, ходите на похороны, потому что мы всѣ смертны; не проходите мимо человѣка безъ привѣта, каждому скажите доброе слово. Бѣдныхъ кормите по своей силѣ, помогите сиротѣ, оправдайте вдовицу, не давайте сильнымъ обижать слабыхъ».

«Духовныхъ лицъ почитайте, съ любовью принимая благословеніе отъ епископовъ, игуменовъ и іереевъ; не устраняйтесь

отъ нихъ, но любите ихъ и снабжайте ихъ, чѣмъ можете, чтобы они молились за васъ Богу».

Заповѣдуя крѣпко блюсти клятвенное крестоцѣлованіе, Владиміръ говоритъ: «если кому случится цѣловать крестъ, справься

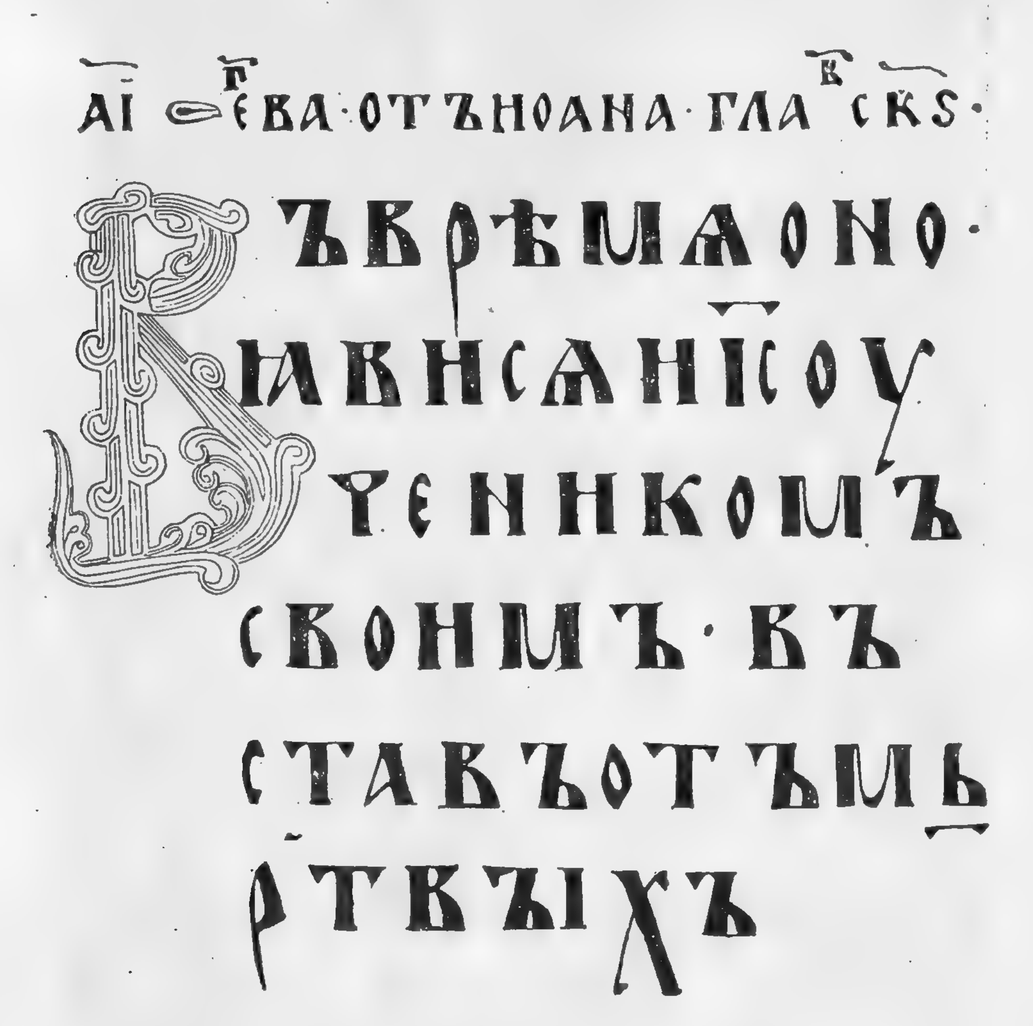

Ближнія и дальнія пещеры въ Кіевѣ.

съ сердцемъ, можешь ли устоять, а потомъ уже берегись, чтобы не преступить присяги».

Въ отношеніяхъ къ людямъ слѣдуетъ стараго почитать, какъ отца, молодого любить, какъ брата. Въ домашнемъ строѣ онъ

преподаетъ слѣдующія правила: вставать съ постели слѣдуетъ еще до разсвѣта и идти къ церковной службѣ, послѣ нея заниматься дѣлами по управленію своею волостью, или оправливать (судомъ) людей, а потомъ ѣхать на охоту. Въ полдень назначается отдыхъ: всякое животное и птица спятъ въ это время. Въ домѣ своемъ хозяинъ не долженъ лѣниться; онъ обязанъ за всѣмъ наблюдать самъ лично, не полагаясь на слугъ, чтобы сто-

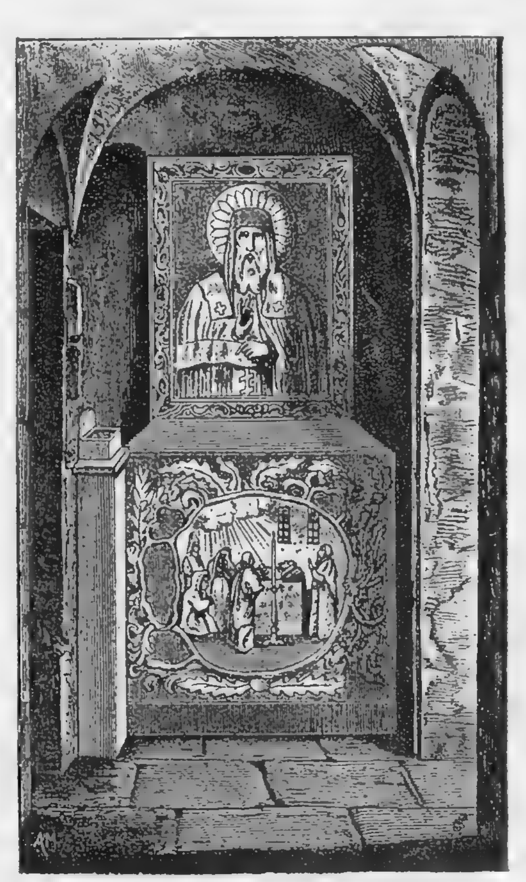

АІ ЕВА·ОТЪ ИОАНА·ГЛА СКЅ·
ВЪВРѢМѦОНО·
ꙖВИСѦІСОУ
ЧЕНИКОМЪ
СВОИМЪ·ВЪ
СТАВЪОТЪМЬ
РТВЪІХЪ

Остромірово Евангеліе XI вѣка.

ронніе не посмѣялись ни надъ домомъ, ни надъ обѣдомъ его. И на войнѣ князь не долженъ полагаться на воеводъ, предаваясь ѣдѣ и спанью; самъ долженъ наряжать сторожу и спать въ вооруженіи на случай внезапнаго нападенія. Ссылаясь на свой примѣръ, онъ говоритъ: «что надо было дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ, и на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, на зноѣ и на холоду, не давая себѣ покоя. Въ дому своемъ самъ

держалъ домашній порядокъ, на охотѣ порядокъ ловчій, заботясь и о коняхъ, и соколахъ, и кречетахъ. За церковнымъ порядкомъ и службой тоже самъ присматривалъ».

Всю свою жизнь Мономахъ провелъ въ быстрыхъ разъѣздахъ по Русской землѣ или въ походахъ на ея враговъ. «Большихъ походовъ, говоритъ онъ, я сдѣлалъ 83, а малыхъ и не упомню. 19 разъ заключалъ миры съ половцами. Часто подвергался разнымъ опасностямъ: два раза туры метали меня на рогахъ, олень бодалъ, лось топтала, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, но Богъ спасалъ меня».

Пещера Преподобнаго Антонія.

Въ заключеніе этого разсказа о себѣ и своей жизни Владиміръ Всеволодовичъ прибавляетъ: «не подумайте, дѣти мои или другой, кто будетъ читать это, что я хвалю и выставляю себя: я только восхваляю Бога и милость Его: Онъ меня, грѣшнаго и худого, въ теченіе столькихъ лѣтъ уберегъ отъ смерти и сотворилъ меня нелѣнивымъ и годнымъ на всѣ дѣла. Желаю, чтобы вы, прочитавъ эту грамоту, ревновали о добрыхъ дѣлахъ».

О кончинѣ Владиміра Мономаха лѣтописецъ говоритъ: «въ лѣто 1125, мая 12-го, преставился благовѣрный, христолюбивый и великій князь всея Руси Владиміръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, какъ солнце изливая лучи, его же слухъ произыде по всѣмъ странамъ; братолюбецъ, и нищелюбивъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю. Славный побѣдами, онъ не возносился, не величался. Народъ и люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или матери; вотъ какъ всѣ о немъ плакали». Кончина его послѣдовала въ любимомъ его Переяславлѣ, а погребенъ онъ былъ въ Кіевѣ у Святой Софіи, рядомъ съ гробомъ отца его Всеволода, у гробницы Ярослава Мудраго.

Эпоха Владиміра Мономаха была временемъ расцвѣта русской образованности, искусства и письменности, чему могло бы въ то время позавидовать любое государство Запада. Въ Кіевѣ и другихъ городахъ строились и украшались живописью храмы. Такъ Владиміръ построилъ прекрасные храмы во имя св. Бориса и Глѣба, и на Альтѣ, близъ Переяславля, и въ Кіевѣ, куда

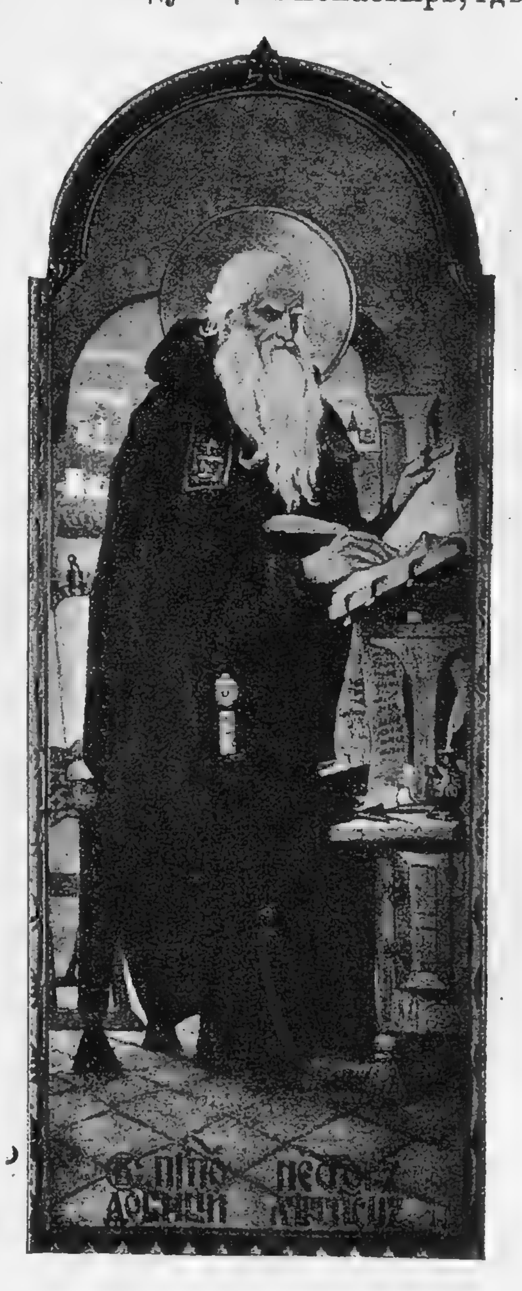
Завѣщаніе Мономаха сыновьямъ.

перенесъ съ великимъ торжествомъ мощи этихъ святыхъ мучениковъ. При его отцѣ и дядьяхъ Кіево-Печерскій монастырь вышелъ изъ своихъ подземныхъ пещеръ св. Антонія и Ѳеодосія и сталъ обстраиваться великолѣпными храмами на поверхности земли. Такъ при Святославѣ Ярославичѣ построена была вели-

колѣнная церковь Печерской лавры. При Святополкѣ II построенъ былъ и чудно украшенъ златоверхій Михайловскій монастырь въ Кіевѣ; возникъ также и Выдубицкій монастырь, гдѣ былъ загородный теремъ Всеволода Ярославича. Въ кіевскихъ пещерахъ жили и зодчіе, и живописцы; главой послѣднихъ былъ св. Алипій, двѣ иконы котораго вы найдете и въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Владиміръ, построивъ въ суздальской землѣ городъ Владиміръ Залѣсскій, украшалъ его храмами. Въ Кіевѣ онъ построилъ на судахъ или баркахъ мостъ, которому дивились современники.

Расцвѣла въ XI вѣкѣ и началѣ слѣдующаго и наша письменность. Современникомъ Владиміра Мономаха былъ и первый нашъ лѣтописецъ, инокъ Кіево-Печерской лавры — преподобный Несторъ; высокоталантливому труду его мы обязаны нашей несравненной начальной лѣтописью, той «Повѣстью временныхъ лѣтъ», изъ которой мы такъ часто на этихъ чтеніяхъ брали прекрасныя сказанія о событіяхъ того и предшествующаго времени. Игуменъ Сильвестръ (около 1115 года) соединилъ неоцѣненный трудъ Нестора и, можетъ быть, и другихъ лѣтописцевъ въ одинъ сводъ. Во второмъ чтеніи по Русской Исторіи вы можете видѣть и почеркъ, какимъ написана была наша начальная лѣтопись въ наиболѣе древнемъ ея спискѣ — лаврентьевскомъ, въ XIV вѣкѣ. Тотъ же преподобный Несторъ положилъ начало

Преподобный Несторъ.

знаменитому Патерику Печерскому (съ греческаго языка—отечественникъ), гдѣ собраны были житія кіево-печерскихъ подвижниковъ. Онъ также написалъ житіе преподобнаго Ѳеодосія и святыхъ Бориса и Глѣба. Самъ основатель знаменитой лавры, преподобный Ѳеодосій своими поученіями народу и кіево-печерскимъ инокамъ принялъ участіе въ письменности того времени. Не указывая на другія произведенія письменности этого времени, упомянемъ еще о «Хожденіи Даніила Русскія земли игумена» въ Святую землю (начала XII вѣка)*). Въ Москвѣ въ патріаршей библіотекѣ хранится древняя рукопись XI вѣка: «Изборникъ Святослава Ярославича». Въ ней находится воспроизведенное выше изображеніе этого князя, его супруги и сыновей.

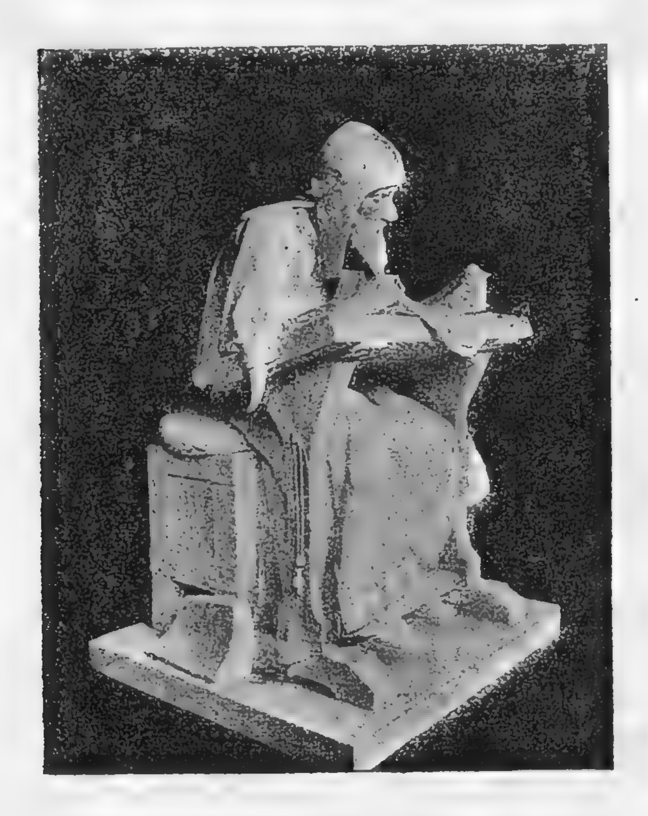
Нашъ великій русскій поэтъ Пушкинъ въ своей исторической драмѣ «Борисъ Годуновъ» такъ изображаетъ древне-русскаго инока—лѣтописца въ его работѣ по продолженію начальной лѣтописи:

ПИМЕНЪ (пишетъ передъ лампадой).

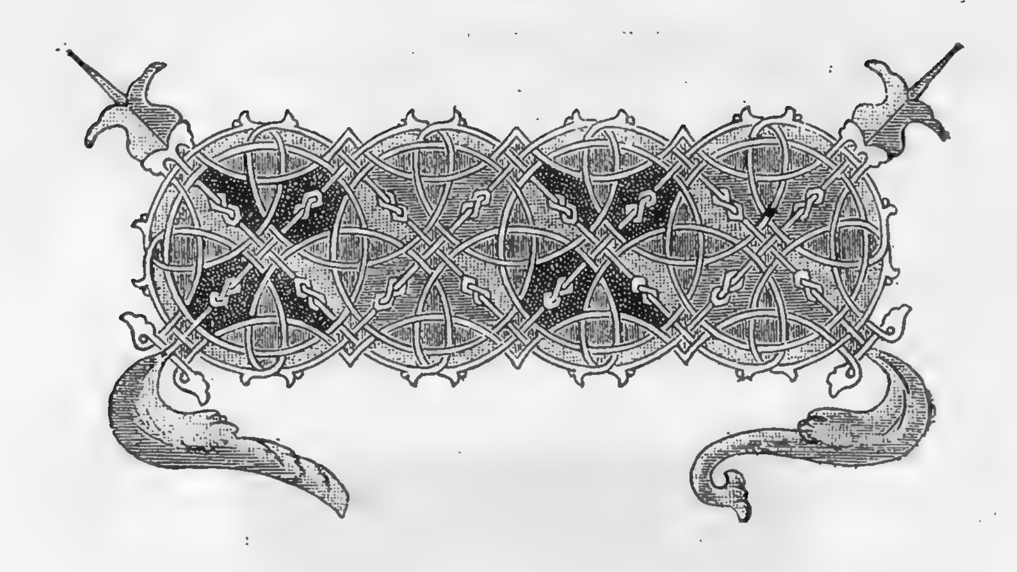
Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя:
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымянный,
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ;
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

*) Талантливое „Хожденіе Даніила Русскія земли игумена“ примѣчательно и по живому сознанію ея единства, и по глубокому патріотизму паломника. Онъ, прибывъ во святой градъ Іерусалимъ, послѣ его взятія крестоносцами, идетъ къ христіанскому королю Іерусалимскому съ трогательной просьбой. Встрѣтивъ его ласково, король участливо спрашиваетъ его: „Что тебѣ надобно, игумене русскій?“ „Княже и господине, отвѣчалъ ему инокъ, желалъ бы я на гробѣ Господнемъ затеплить лампаду ото всей Русской земли, за всѣхъ князей и за всѣхъ христіанъ Русской земли“.

На старости я сызнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною...
Давно ль оно неслось, событій полно,
Волнуяся, какъ море-океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня.
А прочее погибло невозвратно!..
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

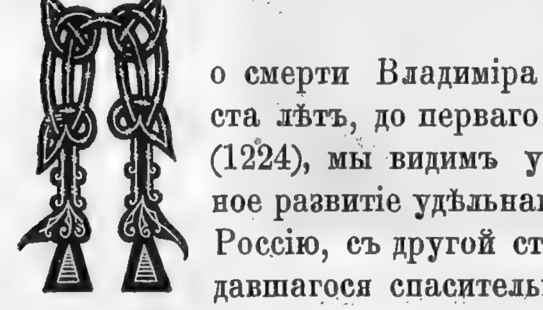

Лѣтописецъ. Статуя Антокольскаго.

8.

Суздальское княжество и великій князь Юрій Долгорукій; его борьба за кіевскій престолъ; заботы его о суздальской землѣ; построенные имъ здѣсь города и основаніе Москвы. — Андрей Боголюбскій, какъ представитель новаго велико-русскаго періода нашей исторіи; его единодержавныя и самодержавныя стремленія. — Всеволодъ III.

о смерти Владиміра Мономаха (1125), въ теченіе ста лѣтъ, до перваго нашествія изъ Азіи монголовъ (1224), мы видимъ у насъ съ одной стороны сильное развитіе удѣльнаго многодержавія, ослаблявшаго Россію, съ другой стороны явные признаки нарождавшагося спасительнаго единодержавія.

Представительницей многодержавія была Русь юго-западная съ Кіевомъ во главѣ, представительницей единодержавія была наша сѣверо-восточная Русь съ Владиміромъ на Клязьмѣ во главѣ, а затѣмъ съ Москвой. Къ несчастью, владимірскіе князья ко времени Монгольскаго нашествія не успѣли еще установить на Руси единство, и она, оставаясь еще раздробленной, должна была покориться азіатскимъ завоевателямъ.

Необходимо было высокое патріотическое одушевленіе, выдающаяся энергія и необычайныя дарованія Владиміра Мономаха, чтобы удерживать князей-родичей въ единствѣ: въ повиновеніи старшему въ родѣ, въ родственномъ согласіи между собою, въ

готовности единодушно постоять за безопасность и честь земли Русскія.

Но послѣ смерти этого, по выраженію лѣтописи, добраго страдальца за землю Русскую, даже въ его родѣ, который русскіе люди называли «благородною вѣтвью добраго корени», происходили усобицы. Ихъ усугубляли Ольговичи черниговскіе, потомки Олега Гориславича, вылетавшіе изъ его осинаго, по выраженію современниковъ, гнѣзда. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ, отъ 1125 года по 1175-й, десятками смѣнялись, изгоняя другъ друга силою, князья въ самомъ Кіевѣ,—матери городовъ русскихъ. Тоже было и въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ. Авторъ «Слова о полку Игоревѣ» говорилъ объ этомъ: «братья спорятъ: то мое и это! Золъ раздоръ изъ малыхъ словъ заводятъ, на себя куютъ крамолу сами, а на Русь съ побѣдами приходятъ отовсюду вороги лихіе»... «Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ. Широко печаль течетъ по Руси, а князья куютъ себѣ крамолу, а враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ».

О Руси того времени, когда сидѣлъ въ Кіевѣ внукъ Мономаха Изяславъ II, лѣтопись говоритъ, что она, прежде представлявшая единую ткань, «разодралась» на отдѣльные куски и до глубины своей «взмялась» или замутилась. Все развивавшіяся усобицы «несли розно» Русскую землю до того, что во второй половинѣ XII вѣка она распалась на особыя областныя княжества со своими великими князьями и младшими, каковы: черниговo-сѣверское, галицкое, владиміро-волынское, смоленское, суздальское, рязанское и т. д. Расти и укрѣпляйся дальше удѣльная система, единое государство земли Русскія расторглось бы на отдѣльныя маленькія автономныя государства, несвязанныя даже слабымъ союзомъ. Правда, этого не случилось, но отъ усобицъ значеніе княжеской власти поникло, и стало сильно поднимать голову вѣчевое народоправство, не въ одномъ только Новгородѣ, гдѣ оно пріобрѣло буйный характеръ, выражавшійся даже въ изгнаніи князей и въ ихъ обязательствахъ княжить тамъ на всей волѣ новгородцевъ, но и во многихъ другихъ городахъ до-княжескаго происхожденія. Даже въ самомъ Кіевѣ, гдѣ до смерти Ярослава слышно было только о старцахъ городскихъ, призываемыхъ, когда хотѣлъ князь, для совѣта, стало шумѣть вѣче.

Но благодареніе Богу, что подъ дѣйствіемъ этихъ разлагающихъ началъ не изсякъ въ древней Руси тотъ здравый госу-

дарственный смыслъ, который привелъ у насъ къ учрежденію государства въ 862 году. Нѣтъ, этотъ здравый государственный смыслъ развивался далѣе. Въ младшемъ поколѣніи Мономаховичей возникла и стала расти идея единодержавія, противоположная удѣльному многодержавію. Здѣсь сознано было, что для силы и благосостоянія Россіи необходима не собирательная власть одного рода князей, объединяемыхъ отеческимъ авторитетомъ великаго князя, примиряемыхъ княжескими съѣздами и взаимными клятвами, а единоличная полномочная власть одного Государя всея Руси, предъ которымъ были бы подданными и князья, и бояре, и горожане, и сельчане.

Старшая вѣтвь Мономаховичей, несмотря на то, что въ ней было много даровитыхъ и сильныхъ князей, такихъ, какъ Мстиславъ I, Изяславъ II, Мстиславъ Храбрый, Мстиславъ Удалой, Ярославъ Осмомыслъ, Романъ и Даніилъ Галицкіе, не доработалась до этой идеи, давшей намъ на смѣну кіевскаго періода Руси новый періодъ владимірскій. Истиннымъ и типичнымъ его представителемъ былъ великій князь Андрей Боголюбскій, а на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ стоитъ его отецъ — Юрій Владиміровичъ Долгорукій, – устроитель земли Суздальской и основатель нашей Москвы.

Край на средней Волгѣ и нижней Окѣ, лежавшій за лѣсами Вятичей (стародубскими и брынскими), первоначально населенный финскими племенами—мерей, весью и другими, былъ колонизованъ славянами еще до основанія Русскаго государства: потому что здѣсь еще до 862 года были города Ростовъ и Суздаль. Но эта земля, какъ и земля Рязанская, еще при Владимірѣ Мономахѣ не называлась Русскою землею. Этимъ именемъ звалась только юго-западная кіевская Русь. Но пройдетъ немного времени, и эта область будетъ именоваться не только Русью, но и великой Русью, или Великороссіей, а подъ вліяніемъ ея возвышенія и захуданія Кіева и юго-западная Русь будетъ именоваться малой Русью или Малороссіей. Значеніе этого приволжскаго края понималъ еще и Владиміръ Св., предпринимавшій сюда путешествія для утвержденія христіанства и посадившій здѣсь князьями своихъ сыновей Бориса и Глѣба, и Ярославъ Мудрый, основавшій на берегу Волги Ярославль. Владиміръ Мономахъ тоже придавалъ значеніе этому своему удѣлу: потому что онъ построилъ здѣсь Владиміръ на Клязьмѣ. Но еще болѣе попеченій посвятилъ этой области сынъ Мономаха, Юрій

Владиміровичъ. Правда, его «долгія руки» тянулись и на югъ, и на сѣверъ, и къ Кіеву, и къ Новгороду, но нельзя указать другого князя, который бы столько труда положилъ на устроеніе своего удѣла, сколько Юрій Владиміровичъ—для своей ростово-суздальской земли.

Въ короткое время, съ 1134 года по 1152 годъ, онъ построилъ здѣсь цѣлый рядъ городовъ. Такъ въ 1134 году онъ строитъ городъ Ксятинъ при впаденіи Нерли въ Волгу. Въ 1147 году, на мѣстѣ селъ боярина Степана Кучка, становится извѣстна

Юрій Долгорукій.

основанная Юріемъ Москва. Въ 1152 году онъ строитъ названный его именемъ Юрьевъ въ полѣ (Польскій, въ нынѣшней Владимірской губерніи) и переноситъ на новое мѣсто у озера Плещеева и обстраиваетъ Переяславль-Залѣсскій. Въ 1154 году на рѣкѣ Яхромѣ основываетъ еще городъ, который называетъ въ честь своего сына Димитрія—Всеволода-Дмитровомъ.

Около этого времени въ этомъ краѣ возникаютъ и другіе города, какъ Тверь, Кострома, Угличъ, Городецъ и другіе.

Въ прежнія времена сюда шло переселеніе изъ новгородскихъ областей, а теперь двинулось съ юга. Доказательствомъ этого служитъ, что здѣсь въ именахъ рѣкъ, городовъ и селъ начинаютъ мелькать названія, столь часто встрѣчающіяся въ старой

Кіевской лѣтописи. Такъ, среди рѣкъ Великороссіи мы находимъ Лыбедь, Трубежъ, Ирпень, среди городовъ—Звенигородъ, Переяславль, Галичъ, среди селъ—Берендей, Вышгородъ и т. п. Но переселившійся сюда со всея Руси народъ отлился здѣсь въ особый великорусскій типъ, характеризующійся своимъ трудолюбіемъ, своей стойкой выносливостью, своей практической сметкой.

Съ особою подробностью мы должны остановиться на основаніи Москвы, какъ будущаго центра всея Руси.

Москва въ первый разъ упоминается, какъ городъ, въ лѣтописи, въ горячую пору, именно подъ 1147 годомъ.

Суздаль.

Весною этого года суздальскій князь Юрій Владиміровичъ, какъ передаетъ лѣтописное сказаніе, пошелъ на Новгородъ, бывшій на сторонѣ Изяслава Мстиславича, взялъ Торжокъ и землю па Мстѣ, а Святославъ Сѣверскій, его союзникъ, по Юрьеву приказу, пошелъ на землю Смоленскую, тоже стоявшую на сторонѣ кіевскаго князя, и взялъ живіпихъ тамъ на Протвѣ литовцевъ-голядей и обогатилъ дружину свою полономъ. Послѣ этого Святославъ, къ которому Юрій еще раньше посылалъ на помощь сыновей своихъ и богатые дары для него и его княгини (ткани и мѣха), получилъ отъ суздальскаго князя зовъ

пріѣхать къ нему въ Москву (въ «Московъ»), которая по этому поводу впервые упомянута въ лѣтописи. Святославъ отправился къ нему въ новый городокъ съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ рязанскимъ и дружиной. Олегъ поѣхалъ въ Москву напередъ и получилъ отъ Юрія въ подарокъ барса. Дружески поздоровался основатель Москвы съ князьями, и здѣсь началось пированье. На другой день Юрій сдѣлалъ большой, или, по старинному выраженію, «сильный», обѣдъ для гостей, богато отдарилъ Святослава, сына его Олега, Владиміра Рязанскаго и всю ихъ дружину. Вѣсти о свиданіи князей союзниковъ въ Москвѣ, предъ началомъ громаднаго междоусобія, разнеслись по всей Руси и сдѣлали извѣстнымъ этотъ маленькій городокъ. Такъ какъ этотъ съѣздъ въ Москвѣ происходилъ въ концѣ марта (28 числа, на Похвалу Богородицы), то пиры и обѣдъ «сильный» не могли идти въ шатрахъ и, безъ сомнѣнія, происходили въ княжескомъ теремѣ.

Въ эту пору Москва была лишь небольшимъ пограничнымъ для суздальскаго княжества военнымъ пунктомъ, которому предстояло лишь въ будущемъ важное значеніе, по его срединному положенію, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ нашихъ естественныхъ предѣловъ на западѣ и востокѣ, на югѣ и сѣверѣ.

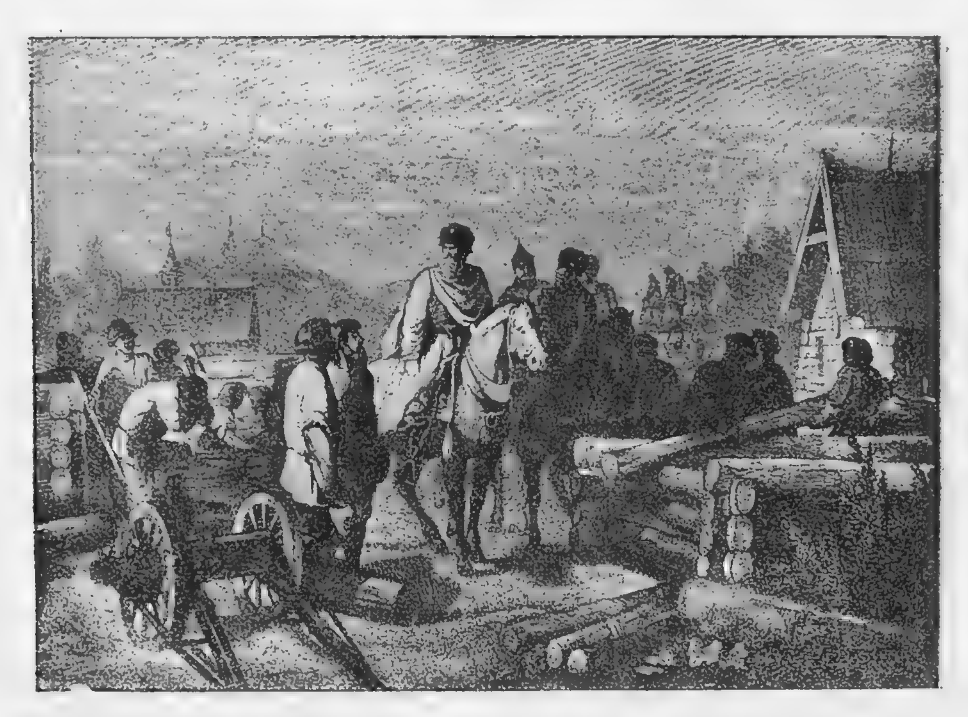
Хотя въ половинѣ XII вѣка еще не могла быть сознана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тутъ лежитъ бойкій узелъ границъ нѣсколькихъ княжествъ: суздальскаго, смоленскаго, рязанскаго, сѣверскаго и новгородскаго и важный перекрестокъ многихъ дорогъ и водныхъ путей.

Москва-рѣка, при обиліи лѣсовъ, семь съ половиною столѣтій тому назадъ, многоводная и судоходная, представляла собой пунктъ, гдѣ въ живомъ соприкосновеніи сходилось и сплеталось очень многое. Начало этой рѣки, выше Можайска, находилось въ княжествѣ смоленскомъ, тянувшемъ по Днѣпру къ южной Руси, а по Двинѣ къ западу; устье Москвы, при впаденіи въ Оку, принадлежало рязанско-муромскому княжеству, тянувшему къ Волгѣ. Цѣлая сѣть рѣкъ дѣлала это мѣсто очень бойкимъ для соприкосновенія съ другими княжествами пунктомъ, гдѣ сходились пути и въ Новгородъ, и въ Кіевъ, и во Владиміръ, и въ Смоленскъ.

Понятно, что здѣсь былъ узелъ бойкихъ, перекрещивающихся военныхъ и торговыхъ дорогъ изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова съ Кіевомъ, Ростова съ Суздалемъ. Здѣсь съ неза-

памятныхъ временъ были не только поселенія финской мери, о чемъ свидѣтельствуютъ открытые въ Москвѣ остатки языческихъ городищъ и разные предметы доисторическаго быта, но и славянскія селенія. При постройкѣ Большого Кремлевскаго дворца, были найдены серебряные обручи или кольца и серьги, а на мѣстѣ храма Христа Спасителя — древнія арабскія монеты, изъ коихъ одна 862 года. Здѣсь, по всей вѣроятности, бывали Владиміръ Св., намѣтившій свой городъ на Клязьмѣ, Борисъ, княжившій въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ, и Ярославъ Мудрый, основатель Ярославля на Волгѣ, если только они ѣзжали оттуда на юго-западъ въ Кіевъ, а не въ Новгородъ. Несомнѣнно, что посѣщалъ эти мѣста и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, нѣсколько разъ ѣздившій въ ростовскую землю и строившій тамъ храмы. Но, когда онъ отдалъ въ удѣлъ владиміро-суздальскую землю своему сыну Юрію Владиміровичу Долгорукому, здѣсь мы видимъ на Москвѣ рѣкѣ цѣлый рядъ селъ, принадлежащихъ старшему его дружиннику, говорятъ даже тысячскому,—боярину Кучку. Здѣсь, при этомъ вотчинникѣ, конечно, все было: и большія поселенія, и храмы, и боярскія хоромы; не было только города, какъ крѣпости, какъ военно-княжескаго пункта. Но, несомнѣнно, основатель отдѣльнаго княжества суздальскаго не могъ, на рубежѣ стольких удѣловъ, въ пору ихъ наибольшаго столкновенія изъ-за Кіева, при началѣ усобицы съ Изяславомъ Мстиславичемъ, не основать здѣсь города, какъ именно военнаго пограничнаго пункта. Этому вполнѣ соотвѣтствуетъ то, что новый городъ въ 1147 году сдѣлался мѣстомъ важнаго съѣзда вышеназванныхъ князей-союзниковъ, гдѣ князья сговорились «жить въ любви и единствѣ до конца живота, имѣть однихъ друзей и враговъ, сообща стеречься отъ недруговъ». И Кремлевская крѣпость главными своими сторонами обращена на югъ и западъ. Она была заложена на холмѣ тамъ, гдѣ оканчивалось взводное судоходство Москвы-рѣки и начинается сплавное, гдѣ рѣка, выше устья Неглинной, образуетъ пороги. Впослѣдствіи для защиты Москвы построена другая крѣпость — Китай-городъ, а потомъ Бѣлый городъ и круговое земляное укрѣпленіе, охватывавшее городъ со всѣхъ сторонъ. Лѣтописное преданіе говоритъ, что Юрій, казнивъ Кучка, «взыдѣ на гору и обозрѣ очима своима сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы, рѣки Неглинной, и возлюби села оныя (Степана Кучка), и повелѣлъ сдѣлати тамъ «древянъ градъ». Что же именно построилъ Юрій Владиміровичъ

въ Москвѣ? Древнѣйшій храмъ Іоанна Предтечи подъ Боромъ и церковь Спаса на Бору (боръ — лѣсъ), который тянулся изъ Кремля, отъ Боровицкихъ воротъ, черезъ Китай-городъ, на нынѣшнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже послѣ смерти Юрія. Сооруженіемъ основателя Москвы были, несомнѣнно, деревянныя съ башнями стѣны Кремля, за коими могли находить себѣ защиту крестьяне селъ Кучковыхъ и новые поселенцы. Но эти стѣны были даже не дубовыя, потому что таковыя, по лѣтописному сказанію, построены Іоанномъ Калитою. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что основатель Москвы построилъ въ Кремлѣ и княжій дворъ съ соотвѣтственными строеніями,

Юрій Долгорукій въ начальной Москвѣ.

гдѣ гостили у него князья и можно было дать названный выше «сильный» обѣдъ, въ 1147 году, и гдѣ жила княжья дружина. Сомнѣнія нѣтъ, что, извѣстный храмоздательствомъ по другимъ городамъ, Юрій построилъ хотя одну церковь въ Москвѣ; но объ этомъ мы не имѣемъ письменныхъ свѣдѣній.

Что такое были Кучковы села до основанія на Москвѣ-рѣкѣ города? Этотъ интересный вопросъ рѣшить очень затруднительно.

Къ числу Кучковыхъ селъ, по преданіямъ, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сущево;

называютъ и другія; и тамъ, еще до основанія Москвы, какъ города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются отъ деревень церквами. Одно только извѣстно, что Кучковы села не совпадали съ городомъ Москвою. Кучково поле начиналось именно съ того мѣста, гдѣ идетъ теперь Лубянка, а домъ боярина находился будто близъ нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ. Преданія разсказываютъ, что на мѣстѣ церкви Спаса на Бору когда-то жилъ пустынникъ Букалъ, а на Крутицахъ какой-то мудрый человѣкъ, по имени Подонъ, родомъ римлянинъ.

Но все, что можно сказать о Степанѣ Кучкѣ, есть или старинныя былины или догадки историковъ позднѣйшаго времени.

Ростовъ Великій.

Разныя преданія говорятъ согласно, что онъ былъ казненъ Юріемъ Долгорукимъ. Но за что?—Вотъ вопросъ, который розно рѣшается и въ «старинкахъ», и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Одна легенда говоритъ, что Кучко, возгордѣвся зѣло, не почтилъ своего князя и даже хулилъ его.

Позднѣйшіе историки, основываясь на томъ, что въ Новгородѣ иногда встрѣчалось имя Кучко, стали предполагать, что Степанъ Кучко былъ новгородскимъ земскимъ бояриномъ, что его села были населены новгородцами и что въ его земскомъ сопротивленіи заключается причина его казни, что самая Москва есть колонія новгородская. Но едва ли это такъ. Въ княжеское время, съ основанія Владиміра на Клязьмѣ и Ярославля, все вѣчевое - новгородское, начиная съ Ростова и Суздаля, въ

приволжскихъ владѣніяхъ Мономаховичей, становится въ тѣнь; и едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло въ XII столѣтіи сказываться въ вотчинахъ Кучковыхъ. Да и самое прозваніе ихъ владѣльца, оканчивающееся на о, скорѣе указываетъ, что онъ или его родители пришли изъ южной Руси, а не изъ Новгорода. Въ Подоліи былъ городъ Куча, а въ Червонной Руси Кучельминъ. У черниговскихъ князей былъ бояринъ Судиміръ Кучебичъ. Отъ этого, можетъ быть, и Степанъ Кучко тянулъ на югъ къ Изяславу Мстиславичу, за что, можно предполагать, и былъ казненъ великимъ княземъ суздальскимъ.

Положилъ ли какую-нибудь печать своего личнаго характера на основанномъ имъ городѣ Юрій Долгорукій?—Едва ли. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что онъ не послѣдовалъ примѣру своего прадѣда — Ярослава Мудраго, дававшаго свое имя основаннымъ имъ городамъ, и не назвалъ свою крѣпость Юрьевымъ, какъ сдѣлалъ это относительно построеннаго имъ Юрьева-Польскаго, гдѣ онъ создалъ церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца,—своего ангела. Москва нѣкоторое время называлась даже Кучковымъ, а потомъ за нею утвердилось, по рѣкѣ, названіе «Москва», вѣроятно мерянское, обозначающее, по однимъ сказаніямъ — «смородину», а по другимъ — «крутящуюся, искривленную», по третьимъ «мутную» и т. д. Ходаковскій пишетъ: «Мосткова», производя это имя отъ мостковъ на рѣкѣ. Иные производятъ это имя отъ Мосоха, сына Іафетова. Въ сѣверо-восточной Руси — много рѣкъ, названіе которыхъ оканчивается на **ва**: Протва, Сылва, Косва. У одной Камы 20 притоковъ, названія коихъ такъ именно оканчиваются; а **ва**, по-фински, значитъ вода. См. книгу: «Изъ исторіи Москвы». М. 1896.

Очевидно, Юрій Владиміровичъ, обстраивая и заселяя свой удѣлъ, не смотрѣлъ на него, какъ на временную ступень лѣствичнаго восхожденія, а считалъ его своимъ собственнымъ владѣніемъ, своей прочною наслѣдственной вотчиной. Сначала его не привлекалъ заманчивый для всѣхъ князей Кіевъ. По смерти братьевъ своихъ Мстислава и Ярополка, ему, какъ Мономашичу, нетрудно было бы утвердиться на кіевскомъ столѣ, но онъ терпитъ его переходъ къ Ольговичамъ черниговскимъ, довольствуясь тѣмъ, что въ то время имѣлъ причастіе въ Русской землѣ, т. е. въ кіевской Руси, владѣя тамъ южнымъ Переяславлемъ, а въ другое время Городцемъ Остерскимъ. Онъ началъ энергичную борьбу за Кіевъ лишь тогда, когда на его престолъ

возсѣлъ, вопреки родовому старшинству, его племянникъ Изяславъ Мстиславичъ. Онъ нѣсколько разъ отнималъ у него Кіевъ и княжилъ тамъ. Но къ Кіеву и кіевлянамъ онъ относился совсѣмъ не такъ, какъ князья старшаго колѣна Мономахова. Онъ держалъ себя здѣсь, какъ чужой, какъ великороссъ. Въ то время, какъ Изяславъ, полный любви къ кіевлянамъ, называлъ ихъ своими милыми, онъ не дѣлалъ ни одного движенія, чтобы снискать ихъ любовь. Онъ приводилъ на Кіевъ, вмѣстѣ съ суздальскими ратями, и половцевъ и управлялъ Кіевомъ при помощи нелюбимыхъ тамъ суздальцевъ, а самъ часто уходилъ отсюда во Владиміръ. Кіевляне не любили Юрія и не разъ говорили Изяславу, что имъ не усидѣть съ Юріемъ. «Хощемъ тебя въ Кіевъ», говорили они въ другой разъ Изяславу. «Суздальскій князь никому не угоденъ, нелюбы въ Кіевѣ и пришлые суздальскіе дружинники». Но, не глядя на такое взаимное нелюбье, Юрій все же не хотѣлъ разстаться съ Кіевомъ и умеръ здѣсь великимъ княземъ въ 1158 году; онъ похороненъ былъ не у св. Софіи, а у Спаса въ Берестовѣ.

Сѣверно-русскій князь, любя свою залѣсскую область и возникавшіе въ ней новые государственные порядки, однако еще не въ силахъ былъ отказаться отъ идеи главенства надъ всею Русскою землею Кіева и отъ его строя понятій и обычаевъ. Юрій Долгорукій все же не былъ чуждъ понятій южно-русскихъ князей.

Совсѣмъ не таковъ былъ сынъ его Андрей Боголюбскій. Уроженецъ велико-русскаго сѣвера, онъ, хотя, по волѣ отца своего, принималъ участіе въ борьбѣ изъ-за Кіева и соперничалъ въ ней своей храбростью съ удалыми князьями южной Руси, ясно понималъ, что она уже отжила свое время и что для Россіи необходимы уже иные государственные порядки и, соотвѣтственно съ этимъ, иной государственный центръ.

Не разъ Андрей уговаривалъ отца разстаться съ южной Русью, указывая: «всегда въ мятежѣ и въ волненіи; всѣ хотятъ великокняженія, и никому ни съ кѣмъ мира нѣтъ; нестроеніе братьи, сродниковъ и всего племени. Отъ сего всѣ княженія опустѣли. Въ Придунайской странѣ уже чужіе заселяются и обладаютъ; и поганые половцы вездѣ пусто сотворили. Это ли — честь, слава, величество и глава всѣмъ — Кіевъ? Уже великое и славное кіевское княжество пусто». Лѣтопись говоритъ, что «отецъ унималъ его много». Но въ умѣ его былъ новый государственный строй, и онъ, недовольный теплымъ югомъ, уходитъ

въ свою прохладную залѣсскую страну, гдѣ удобнѣе было осуществлять новые государственные планы.

Когда Юрій въ послѣдній разъ утвердился въ Кіевѣ, посадивъ вблизи себя въ Вышгородѣ Андрея, онъ рѣдко видѣлся со своимъ отцомъ. Но однажды Андрей пришелъ въ Кіевъ и «радостно бысть пріятъ отъ отца своего и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколико время». Однако и въ этотъ пріѣздъ онъ просилъ

Андрей Боголюбскій.

отца отпустить его на сѣверъ, но, получивъ отказъ, рѣшился уйти туда противъ его воли. «Мысля же себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу: восхотѣ идти на великое княженіе въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть. И сице пойде изъ Кіева тайно... и отчуждися великаго княженія кіевскаго».

Уходя въ 1154 году изъ Вышгорода въ Владиміръ Залѣсскій, онъ оставилъ тамъ все нетронутымъ, взялъ только одну великую святыню, стоявшую въ Вышгородскомъ монастырѣ,—икону Богоматери, которая имѣла столь великое священно-историческое значеніе въ періоды Владимірскій и Московскій. Это—икона, написанная Евангелистомъ Лукой и принесенная въ даръ Юрію изъ Греціи. Ночью Андрей вошелъ съ причтомъ въ храмъ и палъ предъ иконою ницъ и молился: «Владычица! Аще хощеши, буди помощницею намъ въ Ростовской землѣ, куда тщимся шествовати. Сохрани и заступи ны отъ всякаго зла!» Выслушавъ молебенъ, князь взялъ икону въ свои руки и прямо изъ храма двинулся въ путь на сѣверъ въ будущую великую Русь, оставляя за собою ту Русь, которой было суждено уже малиться. Ни церковныя власти, ни отецъ—великій князь не сдѣлали попытки остановить Андрея на его пути... Увѣренъ, что вы знаете, о какой иконѣ идетъ рѣчь. Это — икона Владимірской Божіей Матери, уже много вѣковъ стоящая въ нашемъ Всероссійскомъ Успенскомъ Соборѣ и являющаяся священнымъ знаменемъ всея Руси единодержавныя.

Весь Владиміръ Залѣсскій крестнымъ ходомъ вышелъ въ стрѣтеніе этой великой святынѣ. Народъ въ неописуемомъ благоговѣніи земно кланялся Царицѣ Небесной. Князь Андрей мѣшкалъ въ княжескомъ Владимірѣ и не шелъ въ до-княжескій вѣчевой Ростовъ. Однако, въ виду его старѣйшинства, двинулся со святой иконой изъ младшаго и любимаго Владиміра. Но въ десяти верстахъ отъ города, у рѣки Клязьмы, кони, везшіе кіотъ со св. иконой, не захотѣли идти; перепрягли и другихъ, и съ тѣми было тоже. Всѣ присутствовавшіе увидали въ этомъ знаменіе самой Богоматери. Андрей далъ обѣтъ построить на этомъ мѣстѣ каменный храмъ и въ ту же ночь въ шатрѣ своемъ, раскинутомъ на этомъ мѣстѣ, имѣлъ видѣніе: предъ нимъ предстала Богоматерь со свиткомъ въ рукѣ и повелѣла не нести свою икону въ Ростовъ, а поставить ее во Владимірѣ и здѣсь построить иноческую обитель во имя Ея рождества. На этомъ мѣстѣ Андрей построилъ женскій монастырь, свой дворецъ и цѣлый городокъ, названный Боголюбовымъ. На новой иконѣ было воспроизведено видѣніе Андрея *), и она именуется Боголюбской, а самъ онъ былъ прозванъ Боголюбскимъ.

---

*) Боголюбская икона также перенесена въ Москву и находится у Варварскихъ воротъ Китай-города.

Чертами единодержавія и самодержавія отличалась государственная дѣятельность въ Великороссіи Андрея Боголюбскаго отъ родового, патріархальнаго правленія великихъ князей кіевскихъ.

Въ своей владимірской вотчинѣ онъ держался начала ея един-

Успенскій соборъ во Владимірѣ.

ства и нераздѣльности: не дробилъ ея между сыновьями и изгналъ изъ нея своихъ братьевъ, «хотя, говоритъ лѣтопись, единъ быти властель во всей суздальской и ростовской землѣ».

Будучи полнымъ единодержцемъ здѣсь, онъ объединялъ удѣльныхъ князей и другихъ областей уже не родственной властью стар-

шаго изъ родичей, а властью главы всея Руси, всѣхъ ея князей, властью ихъ Государя, хотя еще и не именовался Государемъ, какъ называли себя впослѣдствіи московскіе князья, начиная съ Іоанна III. Сдѣлавъ Владиміръ, вмѣсто Кіева, великокняжескимъ престоломъ всея Руси, онъ не постѣснился отдать приказъ своимъ сыновьямъ и другимъ князьямъ взять копьемъ на щитъ Кіевъ и предать его разрушенію, чего никогда не бывало, по словамъ лѣтописи, съ матерью городовъ русскихъ.

Андрей, отнявъ Кіевъ отъ Мстислава II Изяславича своими полками, не поѣхалъ однако туда сѣсть на столъ отца и дѣда, а посадилъ тамъ «отъ руки своей, по милости своей», младшаго брата своего Глѣба Юрьевича, а по его смерти отдалъ Кіевъ Ростиславичамъ смоленскимъ. Старшій изъ нихъ Романъ сѣлъ въ Кіевѣ, а младшіе его братья размѣстились въ ближайшихъ городахъ. Но Ростиславичи разъ показали неповиновеніе Андрею Боголюбскому. Тогда онъ отправляетъ къ нимъ посла своего Михну съ грознымъ приказаніемъ: «не ходишь ты, Романъ, въ моей волѣ съ своею братіей, такъ пошелъ вонъ изъ Кіева; ты, Давыдъ, вонъ изъ Вышгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ, какъ знаете». Въ другой разъ онъ говоритъ Мстиславу Храброму: «ступай въ Берладъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ». Какъ не схожи эти слова Андреевы съ тѣми, кои мы читали въ мягкомъ родственномъ письмѣ Владиміра Мономаха къ Олегу Гориславичу. Въ первый разъ на Руси великій князь, названный отецъ для младшей братіи, обращался такъ со своими родичами. Эту перемѣну въ обращеніи съ особенною горечью почувствовалъ младшій изъ Ростиславичей Мстиславъ: онъ обрилъ голову и бороду Андрееву послу и отпустилъ его назадъ, велѣвъ сказать великому князю: «мы до сихъ поръ признавали тебя отцомъ своимъ по любви; но если ты посылаешь къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, а какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что задумалъ, а насъ Богъ разсудитъ». Такъ въ первый разъ межъ князей было произнесено новое политическое слово: «подручникъ», то-есть впервые сдѣлана была попытка замѣнить неопредѣленныя отношенія родового старшинства отношеніями обязательнаго подчиненія, политическаго подданства младшихъ князей старшему, наравнѣ съ простыми людьми. Своимъ приказомъ великій князь двигаетъ въ походы и на Кіевъ и на Новгородъ князей рязанскихъ, черниговскихъ и смоленскихъ. Даже инородцы видятъ

новую зависимость князей отъ мощной власти Владимірской державы. Такъ половцы говорятъ кіевскому князю слѣдующія выразительныя слова: „Богъ посадилъ тя и князь Андрей на отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ».

Если таковы были отношенія Андрея Боголюбскаго къ князьямъ-родичамъ, то понятно, каковы должны быть его отношенія къ дружинѣ.

Дружина въ кіевскій періодъ Руси имѣла большое значеніе. Князья держали ее въ чести и довольствѣ. Они говорили обыкновенно, что нечего для дружины жалѣть золота и серебра: за

Владиміръ на Клязьмѣ.

золото и серебро не пріобрѣтешь доброй дружины, а съ доброй дружиной добудешь и золота и серебра. Съ старшей дружиной,— знатными мужами или боярами,—князья думу думали или совѣтовались по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ. При слабыхъ князьяхъ дружина брала такую силу, что дружинники, когда князь рѣшалъ что-либо безъ нея, говорили: «о собѣ еси замыслилъ, княже, не идемъ съ тобою...» Стремившійся къ сильной и неограниченной власти Андрей Боголюбскій иначе, чѣмъ на югѣ, сталъ относиться къ дружинѣ. Онъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ,— «мужей отца переднихъ», какъ выражается лѣтопись, и сдѣлалъ онъ это потому, что желалъ, по выраженію лѣтописи, быть са-

мовластцемъ въ суздальской землѣ. Въ новую свою дружину онъ набиралъ людей незнатныхъ и даже инородческаго происхожденія.

Не любилъ онъ и старинныхъ вѣчевыхъ городовъ Ростова и Суздаля: онъ самъ не жилъ въ нихъ и все время держалъ въ черномъ тѣлѣ и тѣснилъ Новгородъ, вѣче котораго заключало съ князьями ряды или договоры—править у новгородцевъ

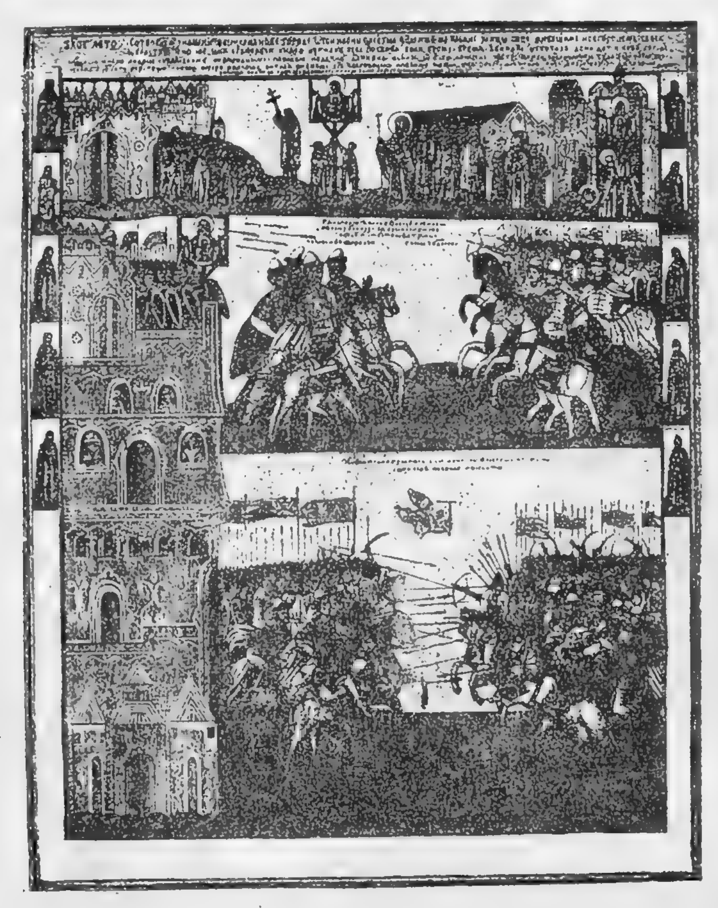
Осада Новгорода Андреемъ Боголюбскимъ. (Съ древней иконы *).

на полной ихъ волѣ—и изгоняло ихъ отъ себя. Правда, онъ не уничтожилъ въ Новгородѣ вѣча, что сдѣлалъ впослѣдствіи Іоаннъ III, но онъ заставлялъ его слушаться своей воли. Однажды онъ велѣлъ сказать новгородцамъ: «знать бы Новгороду, буду его искать добромъ или лихомъ». Его большой походъ на Новгородъ и его осада были неудачны, но онъ училъ Новгородъ повиновенію, задерживая подвозъ къ нему хлѣба, и опустошалъ его землю. Онъ сажалъ туда, какъ и въ Кіевъ, князей отъ своей

*) Находится въ иконостасѣ Знаменскаго монастыря въ Новгородѣ и изображаетъ его осаду въ 1169 году.

руки и смѣнялъ тамъ ему неугодныхъ. Когда новгородцы принудили князя Святослава покинуть Новгородъ, Андрей Боголюбскій послалъ имъ сказать: «не будетъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава», и новгородцы должны были принимать только тѣхъ князей, какіе ему были угодны.

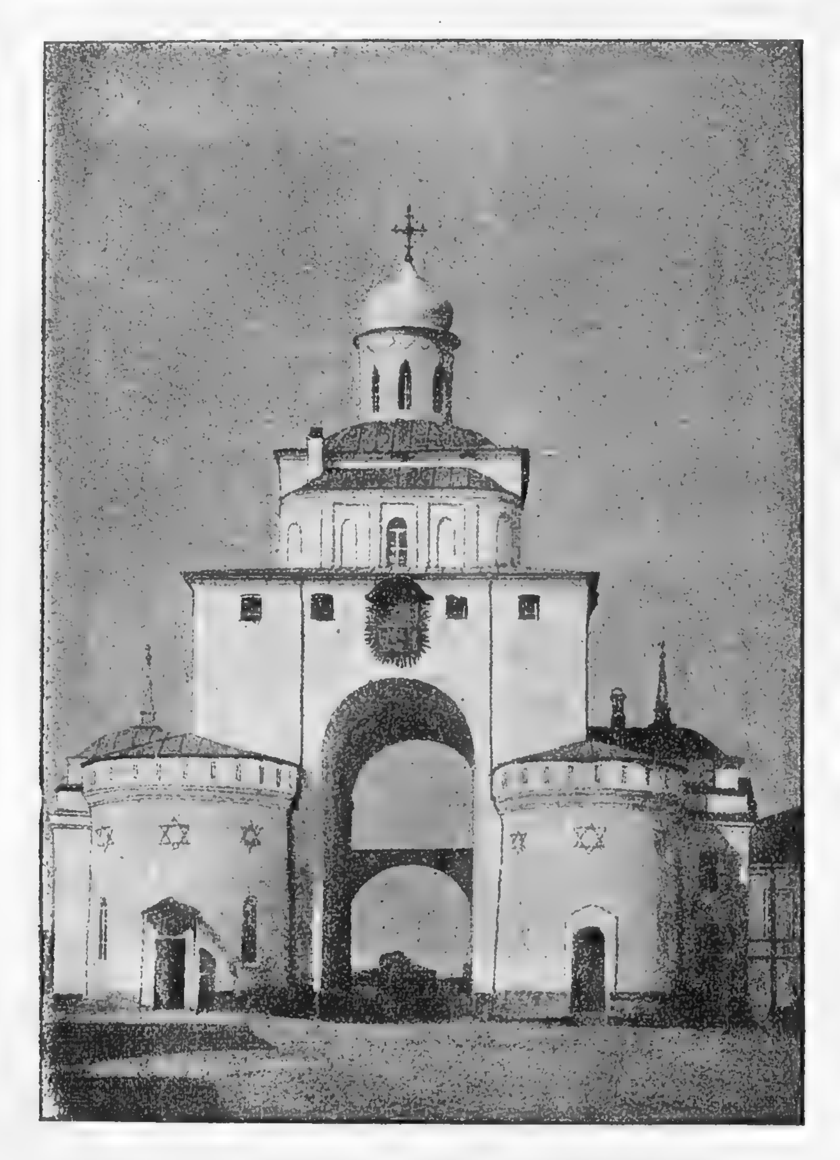
Андрей Боголюбскій свою столицу Владиміръ-Залѣсскій старался обстроить, какъ Кіевъ, и сдѣлать ее самымъ виднымъ во всей Руси градомъ. По примѣру Владиміра Святого, онъ строитъ

Суздальцы и новгородцы. Съ древней новгородской иконы.

въ своемъ стольномъ городѣ Десятинную церковь, отдавъ на ея содержаніе десятину изъ своихъ доходовъ. Это — великолѣпный Успенскій соборъ, по образцу котораго былъ построенъ и нашъ Московскій Успенскій соборъ. Въ этомъ храмѣ была поставлена икона Богоматери, привезенная изъ Вышгорода. Риза ея отличалась невиданнымъ великолѣпіемъ: кромѣ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней на ея окладъ пошло 30 гривенъ или фунтовъ золота. Трое алтарныхъ дверей собора были окованы чистымъ

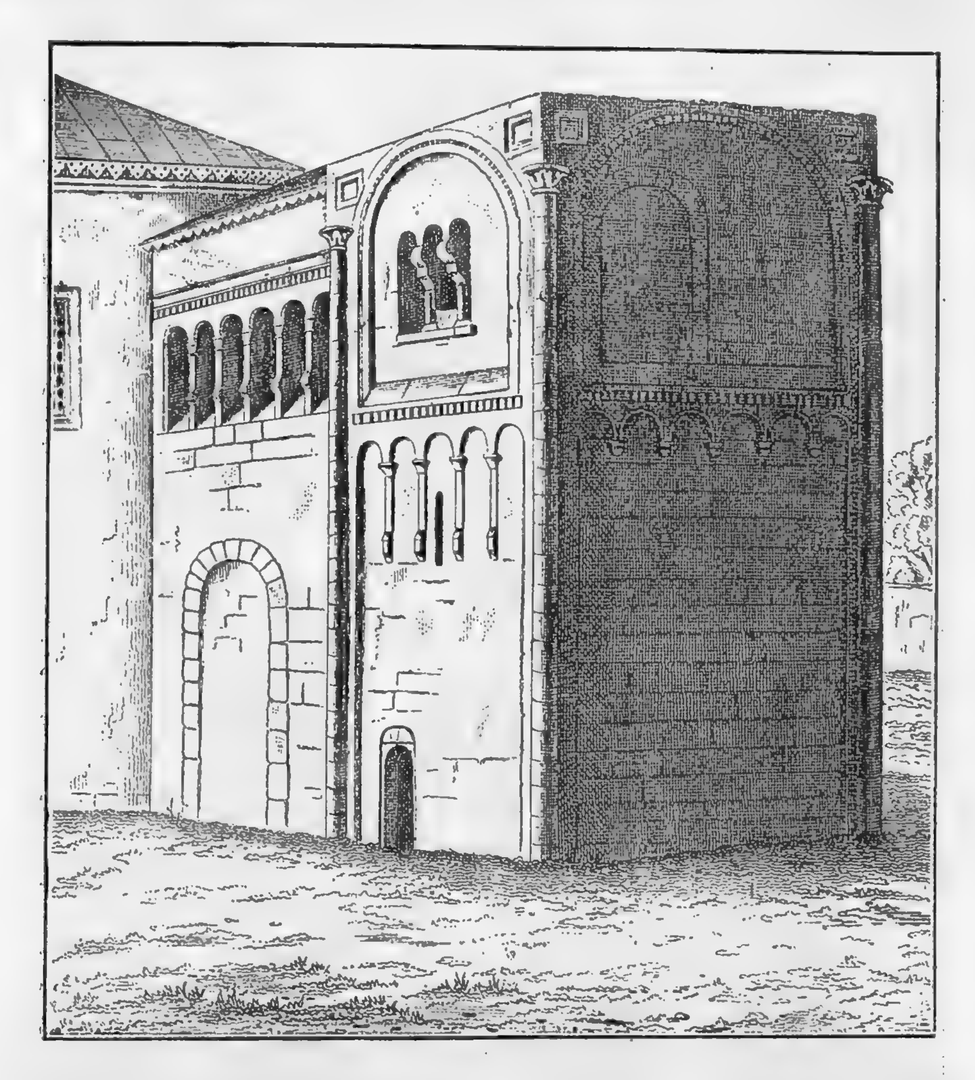
золотомъ и украшены драгоцѣнными камнями. Паникадила были золотыя и серебряныя. Жемчугу и драгоцѣнныхъ камней въ храмѣ было неисчислимо. По примѣру Ярослава Мудраго, онъ построилъ во Владимірѣ Золотыя ворота съ храмомъ надъ ними, покрытымъ золотою крышей. Но кромѣ того построены были имъ еще и Серебряныя ворота, которыя вели въ велико-

Золотыя ворота.

лѣпно обстроенный Боголюбовъ. Для этихъ и многихъ другихъ построекъ Андрей сзывалъ плотниковъ, каменщиковъ, ювелировъ и живописцевъ не только изо всей Руси, но даже и изъ-за границы, какъ, напр., изъ Италіи. Въ Боголюбовѣ изъ такихъ мастеровъ образовалась цѣлая слобода: тутъ были мастера по

золотому и серебряному дѣлу, по обдѣлкѣ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга, по иконописи и росписанію палатъ всякимъ узорочьемъ; суздальское искусство соперничало съ тогдашнимъ западно-европейскимъ и, конечно, было совсѣмъ не тѣмъ, какимъ мы его видимъ теперь у захудалыхъ суздальскихъ кустарей. При постройкѣ въ Ростовѣ каменнаго собора были от-

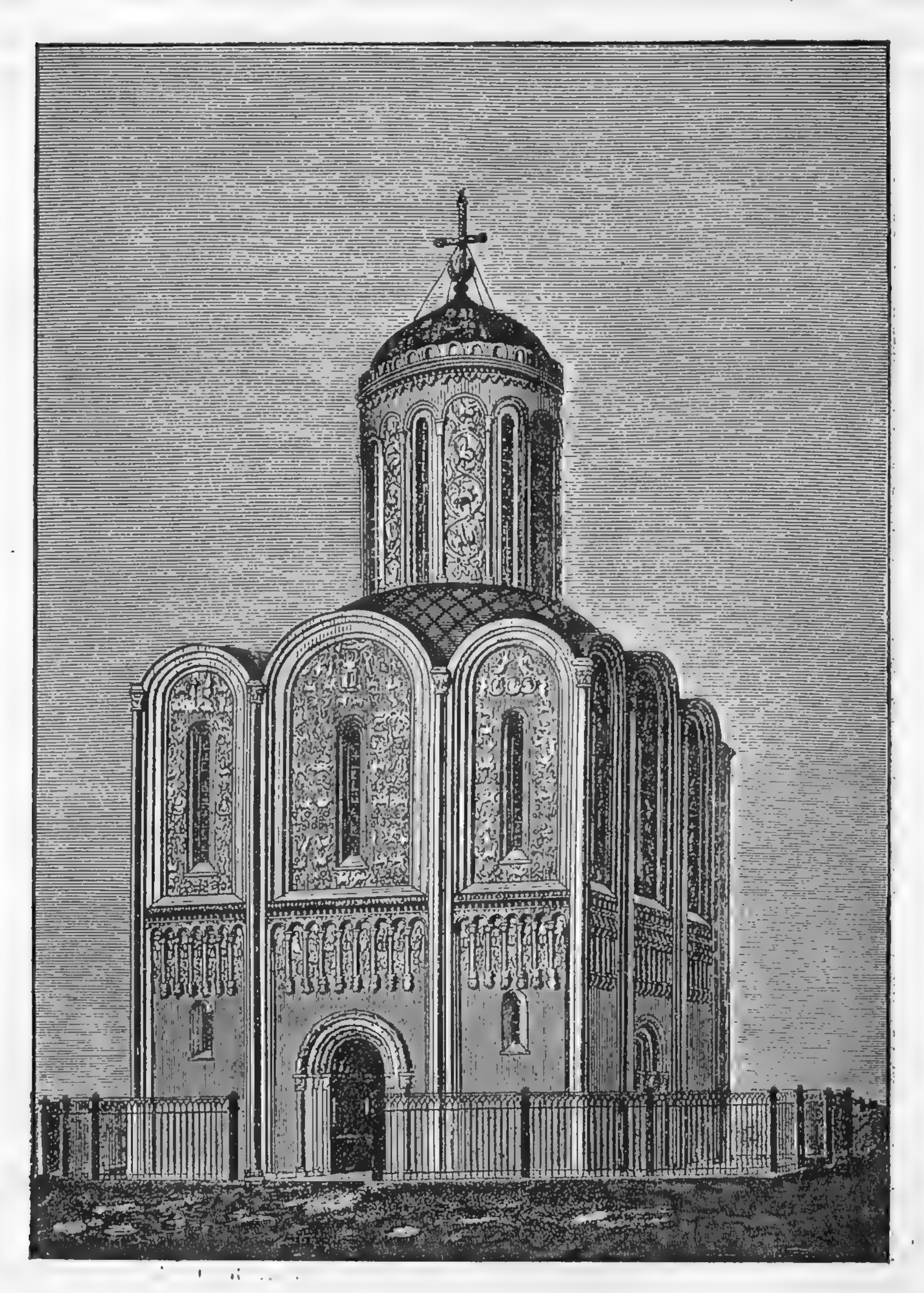
Палата Андрея Боголюбскаго.

крыты мощи просвѣтившихъ христіанствомъ Суздальскую землю ея епископовъ Леонтія, Исаіи и Авраамія *).

Самъ Андрей Боголюбскій очень заботился объ обращеніи въ христіанство евреевъ (хазаръ) и магометанъ (болгаръ). Противъ болгаръ камскихъ онъ снарядилъ походъ и ему придалъ

*) „Теперь, говорилъ Андрей Боголюбскій, я ничѣмъ не охужденъ предъ другими князьями“.

характеръ религіозный: вмѣстѣ съ его войскомъ крестнымъ ходомъ шло и духовенство, неся икону Владимірской Богоматери. Главная побѣда надъ магометанами или агарянами одержана

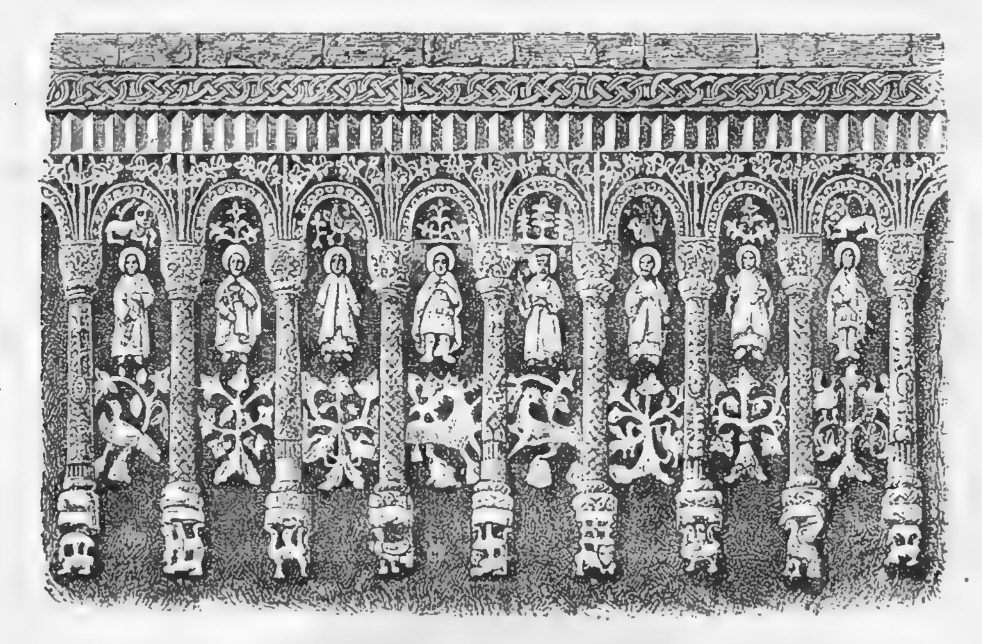

Дмитріевскій соборъ.

была Андреемъ Боголюбскимъ 1 августа. Онъ далъ знать объ этой побѣдѣ Византійскому императору и патріарху, и такъ какъ въ этотъ же день и греки одержали побѣду надъ магоме-

танами, то былъ установленъ во всей Греко-восточной церкви особый праздникъ въ этотъ день Всемилостиваго Спаса. Имѣя частыя сношенія съ Цареградомъ, Андрей задумалъ учредить во Владимірѣ митрополію; онъ сказалъ: «хочу сей градъ обновить митрополіей, да будетъ Владиміръ — великое княженіе и глава всѣмъ», какъ сталось послѣ въ Москвѣ. Такъ какъ въ Кіевѣ былъ издавна митрополитъ всероссійскій, то патріархъ константинопольскій Лука Хризовергъ въ грамотѣ своей заявилъ, что «граду Владиміру — митрополіей быть не мощно есть».

Андрей Боголюбскій былъ убитъ въ Боголюбовѣ въ 1174 году своими дружинниками, во главѣ которыхъ стояли Акимъ и Петръ Кучковичи и ключникъ Анбалъ. Они въ виду того, что

Рѣзной поясъ Дмитріевскаго Собора.

одинъ изъ Кучковичей былъ казненъ, ожидая и себѣ казни, ночью предательски напали на князя и убили его. Предъ этимъ злодѣяніемъ и послѣ него они пьянствовали въ княжей медушѣ и предавались грабежамъ и всяческимъ безчинствамъ.

Но со смертью Андрея Боголюбскаго не умерла идея единодержавія Руси: она, какъ великое государственное преданіе и сила, уже не могла не развиваться далѣе.

Братъ его Всеволодъ III Юрьевичъ, по прозванію Большое Гнѣздо (1176—1212), въ духѣ Андрея Боголюбскаго поработалъ въ пользу установленія на Руси могущественной велико-княжеской власти. «Слово о полку Игоревѣ», обращаясь къ этому зна-

менитому сѣверно-русскому князю, говоритъ: «ты можешь Волгу веслами раскропить, а Донъ шеломами вычерпать». Онъ былъ вѣдомъ на западѣ такому императору, какъ герой крестоваго похода Фридрихъ Барбаруса. Среди всѣхъ другихъ князей онъ оставался внѣ всякихъ распрей и отъ этого былъ силенъ. Рязань онъ подчинилъ себѣ, пользуясь раздорами ея князей. Владѣя чрезъ племянника южнымъ Переяславлемъ, господствовалъ надъ князьями кіевскими; имѣлъ большое вліяніе на червонно-русскій Галичъ; ставилъ князей Новгороду Великому и уважался даже Ольговичами. Имѣя такимъ образомъ всероссійское государственное значеніе, онъ, какъ хорошій вотчинникъ-хозяинъ, обстраивалъ свою суздальскую землю. Онъ памятенъ здѣсь основаніемъ Нижняго Новгорода при впаденіи Оки въ Волгу и знаменитъ построеннымъ во Владимірѣ великолѣпнымъ Дмитріевскимъ соборомъ, не уступающимъ по изяществу и великолѣпной отдѣлкѣ лучшимъ храмамъ запада XII вѣка.

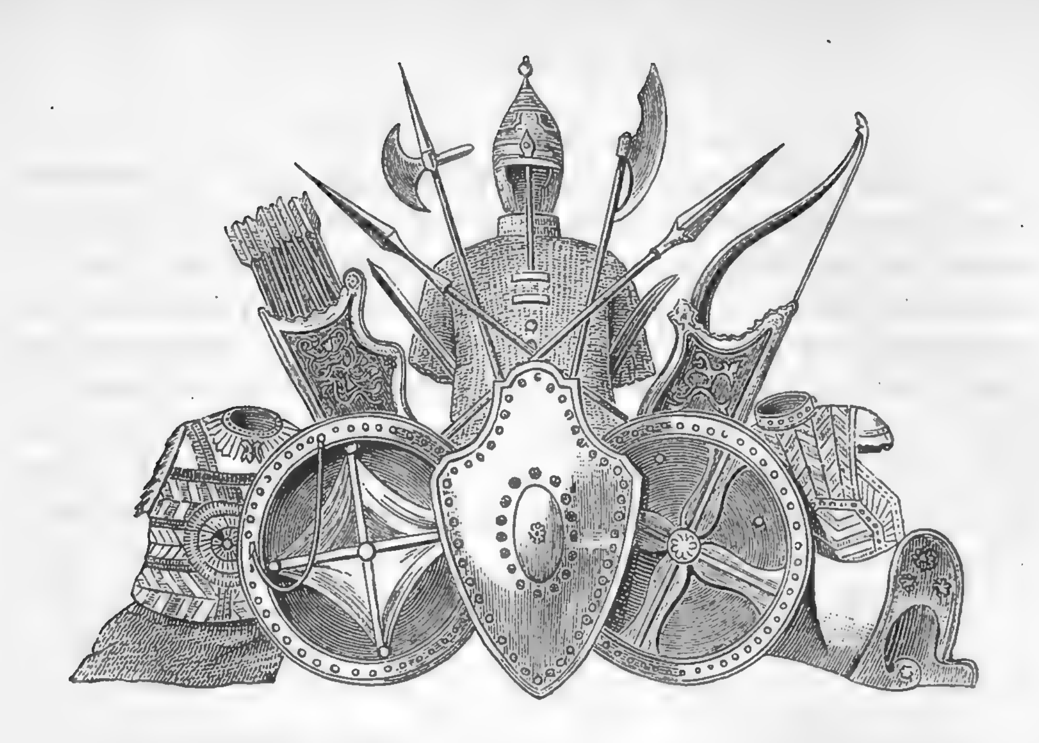
Чрезъ его сына Ярослава Всеволодовича политическія преданія его и его брата перешли къ его сыну Александру Ярославичу Невскому, а отъ его сына Даніила Александровича пошелъ родъ Московскихъ князей — собирателей Руси, хранившихъ и развивавшихъ завѣты и преданія первыхъ представителей великорусской государственности.

УДѢЛЬНАЯ РУСЬ СЪ X-ГО ВѢКА ДО КОНЦА XII-ГО.

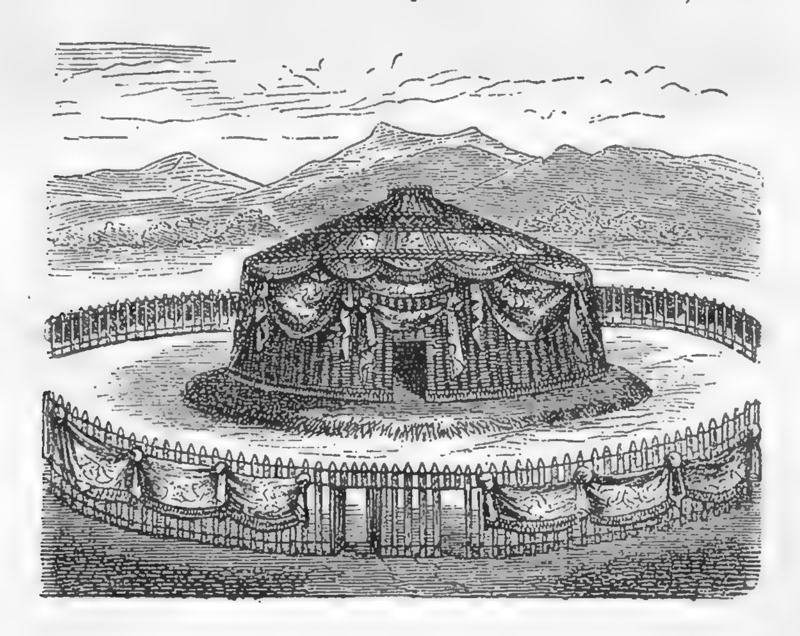

9.

Чингисъ-ханъ и его владычество въ Азіи. — Первое появленіе монголовъ въ Россіи и битва на Калкѣ. — Нашествіе Батыя. — Разгромъ Рязани и Владимірскаго княжества и битва на Сити. — Разрушеніе Кіева и походъ на Червонную Русь, Польшу и Чехію. — Золотая орда и ея владычество надъ Русью.

По смерти Всеволода III настаютъ трудныя времена: XIII-й вѣкъ былъ необычайно тяжкимъ для нашего отечества. На Россію, въ которой лишь намѣчено было Андреемъ Боголюбскимъ единодержавіе, полагающее конецъ гибельнымъ междоусобіямъ, двинулись со всѣхъ сторонъ враги: съ запада вторглись въ область Западной Двины нѣмецкіе рыцари—меченосцы, на сѣверѣ появились у Финскаго залива шведы, на Нѣманѣ поднялись дотолѣ покорные намъ литовцы. Но грознѣе всѣхъ ихъ были вторгшіеся изъ Азіи монголы. Раздробленной на удѣлы Россіи враги запада грозили не однимъ захватомъ ея земель, но и уничтоженіемъ ея, какъ государственно-національнаго цѣлаго, до искорененія самой души русскаго народа,—его вѣры православной. Національно-государственный духъ Россіи не допустилъ ея окончательной гибели, но онъ еще не настолько окрѣпъ, чтобы отвратить отъ нея огромную потерю ея владѣній и спасти ее отъ болѣе, чѣмъ двухвѣковового, порабощенія, отъ тяжкаго ига монгольскаго.

Въ XIII вѣкѣ Азія приготовила для Европы грозу, подобную той, какая разразилась въ IV вѣкѣ, въ пору нашествія гунновъ. У кочевавшихъ отъ Алтая до Амура монголовъ, коихъ китайцы называли татарами, въ концѣ предшествующаго вѣка появляется подобный Атиллѣ грозный завоеватель въ лицѣ Темучина; онъ, истребивъ или покоривъ себѣ другихъ монголо-татарскихъ хановъ, провозглашаетъ себя ханомъ надъ ханами, или Чингисъ—ханомъ. Тѣхъ, кто осмѣливались не покоряться ему, онъ съ поразительной жестокостью истреблялъ огнемъ и мечомъ. Преданіе говоритъ, что онъ сварилъ въ кипящихъ котлахъ до 70 возставшихъ противъ него хановъ. Ему мало было того, что онъ по-

Ханская ставка.

корилъ Китай и народы Туркестана: соединивъ подъ своею тяжкою рукою почти все желтолицое, съ узкими глазами и выдающимися скулами, племя, онъ сталъ стремиться къ покоренію другихъ не-монгольскихъ племенъ, къ всемірному владычеству. Его полчища разгромили Персію и народы Кавказа и явились въ предѣлахъ Россіи.

Первымъ разгромомъ расплатились половцы нашихъ южныхъ степей. Въ ужасѣ они прибѣжали сказать южно-русскимъ князьямъ: «сегодня взяли враги нашу землю, а завтра возьмутъ вашу, — помогите намъ». Отзывчивѣй всѣхъ князей былъ въ то время Мстиславъ Удалой, княжившій въ Галичѣ.

Вы знаете отца его Мстислава Храбраго, столь характерно высказавшагося противъ единодержавныхъ стремленій Андрея

Боголюбскаго. Онъ былъ кипучѣй своего отца и въ отличіе отъ храбраго родителя былъ прозванъ «удалымъ». Его безпокойный духъ носилъ его изъ конца въ конецъ Россіи, изъ земли смоленской въ Новгородъ, изъ Новгорода въ суздальскую землю, оттуда на Русь Червонную. Прослышавъ, что владимірскій князь держитъ въ рукахъ своихъ вольно-любивый вѣчевой Новгородъ и за его непослушаніе захватилъ пригородъ его Торжокъ и мужей новгородскихъ, онъ является на вѣчѣ и говоритъ: «не быть Торжку выше Новгорода, или отыщу мужей и волости, или головой повалю за святую Софію и Великій Новгородъ». Результатомъ его удали была побѣда надъ владимірскимъ великимъ княземъ, безплодная однако для нашего государственнаго могущества. Не усидѣлъ онъ послѣ того и въ Новгородѣ, сказавъ его народу: «кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего; иду добывать Галичъ отъ венгровъ, а васъ не забуду». Вотъ этотъ-то Мстиславъ быстро поднялся противъ монгольскихъ полчищъ. Онъ сзываетъ однихъ только юго-западныхъ князей на съѣздъ въ Кіевъ. Князья спѣшно идутъ въ походъ, напрасно убиваютъ монголо-татарскихъ пословъ, которые говорили имъ: «мы пришли противъ нашихъ холопей и конюховъ—половцевъ, а земли вашей не трогаемъ». Чрезъ десять дней похода князья доходятъ до впадающей въ Азовское море рѣки Калки, за которой стояли силы азіатскія.

Вооруженный монголъ.

Мстиславъ Удалой, понадѣявшись на свои силы и жаждая славы для себя, не свѣстился ни съ кіевскимъ Мстиславомъ, съ которымъ не ладилъ, ни съ Мстиславомъ черниговскимъ и послалъ молодого Даніила Романовича Галицкаго переправляться чрезъ Калку и переправился самъ. Даніилъ съ беззавѣтной отвагой врубился въ ряды татаръ и былъ раненъ въ грудь, но, не замѣчая раны, продолжалъ биться. Открыли нападеніе и половецкіе полки, но, не выдержавъ отпора татаръ, побѣжали и навалились на русскіе полки, которые еще не вступили въ бой, и произвели страшное смятеніе, что и дало перевѣсъ азіатамъ. Устоять нашимъ было нельзя. Много было ихъ перебито и въ ихъ

числѣ 6 князей. Мстиславъ и Даніилъ спаслись за Днѣпръ; а Мстиславъ кіевскій, укрѣпившійся на одной горѣ, былъ окруженъ татарами. Враги коварно предложили за выкупъ выпустить русскихъ. Но лишь только они вышли изъ укрѣпленія, какъ были вѣроломно перебиты, а князей они положили на землю, навалили на нихъ доски и стали на нихъ пировать. Страдальцы были раздавлены. Татары двинулись къ Днѣпру, предавая все истребленію. Но, не доходя ста верстъ до Кіева, повернули назадъ и скрылись въ азіатскихъ степяхъ.

Монгольскій пиръ послѣ битвы на Калкѣ.

Повѣствуя о несчастной битвѣ на Калкѣ, лѣтописецъ говоритъ: «совершилось это съ нами за грѣхи наши; Богъ наслалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы и не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ, не вѣдаемъ; только Богъ про то вѣдаетъ, да люди въ книгахъ хитрые».

Русскіе люди стали понемногу забывать о страшномъ нашествіи, нисколько не думая о собираніи всѣхъ силъ воедино для новой защиты отъ напора Азіи. Впрочемъ, въ народѣ была тревога: необычайныя явленія въ природѣ вѣщали ему какую-то

бѣду. Появилась на небѣ огромная комета въ видѣ копья; началась небывалая засуха; лѣса и болота горѣли; воздухъ переполнился дымомъ, и солнца не было видно, или оно глядѣло краснымъ, какъ кровь; зданія рушились отъ землетрясеній, былъ голодъ и моръ.

По смерти Темучина, ставшій великимъ ханомъ сынъ его Угедей отправилъ племянника своего Батыя для покоренія странъ на сѣверъ отъ Каспійскаго моря. Онъ переправился чрезъ Уралъ

Епископъ Кириллъ надъ тѣломъ в. к. Юрія на Сити.

не съ войсками уже, а съ цѣлой ордой, т.-е. съ татарскими семьями и всѣмъ ихъ имуществомъ. Прежде всего онъ напалъ на камскихъ болгаръ и разрушилъ ихъ столицу, а затѣмъ устремился на Рязань; другія княжества не прислали ей помощи. Когда татары потребовали отъ рязанскихъ князей десятины, они мужественно отвѣчали: «когда изъ насъ не останется никого въ живыхъ, возьмите все». Рязань, несмотря на геройскую защиту, была взята, князь ея убитъ. Жена одного изъ рязанскихъ князей Евпраксія, не желая доставаться побѣдителямъ, бросилась со своимъ княжичемъ-ребенкомъ съ высокаго терема и разбилась на смерть. Когда татары выходили уже изъ этого княжества, на

нихъ ударилъ со своею дружиною возвратившійся изъ Чернигова бояринъ Евпатій Коловратъ. Долго татары не могли справиться съ этимъ богатыремъ и горстью его храбрецовъ и подумали, что то не мстятъ ли имъ воскресшіе рязанцы.

Затѣмъ Батый идетъ во владимірское княжество. Первою его жертвою здѣсь была молодая еще Москва. Лѣтопись говоритъ: «тояже зимы (1237 года) взяша татарове Москву, а воеводу убиша Филиппа Нянька за православную хрестьянскую вѣру, князя Володиміра яша руками сына Юрьева; а люди убиша отъ старца до сущаго младенца, градъ и церкви огневи предаша и монастыри вся и села пожгоша и много имѣнія вземше отыдоша».

Главная сила Батыева окружила первопрестольный Владиміръ. Великій князь Юрій Всеволодовичъ ушелъ изъ города собирать рати, оставивъ здѣсь двоихъ своихъ сыновей. Татары окружили городъ тыномъ и стали громить стѣны «пороками»—стѣнобитными машинами. Защитники города понимали, что спасенія отъ несчетной азіатской силы нѣтъ и что имъ остается только умереть. Князья и нѣкоторые бояре приняли иноческій постригъ, а жители напутствовали себя на смерть святыми Тайнами. Въ воскресенье 7 февраля начался страшный приступъ. Татары ворвались въ Золотыя ворота у рѣчки Лыбеди. Послѣ боя на улицахъ князья отошли въ старый или Печерскій городъ, а епископъ Митрофанъ и великая княгиня съ дочерью и внуками заперлись въ Успенскомъ соборѣ на его хорахъ или полатяхъ. Ободравъ драгоцѣнности съ иконъ, татары обложили храмъ соломою и подожгли его. Находившаяся на хорахъ княжеская семья, осѣняемая крестомъ святителя Митрофана, сгорѣла вмѣстѣ со своими приближенными. Великій князь Юрій, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить?» Онъ вступилъ съ татарами въ неравный смертный бой на рѣкѣ Сити и своей смертью не посрамилъ земли Русскія. 14 городовъ въ княжествѣ владимірскомъ татары разрушили, покосивъ, какъ траву, говоритъ лѣтопись, его населеніе.

Двинулись было татары на Новгородъ, но наступившая весна съ разливомъ рѣкъ заставила ихъ поворотить на югъ. На шесть недѣль задержала татаръ на пути геройская защита Козельска. Малолѣтній князь его при взятіи города утонулъ въ крови, а враги, сравнявъ городъ съ землею, прозвали его «злымъ городомъ». Пробывъ нѣкоторое время въ юго-восточныхъ степяхъ

Россіи, татары, разгромивъ землю черниговскую, подступили въ 1240 году къ Кіеву. Ихъ полководецъ Менгу, внукъ Чингисъ-хана, залюбовался чуднымъ видомъ матери городовъ русскихъ, раскинутой на высотѣ Днѣпра въ зелени садовъ и блиставшей золотыми крестами своихъ храмовъ. Отъ скрипа телѣгъ, рэва, верблюдовъ и ржанія коней татарскихъ кіевляне едва могли слышать свои разговоры. Бояринъ Дмитрій, по порученію Даніила Галицкаго, защищалъ городъ геройски. Стѣны его были разбиты; сокрушительнымъ потокомъ ворвались татары въ Кіевъ,

Старый Кіевъ.

предавая все смерти и грабежу. За ночь кіевляне укрѣпились у Десятинной церкви. На утро и этотъ послѣдній оплотъ палъ, и весь Кіевъ обратился въ страшную груду развалинъ.

Разгромили татары Волынь и Червонную Русь, откуда Даніилъ Галицкій спасся въ Венгрію, и къ ужасу западной Европы двинулись на Венгрію, Польшу и Чехію: и тамъ почувствовали желтую опасность.

Императоръ германскій Фридрихъ II Гогенштауфенъ разсылалъ грамоты въ разныя западныя государства, говоря въ нихъ: «настало время пробудиться отъ сна. Лежитъ уже сѣкира при деревѣ: по всему міру разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью всему христіанству. Давно мы слышали о страшномъ врагѣ, но считали опасность далекой, такъ какъ между

врагомъ и нами столько храбрыхъ народовъ и князей. Теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, настало время всему христіанству подняться противъ свирѣпаго врага». На этотъ призывъ во имя христіанства черствый западъ не далъ отклика, какъ впослѣдствіи остался глухъ и къ гибели Цареграда подъ ударами другого азіатскаго племени—турокъ.

Батый, разбитый въ Чехіи близъ Голомуца славянскимъ воеводою Ярославомъ, поворотилъ назадъ и со своими татарами основался въ степяхъ южной Россіи отъ Урала до Дона. Цент-

Кіево-Печерская лавра.

ромъ своей Золотой или Кипчакской орды онъ сдѣлалъ поселеніе на нижней Волгѣ, близъ нынѣшняго Царева, Сарай.

Ужасное зрѣлище представляла Россія послѣ татарскаго погрома. Епископъ владимірскій Серапіонъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого говорилъ своей паствѣ: «страшно, дѣти, подпасть гнѣву Божію. Чего не навели мы на себя? Какой казни отъ Бога не воспріяли? Не плѣнена ли наша земля? Не полегли ли отцы и братья наши трупами на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли мы, оставшіеся горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже къ сорока годамъ приближается наше томленіе и мука, а тяжкія дани съ насъ не прекращаются... И всласть хлѣба мы съѣсть не можемъ. Навелъ же на насъ Господь народъ немилостивый, народъ лютый, не щадящій ни юной красоты, ни старческой немощи, ни

молодости дѣтей... Разрушены божественныя церкви, осквернены священные сосуды, все святое потоптано, святители стали пищею меча, тѣла преподобныхъ иноковъ брошены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ вода, обильно напоила землю; крѣпость княжескихъ воеводъ исчезла, храбрые наши въ страхѣ бѣжали; села наши поросли травой, величіе наше смирилось; земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ, трудъ нашъ поганые наслѣдовали».

Русское просвѣщеніе, давшее прекрасные начатки въ нашей несравненной Начальной лѣтописи, въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ «Поученіи Владиміра Мономаха дѣтямъ» и проч., поникло. Мы были разобщены татарами отъ высокообразованной Византіи и не могли далѣе развивать нашей образованности, какъ народы запада, безопасные отъ азіатскихъ завоевателей, потому, что азіаты боялись оставить Россію въ тылу своемъ, быть отдѣленными Россіей отъ Азіи.

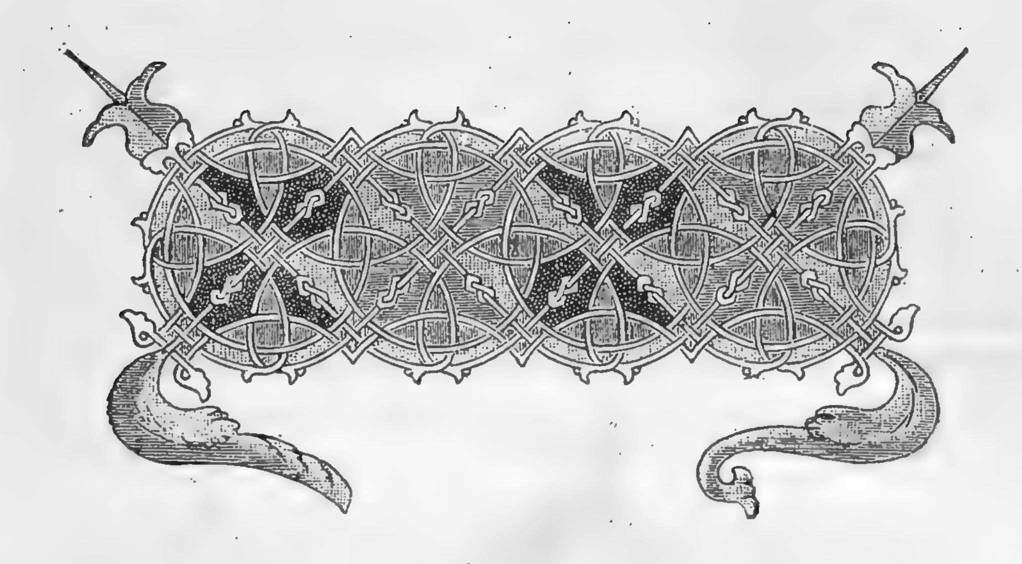

Шеломъ Ярослава Всеволодовича.

Такъ отяжелѣло надъ нашимъ отечествомъ монгольское иго. Оно выразилось въ томъ, что Батый вызывалъ къ себѣ въ орду русскихъ князей, утверждалъ ихъ своими грамотами или ярлыками на ихъ княженіяхъ и обложилъ русскихъ людей данями, не трогая однако, къ счастію, ни ихъ вѣры, ни устройства Руси. Первымъ былъ позванъ въ Сарай братъ убитаго на Сити Юрія, Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ, сознавая безсиліе русскихъ бороться противъ азіатской силы, долженъ былъ смиренно испить всю чашу униженія: кланяться ханскимъ приближеннымъ и задаривать ихъ, проходить между огней, кланяться солнцу и огню, обоготворяемымъ изображеніямъ хановъ, становиться на колѣни предъ Батыемъ. Ханъ однако принялъ его благосклонно и сказалъ: «будь ты старшій между всѣми князьями Русской земли», и послалъ его къ великому хану на поклонъ въ Азію къ истокамъ Амура. На возвратномъ пути Ярославъ Всеволодовичъ умеръ.

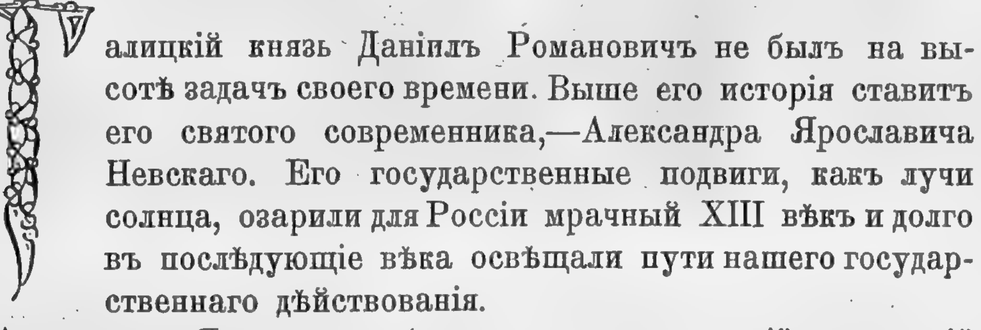
За нимъ потянулись въ орду Батыя и другіе наши князья. Изъ нихъ князь Михаилъ черниговскій отказался поклониться татарскимъ идоламъ и былъ замученъ въ Сараѣ вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ. Мощи ихъ были перенесены царемъ Іоанномъ Грознымъ въ Москву въ Архангельскій соборъ. Дольше всѣхъ не приходилъ въ орду князь Даніилъ Романовичъ Галицкій. Онъ льстилъ себя напрасною надеждою, что западныя государства помогутъ Россіи освободиться отъ ига монгольскаго, и даже разсчитывалъ, что тамъ поднимутъ противъ нихъ крестовый походъ. Но, видя, что надежды его напрасны, онъ пришелъ наконецъ въ орду. Ханъ былъ польщенъ этимъ и сказалъ ему: «хорошо, что ты пришелъ, а пьешь ли наше питье—кумысъ?» Даніилъ отвѣчалъ: «до сихъ поръ не пилъ, а велишь—пить буду». Его очень честили азіаты, а когда въ Червонной Руси гордый князь разсказывалъ, какъ чествовали его, онъ плакалъ вмѣстѣ со своими слушателями. «Злѣе зла, говоритъ лѣтопись, показалась имъ честь татарская».

10.

Св. Александръ Ярославичъ Невскій.—Борьба его со шведами, нѣмецкими рыцарями и Литвою и его побѣды на Невѣ и на льду Чудского озера.—Отношеніе его къ Золотой ордѣ, кончина и значеніе его государственныхъ преданій для московскихъ князей—собирателей Руси и для Царской и Императорской Россіи.

Галицкій князь Даніилъ Романовичъ не былъ на высотѣ задачъ своего времени. Выше его исторія ставитъ его святого современника,—Александра Ярославича Невскаго. Его государственные подвиги, какъ лучи солнца, озарили для Россіи мрачный XIII вѣкъ и долго въ послѣдующіе вѣка освѣщали пути нашего государственнаго дѣйствованія.

Александръ Ярославичъ былъ человѣкъ преданій и преданій сѣверо-восточной Руси. Лѣтопись говоритъ: «Александръ не остави пути отца своего», а отецъ его Ярославъ Всеволодовичъ шелъ путемъ своего родителя, этотъ же шелъ тѣмъ путемъ, который намѣтилъ великій князь Андрей Боголюбскій. Вы знаете этотъ путь. Это—путь сильной единодержавной власти Государя, руководящагося ничѣмъ инымъ, какъ только и единственно благомъ своего народа.

Если мы глубже всмотримся въ историческій ликъ Александра Невскаго, мы увидимъ въ немъ знаменательное сочетаніе

трехъ особенностей: мужества, мудрости и святости. Мы восхищаемся его храбростью въ битвахъ. Но эта храбрость—не та нерасчетливая удаль, которая отличаетъ южно-русскихъ князей, и не та неукротимая воинственность, которая думаетъ писать исторію только кровью и желѣзомъ. Онъ зналъ, что исторія пишется и мирною мудростью, которая заставляетъ и героевъ смиренно преклоняться предъ непреодолимою необходимостью,—склонять передъ нею голову, чтобы дать возможность своимъ потомкамъ выпрямиться во весь ростъ. Но и мужество и муд-

Св. Александръ Невскій.

рость Александра Невскаго озаряла свято-русская набожность, говорившая ему, что высшій руководитель и двигатель событій—Божіе провидѣніе. «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Онъ поставляетъ предѣлы народамъ и повелѣваетъ имъ не переступать въ чужія земли», говорилъ Александръ Ярославичъ.

Высокій ростомъ, сильный, статный, красивый, какъ Іосифъ Прекрасный, Александръ Ярославичъ поражалъ всѣхъ своею наружностью. Когда онъ говорилъ предъ войскомъ или народомъ, его голосъ, по словамъ лѣтописцевъ, гремѣлъ, какъ труба. Начальникъ (магистръ) нѣмецкаго ордена (общества) Меченосцевъ

говорилъ, что онъ много земель обошелъ и видѣлъ много государей, но такого, какъ Александръ, еще не видалъ.

Въ удѣлъ достался ему Новгородъ, и здѣсь ему пришлось отстаивать отъ враговъ запада родную землю, вѣру православную и русскую народность. Временемъ азіатскаго разгрома юговосточной Руси захотѣли воспользоваться наши западные сосѣди, чтобы утвердиться на нашемъ сѣверо-западѣ.

Шведы задумали овладѣть землями Новгорода и подвластными ему областями финскими и здѣсь, на мѣстѣ распространившагося православія, съ благословенія римскаго папы, водворить католичество. Зять короля и первый сановникъ Швеціи Биргеръ сна-

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

ряжаетъ противъ русскихъ крестовый походъ, высаживается съ сильнымъ войскомъ на берегахъ Невы и шлетъ новгородскому князю гордый вызовъ: «если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здѣсь и полоню твою землю». Это было въ лѣто 1240, въ тотъ самый годъ, когда азіатскія полчища разрушили Кіевъ.

Шведы на своихъ корабляхъ вступили въ устье Невы и только на время бросили здѣсь, въ виду русскихъ и финскихъ поселеній, якори, чтобы отсюда подняться вверхъ по теченію въ Ладожское озеро, а изъ него Волховомъ плыть въ Новгородъ. Но Александръ, сказавъ: «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ», го-

рячо помолился у св. Софіи и, напутствуемый благословеніемъ новгородскаго владыки, двинулся на враговъ съ небольшою, но крѣпкою духомъ ратью.

Въ день св. Равноапостольнаго князя Владиміра, 15 іюля, онъ ударилъ на шведовъ. Не ожидая такого скораго нападенія, они раскинули свои шатры на берегахъ Невы. Едва успѣли они схватить оружіе, какъ ужъ русскіе рубили ихъ мечами и топорами. Жарко разгорѣлась битва съ обѣихъ сторонъ. Одинъ изъ нашихъ витязей Гаврила Алексичъ, гонясь за бѣжавшимъ сыномъ Биргера, въ горячности вскочилъ на конѣ по сходнѣ на шведскій корабль и хотя былъ сброшенъ въ рѣку, но успѣлъ тамъ побить многихъ рыцарей крестоносцевъ. Другой нашъ витязь съ пѣшимъ отрядомъ потопилъ три непріятельскихъ корабля. Третій, по имени Савва, врубился въ ряды шведовъ, добрался до златоверхаго Биргерова шатра, подрубилъ столбъ, и ставка вождя крестоносцевъ рухнула на землю. Самъ Александръ напалъ на Биргера и копьемъ поразилъ его въ лицо,—по словамъ сказанія о невской битвѣ,—возложилъ ему печать на лицо. Побѣда была полная, и невскіе берега были усѣяны тѣлами шведовъ. Еще до разсвѣта, подъ ночнымъ покровомъ, крестоносцы поспѣшили отплыть въ Швецію.

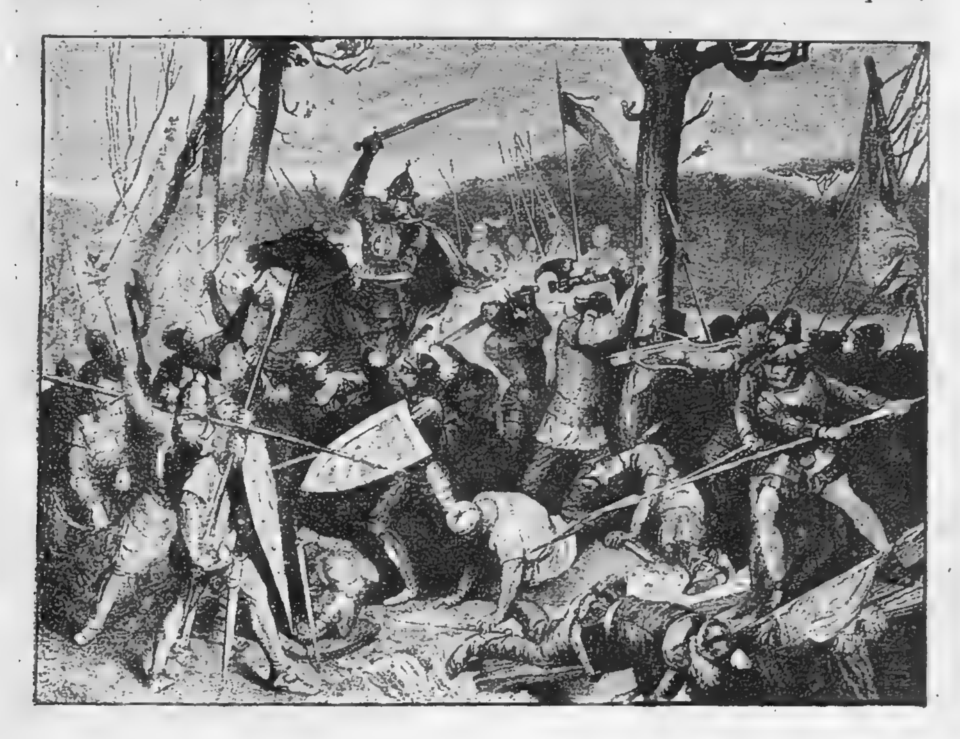
Преданіе того времени говоритъ о чудесной помощи свыше въ этой битвѣ за вѣру православную: старшина Ижорской области, родомъ финнъ, Пелгусій, въ крещеніи Филиппъ, незадолго до битвы стоялъ ночью на стражѣ у устья Невы. Подъ утро онъ услыхалъ на взморьѣ сильный шумъ и увидалъ движущуюся лодку; гребцы ея были закрыты мглою, а на ней стояли два свѣтозарныхъ витязя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ на иконахъ изображались святые братья—Борисъ и Глѣбъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «братъ Глѣбъ, вели грести, поможемъ нашему сродиику Александру Ярославичу». Нѣтъ сомнѣнія, что переданное ему дивное видѣніе ободрило его духъ передъ битвой.

Новгородцы, какъ и всѣ русскіе люди, прославляли Александра Ярославича, какъ доблестнаго защитника православія и русской народности, и наименовали его «Невскимъ».

Александръ Ярославичъ предпринималъ походъ въ Финляндію и здѣсь положилъ начало русскому владычеству.

Пришлось ему оборонять русскую землю на западѣ и отъ другихъ нѣмцевъ, утвердившихся въ области Западной Двины на Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ жили латыши и эсты, нѣкогда

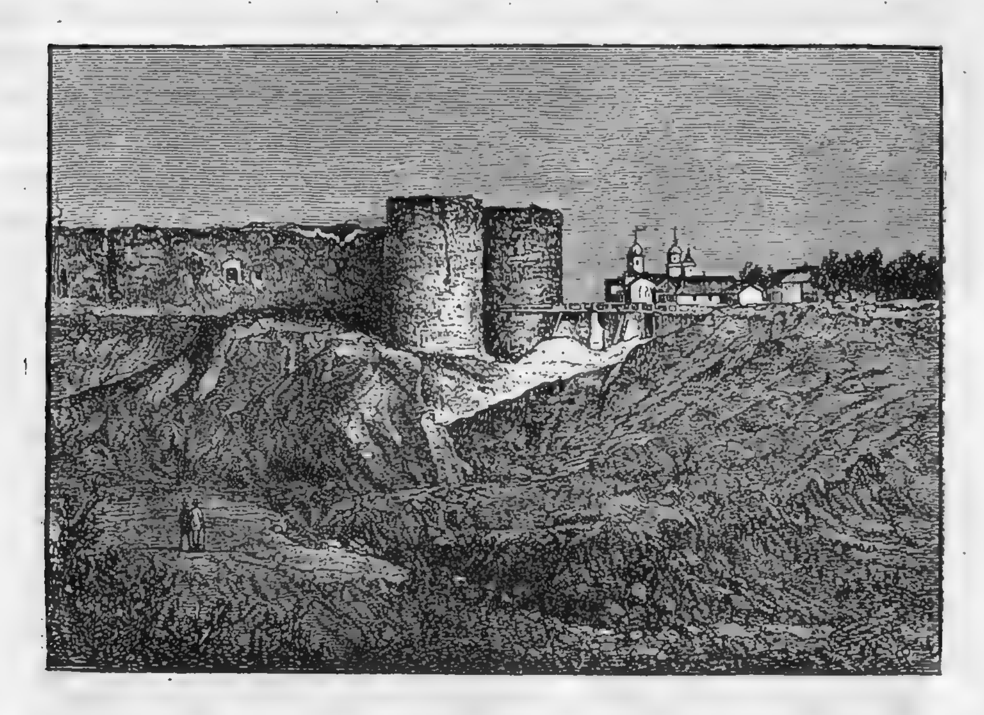
подвластные князьямъ полоцкимъ и новгородскимъ. Еще въ XII вѣкѣ, въ пору нашего разслабленія отъ удѣльнаго многодержавія, завели здѣсь нѣмцы свою торговлю и для ея закрѣпленія стали было распространять католичество. Но туземцы не хотѣли этого. Въ началѣ XIII вѣка нѣмецкій католическій епископъ Альбертъ Буксгевденъ основалъ на устьѣ Западной Двины городъ Ригу. Но такъ какъ католичество распространялось на этой окраинѣ Русской земли плохо, папа и нѣмцы рѣшили силою обращать здѣшнихъ язычниковъ въ католичество и для этого устроили особое общество рыцарей (орденъ) упомянутыхъ уже Меченосцевъ; они завоевали этотъ край, по-

Битва на Невѣ.

строили здѣсь замки и обратили жителей въ католическую вѣру. Спохватились русскіе князья, но было поздно: борьба съ могущественнымъ орденомъ была трудна. Овладѣвъ Ярославовымъ городомъ Юрьевымъ, который былъ переименованъ по-нѣмецки въ Дерптъ, нѣмцы въ тяжелую пору монгольскаго владычества задумали завладѣть и Псковомъ и Новгородомъ. Захвативъ первый, они уже подступали ко второму и перехватывали его купцовъ. Недовольный новгородцами, Александръ Невскій раньше еще ушелъ отъ нихъ въ суздальское княжество. Но новгородцы упросили его вернуться на защиту русскихъ земель; онъ пришелъ въ новгородскую область и принялся очищать ее отъ

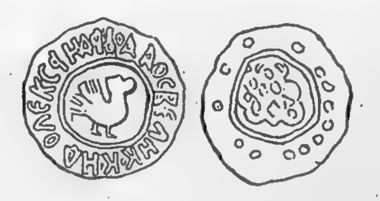
нѣмцевъ, разогналъ ихъ отряды, отнялъ у нихъ крѣпость Копорье, освободилъ и Псковъ, а двухъ нѣмецкихъ намѣстниковъ отправилъ въ цѣпяхъ въ Новгородъ; самъ двинулся въ землю эстонской чуди противъ рыцарей и остановился 5 апрѣля

Развалины Копорья.

1241 года у Чудского озера; сюда пришли большими силами нѣмецкіе рыцари, и на льду этого озера произошло такъ называемое «Ледовое побоище».

Предъ битвою Невскій герой, поднявъ руки къ небу, громко взмолился: «разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣр-

Монета Невскаго.

нымъ народомъ!» Нѣмцы построились особымъ клинообразнымъ боевымъ порядкомъ, который у русскихъ назывался «свиньей», и стремительнымъ ударомъ разрѣзали надвое наше войско. Но Александръ Ярославичъ ударилъ на нихъ съ тылу. Звонъ мечей, трескъ ломавшихся копій, крики сражавшихся, стоны раненыхъ

оглашали воздухъ, ледъ покрылся кровью, трещалъ и проваливался подъ тяжестью сражавшихся. Нѣмцы были разбиты на голову. Съ великимъ торжествомъ, съ хоругвями и крестами, при звонѣ колоколовъ и радостныхъ кликахъ народныхъ, встрѣчали побѣдителя псковичи. Радостно Александръ въѣзжалъ въ городъ, а за его конемъ шли взятые въ плѣнъ знатные нѣмецкіе рыцари. Пораженія шведскихъ и нѣмецкихъ крестоносцевъ убѣдили папу, что силою не навязать русскимъ католичества и побудили его прислать къ Александру льстивое посольство. Но

Принятіе схимы Александромъ Невскимъ.

тотъ, кто защитилъ вѣру мечемъ, охранилъ ее и мудрымъ, рѣшительнымъ словомъ: «мы сами знаемъ, сказалъ посламъ князь, ученіе Христа, а вашего ученія принимать не хотимъ».

Доблестный князь безстрашно боролся за Русь святую съ врагами запада, но, понимая, что ей не справиться въ неравной борьбѣ съ врагами азіатскаго востока, покорился имъ, какъ ни было тяжко для него смиряться предъ монгольскимъ ханомъ и сдерживать русскихъ отъ гибельныхъ для нихъ возстаній противъ силы татарской. Батый велѣлъ сказать герою-князю: «мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, ты ли одинъ не хочешь покориться дер-

жавѣ моей? Если желаешь сберечь себѣ землю свою, приходи на поклонъ ко мнѣ и увидишь честь и славу царства моего».

Собравъ всю силу своего самообладанія, Александръ Ярославичъ отправился въ орду и здѣсь изъявилъ покорность свою, но ханъ, уважая его доблесть, не заставлялъ его до дна пить чашу униженія и сказалъ о немъ: «все, что мнѣ говорили о немъ, правда: нѣтъ князя подобнаго этому».

Но когда, по волѣ хана, онъ сталъ великимъ княземъ на Руси, тяжела была для него шапка Мономаха: его политической мудрости не понимали русскіе люди, даже его родной сынъ, когда твердою рукою онъ удерживалъ ихъ отъ возстаній противъ Золотой орды.

Когда новый ханъ Берке приказалъ сдѣлать перепись русскаго населенія ради поголовнаго обложенія и разослалъ своихъ численниковъ съ ихъ десятниками, сотниками и тысячниками повсюду, считавшій себя непокореннымъ татарами Новгородъ изготовился не пускать къ себѣ татарскихъ пословъ. Но, предвидя это, съ ними прибылъ сюда самъ Александръ. Здѣсь противъ него вмѣстѣ съ новгородцами поднялся его родной сынъ Василій: отецъ долженъ былъ выгнать его отсюда, а потомъ и изъ Пскова, и нѣсколькихъ новгородцевъ казнить. Съ великимъ трудомъ онъ уговаривалъ вольнолюбивыхъ новгородцевъ покориться печальной необходимости. Но скоро на среднемъ поволжьѣ вспыхнуло кровавое возстаніе противъ откупщиковъ податей—восточныхъ или бессерменскихъ купцовъ; они были перебиты тамъ. Грозный Берке готовился напомнить суздальской землѣ время Батыева погрома. Но многострадальный защитникъ своего народа Александръ Ярославичъ поспѣшилъ въ орду отмолить грозу и, долго пробывъ тамъ, смягчилъ наконецъ хана. На возвратномъ пути онъ, истощенный, очевидно, чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ, скончался 14 ноября 1263 года, въ Городцѣ на Волгѣ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ принялъ здѣсь иноческое постриженіе съ именемъ Алексія. Окружающіе его плакали и говорили: «дѣти не получаютъ столько добра отъ родителей, сколько мы приняли отъ тебя». Умиравшій просилъ—«не сокрушать его души жалостью»—и, причастившись св. Таинъ, скончался. Когда вѣсть объ этомъ достигла Владиміра, митрополитъ Кириллъ служилъ въ соборѣ. Владыка вышелъ къ народу и, заливаясь слезами, сказалъ: «чада мои милыя, знайте,—закатилось солнце земли Русской!.. Благовѣрный князь великій преставился!» Церковь огласилась рыданіями народа.

Лѣтопись говоритъ: «много потрудился онъ за землю Русскую, за Новгородъ, за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой и за вѣру православную».

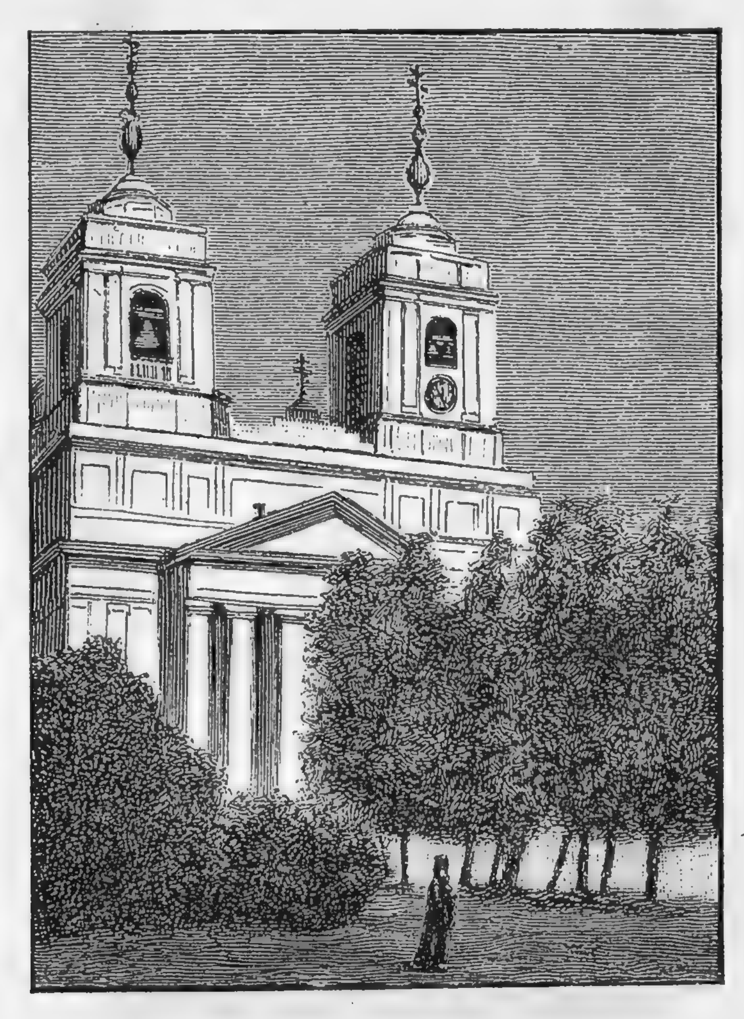
Государственныя преданія и завѣты св. Александра Невскаго текли въ нашей исторіи двумя потоками: одинъ чрезъ его сына—

Св. Александръ. (По Строгановскому подлиннику)

основателя московскаго княжества, св. Даніила Александровича, шелъ къ московскимъ собирателямъ Руси—великимъ ея князьямъ и царямъ. Другой—чрезъ Петра Великаго къ ея императорамъ. Петръ I, послѣ побѣды своей надъ шведами на Невѣ, строитъ столицу свою Петербургъ на мѣстѣ бранныхъ подвиговъ Александра Ярославича, а въ ней монастырь, названный

Александро-Невскою лаврою. Съ торжествомъ переноситъ онъ сюда изъ Владиміра на Клязьмѣ его мощи. Екатерина Великая строитъ здѣсь величественный соборъ и даетъ имя св. Александра Невскаго своему старшему изъ внуковъ, тому будущему императору, которому предназначено было Провидѣніемъ бороться не съ двумя уже народами запада, а съ двадесятью. Другой внукъ Екатерины Николай Павловичъ, такъ много бо-

Соборъ Невской лавры.

ровшійся съ азіатскимъ востокомъ, воспоминая и иноческое имя Невскаго—«Алексѣй» и княжеское—«Александръ», въ Москвѣ у раки Святителя Алексія въ Чудовѣ монастырѣ, нарекаетъ имя своему старшему сыну, будущему Царю-Освободителю Александру, а онъ даетъ сыну будущему Царю-Миротворцу то же великое имя. Такъ чтитъ память и преданія Александра Невскаго и Русь Царская и Русь Императорская.

11.

Основаніе московскаго княжества и родоначальникъ его князей св. Даніилъ Александровичъ; его политика и его памятники въ исторіи Москвы, какъ города.— Сынъ его Юрій Даниловичъ, его отношеніе къ Золотой ордѣ, борьба съ тверскимъ княземъ, пріобрѣтеніе велико-княжескаго достоинства и смерть.

Св. Александръ Ярославичъ Невскій предъ кончиною своей назначилъ въ удѣлъ Москву своему младшему сыну, малолѣтнему Даніилу Александровичу, а этотъ послѣдній сталъ первымъ постояннымъ московскимъ княземъ,—основателемъ удѣльнаго московскаго княжества и родоначальникомъ московскихъ князей—собирателей Руси.

Лѣтопись, какъ вы знаете, говоритъ о святомъ Александрѣ Невскомъ, что онъ «не остави пути отца своего». Такъ и Даніилъ Александровичъ слѣдовалъ путемъ своего родителя и, какъ святое преданіе, завѣщалъ своимъ потомкамъ, чтобы они слѣдовали завѣтамъ родительскимъ. Также и его преемники—московскіе князья, въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ, заповѣдывали своимъ сыновьямъ заботиться, «чтобы не престала память родителей ихъ, чтобы свѣча ихъ преданій не погасла». Въ этомъ храненіи преданій заключалась великая сила Москвы, не только не давшая ей погибнуть въ тяжкую эпоху ига монгольскаго, но и помогшая ей создать изъ раздробленныхъ княжествъ могучее Царство Русское.

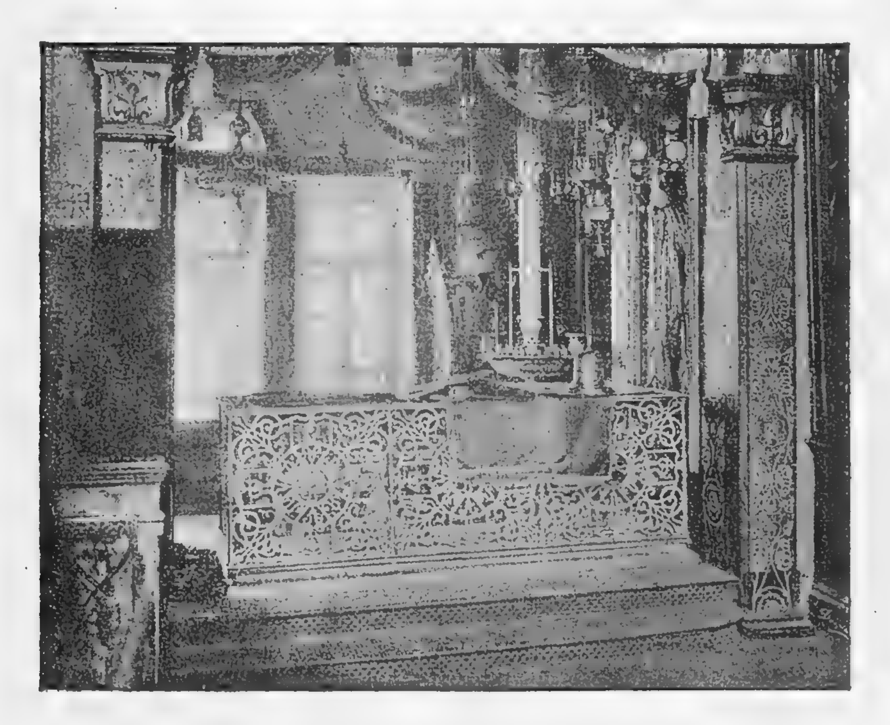
Вы знаете, что завѣтный путь къ этому былъ намѣченъ въ сѣверо-восточной Руси первымъ великорусскимъ княземъ св. Андреемъ Боголюбскимъ и что это—путь единодержавія и мощной власти князя государя, путь преданности церкви православной. Вы знаете также, какъ Александръ Невскій честно и грозно проявлялъ эту свою власть и передъ князьями удѣльными, и предъ вѣчевыми городами, и предъ врагами западными: предъ шведами, рижскими нѣмцами и литвою. Но это «солнце Земли Русскія» смиренно потаило лучи свои предъ неравною силою монгольскою, конечно, не для того, чтобы вѣки-вѣчные сгибать намъ спину предъ нею, а для того, чтобы со временемъ собрать русскія силы воедино и сбросить съ Руси чужое иго.

Даниловъ монастырь въ Москвѣ.

Сыну Невскаго достался въ удѣлъ «малъ древянъ городъ» Москва съ ея небольшой областью. Но и въ этихъ узкихъ предѣлахъ онъ такъ хорошо исполнялъ завѣтное русское дѣло, что его сыновья Юрій и Іоаннъ уже могли стать великими князьями и дать Москвѣ силу всероссійскаго притяженія. Даніилъ мудро воздерживался отъ кипѣвшихъ и тогда междоусобій и старался жить въ ладу съ князьями—родичами. Онъ снискалъ такую любовь князя Переяславля-Залѣсскаго Ивана Дмитріевича, что тотъ завѣщалъ ему свой богатый городъ и его область; а населеніе ея было такъ предано московскому князю, что когда этимъ удѣ-

ломъ силой овладѣлъ князь Андрей городецкій, народъ изгналъ отсюда его намѣстниковъ и, боясь ихъ возврата, не отпускалъ отъ себя сына Даніилова Юрія даже на похороны его отца. Но Даніилъ не увлекся тѣмъ, что княжество переяславское было богаче Москвы, онъ не покинулъ ради Переяславля своей отчины московской. Удвоивъ лишь такимъ образомъ свои владѣнія, Даніилъ примыслилъ къ Москвѣ и еще не мало другихъ населенныхъ земель на югѣ и востокѣ. Единственную войну велъ онъ съ безпокойными рязанскими князьями: онъ бился съ ними въ ихъ предѣлахъ и «изымалъ тамъ князя Константина и дер-

Рака св. Даніила въ монастырѣ его имени въ Москвѣ.

жалъ его въ плѣну въ Москвѣ, но въ береженіи и въ чести всякой», и хотѣлъ даже отпустить его въ вотчину его. Въ предѣлахъ зажиточнаго московскаго княжества царила въ то время тишина. О немъ можно было сказать, какъ нѣкогда говорилъ Андрей Боголюбскій о своемъ владимірскомъ княжествѣ: «ту есть покойнѣе». Вслѣдствіе этого уже теперь начались переселенія въ Москву изъ разныхъ княжествъ. Такъ отъ Андрея городецкаго переселился въ Москву со своимъ родомъ и людьми бояринъ Акинѳъ; а вотъ и другой примѣръ: нѣкто отъ сильныхъ бояръ черниговскихъ именемъ Ѳеодоръ (Бяконтъ) съ женой своей Маріей переселился «въ градъ Москву, идѣже ски-

петродержавствова Даніилъ Александровичъ». Съ великимъ радушіемъ принятъ былъ московскимъ княземъ этотъ боярскій родъ. Когда у Θеодора и Маріи родился сынъ, названный Елевθеріемъ, Даніилъ Александровичъ далъ боярину въ кумовья своего еще несовершеннолѣтняго сына Іоанна, впослѣдствіи названнаго Калитой; а изъ крестника Калиты выросъ великій и святой митрополитъ Алексій, сдѣлавшій такъ много для возвеличенія Москвы и всего княжескаго рода Даніила. Онъ, какъ и его отецъ, отличался глубокой набожностью и усердіемъ къ церкви. Но ни лѣтописныя записи того времени, ни записанныя послѣ устныя преданія не исчисляютъ построенныхъ имъ въ Москвѣ храмовъ, приписывая ему основаніе лишь двухъ монастырей—Даниловскаго и Богоявленскаго. Домовая монастырская книга этого послѣдняго (XVII вѣка) говоритъ, что сія пречестная обитель (съ деревяннымъ храмомъ Богоявленія и придѣломъ Благовѣщенія и монашескими кельями) была построена при Даніилѣ Александровичѣ. Однимъ изъ первыхъ игуменовъ этой обители былъ Стефанъ, родной братъ преподобнаго Сергія, здѣсь принялъ иноческій постригъ и монашествовалъ св. Алексій митрополитъ. Еще ранѣе, въ честь своего ангела, Даніилъ построилъ за Москвой-рѣкой Даниловъ монастырь и велѣлъ похоронить себя въ немъ не въ храмѣ, а на кладбищѣ въ числѣ братіи. Отъ юныхъ дней онъ почти не разлучался со своей Москвой и скончался въ 1303 году, 42 лѣтъ отъ роду. Предъ кончиной онъ принялъ схиму и сдѣлалъ предсмертное посхимленіе обычаемъ и московскихъ князей. Сынъ его Іоаннъ Калита перевелъ монаховъ Данилова монастыря въ Кремль въ придворный монастырь Спаса на Бору. Могила основателя московскаго княжества было затерялась. Но при Іоаннѣ III самъ св. Даніилъ напомнилъ о ней особымъ видѣніемъ одному изъ свиты государя, назвавъ себя «хозяиномъ мѣста сего». Іоаннъ IV построилъ здѣсь храмъ и возстановилъ монастырь, а при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ 250 лѣтъ тому назадъ обрѣтены были мощи св. Даніила.

Старшій сынъ его Юрій Даниловичъ, мало жившій, впрочемъ, въ Москвѣ, не походилъ по своему характеру ни на дѣда своего, ни на отца. На его памяти лежатъ кровавыя дѣла, за кои онъ заплатилъ однако своею кровавою же смертью. Но это не можетъ изгладить того, что онъ сдѣлалъ для Москвы: онъ еще больше расширилъ предѣлы ея княжества и первый возвелъ ее

на степень великокняженія. Въ дѣлѣ собиранія земель вокругъ Москвы онъ памятенъ тѣмъ, что присоединилъ къ ея владѣніямъ отнятую у рязанскихъ князей Коломну, а отъ смоленскихъ—Можайскъ; онъ именно овладѣлъ для своего княжества всѣмъ теченіемъ Москвы рѣки, потому что Можайскъ лежитъ на верховьяхъ этой рѣки, а Коломна при ея впаденіи въ Оку, Москва же расположена на ея среднемъ теченіи.

Благовѣрный князь Даніилъ Александровичъ въ схимѣ.

Опираясь на такія владѣнія, да еще на денежныя силы Великаго Новгорода, Юрій рѣшается вступить въ соперничество съ болѣе могущественнымъ тверскимъ княжествомъ, чтобы отнять у тамошняго князя Михаила Ярославича великое княженіе владимірское. Этого онъ достигаетъ при помощи татаръ, коими пользуется не такъ безукоризненно, какъ пользовался дѣдъ его Александръ Невскій, и не такъ осторожно, какъ братъ его Іоаннъ

Даниловичъ. Но что же дѣлать? За свою неправду въ этихъ дѣйствіяхъ онъ и расплатился трагическою смертью, которая до нѣкоторой степени была для него искупленіемъ.

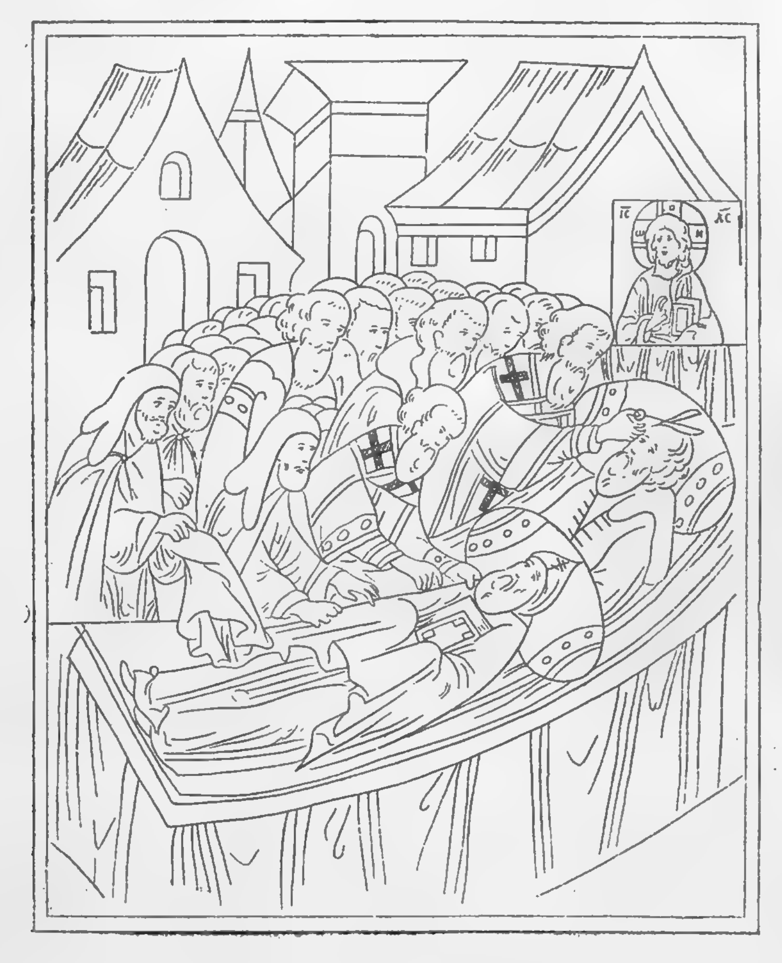
Ханъ Тохта отдалъ великое княженіе владимірское тверскому князю, потому что онъ въ то время былъ богаче Юрія московскаго и заплатилъ татарамъ больше его. Изъ-за этой неудачи Юрій враждовалъ противъ великаго князя и завладѣлъ даже Новгородомъ, изгнавъ оттуда тверскихъ намѣстниковъ. Съ помощью новгородскихъ денегъ и своей ловкости Юрій добился благоволенія новаго хана Узбека, женился на его сестрѣ Кончакѣ (въ крещеніи Агаѳіи) и получилъ титулъ великокняжескій. Возвратившись изъ орды, въ сопровожденіи посла Кавгадыя и татарскихъ войскъ, Юрій началъ войну съ Михаиломъ, но потерпѣлъ отъ него сильное пораженіе въ 40 верстахъ отъ Твери и бѣжалъ въ Новгородъ. Въ числѣ плѣнныхъ тверскому князю достались Кончака и Кавгадый. Когда она умерла въ плѣну, распространилась неосновательная молва, будто она отравлена. Поддерживаемый злымъ Кавгадыемъ, Юрій воспользовался этимъ и самъ сталъ обвинять своего соперника въ отравленіи своей жены. Тотъ былъ вызванъ въ орду и убитъ близъ Дербента во время охоты Узбека. Благочестивый и неповинный князь Михаилъ былъ причтенъ церковью къ лику святыхъ мучениковъ, а Юрій за это кровавое дѣло былъ убитъ на глазахъ хана сыномъ тверского князя Дмитріемъ Михайловичемъ, по прозванію «Грозныя очи»; въ свою очередь этотъ за убійство тоже былъ лишенъ жизни татарами.

Юрій памятенъ еще въ Русской Исторіи и тѣмъ, что онъ, княжа въ Новгородѣ, по примѣру св. Александра Невскаго, энергически боролся со шведами, рижскими нѣмцами и литовцами. Борясь со шведами на Невѣ, Юрій построилъ при ея истокѣ изъ Ладожскаго озера на Орѣховомъ островѣ городъ Орѣшекъ—Шлиссельбургъ (1323 года), который, какъ вы знаете, 200 лѣтъ тому назадъ отвоеванъ былъ у шведовъ Петромъ I и недавно праздновалъ двухсотлѣтіе своего возсоединенія съ Россіей. Юрій мало жилъ въ Москвѣ, оставляя ее все время въ управленіи своего брата Іоанна Калиты, болѣе схожаго съ отцомъ его Даніиломъ.

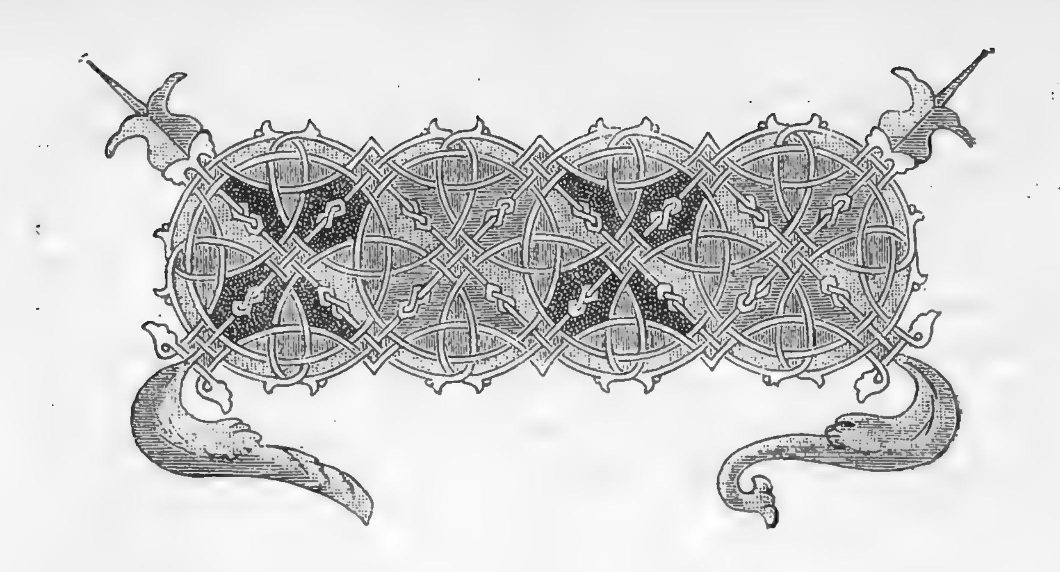
Примѣчательно однако отношеніе тогдашней Москвы къ двумъ павшимъ соперникамъ, св. Михаилу тверскому и Юрію Даниловичу по ихъ смерти. Тѣло тверского страдальца было съ подо-

бающими почестями погребено въ Москвѣ у Спаса на Бору, а затѣмъ по просьбѣ тверичей отпущено было «въ ихъ стольный городъ, на что былъ умоленъ» ими самъ Юрій.

Самъ св. митрополитъ Петръ утѣшалъ Іоанна Даниловича, когда тотъ оплакивалъ смерть своего брата и устроилъ Юрію Даниловичу торжественныя похороны, кои совершилъ въ сослуженіи владыкъ новгородскаго Моисея, ростовскаго Прохора, рязанскаго Григорія и тверского Варсанофія. Заслуживаетъ вниманія, что этотъ послѣдній, преданный св. Михаилу и его семьѣ, не уклонился отъ этихъ похоронъ.

Постриженіе князя въ схиму. (Изъ Царственной книги).

12.

Іоаннъ Даниловичъ Калита. Характеристика его личности и дальновидной политики.—Отношенія его къ Золотой ордѣ и удѣльнымъ княжествамъ.—Митрополиты св. Петръ и Θеогность и перенесеніе церковной столицы въ Москву.—Храмоздательство Іоанна: Успенскій и Архангельскій соборы, Спасъ на Бору и Иванъ „подъ колоколы“.

реемникъ Юрія, братъ его Іоаннъ Даниловичъ Калита, въ то самое время, какъ тотъ наполнялъ шумомъ своей дѣятельности и всю Русь, и Орду, и даже западныя государства, тихо сидѣлъ въ Москвѣ и безшумно подготовлялъ новое теченіе событій на пользу Москвы и Россіи.

Если Юрій поднялъ молодую Москву на степень великокняженія, то Іоаннъ Даниловичъ сдѣлалъ великокняжеское достоинство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ и самому этому достоинству придалъ собирающую воедино Русь, — силу единодержавную. Онъ намѣтилъ прочныя основы политики московскихъ князей, собирателей Руси.

Это—любопытнѣйшій типъ князя XIV вѣка, носящій на себѣ великорусскія черты съ прибавленіемъ къ нимъ чисто московскихъ видоизмѣненій.

Эти видоизмѣненія сводились къ сильному преобладанію разсудка надъ чувствомъ, головы надъ сердцемъ и къ настойчивой послѣдовательности дѣйствій.

Ясный и дальновидный разсудокъ говорилъ Іоанну, что положеніе Руси при немъ стало еще труднѣе. Въ его время она могла быть раздавлена не одною азіатскою ордою, а и Литвою, которая уже объединилась подъ властью Гедимина въ могущественное государство и овладѣла безъ сопротивленія разоренною Малою и Бѣлою Русью. Гедиминъ величалъ себя великимъ княземъ не только литовскимъ, но и русскимъ. Онъ заводилъ уже связи и въ восточной Руси: въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери и другихъ мѣстахъ. Іоаннъ зналъ, что въ это время рисковать судьбою отечества громкими предпріятіями крайне неосторожно, что, напротивъ, нужно копить и собирать силы воедино, какъ можно скорѣе

Печать Іоанна Калиты.

и какъ можно незамѣтнѣе. Рѣшенія этой трудной политической задачи онъ добивался и тѣми средствами, коими пользовались Андрей Боголюбскій и Александръ Невскій, и нѣкоторыми новыми. Новыя же средства заключаются въ новомъ энергическомъ содѣйствіи Москвѣ первосвятителей Русской церкви—всероссійскихъ митрополитовъ св. Петра и Ѳеогноста, въ употребленіи скопленныхъ въ Москвѣ богатствъ на ея благо и всея Россіи, наконецъ, въ особо искусныхъ отношеніяхъ къ Золотой ордѣ.

Но прежде посмотримъ, какихъ результатовъ добился Іоаннъ Даниловичъ и что онъ оставилъ своимъ дѣтямъ? Онъ такъ продвинулъ собираніе Руси вокругъ Москвы, что его преемникамъ оставалось только надстраивать на прочно положенномъ имъ фундаментѣ созидавшееся зданіе. Онъ не только сдѣлался великимъ княземъ владимірскимъ, но подъ конецъ своей жизни име-

новался, чего не было до него, великимъ княземъ всея Руси и умеръ въ увѣренности, что церковь и народъ сочувствуютъ крѣпко его идеѣ и что ханъ Золотой орды не будетъ проти-

Св. Петръ и Іоаннъ Калита. (Съ иконы Симона Ушакова) *).

---

*) Изображенія св. Петра и Іоанна Калиты сняты съ иконы Владимірской Божіей Матери, находящейся въ церкви Грузинской Богоматери въ Москвѣ и писанной Симономъ Ушаковымъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. На ней оба историческихъ дѣятеля представлены у аллегорическаго дерева, выросшаго въ Успенскомъ соборѣ; въ срединѣ вѣтвей древесныхъ стоитъ самая икона Владимірской Богоматери. На боковыхъ вѣтвяхъ въ медальонахъ изображены московскіе святые и въ ихъ числѣ царевичъ Димитрій, царь Θеодоръ, патріархъ Филаретъ Никитичъ и проч. Внизу иконы сдѣланы портреты царя Алексѣя Михайловича и царицы Маріи Ильиничны. Это—одно изъ любопытнѣйшихъ произведеній знаменитаго московскаго художника.

виться этому, напротивъ, станетъ поддерживать московскихъ князей и въ этомъ направленіи. Самыя владѣнія московскихъ кня-

Св. митрополитъ Петръ.

жествъ были значительно расширены, и Москва стала самымъ выдающимся политическимъ, церковнымъ и экономическимъ центромъ всей Россіи.

Всѣми средствами Іоаннъ старался расширить предѣлы своего княжества. Къ тому, что примыслили къ Москвѣ его отецъ и братъ, (т. е. къ Переяславлю, Можайску, Коломнѣ и области Владиміра Залѣсскаго), онъ присоединилъ еще Звенигородъ, Серпуховъ и Рузу съ ихъ уѣздами. Въ нихъ находились 51 сельская волость и 42 дворцовыхъ села. Такъ было къ тому времени, когда онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе владимірское въ 1328 году. Но въ рукахъ его была скоплена и большая денежная сила: онъ выдѣлялся изъ ряда другихъ князей еще и ка-

Успенскій соборъ.

питаломъ, вслѣдствіе чего и названъ былъ Калитою или кошелемъ съ деньгами, а эту силу онъ направилъ на благо своей родины. Тогдашнія тяжкія условія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія земли были дешевы. Калита, владѣя значительными капиталами, сталъ покупать земли у князей, бояръ, монастырей и другихъ землевладѣльцевъ. Такъ онъ купилъ три цѣлыхъ удѣльныхъ княжества: Угличъ, Бѣлозерскъ и Галичъ Мерскій и кромѣ того покупалъ и отдѣльныя села и слободы въ другихъ княжествахъ: новгородскомъ, костромскомъ, нижегородскомъ и т. д., и эти владѣнія московскаго князя были, такъ сказать, вкраплены въ чужихъ владѣніяхъ и становились въ нихъ пунктами тяготѣнія къ

Москвѣ. Его примѣру слѣдовали его преемники, незамѣтно собирая въ однѣхъ рукахъ огромныя земельныя владѣнія. Если Калита владѣлъ всего 500 квадратными милями земель, то уже чрезъ 30 лѣтъ московскій князь владѣлъ 15,000 квадратныхъ миль.

Собравъ такія земли и получивъ и великокняжеское первенство среди другихъ князей, московскій князь первый началъ выводить русскій народъ изъ того унынія, въ какое повергло его монгольское иго. Онъ далъ почувствовать благотворность своей политики кромѣ Москвы и другимъ частямъ Руси: этимъ онъ

Архангельскій соборъ.

придавалъ себѣ общенаціональное значеніе. Лѣтописецъ того времени съ удареніемъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Калита получилъ отъ хана великокняжеское достоинство, Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ погромовъ, какіе до него терпѣла. Разсказывая о возвращеніи Калиты отъ хана въ 1328 году, лѣтописецъ замѣчаетъ: «бысть оттолѣ тишина великая по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ, и престаша татарове воевати Русскую землю». Въ своемъ же московскомъ княжествѣ онъ уничтожилъ и внутренніе безпорядки. Лѣтопись говоритъ: «злодѣйственныхъ хищниковъ и татьбу содѣвающихъ упраздни отъ

земли своей»; значитъ, онъ завелъ у себя строгій судъ и хорошую администрацію. Тутъ еще «покойнѣе стало». Понятно, что при Калитѣ въ Москву потянулось еще болѣе переселенцевъ, чѣмъ при отцѣ его Даніилѣ. Такъ изъ кіевскаго приднѣпровья, которое переходило теперь подъ власть Литвы, пришелъ къ нему на службу большой бояринъ Родіонъ Нестеровичъ, съ княжатами, боярскими дѣтьми и дворомъ, въ числѣ 1800 человѣкъ. Отъ Прусъ пришелъ тоже богатый бояринъ Андрей, ставшій родоначальникомъ бояръ Романовыхъ. Изъ Орды прибылъ мурза Четъ, положившій начало роду Годуновыхъ. Изъ Твери много перешло дворянъ Михаила Ярославича. Всѣ они со старыми московскими боярами сплотились крѣпко вокругъ Іоанна и помогали ему въ собираніи и укрѣпленіи Руси.

Но особое значеніе имѣетъ переселеніе въ Москву митрополита всея Руси, св. Петра. Конечно, этотъ святитель могъ избрать Москву для своего жительства по ея срединному положенію во всероссійской митрополіи, потому что она лежала въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ всѣхъ ея предѣловъ. Но онъ могъ выбрать и другой подобный срединный городъ. Хорошо было для первосвятителя и то, что въ Москвѣ «покойнѣе есть». Влекло его сюда и личное расположеніе къ Іоанну, съ которымъ онъ познакомился еще въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, когда тамъ былъ соборъ епископовъ, по клеветническимъ обвиненіямъ на святителя, возведеннымъ на него тверскимъ епископомъ Андреемъ. Но не эти однѣ причины влекли святого прозорливца въ Москву къ Іоанну. Степенная книга царскаго родословія говоритъ, что чудотворецъ Петръ зѣло отъ души возлюбилъ Іоанна Даниловича и указываетъ именно на то, что онъ внималъ его ученію, почему первосвятитель «часто бесѣдовалъ и мудрствовалъ съ нимъ». Изъ этого видно, что митрополитъ Петръ былъ однихъ церковно-государственныхъ воззрѣній съ московскимъ княземъ и во имя этого важнаго единомыслія рѣшился сдѣлать Москву церковною столицей всея Руси, что производило сильное нравственное и церковно-государственное впечатлѣніе во всѣхъ концахъ Россіи на народъ, который сталъ съ довѣріемъ думать, что всѣ дѣйствія московскаго князя совершаются съ благословенія первосвятителя Русской церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца, который замѣчаетъ: «инымъ же многимъ княземъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща».

Примѣчательно, что святитель Петръ поселился въ Москвѣ у Іоанна Даниловича, когда онъ былъ еще удѣльнымъ княземъ и за два года до полученія имъ великокняжескаго достоинства сталъ уговаривать его построить въ Москвѣ, подобный владимірскому, всероссійскій Успенскій соборъ. Прозорливый старецъ, очевидно, торопился, не выждавъ окончательно политическаго возвышенія

Св. Петръ закладываетъ себѣ могилу. (Съ древней иконы).

Калиты, передать Москвѣ отъ Владиміра значеніе церковной столицы Россіи.

Убѣждая построить въ Москвѣ храмъ Пречистыя, св. Петръ говорилъ Іоанну Даниловичу: «если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и градъ сей возве-

личится надъ всѣми русскими городами: святители (всероссійскіе) будутъ обитать въ немъ; и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ». Іоаннъ безъ промедленія, съ необычайною быстротою, началъ строить этотъ соборъ. Святитель близъ алтаря его своими руками заложилъ себѣ могилу, но не дожилъ до окончанія постройки, спѣшно законченной въ теченіе одного 1327 года.

Въ день своей кончины онъ служилъ литургію, поучалъ народъ и раздавалъ милостыню. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ послалъ за московскимъ тысяцкимъ Протасіемъ, такъ какъ Іоанна Даниловича не было въ Москвѣ, и сказалъ ему: «чадо, я отхожу отъ житія сего, оставляю сыну своему возлюбленному Ивану милость, миръ и благословеніе отъ Бога ему и племени его до вѣка. За то, что сынъ мой меня успокоилъ, воздастъ ему Господь сторицею». Степенная книга разсказываетъ, что за нѣсколько времени до кончины св. Петра Іоаннъ Даниловичъ, проѣзжая берегомъ рѣки Неглинной мимо Высоцкой слободы, принадлежавшей, по преданію, боярину Кучку, внезапно увидалъ тамъ высокую гору, покрытую снѣгомъ, который вдругъ растаялъ, а затѣмъ исчезла и гора. Князь разсказалъ объ этомъ видѣніи митрополиту и услыхалъ отъ него объясненіе: «гора высокая это — ты, князь, а снѣгъ — я смиренный. Мнѣ прежде тебя должно отойти изъ сей жизни». Въ память этого на мѣстѣ видѣнія Калита построилъ храмъ Боголюбской Божіей Матери, сдѣлавшійся основнымъ храмомъ Высоко-Петровскаго монастыря. Св. Петръ построилъ въ Кремлѣ свой митрополичій дворъ при церкви Іоанна Предтечи, подъ Боромъ, которая была его временнымъ каѳедральнымъ храмомъ. При возобновленіи его, послѣ погрома 1812 года, здѣсь открыты были слѣды деревяннаго дубоваго зданія, по всей вѣроятности, бывшаго митрополичьимъ подворьемъ.

Памятниками святителя Петра въ Успенскомъ соборѣ являются: его нетлѣнныя мощи, его митра изъ полосатаго атласа съ горностаевой опушкой, посохъ съ надписью: «Смиренный Петръ, митрополитъ всея Россіи»; этотъ посохъ вручался его преемникамъ при ихъ поставленіи до послѣдняго патріарха включительно,—и находящаяся въ иконостасѣ собора и писанная самимъ первосвятителемъ икона Успенія Богородицы. Она представляетъ образецъ русской иконописи XIV вѣка; кромѣ того, Москва обладаетъ и другими предметами, напоминающими этого

митрополита всея Руси. Такъ въ патріаршей ризницѣ хранятся золотая панагія св. Петра и его саккосъ 1322 года.

Въ древнемъ иконописномъ подлинникѣ наружность первосвятителя Петра изображается такъ: «подобіемъ старъ, сѣдъ, брада велика и широка, долживою мѣрна, на главѣ клобукъ бѣлой, риза святительская — саккосъ лазоревый крестечной, исподняя риза багряная, во омофорѣ и Евангеліе въ руцѣ».

Въ этомъ іерархѣ мы не можемъ не видѣть одного изъ великихъ творцовъ государственнаго могущества и величія нашей Москвы.

Митрополитъ Ѳеогностъ окончательно утвердилъ каѳедру всероссійскихъ первосвятителей въ Москвѣ, и вся Русь стала

Выносъ мощей Св. Петра. (Съ древней иконы).

тянуть къ ней, какъ своему церковному средоточію. Уже это побуждало Іоанна Даниловича къ сильному храмоздательству.

Древнія преданія, кромѣ Успенскаго собора, освященнаго ростовскимъ епископомъ Прохоромъ, въ схимѣ Трифономъ, 4-го августа 1327 года, опредѣлительно приписываютъ Іоанну Даниловичу построеніе слѣдующихъ каменныхъ храмовъ. На Боровицкомъ холму, на самомъ дворѣ княжескомъ, была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита, вмѣсто деревянной, выстроилъ (1330 г.) «чудную» каменную, украсилъ ее иконами, сосудами, пеленами, снабдилъ книгами и всякими узорочьями; будучи «мнихолюбивъ», перевелъ сюда иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ ранѣе Вознесенскаго монастыря стали хоро-

нить московскихъ княгинь. Въ 1333 году Іоаннъ построилъ въ честь своего и сына своего ангела тоже каменную церковь Іоанна Лѣствичника, что «подъ колоколы», какъ выражается лѣтопись, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Иванъ Великій. На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ-рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела. Здѣсь Іоаннъ Даниловичъ, въ благодарность Богу за спасеніе Москвы, въ 1332 году, отъ голода, извѣстнаго подъ названіемъ «рослой ржи», воздвигъ на ея мѣстѣ каменный соборъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства («Изъ Исторіи Москвы. Очерки М. 1896 г.», стр. 19, 20, 21 и 22).

Іоаннъ Даниловичъ зимою 1339 года обнесъ кремникъ или кремль дубовыми стѣнами. Находимыя при раскопкахъ въ кремлѣ толстыя дубовыя деревья считаются остатками этихъ стѣнъ кремля. Кромѣ всего этого, онъ прославился помощью нищимъ, любилъ бесѣды съ монахами и былъ очень набоженъ.

Москва, въ лицѣ Іоанна Даниловича, имѣла разумъ, понимавшій и современную дѣйствительность и прозиравшій будущее. Князья же тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV вѣка думали, что уже настала пора бороться съ татарами. Въ 1327 году тверской князь Александръ Михайловичъ не вытерпѣлъ и со всѣмъ городомъ Тверью поднялся на татаръ и ихъ посла Чолхана или Щелкана, который былъ сожженъ вмѣстѣ со всѣми спутниками. Ханъ, по выраженію лѣтописи, «рыкавшій, аки левъ», далъ Калитѣ весьма значительное войско для наказанія тверского князя. Но онъ выбѣжалъ во Псковъ. Такъ какъ это грозило Россіи новымъ страшнымъ разгромомъ, то митрополитъ Ѳеогностъ отлучилъ псковитянъ за укрывательство отъ церкви, а Александръ Михайловичъ бѣжалъ въ Литву. Но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ явиться въ орду и своею смертью заплатить за безплодное истребленіе татаръ. Тверь, въ знакъ своей зависимости отъ Москвы, должна была прислать сюда главный колоколъ своего Спасскаго собора.

Къ Новгороду Іоаннъ Калита относился такъ же, какъ Андрей Боголюбскій и Александръ Невскій. Онъ не склоненъ былъ сохранять всѣ вольности новгородскія; пріобрѣталъ въ собственность, чего не дѣлали князья прежде, поселенія въ земляхъ этого «великаго господина», сталъ облагать самъ подвластныя Новгороду земли данью, требовалъ отъ новгородцевъ закамскаго серебра, т. е. ихъ сибирскихъ доходовъ. Но новгородцы тоже, какъ тве-

ричи, не понимавшіе требованій времени, вступали въ размирье съ могущественнымъ московскимъ княземъ и даже брали себѣ князей отъ руки литовскаго князя. Но Іоаннъ, стѣсняя къ нимъ подвозъ хлѣба, занимая ихъ пригороды и посылая на нихъ войска, заставлялъ ихъ смиряться предъ собою, хотя еще и не уничтожалъ у нихъ вѣча.

«Въ 1340 году, во едину отъ нощей, почивающу Іоанну на ложѣ своемъ, внезапу поторжеся цѣпь у двери ложницы его, и глаголъ слышася: «се старецъ пріиде»; не видя никого же глаголющаго, уразумѣ великій князь, яко сбытся ему прореченіе чудотворца Петра, и скоро воставъ оставляетъ вся и въ монастырь отходитъ Преображенія, въ немъ же и мнишескаго чина сподобися воспріяти и съ миромъ къ Богу отыде». Онъ тоже принялъ схиму.

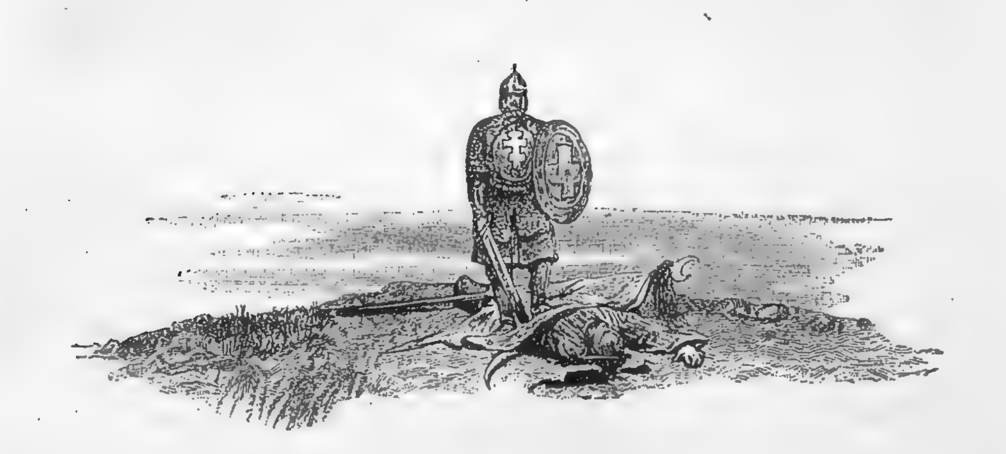
Спасъ на Бору.

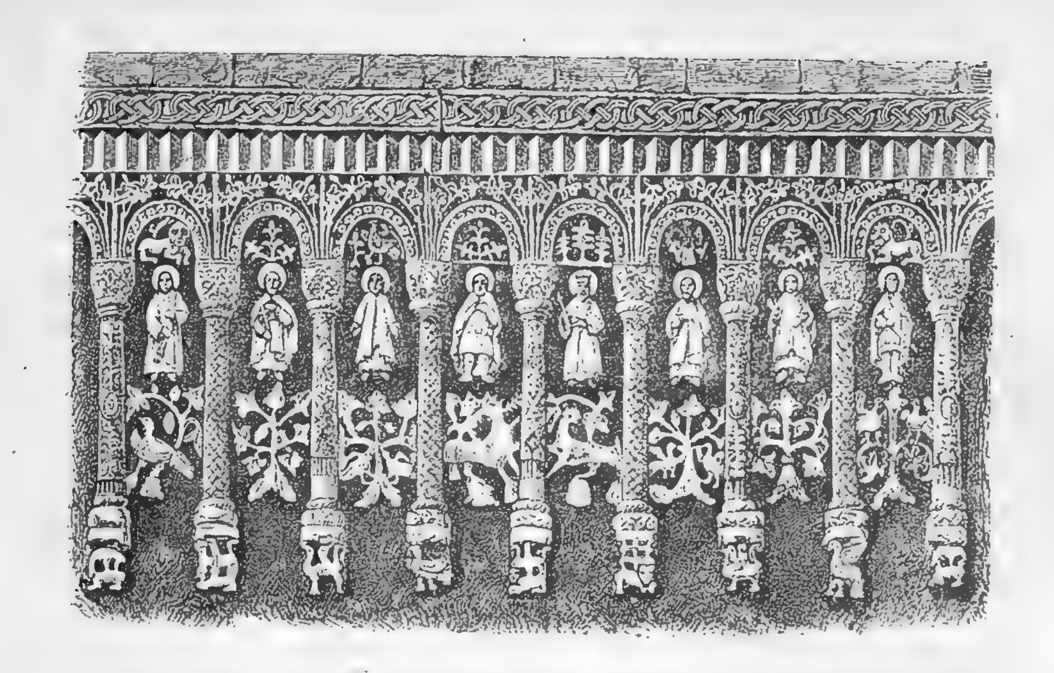
Іоаннъ Калита 31 марта 1340 года былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ близъ южныхъ дверей западной стѣны. Когда будете въ этомъ соборѣ, отыщите его могилу и поклонитесь этому великому русскому историческому дѣятелю.

Духовныя завѣщанія Іоанна Калиты исчисляютъ намъ его казну или скарбъ, который свидѣтельствуетъ о значительныхъ

его движимыхѣ богатствахъ. Старшему сыну Симеону отецъ даетъ «кожухъ жемчужный червленый, шапку золотую, 4 цѣпи золотыя, поясъ золотой фряжскій съ жемчугомъ и каменьемъ, еще поясъ золотъ съ крюкомъ на червчатомъ шолку, поясъ золотъ царевскій, двѣ чары золотыя, блюдце золото съ жемчугомъ, блюдо серебряное, да два блюда малыя». Сыну Ивану отецъ даетъ «кожухъ—желтая объярь золотъ съ жемчугомъ, коць великій съ бармами (не шапка ли и бармы Мономаха?). Андрею — бугай (шуба) соболій съ наплечками, великимъ жемчугомъ и каменьемъ, скарлатное портище (красный кафтанъ) съ бармами. А что есть нынѣчи нарядилъ два кожуха съ аламы съ жемчугомъ, а то далъ есмь меньшимъ дѣтемъ своимъ Марьи и Өеодосьи съ ожерельемъ... А что золото княгини моее Оленино, а то есть далъ дочери своей Фетиньи, 14 обручей (колецъ) и ожерелье матери ея, монисто, что есмь сковалъ; а чепь и гривну, то есмь далъ при себѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то далъ есмь княгинѣ съ меньшими дѣтьми. Серебряные пояса сыновья роздадутъ по попьямъ... Блюдо великое о 4 кольца дается святой Богородицѣ Владимірской».

Но важнѣе этого богатаго скарба было его государственное наслѣдство: само княжество московское и его всероссійскія государственныя преданія.

13.

Св. митрополитъ Алексій и его всероссійское государственное значеніе и участіе въ дѣлахъ правленія при Іоаннѣ II и въ малолѣтство Димитрія Іоанновича, вещественные его памятники въ исторіи Москвы.—Борьба Димитрія Іоанновича съ татарами, Куликовская битва и ея значеніе. — Тамерланъ и его нашествіе. — Историческіе памятники этого времени.

ри Іоаннѣ Даниловичѣ, какъ вы помните,— «бысть тишина по всей Русской земли», а при внукѣ его, Димитріи Іоанновичѣ, была въ нашемъ отечествѣ буря грозы военной противъ Золотой орды. Но, несмотря на полную противоположность той тишины и этой бури, къ Москвѣ и ея великому князю, какъ средоточію національной жизни, тянуло Русь, весь русскій народъ, потому что и въ тишинѣ, и въ бурѣ слышалось могущество нашего отечества, тамъ еще зачинавшееся, здѣсь уже окрѣпшее.

Димитрій Іоанновичъ выросъ въ духѣ преданій московскихъ. Симеонъ Гордый въ своей душевной грамотѣ совѣтовалъ своему брату Іоанну отдаляться лихихъ людей и слушаться владыки Алексія и старыхъ бояръ, чтобы «свѣща преданій не угасла». Они имѣли важное значеніе и при Іоаннѣ II, и въ малолѣтство сына его Димитрія.

Авторитетъ великаго святителя всея Руси Алексія въ это княженіе выросъ необычайно. Особенно способствовало этому слѣдующее событіе: въ это время жена хана Чанибека, по имени Тайдула, отъ болѣзни глазъ ослѣпла. Ханъ Золотой орды шлетъ со своимъ посломъ грамоту къ московскому князю, въ которой говоритъ: «слышали мы, что небо ни въ чемъ не отказываетъ по молитвамъ вашего главнаго священнослужителя Алексія; вышли его немедленно въ орду, да возвратитъ онъ свѣтъ очей женѣ моей Тайдулѣ». Ужаснулся святитель отъ такого вызова, сказавъ: «свыше моей мѣры такое дѣло», но не идти въ орду къ грозному хану было невозможно; и вотъ онъ въ крѣпкой и го-

Завѣщаніе Симеона Гордаго *).

Печать св. Алексія.

рячей молитвѣ склонился въ Успенскомъ соборѣ предъ ракой первосвятителя Петра. «И се тогда, говоритъ лѣтопись, загорѣся свѣща сама собою у гроба чудотворца Петра. Митрополитъ же, отпѣвъ молебенъ со всѣмъ клиросомъ, свѣчу ту раздроби и раз-

*) А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, такоже и азъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ. А лихихъ бы есте людій не слушали, слушали бы отца нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ; а пишу вамъ се слово того дѣля, чтобы не перестала память родителій нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла; а хто сю грамоту иметь рушити, судить ему Богъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ.

дастъ народу на благословеніе и того же дня пойде въ орду». Радостно содрогнулись всѣ бывшіе здѣсь и увѣровали, что чудо совершится. И дѣйствительно, по молитвамъ владыки Алексія, возвратился свѣтъ очей Тайдулѣ. Ханъ и его исцѣленная жена осыпали милостями первосвятителя Русской церкви, бывшаго и первосовѣтникомъ князя: ему врученъ былъ перстень съ печатью, изображавшей монгольскаго дракона и дававшей ему власть и надъ татарами, подарено было богатое облаченіе и подворье ханскихъ пословъ въ Кремлѣ. Здѣсь-то святитель построилъ монастырь въ честь чуда архангела Михаила. Можете представить, съ ка-

По своеручной рукописи святителя Алексія.

кою радостью и благоговѣніемъ встрѣчали въ Москвѣ новаго чудотворца; въ числѣ встрѣчавшихъ его былъ его крестникъ Димитрій Іоанновичъ. Вы знаете, что, по волѣ св. Даніила Александровича, крестнымъ отцомъ митрополита Алексія былъ Іоаннъ Даниловичъ. Его крестовый братъ Іоаннъ Іоанновичъ, когда у него родился сынъ Димитрій, далъ ему въ крестные отцы этого митрополита Алексія. Его крестнику княжичу Димитрію въ то время было только 8 лѣтъ, но онъ своими отроческими устами со слезами на глазахъ такъ привѣтствовалъ

Св. Алексій митрополитъ, по стѣнописи Успенскаго собора.

своего крестнаго отца: «что ти воздадимъ, владыко, противу труду твоему, имъ же намъ мирное житіе даровалъ?»

По смерти Іоанна II, несовершеннолѣтіемъ сына его Димитрія захотѣли воспользоваться удѣльные князья—Суздаля, Твери, Нижняго-Новгорода и Рязани и, чуждые разумѣнія историческихъ потребностей своего времени и національнаго блага всея Руси, готовы были угасить свѣчу единодержавія, уже ярко разгорѣвшуюся въ Москвѣ. Но этого не допустила мудрость святителя Алексія и ревность старыхъ московскихъ бояръ, дружно сплотившихся вокругъ московскаго государя-отрока. Димитрій Кон-

Сергіева Лавра.

стантиновичъ суздальскій купилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе владимірское у одного хана. Но бояре выхлопотали такой же ярлыкъ у другого хана и московскому князю своему и, посадивъ на коня своего державнаго отрока, принудили суздальскаго князя подчиниться Москвѣ и жить съ нею въ дружбѣ и даже послѣ отдать свою дочь въ замужество за Димитрія. Когда братъ суздальскаго князя Борисъ отнялъ у него Нижній-Новгородъ, митрополитъ Алексій посылаетъ туда великаго подвижника и основателя Троицкаго монастыря, преподобнаго Сергія, который, по волѣ первосвятителя, запираетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ храмы, прекращаетъ тамъ богослуженіе и заставляетъ князя нижегородскаго смириться предъ новымъ союзникомъ Москвы — княземъ суздальскимъ.

Слѣдуетъ здѣсь остановить ваше вниманіе на государственныхъ подвигахъ на благо Руси этого великаго патріота, наиболѣе характеристичнаго носителя идеаловъ святой Руси.

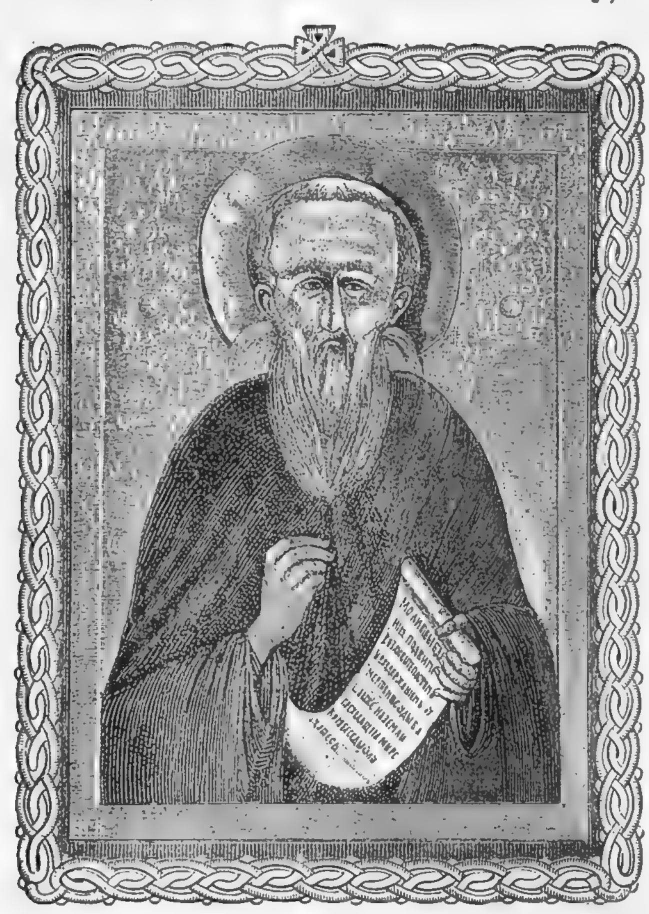
Юный бояринъ ростовской земли Сергій покинулъ этотъ міръ для религіозныхъ подвиговъ и со своимъ братомъ Стефаномъ ушелъ въ такую глушь радонежскихъ лѣсовъ, что жизнь здѣсь среди дикихъ звѣрей—медвѣдей и волковъ, на пищѣ изъ жолудей и кореньевъ, устрашила его глубоко-религіознаго брата Стефана, и онъ ушелъ отсюда въ Москву въ Богоявленскій

Димитрій Донской.

монастырь, гдѣ былъ игуменомъ и постригъ въ иночество крестника Калиты боярина Елевѳерія, впослѣдствіи Алексія митрополита. Казалось бы, что такой подвижникъ, какъ преподобный Сергій, много сдѣлаетъ только для своего личнаго религіозно-нравственнаго совершенствованія, но останется безполезнымъ для своего народа, отъ котораго ушелъ, для своего отечества, отъ котораго отрекся, для своей земли, которую оставилъ для неба. Но это не такъ. Не вѣрьте, что исторія движется только матеріальными интересами, что она пишется либо экономическими интересами, либо кровью и желѣзомъ. Нѣтъ, многое въ ней написано чистѣйшей преданностью высшимъ духовнымъ началамъ. И люди духа, воспаряющіе отъ земли въ

высь небесную, порою приносятъ больше практической пользы, чѣмъ тѣ, кто тонутъ въ гущѣ и подонкахъ матеріальной жизни. Великій инокъ Сергій, полный любви къ Богу, съ большой чуткостью любилъ отечество и служилъ ему съ величайшей ревностью. Достаточно сказать, что онъ склонилъ двоюроднаго брата, великаго князя Владиміра Андреевича, отречься отъ удѣльнаго порядка наслѣдованія престола по старшинству, въ пользу наслѣдованія по нисходящей линіи отъ отца къ сыну; онъ сдѣлался

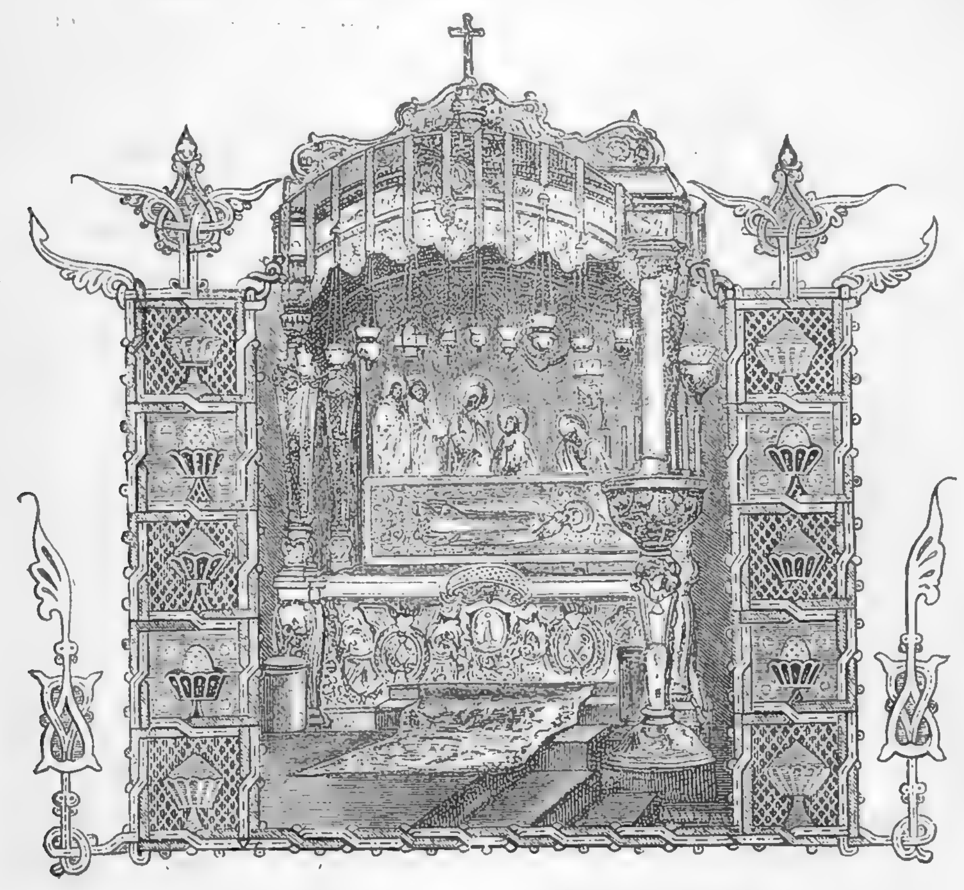

Преподобный Сергій, съ иконы XV вѣка.

послѣ смерти святителя Алексія ближайшимъ совѣтникомъ своего государя, вдохновителемъ его на тяжкую борьбу съ грознымъ Мамаемъ; онъ не задумался своихъ схимонаховъ Пересвѣта и Ослябя послать на кровавую Куликовскую сѣчу; онъ сталъ кумомъ великаго князя, — крестнымъ отцомъ его сыновей, свидѣтелемъ его духовныхъ завѣщаній; на его рукахъ умеръ Димитрій Донской, и онъ исхудалыми перстами своими закрылъ его смежавшіяся очи. Вотъ великій образецъ святорусскаго подвижника, чутко отзывающагося на всѣ важные призывы своей матери—

Россіи. Надѣюсь, это дѣлаетъ понятнымъ для васъ его патріотическія дѣйствія въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Но возвратимся къ Димитрію Іоанновичу. И тогдашній тверской князь Михаилъ Александровичъ не былъ на высотѣ задачъ своего времени. Онъ при помощи Литвы и Орды несъ розно Русскую землю, мало думая о томъ, какимъ пóтомъ и какою кровью стяжали ее отцы и дѣды.

Рака Преподобнаго Сергія.

Тверской князь боролся противъ возвышенія Москвы, при помощи литовскаго князя Ольгерда, женатаго на его сестрѣ. Два раза Ольгердъ безуспѣшно подступалъ къ Кремлю, который Димитрій вмѣсто дубовыхъ стѣнъ Калиты обнесъ каменными, съ бойницами каменными и башнями, съ желѣзными воротами, и два раза вымещалъ свои неудачи страшными опустошеніями московскихъ окрестностей. Пользы однако отъ союза съ Литвой не оказалось, и Михаилъ поѣхалъ въ орду, откуда возвратился съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ ханскимъ посломъ Сарыхожей. И тутъ пользы не вышло. Димитрій Іоанновичъ былъ уже такъ силенъ, что на зовъ ханскаго посла отвѣчалъ рѣши-

тельнымъ отказомъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе владимірское никого не пущу, а тебѣ послу путь чистъ». Послѣ этого Димитрій Іоанновичъ, съ благословенія владыки Алексія, самъ побывалъ въ ордѣ, уладился съ ханомъ и выкупилъ за 10,000 руб. сына Михаила тверского, содержавшагося тамъ за долгъ ордынцамъ его отца. Ханъ послалъ сказать Михаилу, чтобы онъ не ждалъ отъ него помощи и оставилъ притязанія на великое княженіе владимірское. Непонимавшій исторической силы вещей, тверской князь въ третій разъ позвалъ Ольгерда на Москву. Но тотъ, разбитый у Любутска, заключилъ съ Москвою миръ. Еще разъ Михаилъ, при помощи московскихъ бояръ — смутчиковъ (Ивана Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго и сурожанина купца Некомата), опять добылъ ярлыкъ на великокняженіе, но, осажденный въ самой Твери, заключилъ миръ съ московскимъ княземъ на всей его волѣ, призналъ себя его младшимъ братомъ и обязался «подъ его стягомъ ходить на его враговъ, безъ ослушанія, даже, если Богъ велитъ, идти на орду».

Именно въ княженіе Димитрія Іоанновича сталъ въ роковой необходимости вопросъ о борьбѣ съ самой Золотой ордой: ему пришлось на свою отвѣтственность рѣшать, достаточны ли скопленныя Москвой силы для этой борьбы? Не слѣдуетъ ли Россіи еще склонять голову предъ азіатской силой, какъ то было при Ярославѣ Всеволодовичѣ и Александрѣ Невскомъ до Іоанна Калиты включительно? Вы поймете, что, если бы Золотая орда одолѣла Димитрія Іоанновича, то Русь была бы тогда такъ же раздавлена, какъ было при Батыѣ, и погибли бы сразу всѣ тѣ силы, какія были скоплены искусной и настойчивой политикой великорусскихъ князей, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, цѣлаго вѣка, погибъ бы, быть можетъ, навсегда оплотъ всей Европы отъ Азіи.

Столкновенія съ татарами начались изъ-за нападенія на русскихъ одного изъ татарскихъ князьковъ Арапши, который, подъ вліяніемъ Мордвы, побилъ русскихъ на рѣкѣ Пьянѣ. Русскіе за это опустошили земли мордовскія. Въ отместку же за это Мамай послалъ на Русь своего воеводу Бѣгича. Но Димитрій Іоанновичъ уже не поколебался выступить со своими силами противъ татаръ и нанесъ имъ сильное пораженіе въ рязанской землѣ, на рѣкѣ Вожѣ. Это была первая побѣда русскихъ надъ татарами. Въ страшную ярость пришелъ Мамай и рѣшилъ напомнить Руси ужасныя времена Батыевы. Особенно опасно

было то, что онъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелломъ и уговорилъ его соединиться съ татарами. Когда пришли вѣсти въ Москву о громадныхъ приготовленіяхъ Мамая, Димитрій Іоанновичъ помолился у гроба чудотворца Петра въ Успенскомъ соборѣ и у гробовъ своихъ предковъ въ Архангельскомъ соборѣ и вызвалъ изъ Серпухова къ себѣ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Тотъ подалъ совѣтъ, что «лучше подъ мечемъ за Христову вѣру и за государя уме-

Пресв. Троица. Икона Андрея Рублева, XV вѣка.

реть, чѣмъ въ рабствѣ вѣкъ вѣковать!» Рѣшено было готовиться къ борьбѣ, и великій князь сталъ сноситься по этому предмету съ дружественными Москвѣ князьями и совѣщаться съ преподобнымъ Сергіемъ; митрополита Алексія въ это время не было въ живыхъ, и его сталъ замѣнять радонежскій подвижникъ. Димитрій Іоанновичъ сдѣлалъ своимъ духовникомъ его племянника Ѳеодора, основавшаго со своимъ дядей нашъ Симоновъ монастырь. Много бесѣдовалъ великій князь съ преподобнымъ Сергіемъ. Этотъ мудрый старецъ, удостовѣрившись, что Москва исчерпала предъ азіатской ордой все свое миролюбіе и даже предлагала ей дань, укрѣпилъ Государя въ его рѣшимости начать борьбу съ Мамаемъ; прозорливый старецъ возбудилъ

въ Димитріи надежду на помощь Божію: «просвѣти очи свои веселіемъ», видя тяжелыя думы великаго князя, говорилъ преподобный Сергій. На Руси сѣверо-восточной, во всѣхъ ея княжествахъ, за исключеніемъ тверского и рязанскаго (Олегъ рязанскій вступилъ въ измѣнническій союзъ съ Мамаемъ и Ягелломъ), закипѣли бранныя приготовленія. Сборнымъ пунктомъ для войскъ русскихъ Димитрій назначилъ Коломну, а Мамай—рѣку Воронежъ.

Призывъ великаго князя всея Руси на борьбу за освобожденіе отечества отъ азіатскаго ига будилъ всюду національное чувство. Напряженіе его возвышалось еще религіозными побужденіями: ибо предстоящая борьба была войною за крестъ Христовъ съ народомъ противохристіанскимъ,—магометанскимъ и привлекала благословеніе и преподобнаго Сергія и всей церкви православной. Съ великимъ одушевленіемъ подъ стягъ великаго князя стали со всѣхъ сторонъ сходиться, подъ начальствомъ удѣльныхъ князей, большія ополченія.

Въ самой Москвѣ около Успеньева дня 1380 года заканчивались военныя приготовленія. Предъ самымъ выступленіемъ изъ Москвы Димитрій Іоанновичъ, въ сопровожденіи ближнихъ бояръ, отправляется въ Троицкую обитель, чтобы принять уже послѣднее благословеніе преподобнаго Сергія. Послѣ молитвъ и бесѣды, святой игуменъ предложилъ великому князю и его спутникамъ монастырскую трапезу; тотъ просилъ отпустить съ нимъ въ походъ двухъ схимниковъ—бояръ Пересвѣта и Ослябя. Напутствуя его благословеніемъ, св. Сергій сказалъ: «Богъ правды даруетъ тебѣ побѣду и сохранитъ тебя для вѣчной славы, и многимъ изъ твоихъ подвижниковъ готовы вѣнцы мученическіе». Отпуская изъ своей иноческой братіи названныхъ Пересвѣта и Ослябю, опытныхъ въ битвахъ, сохранившихъ еще свою физическую мощь, преподобный Сергій говорилъ: «вотъ мои оружники, возьми ихъ съ собою». Возлагая на головы Пересвѣта и Ослябя схимы съ нашитыми крестами, патріотъ сказалъ имъ: «носите, какъ шлемы, это оружіе нетлѣнное. Миръ вамъ, братія! Постраждите, какъ добрые воины Христовы. Приблизился часъ искупленія для васъ». Всѣ стали прощаться. Св. Сергій всѣхъ благословилъ крестомъ, окропилъ святою водою великаго князя и пророчественно сказалъ: «Господь Богъ будетъ тебѣ помощникомъ и заступникомъ. Онъ побѣдитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя...» Проникнутый глубокимъ священнымъ одушевленіемъ, Димитрій, въ

сопровожденіи новыхъ крестоносныхъ витязей и свиты, возвратился въ Москву.

20-го августа утреннее солнце освѣтило поразительную картину на нашей Красной площади. Здѣсь лицомъ къ новымъ бѣлокаменнымъ стѣнамъ Кремля длинными рядами стояли невышедшіе еще изъ Москвы собственные полки великаго князя, состоявшіе изъ московскихъ бояръ и дворянъ. Это былъ цвѣтъ боевой русской силы. Сіяя золотой и серебряной насѣчкой, ярко блестѣли шлемы, панцыри и кольчуги лучшихъ витязей Москвы. Въ срединѣ главнаго полка колебался черный стягъ великаго князя, на которомъ выдѣлялось изображеніе Спаса Нерукотвореннаго. Тутъ стояли на коняхъ, съ накинутыми поверхъ шлемовъ и кольчугъ схимами, богатыри Сергіевы — Пересвѣтъ и Ослябя. При пѣніи: спаси, Господи, люди твоя, духовенство, въ облаченіяхъ, съ крестами, иконами и хоругвями, обходило ряды христолюбиваго, православнаго воинства и окропляло его святою водою. Въ Кремлѣ изъ собора въ соборъ въ доспѣхахъ боевыхъ, въ сопровожденіи князя Владиміра Андреевича и ближнихъ бояръ, переходилъ самъ Димитрій Ивановичъ. Въ глубокой молитвѣ склонился онъ въ домѣ Пречистыя у гроба чудотворца Петра. Въ Архангельскомъ соборѣ палъ на землю предъ отчимъ и дѣдовымъ гробами, прося и здѣсь молитвы и благословенія на страшный путь, на грозное дѣло борьбы съ монголами. Вышедшихъ окружили великая княгиня Евдокія съ дѣтьми, супруга князя Владиміра съ боярынями. Трогательно было прощанье... Но Димитрій, по свидѣтельству того времени, «не прослезился народа ради». Затихла мертвой тишиной Красная площадь, когда вышелъ изъ Кремля чрезъ Спасскія ворота Государь. Громко прозвучали предъ полками его слова:

Крестъ, которымъ Св. Сергій благословилъ Димитрія Донского.

«приспѣло время, братцы мои милые, за землю Русскую и за святыя Божіи церкви себя не пощадить...» «Прольемъ кровь за святую вѣру, сложимъ головы за тебя, княже», откликнулось войско и стало разными улицами двигаться изъ Москвы на югъ. Долго великая княгиня съ дѣтьми смотрѣла изъ своего терема на Зарѣчье, на уходящую рать.

Подъ Коломной собралось еще невиданное на Руси 150-ти тысячное войско. Отсюда великій князь двинулъ его къ югу, къ Дону. Здѣсь 6 сентября происходилъ военный совѣтъ, переходить ли рѣку или ждатъ врага. Великій князь, чтобы не дать соединиться Ягеллу съ Мамаемъ, былъ того мнѣнія, что необходимо идти впередъ, а князья Ольгердовичи говорили, что это

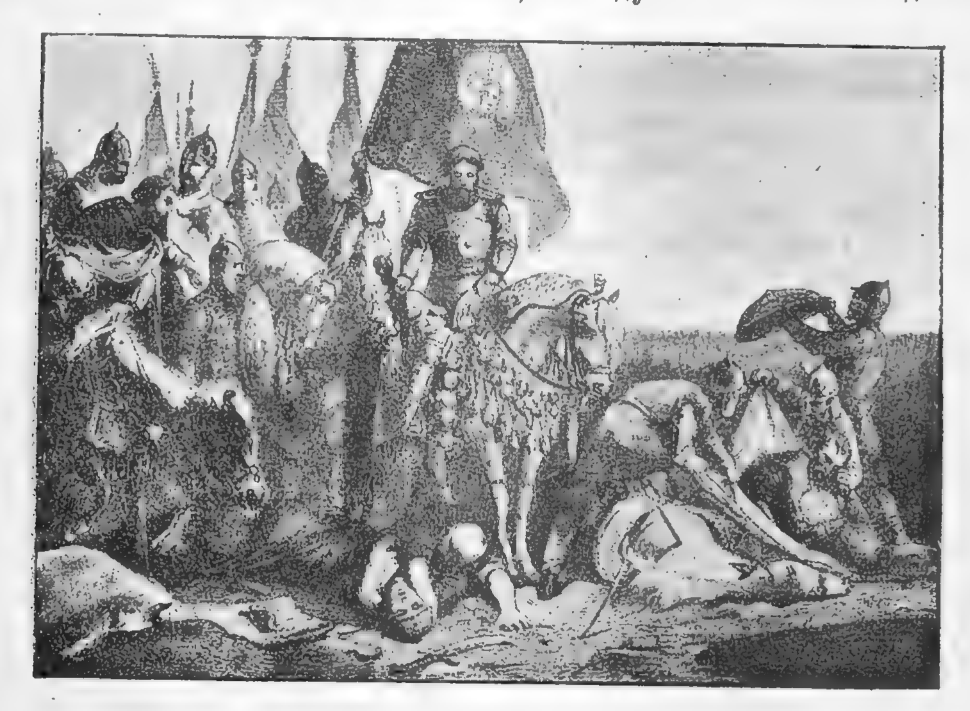

Деревянный дискосъ преподобнаго Сергія.

необходимо, чтобы всѣ знали, что нѣтъ отступленія и всѣ должны или побѣдить, или лечь костьми. Въ это время прискакалъ гонецъ отъ преподобнаго Сергія съ его письмомъ и благословеннымъ хлѣбомъ; святой молитвенникъ писалъ Государю: «чтобы еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Пресвятая Богородица». Димитрій далъ приказъ переходить Донъ, и войска стали вступать на обширное поле Куликово, развертывающееся при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ.

Громадныя азіатскія полчища уже были видны на противоположной сторонѣ поля. На одной изъ высотъ раскинутъ былъ шатеръ самого Мамая. Весь день великій князь провелъ среди войска, размѣщая его отдѣльныя части, указывая, гдѣ стоять сторожевому и большому полкамъ, гдѣ развернуться правому и лѣвому крыльямъ. Было дѣломъ мудрой военной предусмотрительности—поставить значительный запасной отрядъ за лѣсъ въ засаду, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и боярина Боброка-Волынскаго.

Глубоко-отрадно было настроеніе войскъ русскихъ на рѣкѣ Непрядвѣ: оно не было сходно съ тѣмъ, которое полтора столѣтія тому назадъ господствовало на Калкѣ. Тамъ удѣльные князья и полки были полны розни и разлада, каждый думалъ о себѣ, какъ бы первому сорвать своею удалью и лихостью побѣду. Здѣсь царили единодушіе, дисциплина и общая мысль добыть свободу отъ позорнаго монгольскаго ига для единой Руси Святой или непостыдно лечь костьми подъ стягомъ того Государя, который боролся и за независимость Руси, и за ея единство. Много было отдѣльныхъ князей, но духъ ихъ былъ единый.

Димитрій Донской на Куликовѣ полѣ.

Ратники одѣли чистыя рубашки, готовясь, какъ къ св. причастію, къ ожидаемому на утро смертному бою.

Заходящее солнце послѣдними лучами озарило рѣющія знамена, сверкнуло по стальнымъ шлемамъ и бронямъ, и таинственная ночь стала покрывать мѣсто грядущаго суда Божія.

Особыя сказанія того времени немного поднимаютъ покровъ этой ночи и даютъ намъ почувствовать, что ощущала душа святой, сомкнувшейся на національный подвигъ Руси, на борьбу съ Азіей.

На средину поля изъ русскаго стана выѣхали два витязя,— одинъ верховный вождь воинствъ всея Руси, другой—руководитель послѣдняго запаса ихъ—великій князь Димитрій Іоанновичъ и бояринъ Боброкъ-Волынскій. Послѣдній, искусный въ распо-

знаванiи примѣтъ грядущаго, предложилъ великому князю вслушаться въ то, что неслось изъ вражьяго лагеря и изъ родного стана. «Слышу съ вражеской стороны, сказалъ онъ, словно торжище начинается, шумъ и трубный звукъ; а дальше воютъ волки, граютъ вороны, и клекотъ орлиный несется; а на Непрядвѣ гуси и лебедя плещутся крыльями, какъ предъ грозою. На нашей сторонѣ тишина великая и отъ множества огней, какъ будто заря занимается». «Это доброе знаменiе для тебя, господине княже», сказалъ Боброкъ. «Но есть у меня еще одна примѣта». Онъ припалъ на землю ухомъ и сталъ слушать, а, поднявшись на ноги,

Чудовъ монастырь.

долго не хотѣлъ сказать, что слышалось ему, и только послѣ настойчивыхъ просьбъ князя повѣдалъ: «слышалъ я, какъ земля горько плакала: на одной сторонѣ казалось, будто плачетъ мать о дѣтяхъ и причитаетъ по-татарски; а на другой сторонѣ (нашей) плачетъ дѣвица тонкимъ свирѣльнымъ голосомъ. Много битвъ я перебылъ и много примѣтъ испыталъ и знаю ихъ. Уповай на милость Божiю и помощь сродниковъ твоихъ Бориса и Глѣба,— ты одолѣешь; но твоего христiанскаго воинства падетъ подъ острiемъ меча многое множество». Наступившая ночь была полна и видѣнiй: одинъ изъ воиновъ видѣлъ на небѣ, какъ два свѣтлыхъ юноши, схожiе со св. Борисомъ и Глѣбомъ, рубили несмѣтныя агарянскiя полчища съ кликомъ: «кто вамъ велѣлъ губить наше отечество?» Во Владимiрѣ на Клязьмѣ, въ храмѣ Рождества Богородицы, гдѣ почивали мощи благовѣрнаго Але-

ксандра Невскаго, благочестивый инокъ видѣлъ, какъ у его раки сами собою загорѣлись свѣчи, какъ подошли двое свѣтоносныхъ старцевъ (св. Петръ и Алексій) и сказали: «возстани, Александре, ускори на помощь сроднику своему великому князю Димитрію Іоанновичу, одолѣваемому врагами». На зовъ старцевъ всталъ, какъ живой, изъ своей гробницы святой герой Невы и Ледового побоища.

Утромъ 8 сентября все Куликово поле было закрыто глубокимъ туманомъ, начавшимъ рѣдѣть только въ 9 часовъ. Поле

Завѣщаніе Димитрія Донского *).

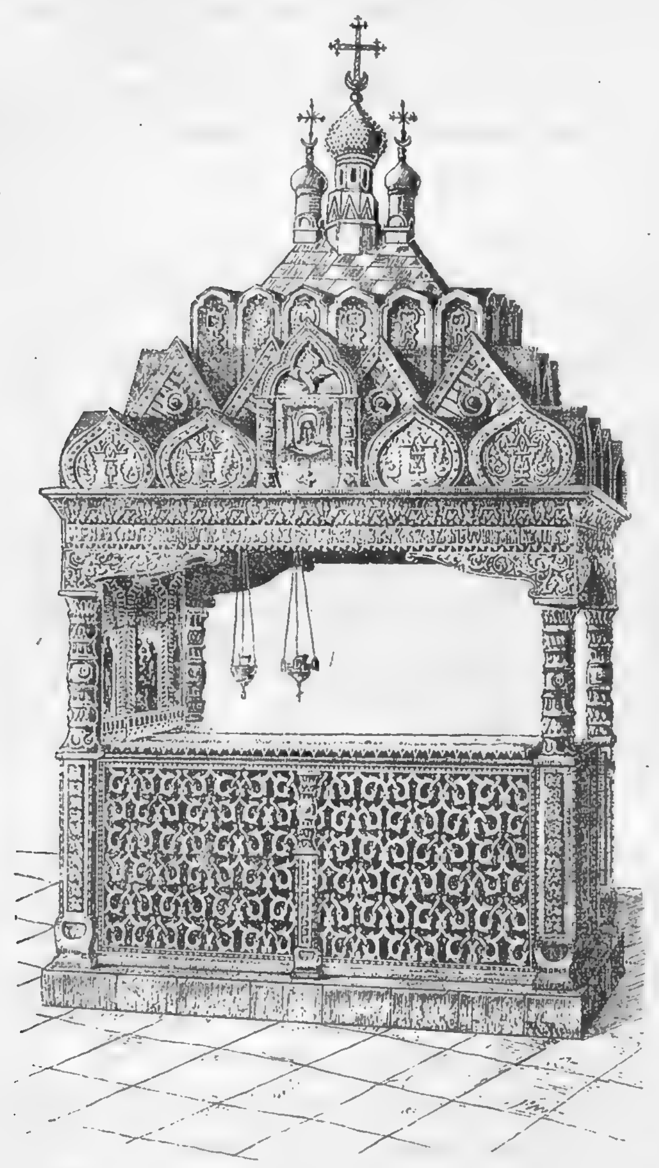

Печать Димитрія Донского.

дрожало отъ передвигавшихся полумилліонныхъ массъ. Уже звучали трубы. Великій князь, помолившись предъ чернымъ стягомъ своимъ, на которомъ выдѣлялось свѣтлое изображеніе Спаса Нерукотвореннаго, объѣзжалъ войска, ободряя ихъ на предстоящій подвигъ и отдавая послѣднія распоряженія. Онъ самъ рѣшился стать въ первый рядъ бойцовъ, оставивъ сзади у своего знамени боярина Бренко и накинувъ на него свой княжескій плащъ. Около полудня туманъ исчезъ, и солнце яркими лучами залило поле. Силы боевыя уже сходились другъ противъ друга.

*) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ Божій Дмитрій Ивановичъ пишу грамоту душевную цѣлымъ своимъ умомъ. Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ; а вы дѣти мои живите за одинъ, а матери своес слушайте во всемъ; а приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ князю Василью, князю Юрью, князю Петру, а братъ мой Володимеръ вѣдаєтъ свою треть, чѣмъ благословилъ отецъ его.

Съ татарской стороны, съ дерзкими вызовами на единоборство, выѣхалъ огромнаго роста богатырь. Изъ русскихъ рядовъ отдѣлился всадникъ: то былъ Александръ Пересвѣтъ, его узнали по развѣвавшейся сверхъ шлема схимѣ. Онъ наскоро говоритъ русскимъ: «отцы и братья, простите меня грѣшнаго» и со словами:

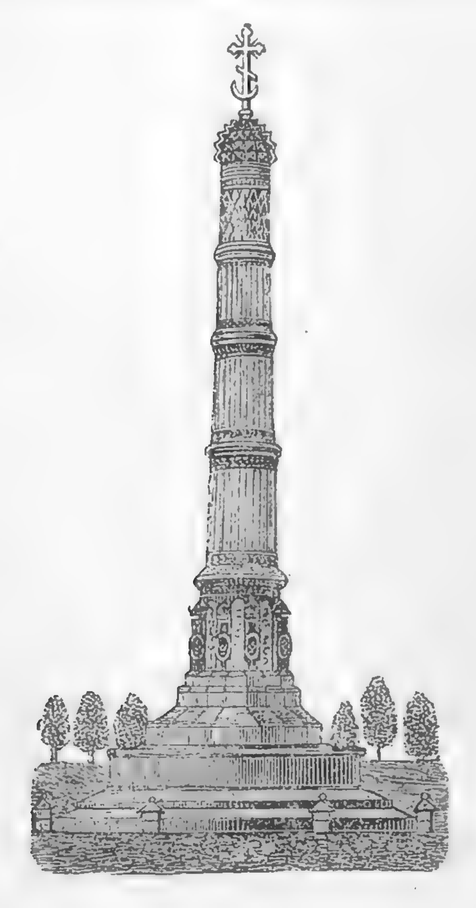
Гробница Пересвѣта и Ослябя въ Старомъ Симоновѣ.

«преподобне отче Сергіе, помоги мнѣ своей молитвой», съ опущеннымъ копьемъ понесся на врага. Оба богатыря сшиблись въ страшномъ ударѣ и пали мертвые, обагривъ первые землю своею кровью.

Страшной грозой, на десятиверстномъ пространствѣ, зашумѣла битва громомъ оружія, отъ топота коней, отъ кликовъ

сражающихся и стона раненыхъ; кровь полилась потоками, окрасивъ траву и воду въ рѣчкахъ. Тѣла русскихъ и татаръ быстро образовывали цѣлыя горы, на которыя приходилось взбираться всадникамъ. Воины задыхались отъ тѣсноты скучивавшихся массъ. Димитрій Іоанновичъ, смѣняя одного коня за другимъ, забрызганный кровью, съ изсѣченными доспѣхами, бился съ львиною храбростью.

Но четырехсотъ-тысячная сила Мамаева уже стала одолѣвать

Памятникъ на Куликовѣ полѣ.

русскихъ. Вся пѣшая рать наша была скошена, какъ трава, много князей и бояръ полегли костьми; самъ великій князь былъ раненъ. Мало оставалось уцѣлѣвшихъ русскихъ полковъ. Уже слышны были побѣдные клики враговъ.

Видя это, находившіеся въ лѣсу въ засадѣ русскіе полки рвались въ бой, но были удержаны здѣсь до самой критической минуты Боброкомъ. Только чрезъ три часа послѣ начала битвы умный воевода воскликнулъ: «братья и други, дерзайте, настало время благое! Съ нами Богъ!»

Какъ орлы налетѣли русскіе полки на утомившихся татаръ. «Перехитрила насъ Русь», подумали татары. «Худшіе бились съ нами, а лучшіе сохранились». Страхъ объялъ враговъ, и они бросились въ бѣгство. Мамай, видя пораженіе, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій», и сталъ спасаться бѣгствомъ.

Князь Владиміръ Андреевичъ велѣлъ затрубить сборъ разсыпавшимся русскимъ. Среди сходившихся не было только видно верховнаго вождя русскихъ силъ—великаго князя. Видѣвшіе его въ разгаръ сѣчи отбивавшимся отъ татаръ думали, что онъ убитъ; скоро его нашли лежащимъ подъ срубленнымъ деревомъ въ изсѣченныхъ доспѣхахъ, залитыхъ кровью. Наклонившись надъ нимъ, князь Владиміръ сказалъ: «братъ мой милый! Ты древній Ярославъ, ты новый Александръ!» Но раненый Димитрій не слышалъ этихъ словъ и не вдругъ пришелъ въ сознаніе... Возблагодаривъ Бога за великую побѣду, помянувъ добрымъ словомъ и церковной молитвой за вѣру и отечество животъ свой положившихъ, великій князь поникъ головой, когда узналъ, что у него изъ 150,000 войска осталось только 40,000.

Но кровью сотенъ тысячъ убитыхъ воиновъ, русскихъ и татарскихъ, было подписано освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига, хотя оно пало окончательно только сто лѣтъ спустя. Но здѣсь же у Дона благословеніемъ побѣды оправдана была политика московскихъ князей, собирателей Руси,—единодержавіе и сильная власть государя всея Руси. Здѣсь московскій князь оправдалъ себя властвовать на Руси въ качествѣ ея національнаго повелителя.

Еще разъ, при самомъ Димитріи и два раза при его сынѣ Василіи I, Азія насылала на Россію огромныя полчища, подъ начальствомъ страшныхъ монгольскихъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана. Изъ нихъ первый овладѣлъ даже самою Москвою и сжегъ ее. Самый грозный изъ нихъ Тамерланъ дошелъ лишь до предѣловъ московскаго государства,—до рѣки Оки, но, устрашенный видѣніемъ, поворотилъ назадъ. Этотъ ужасный завоеватель, прозванный «желѣзнымъ хромцомъ» (онъ былъ хромъ), былъ равенъ Атиллѣ и Чингисъ-хану: онъ покорилъ почти всю Азію, отмѣчая свои походы пирамидами, сложенными изъ череповъ; нанесъ страшное пораженіе турецкому султану Баязету, взялъ его въ плѣнъ и возилъ его съ собою въ желѣзной клѣткѣ. Такой-то завоеватель съ огромными полчищами двинулся на Россію. Ужасъ охватилъ у насъ всѣхъ, потому что не было средствъ въ это время

выставить не только равносильное войско, но и даже сколько-нибудь достаточное. Тогда всѣ, начиная съ великаго князя, возложили упованіе на помощь небесную: послали во Владиміръ—перенести оттуда чудотворную икону Владимірской Божіей Матери.

Москва съ крѣпкой надеждой вышла въ срѣтеніе Небесной

Владимірская икона.

Заступницѣ на Кучково поле, гдѣ послѣ въ память этого построенъ былъ нашъ Срѣтенскій монастырь, и въ ночь на этотъ достопамятный день Тамерланъ, стоявшій близъ Ельца, увидалъ сонъ: на небѣ явилась, окруженная легіонами ангеловъ, свѣтозарная жена въ багряныхъ одеждахъ и гнѣвно грозила ему, а съ высокой горы, возвышавшейся подъ сводомъ небеснымъ, шли старцы—святители, тоже грозившіе ему своими золотыми посохами. Невѣ-

давшій дотолѣ преградъ, грозный монгольскій завоеватель поворотилъ назадъ отъ русскихъ предѣловъ. Перенесеніе этой чудотворной иконы Андреемъ Боголюбскимъ изъ кіевской земли сопровождалось, какъ вы знаете, упадкомъ Кіева и возвышеніемъ вмѣсто него Владиміра, перенесеніе же ея отсюда въ Москву повело къ окончательному упадку столицы Руси на Клязьмѣ и къ еще большему Всероссійскому возвышенію Москвы.

Желая поддержать въ васъ охоту къ ознакомленію со святынями древней Руси и къ изученію ея вещественной лѣтописи, представляю вамъ одни изъ первыхъ на Руси портреты великаго князя Василія Дмитріевича и его супруги великой княгини Софьи Витовтовны, дочери знаменитаго литовскаго князя, побѣдителя Эдигея на рѣкѣ Ворсклѣ. Портреты эти вышиты на дивномъ саккосѣ тогдашняго митрополита Фотія, хранящемся въ нашей патріаршей ризницѣ.

Это облаченіе покрыто съ обѣихъ сторонъ вышитыми по голубому атласу золотомъ, серебромъ и шелкомъ изображеніями святыхъ и праздниковъ; на саккосѣ вышитъ также символъ вѣры по-гречески; но, что особенно для нашего курса любопытно,— на передней сторонѣ саккоса, внизу его, изображены направо отъ зрителя: московскій великій князь и его супруга, а налѣво— греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга императрица Анна, дочь Василія I и Софьи (раньше этого брака Василій I посылалъ его отцу, тѣснимому турками, большіе дары, состоявшіе изъ серебра); рядомъ съ византійскимъ императоромъ изображенъ и самъ митрополитъ Фотій. Два послѣднія лица обозначены греческими надписями, а наши великіе князь и княгиня—славянскими. Василій I на этомъ портретѣ имѣетъ симпатичное лицо съ черными усами и умѣренною бородою. На немъ подпоясанный кафтанъ краснаго цвѣта съ клѣтками и узкія зеленыя шаровары, запрятанныя въ сапоги изъ краснаго сафьяна, въ трехъ мѣстахъ перехваченные застежками; сверху накинутъ плащъ, или «приволока», зеленаго цвѣта, съ золотыми разводами, на синей подкладкѣ. На правой рукѣ золотое запястье; этою рукою онъ держитъ скипетръ, унизанный жемчугомъ. На головѣ великаго князя сквозной золотой вѣнецъ съ крестами вверху и съ красной бархатной тульей. На великой княгинѣ Софьѣ родъ сарафана изъ серебряной парчи, съ красными клѣтками; сарафанъ украшенъ золотымъ ожерельемъ и поясомъ. Сверхъ сарафана шубка, или длинный плащъ золотой съ серебряными кругами и

синими и красными крестами. На княгинѣ княжескій вѣнецъ почти такой же формы, какъ на ея супругѣ. Это изображеніе весьма важно не только въ иконографическомъ отношеніи, но и для исторіи московскихъ одеждъ. Императоръ Іоаннъ Палеологъ и его супруга изображены въ византійскомъ царскомъ облаченіи, съ вѣнцомъ святости вокругъ головы. Митрополитъ Фотій представленъ въ золотомъ саккосѣ съ крестами въ красныхъ кру-

Василій Дмитріевичъ. Софія Витовтовна.

гахъ; сверхъ саккоса — омофоръ серебряный съ золотыми крестами. Голова Фотія не покрыта, видны густые черные волосы и окладистая борода.

Такимъ прекраснымъ облаченіемъ всероссійскаго митрополита и изображеніями на немъ любовалась московская Русь въ первой четверти XV вѣка, еще до вызова къ намъ западноевропейскихъ мастеровъ при Іоаннѣ III.

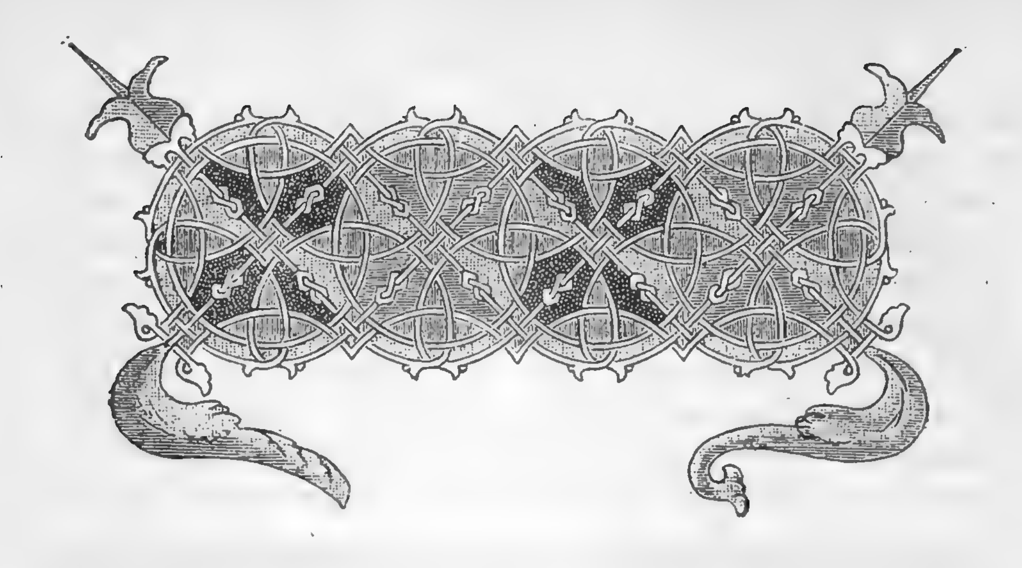
Вообще Москва въ это время начинаетъ развивать свою

образованность, что проявлялось уже въ успѣхахъ ея письменности, въ иконописи, въ золотошвейномъ искусствѣ, въ серебряныхъ и золотыхъ издѣліяхъ и проч., хотя она не дошла еще до

Саккосъ митрополита Фотія.

того уровня, на которомъ стояла владиміро-суздальская образованность въ примѣчательную эпоху Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Очевидно, по мѣрѣ ослабленія монгольскаго ига наша образованность начала подниматься.

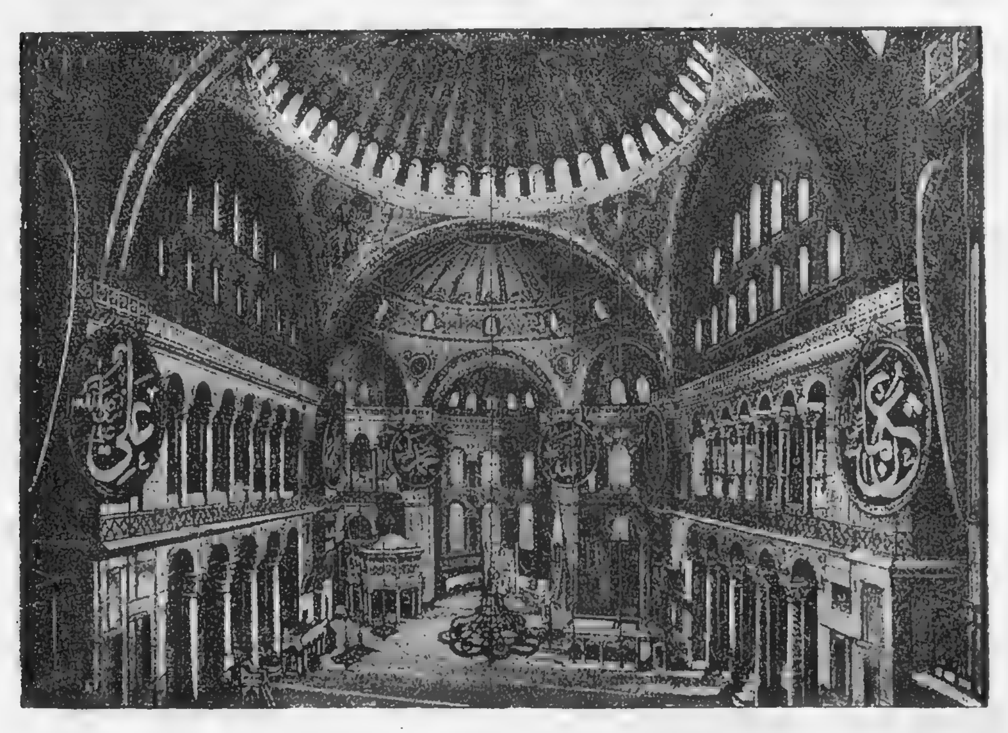
14.

Возвышеніе Россіи въ періодъ паденія Византійской Имперіи. — Іоаннъ III, какъ единодержецъ и самодержецъ Руси. — Покореніе Новгорода и присоединеніе къ Москвѣ другихъ удѣловъ. — Борьба съ Литовско-Польскимъ государствомъ за обладаніе русскими землями.—Сверженіе монгольскаго ига.

Съ настоящаго чтенія мы вступаемъ въ ту пору, когда Московская Русь восходитъ на высшую ступень своего историческаго существованія: организуетъ у себя Царство Самодержавное, которое не могли поколебать ни смутное время, ни періодъ подражаній Западу и которое и нынѣ служитъ основою могущества и величія Россіи. Вотъ почему предлежащія чтенія требуютъ отъ васъ особаго вниманія.

Вы знаете, что на Куликовскомъ полѣ кровью десятковъ тысячъ русскихъ людей, соединившихся изъ разныхъ удѣловъ подъ стягъ великаго князя московскаго, было подписано не только будущее освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига, но и ея объединеніе подъ мощною властью единаго государя всея Руси въ единодержавномъ государствѣ. Съ того времени литературные памятники именуютъ великаго князя московскаго «Царемъ Русскимъ», хотя отъ принятія титула Царскаго Московскимъ Государемъ отдѣляетъ его еще полтораста слишкомъ лѣтъ. Но съ Куликовской побѣды стремленіе московскихъ князей къ единодержавію Царскому изъ дѣла всероссійскихъ митрополитовъ и московскихъ бояръ становится дѣломъ народнымъ, дѣломъ на-

ціональнымъ, потому что всѣ русскіе люди, даже тѣ, которые жили подъ чужеземной литовско-польской властью, познали всю благодѣтельность мощной власти единодержавца всея Руси и желали ея укрѣпленія и развитія. Такому историческому развитію этой власти не могли уже помѣшать ни единственныя, въ родѣ московскихъ князей, усобицы при внукѣ Димитрія Донского Василіи II Васильевичѣ Темномъ, ни усилія остававшихся еще на Руси удѣльныхъ княжествъ и вѣчевыхъ общинъ. Московское государство при сынѣ названнаго князя Іоаннѣ III, кромѣ инородческихъ владѣній: къ западу—литовско-польскихъ, а на вос-

Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ. Внутренній видъ.

токъ татарскихъ (кипчакскихъ, казанскихъ и крымскихъ), было окружено еще русскими удѣлами: тверскимъ, рязанскимъ, новгородскимъ и псковскимъ. Іоаннъ III, повинуясь завѣтамъ предшествующей исторіи, въ свое правленіе (1462—1505) сильно раздвинулъ владѣнія Московскаго государства и далъ почувствовать мощь его инородческимъ сосѣдямъ и сдѣлалъ его виднымъ во всей Европѣ, отъ Рима до Стамбула. По волѣ Провидѣнія, сила Московскаго государства стала быстро возрастать съ упадкомъ Византійской имперіи и поднялась до значительной высоты вслѣдъ за совершившимся 450 лѣтъ тому назадъ уничтоженіемъ ея турками. На мѣсто греческаго православнаго государства на востокѣ Европы выдвинулось другое православное государство—Русское

Въ тотъ самый годъ, какъ умеръ Димитрій Донской въ 1389 году, султанъ турецкій Мурадъ I разгромилъ на Балканскомъ полуостровѣ сильную славянскую державу — Сербію, побѣдивъ сербскаго короля Лазаря на Коссовскомъ полѣ. Онъ покорилъ затѣмъ и болгаръ. Одряхлѣвшая Византійская имперія была съ этой поры окружена турецкими владѣніями на самомъ Балканскомъ полуостровѣ. Россія, необъединенная вполнѣ, еще не окончательно стряхнувшая съ себя иго татарское, находясь подъ властью Василія Темнаго, конечно, не могла спасти Византію отъ гибели, и та молила западъ о помощи. Но тамъ больше ду-

Осада Константинополя турками.

Съ древней гравюры.

мали не о томъ, что нужно дать грекамъ, а о томъ, что нужно взять съ нихъ, и рѣшили взять у нихъ, какъ плату за помощь, ихъ лучшее сокровище—православіе. Римскій папа потребовалъ, чтобы греки подчинились ему,—папѣ, чтобы они свою церковь соединили съ латынской. И на Флорентійскомъ соборѣ греками подписано было это соединеніе или унія церквей. Этотъ печальный актъ подписалъ и бывшій въ то время на Руси митрополитомъ грекъ Исидоръ. Но, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и въ нашемъ Успенскомъ соборѣ за первою же службой своей по-

мянулъ вмѣсто восточныхъ патріарховъ папу римскаго, великій князь Василій Васильевичъ сразу замѣтилъ эту измѣну православію, всенародно обличилъ уніата и посадилъ его въ подземелье Чудова монастыря, приказавъ русскимъ епископамъ лишить его сана...

Однако и греки не приняли уніи, западъ не помогъ Византійской имперіи, и всего за 9 лѣтъ до начала правленія Іоанна III Цареградъ, въ 1453 году, былъ взятъ послѣ страшнаго штурма турецкимъ султаномъ Магометомъ II и обращенъ въ турецкую столицу, а храмъ Софіи былъ сдѣланъ магометанскою мечетью съ полумѣсяцемъ на куполѣ вмѣсто креста. Нечего было и думать, какъ я сказалъ, о помощи Византіи отъ лишеннаго зрѣнія Василія Темнаго. Но она не дождалась помощи и отъ зрячихъ— императора Священной Римской имперіи Фридриха III и отъ Римскаго папы.

Медаль Магомета II.

Съ паденіемъ православной державы въ Цареградѣ, взоры порабощенныхъ магометанскимъ полумѣсяцемъ православныхъ народовъ востока (грековъ и славянъ) съ надеждой устремились на православный крестъ и православную державу, сіявшіе въ Москвѣ. И вотъ свѣтъ московской государственной свѣщи разгорается еще новыми лучами, озаряющими уже не только всю Русь, но и весь православный востокъ.

Великая историческая слава Іоанна III, что онъ во тьмѣ настоящаго и чрезъ сумракъ грядущихъ вѣковъ своимъ дальновиднымъ взоромъ провидѣлъ всю силу этого новаго свѣточа исторіи, а Новгородъ, Тверь, Рязань и другіе русскіе удѣлы, не стоявшіе на высотѣ историческихъ задачъ, все еще дѣлали хилыя попытки угасить въ Москвѣ даже свѣчу Іоанна Калиты и св. митрополита Петра, но не на ихъ сторонѣ была сила исторіи: она была на сторонѣ Москвы, которой предлежало вели-

Іоаннъ III. Съ древней гравюры.

кое значеніе не только во всей Россіи, но и на всемъ православномъ востокѣ.

Каждая великая историческая личность имѣетъ свои особыя достоинства. Глубокій, дальновидный умъ, тонкая практическая политика настойчивыхъ, но постепенныхъ дѣйствій, гибкая, но несокрушимая воля, вотъ что отличало Іоанна III въ ряду нашихъ государей. Не ищите въ немъ не только удали южно-русскихъ Мстиславовъ, но и личной храбрости Димитрія Донского, а оцѣните въ немъ качества другого характера. Онъ не го-

няется за шумной быстротой и оригинальностью дѣйствій, не любитъ треска и грома событій, но онъ ведетъ исторію дальше, додѣлываетъ то, чего не сдѣлали его предшественники, и достигаетъ своихъ цѣлей съ наименьшими тратами средствъ, которыми онъ располагалъ.

Прежде всего онъ памятенъ въ исторіи нашей, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ собирателей Руси вокругъ Москвы.

Огромную важность имѣло присоединеніе Іоанномъ къ Москвѣ Великаго Новгорода не потому только, что онъ имѣлъ очень обширныя земли, занимавшія сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи; но потому, что оно было сопряжено съ уничтоженіемъ вѣча, несовмѣстнаго съ монархическимъ строемъ всея Руси.

Печати Новгорода.

Вы знаете, что новгородцы вмѣстѣ съ другими славянами, учреждая у себя государство и вручая верховную власть надъ собою государю—князю, отказались отъ вѣча, которое было безсильно оградить ихъ отъ усобицъ (когда они «воевали сами на ся»), и дать имъ порядокъ и правду («не бѣ у нихъ при вѣчѣ правды и наряда»).

Не смотря на это, новгородцы въ княжеское время опять стали сходиться на свои вѣча, потому что князья со времени Олега стали жить не въ Новгородѣ, а въ Кіевѣ, управляя первымъ посредствомъ назначенныхъ ими посадниковъ и тысяцкихъ. Если въ Новгородѣ сидѣли младшіе князья, то они, какъ только освобождался княжескій престолъ въ Кіевѣ или близъ него, уходили съ береговъ Волхова въ Приднѣпровье. Уже въ это время стало по временамъ шумѣть въ Новгородѣ вѣче и даже буйственно относилось иногда къ князьямъ. Но князья, какъ напр. самъ Ярославъ Мудрый, на неизвѣстно какія-то грамоты котораго ссылались новгородцы, сильной рукой подавляли движенія ихъ. Такъ Ярославъ, какъ вы помните, предъ самымъ походомъ

на Святополка избилъ множество новгородцевъ. При такихъ условіяхъ ихъ вѣче не думало присваивать себѣ врученную князю верховную власть.

Но въ XII вѣкѣ, по смерти Владиміра Мономаха, нравственно-родовымъ авторитетомъ высоко поднявшаго достоинство власти княжеской, взяла верхъ удѣльная система, своими усобицами уронившая силу и значеніе власти князей. Этимъ ослабленіемъ княжеской власти воспользовался Новгородъ, чтобы присвоить своему вѣчу власть, принадлежащую князю: вѣче стало избирать своихъ посадниковъ и тысяцкихъ, само стало избирать даже князей, заключало съ ними договоры или ряды, чтобы они правили новгородцами на ихъ волѣ; а эта воля заключалась въ томъ, чтобы князь судилъ не одинъ, а вмѣстѣ съ выборнымъ посадникомъ, не налагалъ бы, безъ согласія вѣча, новыхъ податей, не лишалъ бы власти выборныхъ людей и т. д. Многіе князья, желая держаться въ богатомъ Новгородѣ, исполняли эти условія, закрѣпляя тѣмъ новгородскія вольности. Тѣ князья, которые ревновали о достоинствѣ и силѣ княжеской власти и несклонны были потакать новгородскимъ вольностямъ, были нелюбы новгородцамъ, и они говорили имъ: «кланяемся тебѣ, князь, уходи отъ насъ». Но, какъ вы знаете, князья сѣверно-русскіе, велико-русскаго типа, не давали развиваться въ Новгородѣ полуреспубликанскому духу. Ограничивалъ Новгородъ и требовалъ отъ него себѣ повиновенія Юрій Долгорукій, основатель нашей Москвы. Но еще строже держалъ его Андрей Боголюбскій, онъ говорилъ: «знать бы Новгороду, буду искать его добромъ или лихомъ». Онъ снарядилъ походъ въ Новгородъ, правда неудавшійся. Но, останавливая подвозъ хлѣба въ Новгородъ, онъ голодомъ заставлялъ его смиряться предъ собою и принимать къ себѣ князей отъ его руки. Когда новгородцы не приняли его подручника, онъ сказалъ: «не будетъ вамъ другого князя кромѣ Святослава». Также относились къ Новгороду и его преемники. Но южно-русскіе князья, не стоявшіе на высотѣ задачъ своего времени, затѣвали изъ-за Новгорода усобицы, часто становились на сторону Новгорода. Такъ Мстиславъ Удалой, потерпѣвшій послѣ пораженіе отъ татаръ на Калкѣ, узнавъ, что Ярославъ владимірскій захватилъ пригородъ новгородскій Торжокъ и мужей новгородскихъ, сказалъ: «не быть Торжку выше Новгорода, или отыщу мужей и волости, или головою

повалю за Св. Софію и Великій Новгородъ». Онъ одержалъ побѣду надъ Ярославомъ, безплодную для Россіи. Самъ Александръ Невскій, столь любимый новгородцами, когда они отказались платить неотвратимую дань Золотой ордѣ и готовы были навлечь на Русскую землю новый азіатскій разгромъ, долженъ былъ казнить буйныхъ новгородцевъ. Въ такомъ же духѣ относились къ Новгороду и московскіе князья—собиратели Руси, начиная съ Калиты. Но вольница новгородская—ушкуйники грабили Русское Поволжье. Измѣняя Русскому знамени, новгородцы принимали князей отъ литовской руки, отдаваясь подъ власть инороднаго и иновѣрнаго литовскаго государя, который, владѣя русскими землями, именовалъ себя и русскимъ княземъ; постоянно ссорились съ московскими намѣстниками, именуя великаго князя господиномъ, такъ же, какъ называли свое вѣче, «господиномъ Великимъ Новгородомъ». Но этотъ великій господинъ являлъ собою невиданные на Руси примѣры раздоровъ политическихъ партій и классовой борьбы и подкупность самаго вѣча. Тамъ постоянно боролись между собою сторонники Москвы и партизаны Литвы, бѣдные и богатые, знатные и простые. На вѣчахъ горланили «худые мужики-вѣчники», совершались подъ звонъ вѣчевого колокола убійства; бывало и сразу по два вѣча: одно на Торговой сторонѣ, на дворѣ Ярослава, другое на Софійской—у стѣнъ первопрестольнаго собора. Оба эти народоправства, какъ было еще въ догосударственное время, «воевали сами на ся», шли другъ на друга междоусобною войною. Если владыка — архіепископъ новгородскій не успѣвалъ съ духовенствомъ, съ хоругвями и иконами занять волховской мостъ, то уже на немъ происходили страшныя побоища: представители народоправства топили другъ друга, бросая съ моста въ Волховъ одинъ другого. Профессоръ В. О. Ключевскій насчитываетъ въ Новгородѣ, со смерти Ярослава Мудраго до татарскаго нашествія, 12 смутъ; а съ этого времени до вступленія на престолъ Іоанна III уже 20. Въ первыя 200 лѣтъ – меньше, во вторыя больше. Значитъ, чѣмъ дальше шло, тѣмъ было хуже. Отецъ Іоанна III Василій Темный запретилъ новгородцамъ писать «вѣчныя (исходящія отъ вѣча) грамоты», а велѣлъ писать таковыя отъ имени великаго князя и утверждать ихъ великокняжескою печатью. Но, когда Василій Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ съ двумя сыновьями, новгородское вѣче у св. Софіи замыслило убить его

съ дѣтьми. Ясно, «не бѣ правды въ нихъ», какъ это было до основанія государства. И было дѣломъ и правды, и милости къ постепенно-разлагавшемуся Новгороду покончить съ его народоправствомъ и дать и здѣсь мѣсто общегосударственному монархическому порядку.

При Іоаннѣ III въ Новгородѣ господствовала партія Борецкихъ, во главѣ которой стояла вдова посадника Мареа Борецкая. Подъ ея вліяніемъ вѣче отдалось подъ защиту польскаго короля Казиміра IV, подъ власть государя нерусскаго и неправославнаго, хотя люди русскаго духа въ Новгородѣ противъ

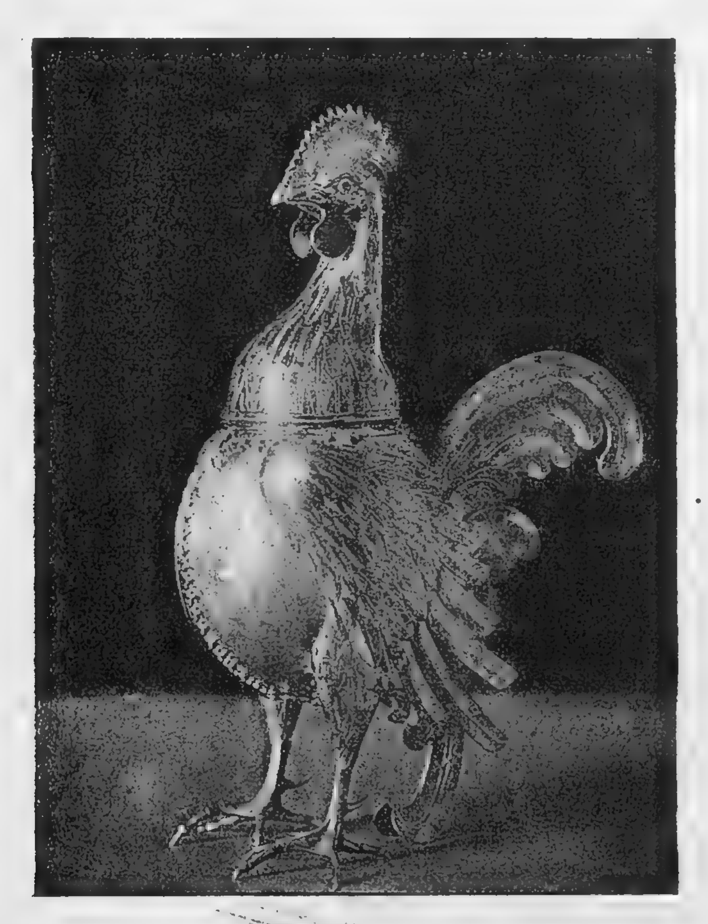
Новгородъ. Торговая сторона.

этого говорили: «изъ начала мы—отчина великихъ князей изъ рода Рюрика». Іоаннъ посылалъ уговаривать новгородцевъ не измѣнять старинѣ русской. Но, такъ какъ это не подѣйствовало, онъ двинулся со своимъ войскомъ на новгородцевъ, какъ на измѣнниковъ русскому православному знамени. Встрѣча съ новгородцами,—людьми торговыми и ремесленными, но не военными, произошла на рѣкѣ Шелони, и они были (въ числѣ 40 тысячъ) на голову разбиты москвичами (4500 человѣкъ). Іоаннъ вступилъ въ Новгородъ, но, заставивъ его отречься отъ Литвы и взявъ съ новгородцевъ черный боръ въ 15000 р. (80 пудовъ

серебра), довольно милостиво обошелся съ ними, оставивъ у нихъ до поры до времени вѣче и показалъ имъ примѣры справедливости, даже для маломочныхъ людей, суда московскаго. Но и послѣ этого въ Новгородѣ шли смуты; самъ выборный посадникъ Ананьинъ наѣхалъ съ отрядомъ вооруженныхъ людей на двѣ улицы, ограбилъ людей и многихъ перебилъ. На этотъ разъ пострадавшіе искали управы не у вѣча, а обратились за судомъ къ Іоанну. Для суда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ: виновные не избѣгли наказанія, Ананьинъ былъ смѣненъ, закованъ и отправленъ въ Москву. Судъ государя понравился большинству новгородцевъ (рядовичамъ), они стали ради него ѣздить въ Москву, гдѣ властвовалъ одинъ государь, народу во отца мѣсто. Однажды послы новгородскіе назвали Іоанна не господиномъ, какъ прежде, а государемъ... Тотъ послалъ спросить новгородцевъ, какого они хотятъ государства; онъ не знаетъ-де другого, какъ то, которое держитъ на Москвѣ. Зашумѣло вѣче, и враждебные Москвѣ вѣчники перебили приверженцевъ Москвы и послали бить челомъ великому князю, чтобы онъ отчину свою пожаловалъ и оставилъ въ ней все по старинѣ. Но онъ пошелъ на Новгородъ походомъ, а тотъ не выставилъ уже въ поле войска. Новгородцы, томимые голодомъ, все еще торговались съ великимъ княземъ о сохраненіи хоть нѣкоторыхъ своихъ вольностей. Іоаннъ отвѣчалъ: «вы нонѣча сами указываете мнѣ и чините урокъ нашему государству, какъ ему быть у васъ. Какое же тутъ государство, когда я не вамъ, а вы мнѣ указываете и урекаете, какъ долженъ я держать васъ. Я хочу такого государства, какъ на Москвѣ. Какъ на Москвѣ, такъ хочу быть и въ отчинѣ нашей Новгородѣ». Когда новгородскій владыка съ посадниками и другими выборными людьми молвили, чтобы самъ великій князь сказалъ, какъ его государству быть въ Новгородѣ, онъ отвѣтилъ: «наше государство великихъ князей таково: вѣчу и колоколу въ нашей отчинѣ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать и всему остальному быть, какъ у насъ въ Низовской землѣ». Марѳа посадница и много новгородскихъ бояръ были увезены въ Москву; увезенъ былъ туда и новгородскій вѣчевой колоколъ, и «взнесли его на колокольницу на площади съ прочими колоколами звонити». Вмѣстѣ съ Новгородомъ были покорены его великія и обильныя земли, простиравшіяся до Ледовитаго океана и горъ Уральскихъ. Покорена была и вѣчевая Вятка.

Скоро Іоаннъ III приказалъ схватить въ Новгородѣ нѣмецкихъ купцовъ такъ называемаго Ганзейскаго союза и тѣмъ подорвалъ обогащавшую Новгородъ торговлю.

Тверское княжество было теперь окружено со всѣхъ сторонъ московскими владѣніями. Тамошній князь Михаилъ Борисовичъ вступилъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ. Іоаннъ двинулся съ войскомъ на Тверь, но ея князь выбѣжалъ въ Литву

Серебряный пѣтухъ Іоанна III *).

и его княжество было присоединено къ Москвѣ. Князья ярославскіе, а затѣмъ ростовскіе и бѣлозерскіе уступили свои владѣнія Іоанну. Псковъ и Рязань сохранили свою отдѣльность до поры до времени только полною покорностью Московскому государю.

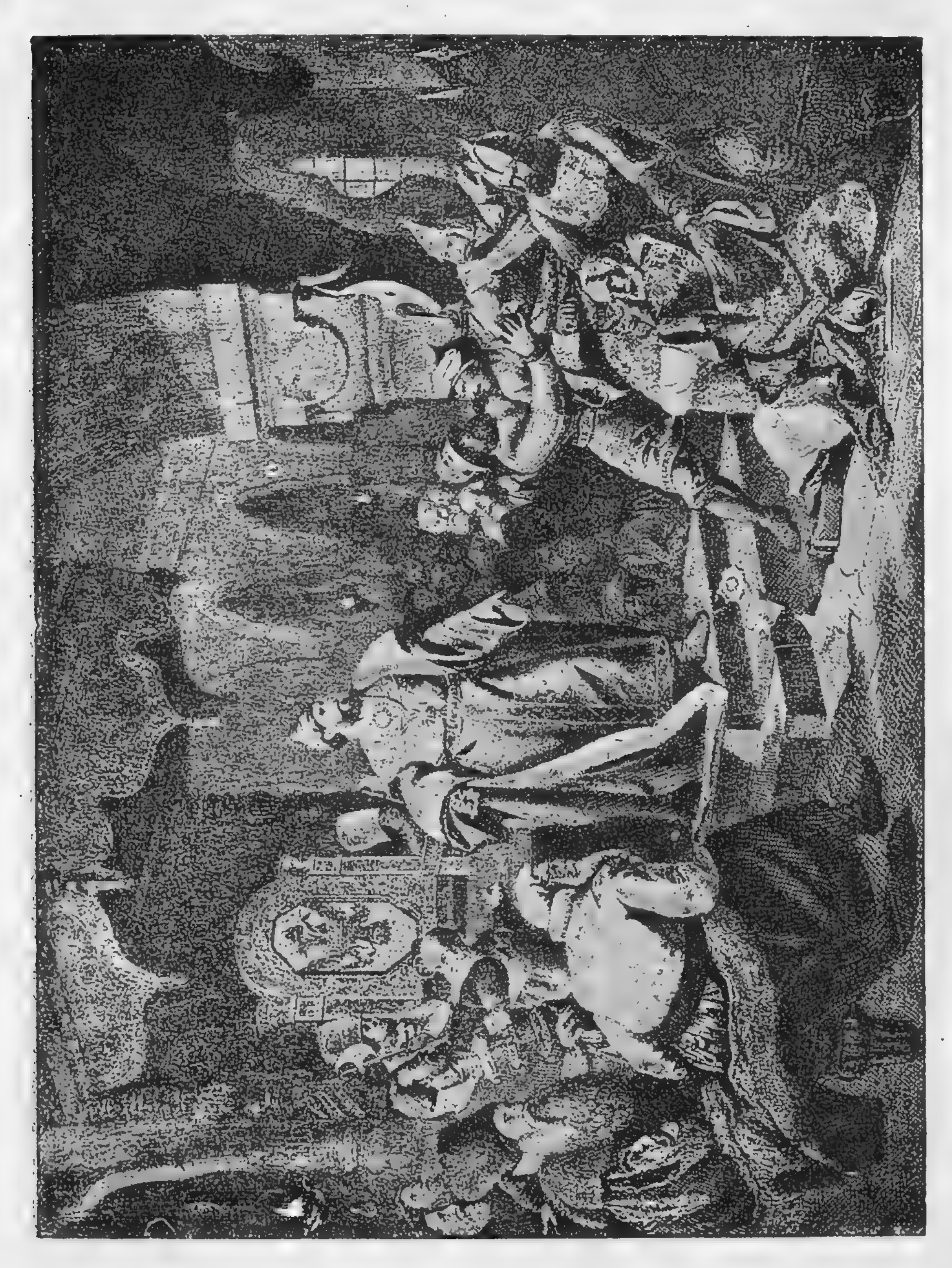
Чрезвычайно характеристичны его отношенія къ литовско-польскому государству, которое держало подъ своею властью

*) Находится въ Оружейной палатѣ.

княжества кіевское, черниговское, смоленское и другія русскія земли. Іоаннъ считалъ себя отчичемъ и дѣдичемъ всѣхъ русскихъ земель и въ грамотахъ, посылаемыхъ въ Польшу и Литву, именовалъ себя государемъ всея Руси и охотно принималъ къ себѣ на службу переходившихъ отъ Литвы русскихъ князей бѣлевскихъ, одоевскихъ, воротынскихъ, тяготѣвшихъ къ нашему государю и Москвѣ, вслѣдствіе единства крови, языка и вѣры. Сильно злобился за это на Москву король польскій Казиміръ IV, но не отважился на войну съ Іоанномъ. По его смерти Литва имѣла отдѣльнаго отъ Польши государя, сына перваго Александра. Онъ, думая обезпечить себѣ русскія земли отъ притязаній Іоанна, женился на его дочери, княжнѣ Еленѣ. Но тяготѣніе русскихъ князей къ Москвѣ продолжалось и привело къ разногласію и войнѣ съ Литвою, въ коей литовцы были разбиты русскими. Когда папа и венгерскій король хлопотали о примиреніи Москвы съ Польшей и Литвой, Іоаннъ отвѣчалъ: «отчина королевская — земля польская и литовская, а Русская земля— наша отчина; Кіевъ, Смоленскъ и многіе другіе города— извѣчное наше достояніе, мы ихъ будемъ добывать; хотите вѣчнаго мира, отдайте Смоленскъ и Кіевъ». Понятно, что Іоаннъ III заключилъ только недолгое перемиріе съ Литвою.

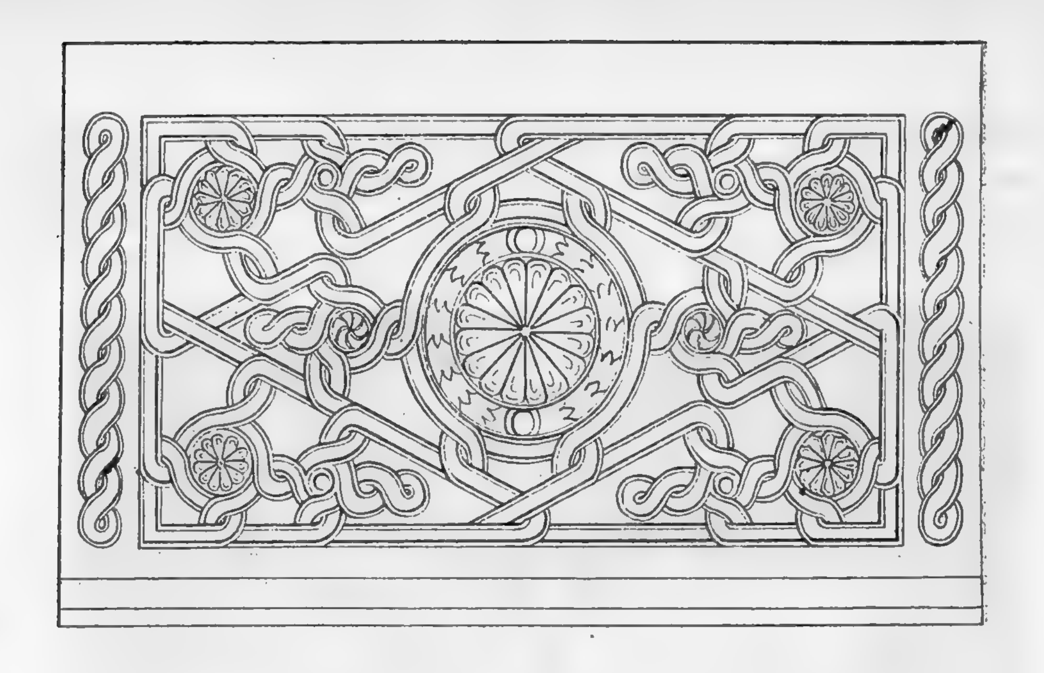
Такой единодержецъ, конечно, не могъ переносить и тѣни монгольскаго ига и даже по имени считаться данникомъ монгольской орды, уже раздѣлившейся на три орды: Кипчакскую, Крымскую и Казанскую. Въ 1480 году, чрезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской побѣды, отъ хана Золотой орды Ахмата пришли послы и требовали отъ Іоанна III, чтобы онъ уплатилъ имъ дань и по прежнимъ примѣрамъ кланялся предъ ханскимъ изображеніемъ или басмою. Великій князь разорвалъ ханскую грамоту, растопталъ басму и прогналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ ополчилъ противъ Іоанна Золотую орду и вступилъ въ союзъ съ королемъ польскимъ Казиміромъ. Великій князь двинулся на него со своими ратями къ рѣкѣ Угрѣ. Всѣ ждали здѣсь новой Куликовской битвы. Но Іоаннъ, любившій достигать своихъ цѣлей политическими, а не военными средствами, заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ, ханомъ Крымскимъ, и послалъ свой отрядъ подъ начальствомъ боярина Ноздреватаго на столицу Золотой орды самый Сарай и прямо уклонялся отъ битвы; онъ даже возвратился въ Москву и здѣсь былъ встрѣченъ рядомъ укоровъ въ малодушіи и даже трусости. Возвра-

тившись снова къ войску, онъ однако не далъ битвы и отступилъ, но и Ахматъ отступилъ назадъ, потому что начались морозы, а татары были плохо одѣты. Чрезъ нѣкоторое время русскіе и крымцы окончательно разорили столицу Кипчакскаго

Іоаннъ III и ханскіе послы.

ханства. Такъ пала Золотая орда, столь долго властвовавшая надъ Россіей. Укоримъ ли мы Іоанна, что онъ осуществилъ освобожденіе Руси отъ монгольскаго ига совсѣмъ другими средствами, а не тѣми, какія рекомендовали его современники?

15.

Соединенiе самобытно-русскихъ основъ самодержавiя съ византiйскими преданiями въ правленiе Iоанна III.—Первое на Руси, по образцу царскаго, коронованiе его внука. — Законодательная дѣятельность Iоанна III. — Государственный гербъ при немъ.—Иностранныя сношенiя.—Значенiе Iоанна въ исторiи Москвы, какъ города.

редставитель независимости и единодержавiя Руси, Iоаннъ III былъ первымъ самодержцемъ у насъ; его такъ и называли современники. «Какое же тутъ мое государство, когда не я вамъ, а вы мнѣ указываете и урекаете, какъ долженъ я держать васъ», сказалъ Iоаннъ новгородскому вѣчу. Онъ не позволялъ никому «чинить урокъ своему государству» и честно и грозно охранялъ свою власть неограниченную. Нѣкоторые современники и потомки видятъ въ этихъ самодержавныхъ стремленiяхъ Iоанна только пришлое греческое влiянiе его супруги, царевны греческой Софiи Палеологъ, племянницы послѣдняго византiйскаго императора Константина XI. Правда, что онъ послѣ женитьбы на ней принялъ гербъ византiйской имперiи двухглаваго орла, сталъ считаться наслѣдникомъ ея земель и государственныхъ преданiй, окружилъ себя болѣе, чѣмъ прежде, блестящимъ дворомъ, не сталъ въ думѣ слушать боярскихъ совѣтовъ, не терпѣлъ противорѣчiй, сталъ вершить дѣла одинъ, приказывая дьякамъ запи-

сывать его рѣшеніе. Но не нужно забывать, что единодержавіе по природѣ своей влечетъ къ самодержавію, само по себѣ, безъ

Іоаннъ III. По Титулярнику *).

стороннихъ вліяній и безъ внѣшнихъ примѣровъ. Припомните, что за 300 лѣтъ до Іоанна III великорусскій князь Андрей Бо-

---

*) Рукопись XVII вѣка, заключающая титулы иностранныхъ государей, современниковъ Царя Алексѣя Михайловича, портреты Русскихъ государей и патріарховъ, а также изображенія гербовъ и печатей. Принадлежавшая прежде посольскому приказу, рукопись эта теперь хранится въ государственномъ древне-хранилищѣ въ Москвѣ.

голюбскій, желавшій «быть одинъ властель въ землѣ своей», смотрѣлъ даже на князей — родичей, какъ на своихъ подручниковъ, а когда они не ходили въ его волѣ, говорилъ непослушному: «не велю тебѣ быть въ Русской землѣ, поди вонъ изъ нея». Вы уже слышали его грозный окрикъ на новгородское вѣче. Добавьте къ этому, что тотъ же великій князь, желая быть, по выраженію лѣтописи, самовластцемъ въ своей землѣ, требовалъ отъ своей дружины, своихъ бояръ безусловнаго себѣ повиновенія. Можно, конечно, и здѣсь допустить вліяніе Византіи на наслѣдника греческой шапки Мономаха, но нельзя не видѣть въ этомъ и своей самобытной русской основы, а она идетъ отъ самаго начала русскаго государства. До прихода къ намъ византійскихъ вліяній восточные славяне, рѣшивъ учредить у себя государство, говорили: «поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами по праву». Тутъ не говорилось, чтобы власть этого князя дѣлили и другіе князья, дружинники и вѣче. Если это дѣленіе, это дробленіе единой и стоящей выше всего, ни отъ кого независящей власти государя было на Руси и длилось долго, то это происходило отъ того, что великимъ князьямъ, подъ вліяніемъ разныхъ независящихъ отъ нихъ обстоятельствъ, нельзя было сразу сознать всю силу своей власти, стать на высотѣ своего государственнаго положенія. Едва мерцала свѣща государевой власти въ Новгородѣ, лучше свѣтилась она въ Кіевѣ при Владимірѣ Св., Ярославѣ Мудромъ, Владимірѣ Мономахѣ, еще яснѣе стала горѣть она въ Залѣсскомъ Владимірѣ при Андреѣ Боголюбскомъ и Александрѣ Невскомъ. Но въ тяжелую пору татарской неволи нужно было московскимъ князьямъ до времени держать ее подъ спудомъ, пока не накопилось въ Москвѣ столько силъ, сколько было нужно, чтобы не дать бурямъ затушить ее.

Осторожный Іоаннъ III довольствовался титуломъ Государя и не именовалъ въ грамотахъ себя Царемъ Самодержавнымъ, но никому не мѣшалъ именовать себя и Царемъ, и Самодержцемъ. Любопытно познакомиться съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ самъ Іоаннъ III на свою власть и какъ относились къ ней его современники въ Россіи и въ другихъ странахъ.

Когда посолъ германскаго императора Поппель предложилъ Іоанну выхлопотать для него у своего государя королевскую корону, нашъ государь отвѣтилъ: «Мы, Божіей милостію, государь на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прароди-

телей, и постановленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; и просимъ Бога, чтобы и впредь далъ Богъ и намъ, и нашимъ дѣтямъ до вѣка такъ быть, какъ мы теперь

Тронъ Іоанна III.

государи въ своей землѣ, а поставленія ни отъ кого не хотѣли и теперь не хотимъ».

Іоаннъ III первый изъ московскихъ государей совершилъ въ нашемъ Успенскомъ соборѣ коронованіе царскимъ вѣнцомъ Мо-

номаха внука своего Димитрія. Іоаннъ IV, самъ уже принявъ титулъ Царя, только повторилъ введенное впервые Іоанномъ III вѣнчаніе на царство, и въ послѣдующіе вѣка самый обрядъ этого священнодѣйствія лишь дополнялся только.

Памятники того времени сохранили намъ любопытныя подробности этого впервые совершеннаго торжественнаго священнодѣйствія. Торжество происходило 4 февраля 1498 года. Посреди Успенскаго собора, на особомъ возвышеніи, на такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ, поставили три сѣдалища,—для государя, митрополита Симона и Димитрія. Первые двое сѣли на свои мѣста, а Дмитрій сталъ предъ ними у верхней ступени помоста. Великій князь обратился къ первосвятителю со слѣдующими словами: «Отче митрополитъ! Божіимъ повелѣніемъ — отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша; отголь и до сихъ мѣстъ отцы—великіе князи сынамъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася: сына моего въ животѣ не стало, и у него остался сынъ первый — Дмитрій, и язъ нынѣ его благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ. И ты бы его, отче, на великое княженіе благословилъ». При этомъ Димитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ положилъ руку на его голову и произнесъ благословенную молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха. Тогда архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе великому князю Димитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники—князья, бояре и прочіе дворскіе люди. Въ заключеніе митрополитъ и государь сказали Димитрію свои поученія, потомъ началась литургія, послѣ коей Димитрій вышелъ изъ собора въ коронѣ и бармахъ. Въ дверяхъ Успенскаго собора дядя его князь Юрій Ивановичъ трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ.

Характеризуетъ воззрѣнія Іоанна III на свою государеву власть и другое священнодѣйствіе, совершенное тоже въ Успенскомъ соборѣ, именно посвященіе въ митрополиты Всероссійскіе игумена Троицкаго монастыря архимандрита Симона (1496 года).

Когда сочувствовавшій занесенной къ намъ изъ Новгорода ереси жидовствующихъ (жидовствующіе не вѣровали въ Пресв.

Троицу и отвергали Божество Христа Спасителя, таинства, мощи, иконы и вѣровали только Ветхозавѣтной Библіи) митрополитъ Зосима принужденъ былъ отказаться отъ митрополіи, при чемъ всенародно положилъ свой омофоръ на престолъ въ Успенскомъ соборѣ, великій князь созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ, и они избрали въ митрополиты игумена Троицкаго монастыря Симона. Иванъ Васильевичъ предъ рукоположеніемъ въ Успенскомъ соборѣ лично и торжественно принялъ участіе въ его нареченіи. При этомъ государь обратился къ избраннику со слѣдующею выразительною рѣчью: «Всемогущая и животворящая Святая Троица, дающая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сій святый великій престолъ архіерейства,—митрополію всея Руси, рукоположеніемъ и освященіемъ святыхъ отецъ—архіепископовъ и епископовъ Русскаго царства жезлъ пастырства. Отче, воспріими и на сѣдалище старѣйшинства, во имя Господа Іисуса и Его Пречистыя Матери взыди и молись о насъ и о нашихъ дѣтяхъ и о всемъ православіи, и подастъ ти Богъ здравіе и долголѣтство». Поставляемый въ митрополиты отвѣчалъ слѣдующею рѣчью: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ Богомъ поставленное твое Царство, Самодержавный Государь и Владыко! Мирно да будетъ и многолѣтно твое государство и побѣдно, со всѣми повинующимися тебѣ и съ христолюбивыми воинствами, да пребываетъ въ вѣкъ вѣка: во вся дни живота здравъ, здравъ, здравъ буди, добро творя, животоносенъ, Владыко—Самодержецъ, многолѣтенъ».

При такихъ воззрѣніяхъ на верховную власть, какъ царскую самодержавную, Іоаннъ III является примѣчательнымъ организаторомъ нашего государственнаго быта въ духѣ сложившихся или еще слагавшихся русскихъ обычаевъ. Окружая себя, по примѣру византійскаго императора, царственною обстановкою, онъ организуетъ служилое сословіе. При немъ, кромѣ бояръ, достоиство коихъ теперь жалуется государемъ, являются уже и окольничіе; появляются и придворные чины постельничаго, конюшаго, ясельничаго, оружничаго, ловчаго и др. Ясно выступаетъ система помѣстная (временныя земельныя владѣнія), обращавшая на началахъ государева жалованья низшіе классы служилыхъ людей въ помѣщиковъ рядомъ съ вотчинниками. Развиваются приказы съ ихъ дьяками. Впервые появляется «разрядъ», наблюдавшій надъ порядкомъ государевой службы; былъ и по-

сольскій приказъ, что можно заключать изъ того, что теперь существовалъ посольскій дьякъ. Земли дѣлятся уже всюду на особыя податныя единицы и облагаются налогами. Переходы крестьянъ съ одной земли на другую разрѣшаются въ теченіе двухъ недѣль, послѣ Юрьева (осенняго) дня. Для организаціи суда Іоаннъ издаетъ Судебникъ, который въ нашемъ законодательствѣ составляетъ шагъ впередъ, по сравненію съ Русской Правдой, которая допускала кровавую месть и дозволяла деньгами отдѣлываться за убійство даже знатныхъ людей (80 гривенъ за голову). Судебникъ же устанавливаетъ государственныя наказанія за всѣ уголовныя преступленія: казнь смертную или торговую, т. е. тѣлесное наказаніе. Приводимъ, какъ образчикъ письма того времени, отрывокъ изъ Судебника Іоанна.

При Іоаннѣ III Москва, и какъ городъ, вступаетъ въ новую пору своего существованія. Она была почти вся перестроена при этомъ государѣ: въ это время она стала «бѣлокаменной-златоглавой». Но эта новая внѣшность Москвы не рѣзала русскихъ глазъ своими отличіями отъ великокняжеской старины: она не знаменовала какого-нибудь крутого внутренняго переворота въ духѣ и сердцѣ Россіи, въ родѣ преобразованій Петра I. Нѣтъ, послѣдовательное и постепенное накопленіе силъ Москвы органически, въ прежнемъ національномъ духѣ, перproducedило ея наружность. Старая скорлупа, старая ея кожа сошла и органически выросла новая, соотвѣтственно размѣрамъ и силамъ выросшаго организма, явилась новая оболочка, новые покровы того же тѣла. (См. книгу: «Изъ исторіи Москвы». М. 1896. Стр. 69—86).

Ярославъ Мудрый, устраивая въ матери градовъ русскихъ— Кіевѣ, по подобію Византіи, Святую Софію и Золотыя ворота, придавалъ ему видъ новаго Цареграда, Андрей Боголюбскій, какъ вы знаете, подобнымъ же образомъ обстраивалъ Владиміръ. Московскіе же князья, среди усобицъ и подъ грозой Золотой орды, должны были таить подъ спудомъ свѣтъ своихъ стремленій, дабы бури его не угасили, и еще не придавали Москвѣ цареградскаго вида. Но не противъ ихъ мыслей и преданій было то, что хранитель и исполнитель ихъ завѣтовъ, Іоаннъ III, вмѣсто упавшаго Кіева, а при отцѣ его завоеванной турками Византіи, сталъ дѣлать изъ Москвы для Руси мать ея градовъ, а для всего восточнаго міра новый Цареградъ. Женившись на царевнѣ греческой Софіи Палеологъ, онъ сталъ, какъ

сказано выше, считать себя наслѣдникомъ не только преданій, но и самыхъ земель ея, и принялъ гербъ Греческой имперіи— двоеглаваго орла, который очень дружно сжился съ Московскимъ гербомъ—Георгіемъ Побѣдоносцемъ, поражающимъ змія. Вслѣдствіе этого на Западѣ стали возлагать на насъ надежду изгнанія изъ Европы турокъ, которое было не по плечу германо-римской имперіи, именуемой священной и принявшей такой же орлиный гербъ. Въ это время стало слагаться вѣрованіе, что Русь водворится въ седмихолмномъ Цареградѣ и сниметъ магометанскій полумѣсяцъ со св. Софіи. Русскіе люди говорили: «го-

Судебникъ Іоанна III. По древней рукописи.

судари наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ. Чистое православное ученіе только въ Богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится. (Русскіе люди послѣ принятія греками Флорентійской уніи подозрительно относились къ ихъ православію). Два Рима пали. Третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть».

---

*) Уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, какъ судить боярамъ и окольничимъ. Судити судъ бояромъ и окольничимъ, а на судѣ быти у бояръ и у окольничихъ діакомъ. Отъ суда и отъ печалованія не имати, также и всякому судьѣ. А судомъ не мстити, не дружити никому.

Поближе всмотримся въ значенiе герба московскаго и византiйскаго.

Московскiй гербъ окончательно сложился лишь въ правленiе Iоанна III. Всаднику, поражающему змiя, предшествовали изображенiя на монетахъ и печатяхъ: пѣшiй витязь, поражающiй дракона (на монетахъ Iоанна II; монгольскiй драконъ былъ изображенъ на перстневой печати, подаренной ханшей Тайдулой св. Алексiю митрополиту) и всадникъ—конный ловчiй съ соко-

Св. Георгiй Побѣдоносецъ.
Рѣзное изображенiе въ Успенскомъ соборѣ.

ломъ въ рукѣ, всадникъ съ копьемъ въ рукѣ, но безъ дракона (на монетахъ и печатяхъ Василiя I), и всадникъ-мечникъ съ поднятою надъ головою саблей и, наконецъ, уже всадникъ, поражающiй дракона (на монетахъ Василiя II). Iоаннъ III первый перенесъ это послѣднее изображенiе на государственную печать. Приводимъ ее въ томъ видѣ, какъ она была приложена къ грамотѣ этого великаго князя въ Ревель (по-русски—Колывань).

Чрезвычайно любопытно, какое значеніе имѣлъ этотъ гербовый всадникъ?—По древне-русскимъ понятіямъ, его знаменованіе двойное: по однимъ—всадникъ этотъ изображаетъ государя на конѣ, поражающаго противогосударственное зло. Такъ, лѣтопись говоритъ, что при Іоаннѣ IV (въ 1536 г.) учинено было знамя на деньгахъ: «великій князь на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копѣйныя».

Но представленія государя, торжествующаго надъ противогосударственнымъ зломъ или азіатскимъ владычествомъ, которыя изображались въ зміи или драконѣ, уже съ древнихъ временъ, при глубокой религіозности нашихъ предковъ, стали сливаться въ Москвѣ съ иконографическимъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, который пользовался, какъ олицетвореніе священной храбрости и побѣды надъ адскимъ, языческимъ, противоцерковнымъ началомъ, глубокимъ почитаніемъ въ Россіи. Рѣд-

Печать Іоанна III.

кій изъ древнѣйшихъ храмовъ у насъ не имѣлъ иконныхъ изображеній святого Георгія, поражающаго змія. Въ староладожской, такъ называемой Рюриковой, крѣпости въ храмѣ, современномъ основанію Москвы, мы находимъ изображеніе Георгія Побѣдоносца. Подобныхъ изображеній, какъ рѣзныхъ, такъ и иконописныхъ, было много и въ другихъ храмахъ, что указываетъ на силу и распространенность почитанія на Руси этого святого. Подъ вліяніемъ столь сильнаго и столь распространеннаго его почитанія, въ княжескихъ семьяхъ имя Георгія стало излюбленнымъ. Владиміръ Равноапостольный нарекаетъ имя Георгія сыну своему Ярославу; Владиміръ Мономахъ даетъ то же имя тому сыну, который, подъ именемъ Юрія Долгорукаго, основалъ Москву; Іоаннъ Даниловичъ Калита далъ своему сыну опять то же имя, и одинъ изъ сыновей Димитрія Донского отданъ подъ покровительство этого же святого. Нако-

нецъ, и самъ Іоаннъ III выбираетъ въ покровители одному изъ своихъ сыновей того же Георгія Побѣдоносца. Примѣчательно, что въ Москвѣ именно въ это время появляются два выдающихся иконографическихъ изображенія св. Георгія. Одно поставлено было въ Успенскомъ соборѣ надъ гробницею митрополита Ѳеогноста; изъ латинской надписи на немъ видно, что оно прежде было на тріумфальныхъ воротахъ, построенныхъ сенатомъ и народомъ римскимъ въ память побѣды Константина Великаго, въ 324 году, надъ защитникомъ язычества императоромъ Лициніемъ, за два года до перенесенія столицы изъ Рима въ Византію. Изваяно оно изъ бѣлаго камня и представляетъ всадника, поражающаго копьемъ змія, и дѣву, олицетворяющую христіанскую церковь. Другое подобное изваяніе Іоаннъ III приказалъ поставить на возвышенномъ мѣстѣ у Фроловскихъ или Спасскихъ воротъ. Здѣсь Василій III построилъ уже церковь въ честь этого покровителя Москвы и ея государства, и гербовое изваяніе было поверстано, въ качествѣ храмовой иконы, въ иконостасѣ. По упраздненіи этой церкви, изображеніе было перенесено въ Вознесенскій монастырь, въ трапезу построенной царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ церкви Михаила Малеина. Несомнѣнна связь этихъ иконографическихъ изображеній св. Георгія Побѣдоносца съ исторіей государственнаго герба Москвы. Но лишь только закончилось его образованіе, какъ Іоаннъ III соединяетъ съ нашимъ Московскимъ гербомъ гербъ Византійской имперіи двоеглаваго орла. Одноглавый орелъ, водружавшійся на римскія знамена и встрѣчавшійся въ гербахъ разныхъ государствъ, былъ выраженіемъ мощи государственной. Двоеглавый же орелъ Византійской имперіи знаменовалъ, что ея царская власть обладаетъ и западомъ, и востокомъ ея, куда направлены головы царственнаго орла.

На двойной кормчей печати, привѣшенной къ договорной грамотѣ (1504 г.) сыновей этого государя Василія и Юрія Ивановичей, на одной сторонѣ изображенъ Московскій гербъ, а на другой—Византійскій. На этой печати титулъ государя написанъ такъ: «Іоаннъ Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Тверской, и Угорскій, и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій». Воспроизводимъ эту печать.

Сознавая величіе и могущество своего государства, Іоаннъ III, чтобы дать Россіи подобающее положеніе среди другихъ го-

сударствъ Европы, велъ съ ними дѣятельныя сношенія въ цѣляхъ политическихъ, торговопромышленныхъ и образовательныхъ, пользуясь для этого и иностранцами, и своими русскими дипломатами, каковыми у него, кромѣ грековъ и нѣмцевъ, были Григорій Истома, Ѳедоръ Курицынъ, Алексѣй Голохвастовъ, Михайла Плещеевъ, Михайла Еропкинъ, Власій Герасимовъ, Семенъ Толбузинъ и другіе. Москва въ это время видѣла много иноземныхъ посольствъ и сама отправляла въ чужія страны свои дипломатическія миссіи. У насъ въ эту пору завязались сношенія съ императоромъ германскимъ, папою римскимъ, королями датскимъ и венгерскимъ, венеціанскимъ дожемъ, султаномъ турецкимъ, шахомъ персидскимъ и другими. Примѣчателенъ духъ и тонъ этихъ сношеній; соображаясь съ нимъ, иностранные послы уже величаютъ Іоанна царемъ и цезаремъ. Государь всея Руси давалъ иностраннымъ посламъ довольно рѣзко чувствовать свое недовольство, если они допускали что-либо, хоть

Печать Іоанна III.

сколько-нибудь невмѣстное съ достоинствомъ Россіи. Когда германскій посолъ Поппель предложилъ Іоанну, чтобы онъ отдалъ свою дочь или за маркграфа баденскаго, или за курфюрста саксонскаго, то, отправляя свое отвѣтное посольство къ германскому императору (грека Трахоніата и при немъ двоихъ русскихъ) съ подарками (собольи и горностаевыя шубы), государь по поводу сватовства велѣлъ сказать, что московскому государю отдавать дочь свою за какого-нибудь маркграфа непригоже, потому что отъ давнихъ лѣтъ прародители московскаго государя были въ пріятельствѣ и любви съ знатнѣйшими римскими царями, которые Римъ отдали папамъ, а сами царствовали въ Византіи; но если бы захотѣлъ посватать дочь государя сынъ цезаря (впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ I), то нашъ посолъ долженъ былъ изъявить надежду, что государь захочетъ вступить въ та-

кое дѣло съ цезаремъ. Бракъ этотъ не состоялся; но Максимиліанъ отправилъ въ Москву посольство и просилъ здѣсь бѣлыхъ соколовъ и кречетовъ, которыхъ и получилъ. Не имѣя другого подходящаго жениха, Іоаннъ выдалъ дочь за своего подданнаго князя Василія Холмскаго, сына побѣдителя новгородцевъ на Шелони, а сына своего Василія женилъ на Софьѣ Юрьевнѣ Сабуровой, которая была вызвана въ Москву на смотрины въ числѣ 1500 лучшихъ дѣвицъ всего государства. Другая дочь его выдана была за великаго князя литовскаго; но отецъ выговорилъ, чтобъ она отнюдь не мѣняла своей православной вѣры на папизмъ, не была принуждаема ходить въ костелъ, была вѣнчана по православному обряду, носила бы и въ Литвѣ русскую одежду и имѣла русскихъ слугъ *). Сына своего Іоанна онъ женилъ на дочери Волошскаго господаря Еленѣ. Вообще Іоаннъ III высоко держалъ себя передъ иностранными государями. Мелкіе изъ нихъ писали ему очень почтительныя грамоты. Такъ князь Иверской земли (Грузіи) Александръ называлъ Іоанна «звѣздой христіанскаго міра, всесвѣтлымъ и грознымъ государемъ, справедливой управой всѣмъ князьямъ» и проч.

Посмотримъ теперь, какъ измѣнилъ Іоаннъ III самую внѣшность своей столицы.

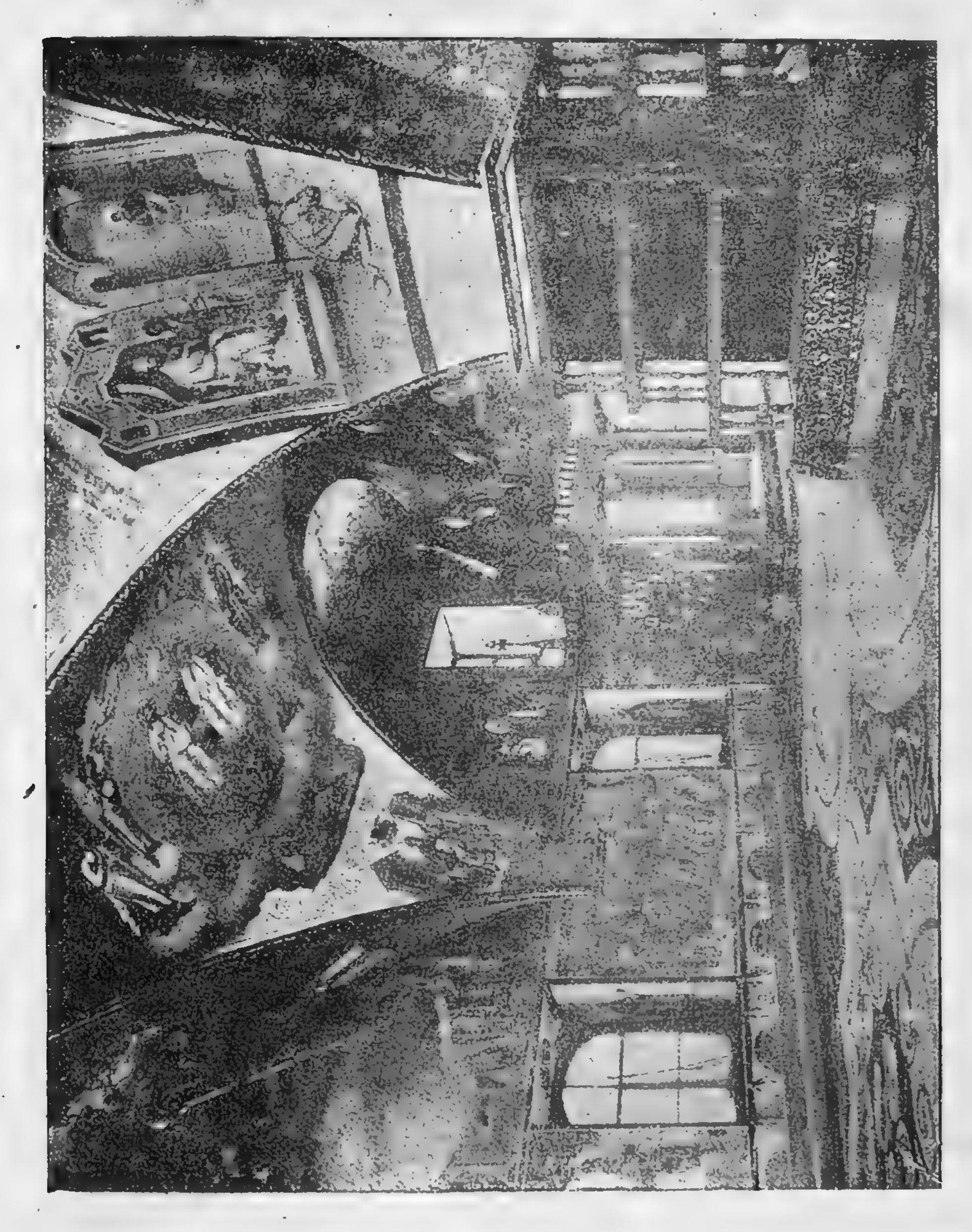
Можно сказать, что Іоаннъ III разобралъ весь Кремль Димитрія Донского почти до послѣдняго камня и выстроилъ его заново въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и въ новыхъ зданіяхъ.

Но государь историческихъ національныхъ преданій, онъ далъ всѣмъ своимъ постройкамъ привычный русскому глазу видъ. Это примѣчательно въ особенности потому, что всѣ почти его архитекторы, какъ Аристотель Фіоравенти, Алевизъ, Маркъ Руфъ, Петръ-Антоній Фрязинъ были иностранцы. Государь однако не позволялъ имъ строить на Москвѣ зданія по западнымъ образцамъ. Они должны были возводить строенія въ русскомъ стилѣ, примѣняясь къ древне-русскимъ деревяннымъ постройкамъ и ихъ орнаментаціи, или въ византійскомъ, для чего ихъ посылали изучать каменные храмы Владиміра и другихъ городовъ.

Просуществовавшій 100 лѣтъ каменный Кремль Димитрія Донского, обветшавшій и уже тѣсный, былъ теперь срытъ, и

*) Княжна Елена вѣнчана была въ Вильнѣ священникомъ Ѳомою въ русской одеждѣ. Предъ вѣнчаніемъ были соблюдены всѣ русскіе обычаи: расплетаніе косы, осыпаніе хмелемъ и проч.

заложены были новыя стѣны «не по старой основѣ, а града прибавиша». Чтобы обезопасить его отъ пожаровъ, велѣно было вокругъ Кремля снести церкви и дворы, чтобы между его стѣнами и посадскими постройками оставалось полое мѣсто, застѣнье въ 110 саженей.

Грановитая палата.

Петръ-Антоній Фрязинъ выстроилъ кремлевскія стрѣльницы, или башни: всего числомъ восемнадцать. Эти башни въ своемъ стилѣ и украшеніяхъ подражали древне-русскимъ деревяннымъ крѣпостнымъ башнямъ. На Спасской башнѣ сохранилась слѣдующая латинская надпись: «Іоаннъ Васильевичъ, Божіею ми-

лостію, великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Тверской, Псковскій, Вятскій, Угорскій, Пермскій, Болгарскій и иныхъ и всея Россіи Государь, въ лѣто тринадцатое государствованія своего, велѣлъ построить сію башню, а строилъ ее

Грановитая палата.

Петръ-Антоній Селярій Медіоланскій, въ лѣто воплощенія Господне 1491».

Громадныя постройки и внутри самаго Кремля предприняты были Іоанномъ III. Такъ здѣсь вновь были выстроены три главныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Благовѣщенскій.

За ветхостью и тѣснотою Успенскій соборъ былъ разобранъ,

въ 1472 году, до самаго основанія, при чемъ были обрѣтены мощи св. Петра митрополита. Но построенный псковскими мастерами Кривцовымъ и Мышкинымъ соборъ, возведенный до сводовъ, рухнулъ. Нанятый въ Италіи, съ платою по 10 рублей въ мѣсяцъ, Аристотель Фіоравенти получилъ порученіе выстроить его снова. Заграничный мастеръ долженъ былъ строить не по своему плану, а по образцу Успенскаго собора во Владимірѣ, куда онъ былъ отправленъ. Итальянецъ разобралъ всю стройку, при чемъ употреблялъ невиданные въ Москвѣ тараны и блоки, устроилъ кирпичный заводъ у Ан-

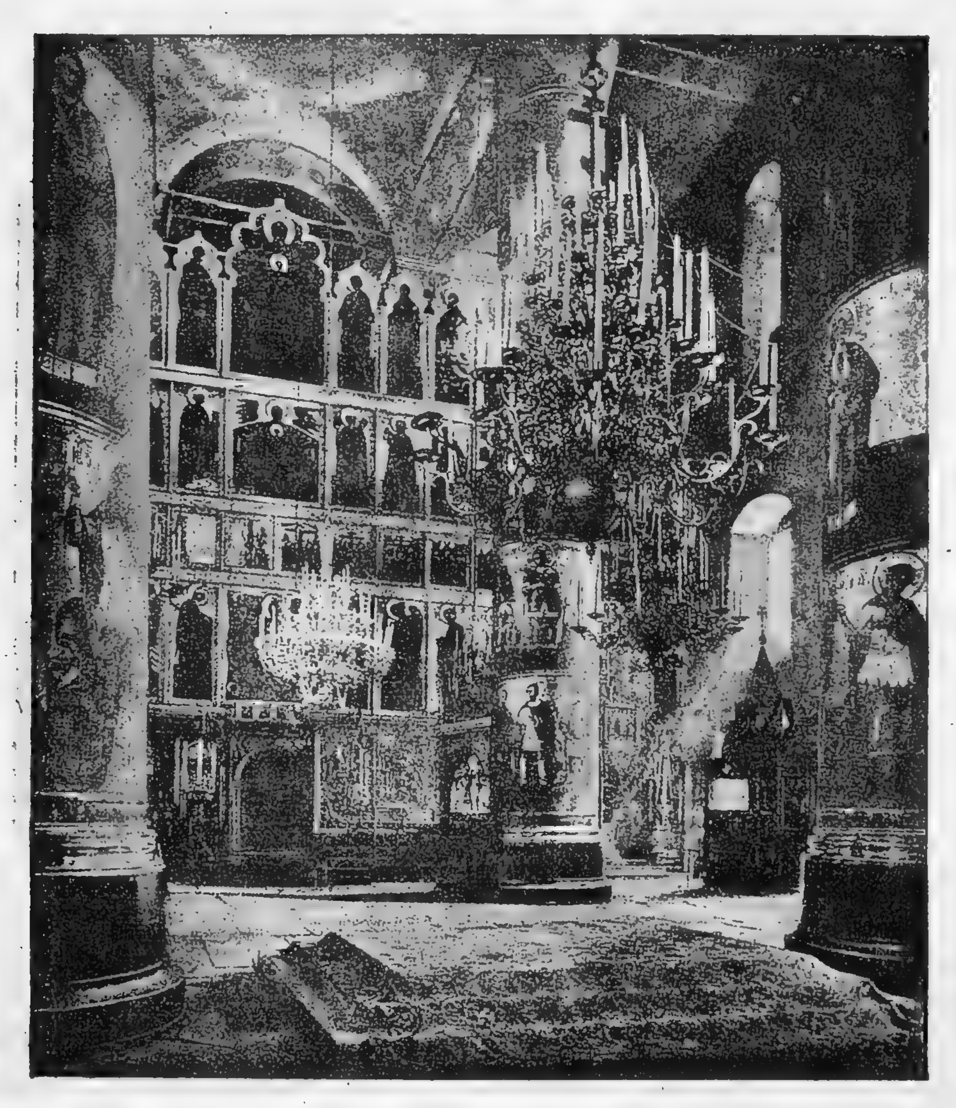

Новоспасскій монастырь.

дроньева монастыря и, употребляя особую клеевитую известь, чрезъ четыре года выстроилъ новый храмъ. Въ 1479 году митрополитъ Геронтій совершилъ его освященіе. Великій князь при этомъ роздалъ бѣднымъ богатую милостыню и устроилъ большой пиръ для духовенства. Мощи, находившіяся во время стройки въ церкви «св. Ивана подъ колоколы», перенесены были въ соборъ.

Іоаннъ III, въ память покоренія Новгорода, какъ священный трофей этого, поставилъ въ иконостасѣ Успенскаго собора принесенную оттуда икону Всемилостиваго Спаса, находившуюся въ Софійскомъ соборѣ и писанную греческимъ императоромъ

Мануиломъ. Въ ризницу собора въ то же время поступили и драгоцѣнные новгородскіе сосуды св. Антонія Римлянина. Одинъ сосудъ сдѣланъ изъ яшмы, другой изъ оникса, и оба украшены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. «Бысть же та церковь», говоритъ лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ, «чудна вельми величествомъ, высотою, свѣтлотою и пространствомъ».

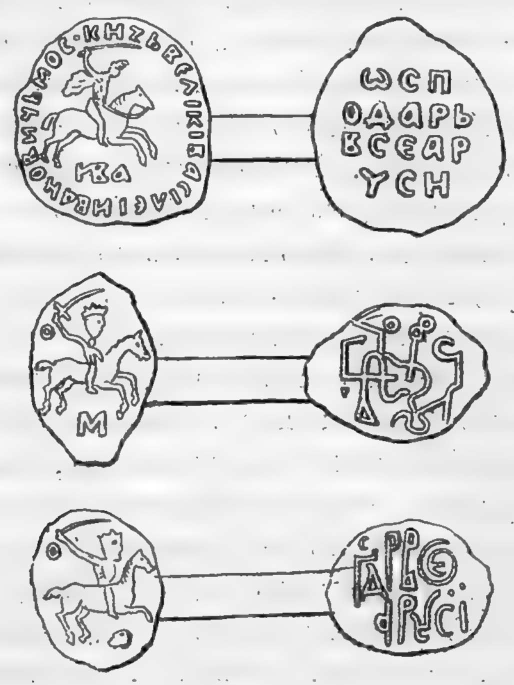

Успенскій соборъ.

Въ послѣдній годъ правленія Іоанна былъ разобранъ и Архангельскій соборъ и въ болѣе обширномъ объемѣ построенъ былъ Алевизомъ; гробы государей, числомъ 24, стояли на время въ храмѣ «св. Ивана, что подъ колоколы». Благовѣщенскій соборъ, построенный Василіемъ I, былъ вновь перестроенъ. Онъ былъ украшенъ 9-ю главами и соединенъ сѣнями съ набе-

режными государевыми палатами, а на мѣстѣ ханскаго подворья построена была вновь церковь Николы Льняного. Софья Ѳоминишна выпросила это мѣсто у ханши, жены Ахмата. Эту деревянную обыденную, изъ еловаго лѣса, церковь замѣнилъ каменною Василій III и перенесъ сюда изъ села Гостуни чудотворный образъ Николая Чудотворца. На постройку женщины жертвовали ленъ и полотна, отъ чего храмъ именовался — Николы «Льняного».

Въ Чудовомъ монастырѣ, по повелѣнію Іоанна III, была

Монеты Іоанна III.

разобрана церковь Михаила Архангела, а на ея мѣстѣ была выстроена новая, которая была освящена въ 1504 году.

Монастырь у Спаса на Бору былъ перенесенъ за Таганку въ основанный въ 1491 году Новоспасскій монастырь съ соборомъ Преображенія Господня. Здѣсь на иконѣ изображенъ Іоаннъ III со своимъ сыномъ.

Іоаннъ III предпринялъ постройку новаго каменнаго дворца, при чемъ, какъ сказано, была разобрана до основанія церковь Благовѣщенія на Сѣняхъ. Она была поставлена на подклѣтѣ, который былъ окруженъ палатами, для храненія государевой казны. Между этой церковью и Архангельскимъ соборомъ построена была кирпичная палата также съ казнами и большимъ бѣлокаменнымъ погребомъ, называвшаяся впослѣдствіи казеннымъ дворомъ.

Въ 1487 году, съ западной стороны Благовѣщенскаго собора, на великокняжескомъ дворѣ, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ набережный златоверхій теремъ при Димитріи Донскомъ, Фрязинъ Маркъ Руфъ заложилъ каменную палату. Въ 1491 году тотъ же Руфъ съ Петромъ-Антоніемъ выстроили на соборной площади большую палату, извѣстную подъ именемъ Грановитой (стѣны ея граненыя).

Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома, какъ, напримѣръ, бояринъ Василій Образецъ, купецъ Тараканъ и другіе.

Іоаннъ III не мало заботился и о развитіи промышленности. При немъ мы начали разрабатывать за Ураломъ, въ Сибири и въ Печерскомъ краѣ серебро и стали чеканить монету изъ своего русскаго металла. Процвѣтала въ Москвѣ выдѣлка изъ золота и серебра сосудовъ, чаръ, братинъ и т. п. Особенно былъ искусенъ золотыхъ дѣлъ мастеръ по имени Трифонъ. Наши работы этого рода славились на всемъ Востокѣ. Продолжала также развиваться и чеканка монеты.

При Іоаннѣ III много иностранцевъ — техниковъ разнаго рода пріѣзжало въ Москву; и въ свою очередь и русскіе отправлялись въ чужія земли, какъ на западъ, такъ и на востокъ. Въ это время русскій купецъ Аѳанасій Никитинъ проникъ въ Индію ранѣе, чѣмъ открылъ ее Васко-де-Гама, и мы имѣли описаніе этой страны ранѣе, чѣмъ народы Запада.

Іоаннъ III былъ высокаго роста и худощавъ; онъ имѣлъ особенно, когда «воспалялся гнѣвомъ», грозный взглядъ. Женщины при видѣ великаго князя нерѣдко падали въ обморокъ. На 221-й страницѣ воспроизведенъ портретъ этого великаго князя со старинной гравюры, находящейся среди «портретовъ Русскихъ государей» Ровинскаго.

Въ послѣдніе годы Иванъ Васильевичъ «сталъ приходить въ изнеможеніе» и скончался 26 октября 1505 года, 66 лѣтъ отъ роду. Передъ смертью онъ собралъ дѣтей своихъ и бояръ и приказалъ громко читать свое духовное завѣщаніе. Въ немъ старшему сыну своему Василію государь назначилъ большую часть земель, болѣе трехъ четвертей всѣхъ городовъ, остальная же четверть дѣлится между другими четырьмя сыновьями. Власть этихъ послѣднихъ совершенно иного свойства, чѣмъ власть старшаго: они получаютъ значеніе простыхъ крупныхъ вотчинниковъ-землевладѣльцевъ, не имѣютъ права чеканить мо-

нету и сноситься съ иностранными государями. Поэтому, въ силу завѣщанія отца, власть Василія III отличается не только количествомъ, но и качествомъ: онъ государь, а они землевладѣльцы. Іоаннъ III смотрѣлъ на Русскую землю не только какъ на свою отчину и дѣдину, но и какъ на государство. Принявъ таинство причащенія и соборованіе, онъ однако отказался отъ обычнаго тогда иноческаго постриженія и пожелалъ умереть государемъ, а не монахомъ. Его погребли въ только-что строившемся Архангельскомъ соборѣ. Надгробная надпись гласитъ: «въ лѣто 7013—1505 преставися благовѣрный и христолюбивый князь Иванъ III Васильевичъ всея Россіи». Іоаннъ заслуживаетъ наименованіе—великаго, и Карамзинъ въ своей «Запискѣ о Древней и Новой Россіи» отдаетъ ему предпочтеніе передъ Петромъ I за то, что онъ, возвысивши могущество Россіи и заводя сношенія съ Западомъ, не нарушалъ ея историческаго національнаго строя.

Изображеніе на воротахъ Новгородской Софіи.

16.

Василій III.—Паденіе Пскова и присоединеніе послѣднихъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси.—Борьба съ Литвою и Крымомъ.—Внутренняя политика Василія, его второй бракъ и кончина.

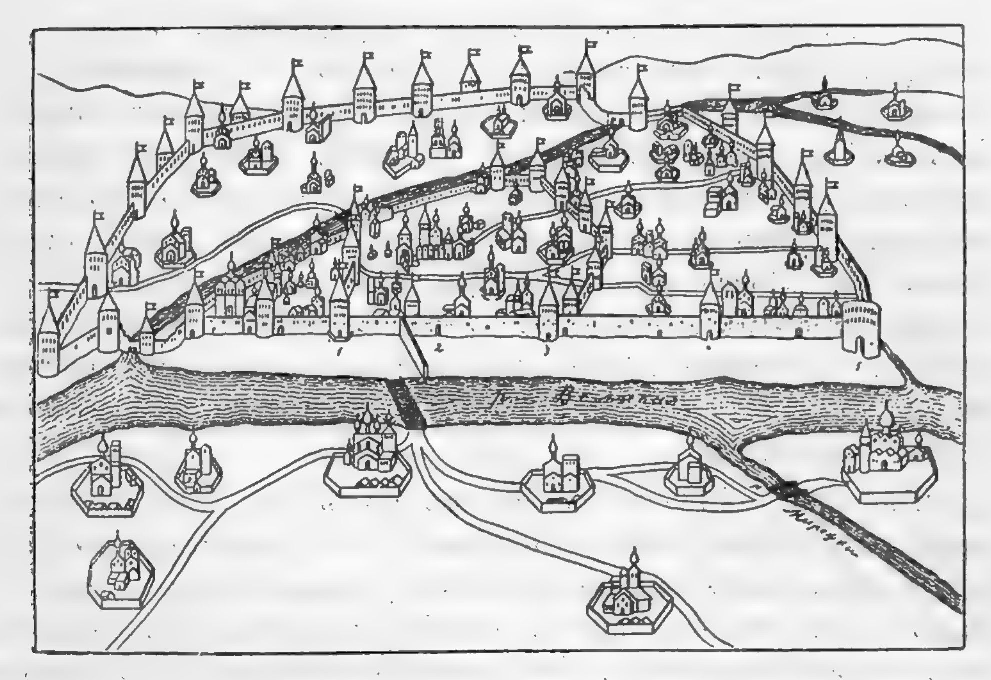
Василій III продолжалъ и развивалъ политику своего отца, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ (1505—1533).

Присоединивъ къ Москвѣ вѣчевой Псковъ и удѣльные Рязань и Новгородъ Сѣверскій, онъ завершилъ борьбу съ удѣльной системой и окончательно установилъ въ сѣверо-восточной Руси единодержавіе. Разсмотримъ это подробнѣе.

Псковъ, младшій братъ Новгорода, сохранилъ свое вѣче при Іоаннѣ III своею покорностію и, конечно, только до поры до времени. Но, въ силу требованій исторіи, отдавшей единую и неограниченную власть Государю всея Руси, неминуемо долженъ былъ разстаться со своимъ народоправствомъ. Случилось это не тотчасъ послѣ паденія новгородскаго вѣча потому только, что московскіе государи не любили дѣлать ничего вдругъ и круто.

Назначенный при Василіи III во Псковъ намѣстникомъ, князь Рѣпня-Оболенскій судилъ и распоряжался тамъ въ духѣ своего времени, безъ воли вѣча. Непонимавшіе тогдашнихъ

условій исторической жизни псковичи, будучи крайне имъ недовольны, думали своими жалобами ссадить съ намѣстничества князя Оболенскаго. Въ концѣ 1509 года Василій III поѣхалъ съ большимъ отрядомъ изъ дѣтей боярскихъ въ Новгородъ, очевидно, съ намѣреніемъ заняться дѣлами Пскова. Псковичи громадными массами двинулись въ Новгородъ съ жалобами на намѣстника. Именемъ государя московскіе бояре говорили имъ: «копитесь, копитесь, жалобные люди, придетъ Крещеніе Господне,—вотъ тогда всѣмъ государь дастъ управу». Въ названный праздникъ всѣмъ было велѣно быть на крещенскомъ водо-

Планъ Пскова, съ древней иконы.

освященіи, на которомъ присутствовалъ самъ государь. По окончаніи обряда, бояре крикнули: «псковскіе посадники, бояре и всѣ псковичи—жалобные люди! Велѣлъ вамъ государь собраться на владычный дворъ». Большіе люди были введены въ архіерейскую палату, а меньшіе были оставлены на дворѣ, но ворота этого дома были заперты и всѣмъ было объявлено: «пойманы есте Богомъ и великимъ государемъ всея Руси». Всѣхъ собранныхъ на дворѣ дьяки переписали, и они были розданы на житье и береженье новгородскимъ домовладѣльцамъ, а въ палату къ лучшимъ людямъ вошли бояре съ дьяками и объявили, что, когда они бьютъ челомъ на намѣстника, другіе

псковичи бьютъ челомъ на посадниковъ, бояръ и земскихъ людей и жалуются, что отъ нихъ людямъ нѣтъ никакой управы. Поэтому слѣдовало бы наложить на нихъ великую опалу, но государь хочетъ показать имъ милость и жалованье, если они сотворятъ государеву волю: «снять прочь вѣчевой колоколъ и болѣе не быть вѣчамъ во Псковѣ, а быть тамъ и по пригородамъ и держать судъ государевымъ намѣстникамъ. Если же вы не учините государевой воли, то государь будетъ свое дѣло дѣлать, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто презрятъ государево жалованье и не сотворятъ государеву волю».

Одинъ купецъ, ѣхавшій въ Новгородъ, узнавъ о происшедшемъ, бросилъ свои товары на дорогѣ и, прискакавъ въ Псковъ, кричалъ по улицамъ: «великій князь нашихъ переловилъ въ Новгородѣ». Зазвонили на вѣче. Смѣльчаки кричали: «ставьте щитъ противъ государя. Запремте городъ». Но благоразумные пошли противъ этого. Среди вѣчевой суматохи пріѣхалъ изъ Новгорода посланный отъ самихъ псковичей съ предупрежденіемъ не доводить до кровопролитія. Восторжествовали благоразумные и отправили гонца сказать: «мы не противны тебѣ, государь; Богъ воленъ и ты, государь, надъ нами, своими людишками».

12 января пріѣхалъ во Псковъ дьякъ Третьякъ-Далматовъ, вошелъ на ступени вѣчевого помоста и объявилъ, что государь велитъ снять вѣчевой колоколъ, а иначе—у него наготовѣ много силы,—станется кровопролитіе надъ тѣми, кто не сотворитъ воли государевой. Въ ожиданіи отвѣта дьякъ сѣлъ на вѣчевой ступени. Псковичи обѣщали отвѣтъ на завтра и всю ночь проплакали.

На другой день, на послѣднемъ вѣчѣ, посадникъ отъ имени Пскова объявилъ Третьяку-Далматову: «у насъ въ лѣтописяхъ записано такое крестное цѣлованіе съ прародителями великаго князя. Псковичамъ отъ государя, который будетъ на Москвѣ, не отходить ни къ Литвѣ, ни къ Польшѣ, ни къ нѣмцамъ, никуда, а иначе будетъ на насъ гнѣвъ Божій, и гладъ, и моръ, и огнь, и потопъ, и нашествіе невѣрныхъ; а если государь не станетъ хранить крестнаго цѣлованія, то и на него тотъ же обѣтъ, что на насъ. Теперь Богъ и государь вольны надъ Псковомъ и надъ нашимъ колоколомъ; мы не измѣнили крестному цѣлованію».

Далматовъ велѣлъ спустить вѣчевой колоколъ, и его отвезли къ государю. Псковичи плакали, но были безсильны слезами воротить отжитое прошлое.

Лѣтописецъ псковскій видитъ въ совершившемся наказаніе за грѣхи псковитянъ: за злые поклепы, лихія дѣла, за ссоры, неразумное кричанье на вѣчахъ, когда голова не вѣдала, что языкъ говорилъ: «своего дома управить не умѣемъ, говоритъ лѣтопись, а городомъ владѣть хотимъ. Отъ самоволія и несогласія другъ съ другомъ и были на насъ всѣ эти бѣды».

Рязань повиновалась Москвѣ еще при Іоаннѣ III, но, когда стало извѣстно, что ея князь Иванъ Ивановичъ завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и хочетъ жениться на его дочери, онъ былъ позванъ въ Москву и здѣсь посаженъ подъ стражу, а его удѣлъ былъ присоединенъ къ Москвѣ.

Печать псковская.

Послѣднимъ удѣльнымъ княземъ Сѣверо-восточной Руси былъ Новгородъ-Сѣверскій владѣтель Василій Шемячичъ. Его обвинили въ сношеніяхъ съ Литвою, и онъ, позванный въ Москву, былъ тоже заключенъ подъ стражу, а его удѣлъ въ 1523 году былъ присоединенъ къ землямъ московскаго единодержца. Выражая мысль народную, одинъ юродивый ходилъ въ это время по Москвѣ по улицамъ и говорилъ: «пора очистить московское государство отъ послѣдняго сора».

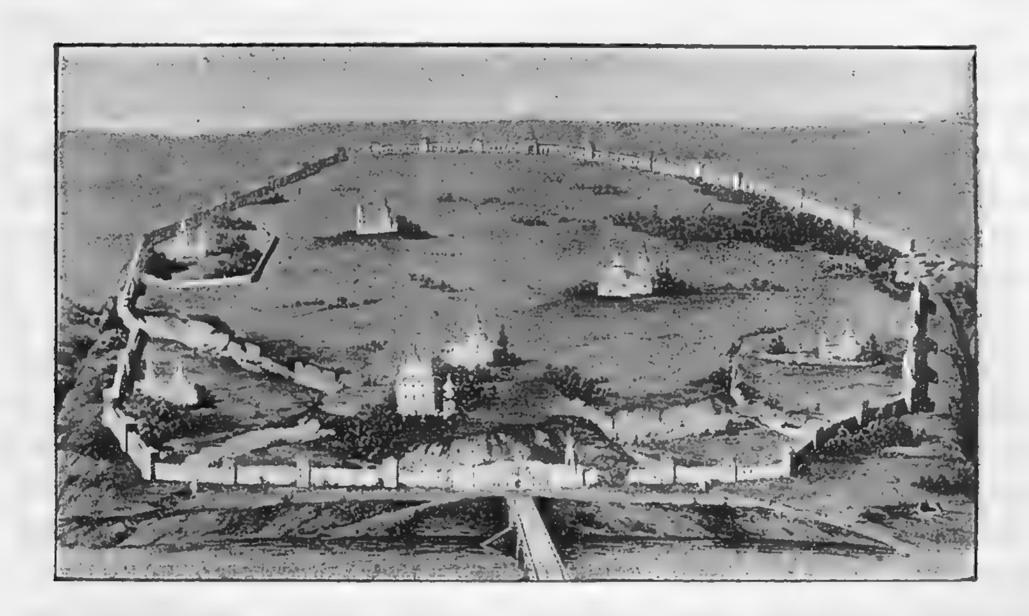
Чрезвычайно характеристичны отношенія Василія III къ польско-литовскому королевству: онъ держался воззрѣнія своего отца, что королевская вотчина—только польско-литовскія земли, а западно-русскія земли—извѣчная вотчина государей всея Руси. Послѣ смерти своего зятя Александра Литовскаго онъ писалъ

его вдовѣ, сестрѣ своей Еленѣ, не выберутъ ли его на освободившійся престолъ Польши и Литвы, но, когда избраніе пало на Сигизмунда I, у насъ была постоянная вражда съ литовско-польскимъ государствомъ. Василій III принялъ къ себѣ на службу отъ Литвы могущественнаго западно-русскаго князя Михаила Глинскаго. Король польскій требовалъ или его выдачи, или казни. Но это требованіе было отвергнуто, и началась война. Великій князь съ 100-тысячнымъ войскомъ предпринималъ походы на Бѣлую Русь и велъ дипломатическія сношенія съ императоромъ германскимъ и даже заключилъ съ нимъ первый въ исторіи договоръ о раздѣлѣ Польши. Основаніемъ этого договора, предвѣстника раздѣловъ ея при императрицѣ Екатеринѣ II, была уступка австрійскому двору прусскихъ владѣній Польши, а Россіи Кіева и другихъ западно-русскихъ владѣній. Договоръ этотъ не былъ осуществленъ, но Василій III осадилъ Смоленскъ и взялъ это, какъ выражался Борисъ Годуновъ, «ожерелье Руси». Владыка Варсонофій съ народомъ смоленскимъ, явившись въ московскій станъ, просилъ государя принять подъ свою руку отчину свою съ тихостью. Богато жаловалъ шубами, бархатомъ и серебряными ковшами смольнянъ великій князь. Но, когда послѣ пораженія русскихъ подъ Оршей княземъ Константиномъ Острожскимъ, въ окруженномъ поляками Смоленскѣ открылись измѣнническія сношенія съ врагами, воевода московскій князь Василій Шуйскій повѣсилъ измѣнниковъ на зубцахъ стѣнъ въ государевыхъ шубахъ и съ пожалованными ковшами на шеяхъ. Въ память завоеванія Смоленска Василій III построилъ въ Москвѣ Новодѣвичій монастырь. Императоръ германскій Максимиліанъ перестал поддерживать Василія III противъ Польши: ибо въ Австріи рѣшили, что не хорошо будетъ, если польскій король унизится, а московскій государь возвысится. Василій Іоанновичъ въ отношеніи къ западно-русскимъ землямъ держался того правила, которое провозгласилъ его отецъ: «не то одна наша вотчина, кои городы и волости нынѣ за нами, а вся Русская земля изъ старины, отъ нашихъ предковъ пошла».

Отношенія къ татарамъ велись въ духѣ Іоанна III. Казань то находилась въ зависимости отъ Москвы, то подпадала подъ вліяніе крымскаго хана, который былъ въ союзѣ съ Польшей и даже однажды напалъ врасплохъ на Москву, такъ что Василій III долженъ былъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, уйти на

сѣверъ—собирать рати, а бояре дали грамоту крымскому хану Магметъ-Гирею платить ежегодную дань. Но когда ханъ требовалъ отъ рязанскаго воеводы Хабара-Симскаго сдачи и ссылался на эту грамоту, то воевода попросилъ себѣ ее для удостовѣренія. Получивъ ее, онъ приказалъ стрѣлять въ татаръ изъ пушекъ, и они, не получивъ грамоты, ушли назадъ въ Крымъ. За это государь пожаловалъ Хабара въ бояре и объ его дѣяніи повелѣлъ записать въ государственную лѣтопись.

Сынъ царевны Софіи Палеологъ Василій III былъ не только послѣднимъ собирателемъ удѣловъ Сѣверо-восточной Руси (вѣче-

Смоленскъ и его стѣны и храмы.

вого Пскова, Рязани и Новгорода-Сѣверскаго) и борцомъ за единство Россіи,—возсоединеніе Западно-русскихъ княжествъ (Смоленска и другихъ), но и, будучи единодержцемъ, во всемъ,—и въ отношеніяхъ къ боярамъ, духовенству и въ самой придворной обстановкѣ,—являлся болѣе царемъ, чѣмъ его отецъ. Его чаще называютъ царемъ другіе, и онъ самъ именуетъ себя Самодержцемъ. Царское титло его уже выбивается на монетахъ рядомъ съ наименованіемъ господаря всея Руси. Иностранные послы удивляются величію и власти Русскаго государя и силѣ Россіи. Соотвѣтственно этому растетъ у насъ чувство собственнаго достоинства, и развивается сознаніе того, что нашему отечеству предлежитъ указанное выше важное всемірно-историческое призваніе. Русскіе люди съ

особымъ сочувствіемъ читали въ это время въ повѣсти о взятіи Цареграда: «свершится пророчество, свершатся предзнаменованія: Русскій родъ, предызбранный отъ Бога, возьметъ седмихолмный Цареградъ и воцарится въ немъ». «Солнце евангельское»,—пишетъ Іосифъ Волоцкой въ своемъ «Просвѣтителѣ»,—«освѣщаетъ нашу землю, громъ апостольскій оглашаетъ насъ. Устроились божественныя церкви, составились честные монастыри, святители и преподобные чудотворцы наши взлетѣли, какъ бы на золотыхъ крыльяхъ, на небеса». Власть государя Божіей милостью въ глазахъ народа все болѣе получаетъ священное значеніе, и русскіе люди говорятъ уже: «такъ угодно Богу и Государю». Когда нѣмецъ-посолъ императора Священной Римской имперіи Герберштейнъ, не понимавшій духа нашего народа и смотрѣвшій на Россію западными глазами, позволилъ себѣ высказать одному старику, служилому человѣку, что его усердіе къ службѣ государевой — раболѣпно, этотъ москвичъ обидчиво сказалъ: «нѣтъ, господинъ баронъ, не по-вашему мы служимъ своимъ государямъ».

При Василіи III были, конечно, недовольные его мощною и грозною властью, недовольны были и нѣкоторые бояре, роптавшіе, что государь не спрашиваетъ совѣтовъ думы боярской и не терпитъ противорѣчій себѣ. Бояре приписывали это греческому вліянію царевны Софіи, противъ которой возстановляли еще отца государева Іоанна III. Но съ этимъ вліяніемъ соединялся внутренній самобытный ростъ власти Государя всея Руси, и не на сторонѣ недовольныхъ были русскій народъ и его исторія.

Идея святой и царской Руси продолжала воплощаться въ самой внѣшности Москвы, окончательно преобразовывая ее изъ княжескаго стольнаго города въ царствующій православный градъ всея Россіи и всего православнаго Востока.

Покойный государь императоръ Александръ Александровичъ, смотря на Москву съ высоты Кремля, сказалъ, что наша первопрестольная столица—это храмъ всея Руси, а Кремль—алтарь этого храма. Но такое обращеніе срединнаго града нашего въ величавый домъ Божій совершилось не вдругъ, а вѣками. И храмовая исторія правленія Василія Ивановича много способствовала дальнѣйшему умноженію въ ней числа церквей, дошедшаго впослѣдствіи до сорока сороковъ и сдѣлавшаго ее столицей восточнаго православія.

При Василіи III кипѣла работа въ кремлевскихъ соборахъ, и строились храмы внѣ Кремля. Въ годъ своей смерти Іоаннъ III, посѣтивъ усыпальницу своихъ предковъ—Архангельскій соборъ, нашелъ его слишкомъ тѣснымъ и приказалъ разобрать его до основанія, какъ вы знаете, и заложилъ новый, болѣе обширный соборъ. Два года строилъ его Алевизъ Фрязинъ. Въ 1507 году онъ былъ оконченъ и расписанъ русскими живописцами. Освященіе происходило 8 мая 1509 года. Священнодѣйствіе совершалъ митрополитъ Даніилъ въ присутствіи великаго князя, его семьи и двора. Не съ этого ли правленія начали ставить въ

Василій III. По В. В. Верещагину.

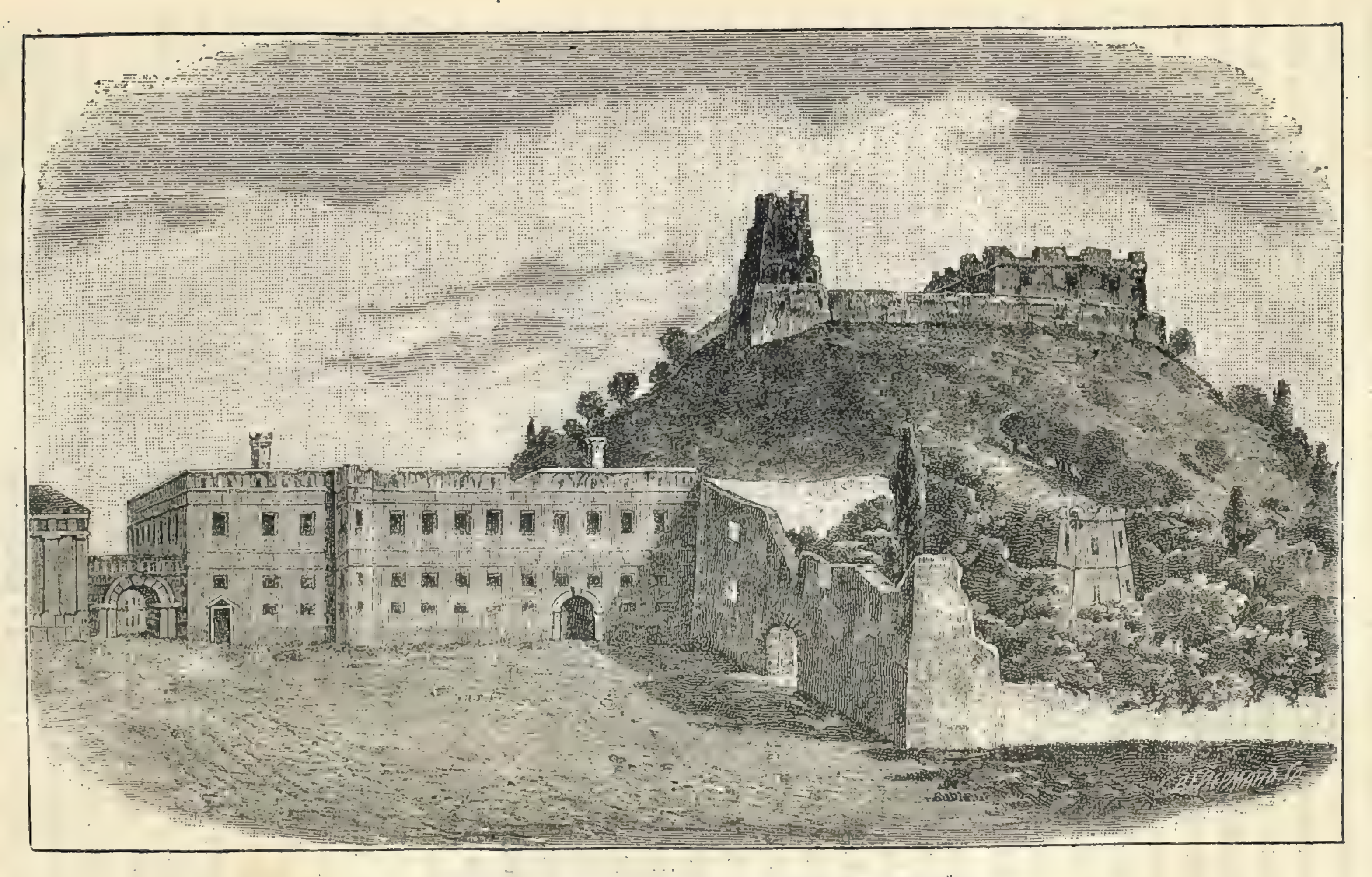
Архангельскомъ соборѣ портретныя изображенія похороненныхъ здѣсь государей? Между ними впослѣдствіи былъ поставленъ и портретъ самого Василія III въ иноческомъ одѣяніи, которое онъ принялъ предъ смертью, подъ именемъ Варлаама. Въ большомъ Успенскомъ соборѣ происходило, какъ говорятъ лѣтописи, «великолѣпное украшеніе» стѣнною живописью, оконченное въ 1514 году; и первопрестольный соборъ Россіи принялъ тотъ видъ, который онъ, при всѣхъ перестройкахъ, сохраняетъ и донынѣ.

Тогдашнее «величество» Успенскаго собора соотвѣтствовало его новому значенію. Онъ уже былъ въ то время не только церковной каѳедрой и усыпальницей первосвятителей всея Руси,

но и храмомъ «посажденія на престолъ и вѣнчанія государей» и вмѣстѣ символомъ единства Россіи, единодержавства Москвы и церковною лѣтописью ея политической исторіи. Въ знакъ того, что сюда, въ Московскій Кремль, тянули всѣ области Руси, наши государи, по мѣрѣ присоединенія къ обще-русскому средоточію удѣльныхъ княжествъ, переносили изъ нихъ главныя святыни и помѣщали ихъ въ соборѣ всея Руси, въ храмѣ Пречистыя. Тутъ собраны были наиболѣе чтимыя иконы удѣльныхъ княжествъ—Владиміра-Залѣсскаго, Новгорода Великаго, Пскова, Смоленска и другихъ. Каждый государь, жертвуя сюда икону, изображавшую его ангела, какъ бы записывалъ свое правленіе на эту церковную скрижаль нашей исторической жизни. Каждое важное событіе увѣковѣчилось здѣсь или новою иконою, или церковными сосудами, или евангеліемъ, или хоругвію, или дорогимъ облаченіемъ для священнослужителей.

Митрополитъ Филаретъ говоритъ: «глубокая была мысль соединить въ одномъ святилищѣ мѣстную святыню удѣльныхъ княжествъ: жители ихъ, разставаясь со своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, а родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался иконостасъ Успенскаго собора!» Что этотъ первопрестольный храмъ всея Руси служитъ залогомъ ея единодержавія,—свидѣтельствовалъ и слѣдующій обычай, существовавшій у насъ до Петра I. Вечеромъ, часовъ въ 8 или 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы перекликались между собою. Близъ Успенскаго собора часовой начиналъ громко и протяжно, нараспѣвъ, возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ». Другой продолжалъ: «Св. Московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ». Послѣ молитвенныхъ возгласовъ, другіе часовые перекликаются слѣдующимъ характернымъ образомъ: «Славенъ городъ Москва»; другой отвѣчалъ: «Славенъ городъ Кіевъ»; третій—Владиміръ и т. д., пока не будутъ перечтены важнѣйшіе города Московскаго государства.

Не обойденъ былъ державнымъ храмоздателемъ и благоукрасителемъ и придворный Благовѣщенскій соборъ, вновь перестроенный въ это время. «Василій Ивановичъ, по словамъ лѣтописца, повелѣлъ подписать Благовѣщеніе на своемъ дворѣ зла-

Развалины дворца Литовскихъ князей въ Вильнѣ.

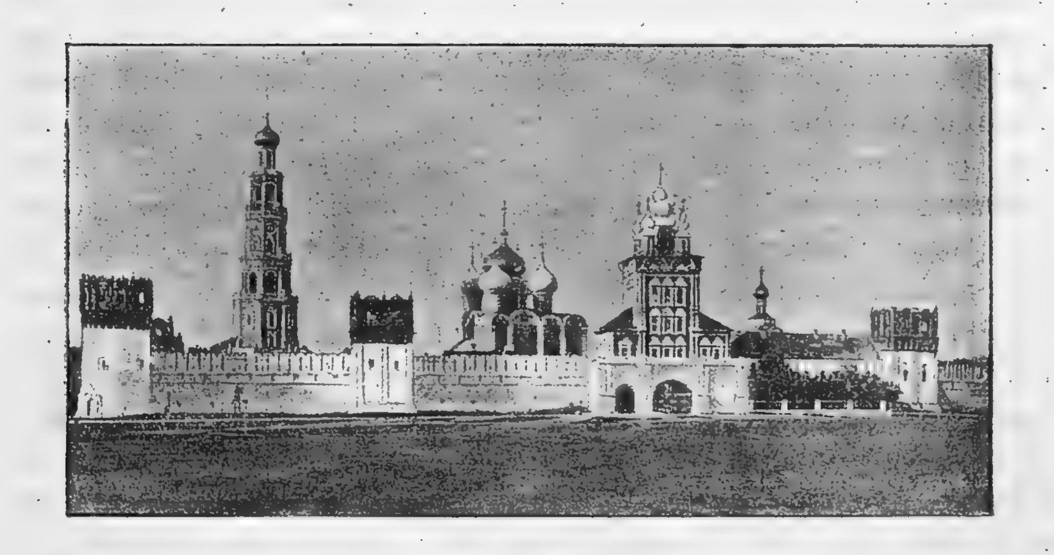
томъ, иконы всѣ велѣлъ обложить серебромъ и золотомъ, верхъ церковный позлатити». Повелѣніе государево было исполнено русскимъ мастеромъ Ѳедоромъ Еникѣевымъ съ братіей. Примѣчательно, что здѣсь на паперти вмѣстѣ со святыми были изображенны древне-греческіе мудрецы: Аристотель, Зенонъ, Плутархъ, Ѳукидидъ, Менандръ и другіе. Мастеръ Бонъ Фрязинъ окончилъ церковь Іоанна «подъ колоколы», а мастеръ Николай слилъ колоколъ «большой благовѣстникъ» въ тысячу пудовъ; повѣшенъ онъ былъ на особой «деревянной колокольницѣ».

И внѣ Кремля храмоздательство государя оставило не мало памятниковъ. Самолично завоевавъ Смоленскъ у поляковъ, Василій III, въ память возвращенія этого «ожерелья Россіи», воздвигъ, какъ уже упомянуто, на берегу Москвы-рѣки, въ виду Воробьевыхъ горъ, Новодѣвичій монастырь въ 1525 году. Василій III перестроилъ Петровскій монастырь въ Высоцкой слободѣ. Лѣтопись говоритъ, что «повелѣ заложити и дѣлати церкви каменныя и кирпичныя на Москвѣ, на большомъ посадѣ за торгомъ (внѣ-Китая-города)».

Великій князь достроилъ заложенный при Іоаннѣ III дворецъ, украсилъ его и поселился въ немъ 7 мая 1508 года. По объясненію И. Е. Забѣлина, между Грановитой палатой и Благовѣщенскимъ соборомъ находилась средняя палата, къ коей примыкало Красное крыльцо. Далѣе шла столовая палата съ особой лѣстницей на Спасовъ дворъ. Постельныя или жилыя хоромы и княгинина половина примыкали къ церкви Рождества Богородицы и были на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь теремной дворецъ. Ровъ, шедшій вокругъ кремлевскихъ стѣнъ, государь приказалъ Алевизу Фрязину обложить камнемъ и кирпичомъ и выкопать при впаденіи Неглинной въ Москву-рѣку, за Боровицкими воротами, прудъ, названный Лебединымъ, потому что на немъ плавали лебеди. Здѣсь была построена каменная мельница, и вода изъ пруда проводилась во рвы вокругъ стѣнъ. У каждыхъ воротъ перекинуты были мосты, носившіе имена соотвѣтствующихъ башенъ. Вообще Кремль, со всѣхъ сторонъ опоясанный водой, въ то время выглядѣлъ красивѣе, чѣмъ теперь.

Съ этого княженія начинается особое почитаніе Фроловскихъ, или Спасскихъ, воротъ. Это было въ нашествіе на Москву татаръ въ 1521 году. По свидѣтельству стольника Лызлова, занесенному въ Минею, слѣпая инокиня Вознесенскаго монастыря

имѣла во время этого нашествія видѣніе: при колокольномъ звонѣ изъ Кремля чрезъ Фроловскія ворота вышли почивающіе въ соборахъ святители, неся икону Владимірской Божіей Матери. Навстрѣчу имъ (изъ Китай-города) вышли Сергій Радонежскій и Варлаамъ Хутынскій и спросили святителей, куда они идутъ? Тѣ отвѣтили, что Господь повелѣлъ имъ уйти изъ града сего, потому что люди презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ вознерадѣли, за это Онъ предастъ Русскую землю иноплеменникамъ. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощеніи грѣшныхъ москвичей. Святители вняли ихъ просьбѣ, вознесли вмѣстѣ съ ними молитвы Всевышнему и потомъ

Новодѣвичій монастырь.

воротились назадъ въ Кремль въ свои гробницы. Въ предвратной иконѣ Фроловскихъ воротъ изображены святые въ молитвенномъ положеніи у ногъ Спасителя. Съ этого времени, какъ полагаютъ, и начинается то почитаніе Спасскихъ воротъ, въ силу коего всѣ проходящіе чрезъ нихъ обязаны снимать свои шапки. Но это могло условливаться еще и тѣмъ, что Фроловскія ворота вообще были святыми, какъ ведшія къ главнымъ соборамъ и къ государеву дворцу.

Василій III мыслилъ ставить градъ (крѣпостныя стѣны) вокругъ большого посада (впослѣдствіи Китай-города), но не успѣлъ осуществить этого. Москва въ это время росла въ своемъ объемѣ и числѣ жителей. Послѣ уничтоженія вѣча въ Псковѣ, от-

туда было переселено въ Москву 300 семействъ, кои были водворены на Варваркѣ близъ церкви Георгія Великомученика, и эта мѣстность стала называться Псковской горой. По современнымъ свидѣтельствамъ, всѣхъ дворовъ въ Москвѣ было 41,500, а жителей болѣе 100 тысячъ. Улицы при Василіи III на ночь запирались рогатками. Выходить на улицу дозволялось только по крайней необходимости и то съ фонаремъ.

Москва въ это правленіе продолжала развиваться и въ другихъ различныхъ отношеніяхъ: и въ сферѣ техники, и въ сферѣ образованія, и въ самомъ быту своемъ. Особенно процвѣтала живопись, находившаяся въ рукахъ чисто-русскихъ мастеровъ: тогда какъ зодчествомъ владѣли иностранцы. Объ успѣхахъ живописнаго искусства въ Москвѣ свидѣтельствуетъ недавно очищенная отъ позднѣйшихъ наслоеній примѣчательная стѣнопись Благовѣщенскаго собора. Въ это время впервые упоминается производившаяся въ Москвѣ реставрація или возстановленіе древнѣйшихъ иконъ, коей занимался митрополитъ Варлаамъ, самъ не чуждый иконописанія. Такъ въ Успенскомъ соборѣ реставрированъ былъ знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери, писанный евангелистомъ Лукою, и на него, по повелѣнію великаго князя, сдѣланъ былъ новый кіотъ, украшенный московскими золотыхъ дѣлъ мастерами. Даже древнія, но обветшавшія иконы Владиміра-Залѣсскаго поновлялись въ Москвѣ, при чемъ названный митрополитъ принималъ въ этомъ участіе собственноручною работою. Какъ мы сказали, въ это время архитектура находилась въ рукахъ иностранцевъ, но они, какъ и раньше, должны были строить въ русскомъ и византійскомъ стиляхъ, а совсѣмъ не въ западныхъ. Чеканка монеты, какъ и серебряное дѣло, велась попрежнему; но съ порохомъ вышла бѣда: на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ, гдѣ приготовляли зелье (порохъ), въ 1531 году произошелъ взрывъ и пожаръ, отъ чего погибло 200 рабочихъ.

Образованность въ Москвѣ развивалась въ прежнемъ церковномъ направленіи. Въ это время продолжали писать Іосифъ Волоцкой, Вассіанъ Патрикѣевъ и попрежнему велись лѣтописи. Искусство письма и украшенія его орнаментами и миніатюрами дѣлало новые успѣхи. Но въ это время не мало появляется русскихъ, особенно служившихъ въ посольскомъ приказѣ, знающихъ латинскій и другіе иностранные языки. Кромѣ того, въ

Москву вызывается ученый аѳонскій инокъ Максимъ-грекъ, учившійся въ Италіи и Франціи и стоявшій на высотѣ образованія эпохи возрожденія наукъ и искусствъ. Онъ писалъ противъ жидовствующихъ, противъ папизма или собственно противъ нѣмчина Николая, который былъ придворнымъ врачомъ и дѣлалъ попытки латинской пропаганды, противъ ереси лютеровой и армянскаго зловѣрья и проч.

Успѣхи въ культурѣ Москвы замѣтны и въ развитіи ея торговли. Иностранцы вывозили отсюда дорогіе мѣха, кожи, воскъ, лѣсъ и другіе продукты. Количество денегъ въ Москвѣ увеличилось.

Нѣмецкій посолъ въ жалованной государемъ шубѣ.

чилось. Московскіе купцы въ это время стали ѣздить вмѣсто Казанской ярмарки на Макарьевскую, возникшую, по распоряженію Василія III, въ Нижегородской области, близъ монастыря св. Макарія.

Самый бытъ московскій совершенствовался, въ особенности въ придворной жизни. Въ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напр., при выходахъ въ соборы, при пріемахъ пословъ, государь являлся во всемъ блескѣ царской обстановки, окруженный большой свитой. Около него находились рынды, красивые моло-

дые бояре въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, опушенныхъ дорогимъ соболемъ.

Иностраннымъ посламъ внушали уваженіе къ величію Государя и Россіи. Какъ видно изъ описанія Москвы германскаго посла барона Герберштейна, наши служилые люди не хотѣли прежде него снять шапку или сойти съ коня, чтобы не сдѣлать и этимъ порухи для чести государевой. На тѣ улицы, по коимъ проѣзжалъ посолъ, а особенно въ Кремль, скликался народъ, чтобы иностранецъ могъ видѣть, какъ многолюдна наша столица. Посла окружали приставники такъ, чтобы онъ самъ ничего не могъ вызвать и высмотрѣть.

Пріемы пословъ въ Грановитой палатѣ происходили при самой внушительной и роскошной обстановкѣ. Послѣ одного такого пріема германское посольство получило приглашеніе къ обѣду. Когда иностранцевъ ввели въ обѣденную залу, государь и бояре въ богатыхъ золотыхъ одѣяніяхъ уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находилась горка, обремененная золотыми и серебряными чашами и кубками искусной работы. Великій князь сидѣлъ за особымъ столомъ; ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другіе придворные по степени своей знатности и милости государевой. Предъ началомъ обѣда государь, если хотѣлъ кому оказать почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще почетнѣй была посылка отъ него соли. Посылались также блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было вставать и кланяться государю и на всѣ стороны. Первымъ блюдомъ подавались жареные лебеди и журавли; приправою служили сметана, моченыя груши и соленые огурцы. Вначалѣ подавали водку, а потомъ мальвазію, другія греческія вина и русскіе меды. Слуги, разносившіе кушанья и напитки, были одѣты въ изящные терлики, украшенные жемчугомъ и дорогими каменьями, чего не бывало въ прежнія княженія. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Таково было русское хлѣбосольство въ Москвѣ.

Василій III много заботился и о войскѣ. При немъ оно простиралось до 150,000. Каждые два года производилась перепись ратныхъ людей. Онъ первый завелъ у себя конную артиллерію. Отъ его времени осталось въ Кремлѣ нѣсколько конныхъ пушекъ, вылитыхъ итальянскими мастерами.

Великій князь любилъ тѣшиться охотою на мокрую или

водяную и верховую птицу съ соколами и кречетами, и псовую—на зайцевъ и другую дичь. Нѣмецкіе послы были приглашены на заячью охоту, которая происходила близъ Москвы на одной, покрытой кустарникомъ, заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Сюда, кромѣ того, приносили еще зайцевъ и во время охоты выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Великій князь сидѣлъ на богато убранномъ аргамакѣ; голова его была покрыта шапкой съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки наподобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ

Василій III, съ древней гравюры.

висѣли кинжалъ и два ножа, а сзади изукрашенная золотомъ палица, въ родѣ кистеня. Справа ѣхалъ бывшій казанскій царь Шигъ-Алей съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а сбоку два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру съ рукоятью изъ слоновой кости, а другой — булаву или шестоперъ. Всадниковъ было до трехъ сотъ. Сперва спустилъ свою собаку Шигъ-Алей, а затѣмъ и другіе охотники и межъ нихъ великій князь. Зайцевъ было затравлено до 300. По окончаніи охоты всѣ отправились въ шатры, раскинутые около какой-то деревянной башни. Князь угощалъ охотниковъ вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сластями и напитками...

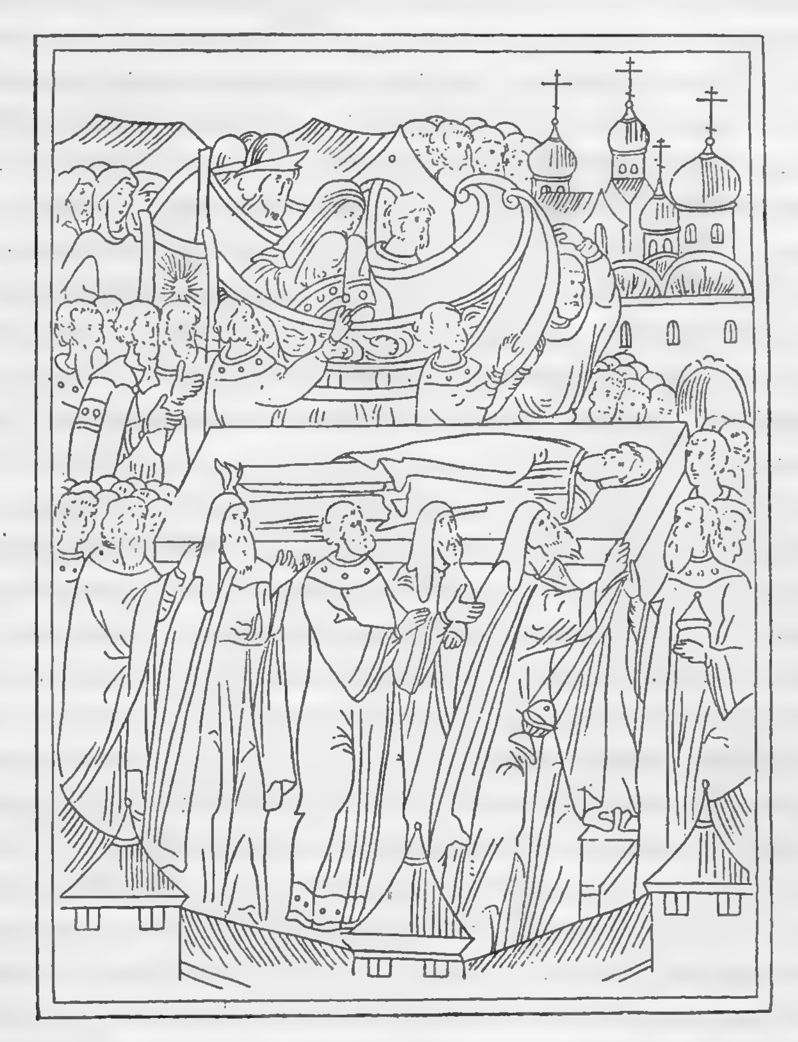
Семейная жизнь Василія III сложилась несчастливо и не

чужда была трагическихъ подробностей. Супруга его Соломонія, изъ рода Сабуровыхъ, въ двадцатилѣтнее свое замужество, была безчадна. Великій князь печалился объ этомъ, въ сознаніи государственной важности прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну и по естественному желанію имѣть дѣтей. Соломонія въ ноябрѣ 1525 года была силою приведена въ нашъ Рождественскій монастырь; самъ митрополитъ обрѣзалъ ей волосы; надѣли на нее монашескую мантію и нарекли ей имя Софіи, а потомъ она была отправлена въ Суздальскій Покровскій женскій монастырь.

Въ «свадебницы» (такъ называлось время отъ святокъ до масляницы), въ январѣ 1526 года, государь женился на племянницѣ извѣстнаго литовско-русскаго выходца Михаила Глинскаго Еленѣ. Свадьба была справлена съ особою пышностью и со всѣми древне-русскими обрядами. Вѣнчалъ самъ митрополитъ. Согласно народнымъ обычаямъ, тутъ былъ тысяцкій (братъ государевъ князь Андрей), были дружки, свахи, опахиваніе жениха и невѣсты соболями, осыпаніе хмелемъ изъ золотой мисы, иконы съ тафтяными убрусами, которые по концамъ «были сажены жемчугомъ», бархатные и атласные платки, ширинка, камки подножныя, золотыя и серебряныя деньги, калачи, перепечи и сыры, караваи и свѣчи, поставленныя въ кади съ пшеницей, кормленіе молодыхъ жаренымъ пѣтухомъ и кашей; конюшій государевъ — князь Ѳедоръ Васильевичъ Телепневъ всю ночь разъѣзжалъ съ обнаженнымъ мечомъ вокругъ подклѣти или спальни. Роли дружковъ съ обѣихъ сторонъ исполняли знатнѣйшіе бояре, а обязанности свахъ—знатныя боярыни.

Василій III выказывалъ большую любовь къ своей молодой супругѣ, вѣроятно, кромѣ миловидности, владѣвшей болѣе утонченными манерами, чѣмъ московскія женщины того времени. Желая нравиться ей, великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою бороду вопреки господствовавшему у насъ обычаю. Но, къ огорченію Василія, первые годы его и втораго супружества оставались бездѣтны; великій князь съ супругою началъ усердно ѣздить по монастырямъ, раздавалъ щедрую милостыню и молилъ Бога о чадородіи. Въ 1529 году государь построилъ церковь въ селѣ Дьяковѣ, близъ Коломенскаго, гдѣ молился о дарованіи ему сына. Одинъ изъ придѣловъ этого примѣчательнаго, по своему самобытно-русскому стилю, храма посвященъ зачатію св. Анны, а другой — зачатію Іоанна Пред-

течи. Говорятъ, будто юродивый Дементій предсказалъ беременной Еленѣ, что отъ нея «родится Титъ — широкій умъ». Ростовская лѣтопись говоритъ, что въ ту минуту, когда, 25 августа 1530 года, родился Іоаннъ, воздухъ былъ потрясенъ неслыханными ударами грома, слѣдовавшими одинъ за другимъ, при ослѣпительной молніи. Обрадованный рожденіемъ отецъ

Погребеніе Василія III. По Царственной книгѣ.

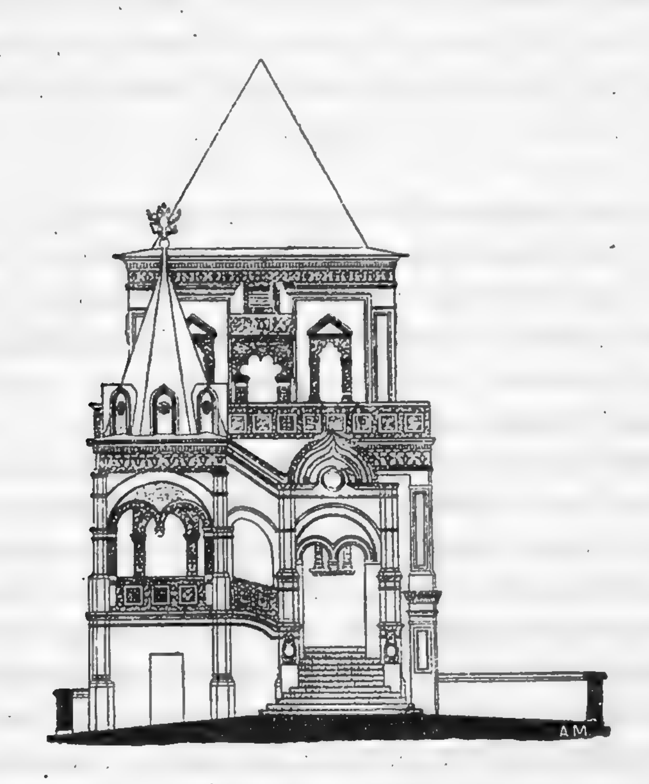
повезъ младенца въ Троицкую лавру, и тамъ окрестили его у гроба св. Сергія; воспріемниками отъ купели были два извѣстныхъ подвижника: столѣтній старецъ Касьянъ Босой и игуменъ Даніилъ Переяславскій. Новорожденный былъ положенъ въ раку Преподобнаго. По этому случаю для мощей святителей Петра и Алексія были отчеканены новыя великолѣпныя раки — для перваго золотая, для второго — серебряная.

Любопытны въ бытовомъ отношеніи подробности сказанія о кончинѣ государя. Ихъ интересъ возвышается современными иллюстраціями, которыя находимъ въ лицевой «Царственной книгѣ». Лѣтомъ великій князь, проводившій время въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы: Коломенское, Воробьево, Воронцово, Островъ, Озерецкое, часто ѣздилъ на богомолье по монастырямъ и на охоту псовую или соколиную. Въ сентябрѣ 1533 года великій князь, побывавъ у Троицы, поѣхалъ со своей семьей въ Волоколамскъ, чтобы тамъ «тѣшиться осеннею охотой». На дорогѣ на лѣвомъ стегнѣ у государя появился небольшой, но злокачественный нарывъ. Несмотря на это, послѣ Покрова великій князь былъ въ Волоколамскѣ на пиру у своего любимца Шигоны Поджогина и, не утерпѣвъ, поѣхалъ съ собаками и ловчими въ поле. Но съ охоты его принесли дѣти боярскія на носилкахъ въ Волоколамскъ. Вызванные изъ Москвы придворные врачи: нѣмецъ Николай Булевъ и Ѳеофилъ прикладывали къ нарыву пшеничную муку съ медомъ и лукомъ и какую-то мазь, отъ которой пошелъ гной. Больному становилось хуже, и онъ дѣлалъ предсмертныя распоряженія. Дьякъ Меньшой Путятинъ со стряпчимъ Мансуровымъ привезли прежнюю духовную государя, которая, по его распоряженію, была сожжена. Все это было сдѣлано тайкомъ отъ братьевъ государевыхъ и бояръ. Начали составлять новую духовную. Посовѣтовавшись со своими любимцами, Василій III призвалъ въ послухи, или свидѣтели, находившихся при немъ князей: Бѣльскаго, Шуйскаго, Глинскаго, Кубенскаго и Шигону; изъ Москвы вызвали еще Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина. Государь хотѣлъ умереть въ Москвѣ, но заѣхалъ въ Іосифовъ монастырь, гдѣ, лежа на одрѣ, слушалъ литургію; подлѣ него стояла великая княгиня съ дѣтьми, проливая слезы. Въ Москву везли больного уже недвижимаго въ каптанѣ или возкѣ, и въ немъ переворачивали его князья Палецкой и Шкурлятевъ. Въ селѣ Воробьевѣ, куда явились митрополитъ и бояре, была двухдневная остановка. Противъ Новодѣвичьяго монастыря навели чрезъ рѣку мостъ. Но четверка лошадей, везшая возокъ, провалилась; дѣти боярскія подхватили возокъ и обрѣзали гужи у оглобель. Государь покручинился на городничихъ (Волынскаго и Хохрикова), переправился подъ Дорогомиловымъ на поромѣ и въѣхалъ въ Кремль рано утромъ, чтобы не оглашалось его

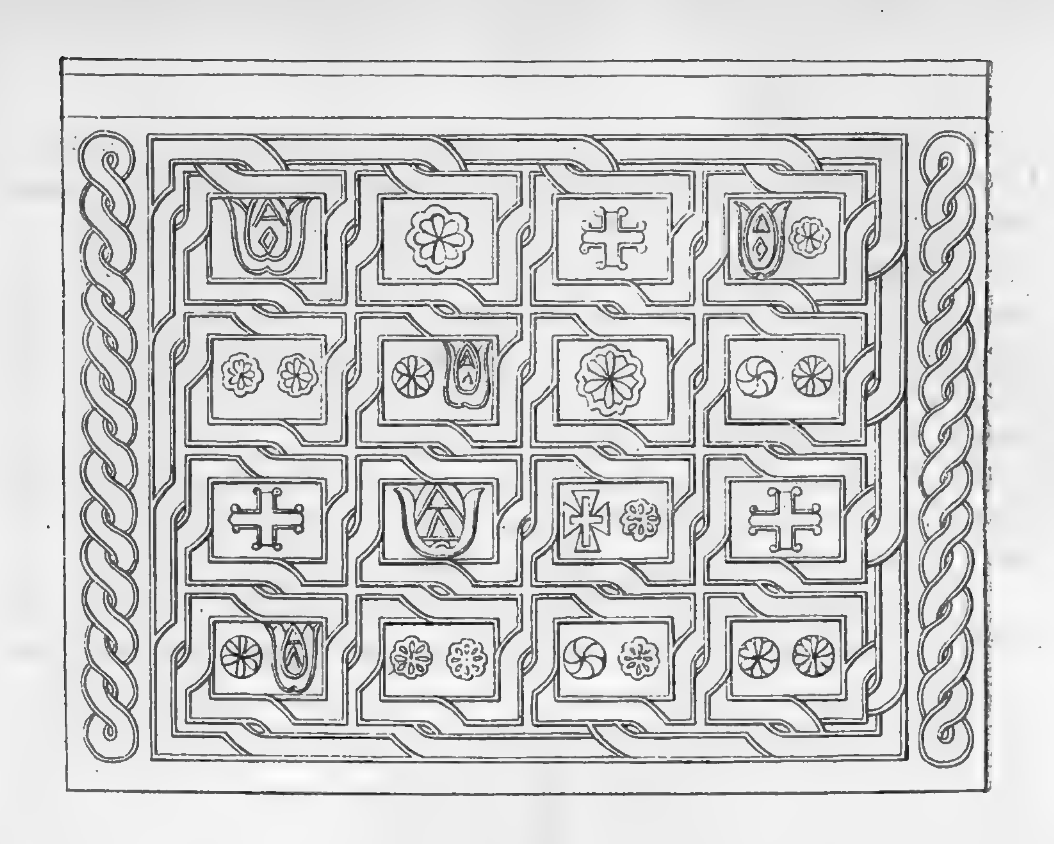
безнадежное состояніе. Окончивъ духовное завѣщаніе, государь, открывъ митрополиту и своему духовнику о желаніи постричься въ монахи и посхимиться, обратился со слѣдующими словами къ боярамъ: «вѣдаете сами, отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго ведется наше государство Владимірское, Новгородское и Московское. И вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ; была бы въ землѣ правда, и въ васъ бы розни не было никоторыя. Да приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго, онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій, но вы не называйте его пріѣзжимъ, а держите за здѣшняго урожденца, зане онъ мнѣ прямой слуга; и были бы вы всѣ сообща, земское дѣло и дѣла сына моего зѣло берегли и дѣлали за одинъ. А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына князя Ивана, за мою великую княгиню Елену и за моего сына князя Юрія кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

3-го декабря умиравшій государь вторично причастился святыхъ Таинъ и назначилъ правительницей государства Елену. Лѣтописецъ изображаетъ трогательное прощаніе государя съ трехлѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, а она вопила и билась. Ивана онъ благословилъ крестомъ Петра чудотворца, коимъ благословленъ былъ Іоаннъ Калита. Отпуская сына, государь сказалъ его нянѣ, боярынѣ Челядниной: «смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступи ни пяди». Затѣмъ Василій благословилъ и однолѣтняго сына Юрія. Чувствуя приближеніе смерти, великій князь приказалъ митрополиту начать постригъ и посхимленіе. Но тутъ вдругъ выступили братъ его Андрей, Михайло Воронцовъ и самъ Шигона съ возраженіями, что Владиміръ Кіевскій не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ такъ же, какъ и другіе князья. Поднялся споръ; но умирающій, лишившійся уже языка и рукъ, взоромъ просилъ пострига. Митрополитъ, совершивъ постриженіе, возложилъ на него парамонатку, ряску, мантію, наконецъ, схиму и евангеліе на грудь, нарекъ его иноческимъ именемъ Варлаама. «Царственная книга» говоритъ: «стоящи же близъ него Шигона, какъ положили евангеліе на грудѣхъ, видѣ духъ его отшедшій, аки дымецъ малъ». Дворецъ огласился рыданіями. Митрополитъ тотчасъ сталъ приводить находившихся во дворцѣ къ присягѣ,

а иноки Троицкаго и Іосифова монастыря, отославъ стряпчихъ, овладѣли тѣломъ великаго князя и стали приготовлять его къ погребенію. Настало утро 5-го декабря. Въ Архангельскомъ соборѣ готова была могила, и тѣло великаго князя, при звонѣ колоколовъ и рыданіи народа, перенесено было изъ дворца въ эту державную усыпальницу. Великую княгиню, какъ видно на приведенномъ выше рисункѣ, изображающемъ выносъ въ Архангельскій соборъ, несли на саняхъ. Погребеніе было совершено съ обычными обрядами.

Крыльцо въ теремахъ.

17.

Малолѣтство Іоанна IV и правленіе великой княгини Елены Глинской и думы боярской. — Воспитаніе Грознаго. — Начало его самостоятельнаго правленія и внутренній переворотъ. — Вѣнчаніе на царство и женитьба на Анастасіи Романовнѣ. — Сильверстъ и Адашевъ и блестящая эпоха царствованія. — Покореніе Казани и Астрахани. — Дѣла крымскія и ливонскія. — Войны съ Польшей и Швеціей.

Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 1533 года по 1538, за малолѣтствомъ государя, правленіе находилось въ рукахъ его матери, великой княгини Елены Глинской. Главное значеніе въ государствѣ въ это время имѣли князь Овчина-Телепневъ-Оболенскій и родственники правительницы. Мало достопримѣчательнаго въ государственномъ отношеніи представляетъ это время, но оно оставило свои слѣды въ исторіи Москвы, какъ города.

Памятникомъ правленія Елены была постройка крѣпостныхъ стѣнъ Китай-города. Въ виду того, что Кремль, въ случаѣ осады, не могъ уже за своими стѣнами вмѣщать сильно увеличившееся народонаселеніе, Василій III желалъ, какъ вы знаете, построить еще новую крѣпость. Осуществленіемъ этой мысли

занялась великая княгиня. Работы были начаты въ 1534 году. Сперва «сдѣланъ бысть въ Москвѣ градъ земляной по тому мѣсту, гдѣ мыслилъ ставить великій князь Василій Ивановичъ. Градъ былъ сдѣланъ на большое пространство Москвы. Хитрецы (розмыслы-инженеры) устроиша его вельми мудро, наченъ отъ каменныя большія стѣны (кремлевской), исплетаху тонкій лѣсъ (хворостъ) около большого древія и внутрь насыпаху землю и вельми крѣпко утверждаху и ведоша по рѣцѣ Москвѣ и приведоша къ той же каменной стѣнѣ и на версѣ устроиша градъ древянъ, по обычаю (т. е. помостъ съ кровлею, для защиты). Нарекоша граду имя Китай».

По мнѣнію И. Е. Забѣлина, прозваніе Китай значитъ, по всей вѣроятности, плетеничный: ибо Китай—веревка, сплетенная

Башня Китай-Городъ.

или свитая изъ травы, соломы или прутьевъ, коими вяжутъ одонья. То обстоятельство, что для постройки земляныхъ стѣнъ исплетаху тонкій лѣсъ, подтверждаетъ такое предположеніе. Но правительница не удовольствовалась этими деревянно-земляными стѣнами и повелѣла «на большее утвержденіе, градъ каменъ ставити подлѣ земляной городъ». Въ 1535 году, вдоль вырытаго рва, по совершеніи митрополитомъ Даніиломъ крестнаго хода, заложена была каменная стѣна съ башнями и воротами. Новыя стѣны охватили часть Большого посада, гдѣ производилась торговля. Приступлено было и къ постройкѣ каменныхъ лавокъ, число которыхъ къ началу XVII столѣтія уже было весьма значительно; въ нихъ производилась торговля европей-

скими и азіатскими товарами, что видно изъ названій: Фряжскихъ погребовъ, Суровскаго и Панскаго рядовъ и пр.

Немаловажныя перемѣны произвела Елена въ чеканкѣ монеты. Въ предшествующее время распространилось обрѣзываніе монеты и даже ея поддѣлка, хотя фальшивыхъ монетчиковъ жестоко казнили, заливая имъ горло растопленнымъ металломъ. Правительница велѣла отбирать всю старую испорченную монету и чеканить новую. Изъ фунта серебра или гривны теперь вычеканивалось три рубля или 300 денегъ. Три деньги составляли алтынъ, пятьдесятъ денегъ—полтину. Окончательно былъ установленъ штемпель московской монеты. На ней съ давняго времени стали господствовать всадники: то ловчій съ соколомъ въ рукѣ, то всадникъ съ копьемъ, то всадникъ-мечникъ. Въ это же время установленъ былъ, въ видѣ монетнаго штемпеля, появившійся при Василіи Темномъ конный копейщикъ. Объ этомъ лѣтописецъ говоритъ: «великій князь Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: князь великій на конѣ и имѣя копье въ руцѣ, и оттолѣ прозвашася деньги копейныя». Такимъ образомъ, установившійся съ Іоанна III, только на государственныхъ печатяхъ, гербъ сдѣлался окончательно монетнымъ штемпелемъ, пока не былъ замѣненъ двуглавымъ орломъ.

Со смерти великой княгини Елены, до 1547 года, когда Іоаннъ IV достигъ семнадцатилѣтняго возраста, шло правленіе боярской думы. Это время было печальнымъ: правители—бояре вели борьбу между собою, насильственно вырывая другъ у друга власть и низвергая митрополитовъ, а главное не радѣли о воспитаніи государя-отрока, чѣмъ приготовили себѣ грозу, хотя власть его была неприкосновенна и для дурныхъ правителей и имъ не могла придти въ голову мысль объ ея ограниченіи. Отъ первосовѣтниковъ думы боярской князей Глинскихъ власть переходила къ Шуйскимъ и Бѣльскимъ, отъ Бѣльскихъ опять къ Шуйскимъ, отъ нихъ къ Глинскимъ, и всѣ эти переходы отмѣчены въ исторіи несправедливостями и насиліями. Но если воспитатели малолѣтняго государя и правители государства не посягнули на его историческое достояніе, на его власть единодержавную и самодержавную, то все же они тяжко виновны предъ его личностью и передъ исторіей въ томъ, что небрегли объ его воспитаніи, не показывали ему въ себѣ добрыхъ примѣровъ, не думая о самомъ своемъ будущемъ, а безсознательно или попустительно только озлобляли его противъ

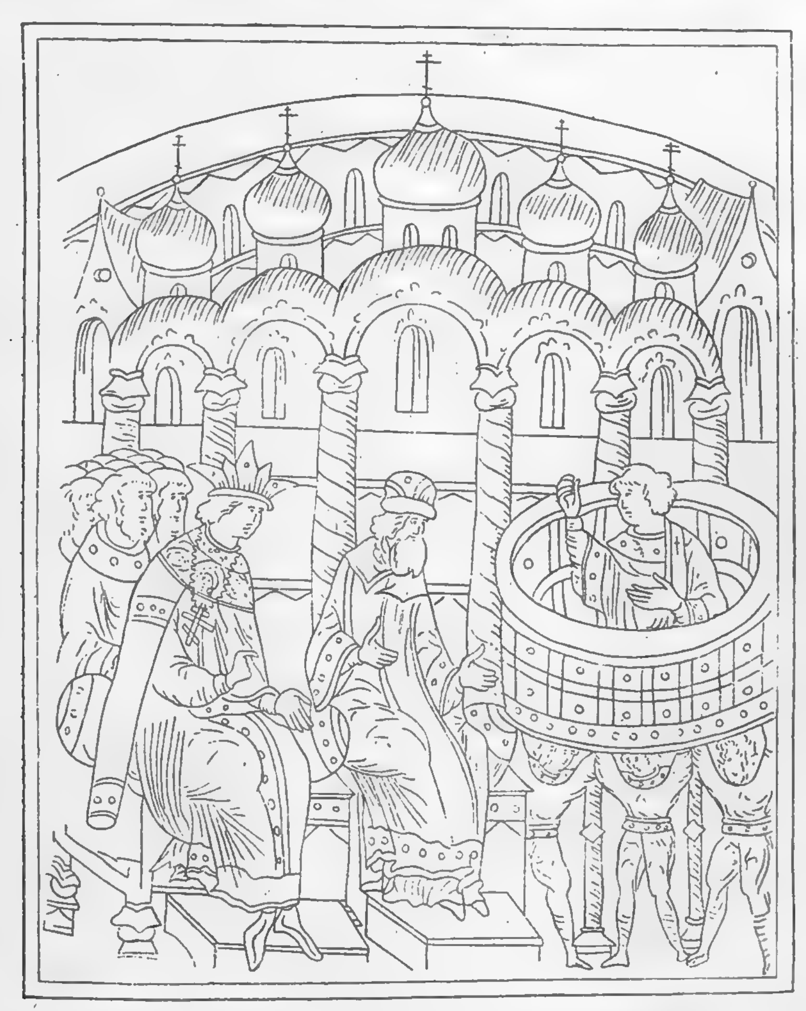
самихъ себя. Онъ самъ въ мрачную пору своей жизни вспоминалъ, какія лишенія заставляли его терпѣть въ дѣтствѣ, какъ обижали и преслѣдовали людей ему преданныхъ, какъ нѣкоторые выражали свою нелюбовь къ его покойной матери и даже не показывали подобающаго уваженія къ памяти его родителя. Можетъ быть, окружающимъ казалось, что малолѣтній Іоаннъ не пойметъ этого или не запомнитъ... Когда же онъ подросъ, они впали въ противоположную крайность; желая заслужить его милость, стали потакать дурнымъ склонностямъ, напримѣръ, не останавливали его, когда онъ бросалъ изъ своего терема животныхъ на землю, и смотрѣлъ, какъ они умирали въ мученіяхъ и т. д.

Но по волѣ Божіей въ самомъ характерѣ Іоанна IV было не мало своихъ и наслѣдственныхъ склонностей къ доброму: онъ былъ любознателенъ и любилъ читать Св. Писаніе, святоотеческія творенія и исторію, способенъ былъ увлекаться хорошими впечатлѣніями, слушать добрые совѣты благомыслящихъ людей. Однако недобрыя условія его печальнаго дѣтства давали уже себя знать: онъ былъ съ 13 лѣтъ страшно гнѣвенъ и въ гнѣвѣ не сдержанъ; такъ, недовольный первымъ совѣтникомъ думы боярской княземъ Андреемъ Шуйскимъ, онъ приказалъ затравить его собаками своимъ псарямъ.

Но, къ счастію Россіи, добрыя впечатлѣнія и добрыя вліянія поставили его на другой путь.

Въ 1547 году, когда Іоанну было 17 лѣтъ, онъ объявилъ митрополиту Макарію о намѣреніи своемъ жениться. По этому случаю былъ отслуженъ торжественный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этого молодой государь, созвавъ своихъ бояръ, сказалъ и имъ о своемъ намѣреніи, при чемъ говорилъ, что хотѣлъ было искать невѣсту въ иномъ царствѣ, но оставилъ эту мысль и хочетъ жениться въ своемъ государствѣ. При этомъ онъ объявилъ боярамъ и другое важное рѣшеніе — вѣнчаться на царство, по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ Владиміра Мономаха. Это священное коронованіе было совершено 16 января въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Макаріемъ (составителемъ Великихъ Четьихъ-Миней) по тому же чину и почти съ такими же обрядами, какъ уже извѣстное читателямъ вѣнчаніе внука Іоанна III — Димитрія. Важнымъ же отличіемъ этого священнодѣйствія было то, что теперь къ прежнему титулу великаго князя государь присоединилъ новый,

высшій прежняго, титулъ Царя. Такимъ образомъ Московское государство всея Руси стало Царствомъ. Съ коронаціи Іоанна Васильевича употребленіе царскаго титула сдѣлалось постояннымъ, и государь именовался Царемъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Русскіе люди того времени придавали важное значеніе этой перемѣнѣ. По понятіямъ книжныхъ людей, Русскій Царь является прямымъ преемникомъ православныхъ ца-

Вѣнчаніе на царство Іоанна IV. По Царственной книгѣ.

рей греческихъ, отъ которыхъ онъ происходилъ и по бабкѣ своей Софьѣ Ѳоминишнѣ, и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Равноапостольнаго князя Владиміра. Единственнымъ авторитетомъ, къ которому Іоаннъ обратился за подтвержденіемъ новаго титула или его благословеніемъ, былъ Цареградскій патріархъ. Отъ него была получена подтвердительная грамота.

Въ «Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ»

приведенъ самый чинъ этого вѣнчанія на царство съ его обрядами и молитвами. Послѣ пѣнія «трисвятаго» на государя возложенъ былъ сперва животворящій крестъ, затѣмъ бармы и вѣнецъ Мономаха. И Царь возсѣлъ затѣмъ на тронъ, поставленный на амвонѣ рядомъ со святительскимъ сѣдалищемъ.

Воспроизводимая изъ «Царственной книги» миніатюра относится къ этому и представляетъ намъ слѣдующій моментъ: «и по молитвѣ сѣлъ Царь на своемъ столѣ, а митрополитъ на своемъ, и вшедъ на амвонъ архидіаконъ, глаголя велегласно многолѣтіе Царю Ивану Васильевичу Русскому и весь освященный соборъ Русскія митрополіи». Амвонъ устроенъ здѣсь по-новгородски: «человѣчки деревянные на главахъ держатъ его».

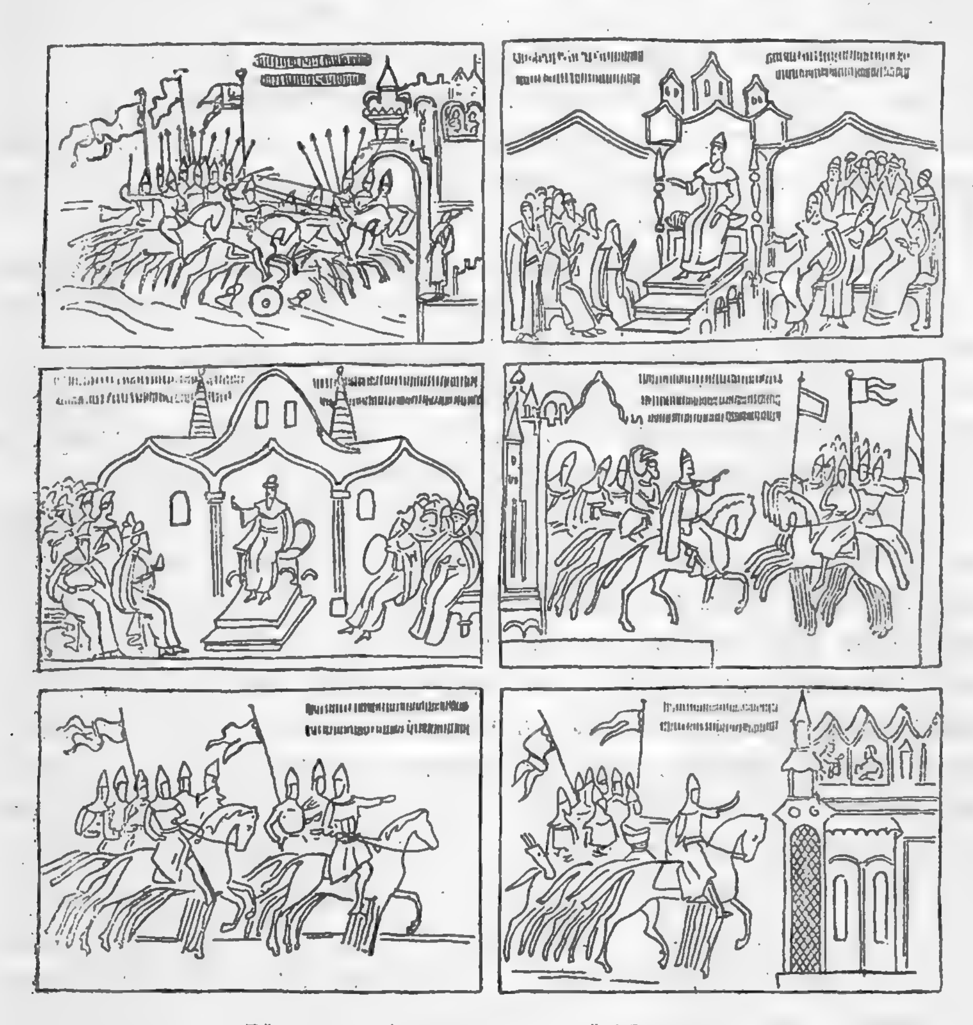

Тронъ Мономаха.

Іоаннъ IV, въ 1551 г., когда озабоченъ былъ утвержденіемъ за собою царскаго титула, соорудилъ себѣ царское мѣсто, находящееся теперь въ Успенскомъ соборѣ. Оно устроено въ видѣ шатровой сѣни, на четырехъ столбахъ, наподобіе тѣхъ сѣней, кои устраиваются надъ престолами. Сѣнь поддерживаютъ четыре символическихъ животныхъ: левъ, или скиментъ, гіенна и еще два, называвшіяся острогамами. На самомъ тронѣ сдѣланы надписи и вырѣзаны изображенія изъ жизни Владиміра Мономаха и среди нихъ касающіяся принесенія изъ Византіи царскихъ регалій.

Послѣ коронаціи были разосланы грамоты, чтобы князья, бояре и дворяне прислали своихъ дочерей-дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ; послѣдніе дѣлали наборъ: отдѣляли изъ нихъ красивыхъ и отсылали въ Москву для избранія царю невѣсты. Выборъ Іоанна Васильевича остановился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Юрьевой, происходившей отъ рода боярина временъ Симеона Гордаго — Андрея. Внукъ его Иванъ Ѳедоровичъ, ближній бояринъ Василія I, въ числѣ другихъ сыновей

имѣлъ Захарію; его сынъ Юрій, бояринъ Іоанна III, былъ родоначальникомъ линіи Захарьиныхъ-Юрьевыхъ. Изъ нихъ Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя вдову Юліанію Ѳедоровну съ сыновьями Даніиломъ и Никитою и дочерьми Анной, вышедшей за князя Сицкаго, и Анастасіей Романовной, ставшей царской невѣстой. Она воспитывалась въ домѣ дѣда, подъ ру-

Рѣзныя изображенія на тронѣ Мономаха.

ководствомъ тетки своей Ѳеодосіи Юрьевны, въ приходѣ Георгія на Дмитровкѣ, за Житной площадкой, гдѣ построена была церковь Юріемъ Захарьинымъ. Впослѣдствіи Ѳеодосія Юрьевна родительскій домъ обратила въ Георгіевскій монастырь.

Свадьба Царя и Анастасіи Романовны была совершена митрополитомъ Макаріемъ, 3 февраля, въ Успенскомъ соборѣ. При этомъ первосвятитель произнесъ рѣчь новобрачнымъ, увѣщавая ихъ прилежать церкви, творить милостыню, заступаться за

вдовъ и сиротъ, не слушаться злыхъ навѣтовъ и льстецовъ, бояръ и боярскихъ дѣтей жаловать и т. д. Кроткая Анастасія Романовна пріобрѣла благотворное вліяніе на Іоанна.

Свадьба была справлена со всѣми народными обычаями; посаженой матерью была княгиня Евфросинія Старицкая, а тысяцкимъ—ея сынъ, князь Владиміръ Андреевичъ. Родной братъ царя Юрій въ первый разъ сидѣлъ за столомъ «въ большомъ мѣстѣ», конюшій Михайло Глинскій ѣздилъ во всю ночь около подклѣти. Юрій Глинскій «слалъ постели и водилъ новобрачнаго въ мыльню». Чрезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы новобрачные отправились къ Троицѣ на богомолье, при чемъ царь, не смотря на зиму, шелъ пѣшкомъ.

Кромѣ этихъ двухъ событій: царскаго вѣнчанія и свадьбы государя, въ этомъ году пріобрѣли особое, чрезвычайное значеніе пожары. Огонь ихъ поставилъ Іоанна на путь иной, сдвинувъ съ того, который предопредѣляло для него его печальное дѣтство и который отмѣченъ казнями, во вторую половину его царствованія, послѣ смерти царицы Анастасіи Романовны.

3 іюня, въ Кремлѣ, съ деревянной звоницы упалъ большой колоколъ «Благовѣстникъ» («напрасно отпаде»), когда начали звонить въ него къ вечерни. При паденіи у этого колокола отбились уши. Всѣ встревожились этимъ, какъ недобрымъ предзнаменованіемъ. Даже Іоаннъ, жестоко расправлявшійся съ псковскими «жалобными людьми» въ Коломнѣ, получивъ это тревожное извѣстіе, бросилъ все, прискакалъ въ Москву и приказалъ какъ можно скорѣе придѣлать къ колоколу уши. Какъ близко принимали это въ то время къ сердцу, видно изъ того, что «Царственная книга» посвящаетъ особый рисунокъ этому исправленію колокола, совершенному въ присутствіи царя и царицы... Предзнаменованіе, повидимому, оправдалось. 21 іюня вспыхнулъ еще невиданный съ изначала Москвы пожаръ. Онъ пошелъ отъ Воздвиженья на Арбатѣ и сжегъ все Занеглименье. Поднявшаяся буря погнала отсюда огонь на Кремль: тамъ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, крыша царскихъ палатъ, дворъ царской казны, Благовѣщенскій соборъ съ его драгоцѣнными иконами греческаго и русскаго письма (Андрея Рублева), митрополичій дворъ и царская конюшня. Погорѣли монастыри — Чудовъ и Вознесенскій и погибли всѣ боярскіе дома въ Кремлѣ. Одна пороховая башня съ частью стѣны взлетѣла на воздухъ. Пожаръ перешелъ въ Китай-городъ. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло

живьемъ, митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыму въ Успенскомъ соборѣ, откуда онъ своими руками вынесъ образъ Богоматери, написанный святителемъ Петромъ. Владыка, въ сопровожденіи протопопа Гурія, несшаго Кормчую книгу, взошелъ на Тайницкую башню, охваченную густымъ дымомъ. Макарія стали спускать съ башни на канатѣ на Москворѣцкую набережную, но тотъ оборвался, и владыка такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя и былъ отвезенъ въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей и боярами уѣхалъ за городъ, въ село Воробьево.

Интрига смутчиковъ пустила въ народъ молву, будто Москва сгорѣла отъ Глинскихъ, родственниковъ царя. Бабка его, княгиня Анна будто разрывала могилы и изъ покойниковъ сердца вынимала, высушивъ ихъ, толкла, порошокъ сыпала въ воду, а тою водою, ѣздя по Москвѣ, улицы кропила, отъ того-де Москва и сгорѣла; вслѣдствіе этихъ толковъ вспыхнулъ народный бунтъ. Но громадный пожаръ 1547 года имѣлъ чрезвычайную важность, потому что глубоко взволновавъ Іоанна, произвелъ благодѣтельный переворотъ въ душѣ его, такъ какъ онъ увидалъ въ этомъ прямое Божіе наказаніе за нерадѣніе къ дѣламъ правленія.

Чѣмъ же выразился благотворный внутренній переворотъ въ Іоаннѣ? Тѣмъ, что онъ самъ дѣятельно принялся за государственное управленіе и приблизилъ къ себѣ въ помощь такихъ благомыслящихъ людей, какъ пожалованный въ окольничіе Алексѣй Адашевъ и протопопъ Сильвестръ, авторъ замѣчательнаго сочиненія «Домострой», въ которомъ онъ изложилъ для сына своего древне-русскія правила жизни. Можно догадываться, что и митрополитъ Макарій имѣлъ большое вліяніе на Іоанна. Молодой царь впервые на Руси созвалъ земскій соборъ, т.-е. собраніе не только думныхъ людей государя и высшее духовенство (освященный соборъ), но и выборныхъ людей отъ служилыхъ людей въ уѣздахъ и отъ посадскихъ въ городахъ. Онъ собралъ ихъ на Красной площади и здѣсь на возвышенномъ мѣстѣ (взлобье) и съ такъ называемаго Лобнаго мѣста сказалъ рѣчь, въ которой описалъ печальное время своего дѣтства и своеволіе бояръ и объявилъ, что теперь самъ принимается за дѣла правленія, «елико вмѣстно намъ, самъ буду судія и оборона», и поручилъ Алексѣю Адашеву принимать челобитныя отъ обиженныхъ. Созывъ Земскаго собора ничѣмъ не уменьшилъ и не стѣснилъ Самодержавіе перваго Царя. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1550 году, былъ изданъ новый судебникъ, болѣе под-

робный, чѣмъ—его дѣда Іоанна III; послѣдовали также преобразованія въ областномъ управленіи, къ коему привлекаются выборные люди—для суда уголовнаго губные старосты изъ дворянъ, для сбора податей земскіе старосты, излюбленныя головы, крестоцѣловальники. Но такое мѣстное самоуправленіе не противопоставляло себя центральному управленію, а являлось его продолженіемъ только выборнымъ, а не приказно назначаемымъ. Для

Первое оубо слово сътворихъ о всѣхъ, зл
о Ѳеофиле. о нихже нача Іс тво- а
рити же и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра възнесеся. к нимже
и постави себе жива по страда-
нии своемъ. въ мнозѣхъ истинныхъ знаме-
нихъ. дньми четыри десятьми являя-
ся имъ и гля яже о црствии бжии. с ни-
миже и ядый, повелѣваше имъ от Иерусали-
ма не отлучатися. но ждати обѣтованіе
отче, еже слышасте от мене. яко Іоаннъ
оубо крстилъ есть водою. вы же имате кре-
ститися дхомъ стымъ.

Первопечатный Апостолъ 1564 года.

исправленія церковныхъ нестроеній созывается духовный соборъ, который на вопросы царя о разныхъ улучшеніяхъ въ дѣлахъ церкви составляетъ сто главъ своихъ постановленій (отсюда «стоглавый соборъ»). Между прочимъ, въ это время рѣшено было продолжить начатое еще прежде исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, а ради охраненія ихъ отъ порчи переписчиками Царь рѣшилъ ввести въ Москвѣ изобрѣтенное на западѣ книгопечатаніе, что и было исполнено позднѣе.

Съ 1547 года началась одна изъ блестящихъ страницъ Русской Исторіи, на которой записаны важныя начинанія Россіи въ восточномъ и западномъ вопросахъ. Утвердившаяся въ восточной Европѣ Золотая орда,—этотъ змѣй Горынычъ нашей исторіи, распалась уже на три части, отрастившія себѣ головы въ видѣ ханствъ—казанскаго, астраханскаго и крымскаго.

Большая царская печать Іоанна IV.

Они мѣшали новому Русскому Царству двигаться на востокъ и на югъ, мѣшали тому распространенію Руси, которое началось еще во времена до-монгольскія. Первый Царь Русскій и сдѣлалъ на нихъ первое наступленіе: онъ покорилъ самъ царство казанское, воеводы его покорили царство астраханское, казаки донскіе—завоевали ему царство сибирское. Осталось только покорить ханство крымское, что сдѣлала Екатерина Великая.

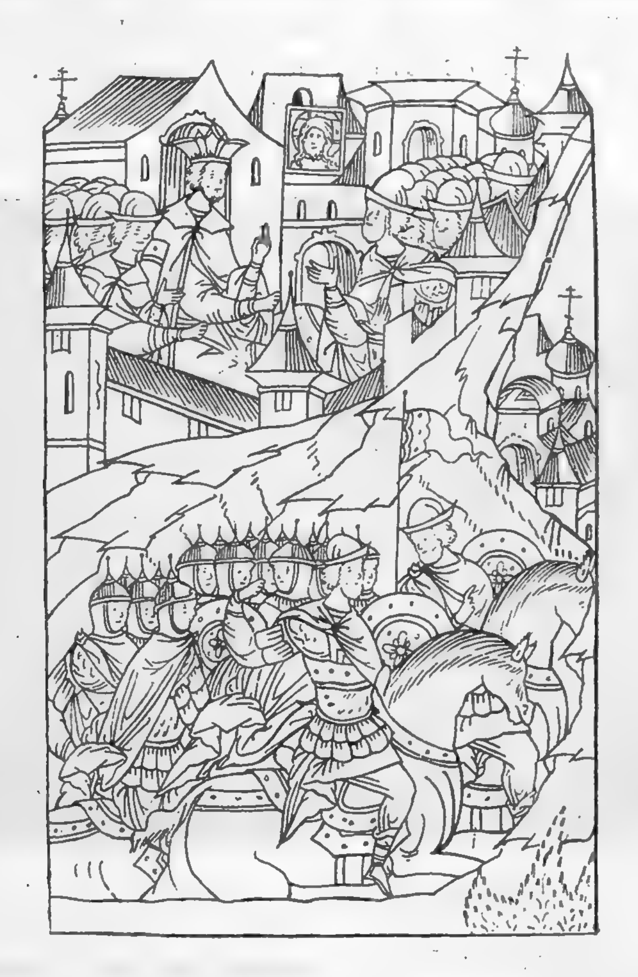
Владѣвшая среднимъ теченіемъ Волги, Казань раньше подпадала подъ власть Москвы, а при Іоаннѣ IV тамъ правилъ нашъ подручникъ Шигъ-Алей. Но татары освобождались отъ зависимости московской и начинали дѣлать нападенія на русскія земли. Два раза Іоанну приходилось предпринимать походы на Казань. Во второй онъ поставилъ на ея землѣ русскій городъ Свіяжскъ. Но этимъ ограничиться, въ виду часто повторявшихся враждебныхъ отношеній, было нельзя, и Іоаннъ снаряжаетъ въ полтораста тысячъ войско и самъ идетъ на Казань, чтобы взять ее совсѣмъ въ русскія руки. Народъ еще до нашихъ дней поетъ въ своей пѣснѣ:

Грозенъ былъ воинъ—царь, нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ:
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ—силою
Онъ прошелъ страну татарскую,
Сіе царство взялъ казанское.

Народная пѣсня говоритъ, что сила русская налетѣла на Казань, какъ орелъ, какъ туча грозная.

Іоаннъ IV повелъ систематически осаду Казани. Онъ окружилъ ее кольцомъ плетеныхъ туровъ (коробьевъ съ землею), тыномъ и стѣнобитыми башнями съ таранами. Сообщеніе Казани со всѣхъ сторонъ было отрѣзано; закрытъ былъ ей доступъ и къ рѣкѣ Казанкѣ. Когда было узнано, что казанцы подземнымъ ходомъ (тайникомъ) носятъ въ городъ воду изъ ключа на берегу Казанки, Іоаннъ велѣлъ сдѣлать подкопъ подъ этотъ тайникъ. Когда черезъ 10 дней работы русскіе услышали надъ собой, какъ казанцы ходятъ за водой, царь велѣлъ вкатить въ подкопъ 11 бочекъ пороху. Взрывъ уничтожилъ тайникъ, и казанцы должны были пить воду изъ смраднаго потока и оттого сильно умирали. Но все же они продолжали биться мужественно. Какъ кроты, они подкапывались подъ русскія укрѣпленія, выползая изъ своихъ норъ, какъ змѣи, отворяли ворота и толпами дѣлали вылазки, строили свои высокія подвижныя башни „турусы на колесахъ“ и съ нихъ обстрѣливали русскихъ. Русскіе опять дѣлали взрывы и нѣсколько разъ пробивались въ самый городъ, но тамъ удержаться еще не могли. Когда готовы были два громадныхъ подкопа подъ самыя стѣны, сдѣланныхъ подъ управленіемъ нѣмецкаго розмысла или инженера, и въ нихъ были вкачены бочки съ порохомъ, назначенъ

былъ общій приступъ, именно на другой день Покрова Богородицы, т. е. на 2-е октября 1552 года. По православному, горячей молитвой русскіе приготовились къ рѣшительному дѣлу. До разсвѣта они уже всѣ были въ заранѣе назначенныхъ мѣстахъ. Молодой царь въ это рѣшительное утро слушалъ скорую обѣдню въ походной земляной церкви и причащался святыхъ Таинъ. Дьяконъ дочитывалъ Евангеліе и лишь произнесъ

Походъ на Казань. По Царственной книгѣ.

слова: „да будетъ едино стадо и единъ пастырь“, какъ потрясающимъ громомъ раздался взрывъ 48 бочекъ пороха въ подкопѣ. Туча камней, бревенъ и земли полетѣла на Казань. Обѣдня еще ускорилась. Еще горячѣе молился царь. Вотъ дьяконъ читаетъ на ектеньѣ прошеніе: „о еже покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата“, раздается новый взрывъ сильнѣе прежняго. Русскія войска съ кликами: „съ нами Богъ“, кинулись въ Казань чрезъ взорванныя стѣны. Но казанцы геройски

бились на самыхъ улицахъ города. Уже причастившись святыхъ Таинъ, царь въ полномъ вооруженіи на конѣ поскакалъ къ своему полку и сталъ у главныхъ воротъ Казани. Между тѣмъ, русскихъ стали въ городѣ тѣснить татары, потому что многіе разбрелись по городу за добычей. Царь остановилъ отступавшихъ и двинулъ въ городъ свѣжую подмогу. Сопротивленіе татаръ было окончательно сломлено; городъ наполнился трупами; кровь текла потоками. Взобравшіеся на башню и стѣны татары закричали, что хотятъ начать переговоры, и битва остановилась. Побѣжденные сказали: „пока стоялъ нашъ городъ съ

Знамя царя Іоанна Васильевича *).

нашимъ царствомъ, мы бились до смерти; теперь отдаемъ вамъ нашего царя Эдигера живого и здороваго, ведите его къ вашему царю; а мы идемъ въ чистое поле испить съ вами послѣднюю чашу“. Они спустились со стѣны, перешли черезъ Казанку, но, встрѣченные тамъ московскими полками, пали въ бою съ ними. Іоаннъ, пока очищали для проѣзда улицу, ведшую къ дворцу хана, слушалъ благодарственный молебенъ и водрузилъ крестъ, гдѣ самъ намѣтилъ мѣсто для храма Спаса Нерукотвореннаго.

*) Оно было съ Іоанномъ Грознымъ подъ стѣнами Казани, а нынѣ хранится въ Оружейной палатѣ.

Торжественно было возвращеніе въ Москву покорителя царства казанскаго. Обильное важными послѣдствіями событіе отпраздновано было въ Москвѣ благодарственными молебнами, наградами ратнымъ людямъ и веселыми пирами.

Въ память завоеванія Казани Царь построилъ на нашей Красной площади соборъ Покрова Пресвятой Богородицы о девяти верхахъ и девяти престолахъ. Этотъ образецъ самобытнаго русскаго зодчества воздвигли уже не выписные заграничные мастера, а, по недавно открытому свидѣтельству лѣтописи, русскіе зодчіе—Барма съ товарищи. Въ этомъ удивляющемъ и иностранцевъ созданіи самобытнаго русскаго искусства нѣтъ даже византійской примѣси: здѣсь все русское, до орнаментовъ (украшеній) включительно, совпадающихъ съ узорами старорусской рѣзьбы, вышивокъ и украшеній нашихъ превосходныхъ старыхъ рукописей. Чрезъ четыре года воеводы Бѣлаго Царя, какъ стали называть нашего государя на востокѣ, покорили на устьяхъ Волги царство астраханское. Итакъ, вся Волга съ ея притоками вошла въ составъ Русскаго государства. „По царству и рѣка", сказалъ нашъ поэтъ Языковъ.

Съ присоединеніемъ Астрахани русскіе сдѣлались сосѣдями кавказскихъ народовъ, терпѣвшихъ отъ крымскаго хана, и потому кавказскіе князья стали искать поддержки въ московскомъ государѣ.

Крымскій ханъ Дивлетъ-Гирей, озлобленный противъ насъ за разореніе Казани, напалъ въ 1555 году на нашу тульскую украйну. По своему обычаю, «въ одну сторону лукъ направлять, а въ другую стрѣлять», онъ предъ этимъ нападеніемъ распустилъ было слухъ, что идетъ на черкасъ. Но, не смотря на эту хитрость, онъ былъ прогнанъ отъ русскихъ рубежей. Въ слѣдующемъ году воевода Ржевскій съ небольшимъ отрядомъ сдѣлалъ набѣгъ къ Очакову, взялъ городъ, побилъ здѣсь не только татаръ, но и турокъ. Въ 1559 году окольничій Данило Адашевъ пошелъ къ устью Днѣпра, взялъ два турецкихъ корабля, высадился въ Крымъ съ 8,000 войска, опустошилъ тамошніе татарскіе улусы и освободилъ много русскихъ плѣнныхъ. Ханъ присмирѣлъ и предложилъ дружбу свою Москвѣ. Въ доказательство ея царь потребовалъ отъ него, чтобы онъ навсегда оставилъ свои «безлѣпицы» и велѣлъ сказать ему, что «теперь русскіе узнали дорогу въ Крымъ и полемъ и моремъ».

Но, устремляясь на востокъ, Іоаннъ IV никогда не забывалъ

о западѣ. Посмотримъ на его стремленія въ эту сторону, какъ выразились они въ сношеніяхъ съ западно-европейскими иностранцами и въ войнахъ со шведами, ливонскими нѣмцами и поляками. Война съ нѣмцами ливонскими была собственно предрѣшена въ годъ вѣнчанія на царство Іоанна IV, т.-е. въ 1547 году. Именно въ это время онъ снаряжаетъ на западъ нѣмца Ивана Шлитте нанять за границей для Россіи побольше разныхъ техниковъ, «хитрыхъ мастеровъ», которые бы умѣли пушки и пищали лить, знали бы руду добывать, были бы слесарями, архитекторами, аптекарями и т. д. Но наши сосѣди, чуя уже могущество Россіи, всякими средствами старались мѣшать дальнѣйшему ея развитію. Когда Шлитте нанялъ въ Германіи 123 человѣка техниковъ разнаго рода и готовился посадить ихъ на корабль въ Любекѣ, нѣмцы ливонскіе выхлопотали у городского управленія и даже у самого германскаго императора приказъ арестовать мастеровъ, а самого Шлитте посадить въ тюрьму. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ Васильевичъ сталъ думать о завоеваніи Ливоніи, захваченной нѣмцами, а прежде принадлежавшей русскимъ (вспомните Ярослава Мудраго и его Юрьевъ), и объ утвержденіи на берегахъ Балтійскаго моря для невозбраннаго сношенія съ западомъ, что сдѣлалъ впослѣдствіи Петръ I. Немного утѣшенъ былъ Іоаннъ тѣмъ, что въ 1553 году занесло чрезъ Бѣлое море въ Сѣверную Двину англійскій корабль капитана Ченслера (два другихъ корабля съ командиромъ ихъ Виллоби были у Мурмана затерты льдами; тамъ замерзли англичане, искавшіе пути чрезъ Ледовитый океанъ въ Китай и Индію). При помощи Ченслера начаты были торговыя сношенія съ Англіей. Но Іоаннъ IV чувствовалъ, что чрезъ студеное море сноситься съ западной Европой трудно, и все думалъ о Балтійскомъ морѣ. И вотъ въ 1554 году изъ-за пограничныхъ земель началась война со шведами, владѣвшими Финскимъ заливомъ. Война эта была не рѣшительной для обѣихъ сторонъ: шведы не были въ силахъ взять русскій Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), но и русскіе не могли отнять у шведовъ Выборгъ, хотя нѣсколько разъ разбили шведовъ въ Финляндіи. Былъ заключенъ миръ, по коему шведы обязывались пропускать своими владѣніями русскихъ въ западную Европу очень кружнымъ путемъ, а русскіе шведовъ въ Индію и другія земли Азіи. Грамота короля шведскаго начиналась: «мы, Божьею милостью, Свейскій, Готскій и Вендскій король, челомъ бью Государю Ивану Васильевичу». Іоаннъ IV въ

своей грамотѣ говорилъ: «мы для королевскаго челобитья разлитіе крови христіанской велимъ унять». Но война съ Ливоніей, также владѣвшей берегами Балтійскаго моря, тоже была на умѣ

Храмъ Василія Блаженнаго.

Іоанна. Въ 1554 году Іоаннъ начинаетъ требовать отъ нѣмцевъ ливонскихъ уплаты дани, уже не вносившейся въ московскую казну не мало лѣтъ, со времени Іоанна III. «Ливонская земля, говорили московскіе бояре, извѣчная отчина великихъ князей

русскихъ, и ливонцы должны платить дань... Не будете платить дани, Государь самъ ее соберетъ». Ливонскихъ рыцарей за обѣдомъ въ Москвѣ посадили за пустыя тарелки. Ливонія, не поддерживаемая въ Германіи и обуреваемая внутренними смутами, была не въ силахъ бороться съ Русскимъ Царемъ. Его войска взяли Нарву, Нейгаузъ, Юрьевъ (по-нѣмецки Дерптъ) и другіе города, счетомъ до 20. Тогда ливонскій магистръ Кетлеръ, не видя другого исхода, отдалъ Ливонію въ подданство польскому королю, а самъ взялъ себѣ Курляндію, подъ именемъ герцогства, шведы овладѣли Колыванью (по-нѣмецки Ревель), а датчане островомъ Эзелемъ. Подчиненіе Ливоніи Польшѣ привело Іоанна IV къ войнѣ съ поляками, съ которыми у насъ было много и другихъ счетовъ за западно-русскія земли.

Переходъ Ливоніи подъ власть Польши и Швеціи преграждалъ намѣченное Іоанномъ IV движеніе Россіи къ Балтійскому морю и его гаванямъ. Царь думалъ сначала по этому важному вопросу мирно уладиться съ Польшей: по смерти царицы Анастасіи Романовны, онъ не прочь былъ жениться на сестрѣ бездѣтнаго короля Польши Сигизмунда II Августа, послѣдняго представителя угасавшей династіи Ягеллоновъ, и тѣмъ добыть права и на Ливонію, и на Литву съ западной Русью. Но переговоры не удались, и пришлось воевать съ Польшей. Въ 1563 году самъ царь съ большимъ войскомъ и артиллеріей вступилъ въ западную Русь, осадилъ сильно укрѣпленный Полоцкъ и, принудивъ его къ сдачѣ, праздновалъ свою побѣду почти такимъ же, какъ по взятіи Казани, торжественнымъ вступленіемъ въ Москву. Но скоро и русскіе потерпѣли пораженіе отъ Константина Острожскаго подъ Оршей, и война, шедшая потомъ вяло, была прервана въ 1570 году перемиріемъ на нѣсколько лѣтъ. Въ слѣдующемъ году крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, побуждаемый турками отнять у Россіи Астрахань и Казань, сдѣлалъ неожиданное нападеніе на Москву и сжегъ ее, при чемъ погибло 100,000 народу. По счастью, въ слѣдующемъ году онъ былъ разбитъ царскимъ воеводой Воротынскимъ подъ Лопаснею, что отвратило татарскія притязанія на Астрахань и Казань и позволило Іоанну снова обратить вниманіе на Западъ и въ особенности на Польшу. Тамъ, какъ разъ въ это время умеръ послѣдній Ягеллонъ, и Польшѣ и Литвѣ, соединенной въ одно государство подъ власть одного выборнаго государя на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года (Люблинская унія), предстояли королевскіе выборы. Литовскіе и

польскіе паны предложили царю выбрать государемъ Рѣчи Посполитой сына его Ѳеодора Іоанновича; но онъ предлагалъ себя самого въ короли польскіе и великіе князья литовскіе, но не хотѣлъ дать денегъ на обычные выборные подкупы, и былъ из-

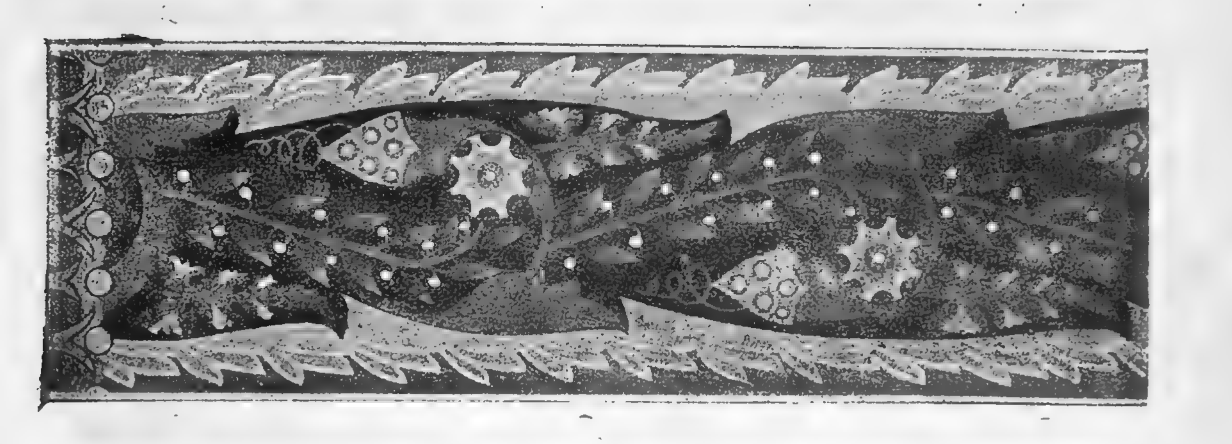

Іоаннъ IV. По Титулярнику.

бранъ французскій принцъ, ушедшій однако изъ Польши, чтобы занять королевскій престолъ Франціи, подъ именемъ Генриха III. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь этимъ, опять добиваться мирнаго соединенія Польши и Литвы съ Россіей, Іоаннъ возобновилъ

войну изъ-за Ливоніи и съ Польшей, и съ Швеціей. Но съ этого времени его начали постигать тяжелыя неудачи. На Польскій престолъ былъ выбранъ энергическій Трансильванскій воевода Стефанъ Баторій. Онъ отнялъ у русскихъ Полоцкъ и всѣ завоеванные въ Ливоніи города, а шведы отняли у насъ Нарву, Иванъ-Городъ, Ямъ и Копорье. Грозный царь поставленъ былъ въ необходимость даже при помощи папы добиваться мира съ Польшей, для чего посланъ былъ въ Россію іезуитъ Антоній Поссевинъ, давно уже хлопотавшій проложить въ Россію путь для церковной уніи и католичества. Іоаннъ показалъ энергію въ защитѣ православія отъ папизма, но долженъ былъ отказаться и отъ Полоцка, и отъ завоеванныхъ у шведовъ городовъ, и отъ мысли утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря.

Въ эту мрачную пору единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ была геройская защита Пскова русскими подъ начальствомъ ихъ доблестнаго воеводы князя Шуйскаго. Съ огромными силами подступилъ сюда Стефанъ Баторій и громилъ Псковъ своей артиллеріей и обезсиливалъ своими окопами и подкопами. Особенно страшенъ былъ штурмъ 8 сентября 1580 года, когда поляки взорвали часть стѣны и овладѣли двумя псковскими башнями. Смертный бой закипѣлъ въ самомъ городѣ, но, когда сюда двинулся крестный ходъ съ иконою Богоматери и мощами благовѣрнаго князя Всеволода-Гавріила, русскіе напрягли послѣднія силы: занятыя поляками башни отъ взрыва взлетѣли на воздухъ, а войско польское было смято и выброшено изъ города. Русскіе не принимали польскихъ пословъ для переговоровъ о сдачѣ. Тогда Баторій на стрѣлѣ пустилъ въ городъ свою грамоту. Но псковскіе воеводы такимъ же путемъ послали королю свой достопамятный отвѣтъ: «за богатства всего міра не измѣнимъ своему крестному цѣлованію. Если Богъ за насъ, никто не осилитъ насъ: мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова... Готовься на брань, а чья будетъ побѣда, Богъ покажетъ». Эта поразительная твердость русскихъ сдѣлала поляковъ сговорчивыми въ переговорахъ о мирѣ.

18.

Новая перемѣна въ Іоаннѣ IV, опричнина и казни.—Объясненіе всего этого.— Покореніе Сибири Ермакомъ и ея значеніе для Россіи.

Свѣтлаго мало представляютъ польско-шведскія войны Іоанна IV. Но еще болѣе мрачными представляются внутреннія событія этого времени: Іоаннъ IV изъ добраго правителя обратился въ грознаго и даже жестокаго и омрачилъ свою славу множествомъ казней. Съ начала шестидесятыхъ годовъ этого столѣтія онъ обрушивалъ гнѣвную опалу свою на бояръ, обвиняя ихъ въ недоброхотствѣ къ себѣ, въ непокорности, въ готовности измѣнить въ пользу враговъ Россіи—Литвы и Крыма, даже въ замыслахъ на себя. Когда одинъ изъ бояръ, князь Андрей Курбскій, опасаясь царской опалы, бѣжалъ въ Литву и оттуда прислалъ царю письмо, исполненное укоризнъ за его несправедливости, встревоженный Іоаннъ уѣхалъ со своимъ дворомъ въ Александровскую слободу въ 70 верстахъ отъ Москвы, и показалъ видъ, будто покидаетъ царство. Но, когда особымъ посольствомъ народъ просилъ его не дѣлать этого, онъ объявилъ, что соглашается не покидать власти, но хочетъ подѣлить Русь на двѣ части: на опричнину и земщину. Первая должна находиться подъ властью самого государя и его двора, а вторая—подъ властью

бояръ и ихъ великаго князя Семена Бекбулатовича. Задача первой заключалась въ томъ, чтобы выводить и карать измѣну въ земщинѣ. У именитыхъ бояръ и потомковъ удѣльныхъ князей отбирались ихъ земли въ опричнину, и имъ взамѣнъ давались новыя въ другихъ мѣстахъ.

Вы, конечно, много слышали о странномъ образѣ жизни въ опричнинѣ, дѣлившей свое время между богослуженіемъ, на которомъ опричники присутствовали въ полумонашескихъ одеждахъ, и между разгульными пирами и кровавыми казнями. Опалы возводились большею частью на бояръ, но онѣ постигали и лицъ духовнаго званія, и даже цѣлые города, какъ напримѣръ Новгородъ, обвиненный въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Польшей.

Въ виду общеизвѣстности этихъ фактовъ, я не стану говорить о нихъ подробно, но не могу оставить васъ безъ объясненія ихъ.

Нѣкоторымъ историкамъ всѣ эти жестокости кажутся борьбою съ боярствомъ, которое будто шло противъ единодержавнаго и самодержавнаго порядка въ государствѣ. Указываютъ на то, что бояре во время болѣзни Іоанна выражали нежеланіе присягнуть его сыну Димитрію, а хотѣли, чтобы въ случаѣ смерти царя престолъ его перешелъ, какъ въ удѣльное время, къ старшему въ родѣ двоюродному брату государя, князю Владиміру Андреевичу. Говорятъ и о томъ, что и при отцѣ Іоанна IV бояре (Берсень Беклемишевъ) жаловались, что государь рѣшаетъ дѣла самъ, безъ совѣта боярской думы. Ссылаясь на отъѣздъ Курбскаго въ Литву, утверждаютъ, будто бояре хотѣли возстановить права отъѣзда къ другимъ князьямъ, какъ было въ удѣльное время, и въ доказательство этого указываютъ на грамоты бояръ, коимъ они обязывались не отъѣзжать изъ Московскаго государства, съ заручными подписями другихъ бояръ и цѣлованіемъ креста (заручныя или крестоцѣловальныя записи). Думаютъ также, что Сильвестръ и Адашевъ правили государствомъ въ духѣ и интересѣ бояръ, и за это были удалены царемъ и замѣнены другими совѣтниками. И вотъ, когда, по смерти царицы Анастасіи Романовны, Іоаннъ опозналъ все это, онъ началъ жестоко бороться съ боярствомъ и въ этой борьбѣ дошелъ до крайности.

Не стану подробно разбирать эти взгляды, а скажу, что царская власть, признаваемая у насъ всѣми властью Милостію Божіей, поддерживаемая и церковію съ ея первосвятителями и

опиравшаяся на сознаніе ея неприкосновенности во всемъ народѣ на Руси, въ это время уже была чрезвычайно могущественной, чтобы съ ней кто-нибудь могъ и хотѣлъ бы бороться. Да и боярство у насъ, служилое государево сословіе, не имѣло тѣхъ политическихъ силъ, какъ феодалы на западѣ, дозволявшіе себѣ бороться противъ своихъ государей. Борьбы у насъ не могло быть, да ея и не было.

Когда при Василіи III Берсень Беклемишевъ брюзжалъ въ пользу думы боярской, другіе бояре не хотѣли знать надъ собою другой воли кромѣ воли Бога и Государя. Заговорили было

Съ иконы Симона Ушакова.

во время болѣзни Іоанна бояре, что трудно служить малолѣтнему Димитрію, но, когда царь своимъ слабымъ голосомъ укорилъ ихъ за эти слова, они всѣ пошли присягать его сыну. Одинъ Курбскій бѣжалъ изъ Москвы и измѣнилъ своему государству и съ его врагами ходилъ противъ отечества. Другіе же бояре и не думали никуда бѣжать и, если давали за себя записи, то изъ страха разгнѣвать гнѣвнаго Іоанна, а онъ ошибочно видѣлъ въ нихъ своихъ враговъ.

Что въ это время лилась кровь дѣйствительно неповинная, доказательствомъ этого служитъ то, что св. митрополитъ Филиппъ, не разъ печаловавшійся за опальныхъ, видя Іоанна въ Успенскомъ соборѣ въ одеждѣ опричной, отказался благосло-

вить его и сказалъ ему о крови, неповинно льющейся у самаго алтаря. Что и самъ Іоаннъ въ своей совѣсти не чувствовалъ себя правымъ борцомъ за государственный порядокъ, видно изъ того, что онъ самъ часто каялся въ своихъ жестокостяхъ и записывалъ въ синодики или поминанья имена невинно убіенныхъ...

Но смѣнимъ эту мрачную картину свѣтлой и знаменательной, въ которой проявился глубоко-государственный духъ нашего народа съ его боярствомъ, духовенствомъ, посадскими и другими людьми. Это—духъ Святой Руси, поднимающійся въ трогательномъ и кроткомъ величіи въ тяжелыя годины нашей исторіи.

Перенеситесь мыслью въ Москву XVI вѣка въ тѣ дни, когда грознѣйшій изъ царей рѣшился покинуть свою столицу. Москва вся, отъ мала до велика, смутилась, затужила, когда увидала громадныя на долгое время приготовленія въ Кремлѣ къ отъѣзду царскому. Запечалились и затосковали всѣ, когда увидали, что царь дѣйствительно покинулъ свою столицу; никто не порадовался, что казни прекратились. Немного вздохнулъ народъ, когда узналъ, что покинувшій царство свое государь остановился въ Александровской слободѣ. Всѣ встрепенулись—и бояре, и духовенство, и народъ всѣхъ чиновъ и, никѣмъ непринуждаемые, добровольно отправили въ страшную Александровскую слободу посольство звать царя на царство, сказать ему, что онъ воленъ казнить своихъ вороговъ и измѣнниковъ и дѣлать, что ему угодно. Для этого посольства нужно было больше ума и силы воли, чѣмъ для того, которое послано въ 862 году для призванія князей. Такой народъ, безъ малѣйшаго колебанія, ляжетъ за Царя, за Русь, что ни случилось бы.

Нужно ли прибавлять, что такой народъ благодушно перенесъ всѣ невзгоды того времени и наименовалъ непамятозлобно Іоанна IV грознымъ царемъ, какъ именовалъ и дѣда его Іоанна III.

Не такъ относились народы Запада къ своимъ государямъ того времени, совершавшимъ свои казни при свѣтѣ возрожденія наукъ и при наличіи парламентскихъ учрежденій.

Таковы были тогда въ Англіи Генрихъ VIII и Марія Тюдоръ, въ Испаніи Филиппъ II. Они, какъ Іоаннъ IV, пролили не меньше крови, но память ихъ была запечатлѣна ненавистью народной.

Думаю, что вы послѣ сказаннаго съ примиренной и облегченной душой перейдете къ свѣтлому явленію царствованія Ивана Васильевича—къ покоренію Сибири.

Глубоко поучительно сказанiе о томъ, какъ казацкая вольница, повинная предъ государемъ въ тяжкихъ преступленiяхъ, по-русски искупила ихъ покоренiемъ подъ высокую руку государеву царства Сибирскаго.

Iоаннъ IV. Статуя Антокольскаго.

Южно-русскiя степи, послѣ разоренiя въ нихъ гнѣздъ татарскихъ, еще долгое время не были заселены и укрѣплены городами, какъ должно. Степную границу охраняла особая порубежная стража, жившая станицами и именовавшаяся казаками; главными гнѣздами казачества были Донъ и Днѣпръ (первый при-

надлежалъ Россіи, второй Литвѣ). Русское правительство XVI вѣка еще не было въ силахъ дать надлежащее устройство своему донскому казачеству, и оно, принося пользу защитой границъ нашихъ, по временамъ вредило государству.

Дѣло въ томъ, что въ казачество шли и принимались не отборные люди московскаго государства, сюда текли и его подонки, хотя, пока у насъ не было смутъ и чуждыхъ западныхъ вліяній, они и не были столь горькими и ядовитыми, какъ во времена Разина и Пугачева впослѣдствіи. Тѣмъ, кому плохо или тѣсно жилось въ срединѣ государства, голытьба, да вольница безшабашная, охотно шли на рубежи въ казаки. Безнадзорные, они то защищали русскіе рубежи, сидя смирно по станицамъ, то, составляя шайки удалыя, затѣвали на свой рискъ и страхъ опасныя предпріятія ради добычи. Хорошо, если они на коняхъ или на лодкахъ нападали на татаръ и турокъ, но бывало хуже: разгулявшаяся и безудержная вольница направляла свои разбойничьи нападенія и на русскихъ людей, на наши торговые караваны на Дону и на Волгѣ. Изъ такихъ казачьихъ вольныхъ шаекъ особенно много надѣлала шуму при Іоаннѣ IV шайка Ермака или Василія Тимоѳеевича. Бездомный, голутвенный человѣкъ, онъ сначала бурлачилъ на Волгѣ, гдѣ, бывши артельнымъ кашеваромъ, прозванъ былъ Ермакомъ или казаномъ, т.-е. котломъ. Наскучивъ тянуть лямку, онъ ушелъ на Донъ и былъ здѣсь нѣкоторое время станичникомъ. Но его бурной кипучей натурѣ не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Умный, сильный, красивый, храбрый — онъ скоро сдѣлался атаманомъ большой шайки. На своихъ легкихъ судахъ онъ быстро двигался и по Волгѣ, и по Каспійскому морю, дѣлалъ нападенія и на чужіе, и на русскіе караваны. Дѣло зашло такъ далеко, что казаки убили шедшаго въ Москву персидскаго посланника и стали грабить царскіе караваны. Царь Іоаннъ Грозный приговорилъ Ермака и его есаула Ивана Кольцо къ смертной казни и двинулъ своихъ воеводъ на Волгу противъ разбойниковъ. Они, конечно, были разбиты; многіе были перевѣшаны; а Ермакъ со своими есаулами Иваномъ Кольцо, Иваномъ Грозой, Матвѣемъ Мещерякомъ и Никитою Паномъ и другими товарищами ушелъ на Каму.

Подъ вліяніемъ грозы царской не съ мыслями продолжать разбойничество пошли сюда казаки.

Историческая народная пѣсня такъ рисуетъ намъ настроеніе

Ермака: напала на него тоска лютая, далеко завела его воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушникомъ и измѣнникомъ. Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить — все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—повѣшену быть. «Ужъ нашелъ же ты, говоритъ народная пѣсня, Ермакъ, свою долюшку, шатался — мотался по чисту полю, да по синю морю: и выслужилъ награду царскую,—всего два столбика съ перекладинкой, на ней только петля шелковая»... Выходъ изъ этого положенія Ермакъ рѣшилъ найти въ искупленіи своихъ тяжелыхъ провинностей предъ царемъ и отечествомъ, въ подвигѣ на ихъ пользу и въ ихъ славу.

На Камѣ для казаковъ нашлось искупительное дѣло. Въ этомъ краю, прежде совсѣмъ незаселенномъ, съ разрѣшенія государей поселились богатые промышленные люди Строгановы. Имъ предоставлено было вываривать соль, отыскивать руды, заселять земли народомъ земледѣльческимъ, пашеннымъ. Для защиты отъ инородцевъ, Строгановымъ разрѣшено было строить здѣсь укрѣпленія и держать въ нихъ ратныхъ людей, съ огненнымъ— ружейнымъ и пушечнымъ боемъ. Имъ дарованы были при Іоаннѣ IV и земли по рѣкѣ Чусовой, подвинувшія ихъ къ самому каменному поясу или Уралу и поставившія ихъ въ соприкосновеніе съ царствомъ Сибирскимъ, изъ котораго уже дѣлались нападенія на русскія земли.

Въ 1556 году пришли, говоритъ лѣтопись, къ царю въ Москву послы отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ и били челомъ, чтобы государь князя ихъ и всю землю Сибирскую взялъ на свое имя и отъ всѣхъ непріятелей заступилъ, дань свою на нихъ положилъ. Государь пожаловалъ, взялъ князя Сибирскаго и всю землю въ свою волю и подъ свою руку и дань на нихъ положить велѣлъ. Послы обязались давать съ каждаго чернаго человѣка по соболю и по бѣлкѣ сибирской, а черныхъ людей у себя сказывали 30,700 человѣкъ. Но такая зависимость Сибирскаго юрта отъ Москвы только на словахъ была непрочной. Послать туда войско и русскихъ поселенцевъ еще было нельзя. Новый ханъ Сибирскій Кучумъ даже велѣлъ убить посла московскаго и сталъ нападать по сю сторону Урала на земли пермскія. Племянникъ его Махметъ-Кулъ, богатырь силою, приходилъ на рѣку Чусовую во владѣнія Строгановыхъ и побилъ здѣсь подвластныхъ Москвѣ

остяковъ. Это побудило Якова и Григорія Строгановыхъ бить челомъ царю о разрѣшеніи имъ и за Ураломъ по рѣкѣ Тоболу, значитъ уже въ Сибири, строить крѣпости, держать ратныхъ людей, пашни тамъ пахать и желѣзо добывать. Царь далъ Строгановымъ право на это въ 1573 году на 10 лѣтъ и разрѣшеніе оборонять тамошнихъ остяковъ, вогуличей отъ султана Сибирскаго и даже утверждаться на Иртышѣ и Оби. Это значитъ, Строгановымъ давалось право вести войну съ Сибирскимъ султаномъ. Кто же, какъ не казаки, нужны были для этой цѣли промышленнымъ людямъ Камскаго края?

Какъ разъ въ это время въ ихъ землѣ появляется отрядъ казаковъ въ 540 человѣкъ подъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеевича. Строгановы пригласили ихъ къ себѣ на службу ради похода на Сибирь. Они снабдили ихъ ружьями, маленькими пушками и другимъ оружіемъ, боевыми припасами и провіантомъ и присоединили къ нимъ ратныхъ людей изъ своихъ городковъ—литовцевъ, нѣмцевъ, шведовъ (плѣнныхъ) и русскихъ, всего 300 человѣкъ. Забравъ съ собою вожаковъ, хорошо знавшихъ сибирскіе пути, толмачей, владѣвшихъ инородческими языками, священниковъ ради духовныхъ нуждъ, Ермакъ Тимоѳеевичъ 1-го сентября 1581 года двинулся въ свой знаменитый походъ въ царство Сибирское.

Сначала казаки плыли на стругахъ и челнокахъ вверхъ по рѣкѣ Чусовой, затѣмъ повернули въ рѣку Серебрянку. Въ иныхъ мѣстахъ по мелководью приходилось плыть на плотахъ. Изъ Серебрянки перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагиль, отсюда спустились въ рѣку Туру.

До этого казаки не встрѣчали непріятелей и рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: страна была дикая, почти совсѣмъ безлюдная. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе. Здѣсь казаки впервые встрѣтили пашни и городокъ. Съ берега тамошніе татары стали стрѣлять въ казаковъ изъ луковъ. Вышли казаки на берегъ, да какъ грянутъ изъ неслыханныхъ еще здѣсь ружей, все войско татарское попадало. Пошли ходить межъ лежавшихъ, отыскивая ихъ набольшаго. Чуть начнутъ сибирцы подымать головы, опять кто-нибудь выстрѣлитъ, и тѣ опять уткнутся носомъ въ землю. Оказалось, что войско велъ Кучумовъ мурза Таузакъ. Ласково обошелся съ нимъ Ермакъ и отпустилъ его. Мурза своими разсказами про русскихъ нагналъ большого страху на

хана Сибирскаго. О нихъ говорили ему, что они необыкновенно сильны, а когда стрѣляютъ изъ лука, то отъ нихъ дымъ и огонь летитъ и будто громъ гремитъ; стрѣлъ изъ этихъ луковъ не видно, но они уязвляютъ ранами и побиваютъ смертью; ни кольчуги, ни панцыри не выдерживаютъ; выстрѣлы русскихъ все насквозь пробиваютъ.

Страшно переполошился отъ такихъ вѣстей Кучумъ. Шаманы (гадатели) говорили, что надъ самой столицей ханскою—Сибирью видѣли городъ, а въ немъ—каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а наверху на нихъ кресты; того и гляди, сойдутъ они на Сибирскую землю, и она наполнится русскими людьми. Кучумъ сталъ собирать со всѣхъ сторонъ рати и дви-

Знамя Ермака.

нулъ съ передовыми отрядами своего племянника Махметъ-Кула на рѣку Тоболъ, а самъ рѣшилъ ждать казаковъ на Иртышѣ.

На Тоболѣ казаки выдержали жестокую сѣчу съ войсками Махметъ-Кула и разбили ихъ, нанесли пораженіе и другому воеводѣ Кучумову и взяли его городъ при помощи хитрости. Понадѣлали они чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки казацкія и привязали ихъ къ палкамъ, оставивъ за ними немного людей. Подошли лодки къ юрту. Высыпали татары на берегъ и ну пускать стрѣлы въ чучелъ. Стрѣляютъ и дивуются, какъ крѣпки русскіе люди: стрѣлъ въ нихъ, что въ снопы налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Казаки же тѣмъ вре-

менемъ зашли татарамъ съ тыла и взяли ихъ юртъ. Махметъ-Кулъ съ оставшимися отрядами все еще провожалъ казаковъ, идя по берегу. Пришлось биться съ нимъ при впаденіи Тобола въ Иртышъ.

Войдя въ эту рѣку, Ермакъ сталъ спускаться по нижнему ея теченію, какъ увидѣлъ покинутое городище или укрѣпленіе. Но здѣсь приготовлена была казакамъ засада. Около городища съ одной стороны стоялъ у Чувашевой горы съ войсками самъ Кучумъ, а за городищемъ въ засѣкѣ или укрѣпленіи со своими

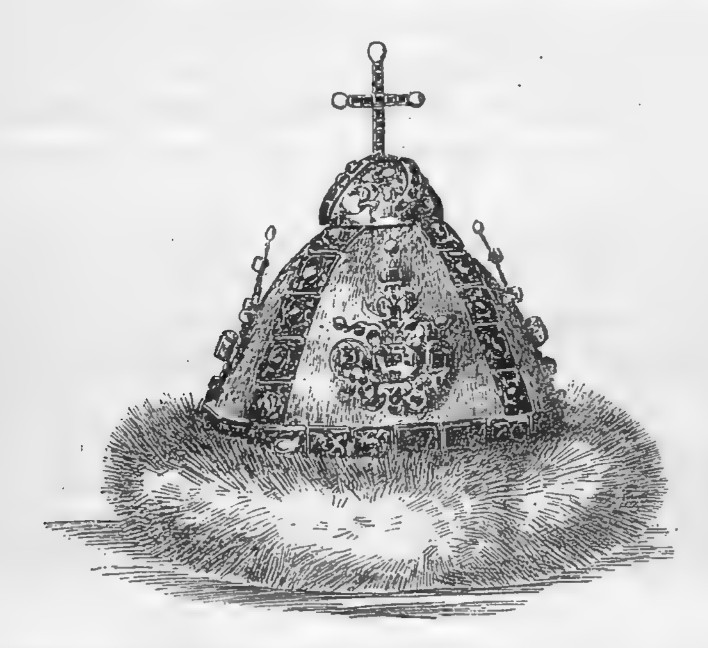

Покоритель Сибири въ битвѣ.

ратями Махметъ-Кулъ. Только въ сумерки, когда высадившіеся казаки стали варить себѣ пищу и готовиться на ночлегъ, они догадались, что попали въ засаду и окружены. Составили кругъ казаки. Они всѣ сильно притомились, и много у нихъ было раненыхъ. Большинство зашумѣло и готово было уйти назадъ. Ермакъ, давъ всѣмъ наговориться, вошелъ въ кругъ и сталъ держать рѣчь: «братцы, куда намъ бѣжать? Осень уже, въ рѣкахъ ледъ смерзается... Не примемъ худой славы, укоризны на себя не положимъ, будемъ надѣяться на Бога: Онъ и безпомощнымъ помощникъ! Вспомнимъ обѣщаніе, какое мы дали честнымъ людямъ (Строгановымъ). Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Какъ Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ этихъ странахъ, и слава наша будетъ вѣчна!»

Согласились съ этимъ всѣ, порѣшили—оставаться и до смерти биться.

На разсвѣтѣ, 23-го октября, казаки двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли русскимъ удальцамъ; наконецъ, сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Начался страшный рукопашный бой. Тутъ уже ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здѣсь себя показали богатырями: не смотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе, казаки

Шапка Сибирскаго царства.

сломили ихъ. Махметъ-Кулъ былъ раненъ, татары смѣшались, многіе упали духомъ; иные подвластные Кучуму князьки, видя, что враги одолѣваютъ, оставили бой. Кучумъ бѣжалъ сначала въ свою столицу Сибирь, и, захвативъ здѣсь свои пожитки, бѣжалъ дальше.

26 октября казаки заняли покинутую жителями Сибирь. Пріуныли было побѣдители въ пустомъ городѣ. Ихъ сильно ужъ поубавилось: въ послѣднемъ только сраженіи пало ихъ 107 человѣкъ; было не мало раненыхъ и больныхъ. Идти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ, запасы у нихъ кончились, и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ...

Но чрезъ нѣсколько дней остяки, вогуличи, татары со своими

князьками стали приходить къ Ермаку, бить ему челомъ,—приносили ему дары и разные припасы; онъ же приводилъ ихъ къ присягѣ Государю, обнадеживалъ ихъ его милостью, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Зиму провели казаки спокойно; только Махметъ-Кулъ напалъ было на нихъ, Ермакъ разбилъ его, и онъ нѣсколько времени не безпокоилъ казаковъ; но съ наступленіемъ весны думалъ было врасплохъ напасть на нихъ, да самъ попалъ впросакъ: казаки подстерегли враговъ, напали на нихъ сонныхъ ночью и захватили въ плѣнъ Махметъ-Кула. Ермакъ обошелся съ нимъ очень привѣтливо. Плѣнъ этого храбраго и ретиваго татарскаго витязя былъ тяжелымъ ударомъ для Кучума. Въ это же время на него шелъ войной его личный врагъ, одинъ татарскій князь; наконецъ, свой воевода измѣнилъ ему. Дѣла Кучума были совсѣмъ плохи.

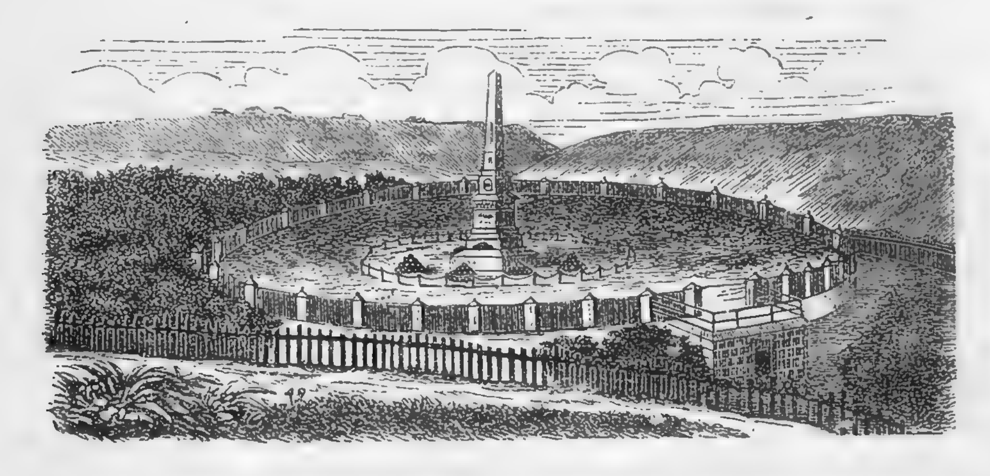
Лѣто 1582 года казаки провели въ походахъ, покоряя татарскіе городки и улусы по рѣкамъ Иртышу и Оби. Между тѣмъ Ермакъ далъ знать Строгановымъ, что онъ «салтана Кучума одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Махмета-Кула полонилъ». Строгановы спѣшили обрадовать этою вѣстью царя. Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака—Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами—бить челомъ Государю царствомъ Сибирскимъ и поднести ему въ даръ драгоцѣнныя произведенія завоеваннаго края—мѣха собольи, бобровые и лисьи.

Давно уже, говорятъ современники, не бывало такой радости въ Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божія къ Россіи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ и радовала всѣхъ, привыкшихъ слышать за послѣдніе годы только о неудачахъ и бѣдствіяхъ.

Грозный царь принялъ Ивана Кольцо милостиво, не только простилъ его съ товарищами за прежнія ихъ преступленія, но и щедро наградилъ, а Ермаку, говорятъ, послалъ въ подарокъ шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два панцыря; но, что важнѣе всего,—отправилъ въ Сибирь воеводу князя Болховскаго съ значительнымъ отрядомъ войска. Мало удальцовъ оставалось подъ рукою Ермака, и трудно ему было бы удержать свое завоеваніе безъ помоги. Махметъ-Кулъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ поступилъ на службу царскую; но Ку-

чумъ все-таки успѣлъ оправиться и войти въ силу. Русскимъ воинамъ плохо пришлось въ Сибири: они терпѣли часто недостатки въ жизненныхъ припасахъ; распространились между ними болѣзни; случалось, что татарскіе князьки, притворившись сначала вѣрными данниками и союзниками, губили потомъ отряды казаковъ, довѣрившихся имъ. Такъ погибъ Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами. Воевода, присланный царемъ, умеръ отъ болѣзни.

Скоро затѣмъ погибъ и самъ Ермакъ. Провѣдалъ онъ, что Кучумъ собирается перехватить на пути бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь. Захвативъ съ собою 50 своихъ удальцовъ, Ермакъ поспѣшилъ навстрѣчу бухарскимъ купцамъ, чтобы охранять ихъ отъ хищниковъ на пути по Иртышу. Цѣлый день казаки поджидали караванъ при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ;

Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

но ни купцы, ни хищники не показывались... Ночь была бурная. Дождь лилъ ливмя. Вѣтеръ бушевалъ на рѣкѣ. Истомленные казаки расположились отдохнуть на берегу и скоро заснули, какъ убитые. Оплошалъ на этотъ разъ Ермакъ,—не поставилъ сторожей, не думалъ, видно, чтобы враги напали въ такую ночь. А непріятель былъ очень близокъ: онъ съ другой стороны рѣки подстерегалъ казаковъ!..Кучумовы лазутчики нашли въ рѣкѣ бродъ, пробрались къ русскимъ, и затѣмъ принесли своимъ радостную вѣсть, что казаки спятъ мертвымъ сномъ, въ доказательство чего представили три похищенныя у нихъ пищали и пороховницы. По указанію лазутчиковъ, татары переправились тайкомъ чрезъ рѣку, напали на спящихъ казаковъ и перерѣзали ихъ всѣхъ кромѣ двухъ. Одинъ спасся и принесъ въ Сибирь ужас-

ную вѣсть объ избіеніи отряда, а другой—самъ Ермакъ, услышавъ стоны, вскочилъ, успѣлъ своей саблей отбить убійцъ, кинувшихся на него, бросился съ берега въ Иртышъ, думая спастись вплавь, но утонулъ отъ тяжести своихъ желѣзныхъ доспѣховъ (5 августа 1584 г.). Чрезъ нѣсколько дней тѣло Ермака теченіемъ рѣки прибило къ берегу, гдѣ и нашли его татары, и по богатымъ доспѣхамъ съ мѣдной оправой, съ золотымъ орломъ на груди, узнали покорителя Сибири... Но дѣло Ермака не погибло. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало русскому владычеству было здѣсь положено (Сиповскій. Родная Старина, часть II, стр. 203, 204).

Народная пѣсня такъ рисуетъ намъ геройское дѣло Ермака Тимоѳеевича.

Мы пойдемте, братцы, вверхъ по Волгѣ, по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя.
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его, братцы, Царю Бѣлому,
А царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то Государь-Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой, ты, гой еси, Надёжа—Православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь держать:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ бусы-корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все орленые.
А теперича, Надёжа—Православный Царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоритъ Надёжа Православный Царь,
Какъ и Грозный-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой, ты, гой еси, Ермакъ—сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой, ты, гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и съ войскомъ твоимъ.
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то службу мнѣ, за вѣрную.
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славный тихій Донъ.

Присоединивъ Сибирское царство къ своимъ владѣніямъ наши государи посылали изъ Москвы въ Сибирь воеводъ съ казачьими дружинами и стрѣльцами для дальнѣйшихъ присоединеній и для колонизаціи новыхъ земель. Въ теченіе XVII вѣка русскіе проникли до береговъ Тихаго океана и подчинили своему владычеству всю нынѣшнюю Сибирь. Такъ казакъ Буза открылъ устья Лены у Ледовитаго океана; Стадыкинъ основалъ Нижне-Колымскъ; Денежневъ, Алексѣевъ и Акундиновъ обогнули азіатскій материкъ и открыли проливъ между Азіей и Америкой. Казакъ Атласовъ открылъ Камчатку и положилъ здѣсь начало русскимъ поселеніямъ. Казакъ Ерофей Хабаровъ съ горстью удальцовъ покорилъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Приамурскій край, отданный въ 1689 году опять Китаю. Только чрезъ сто лѣтъ онъ снова былъ присоединенъ къ Россіи благодаря энергіи генералъ-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева, наименованнаго Амурскимъ.

Сибирь въ полтора раза болѣе всей Европы и занимаетъ болѣе 12 милліоновъ квадратныхъ верстъ, болѣе милліарда десятинъ. Три рѣки ея: Лена, Енисей и Амуръ, каждая болѣе Волги. Она даетъ около 2 тысячъ пудовъ золота въ годъ. Не исчисляемъ, сколько она даетъ серебра. На одномъ Алтаѣ въ послѣднія сто лѣтъ добыто было 77 тысячъ пудовъ серебра. Чрезвычайно много здѣсь и мѣди, и желѣза, и каменнаго угля. Чудныя каменныя породы—малахитъ, яшма, лаписъ-лазурь, дивные драгоцѣнные мѣха—первые въ мірѣ соболи, бобры камчатскіе, чернобурыя лисицы, песцы, горностаи—все это слава и богатство Сибири. Но ея богатства, по ея отдаленности и малой населенности, слабо разрабатывались до сихъ поръ.

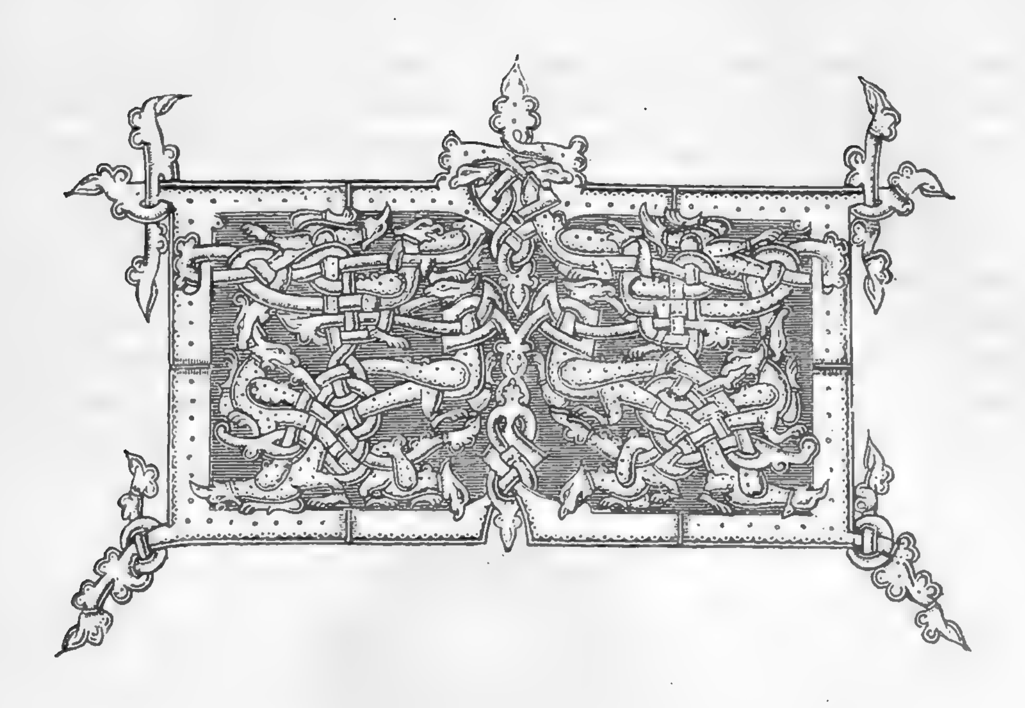
15 лѣтъ тому назадъ на этой восточной окраинѣ Русскаго царства прозвучали великія историческія слова Высочайшаго рескрипта въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. Этимъ рескриптомъ, даннымъ 17 марта 1891 года на имя тогдашняго Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, поручено было Ему совершеніе закладки величайшаго во всемъ мірѣ желѣзно-дорожнаго пути—Сибирской желѣзной дороги, идущей отъ Великаго океана къ горамъ Уральскимъ. Главнымъ строителемъ этой дороги былъ Самъ Государь Императоръ. Въ короткій періодъ это самое гигантское изъ всѣхъ всемірныхъ сооруженій уже закончено. Оно простирается со включеніемъ

восточно-китайской желѣзной дороги на 8,380 верстъ и стоитъ 780,000,000 руб. Вдоль этой дороги двигаются сотнями тысячъ русскіе переселенцы, строятся села и города съ церквами-школами. По дорогѣ, гдѣ прежде ѣздили на собакахъ и оленяхъ, идутъ теперь поѣзда и везутъ всякіе товары.

Недолго послѣ покоренія Сибири прожилъ Царь Иванъ Васильевичъ и скончался 18 марта 1584 года, въ тотъ самый годъ, какъ погибъ и Ермакъ. Для характеристики отношеній народа къ этому дѣйствительно Грозному Царю приводимъ слѣдующую народную историческую пѣсню:

На святой Руси—въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ—въ золотомъ Кремлѣ,
У Ивана было—у Великаго,
У собора—у Успенскаго,
У Михаила—у Архангела,—
Ударяли въ царь-колоколъ.
Во соборѣ-то во Архангельскомъ
Стоитъ новъ-кипарисный гробъ,
Во гробу-то лежитъ Православный Царь,
Православный Царь—Иванъ Грозный Васильевичъ,
Въ головахъ его стоитъ святъ животворящій крестъ,
У креста лежитъ корона его царская,
На ногахъ его лежитъ грозенъ вострый мечъ,
Животворящему кресту всякой молится,
Золотому вѣнцу всякій кланяется,
А на грозенъ мечъ взглянетъ—всякъ ужаснется,
Вокругъ гроба горятъ свѣчи восковыя,
Передъ гробомъ стоятъ архіереи со игумнами.
Они служатъ, читаютъ, память отпѣваютъ,
Отпѣваютъ память вѣчную Царю Православному,
Царю Грозному Ивану Василичу.

19.

Царь Өеодоръ Іоанновичъ и его характеръ.—Борисъ Годуновъ—правитель государства.—Учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ.—Смерть царевича Димитрія и кончина Өеодора Іоанновича, прекратившія царствовавшую династію, даютъ начало смутному времени.

По смерти Іоанна IV остались двое его сыновей: старшій—уже женатый Өеодоръ и младшій—малолѣтній Димитрій. Москва, какъ и слѣдовало, по старшинству, присягнула царю Өеодору, а младшій, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ смутъ, съ матерью его Маріей изъ рода Нагихъ и ея родственниками, былъ удаленъ изъ Москвы въ Угличъ, немедленно по кончинѣ отца.

Өеодоръ былъ хилъ здоровьемъ и не крѣпокъ духомъ. Въ высокой степени религіозный, кроткій и добрый, онъ былъ не отъ міра сего. Отцу онъ казался предназначеннымъ не къ дѣламъ правленія, а къ иночеству. Народъ почиталъ его святымъ и миръ и тишину его царствованія приписывалъ особому благословенію Божію, именно за эту святость царя. Въ рукописныхъ святцахъ XVII столѣтія онъ ставится въ ряду святыхъ, какъ «святый благовѣрный царь и великій князь Өеодоръ Іоанновичъ», а въ рукописныхъ подлинникахъ (руководствахъ

къ иконописи) именуется «новымъ всея Россіи чудотворцемъ». Въ Архангельскомъ соборѣ подъ гробницей его стояло иконописное его изображеніе безъ короны на головѣ, но съ сіяніемъ или вѣнцомъ святости.

Въ началѣ его правленія особою близостью къ государю пользовались два родственныхъ (по женской линіи) боярскихъ рода: Романовы (по царицѣ Анастасіи) и Годуновы (по царицѣ Иринѣ). Изъ Романовыхъ дядя государя Никита Романовичъ, отмѣченный народной любовью еще при Грозномъ и скоро скончавшійся, былъ нѣкоторое время правителемъ государства. Послѣ него

Иконописный портретъ Θеодора Іоанновича.

остались его сыновья, изъ которыхъ особыя симпатіи народа привлекалъ сынъ его Θеодоръ (въ иночествѣ Филаретъ Никитичъ), какъ своей царственной наружностью, такъ и умомъ и благороднымъ характеромъ. Впослѣдствіи въ народѣ говорили, что царь Θеодоръ Іоанновичъ хотѣлъ сдѣлать этого двоюроднаго брата своимъ наслѣдникомъ на царствѣ. Но и Романовыхъ, какъ и другихъ именитыхъ бояръ, изъ коихъ родовитостью своею выдѣлялись особенно князья Шуйскіе, — Рюриковичи, оттѣснилъ отъ престола бояринъ Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Онъ не былъ родовитъ, потому что велъ происхожденіе свое отъ татарскаго мурзы Чета, котораго въ XIV вѣкѣ крестилъ въ христіанство святитель Петръ. Но своимъ умомъ и изворотли-

востью онъ умѣлъ возвыситься еще при Грозномъ: тогда онъ женился на дочери сильнаго при дворѣ Малюты-Скуратова, а царевичъ Ѳеодоръ женился на его сестрѣ Иринѣ. Это уже одно могло приблизить его къ Ѳеодору Іоанновичу. Борисъ, дѣловитый и красивый по наружности, обладалъ большимъ умомъ и значительными правительственными, хотя и нецарственными дарованіями; былъ честолюбивъ и властолюбивъ, вошелъ въ полное довѣріе къ государю и сдѣлался въ это цар-

Ѳеодоръ Іоанновичъ. Изображеніе на Царь-пушкѣ.

ствованіе правителемъ государства. Онъ держалъ скипетръ государя при его коронованіи и удостоенъ былъ титула великаго ближняго боярина, намѣстника царства Казанскаго и Астраханскаго, великаго конюшаго, а послѣ отраженія отъ Москвы крымцевъ получилъ очень рѣдкій титулъ «слуги царева». Земельныя и другія пожалованія ему были такъ велики, что онъ могъ содержать на свои доходы стотысячное войско. Иностранные послы добивались пріема у правителя, а англійская королева

писала ему грамоты и называла его «своимъ любительнымъ братомъ и лордомъ протекторомъ». Правленіе Годуновъ велъ довольно умно. Онъ заселялъ Сибирь и укрѣплялъ ее за Россіей, строилъ тамъ и въ другихъ мѣстахъ города, на югѣ отражалъ крымскихъ татаръ, напавшихъ на самую Москву, возвратилъ отъ шведовъ нѣкоторые города, захваченные при Іоаннѣ IV. Должны быть отмѣчены еще заботы этого времени о правосудіи (изданіе новаго недавно открытаго судебника), о порядкѣ въ управленіи, о развитіи торговли, преимущественно же о благотворительности. Въ исторіи Москвы, какъ города, это царствованіе памятно построеніемъ каменныхъ стѣнъ вокругъ Бѣлаго города (по линіи нынѣшнихъ бульваровъ, стѣны эти и ихъ ворота были разобраны въ царствованіе Екатерины II) и

Донской монастырь.

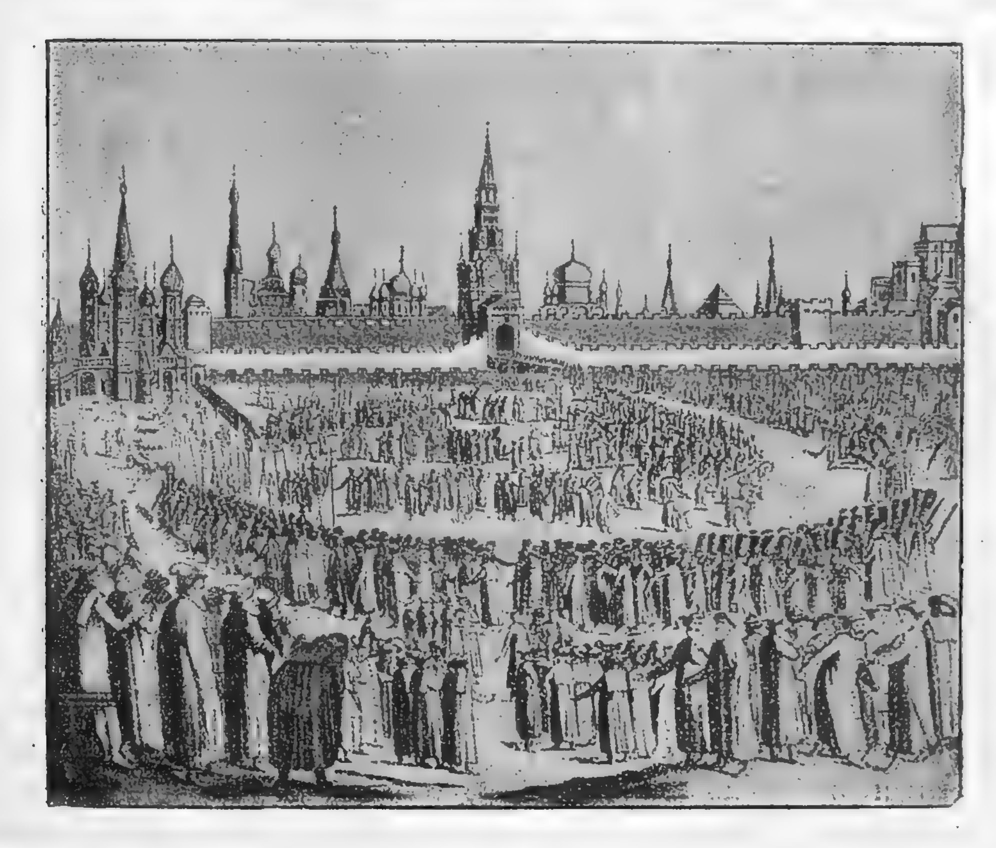
деревянныхъ, такъ называемаго скородома, по линіи Садовой. Стѣны Китай-города, какъ вы знаете, были построены великой княгиней Еленой Глинской въ малолѣтство Іоанна IV. Кромѣ того построенъ былъ въ память пораженія крымскихъ татаръ подъ самой Москвою Донской монастырь, гдѣ стояла чудотворная икона, бывшая съ Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ и вынесенная въ это время къ войску.

Но главными явленіями въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича были учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ.

Къ царствованію Ѳеодора Іоанновича завершилась уже организація или устройство нашего московскаго государства въ его царской наслѣдственной самодержавной власти, въ ея

высшихъ и областныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какова царская дума, приказы, намѣстничества и воеводства, а равно и въ государственныхъ сословіяхъ. И наша церковь православная имѣла твердое устройство. Но она по имени еще считалась частью константинопольскаго патріаршества: высшая власть надъ нашимъ духовенствомъ, правда только по имени, считалась принадлежащей константинопольскому патріархату.

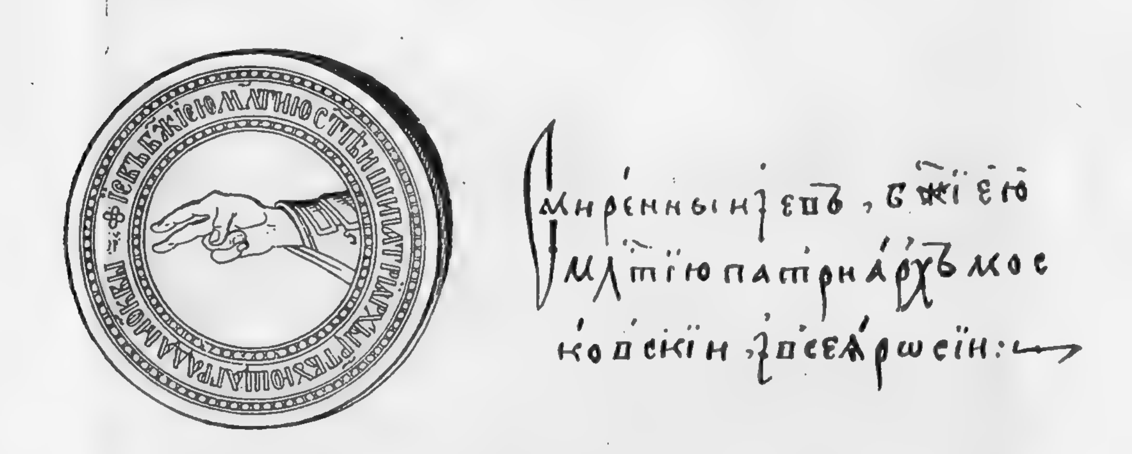
По мѣрѣ того, какъ Цареградъ и греческая имперія клонились подъ турецкими ударами къ паденію въ государственномъ

Крестный ходъ въ Вербное воскресенье.

отношеніи и къ упадку въ церковномъ, быстро росло значеніе Москвы и Россіи. Вы помните, что въ княженіе Василія II Темнаго греки пытались цѣною подчиненія своей церкви власти папской купить помощь себѣ у народовъ запада противъ турокъ и приняли такъ называемое флорентійское соединеніе церквей или унію. Но, не получивъ желаемаго, греки только уронили себя своей невѣрностью православію въ глазахъ русскихъ, и для этихъ послѣднихъ стала съ тѣхъ поръ тяжела и слабая зависимость сіявшей своимъ православіемъ Русской церкви отъ кон-

стантинопольскихъ патріарховъ; у насъ со времени святого митрополита Іоны уже сами русскіе епископы, безъ согласія константинопольскаго патріарха, поставляли себѣ всероссійскихъ митрополитовъ. Но когда Царьградъ былъ взятъ турками, греческое православіе въ мусульманской неволѣ было сильно утѣсняемо, а Россія именно въ эту пору почувствовала себя мощной и въ политическомъ, и въ церковномъ отношеніи наслѣдницей павшей Византіи. Іоаннъ III, какъ вы знаете, принялъ гербъ византійской имперіи—двоеглаваго орла; Москва стала мыслить себя третьимъ Римомъ, смѣнившимъ собою два павшихъ. Русскіе люди того времени говорили: «а похочетъ князь великій всея Руси за свою отчину константинопольскую стояти, зане же турецкій

Печать и подпись перваго патріарха Іова.

султанъ вотчину великаго князя держитъ, и онъ нынѣ имѣетъ пригодный путь». Сознаніе государственной и церковной мощи Россіи и побудило Іоанна IV возвести свое государство, взамѣнъ павшей Византіи, на степень царства, провозгласить себя царемъ, равнымъ греческимъ и римскимъ императорамъ. Было случайностью, что не первый Царь, а его сынъ и преемникъ Ѳеодоръ Іоанновичъ возвелъ первосвятителя Русской Церкви, митрополита всероссійскаго, въ патріархи, какъ равнаго всѣмъ другимъ патріархамъ восточнымъ и превосходившаго всѣхъ ихъ тѣмъ, что онъ былъ представителемъ наиболѣе цвѣтущей на всемъ православномъ востокѣ церкви.

Прибытіе въ Москву въ 1586 году антіохійскаго патріарха Іоакима за сборомъ пожертвованій въ пользу страждущихъ на востокѣ православныхъ, и его торжественныя служенія въ

Успенскомъ соборѣ возбудили въ Царѣ мысль объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Ѳеодоръ Іоанновичъ созвалъ освященный соборъ и бояръ на совѣщаніе по этому предмету и сказалъ: «по волѣ Божіей на востокѣ патріархи только по имени называются святителями, а власти почти вовсе лишены. Наша же страна, какъ видите, въ многорасширеніе приходитъ, а потому хочу, если Богу угодно и Писанія Божественныя не противорѣчатъ этому, да устроится превысочайшій престолъ

Воевода.

патріаршескій въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Думаю, это будетъ не во вредъ благочестію, но послужитъ къ преуспѣянію вѣры Христовой». Уѣзжавшій изъ Москвы съ большими дарами патріархъ антіохійскій принялъ порученіе спросить согласіе на это у восточныхъ патріарховъ. Чрезъ нѣсколько времени за такимъ же сборомъ пожертвованій и уже съ согласіемъ патріарховъ пріѣхалъ въ Москву патріархъ константинопольскій Іеремія. Ему было предложено стать патріархомъ всероссійскимъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ. Онъ отъ этого отказался, но посвя-

тилъ съ великой торжественностью въ патріархи митрополита Іова, 26 января 1589 года. Четыре архіепископа: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, возведены были въ санъ митрополичій, а шесть епископовъ получили званіе архіепископовъ. Такъ, учрежденіемъ патріаршества завершилась организація Русской Православной Церкви.

Большую важность имѣло совершившееся въ это царствованіе прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, измѣнившее организацію

Воины.

этого сословія и имѣвшее важное вліяніе и на всѣ другія сословія.

На Руси мало было развито рабство. Рабами—полною собственностью господъ были такъ называемые холопы или кабальные, образовавшіеся изъ военно-плѣнныхъ или людей, купленныхъ внѣ предѣловъ Россіи въ рабство, изъ несостоятельныхъ должниковъ и изъ добровольно продавшихся въ рабство. При мягкости славянской натуры обращеніе съ рабами у насъ не было столь тяжкимъ, какъ у другихъ народовъ; они часто отпу-

скались господами на волю или убѣгали и рѣдко разыскивались и были возвращаемы назадъ. Весь низшій классъ народа представлялъ свободную или вольную массу преимущественно хлѣбопашцевъ, или земледѣльцевъ, которые называли себя крестьянами, т.-е. христіанами. Примѣчательно, что землепашцы рѣдко называли себя «ратаями», по своему занятію, чаще называли себя по національности русскими или Русью, а главнымъ образомъ величали себя, по своей вѣрѣ или религіи,—христіанами, показывая тѣмъ, что въ себѣ они больше всего цѣнили свою вѣру,—свое христіанство.

Воевода.

Но крестьянство и при громадномъ обиліи пустопорожнихъ земель мало выдѣляло изъ себя собственниковъ. Это объяснялось трудностью отдѣльнымъ людямъ и даже ихъ группамъ—общинамъ—обрабатывать дѣвственную цѣлину Русской земли и обзаводиться своимъ хозяйствомъ и усадьбами. При легкости оброковъ за пользованіе владѣльческими землями, при возможности получить отъ землевладѣльцевъ и готовый инвентарь для обработки земли, крестьяне охотно селились на владѣльческихъ

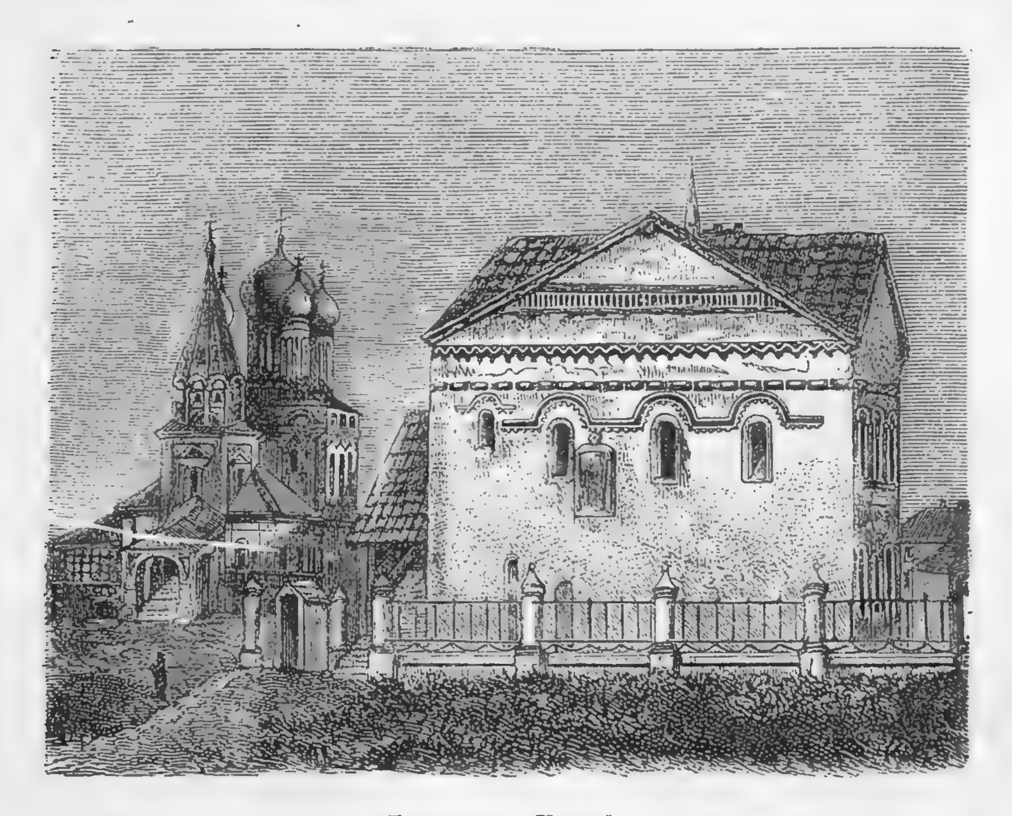
земляхъ; селились и на государевыхъ земляхъ, и тогда они назывались бѣлопашцами или бѣлосошными, или на государственныхъ и назывались черносошными. Равнымъ образомъ селились они на церковныхъ земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ и церквамъ, и на земляхъ бояръ-вотчиниковъ, имѣвшихъ наслѣдственныя земли, или на земляхъ помѣстныхъ, какія давались дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ за службу во временное пользованіе, съ обязательствомъ по царскому указу являться на государеву службу конными, людными и оружными и со

Св. царевичъ Димитрій. Съ иконы Симона Ушакова.

своимъ провіантомъ, т. е. на своемъ конѣ, со своимъ вооруженіемъ, съ однимъ или нѣсколькими слугами и запасомъ корма на первое время похода. Крестьяне, селясь на чужихъ земляхъ и обрабатывая ихъ за оброкъ землевладѣльцамъ, платившимъ поземельныя подати, были сначала свободны уходить съ занимаемыхъ ими земель. Но эти переходы были безпорядочны: крестьяне уходили съ земель то предъ временемъ ихъ обработки и посѣва, то во время жатвы, оставляя землевладѣльцевъ безъ работы, лишая ихъ возможности воздѣлывать

землю, платить поземельныя подати, положенныя по писцовымъ книгамъ, и даже отправлять воинскую повинность. Въ виду этого государственная власть стала ограничивать право перехода крестьянъ съ одной земли на другую. До Θеодора Іоанновича установилось правило, что крестьяне могутъ уходить съ обрабатываемыхъ ими земель только по окончаніи всѣхъ сельскохозяйственныхъ работъ, съ наступленіемъ зимы, около Юрьева дня (день Георгія Побѣдоносца, 26 ноября) въ теченіе трехъ

Дворецъ въ Угличѣ.

недѣль. Все остальное время года они были крѣпки землѣ и не могли уходить съ нея.

Но при этомъ условіи къ началу XVII вѣка получило повсемѣстное господство слѣдующее явленіе. Земли мелкихъ землевладѣльцевъ, ихъ помѣстья, за уходомъ крестьянъ въ Юрьевъ день, оставались много лѣтъ впустѣ необработанными, потому что крестьяне уходили къ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые давали болѣе льготъ по обработкѣ своихъ земель. Этимъ мелкіе землевладѣльцы были поставлены въ безысходное

положеніе: имъ нечѣмъ было платить государству поземельные налоги съ необработанныхъ земель и не на что было отбывать воинскую повинность, не на что было ни купить коня, ни пріобрѣсти оружіе, ни снарядить людей въ походъ и проч. Между тѣмъ, эти мелкопомѣстные владѣльцы составляли главную войсковую массу. Жалованье же имъ государству, кромѣ земель, платить было нечѣмъ, а земли необработанныя не давали ничего. Въ виду этого Борисъ Годуновъ отмѣнилъ право Юрьева дня, т. е. право перехода крестьянъ съ одной земли на другую. Такъ крестьяне стали крѣпкими землѣ, и возникло крѣпостное право. Въ началѣ оно не обращало крестьянъ въ рабовъ или холоповъ, какъ слугъ господскихъ, и первоначально не давало права помѣщикамъ продавать ихъ безъ земли, оставляя крестьянамъ свободу трудиться и работать и въ свою личную пользу. Но, несомнѣнно, и въ этомъ видѣ крѣпостное право представляло для крестьянства большую тягость. Много думали государи наши о снятіи съ народа этой тяготы, объ отмѣнѣ крѣпостного состоянія крестьянъ, пока, наконецъ, не приспѣло для этого время при Императорѣ Александрѣ II. Этотъ Самодержецъ сдѣлался освободителемъ 20 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Но какъ ни важны были разобранныя событія—учрежденіе патріаршества и прикрѣпленіе крестьянъ,— они были поставлены въ тѣнь другими событіями: смертью царевича Димитрія и кончиною Ѳеодора Іоанновича, которыя прекратили царствующій домъ св. Владиміра. Потрясенія, вызванныя этимъ, называются у насъ смутнымъ временемъ, и они длились 15 лѣтъ до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, родоначальника Царствующей нынѣ Династіи.

9-лѣтній царевичъ Димитрій жилъ съ матерью и ея братьями Нагими въ Угличѣ въ опалѣ отъ правителя государства Бориса Годунова; съ нетерпѣніемъ ожидали Нагіе совершеннолѣтія царевича, чтобы занять подобающее положеніе въ Москвѣ. Но это могло лишить Годунова власти и самого его повергнуть въ опальное состояніе. И онъ, конечно, думалъ не только объ этомъ, а и о возможности проложить себѣ путь къ престолу послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Питая властолюбивые замыслы достигнуть такой высоты, онъ окружилъ царевича и его род-

Бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. И. Е. Рѣпина.

ственниковъ своими людьми. Мамкой Димитрія сдѣлана была Волохова. Подъ предлогомъ наблюденія за земскими дѣлами и дворцовымъ хозяйствомъ посланъ былъ въ Угличъ дьякъ Михайла Битяговскій съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ. Эти-то люди и сдѣлались убійцами царевича; мать его подозрительно относилась къ этимъ годуновскимъ приставникамъ и не спускала глазъ съ царевича. Но вотъ что случилось 15 мая 1591 года. Пока царица, послѣ обѣдни, на которой была съ сыномъ, замѣшкалась въ хоромахъ дворца, мамка Волохова вмѣстѣ съ кормилицею повела гулять на дворъ царевича. Сынъ мамки царевича Осипъ Волоховъ подошелъ къ Димитрію и спросилъ: «это, государь, у тебя новое ожерелье»? «Нѣтъ, старое»,—отвѣчалъ ребенокъ и поднялъ голову, чтобы показать ожерелье. Въ рукахъ Волохова сверкнулъ ножъ; но ударъ былъ невѣренъ, поранена была лишь шея, а гортань осталась цѣла. Злодѣй пустился бѣжать. Царевичъ упалъ, кормилица прикрыла его собой и стала кричать. Битяговскій сынъ и Качаловъ нѣсколькими ударами ошеломили кормилицу, оттащили отъ нея ребенка и дорѣзали его. На крикъ кормилицы выбѣжала изъ дворца царица-мать и съ раздирающими душу криками упала на тѣло своего сына. На дворѣ никого уже не было; но соборный пономарь, бывшій въ это время на колокольнѣ, видѣлъ совершившееся и ударилъ въ набатъ. Сбѣжался народъ. Слыша отъ матери, что царевича убили подосланные Годуновымъ люди, растерзали, по указанію Нагихъ, обоихъ Битяговскихъ, Качалова и Волохова. Тѣло царевича было положено въ гробъ и поставлено въ церкви, а къ Өеодору Іоанновичу отправленъ былъ гонецъ съ грамотой съ извѣстіемъ о страшномъ злодѣяніи. Но гонца провели сперва къ Годунову; тотъ велѣлъ взять у него грамоту, написалъ другую, гдѣ говорилось, что царевичъ самъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Өеодоръ Іоанновичъ долго и неутѣшно плакалъ о братѣ. Было назначено слѣдствіе, порученное преданнымъ Годунову боярину Клешнину и крутицкому архіепископу Геласію вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, который хотя и былъ враждебенъ Годунову, но часто кривилъ душою. Слѣдователи повели такъ розыски, что оказалось, будто и вправду царевичъ накололся на ножъ въ припадкѣ падучей болѣзни. Обвинены были въ самоуправствѣ Нагіе и угличане. Первыхъ отправили въ зато-

ченіе; изъ вторыхъ многихъ казнили, а еще больше сослали въ Сибирь, куда отправленъ былъ и набатный колоколъ. Но народъ не вѣрилъ этому и считалъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія Бориса Годунова; съ чуткой тревогой всѣ думали о кончинѣ царя Θеодора и толковали, что будетъ послѣ его смерти.

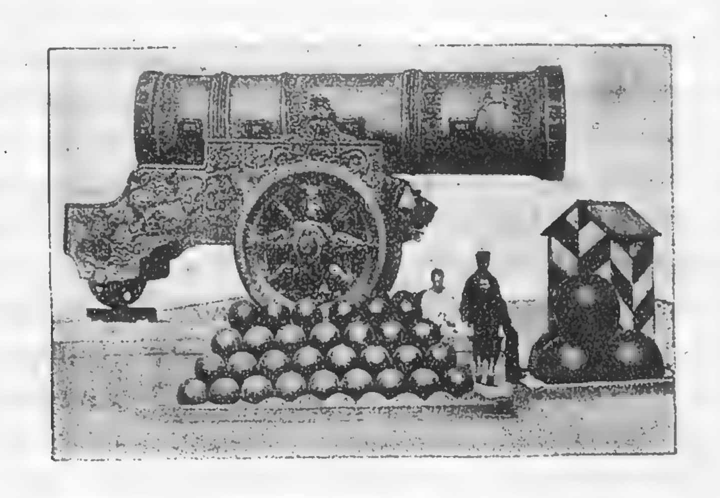
Въ слѣдующемъ 1592 году у царя Θеодора родилась дочь Θеодосія. И, когда чрезъ 10 мѣсяцевъ она умерла, народъ охотно вѣрилъ нелѣпымъ толкамъ, будто Годуновъ извелъ и маленькую царевну.

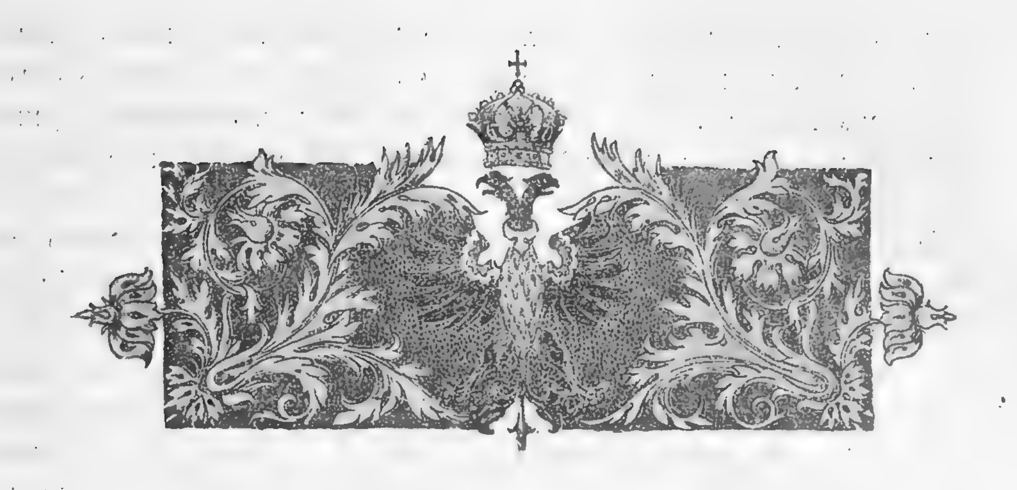
Чрезъ 6 лѣтъ послѣ этого скончался слабый здоровьемъ и царь Θеодоръ Іоанновичъ. «Великая печаль, говоритъ лѣтопись, была на Москвѣ въ Крещенье 1598 года», когда разнеслась тревожная вѣсть, что государь умираетъ. Народъ любилъ его не только такъ, какъ царелюбивые русскіе люди любятъ и каждаго законнаго, прирожденнаго своего государя: онъ чтилъ Θеодора Іоанновича за его особое благочестіе и, какъ вы знаете, прямо почиталъ его святымъ и приписывалъ «миръ и безмятежіе» его царствованія особому Божію благословенію, почившему на немъ. Но къ этому присоединялось еще весьма важное обстоятельство: «послѣдній царственный цвѣтъ Русской земли отходилъ отъ очей всѣхъ», гоьоритъ лѣтопись. Всѣ знали, что съ нимъ прекращается домъ св. Владиміра, основавшій Русское государство, просвѣтившій его вѣрою Христовой и возведшій его въ могущественное Царство Всероссійское, всѣ знали, какъ трудно найти новаго государя, родоначальника прирожденныхъ, наслѣдственныхъ царей.

Бояре и патріархъ все время безотлучно находились при умирающемъ царѣ и ждали отъ него рѣшенія важнѣйшаго и труднѣйшаго вопроса: «кому царство и насъ сирыхъ приказываешь и свою царицу?»—спросилъ патріархъ у государя. Но умиравшій не указалъ себѣ преемника. «Въ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ, и съ царицею моею воленъ Богъ; а какъ ей жить,—о томъ у насъ уложено».

Укажи умиравшій царь на царственнаго и любимаго народомъ боярина Θеодора Никитича Романова, и тяжкій вопросъ

о новомъ царѣ и царствующемъ домѣ разрѣшился бы: и смуты не послѣдовало бы. Но Ѳеодоръ Іоанновичъ не сдѣлалъ этого; онъ не указалъ и на своего шурина, тогдашняго правителя государства, Бориса Годунова. И народъ, по необходимости, долженъ былъ самъ, въ лицѣ высшихъ правительственныхъ лицъ, рѣшать трудный вопросъ, кому вручить верховную власть въ государствѣ? Это и привело къ страшнымъ смутамъ, дошедшимъ до междуцарствія, до лихолѣтья, до полнаго разрушенія Россійскаго Государства.

20.

Прекращеніе династіи Рюрика и трудность избрать родоначальника новаго Царствующаго дома, какъ главнѣйшая причина смутъ. Преданность народа угасшей династіи и его несклонность къ избирательной и ограниченной монархіи.—Избраніе на царство Бориса Годунова.—Народъ не беретъ на себя судить его за неправедное достиженіе престола, а судъ отдаетъ будто бы спасшемуся царевичу Димитрію, какъ прирожденному престолонаслѣднику.—Характеръ правленія Бориса Годунова.—Появленіе Лжедимитрія I, его похожденія и успѣхи, смерть Бориса и воцареніе самозванца.—Женитьба его на Маринѣ Минишекъ.—Гибель Лжедимитрія и воцареніе Василія Шуйскаго.

о смерти царя Ѳеодора Іоанновича въ 1598 году, до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова въ 1613 году, Россію потрясали страшныя смуты, доведшія наше государство до полнаго уничтоженія и поставившія нашъ народъ въ то положеніе анархіи, въ какомъ онъ находился предъ призваніемъ князей въ 862 году.

Основная причина смуты заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ трудности найти Основателя новой Царской Династіи такого, какому были бы по головѣ и по плечамъ шапка и бармы Мономаха, вѣнчавшія наслѣдственныхъ, прирожденныхъ государей нашихъ. Но это—самое тяжкое во всей нашей Исторіи—пятнадцатилѣтіе ясно показало, что народъ русскій безусловно чуждъ революціонныхъ стремленій и представляетъ поразительную преданность чистой, неограниченной, безъ смѣшенія съ на-

родовластіемъ, наслѣдственной самодержавной монархіи, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была многовѣковымъ историческимъ трудомъ ко времени Іоанна III и въ какомъ существовала при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ IV и сынѣ его Θеодорѣ Іоанновичѣ.

Царствованіе бездѣтнаго Θеодора и смерть единственнаго его наслѣдника, брата его царевича Димитрія, никого въ Россіи не навела на мысль, что прекращеніемъ династіи можно воспользоваться какой-либо общественной группѣ для присвоенія себѣ, въ той или другой мѣрѣ, верховной власти, для переустройства государства на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствовали при Грозномъ Іоаннѣ IV и при кроткомъ Θеодорѣ. Не шевельнулись въ сторону народовластія прежніе вѣчевые города, какъ Новгородъ, Псковъ и Вятка, не тронулись въ сторону удѣльныхъ многодержавія и обособленія отъ Москвы тѣ области, кои прежде были удѣльными княжествами, не взволновались правящіе классы боярства и дворянства, въ интересахъ подъема своего политическаго значенія, за счетъ власти будущаго монарха. Польша и Литва, въ лицѣ ихъ вельможъ и шляхты, еще раньше смерти послѣдняго, тоже бездѣтнаго представителя угасавшей династіи Ягеллоновъ (Сигизмунда II Августа), въ особой конституціи на Люблинскомъ сеймѣ, умалили власть своего государя особенно тѣмъ, что наслѣдственный его престолъ сдѣлали избирательнымъ. У насъ это было хорошо извѣстно, но ни чьи руки, ни-чьи помыслы не простирались къ избранію государя и къ ослабленію его власти въ свою пользу. То, что предъ самой кончиной Θеодора Іоанновича спрашивалъ у умиравшаго царя патріархъ: «кому приказываешь царство свое и насъ сирыхъ?» готовъ былъ спросить каждый вѣрный сынъ народа, сознавая, что онъ при своихъ предкахъ отдалъ наслѣдственную верховную власть надъ собою тому Рюрику, который положилъ начало Русскому Государству и родъ котораго володѣлъ народомъ до самой кончины Θеодора и такъ много сдѣлалъ для созданія могущества Россіи. Примѣчательно, что когда послѣдній представитель царской династіи скончался, чѣмъ-то страннымъ, не требующимъ даже отвѣта, прозвучало предложеніе дьяка Щелкалова о томъ, что нужно присягнуть на имя думы боярской, и всѣ стали присягать вдовствующей царицѣ Иринѣ, хотя заранѣе было извѣстно, что она уходитъ въ иночество и царствовать не будетъ. Точно также, и послѣ ея постри-

женія подъ именемъ Александры въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, опять никто не заговорилъ *о выборѣ государя* и, по слову начальнаго человѣка—патріарха, всѣ готовы были безъ выборнаго сейма присягнуть правителю государства Борису Ѳеодоровичу Годунову, какъ царю. Если же былъ созванъ избирательный земскій соборъ, то этого хотѣлъ никто другой, какъ самъ Годуновъ, думавшій, что избраніе соборомъ сдѣлаетъ его родъ прочнѣе на престолѣ, чѣмъ одно провозглашеніе народомъ и

Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. По Титулярнику.

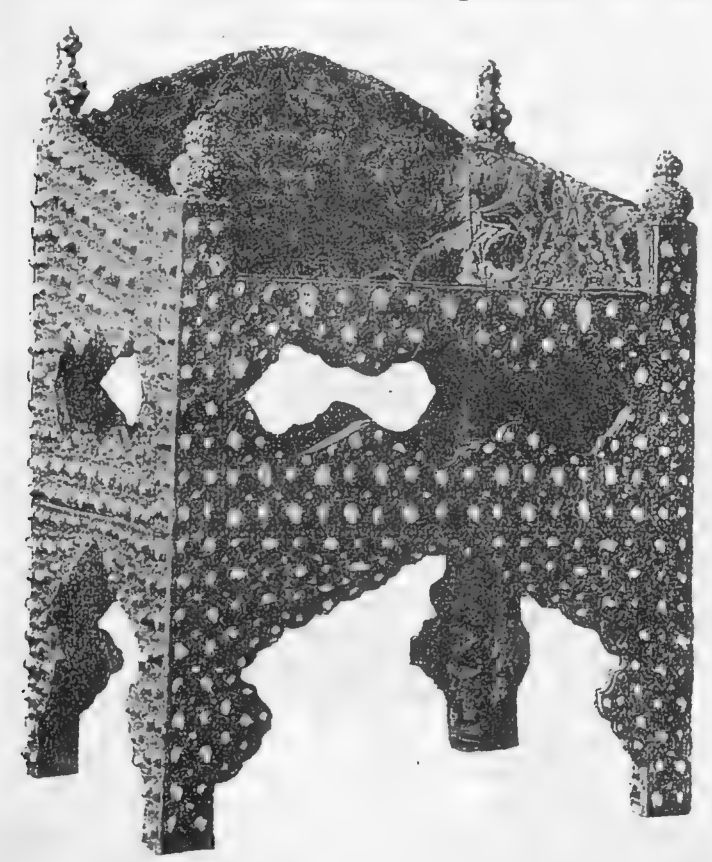
присяга подданныхъ. Вѣдь, и послѣ этого князю Василію Шуйскому для своего воцаренія оказалось достаточнымъ лишь провозглашеніе царемъ въ Москвѣ и присяга на его имя подданныхъ, а избирательный земскій соборъ для передачи престола совсѣмъ не созывался.

Достопримѣчательно также, что и въ послѣдующее время народъ не взялъ на себя свергать сына перваго выборнаго царя Өеодора Борисовича Годунова, отдавая надъ нимъ судъ всецѣло и единственно тому, кого считалъ сыномъ Іоанна Грознаго — спасшимся будто отъ убійцъ царевичемъ Димитріемъ; освобожденіе же отъ власти Годуновыхъ казалось народу возвращеніемъ подъ власть безусловно законнаго, наслѣдственнаго, прирожденнаго государя «Милостію Божіей», а не чьимъ бы то ни было избраніемъ. И низверженіе Шуйскаго, какъ увидимъ ниже, не было всенароднымъ, а было дѣломъ приверженцевъ Ляпунова, въ то время, какъ отъ крамолъ и смутъ все расшаталось, всѣ измалодушествовались. Когда же русскіе люди, по знаменательному выраженію того времени, «достаточно наказались», народъ самъ возстановилъ у себя наслѣдственную самодержавную монархію въ лицѣ Михаила Өеодоровича Романова, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создалась многовѣковою исторіей, существовала при Іоаннѣ IV и его сынѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ.

Но послѣ этихъ общихъ разсужденій обратимся къ царствованію Бориса Өеодоровича Годунова.

Избраніе его на царство совершилось правильно. Раньше онъ былъ, какъ вы знаете, правителемъ государства при Өеодорѣ Іоанновичѣ, былъ братомъ той царицы, которой присягнула Москва, былъ призванъ на царство патріархомъ вмѣстѣ съ духовенствомъ, съ одобренія боярства и народа. Но онъ не принялъ этого призванія, и пришлось по необходимости созывать въ Москву на такъ называемый земскій соборъ выборныхъ людей отъ областей и городовъ, и они вмѣстѣ съ правящимъ классомъ московскаго государства, не присвояя себѣ правъ учредительнаго собранія, избрали его царемъ. И при этомъ Борисъ двукратно отказывается отъ этого высокаго избранія и принимаетъ его только тогда, когда патріархъ Іовъ съ крестнымъ ходомъ, съ Владимірской иконой Богоматери, двинулся въ Новодѣвичій монастырь, когда народъ на колѣняхъ умолялъ его принять царство, когда царица инокиня благословила его на это. Правильнѣе этого никто не могъ быть избранъ на царство даже изъ тѣхъ, кто болѣе имѣлъ правъ на это, по древности и знатности своего рода и по близости къ царскому престолу. И народъ присягнулъ на подданство Борису, не какъ избранному на одно царствованіе, а какъ родоначальнику новой царской династіи; безъ всякихъ выборовъ, послѣ его смерти, русскіе люди присягнули и его наслѣднику и сыну Өеодору Борисовичу, не помышляя о какомъ-либо ограниченіи его правъ.

Въ день своего коронованія въ Успенскомъ соборѣ Годуновъ предъ лицемъ патріарха громко сказалъ: «Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ». Взявшись за воротъ своей рубашки, прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми». Но душа народная смущалась тѣмъ, что на Борисѣ Годуновѣ тяготѣло обвиненіе, что онъ былъ виновникомъ убіенія царевича Димитрія, и что онъ преступленіемъ неправедно проложилъ себѣ путь къ престолу. Однакоже нашъ народъ не присвоилъ себѣ суда надъ правильно избраннымъ и по преданіямъ

Тронъ царя Бориса Θеодоровича.

вѣнчаннымъ на царство государемъ. По убѣжденіямъ народа, судить его могъ только Богъ или тотъ, кому по правдѣ и закону долженъ былъ принадлежать царскій скипетръ. И въ этомъ вы можете увидать, какъ далекъ русскій народъ отъ мятежно-революціоннаго духа народовъ запада, поднимавшихся иногда на своихъ законныхъ государей, судившихъ ихъ. Свергнуть сына Годунова Θеодора Борисовича съ престола, освободить народъ отъ присяги ему на подданство могъ только тотъ, кто убѣдилъ народъ, что на его отческомъ и праотческомъ престолѣ неправедно, какъ похитите-

ли его царства, возсѣли Годуновы, тотъ, кто удостовѣрилъ народъ, будто онъ спасшійся царевичъ Димитрій, прирожденный, наслѣдственный государь. Народъ въ своемъ простодушіи не узналъ въ немъ обманщика — самозванца и пошелъ за нимъ противъ Годуновыхъ, какъ за своимъ законнымъ и прирожденнымъ государемъ. Это характернѣйшее явленіе нашего смутнаго времени, ярко рисующее духъ нашего народа,—отличіе нашего лихолѣтья отъ революціонныхъ движеній запада.

Семилѣтнее царствованіе Бориса Годунова (1598—1605) представляетъ поразительную картину того, какъ родоначальникъ новаго Царствующаго Дома выбивается изъ силъ устоять подъ тяжестью обагренныхъ царственной кровью бармъ Мономаха и какъ падаетъ онъ подъ этимъ непосильнымъ для него бременемъ. Эта картина геніальными чертами нарисована нашимъ ве-

Печать Бориса Годунова.

ликимъ историкомъ Н. М. Карамзинымъ въ его Исторіи Государства Россійскаго и нашимъ великимъ національнымъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ въ его исторической драмѣ: «Борисъ Годуновъ».

Мы не станемъ разсказывать подробно—какъ правилъ государствомъ Борисъ. Но дѣянія его обнаруживали умъ и добрыя заботы о благѣ народномъ. Онъ былъ миролюбивъ и не затѣвалъ войнъ, облегчалъ народу подати, щедро благотворилъ бѣднымъ и сиротамъ, заботился объ оживленіи торговли и промышленности, строилъ города, проводилъ дороги, хлопоталъ о правосудіи и порядкѣ въ управленіи, о просвѣщеніи народа, собирался вызывать иностранцевъ для обученія русскихъ разнымъ

наукамъ и чужимъ языкамъ, посылалъ русскихъ учиться за границу. Первые годы правленія Бориса были вполнѣ благополучны. Но вотъ Россію посѣщаютъ различныя бѣдствія. Съ 1601 года начался у насъ страшный неурожай, продолжавшійся два года подрядъ и вызывавшій сильный голодъ и моръ. Въ теченіе двухъ лѣтъ въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человѣкъ. Бо-

Колокольня Ивана Великаго.

рисъ Θеодоровичъ напрягалъ всѣ свои усилія помочь народу въ бѣдѣ, раздавалъ ему съ поразительной щедростью деньги и хлѣбъ, но это сзывало въ Москву массы народа и дѣйствительно нуждавшагося, и просто охочаго до дарового пайка; скупалъ хлѣбъ и приказывалъ продавать его по дешевой цѣнѣ; чтобы дать заработокъ народу, затѣвалъ новыя постройки.

Памятникомъ этого является нашъ Иванъ Великій. Но ни хорошая правительственная дѣятельность, ни щедрая благотворительность Бориса не привязывали къ нему сердца народнаго, не успокоивали никого. Смутно говорили въ народѣ, что всѣ бѣдствія тогдашняго времени посланы Богомъ за кровь царевича Димитрія. И самъ Борисъ почувствовалъ себя непрочнымъ на престолѣ, омрачился въ душѣ своей, сталъ подозрителенъ, недовѣрчивъ, всюду видѣлъ измѣну. Одновременно съ бѣдствіями начались гоненія на выдающихся бояръ, которые прежде были близки къ престолу. Особенно тяжки были гоненія на бояръ Романовыхъ, родственниковъ угасшаго царскаго рода; ихъ неправедно обвинили въ замыслахъ противъ царя и всѣхъ отправили въ заточеніе, а наиболѣе царственнаго изъ нихъ Ѳеодора Никитича постригли въ монахи въ Сійскій Антоніевъ монастырь; постригли также въ монахини супругу его Ксенію подъ именемъ Марѳы, а шестилѣтняго ихъ сына (будущаго Царя) Михаила Ѳеодоровича съ его теткой и ея мужемъ княземъ Черкасскимъ сослали въ Бѣлоозеро.

Мрачно было въ душѣ Бориса и темно стало и въ сердцѣ народномъ. Какъ молнія, прорѣзала этотъ мракъ поразительная вѣсть, что царевичъ Димитрій не былъ убитъ въ Угличѣ, что вмѣсто него убили другого мальчика, а онъ спасся и теперь собирается гдѣ-то за рубежемъ Россіи идти на Бориса и возвратить себѣ похищенное у него царство. Все замутилось.

Вотъ какія рѣчи влагаетъ поэтъ въ уста Бориса Годунова, характеризуя его настроеніе....

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно,
Но счастья нѣтъ душѣ моей...
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгіе, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ:
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами его любовь снискать,—
Но отложилъ пустое попеченье...
Безумны мы, когда народный плескъ
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.
Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы, я злато

Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы,
Они жъ меня, бѣснулясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ,—
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Они жъ меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;—
Какъ буря, смерть уноситъ жениха;
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ,—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Өеодора кончину.
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить.
Ничто, ничто.... едина развѣ совѣсть.—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося.
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста.

Сѣдельный приборъ Бориса Годунова.

Орудіемъ противъ Бориса и его рода явился самозванецъ, принявшій на себя имя спасшагося будто отъ убійцъ Димитрія царевича.

Кто подготовилъ самозванца, какъ орудіе для погибели Бориса и сверженія рода Годуновыхъ,—рѣшить трудно.

По русскимъ свидѣтельствамъ того времени, онъ былъ сыномъ стрѣлецкаго сотника Богдана Отрепьева изъ города Галича и мальчикомъ жилъ на службѣ у разныхъ бояръ, научился грамотѣ, странствовалъ по монастырямъ и постригся въ монахи. Живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ, какъ грамотный и способный малый, попалъ къ патріарху для письменнаго дѣла въ крестовые дьяки, бывалъ съ нимъ въ думѣ царской и отлично зналъ тогдашнее положеніе дѣлъ. Онъ сталъ говорить монахамъ неподобныя рѣчи: «знайте, что я буду царемъ на Москвѣ»..... Такія сумасбродныя слова, пугавшія слушателей своею дерзостью, дошли до высшихъ властей. Какъ безумца, Григорія Отрепьева не казнили, а отправили въ ссылку на вѣчное покаяніе въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь. Но сопровождавшій его дьякъ упустилъ его, а онъ бѣжалъ въ польскія владѣнія. Въ мѣстечкѣ Гощѣ близъ Луцка, на Волыни, онъ сѣлъ за латинскую грамматику, научился по-польски, потомъ ушелъ къ запорожскимъ казакамъ, гдѣ привыкъ владѣть мечомъ и конемъ, и, наконецъ, поступилъ на службу къ польскому вельможѣ Адаму Вишневецкому; однажды онъ притворился опасно больнымъ, призвалъ духовника и просилъ, чтобы, въ случаѣ смерти, похоронили его, какъ царскаго сына. Это было передано Вишневецкому, которому Отрепьевъ показалъ бывшій на груди его драгоцѣнный крестъ съ мощами и какую-то грамоту, говорившую, что онъ Димитрій царевичъ, спасшійся отъ убійцъ въ Угличѣ. Повѣрилъ или нѣтъ этому Вишневецкій, но онъ и паны польскіе, конечно, въ своихъ видахъ, стали поддерживать объявившагося у нихъ московскаго царевича. Одинъ изъ нихъ панъ Юрій Мнишекъ сговорилъ за него дочь свою, красавицу Марину; но свадьба была отложена до вступленія Димитрія на русскій престолъ; католическіе монахи-іезуиты стали поддерживать самозванца у папы и короля польскаго Сигизмунда III, потому что онъ тайно принялъ католическую вѣру и обѣщалъ ввести ее въ Россіи; король, разсчитывавшій, что Лжедимитрій сдѣлается орудіемъ польскихъ видовъ на Россію, принялъ его у себя, сталъ давать ему деньги и разрѣшилъ собирать себѣ войско изъ

польской шляхты. Вѣсти обо всемъ этомъ доходили до Москвы, чрезвычайно волновали Бориса Годунова, обрадовали нелюбившихъ его, да и всѣхъ русскихъ людей привели въ сильное возбужденіе. Годуновъ принималъ всяческія мѣры противъ успѣховъ самозванца. Онъ велѣлъ охранять отъ перехода польскую границу, патріархъ Іовъ отлучилъ самозванца отъ церкви и предалъ въ храмахъ анаѳемѣ. Борисъ издалъ грамоту, разоблачавшую его происхожденіе и самозванство. Въ ней онъ назывался бѣглымъ монахомъ Гришкой Отрепьевымъ. Но эти

Борисъ Годуновъ*).

мѣры не могли успокоить смуты въ умахъ, не могли удержать русскихъ людей отъ перехода на сторону объявившагося царевича, въ которомъ они искренно, хотя и неосновательно, видѣли законнаго, прирожденнаго, наслѣдственнаго государя, шедшаго отнять по праву принадлежавшій ему престолъ отъ похитителя власти. Конечно, къ самозванцу переходили многіе, не вѣря въ его царское происхожденіе. Это были смутьяны, замышлявшіе изъ замѣшательствъ въ своемъ отечествѣ извлечь свои выгоды.

По переходѣ самозванца чрезъ польскую границу въ русскіе предѣлы, къ нему примкнули казаки и подъ его знамена

*) Съ древняго портрета, находящагося въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

стали стекаться и разные русскіе подонки и всѣ недовольные Борисомъ. Многіе города Сѣверской украйны добровольно сдались самозванцу, какъ подлинному Димитрію. Но Новгородъ-Сѣверскій, защищаемый воеводой Петромъ Басмановымъ, остался вѣрнымъ Борису и мужественно отбился отъ самозванца. Сюда подошло царское войско подъ начальствомъ князя Мстиславскаго. Но уже и ратными людьми овладѣло сомнѣніе, не поднимаютъ ли они рукъ противъ своего законнаго государя. По выраженію лѣтописи, у русскихъ людей не было рукъ для сѣчи. Мстиславскій потерпѣлъ пораженіе. На мѣсто этого раненаго воеводы посланъ былъ съ войсками князь Василій Ивановичъ Шуйскій и нанесъ пораженіе самозванцу при Добрыничахъ. Но воеводы не воспользовались этой побѣдой и дали Лжедимитрію оправиться при помощи новыхъ подкрѣпленій. Сила

Печать Өеодора Борисовича.

самозванца была не въ побѣдахъ, а въ слабости Бориса, — въ утратѣ въ народѣ вѣры въ законность царствованія Годунова; число приверженцевъ его таяло, а число сторонниковъ мнимаго Дмитрія росло. Самъ Борисъ чувствовалъ, какъ почва подъ нимъ колеблется и уходитъ изъ-подъ его ногъ и среди глубокихъ внутреннихъ волненій, въ самое критическое время, внезапно скончался. 13 апрѣля 1605 года Борисъ послѣ обѣда поднялся на вышку царскаго терема полюбоваться видомъ Москвы и внезапно почувствовалъ себя дурно: у него полилась изъ ушей и носа кровь, наскоро призвали врачей-иностранцевъ и патріарха. Тотъ едва успѣлъ возложить на него схиму съ именемъ Боголѣпа. Царь скончался. Въ его смерти увидали судъ Божій за кровь Димитрія царевича.

Однако и въ это тяжкое время, не смотря на охватившее

всѣхъ колебаніе, московскій народъ и войско присягнули на подданство шестнадцатилѣтнему сыну Бориса Өеодору, какъ наслѣдственному государю. Онъ былъ добрый и хорошо образованный юноша. Обративъ вниманіе на то, что Шуйскій и Мстиславскій опустили руки предъ сидѣвшимъ въ Путивлѣ самозванцемъ, онъ на смѣну этихъ воеводъ послалъ изъ Москвы Басманова. Но новый воевода засталъ въ войскѣ сильную *шатость въ умахъ*, нежеланіе повиноваться Годуновымъ и потерялъ надежду на успѣхъ. Не твердый въ нравственномъ долгѣ, онъ измѣнилъ присягѣ, присоединился къ приверженцамъ самозванца

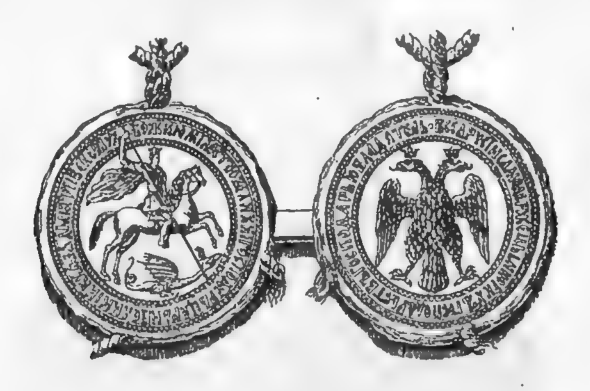
Дмитрій Самозванецъ.

и объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Это было рѣшительнымъ ударомъ еще невѣнчанному на царство Өеодору Борисовичу. Лжедимитрій, сопровождаемый возраставшимъ успѣхомъ, двинулся въ Москву и отправилъ туда свои ласковыя грамоты. Москва отступилась отъ Өеодора Годунова, онъ былъ сведенъ съ царства и скоро былъ убитъ приверженцами самозванца.

Низверженіе Годуновыхъ произошло не въ видѣ революціи, передающей верховную власть какому-либо изъ ея вождей, а въ видѣ возвращенія престола будто спасшемуся отъ смерти, его законному прирожденному наслѣднику, царевичу Димитрію. Чрезвычайно характерно, что даже противъ неправедно захва-

тившаго власть Годунова и его сына можно было возмутить народъ только именемъ законнаго государя. И тѣ, кто подготовилъ самозванца, вызвавъ тѣнь убитаго Димитрія, дѣйствовали съ тонкимъ разумѣніемъ государственнаго духа русскаго народа, чуждаго всему революціонному и анархическому.

Послѣ убіенія Θеодора и супруги Бориса Маріи и низверженія патріарха Іова, 20 іюня, въ чудный лѣтній день 1605 года, вступилъ самозванецъ въ присягнувшую ему Москву. Народъ, вѣрившій, что это приходитъ истинный царь Димитрій, громадными толпами наполнилъ улицы и площади и покрылъ крыши домовъ и колокольни и радостно привѣтствовалъ не новаго выборнаго властителя, а прирожденнаго государя, продолжателя старой династіи. Но вступленіе самозванца въ Москву было

Печать Лжедимитрія.

необычайнымъ: впереди ѣхали польскіе латники, въ ихъ крылатыхъ шлемахъ и панцыряхъ, польскіе паны въ кунтушахъ и конфедераткахъ; вокругъ самозванца было много нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ; сзади же его шли русскіе бояре и русскіе полки. Лжедимитрій ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ великолѣпной одеждѣ, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ. Звонъ колоколовъ сливался съ привѣтственными кликами народа; но уже чувствовалось что-то неладное. Когда самозванецъ выѣзжалъ изъ москворѣцкихъ воротъ на Красную площадь, поднялся страшный вихрь; всадники едва усидѣли на лошадяхъ; колокола сами собою зазвонили у св. Софіи, что на набережной; покрытое тучами пыли шествіе остановилось. Народъ увидалъ въ этомъ недоброе предзнаменованіе. Кромѣ того, онъ былъ недоволенъ, что въ ту минуту, когда Димитрій, встрѣченный духовенствомъ, прикладывался къ образамъ на Лобномъ

мѣстѣ, на Красной площади гремѣла музыка: трубы и литавры заглушали церковное пѣніе. Въ то время, какъ самозванецъ проявлялъ притворное волненіе предъ гробомъ Грознаго въ Архангельскомъ соборѣ, князь Василій Шуйскій уже говорилъ народу, что это—не истинный Димитрій, а самозванецъ, за что едва не поплатился головою, помилованный самозванцемъ уже на самой плахѣ.

Трудно было держаться на престолѣ Лжедимитрію, хотя на его сторонѣ было расположеніе народа, въ своемъ большинствѣ простодушно вѣрившаго, что онъ—подлинный Дмитрій Іоанновичъ, и хотя онъ обладалъ умомъ и энергіей. Если кровь Димитрія царевича погубила Годунова съ его родомъ, то тѣмъ паче измѣна русскому духу Лжедимитрія, сѣвшаго на престолъ, правда, не насиліемъ, а только обманомъ, должна была погубить новаго похитителя шапки Мономаха. Самозванецъ купилъ поддержку Польши въ лицѣ ея короля, духовенства и пановъ, цѣной тайнаго принятія папизма и обязательства ввести его въ Россію. Кромѣ того, онъ вводилъ въ православный Кремль, въ качествѣ русской царицы, католичку, польскую панну Марину Мнишекъ. Нѣкоторые историки сильно налегаютъ на то, что Лжедимитрій легкомысленно относился къ русскимъ обычаямъ, давая этимъ понять, будто онъ удержался бы на престолѣ, если бы освободился отъ своего безпечнаго легкомыслія. Но притворное уваженіе къ русскимъ обычаямъ не могло бы надолго укрыть въ самозванцѣ болѣе существеннаго, именно того, что онъ идетъ противъ самой коренной основы нашей жизни,—противъ православія, что онъ не—«царь православный». Не одѣвайся онъ въ польскій костюмъ, ходи въ баню, не ѣшь телятины въ постные дни, не дѣлай и другихъ нарушеній нашего быта,—народъ своимъ вѣщимъ чутьемъ разгадалъ бы, кто — онъ и что — онъ, и убѣдился бы, что онъ ошибся, признавъ въ немъ истиннаго сына царя Іоанна IV.

На мѣсто сверженнаго патріарха Іова былъ возведенъ самозванцемъ грекъ Игнатій, бывшій архіепископомъ въ Рязани. Онъ первый изъ архіереевъ призналъ Лжедимитрія царемъ. Вслѣдъ затѣмъ новый придворный сановникъ — великій мечникъ, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій привезъ изъ Выкснинскаго монастыря въ (500 верстахъ отъ Москвы) царицу-инокиню Мареу. Несчастная вдова Грознаго должна была послѣ свиданія съ мнимымъ сыномъ въ шатрѣ близъ села Тайнинскаго при-

знать самозванца своимъ порожденіемъ. Вдовствующая царица была поселена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

30-го іюля Лжедимитрій, по установленному чину, вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ. Но къ древне-русскому священнодѣйствію примѣшалось нѣчто чуждое, непріятно поражавшее народъ. Въ храмѣ Пречистыя польскій іезуитъ Черниковскій привѣтствовалъ рѣчью новаго царя. По случаю коронаціи, послѣдовали царскія милости: пожалованъ былъ, какъ мнимый дядя государя, Михаилъ Нагой, саномъ великаго конюшаго; бояре Ро-

Димитрій Самозванецъ.

мановы, какъ родственники Димитрія, были возвращены изъ заточенія, Филаретъ Никитичъ посвященъ былъ въ митрополиты ростовскіе, а Иванъ Никитичъ Романовъ получилъ санъ боярина.

Но Москва уже стала всматриваться въ то фальшивое, нерусское, что видно было въ быту и обстановкѣ новаго властителя. Кромѣ упомянутаго нарушенія русскихъ обычаевъ, всѣхъ поражала невиданная расточительность Лжедимитрія, въ пользу чужихъ, дававшаго иноземнымъ музыкантамъ такое жалованье,

какого не получали и первые сановники государства. Называя себя «непобѣдимымъ императоромъ», самозванецъ сдѣлалъ себѣ изъ чистаго золота богатѣйшій тронъ со львами и большимъ орломъ и увѣшалъ его брильянтовыми и жемчужными кистями. Одѣтый въ польскій костюмъ, онъ бѣшено ѣздилъ верхомъ по Москвѣ и даже къ Успенскому собору, чего не бывало прежде, подъѣзжалъ на сѣдлѣ. Устраивая травли медвѣдей и волковъ, съ невиданнымъ въ Москвѣ задоромъ участвовалъ въ нихъ самъ. Не ложась спать послѣ обѣда, онъ ходилъ пѣшкомъ въ гости къ полякамъ и нѣмцамъ; а боярамъ, не досмотрѣвшимъ выхода его

Марина Мнишекъ.

изъ дворца, приходилось разыскивать его по городу; поляки пировали въ Москвѣ, высокомѣрно обращались съ русскими и обижали ихъ.

По свидѣтельству современниковъ, первый самозванецъ былъ сильный и широкоплечій человѣкъ, мрачный и задумчивый, безъ бороды и усовъ. Лицо у него было широкое, желтовато-смуглое, уши длинныя, волосы русые, рыжеватые; глаза темно-голубые, большой ротъ, толстыя губы и крупный носъ; на лицѣ онъ имѣлъ двѣ бородавки: одну на носу, на правой сторонѣ, а другую—на лѣвой сторонѣ на лбу, да, кромѣ того, родимое пятно у праваго плеча. Одна рука у него была длиннѣе другой; въ

рукахъ была сила необыкновенная. Нѣкоторыми изъ указанныхъ примѣтъ онъ походилъ на Димитрія царевича, хотя, по выраженію одного современника, имѣлъ препростое обличіе, не царскаго достоинства.

Чѣмъ дальше шло, тѣмъ сильнѣе вѣялъ въ Москвѣ польскій духъ: въ Ивановской колокольнѣ ксендзы стали совершать католическія мессы; появился въ Кремлѣ папскій легатъ; пасторы протестантовъ—наемныхъ нѣмцевъ стали открыто совершать свои службы. Въ Москвѣ пошли приготовленія къ пріѣзду царской невѣсты Марины Мнишекъ.

3-го мая она прибыла въ Москву; на ея пути сдѣланы были большія приготовленія. За Дорогомиловской заставой, у Москвырѣки, былъ раскинутъ великолѣпный шатеръ, гдѣ Мстиславскій съ другими боярами привѣтствовалъ Марину. Здѣсь пересѣла она въ великолѣпную колесницу, украшенную серебряными орлами и запряженную двѣнадцатью бѣлыми конями съ черными пятнами. Внутри колесницы лежали подушки, унизанныя жемчугомъ; колеса ея были вызолочены. Впереди шли 300 гайдуковъ и 300 музыкантовъ. За колесницей ѣхали 13 каретъ, въ коихъ сидѣла польская свита. Москва огласилась колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами. Путь лежалъ по нынѣшнему Арбату, Тверскому бульвару, по Тверской, чрезъ Воскресенскія ворота на Красную площадь. У Спасскихъ воротъ не было духовенства, такъ какъ Марина была иновѣрка; зато музыка гремѣла здѣсь польскія національныя пѣсни. Марина была одѣта въ бѣлое атласное платье французскаго покроя, въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. У Вознесенскаго монастыря она была встрѣчена женихомъ и царицей-инокиней и поселилась въ ея кельяхъ.

Первый день по своемъ пріѣздѣ панна Мнишекъ ничего не ѣла, потому что русскія, да притомъ монастырскія кушанья были ей не по вкусу. Узнавъ объ этомъ, Лжедимитрій прислалъ ей въ Вознесенскій монастырь польскихъ поваровъ и приказалъ увеселять ее музыкой и пляской. 7-го мая вечеромъ, при свѣтѣ 200 факеловъ, Марина переѣхала изъ монастыря во дворецъ. На другой день утромъ совершено было ея обрученіе въ столовой палатѣ, куда невѣста введена была княгиней Мстиславской и воеводой сендомирскимъ. При обрученіи присутствовали только тысяцкій Василій Шуйскій, дружки и сваха и еще немногіе. Марина была въ русскомъ бархатномъ платьѣ, украшенномъ множествомъ драгоцѣнныхъ камней, и въ золотомъ вѣнцѣ. Затѣмъ женихъ и невѣста перешли въ Грановитую па-

лату, гдѣ ждали ихъ русскій дворъ, польская свита и послы короля Сигизмунда III, Гонсѣевскій и Олѣсницкій. Здѣсь поставлены были два трона; Михайла Нагой держалъ корону и бармы Мономаха, къ которымъ Марина приложилась. Потомъ царскій духовникъ повелъ жениха и невѣсту въ Успенскій соборъ, гдѣ прежде всего Марина была вѣнчана на царство. Лжепатріархъ Игнатій, не смотря на то, что она не была присоединена къ православію, возложилъ на нее животворящій крестъ, бармы и царскую корону. Для нея былъ поставленъ тронъ рядомъ съ трономъ царя и сѣдалищемъ патріарха. За литургіей Игнатій помазалъ ее

Медаль Лжедимитрія I.

елеемъ и причастилъ. По окончаніи литургіи духовенство и бояре цѣловали у нея руку и присягали на вѣрность. Затѣмъ только немногіе оставлены были въ соборѣ, остальные же всѣ были высланы, а благовѣщенскій протоіерей совершилъ бракосочетаніе. Церемонія окончилась передъ вечеромъ, и новобрачные вышли изъ собора, при звонѣ колоколовъ, пушечныхъ выстрѣлахъ и звукахъ трубъ и литавръ. Въ дверяхъ собора Мстиславскій осыпалъ ихъ золотыми монетами изъ богатой чаши, а всѣ остальные червонцы и медали бросилъ въ толпу.

Казанскій митрополитъ Гермогенъ (будущій патріархъ) и Іосифъ, архіепископъ коломенскій, предупреждали Лжедимитрія, что бракъ его съ Мариной будетъ незаконнымъ, если она не отречется отъ латинства и не присоединится къ православію. Но самозванецъ пренебрегъ предостереженіемъ, какъ и русскими обычаями, не разрѣшающими свадебъ подъ пятницу, въ которую въ томъ году праздновалась память св. Николая Чудотворца.

Начались праздники и пиры въ Кремлевскомъ дворцѣ, выражавшіе въ похитителѣ власти настроеніе, несвойственное сыну Грознаго и вообще русскому человѣку. На обѣдахъ самозванецъ садился лицомъ къ польскимъ панамъ, а спиной къ русскимъ боярамъ. По вечерамъ въ польскомъ костюмѣ танцовалъ мазурку и даже надѣвалъ на лицо маску. Но все это только больше и больше разоблачало въ глазахъ русскихъ, что онъ—подложный царь, и надвигало на него роковую грозу.

Быстрое приближеніе ея, да и самый духъ и характеръ самозванца не давали ему возможности оставить по себѣ прочные памятники въ Москвѣ. Извѣстно, что онъ выстроилъ для себя новыя хоромы въ польскомъ вкусѣ; онѣ находились возлѣ Срѣтенскаго собора и лицомъ были обращены къ Москвѣ-рѣкѣ. О постройкѣ ихъ современникъ и очевидецъ Исаакъ Масса разсказываетъ слѣдующее: «надъ большой кремлевскою стѣною Лжедимитрій велѣлъ выстроить великолѣпное зданіе, откуда была видна вся Москва. Оно находилось на высокой горѣ, подъ которой протекаетъ Москва-рѣка, и состояло изъ двухъ строеній, расположенныхъ одно подлѣ другого и сходившихся подъ угломъ».

Одно предназначалось для Марины, а другое—для лже-царя. Въ этомъ дворцѣ Димитрій велѣлъ устроить очень дорогіе балдахины, стѣны обить дорогою парчею и рытымъ бархатомъ; всѣ гвозди, крюки, цѣпи и петли дверныя покрыть толстымъ слоемъ позолоты, внутри сдѣлать превосходныя печи и украсить ихъ разнообразными произведеніями искусства (печи были зеленыя и нѣкоторыя обведены серебряными рѣшотками); занавѣски у оконъ сдѣланы изъ плотной матеріи алаго цвѣта. Онъ приказалъ также выстроить роскошныя бани, красивыя башни и конюшню рядомъ со своимъ дворцомъ. Во дворцѣ царь велѣлъ устроить множество потайныхъ дверей и ходовъ. Изъ этого дворца самозванецъ любовался не только видами Москвы, но и разными потѣхами, которыя зимой устраивалъ на льду Москвы-рѣки.

Лжедимитрій, любя воинскія упражненія, приказывалъ строить крѣпости и обстрѣливать ихъ пушками и однажды велѣлъ сдѣлать для образца крѣпость, двигавшуюся на колесахъ (турусы на колесахъ, или гуляй-городъ), съ нѣсколькими небольшими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами. Онъ хотѣлъ употребить эту подвижную крѣпость противъ татаръ и этимъ пугать ихъ и ихъ лошадей. Рота польскихъ всадниковъ осаждала для пробы эту крѣпость. На это зрѣлище царь смотрѣлъ сверху изъ своего дворца, и ему казалось, что крѣ-

пость вполнѣ удовлетворяетъ его желанію. Она была вся раскрашена: на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ — входъ въ адъ, извергавшій пламя; въ нижней части, на небольшихъ окнахъ, имѣвщихъ видъ чортовыхъ головъ, были поставлены маленькія орудія. Наивные думали, что отъ такого остроумно придуманнаго изобрѣтенія татары тотчасъ придутъ въ замѣшательство и обратятся въ бѣгство. «Москвичи, говоритъ современникъ, назвали эту крѣпость адскимъ чудовищемъ и, послѣ смерти Димитрія, котораго они называли чародѣемъ, говорили, что онъ заперъ тамъ чорта, впослѣдствіи сожженнаго вмѣстѣ съ этою крѣпостью».

Печать Лжедимитрія.

Большую рѣдкость составляетъ печать Лжедимитрія I, на коей онъ названъ: «Божіею милостью, царевичъ Московскій Дмитръ Ивановичъ». Печать эта приложена къ записи его (1604 г.), данной сендомірскому воеводѣ Юрію Мнишку о выдачѣ ему, по вступленіи самозванца на Россійскій престолъ, милліона злотыхъ польскихъ, о бракосочетаніи съ дочерью его Мариной и о предоставленіи ей въ вѣчное владѣніе земель Новгородской и Псковской, съ дозволеніемъ тамъ богослуженія католическаго.

Jnperator Demetrius.

Воспроизводимъ также снимокъ съ его почерка. Онъ любилъ подписываться по-латыни: «Inperator Demetrius».

Самозванцу изъ медоваго мѣсяца пришлось прожить только одну недѣлю и слишкомъ скоро оставить Марину вдовою. Его полякующій образъ дѣйствій, антирусское настроеніе готовили ему гибель, разоблачая всѣмъ, что онъ обманщикъ. Князю Василію Ивановичу Шуйскому нетрудно было подготовить гибель самозванца, привлекши къ этому дѣлу массы войска и народа.

Лжедимитрій не придавалъ значенія слухамъ, доходившимъ до него чрезъ поляковъ и нѣмцевъ, что въ Москвѣ неспокойно. Онъ приказалъ устроить за Срѣтенскими воротами деревянную крѣпость и вооружилъ ее пушками. 18 мая предполагалось устроить здѣсь примѣрное сраженіе, со штурмомъ крѣпости, а затѣмъ народный праздникъ и маскарадъ у Марины. Между тѣмъ, Шуйскій дѣятельно подготовлялъ нападеніе на самозванца, привлекши на свою сторону и бояръ, торговыхъ людей и 18 тысячъ войска, стоявшаго подъ Москвою и предназначеннаго для похода въ Крымъ. Распущены были слухи, что Лжедимитрій 18 мая начнетъ истребленіе русскихъ бояръ, подѣлитъ московскія области полякамъ и станетъ вводить латинскую вѣру. Въ ночь, съ 16-го на 17 мая, заговорщики ввели войско въ городъ и заняли имъ Кремлевскія ворота. Дворецъ въ это время охранялся только 30 нѣмецкими алебардщиками, потому что остальныхъ бояре, именемъ Лжедимитрія, отпустили по домамъ. Въ 4 часа утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, а затѣмъ загудѣлъ набатъ по всей Москвѣ. Толпы народа устремились на Красную площадь. Шуйскій верхомъ на конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія ворота и, приложившись въ Успенскомъ соборѣ къ образу Владимірской Богоматери, закричалъ народу, чтобы всѣ во имя Божіе шли на еретика. Шумъ и набатъ разбудили самозванца и приближенныхъ его. Имъ сначала сказали, что это—пожаръ. Басмановъ велѣлъ запереть двери и отрубилъ голову одному изъ пробравшихся заговорщиковъ. Самъ Лжедимитрій, выхвативъ мечъ у одного изъ тѣлохранителей, выскочилъ къ толпѣ и закричалъ: «я вамъ не—Годуновъ».

Но въ него стали стрѣлять. Онъ бросился предупредить Марину и хотѣлъ по лѣстницѣ у Воскресенія Славущаго бѣжать внизъ, но путь былъ занятъ врагами. Тогда онъ выскочилъ изъ окна на деревянные подмостки и хотѣлъ перешагнуть на другіе, но оступился и упалъ съ высоты 15 аршинъ, вывихнулъ себѣ

ногу и разбилъ грудь. Стрѣльцы привели его въ чувство, перенесли сперва къ дому Годунова, а затѣмъ во дворецъ и стали было выстрѣлами защищать его отъ народа. Но когда имъ объявили, что пожгутъ ихъ домы и побьютъ ихъ семьи, и что ца-

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.

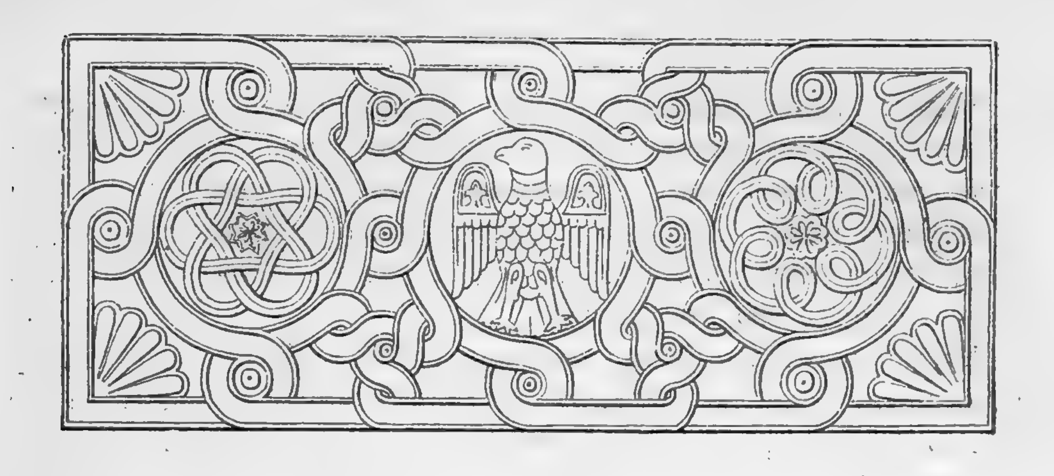
рица инокиня говоритъ, что это—обманщикъ, а ея сынъ убитъ въ Угличѣ, защитники покинули самозванца, и толпа съ криками бросилась на него. Сынъ боярскій Григорій Валуевъ выстрѣлилъ въ Лжедимитрія, другіе добили его и бросили трупъ

съ крыльца на тѣло убитаго Басманова. Оттуда чернь поволокла оба трупа на Лобное мѣсто, гдѣ самозванецъ былъ положенъ на столѣ съ маской, дудкой и волынкой, а Басмановъ—у ногъ его, на скамейкѣ. Чрезъ три дня Басмановъ былъ похороненъ у Николы Мокраго, а трупъ самозванца свезли за Таганскія ворота и бросили въ яму убогаго дома, гдѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ построенъ Покровскій монастырь.

Такимъ образомъ кончился второй актъ смуты, если за первый считать гибель Годуновыхъ.

Василій Ивановичъ Шуйскій, провозглашенный въ Москвѣ царемъ, не обладалъ силами, необходимыми для подавленія смуты. Престарѣлый, вдовый, бездѣтный, обладавшій умомъ, годнымъ для царедворца или министра, онъ совсѣмъ лишенъ былъ тѣхъ качествъ, кои необходимы царю, а особенно основателю новой царской династіи, въ такое тяжелое время. Напротивъ того, въ немъ было немало такого, что дѣлало его положеніе на престолѣ шаткимъ, колеблющимся. Избранный только Москвою, а не всею Русью, онъ въ глазахъ народныхъ былъ запятнанъ ложью, будто царевичъ Димитрій самъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ падучей болѣзни. Но лишенный нравственнаго довѣрія, онъ не обладалъ всей силой и полнотой власти, къ коей привыкъ народъ и которую онъ ставилъ выше всего. Онъ не былъ самодержецъ, а былъ только, по выраженію современниковъ, полуцарь, потому что далъ боярамъ обязательство и клятву въ Успенскомъ соборѣ — не рѣшать ничего важнаго безъ ихъ согласія, по крайней мѣрѣ, въ судебныхъ дѣлахъ. Каждое дѣйствіе Василія, хотя бы оно и было вполнѣ самостоятельнымъ, представлялось народу внушеннымъ Шуйскому не его царскою совѣстью и чувствомъ долга предъ Богомъ и государствомъ, а дѣломъ невольнаго соглашенія съ думой боярской.

Совершенно естественно, что смута, пустившая корни при Годуновыхъ и Лжедимитріи I, не преминула воспользоваться слабостью Василія Ивановича, и въ его личности, и въ самой его умаленной власти.

21.

Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго. — Новыя проявленія смуты и Лжедимитрій II. — Тушинскій лагерь. — Осада Троицкой Лавры. — Скопинъ-Шуйскій. — Низложеніе Василія Іоанновича. — Присяга Москвы королевичу Владиславу, занятіе ея Жолкѣвскимъ и отправленіе великаго посольства къ Сигизмунду III подъ Смоленскъ. — Патріархъ Гермогенъ и его грамоты. — Ополченія 25 городовъ подъ Москвою и гибель Прокопія Ляпунова. — Самая лютая пора лихолѣтья. — Троицкія грамоты. Преподобный Діонисій, Мининъ и князь Пожарскій. — Освобожденіе Москвы и конецъ смутнаго времени.

Въ 1606 году провозглашенъ былъ народомъ въ Москвѣ царемъ виновникъ сверженія Лжедимитрія, князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Въ сравненіи съ Борисомъ Годуновымъ, онъ имѣлъ менѣе данныхъ, чтобы упрочиться со своимъ родомъ на престолѣ. Если на Годуновыхъ лежало тяжкое обвиненіе въ убіеніи престолонаслѣдника царевича Димитрія, то Борисъ Годуновъ обладалъ многими привлекательными качествами: былъ весьма уменъ, щедръ, твердъ, красивъ и обладалъ полнотою самодержавной власти. Но въ 8 лѣтъ, прошедшихъ съ его избранія до смерти Лжедимитрія I, смута уже многое расшатала, и отъ новаго носителя Верховной власти, преемника Бориса, чтобы удерживать на своихъ плечахъ тяжелыя бармы Мономаховы, требовалась теперь новая особая сила, особая крѣпость, а ихъ-то и недоставало Василію Ивановичу Шуйскому: у него замѣчался, какъ мы знаемъ, недочетъ во многихъ качествахъ, необходимыхъ для правителя и въ болѣе спокойное время.

Чтобы прекратить дальнѣйшее появленіе новыхъ Лжедимитріевъ, Василій Ивановичъ съ особой торжественностью переноситъ изъ Углича въ Архангельскій соборъ мощи царевича Димитрія и громко говоритъ, что онъ былъ убитъ людьми Годунова, въ разрѣзъ съ тѣмъ, что еще недавно свидѣтельствовалъ самъ о смерти его въ Угличѣ.

Время прежней смуты уже накопило и людей безсовѣстныхъ, и людей легкомысленныхъ. Въ Москвѣ злонамѣренно, а многіе наивно говорили, что и названный Димитрій не былъ убитъ, а спасся: вмѣсто же него выставили на Красной площади трупъ какого-то нѣмца и намѣренно закрывали лицо его маской.

Одинъ изъ приверженцевъ самозванца Молчановъ, бѣжавшій въ Польшу, сталъ распускать даже молву, будто именно онъ —спасшійся царь Димитрій. Недовольные Шуйскимъ во вредъ ему поддерживали эту молву. Путивльскій воевода князь Григорій Шаховской поднялъ противъ Шуйскаго возстаніе въ Сѣверской Украйнѣ, во имя этого мнимо спасеннаго царя. Къ нему прибылъ изъ Польши отъ Молчанова бѣглый, но способный холопъ Иванъ Болотниковъ и сталъ руководить смутой. Зашевелились казаки донскіе и запорожскіе. Боярскій сынъ Пашковъ поднялъ противъ Шуйскаго Тулу, а Прокопій Ляпуновъ и воевода Сумбуловъ рязанскую область. Возстаніе стало разрастаться. Болотниковъ, подкрѣпленный рязанцами и тулякамй, двинулся къ Москвѣ и разбивъ царскихъ воеводъ, остановился въ селѣ Коломенскомъ. По счастью для стѣсненнаго полуцаря Болотниковъ скоро и слишкомъ ясно для всѣхъ обнаружилъ свою смутьянскую, анархическую суть: онъ сталъ разсылать къ московской черни, къ подонкамъ населенія, воззванія, чтобы она избивала бояръ и ихъ семьи, а также и торговыхъ людей, чтобы подѣлить межъ собою ихъ собственность. Рязанскіе и тульскіе дворяне поняли, что имъ нельзя дѣйствовать заодно съ такимъ смутьяномъ, какъ Болотниковъ, и отшатнулись отъ него. Прокопій Ляпуновъ и Сумбуловъ принесли повинную царю. Его даровитый племянникъ кн. Скопинъ-Шуйскій разбилъ Болотникова у Данилова монастыря. Но это не вразумило князя Шаховского, который съ Болотниковымъ и самозванцемъ Петромъ (мнимымъ сыномъ Ѳеодора Іоанновича) ушелъ въ Тулу. Василій Ивановичъ показалъ теперь энергію: собралъ стотысячное войско и двинулся къ Тулѣ, гдѣ засѣли мятежники.

Ихъ положеніе было тяжкимъ особенно потому, что Молчановъ отказался играть роль Дмитрія, а русскихъ людей нельзя было удерживать въ возстаніи даже противъ нелюбимаго Шуйскаго во имя соціалистическо-анархическихъ вожделѣній Болотникова или крамольныхъ видовъ кн. Шаховского. Нужно было опять это политическое воровство, это народное смутьянство прикрывать именемъ царя—Димитрія. И вотъ сидѣвшіе въ Тулѣ мятежники отправляютъ въ Польшу посланіе, чтобы оттуда непремѣнно прислали имъ названнаго Димитрія. Самозванецъ появился въ Стародубѣ. Это былъ какой-то проходимецъ, непохожій даже по наружности на перваго самозванца; онъ въ началѣ выдавалъ себя за род-

Князь Скопинъ-Шуйскій.

ственника царевича Димитрія—боярина Нагого. Но въ Стародубѣ объявилъ себя вторично спасшимся Димитріемъ и отсюда сталъ разсылать грамоты о себѣ. Между тѣмъ Тула сдалась Василію Ивановичу, потому что запрудили рѣку и ею затопили городъ. Болотниковъ молилъ о помилованіи, но былъ казненъ; Лже-Петра утопили, а Григорія Шаховского отправили въ заточеніе.

Напрасно Шуйскій праздновалъ въ Москвѣ взятіе Тулы, какъ полное торжество надъ крамолой: грамоты кромѣ сѣверскихъ смутьяновъ привлекли къ самозванцу донскихъ и запорожскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго; къ нему стали приходить съ разныхъ сторонъ русскіе люди; многіе вѣрили въ дѣй-

ствительность названнаго Димитрія; другіе развращенные думали только при его помощи половить рыбки въ мутной водѣ. Стали приходить къ нему и польскіе шляхтичи подъ начальствомъ искателей приключеній пановъ Сапѣги, Лисовскаго и Рожинскаго. Полчища самозванца разбили подъ Болховомъ московскія войска, бывшія подъ начальствомъ царскаго брата князя Димитрія Шуйскаго, подошли къ Москвѣ и расположились въ 12 верстахъ отъ нея станомъ въ Тушинѣ. Сюда была привезена и Марина Мнишекъ, захваченная на дорогѣ въ Польшу, и имѣла безстыдство признать новаго самозванца за перваго своего мужа.

Полуцарь Василій Шуйскій не имѣлъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ силъ однимъ ударомъ разметать гнѣздо смуты въ Тушинѣ и остановить разраставшееся броженіе на Руси. Многіе города приняли сторону лжецаря; Тушино разрослось въ цѣлый городъ. И вотъ между Москвой и столицей смуты началась борьба, сильная не военными стычками на рѣчкахъ Ходынкѣ и Всходнѣ, а возрастающимъ разложеніемъ государственнаго духа на Руси, усиленіемъ въ ней смуты. Она колебала почву подъ Василіемъ Шуйскимъ въ самой Москвѣ, и здѣсь развилась, какъ говорятъ лѣтописи того времени, «шатость» въ умахъ и сердцахъ, выражавшаяся тѣмъ, что многіе москвичи измѣняли Василію и ради наградъ уходили въ Тушино, а чтобы получить новыя награды въ Москвѣ, являлись сюда въ видѣ людей раскаявшихся. Такіе люди назывались «перелетами». Даже въ одной и той же семьѣ сходились за ужиномъ приверженцы Москвы и Тушина, а на утро расходились въ разныя стороны.

Въ такое шаткое и ненадежное время для Василія Ивановича твердыми опорами его являлись обитель Преподобнаго Сергія—Троицкая лавра, патріархъ Гермогенъ и молодой князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Иноки Сергіевы открыто заявляли себя противъ самозванца; противъ тушинскаго вора стоялъ и святѣйшій патріархъ, а это удерживало многіе города отъ присоединенія къ Тушину.

На эти-то три опоры и были направлены разрушительныя дѣйствія смуты: поляки вмѣстѣ съ казаками, подъ предводительствомъ пановъ Лисовскаго и Сапѣги, въ количествѣ 30 тысячъ, осадили Троицкую Лавру не для того только, чтобы завладѣть ея богатствами, а чтобы сокрушить этотъ оплотъ Русскаго царства. Но иноки Преподобнаго Сергія съ немногими ратными людьми, одушевляемые святымъ основателемъ ихъ обители, яв-

лявшимся и на стѣнахъ ея, и на поляхъ битвъ, геройски защищали эту твердыню Святой Руси въ теченіе 16 мѣсяцевъ и сохранили ее невредимой для болѣе критическаго времени въ отечествѣ.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ.

Патріархъ Гермогенъ, какъ величайшій изъ патріотовъ, горячо поддерживалъ царя и удерживалъ колебавшихся отъ соединенія съ тушинскимъ воромъ. Ему обязана Москва подавленіемъ мятежа, поднятаго Захаромъ Ляпуновымъ. Этотъ послѣдній подбилъ народъ требовать, чтобы патріархъ принялъ участіе въ низложеніи Василія Ивановича съ престола, такъ какъ онъ былъ провозглашенъ царемъ безъ участія другихъ городовъ. Гермогенъ сказалъ, что «до сего времени ни Тверь, ни Новгородъ, ни Псковъ, ни другіе города Москвѣ не указывали, а Москва

всѣмъ имъ указывала», и не благословилъ крамольнаго дѣла. Василій Ивановичъ заявилъ смутьянамъ, что онъ не покинетъ престола и умретъ царемъ; тогда они бѣжали въ Тушино.

Отраднымъ и свѣтлымъ явленіемъ въ это тяжелое, темное время былъ также племянникъ царя—молодой, но доблестный князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, на которомъ почили народныя надежды. Онъ посланъ былъ царемъ на сѣверъ, чтобы отвлечь тамошніе города отъ самозванца и заключить союзъ съ шведскимъ королемъ ради помощи противъ смутьяновъ и поляковъ, кои поддерживали самозванца и въ то же время были во враждѣ со шведами. Быстро и счастливо исполнилъ Скопинъ возложенную на него задачу и съ пятитысячнымъ отрядомъ шве-

Защита Троицкой лавры отъ поляковъ.

довъ, подъ начальствомъ Делагарди, двинулся на Москву, очищая города отъ тушинцевъ, которымъ нанесъ пораженіе подъ Тверью, а Сапѣгѣ подъ Калязинымъ монастыремъ. Троицкая лавра уже была свободна отъ осады, а скоро и тушинскій лагерь распался.

Дѣло въ томъ, что король польскій Сигизмундъ III, раздраженный союзомъ нашимъ съ враждебной ему Швеціей, началъ войну съ Россіей и съ большимъ войскомъ двинулся на Смоленскъ. Эта новая бѣда принесла на время пользу Москвѣ. Когда король потребовалъ отъ смольнянъ сдачи, они отвѣчали, что положили обѣтъ умереть за вѣру и царя, но отнюдь не кланяться польскому королю; онъ сообразилъ, что наличныхъ силъ для

взятія города недостаточно, и потребовалъ къ себѣ поляковъ изъ Тушина. Понимая, что безъ нихъ нечего стоять подъ Москвою, самозванецъ бѣжалъ въ Калугу, а служилые люди съ Михаиломъ Салтыковымъ во главѣ, шедшіе противъ царя Василія, рѣшились избрать въ цари польскаго королевича Владислава. Правда, они въ своемъ договорѣ требовали, чтобы онъ не трогалъ ни вѣры православной, ни русской народности, но они умаляли, по примѣру Польши, власть царскую для Владислава, ограничивая ее земскимъ соборомъ и боярской думой, уже не въ судебныхъ только дѣлахъ, а въ общегосударственныхъ. Эти люди и послѣ будутъ на сторонѣ поляковъ и ихъ политическаго строя.

Но какъ бы ни было опасно нашествіе поляковъ, вступленіе Скопина-Шуйскаго въ Москву было великимъ торжествомъ царя и народа, подававшимъ надежду, что смута и польское нашествіе потерпятъ полное крушеніе, а Россія выйдетъ на путь спокойствія и независимости, по крайней мѣрѣ, подъ властью Скопина-Шуйскаго, въ которомъ всѣ хотѣли видѣть будущаго царя. Но

Подпись патріарха Гермогена.

Богъ не судилъ Шуйскому, какъ и Годуновымъ, основать въ Россіи новую династію, новый царствующій домъ. Делагарди торопилъ князя Скопина идти въ походъ на поляковъ, но онъ неожиданно скончался, заболѣвъ кровотеченіемъ на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго. Коварные люди стали распускать молву, будто почившему подано отравленное вино отъ жены Димитрія Шуйскаго, разсчитывавшаго по смерти бездѣтнаго Василія сдѣлаться его преемникомъ на царствѣ. Этотъ Димитрій Шуйскій пошелъ на поляковъ, но былъ разбитъ при Клушинѣ ихъ гетманомъ Жолкѣвскимъ, который двинулся на Москву, провозглашая царемъ королевича Владислава.

Эти два обстоятельства дали новую силу внутреннимъ врагамъ Василія; братья Ляпуновы, Голицыны и другіе подбили народъ, вопреки патріарху Гермогену, просить Василія Ивановича сойти съ престола, потому что родъ его несчастенъ. Полуцарь, не видя себѣ поддержки, уступилъ и переѣхалъ въ свой боярскій домъ на Арбатѣ, но скоро былъ насильственно постри-

женъ въ монахи въ Чудовомъ монастырѣ, чтобы онъ не могъ возвратиться на престолъ.

Съ 19 іюня 1610 года наступило на Руси самое страшное время междуцарствія. Правленіе перешло въ руки думы изъ семи бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ князь Мстиславскій. Но самое названіе народомъ этого правительства семибоярщиной указываетъ на то, что оно не пользовалось довѣріемъ и было только временное, Всѣмъ было ясно, что необходимо вручить скорѣе власть единому царю. Но кто долженъ быть царемъ?—Этотъ вопросъ раздѣлилъ всѣхъ. Мстиславскій и высшіе бояре требовали, чтобы царя призвали со стороны, изъ иноземнаго владѣльческаго рода. Патріархъ настаивалъ на избраніи русскаго—изъ своихъ бояръ, напр., боярина Михаила Θеодоровича Романова или князя Василія Голицына. Чернь и Захаръ Ляпуновъ желали отдать власть самозванцу, уже стоявшему въ Коломнѣ. Жолкѣвскій, дошедшій до Можайска, требовалъ, чтобы Москва признала царемъ королевича Владислава на тѣхъ условіяхъ, которыя были предложены Салтыковымъ и другими служилыми людьми.

Боярская дума, когда стало извѣстно, что Захаръ Ляпуновъ и его сторонники хотятъ впустить въ Москву самозванца, сильно наклонилась въ сторону избранія королевича Владислава, сама позвала изъ Можайска Жолкѣвскаго и у Дѣвичьяго монастыря начала переговоры, которые быстро пришли къ концу. Всѣ предложенныя боярами условія избранія Владислава царемъ были приняты. Только то, чтобы Владиславъ принялъ православіе до прибытія въ Москву, отдали на рѣшеніе Сигизмунду, Жолкѣвскій отозвалъ опять поляковъ отъ самозванца, и онъ ушелъ снова въ Калугу. Чуткое сердце патріарха Гермогена было противъ избранія иноземца, но не какъ иноземца (первые князья наши тоже были иноземцами), главное, нельзя было быть увѣреннымъ, что Россія при помощи королевича не будетъ порабощена Польшей и латинствомъ, подобно Западной Руси, тѣмъ болѣе, что отецъ Владислава Сигизмундъ III былъ фанатическимъ католикомъ. Но мнѣніе патріарха не взяло верха надъ рѣшеніемъ бояръ, и Москва присягнула Владиславу, какъ царю.

Хитрый Жолкѣвскій торопилъ бояръ отправить къ польскому королю великое посольство и уговорилъ включить въ него выдающихся лицъ—Филарета Никитича и князя Голицына: потому что первый былъ отцомъ очень вѣроятнаго кандидата на царство юнаго Михаила Θеодоровича Романова, а второго уже многіе прочили въ цари. Къ посольству присоединили большую свиту, въ

количествѣ 1266 человѣкъ. Такъ какъ чернь московская волновалась въ пользу самозванца, то бояре сами предложили полякамъ вступить въ Москву и занять Кремль, о чемъ Жолкѣвскій ранѣе получилъ тайный приказъ отъ Сигизмунда. Онъ искусно держалъ себя здѣсь, не дозволяя полякамъ обижать москвичей, и всячески заискивалъ въ патріархѣ. Но, зная, что скоро обнаружатся намѣренія Сигизмунда подчинить своей власти Россію и присоединить ее къ Польшѣ, поспѣшилъ отсюда къ королю, сдалъ Москву пану Гонсѣвскому, захвативъ съ собою постриженнаго Василія Ивановича Шуйскаго и его братьевъ.

Между тѣмъ, послы подъ Смоленскомъ, въ особенности Филаретъ Никитичъ, были недовольны, что поляки уклончиво говорили не только о принятіи православія Владиславомъ, но и о самомъ его отпускѣ въ Москву, указывая на то, что прежде самъ Сигизмундъ долженъ успокоить Русь, и требовали, чтобы тѣ приказали смольнянамъ сдаться королю. Послы отказывались отъ этого и отвѣчали, что Господь Богъ и московскіе люди не простятъ имъ этого и земля ихъ не понесетъ, и послали по этому предмету запросъ въ Москву.

Здѣсь же бояре, въ особенности Салтыковъ, сильно клонили къ полной уступчивости Сигизмунду и даже написали грамоту, что отдаются на его волю, лишь бы онъ прислалъ имъ своего сына, но доблестный патріархъ Гермогенъ сказалъ полякующимъ москвичамъ: «пусть король дастъ сына своего на московское государство и выведетъ своихъ людей изъ Москвы, пусть королевичъ приметъ греческую вѣру. Если вы напишите такъ въ грамотѣ, то я приложу къ ней руку и васъ благословляю на то же; а чтобы положиться на королевскую волю, я и самъ такъ не поступлю и другимъ повелѣваю такъ не дѣлать. Если же меня не послушаете, наложу на васъ клятву. Ясно, что послѣ такой грамоты намъ придется цѣловать крестъ королю... Если королевичъ у насъ воцарится, да вѣры единой съ нами не приметъ и людей королевскихъ отъ насъ не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ, кто уже крестъ ему цѣловали, благословляю идти на Москву и страдать до смерти!» Раздраженный Салтыковъ замахнулся на патріарха ножомъ. «Не боюсь я твоего ножа, сказалъ патріархъ, я вооружусь противъ него силою святого креста. Ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Гермогенъ и въ грамотѣ, и въ проповѣдяхъ въ Успенскомъ соборѣ говорилъ народу, чтобы онъ твердо стоялъ за вѣру

православную, не поддаваясь измѣнникамъ и полякамъ. Круто измѣнились отношенія поляковъ къ патріарху, москвичамъ и всѣмъ русскимъ людямъ: они сняли съ себя маску; но у русскихъ въ это время развязались руки, потому что самозванецъ былъ убитъ крещенымъ татариномъ Урусомъ.

Примѣръ и слова патріарха вызвали въ разныхъ городахъ движенія противъ поляковъ. Въ рязанской землѣ Прокопій Ляпуновъ сталъ призывать населеніе своей и другихъ областей биться съ поляками и литовцами на смерть. Народъ, не вооруженный еще, какъ слѣдуетъ, уже сталъ двигаться къ Москвѣ. Патріархъ давалъ приходившимъ къ нему благословеніе на борьбу. Когда пришла боярская грамота къ русскимъ посламъ подъ Смоленскъ, съ приказомъ поступать имъ во всемъ по волѣ Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ сказалъ: «такимъ грамотамъ по совѣсти повиноваться нельзя: писаны онѣ безъ воли патріарха», а князь Голицынъ заявилъ, «что, когда мы стали безъ государя, патріархъ у насъ человѣкъ начальный, и безъ него въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшить не подобаетъ». Дворяне, находившіеся въ посольствѣ подъ Смоленскомъ, въ грамотѣ своей писали въ Москву, чтобы не надѣялись, что королевичъ воцарится въ Москвѣ, но что поляки выведутъ изъ Россіи лучшихъ людей, опустошатъ ее и завладѣютъ ею. «Ради Бога, писали русскіе люди, положите крѣпкій совѣтъ между собою. Разошлите списки съ нашей грамоты и въ Новгородъ, и въ Вологду, и въ Нѣжинъ и свой совѣтъ напишите, чтобы всѣмъ было вѣдомо про то, чтобы всею землею сообща стать за православную вѣру, покамѣстъ мы еще свободны, а не въ рабствѣ и не разведены въ плѣнъ». Грамота эта во многихъ спискахъ была разослана изъ Москвы по городамъ, а къ ней была приложена московская грамота, писанная съ благословенія патріарха Гермогена. Въ ней былъ призывъ ко всѣмъ единодушно возстать на враговъ православія, выручить Москву изъ бѣды. «Здѣсь (въ Москвѣ), говорилось въ грамотѣ, образъ Божіей Матери, Заступницы христіанской, которую Евангелистъ Лука написалъ. Здѣсь великіе свѣтильники и хранители: Петръ, Алексій и Іона чудотворцы». Такія грамоты разсылались по разнымъ городамъ и всюду стали устраиваться ополченія противъ поляковъ. Раньше двинулся съ рязанскими дружинами Прокопій Ляпуновъ, къ нему стали примыкать ополченія другихъ 24 городовъ.

Поляки, давно уже обижавшіе москвичей и притѣснявшіе самого патріарха, всполошились. Салтыковъ, по приказу поль-

скаго начальника Гонсѣвскаго, приступилъ снова къ Гермогену и сталъ говорить: «это ты по городамъ посылалъ грамоты, ты приказывалъ всѣмъ собираться, да идти на Москву; отпиши имъ; чтобъ не ходили». Доблестный первосвятитель говорилъ: «если ты, всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы вонъ, я отпишу къ своимъ, чтобы вернулись». Самъ Гонсѣвскій грозно сказалъ: «ты, Гермогенъ, главный заводчикъ всего возмущенія! Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что тебя охранитъ твой санъ!» Но патріархъ оставался непреклоненъ и твердъ и былъ готовъ на мученичество за вѣру и отечество.

По мѣрѣ того, какъ росла въ Москвѣ дерзость и жестокость поляковъ, росло противъ нихъ сперва недовольство, а затѣмъ и ожесточеніе народа. Напрасно пришельцы сулили русскимъ свою польскую вольность, которая у нихъ выражалась въ ограниченіи государевой власти сеймомъ и сенатомъ, въ правѣ шляхты составлять вооруженные союзы (конфедераціи) противъ правительства. «Вамъ дорога ваша вольность, а намъ наша неволя. Вѣдь, у васъ—не воля, а своеволіе: сильный грабитъ слабаго, можетъ отнять у него имѣніе и жизнь. Искать правосудія по вашимъ законамъ долго...., ничего не возьмешь; а у насъ самый знатный не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ Царь творитъ судъ и расправу... Какъ Богъ, караетъ онъ и милуетъ. Намъ легче перенесть обиду отъ Царя, чѣмъ отъ своего брата, ибо Царь—владыка всего свѣта». Москвичи стали громко говорить, чтобы поляки позаботились о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава или убрались изъ Москвы по добру—по здорову. «Россія—не такая невѣста, чтобъ ей не найти жениха получше».

Поляки били москвичей, грабили ихъ и церкви, не удерживались даже отъ кощунства надъ святынями, отъ поруганья ихъ. Одинъ полякъ выстрѣлилъ въ икону, стоящую надъ воротами Никольской башни. Чтобы отвратить народную грозу, самъ Гонсѣвскій велѣлъ казнить дерзкаго соотчича... Незамѣтно приливали въ Москву небольшіе отряды ополченцевъ и потайно вступали въ ея слободы, Земляного города и даже въ Бѣлый городъ. Прибылъ сюда въ свой домъ на Лубянкѣ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Поляки съ безпокойствомъ разставляли вездѣ караулы, втаскивали на стѣны Китай-города и Кремля пушки.

Подходила Страстная недѣля 1611 года. Чуявшій бѣду Гонсѣвскій было отмѣнилъ патріаршій крестный ходъ въ Вербное воскресенье, но, видя раздраженіе народное, опять разрѣшилъ его.

Москвичи мрачные и въ небольшомъ количествѣ собрались на это торжество. Скоро въ святые дни Москвѣ пришлось омыться кровію неповинной и очиститься огнемъ пожарнымъ. Съ великаго понедѣльника на нашей Красной площади скопилось много возовъ съ дровами. Поляки гнали извозчиковъ втаскивать на Кремлевскія стѣны пушки, тѣ не слушались, а кто пошли, сбрасывали пушки со стѣнъ. Поляки стали бить извозчиковъ, а тѣ сдавали сдачи. Поднялся страшный шумъ. Гонсѣвскій приказалъ гнать народъ изъ Китай-города. Польскіе жолнеры и вооруженные нѣмецкіе отряды бросились на безоружныхъ, стрѣляли въ нихъ и рубили саблями. Кровь полилась рѣкой. Покраснѣла

Знамя князя Пожарскаго.

отъ нея Красная площадь и прилежащія улицы; облились кровью русской иноземцы, а русскіе усыпали своими тѣлами большія пространства. Но уже по всей Москвѣ страшно звучалъ набатъ. Китай-городъ былъ очищенъ отъ русскихъ. Но зато Бѣлый городъ весь уже поднялся на смертную борьбу съ поляками. Съ трудомъ пробрались сюда поляки, но были встрѣчены здѣсь ожесточеннымъ отпоромъ. Князь Пожарскій изъ дома своего громилъ поляковъ изъ пушекъ. Отступая отсюда за стѣны, поляки, по примѣру проклятаго патріархомъ Салтыкова, зажгли Москву и Замоскворѣчье.

Страшно горѣла Москва въ теченіе многихъ дней. Подобный пожаръ она вынесла въ 1812 году. Но въ дыму тогдашняго пожара улетала послѣдняя терпимость къ полякамъ и измѣнникамъ, сгорала и внутренняя смута.

Во вторникъ на Святой недѣлѣ къ Москвѣ подошелъ Проко-

пій Ляпуновъ и расположился станомъ у Симонова монастыря. Скоро подошли Заруцкій съ казаками и князь Трубецкой съ калужанами, прежніе приверженцы самозванца. Русскіе заняли пепелище Бѣлаго города, чтобы обложить поляковъ.

Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ прислали отъ Троицы грамоты воеводамъ, убѣждая ихъ именемъ

Сабли князя Пожарскаго и Минина *).

вѣры и любви къ отечеству освободить его отъ чужеземныхъ враговъ и отъ русскихъ предателей. Русскіе измѣнники и Гонсѣвскій опять приступили къ патріарху и требовали: «напиши Ляпунову и товарищамъ, чтобы они отошли прочь; иначе самъ умрешь лютою смертью». Гермогенъ отвѣчалъ: «вы мнѣ сулите злую смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно

*) Хранятся въ Оружейной палатѣ, гдѣ находится и знамя князя Д. М. Пожарскаго.

желаю пострадать за правду». Патріарха держали въ тѣсномъ заключеніи въ Чудовомъ монастырѣ.

Вмѣсто боярской думы, не имѣвшей у Гонсѣвскаго никакого значенія, вожди ополченій составили изъ себя новое правительство. Но въ средѣ этого правительства не было внутренняго единства и той нравственной чистоты, какія необходимы для совершенія великаго и святого дѣла. Теперь Ляпуновъ одушевленъ былъ патріотическимъ духомъ Гермогена. Но его товарищи еще дышали крамолой: Заруцкій и Трубецкой желали продолженія смуты и со своими полчищами грабили русскихъ. Попытки Ляпунова сдержать ихъ и водворить добрый порядокъ въ казачествѣ только разжигали ненависть къ честному и энергическому предводителю. Коварный Гонсѣвскій воспользовался этимъ: подбросилъ въ станъ казацкій грамоту отъ имени Ляпунова, искусно подписанную его почеркомъ, чтобы русскимъ людямъ убивать казаковъ. Тѣ составили кругъ, призвали къ отвѣту Ляпунова и изрубили его саблями. Рухнула съ этимъ поборникомъ за православіе и отечество еще одна опора Россіи, и ополченія городовъ разошлись по домамъ. Скоро послѣ 20-мѣсячной геройской защиты Смоленскъ былъ взятъ поляками; наше посольство съ митрополитомъ Филаретомъ, княземъ Голицынымъ и бывшимъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ отправлено было въ глубь Польши въ заточеніе. Шведы, не желая уступить Польшѣ всю Россію, занявъ теченіе Невы, отъ Орѣшка до нынѣшняго Петербурга, захватили Новгородъ и требовали, чтобы русскіе или объявили своимъ царемъ шведскаго принца Густава Адольфа или его брата, или же признали свои владѣнія страной, покоренной шведами. Русскіе крамольные люди еще думали найти себѣ правителя изъ своихъ: Заруцкій, напр., въ сынѣ Марины Мнишекъ и второго самозванца и т. д. Но съ царьками нечего было вести борьбу съ такими державами, какъ Польша и Швеція. Очевидно, все слагалось такъ, что Россія подпадетъ въ большей своей части подъ власть короля польскаго, какъ подпала западная и юго-западная Русь, и окатоличится и ополячится; другая часть сдѣлается добычей шведовъ и утратитъ свое православіе и народность въ пользу лютеранства и нѣметчины.

Такимъ образомъ, въ 1612 году, наступило самое тяжкое время для нашего отечества. Страшенъ былъ 1812 годъ, когда Наполеонъ I съ военными силами 20 народовъ запада вторгся въ Россію. Но тогда у насъ былъ Царь, войско, казна и много еще неразоренныхъ врагомъ областей. Не то было въ 1612 году.

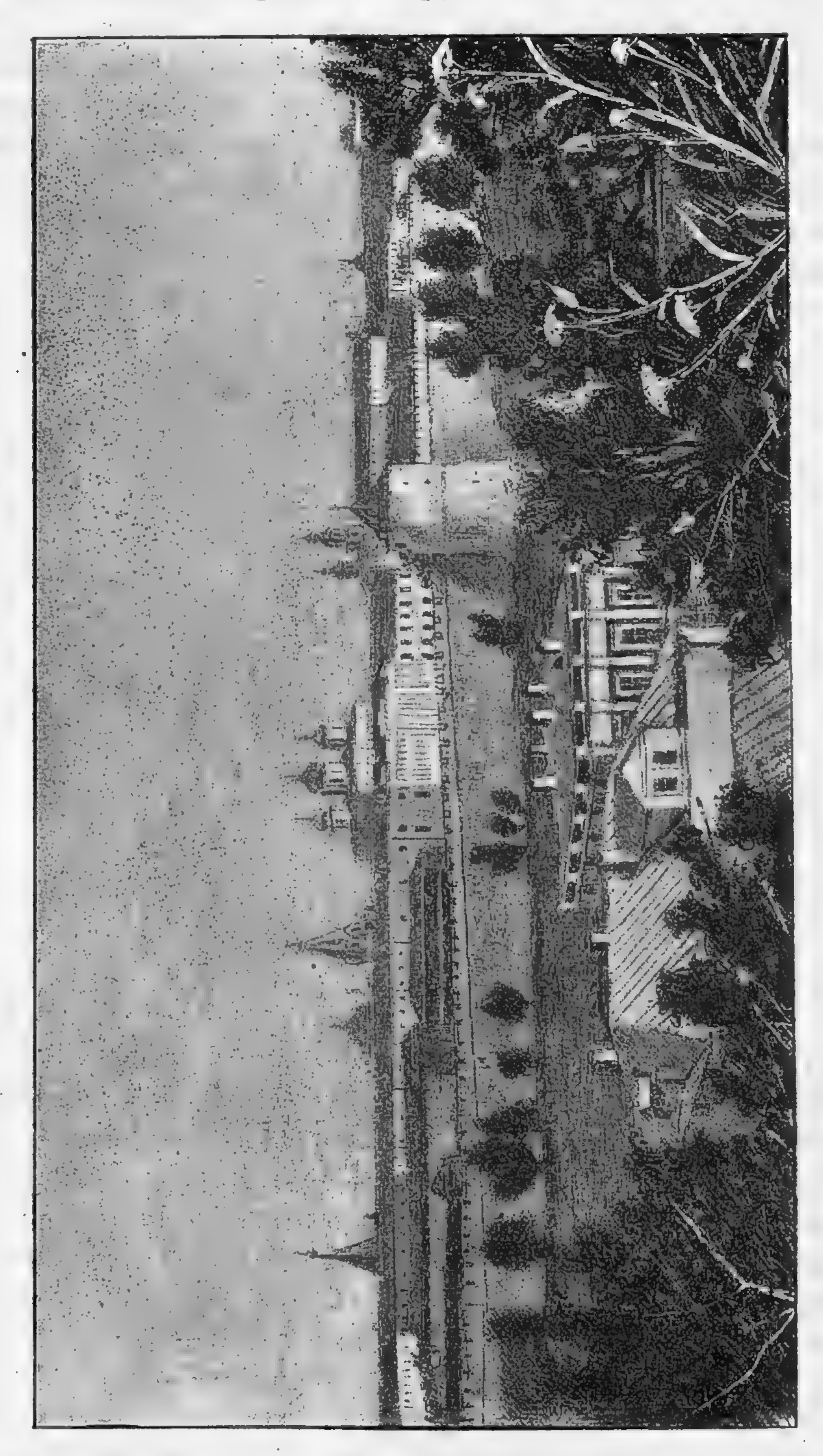
«И было тогда, говоритъ современное сказаніе, такое лютое время Божія гнѣва, что люди и не чаяли впереди спасенія себѣ. Чуть не вся Земля Русская запустѣла. И прозвали старики наши это лютое время лихолѣтьемъ.... Великій гнѣвъ Божій на людяхъ—глады, моры, зябели на всякій плодъ земной. Звѣри пожирали живыхъ людей, и люди людей ѣли. Плѣненіе было великое людямъ. Жигимонтъ, польскій король, все Московское государство велѣлъ предать огню и мечу, ниспровергнулъ все благолѣпіе Русской Земли».

Преподобный Діонисій.

Въ малой картинѣ въ Троицкой лаврѣ представлялась ужасная гибель Руси: по дорогамъ къ обители Преподобнаго Сергія тянулись русскіе люди; на нихъ было страшно взглянуть; они были истомлены голодомъ и болѣзнями; шли израненные: у однихъ были руки отсѣчены, у другихъ глаза были вырваны изъ глазницъ, у третьихъ ремни изъ кожи были выкроены. Шли они къ Троицѣ не для того, чтобы утолить свой голодъ или вылѣчиться. Нѣтъ, русскіе люди умѣютъ безропотно умирать. Но для нихъ тяжко кончать жизнь безъ церковнаго напутствія и жутко остаться безъ христіанскаго погребенія. И вотъ они шли въ Троицкую лавру за могилой и крестомъ. Этимъ сотнямъ и тысячамъ приходившихъ сюда русскихъ людей могли ли ученики Преподоб-

наго Сергія отказать въ пищѣ, одеждѣ и лѣченіи. Они помогали всѣмъ, чѣмъ могли, обративъ лавру въ столовыя для голодающихъ

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

и больницы для недужныхъ, напутствовали св. Тайнами умирающихъ, хоронили окончившихъ жизнь. Это неудивительно. Но вотъ

что является поразительнымъ, какъ иноки Сергіевой лавры, видя такое страшное погребальное шествіе русскаго народа, не угасили въ себѣ въ эти дни, мрачные дни отчаянныхъ ужасовъ, надежды и вѣры въ возможность спасенія отечества, погибавшаго безвозвратно. Нѣтъ, у нихъ свѣща вѣры и надежды не погасла и свѣтомъ своимъ озарила и оживила погибавшую Русь. Когда голосъ патріарха Гермогена умолкъ подъ сводами Чудова монастыря, когда палъ мертвымъ послѣдній надежный защитникъ Руси, Прокопій Ляпуновъ, смиренный настоятель обители Преподобнаго Сергія св. Діонисій беретъ на себя государственную задачу призвать русскій народъ на послѣднюю вооруженную борьбу съ поляками и измѣнниками. Онъ поса-

Патріархъ Гермогенъ и поляки въ подземельѣ Чудова монастыря.

дилъ въ своихъ кельяхъ писцовъ скорыхъ писать грамоты, въ которыхъ именемъ Пресвятой Троицы и Преподобнаго Сергія призывалъ всѣхъ русскихъ православныхъ людей на подвигъ спасенія отечества, молилъ служилыхъ и всѣхъ прочихъ людей быть въ соединеніи и сообща стать противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. «Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью», говорили эти грамоты. «Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ, на

сходъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время; безвременное же начинаніе суетно бываетъ; хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока ко врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе». Монахи, садясь на коней, развозили эти

Князь Пожарскій и Козьма召 Мининъ. По В. В. Верещагину.

поразительно трогательныя грамоты обители Преподобнаго Сергія; онѣ всюду съ горячимъ и глубочайшимъ сочувствіемъ читались въ храмахъ и поднимали поникнувшій духъ народа на святое дѣло смертной борьбы за вѣру и отечество.

Особенно яркій и сильный подъемъ патріотическаго одушевленія вызвали онѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ концѣ 1611 года привезена была такая грамота отъ Троицы въ эту столицу По-

волжья. Въ непраздничный день зазвонили въ соборѣ въ большіе колокола, собрался народъ, и послѣ обѣдни протопопъ Савва прочиталъ троицкую грамоту, сказалъ о гибели отечества отъ враговъ и призвалъ всѣхъ постоять за чистую и непорочную Христову вѣру, за всероссійскій соборъ Успенія Богородицы, за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ. Народъ въ умиленіи плакалъ, готовый послѣдовать святымъ призывамъ и рѣшился отдать все до послѣдней капли крови.

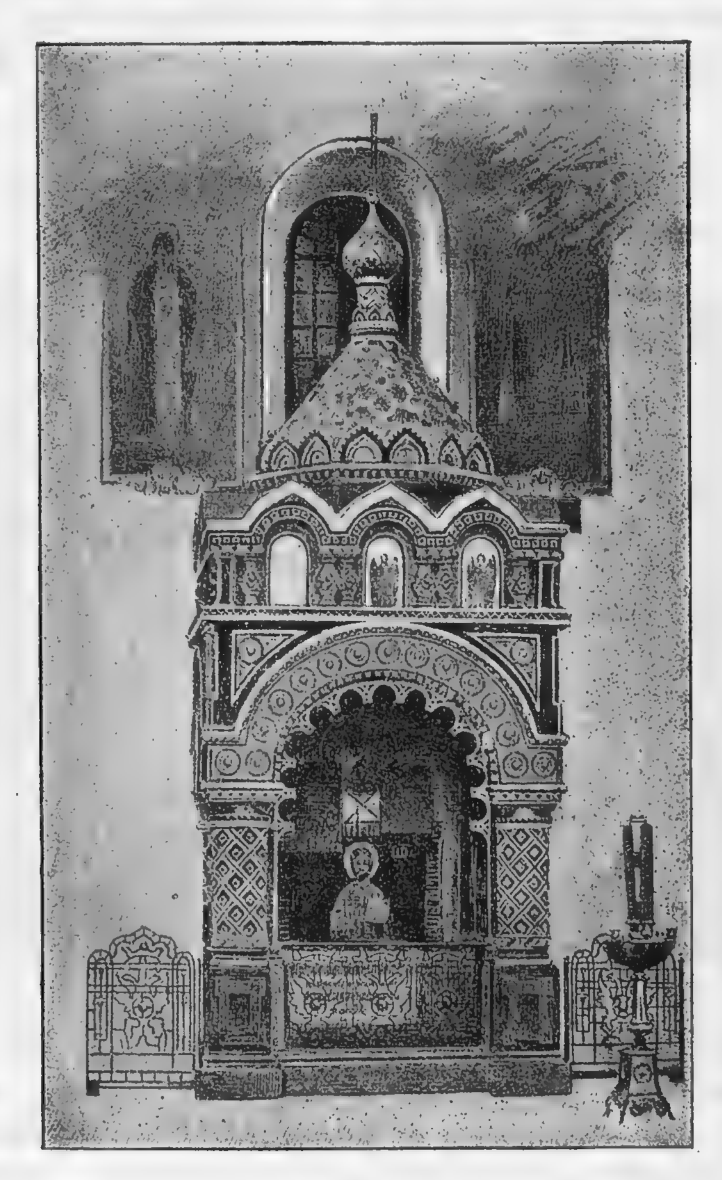
Когда всѣ выходили изъ Божьяго храма, народъ былъ остановленъ на площади простою, но сильною рѣчью торговаго человѣка Козьмы Захаровича Минина; онъ говорилъ: «Православные! Если хотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ ничего: дворы и дома свои продадимъ, заложимъ женъ и дѣтей, но соберемъ казну на ратныхъ людей. Станемъ бить челомъ и искать, кто бы вступился за истинную православную вѣру и сталъ бы у насъ начальникомъ. Дѣло великое совершимъ, если Богъ поможетъ. Только мы поднимемся, другіе города пристанутъ къ намъ, и всѣ избавимся отъ враговъ».

Князь Пожарскій въ битвѣ подъ Москвой.

Благодатной рѣкой тутъ же полились пожертвованія и отъ бѣдныхъ, и отъ богатыхъ. Одни отдавали все свое имущество, другіе половину или треть. Женщины снимали съ себя кольца и серьги и отдавали Минину. Нищіе отдавали послѣднія копѣйки.

Нижегородцы отправили посольство къ лѣчившемуся отъ ранъ, полученныхъ въ Москвѣ отъ поляковъ, въ помѣстьи суздальскаго уѣзда, князю Д. М. Пожарскому, просить его въ начальники народнаго ополченія. Онъ отвѣчалъ, что радъ за православную вѣру страдать до смерти, посовѣтовалъ для завѣды-

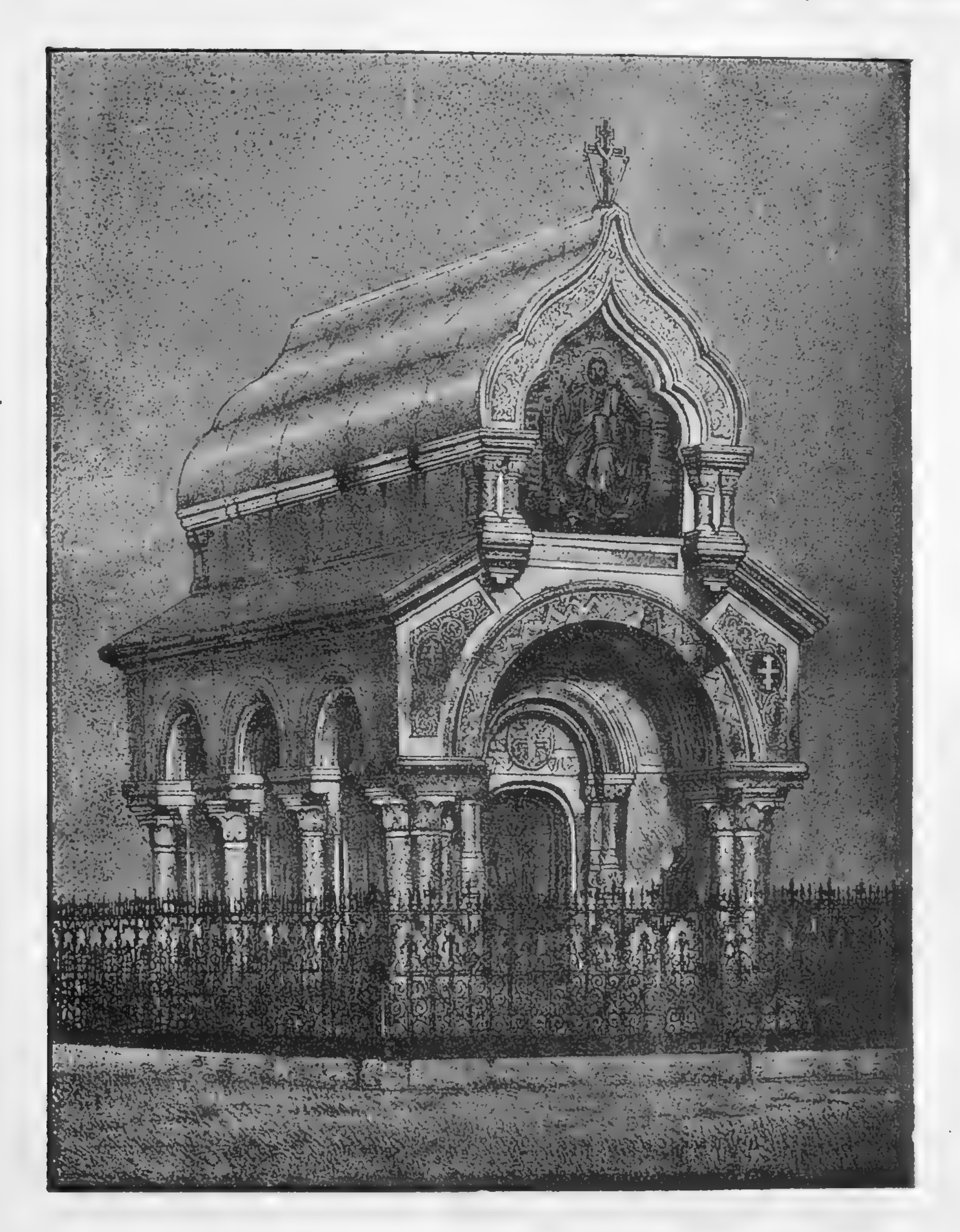

Гробница Минина въ Нижегородскомъ соборѣ.

ванія казной избрать особое лицо и указалъ при этомъ на Минина. Все было исполнено.

Быстро и дружно стали устраиваться въ разныхъ городахъ и уѣздахъ народныя ополченія и стекаться вмѣстѣ съ пожертвованіями въ Нижній-Новгородъ, и скоро они двинулись къ Ярославлю. Всполошились въ Кремлѣ поляки, а подъ Москвой каза-

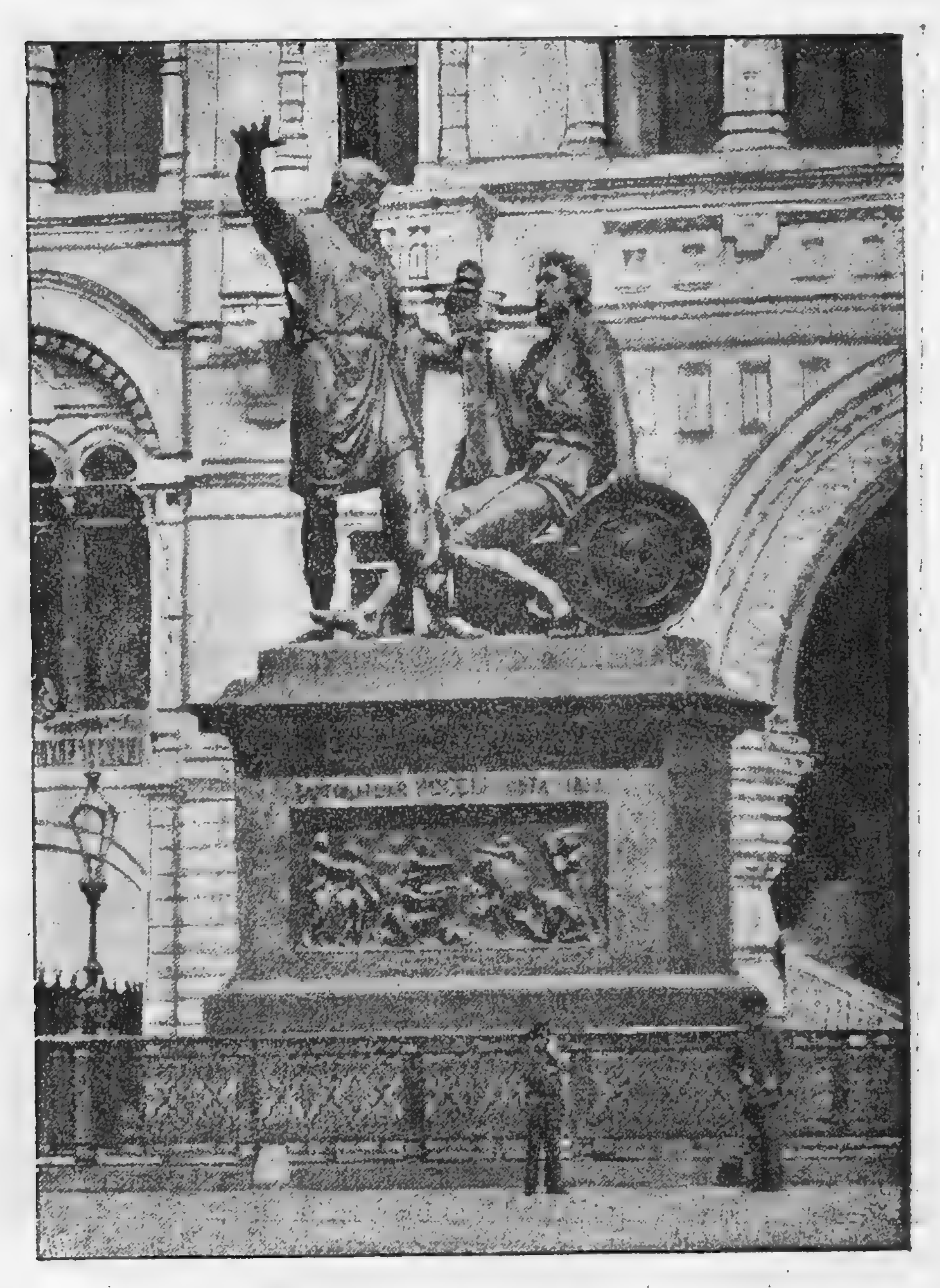
ки. Первые опять въ послѣдній уже разъ приступили къ патріарху Гермогену, чтобы онъ написалъ увѣщаніе ополченіямъ оставаться вѣрными Владиславу. Но онъ сказалъ: «да будетъ надъ

Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго въ Суздалѣ.

ними милость Божія и отъ нашего смиренія благословеніе, а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій, а отъ нашего смиренія да будутъ прокляты они въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Это были предсмертныя слова великаго старца: поляки уморили голодомъ величайшаго изъ русскихъ патріотовъ въ подземельѣ

Чудова монастыря. Казаки же Заруцкаго отправили убійцу въ Ярославль на князя Пожарскаго, но онъ промахнулся и не успѣлъ въ своемъ замыслѣ. Этотъ доблестный вождь народныхъ ополче-

Памятникъ Минину и князю Пожарскому въ Москвѣ.

ній грамотами своими призывалъ русскихъ людей на помощъ отечеству: «вамъ бы, помня Бога и свою православную Христіанскую вѣру, писалъ онъ, совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разоренье быть

не безгосударнымъ, чтобы намъ по совѣту всей земли выбрать сообща государя, кого Богъ милосердный дастъ, чтобы московское государство въ конецъ не разорилось бы. Сами вѣдаете, господа, какъ намъ стоять безъ Государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей и русскихъ воровъ... Какъ намъ безъ Государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государствами ссылаться...» Радостно встрѣтили у Троицы Пожарскаго и его ополченіе. Заруцкій съ Мариной и ея сыномъ бѣжалъ на югъ, Трубецкой звалъ къ себѣ въ станъ народное ополченіе. Но оно не довѣряло прежнему тушинцу. Нужно было торопиться, потому что къ Москвѣ подходилъ панъ Хоткевичъ съ вспомогательными польскими отрядами. На самыхъ улицахъ Москвы, отъ Арбатскихъ воротъ къ Крымскому мосту и за Москвой рѣкой, два дня шла ожесточенная битва съ Хоткевичемъ. Но поляки были разбиты и ушли назадъ, а тѣ, что сидѣли въ Кремлѣ, томимые голо-

Почеркъ князя Пожарскаго.

домъ, должны были сдаться. Кремль былъ свободенъ, свободна была и Россія. Созванные въ Москву выборные люди призвали на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, что положило конецъ смутному времени. Чрезъ 9 лѣтъ, въ 1613 году, исполняется триста лѣтъ этому великому событію.

Но нужно глубже всмотрѣться въ это возстановленіе на Руси Монархіи самодержавной самимъ народомъ. Поляки, какъ вы помните, въ періодъ междуцарствія, выхваляли москвичамъ свой западный видъ монархіи съ политическими вольностями, съ ограниченной властью короля-государя, не могшаго ничего рѣшать безъ сейма. Но уже тогда русскіе люди указывали, что они желаютъ себѣ, по завѣтамъ своей исторіи, такого Царя, который, какъ Богъ, караетъ и милуетъ, который не даетъ въ обиду слабаго сильнымъ, и назвали польскую вольность своеволіемъ, при которой слишкомъ трудно найти слабому правосудіе надъ тѣми, кто въ Польшѣ творили безчинства и всякое на-

силіе надъ людьми меньшими. Значитъ, русскій народъ не хотѣлъ монархіи по западнымъ образцамъ. Отказываясь отъ польскихъ вольностей Рѣчи Посполитой, или республики, какъ называли поляки свое государство, русскій народъ, при возсозданіи своего государства, не думалъ и о вольностяхъ новгородскихъ, при которыхъ власть Государя, по особымъ рядамъ или договорамъ, была ограничена вѣчемъ, или народнымъ собраніемъ съ выборнымъ посадникомъ, тысяцкимъ и старостами новгородскихъ концовъ. Вы помните, какими буйными усобицами ознаменовала себя эта новгородская вольность. Равнымъ образомъ, при избраніи Государемъ Михаила Ѳеодоровича никто не говорилъ объ ограниченіи его верховной власти государевой думой боярской, какъ было при Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ, котораго народъ называлъ только полуцаремъ и считалъ невольнымъ и связаннымъ въ своихъ царскихъ дѣйствіяхъ. Нѣтъ, русскіе люди ни о чемъ подобномъ и думать не хотѣли. Они возстановили государство въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно создано было тяжкимъ трудомъ Русской Исторіи, въ видѣ царства самодержавнаго, вручили юному Михаилу Ѳеодоровичу Романову стоящую превыше всего, никѣмъ и ничѣмъ неограниченную власть Государя-Царя-Самодержца, власть высоко стоящую надъ народомъ, свободную и самостоятельную, отвѣтственную только предъ Богомъ и царской совѣстью, не имѣющую нужды заискивать въ комъ-либо для осуществленія интересовъ государственныхъ и народныхъ. Поэтому народъ никогда не называлъ Михаила Ѳеодоровича Романова Государемъ волею народа, всегда величалъ его Богоизбраннымъ и Боговѣнчаннымъ Великимъ Государемъ, Царемъ и Самодержцемъ, Божіею милостію. И самъ Царь въ своихъ грамотахъ и на своихъ печатяхъ именовалъ себя «Божіею Милостію Великимъ Государемъ Царемъ Самодержцемъ». Это непререкаемое доказательство того, что народъ нашъ не притязалъ, какъ на западѣ, дѣлить съ Государемъ верховную власть, вмѣшиваться въ его государево дѣло, ограничивать его власть, которая для народа была Высочайшею, выше которой была только власть Бога Вседержителя.

Въ слѣдующемъ чтеніи мы, на основаніи Исторіи Россіи нашего знаменитаго московскаго историка С. М. Соловьева, подробнѣе остановимся на вступленіи на царскій престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

22.

Избраніе Михаила Θеодоровича, по грамотамъ того времени, какъ возстановленіе наслѣдственной и самодержавной монархіи.—Иванъ Сусанинъ и спасеніе Царя.—Знаменательная быстрота въ возстановленіи государственнаго порядка, при множествѣ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, при полномъ разореніи Россіи.—Борьба съ Заруцкимъ, Лисовскимъ и разными мятежниками.—Миръ со Швеціей.—Первая война съ Польшей и Деулинское перемиріе. — Возвращеніе въ Россію Филарета Никитича, его патріаршество и государственное значеніе.—Дѣла внутренняго управленія.—Вторая война съ Польшей. Азовское сидѣніе казаковъ.

По очищеніи Москвы отъ поляковъ, временное правительство, во главѣ коего стояли князья Пожарскій и Трубецкой, разослало грамоты по городамъ съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву «для великаго дѣла». Въ нихъ говорилось, что «Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему. Но безъ Государя московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому; безъ Государя вдосталь московское государство разорилось все: безъ Государя государство ничѣмъ не строится, и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится», и потому бояре и воеводы приглашали, чтобъ всѣ духовныя власти были къ нимъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву жъ, и чтобъ эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ своихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ

избраньи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, по-

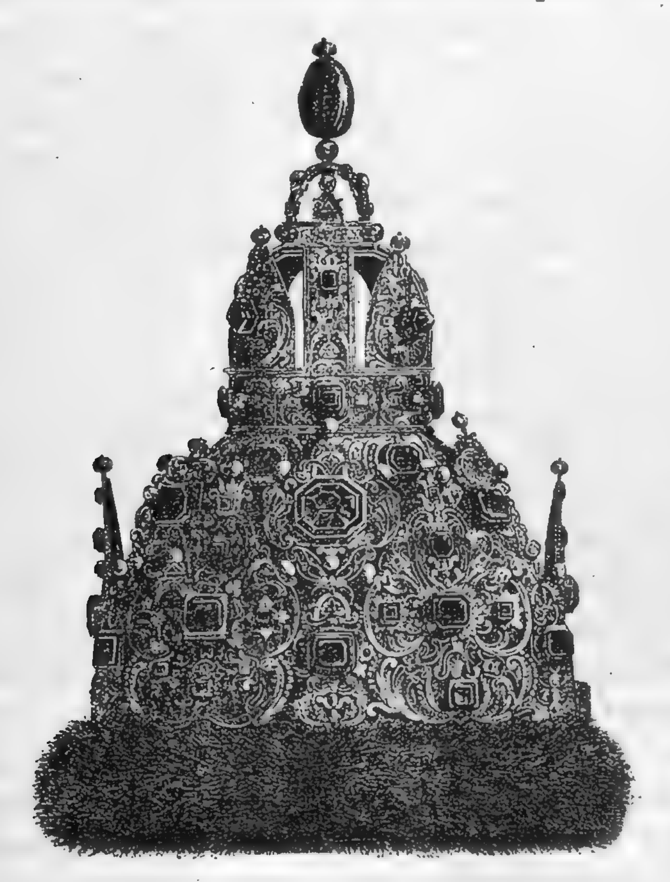

Заглавный листъ рукописи XVII вѣка *).

слѣ котораго начались собранія. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ до-

*) Рукопись была составлена для царя Алексѣя Михайловича въ посольскомъ приказѣ.

мовъ, или своего природнаго русскаго, и порѣшили «литовскаго и шведскаго короля и ихъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на владимірское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленье и мирное нарушенье: литовскій король московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ». Стали выбирать своихъ: тутъ

Царскій вѣнецъ Михаила Ѳеодоровича.

начались козни и волненія, всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верху. Однажды, говоритъ лѣтопись, какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?» Въ то время выходитъ

донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе: «что это ты подалъ, атаманъ?» спросилъ его князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. Одинакое мнѣніе, поданное двояниномъ и донскимъ атаманомъ, довершило уже назрѣвшее рѣшеніе: Михаилъ Θеодоровичъ былъ провозглашенъ Царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ узнать мысль народа относительно новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила Романова Царемъ. 21 февраля, въ недѣлю Православія, т.-е. въ первое воскресенье великаго поста, былъ послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка—Михаила Θеодоровича Романова. Тогда рязанскій архіепископъ Θеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ Цари? —«Михаила Θеодоровича Романова»—былъ отвѣтъ.

Провозгласивши Царемъ шестнадцатилѣтняго Михаила Θеодоровича, соборъ назначилъ ѣхать къ нему въ челобитчикахъ: Θеодориту архіепископу, съ троими архимандритами, троицкимъ келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ, протопопами и боярами.—Соборъ не зналъ подлинно, гдѣ находился въ это время Михаилъ и въ наказѣ, данномъ посламъ, говорилось: «ѣхать къ Государю Царю и Великому князю Михаилу Θеодоровичу всея Руси въ Ярославль, или гдѣ онъ Государь будетъ». Въ это время Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью инокиней Марθой жилъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Посланные, бивъ челомъ новоизбранному Царю и его матери и увѣдомивъ ихъ объ избраніи, должны были говорить Михаилу: «всякихъ чиновъ всякіе люди бьютъ челомъ, чтобъ тебѣ Великому Государю умилиться надъ остаткомъ рода христіанскаго, многорасхищенное православное христіанство Россійскаго царства отъ расплѣненія отъ польскихъ и литовскихъ людей собрать во единство, принять подъ свою государеву паству, подъ крѣпкую высокую свою десницу, всенароднаго слез-

наго рыданія не презрить, по изволенію Божію и по избранію всѣхъ чиновъ людей, на владимірскомъ и на московскомъ Государствѣ и на всѣхъ великихъ государствахъ Россійскаго царствія Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ всея Руси быть, и пожаловать бы тебѣ, Великому Государю, ѣхать на свой царскій престолъ въ Москву и подать намъ благородствомъ своимъ избаву отъ всѣхъ находящихъ на насъ бѣдъ и скорбей; а какъ ты, Государь, на своемъ царскомъ престолѣ будешь на Москвѣ, то, послыша про твой царскій приходъ, литовскіе люди и всѣ твои государевы недруги будутъ въ страхѣ, а Москов-

Ипатьевскій монастырь.

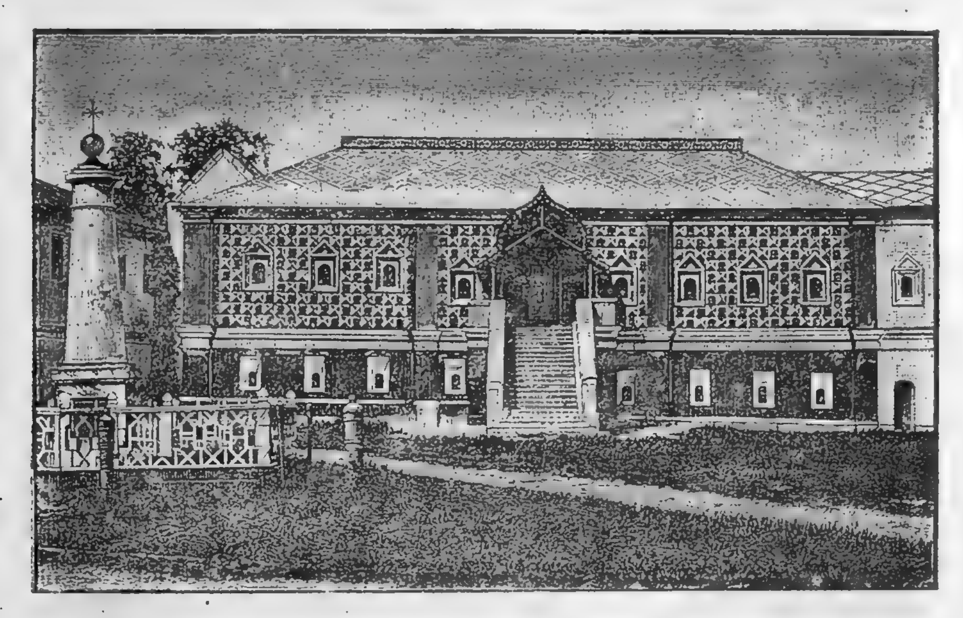
скаго государства всякіе люди обрадуются. А какъ твой государевъ подвигъ въ царствующій градъ будетъ, то изъ Москвы митрополитъ и архіепископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре и всякіе люди встрѣтятъ тебя съ чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебѣ, Государю, и прямить и головы свои за тебя класть всѣ люди отъ мала до велика рады». Въ заключеніи наказа говорилось: «если Государь не пожалуетъ, станетъ отказывать, или начнетъ размышлять, то бить челомъ и умолять его всякими обычаями, чтобъ милость показалъ, былъ Государемъ Царемъ и ѣхалъ въ Москву вскорѣ: такое великое Божіе дѣло сдѣлалось не отъ людей и не его государскимъ хотѣньемъ: Богъ учинилъ его Государемъ. А если Государь

станетъ разсуждать объ отцѣ своемъ митрополитѣ Филаретѣ, что онъ теперь въ Литвѣ, и ему на московскомъ государствѣ быть нельзя для того, чтобъ отцу его за то какого зла не сдѣлали: то бить челомъ и говорить, чтобъ онъ, Государь, про то не размышлялъ: бояре и вся земля посылаютъ къ литовскому королю, за отца его даютъ на обмѣнъ литовскихъ многихъ лучшихъ людей».

Послы выѣхали изъ Москвы 2-го марта; но еще прежде, отъ 25 февраля, разосланы были грамоты по городамъ съ извѣстіемъ объ избраніи Михаила: «и вамъ бы, господа, гласила грамота, за государево многолѣтіе пѣть молебны и быть съ нами подъ однимъ кровомъ и державою и подъ высокою рукою христіанскаго Государя, царя Михаила Ѳедоровича. А мы, всякіе люди московскаго государства отъ мала до велика и изъ городовъ выборные и невыборные люди всѣ обрадовались сердечною радостію, что у всѣхъ людей одна мысль въ сердце вмѣстилась — быть Государемъ Царемъ блаженной памяти великаго государя Ѳедора Ивановича племяннику, Михаилу Ѳедоровичу; Богъ его Государя на такой великій царскій престолъ избралъ не по чьему-либо заводу; избралъ его мимо всѣхъ людей, по Своей неизреченной милости; всѣмъ людямъ о его избраніи Богъ въ сердце вложилъ одну мысль и утвержденіе». Вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ разослана была и крестоцѣловальная запись. Присяга областей послѣдовала быстро.

Наконецъ, пришло извѣстіе отъ пословъ, которые нашли Михаила съ матерью въ Костромѣ, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послы доносили собору, что 13 марта они пріѣхали въ Кострому въ вечерни, дали знать Михаилу о своемъ пріѣздѣ, и онъ велѣлъ имъ быть у себя на другой день. 14 числа, поднявши иконы, пошли всѣ крестнымъ ходомъ въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ, но когда послы объявили имъ, зачѣмъ присланы, то Михаилъ отвѣчалъ «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ», что онъ Государемъ быть не хочетъ, а мать его Марѳа прибавила, что она не благословляетъ сына на царство; и оба долго не хотѣли войти за крестами въ соборную церковь: насилу послы могли упросить ихъ. Въ церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты и говорили рѣчи по наказу, на что получили прежній отвѣтъ: Марѳа говорила, что «у сына ея и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ великихъ преславныхъ государствахъ быть Госуда-

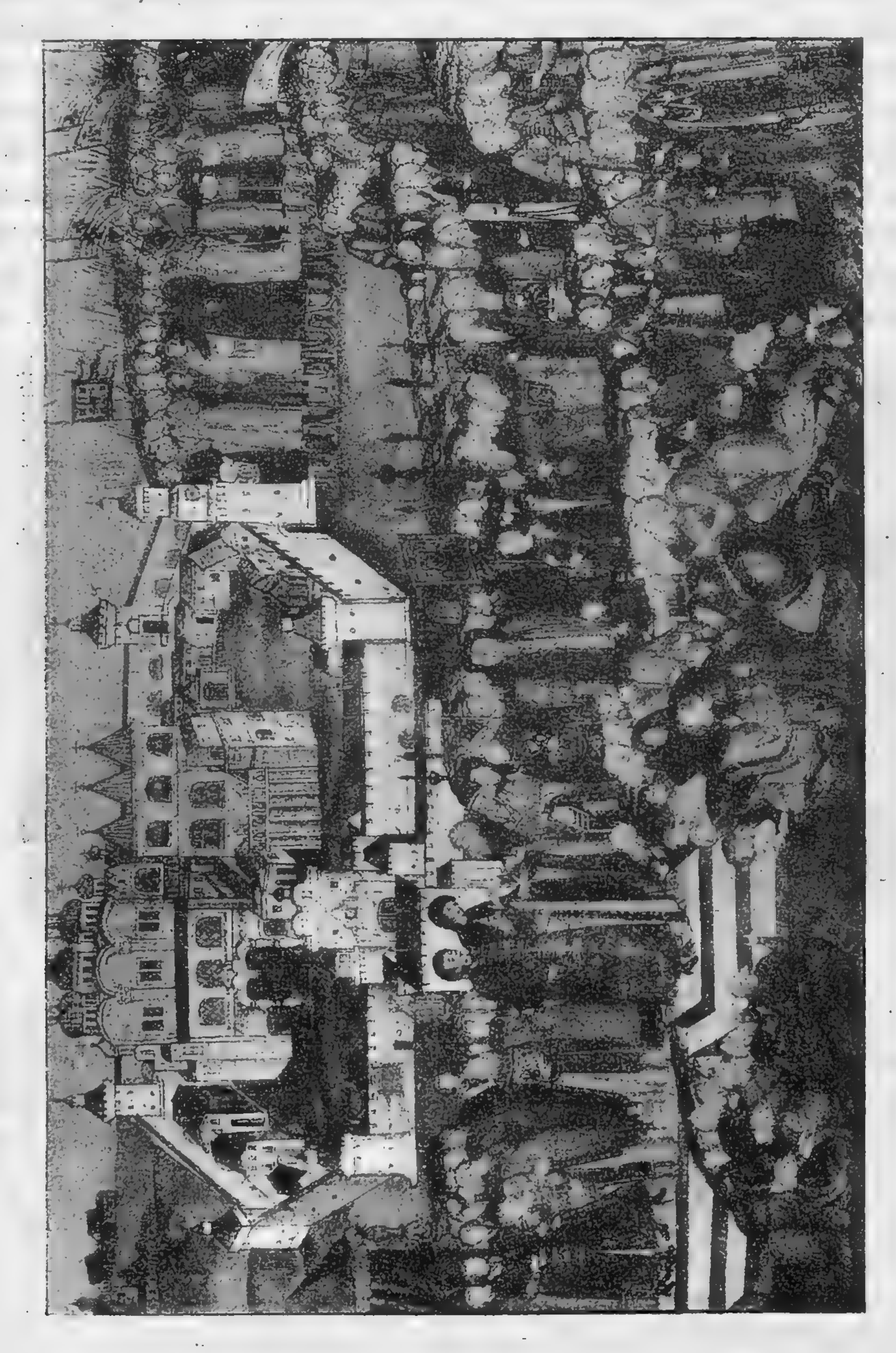
ремъ; онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всякихъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались, давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Мароа упомянула объ измѣнѣ Годунову, убійствѣ Лжедимитрія, сведеніи съ престола и выдачѣ полякамъ Шуйскаго; потомъ продолжала: «видя такія прежнимъ государямъ крестопреступленія, позоръ, убійства и поруганія, какъ быть на московскомъ государствѣ и прирожденному Государю Государемъ? Да и потому еще нельзя: московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и непостоянствомъ русскихъ людей разорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, ли-

Домъ бояръ Романовыхъ въ Костромѣ.

товскіе люди вывезли; дворцовыя села, черныя волости, пригородки и посады розданы въ помѣстья дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ служилымъ людямъ и запустошены, а служилые люди бѣдны; и кому повелитъ Богъ быть Царемъ, то чѣмъ ему служилыхъ людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и противъ своихъ недруговъ стоять?» Потомъ Михаилъ и Мароа говорили, «что быть ему на государствѣ, а ей благословить его на государство—только на гибель; кромѣ того, отецъ его митрополитъ Филаретъ теперь у короля въ Литвѣ въ большомъ утѣсненьи, и какъ свѣдаетъ король, что на московскомъ государствѣ учинился сынъ его, то сейчасъ же велитъ сдѣлать надъ нимъ какое-нибудь зло; а ему, Михаилу, безъ благословенья отца своего на московскомъ государствѣ никакъ быть нельзя».

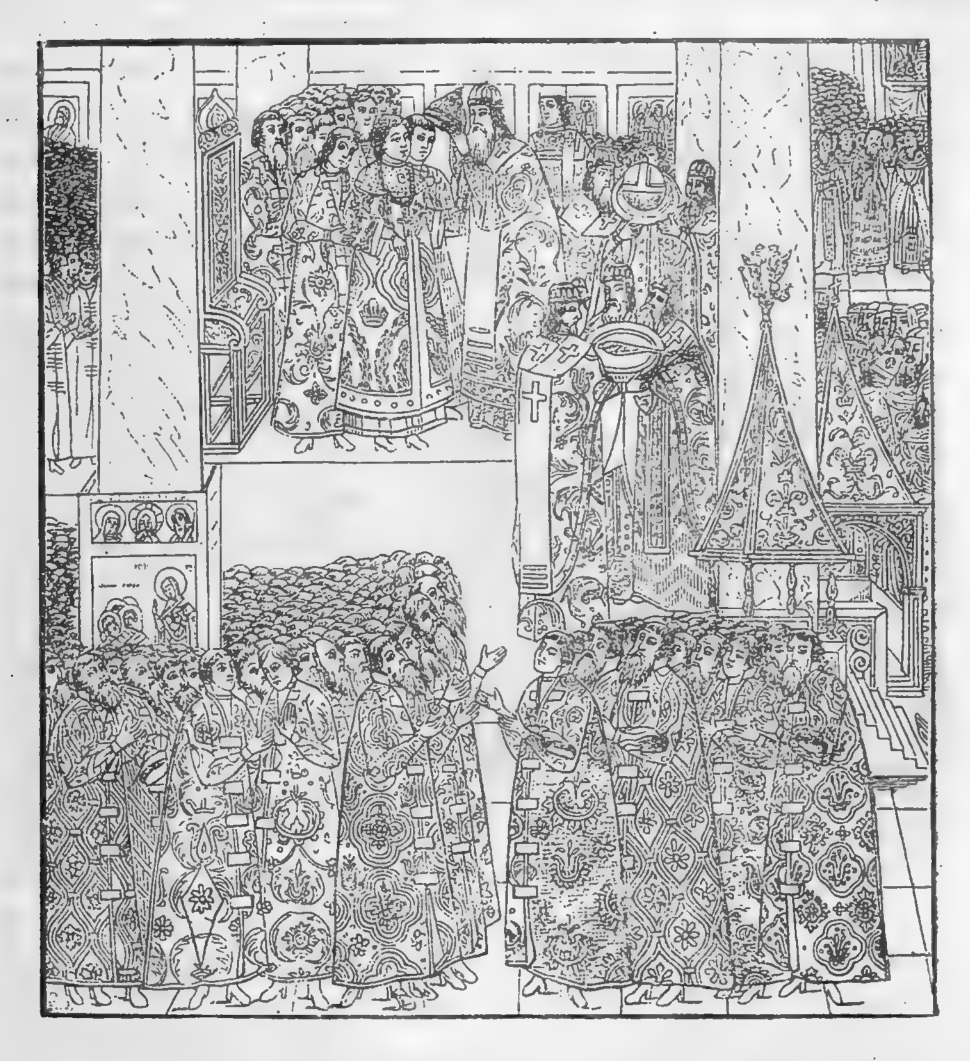
Послы со слезами молили и били челомъ Михаилу, чтобъ соборнаго моленья и челобитья не презрилъ: выбрали его по изволенію Божію, не по его желанью: положилъ Богъ единомышленно

Призваніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатьевскомъ монастырѣ 1613 года.

въ сердца всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала до велика на Москвѣ и во всѣхъ городахъ. А прежніе государи—царь Борисъ сѣлъ на государство своимъ хотѣньемъ, изведши государскій корень царевича Димитрія; началъ дѣлать многія неправды,

и Богъ ему мстилъ кровь царевича Димитрія богоотступникомъ Гришкою Отрепьевымъ; воръ Гришка-разстрига по своимъ дѣламъ отъ Бога месть принялъ, злою смертью умеръ; а царя Василья выбрали на государство немногіе люди, и, по вражью дѣйству, многіе города ему служить не захотѣли и отъ московскаго государства отложились: все это дѣлалось волею Божіею, да всѣхъ православныхъ христіанъ грѣхомъ; во всѣхъ людяхъ

Коронованіе Михаила Өеодоровича. По книгѣ „Объ избраніи его на царство".

московскаго государства была рознь и междоусобіе. А теперь московскаго государства люди н а к а з а л и с ь всѣ и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ. Послы молили и били челомъ Михаилу и матери его съ третьяго часа дня до девятаго, говорили, чтобъ онъ воли Божіей не снималъ, былъ на московскомъ государствѣ Государемъ. Михаилъ все не соглашался; послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ конечное разо-

ренье государства; тогда Михаилъ и Марѳа сказали, что они во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи; Марѳа благословила сына, Михаилъ принялъ царскій посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро.

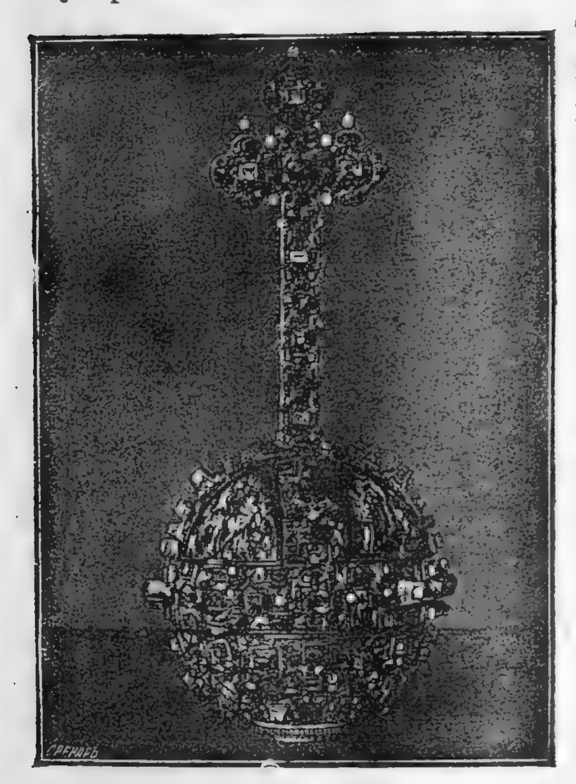
Слова Ѳеодорита съ товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своихъ предшественниковъ, потому что люди московскаго государства наказались и пришли въ соединеніе — эти слова были вполнѣ справедливы. Страшнымъ опытомъ научились, что значитъ рознь и шатость, развязывающія руки ворамъ. Лучшіе люди имѣли столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказаніемъ, встали, соединились, очистили государство, и будутъ въ состояніи крѣпко сомкнуться вокругъ новаго Государя и всѣми силами отстаивать его, не смотря на отсутствіе матеріальныхъ средствъ. До какой степени въ лучшихъ людяхъ 1613 года крѣпко было убѣжденіе, что должно пожертвовать всѣмъ для поддержанія и охраненія новаго Царя, возстановлявшаго государственный нарядъ, показывалъ всего лучше подвигъ Сусанина. Когда Михаилъ, выѣхавши изъ Москвы, послѣ сдачи кремля, жилъ въ Костромѣ, отрядъ поляковъ (какъ говоритъ грамота), узнавши объ избраніи новаго Царя, отыскивалъ его мѣстопребываніе съ цѣлью умертвить нежеланнаго имъ возстановителя Русскаго государства; въ этихъ поискахъ враги схватили крестьянина Ивана Сусанина изъ села Домнина, принадлежавшаго Романовымъ, и начали пытать его страшными пытками, вымучивая показаніе, гдѣ скрывался Михаилъ? Сусанинъ зналъ, что онъ въ Костромѣ, но не сказалъ и былъ замученъ до смерти.

Памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину въ Костромѣ.

19 марта выѣхалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъ Костромы въ

Ярославль, 2-го Москва торжественно и восторженно встрѣтила юнаго Царя, а 11 іюля въ Успенскомъ соборѣ происходило его вѣнчаніе на царство. Священнодѣйствіе было совершено по тому же уставу, по какому оно было совершено надъ послѣднимъ представителемъ угасшей царской династіи — Ѳеодоромъ Іоанновичемъ. Сперва предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ Золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на него былъ возложенъ царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Предъ причащеніемъ было совершено священное мvропомазаніе изъ того сосуда, который нѣкогда принадле-

Царская держава.

Сосудъ священнаго мvропомазанія государей.

жалъ императору Августу и изъ котораго донынѣ помазываются на царство наши Государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный и помазанный Царь пріобщался тѣла и крови Христовыхъ. Знаки царскаго достоинства держали въ соборѣ князь Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій, бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ и князья Мстиславскій и Трубецкой.

Передъ тѣмъ, какъ идти въ соборъ на коронованіе, сказано было боярство двоимъ стольникамъ: родственнику царскому князю И. Б. Черкасскому и вождю-освободителю князю Д. М. Пожарскому; 12 іюля, въ день именинъ Государя, пожалованъ былъ въ

думные дворяне Козьма Мининъ. Милостей и льготъ народу Государь не могъ дать: казна была совсѣмъ пуста.

Приводимъ въ фотографическомъ воспроизведенiи утвержденную (подписями) грамоту *) объ избранiи на царство Михаила Өеодоровича и ради трудности разбирать ее приводимъ ея начало и конецъ въ типографскомъ. Вся средина грамоты содержитъ короткое обозрѣнiе всей Русской Исторiи по царствованiямъ.

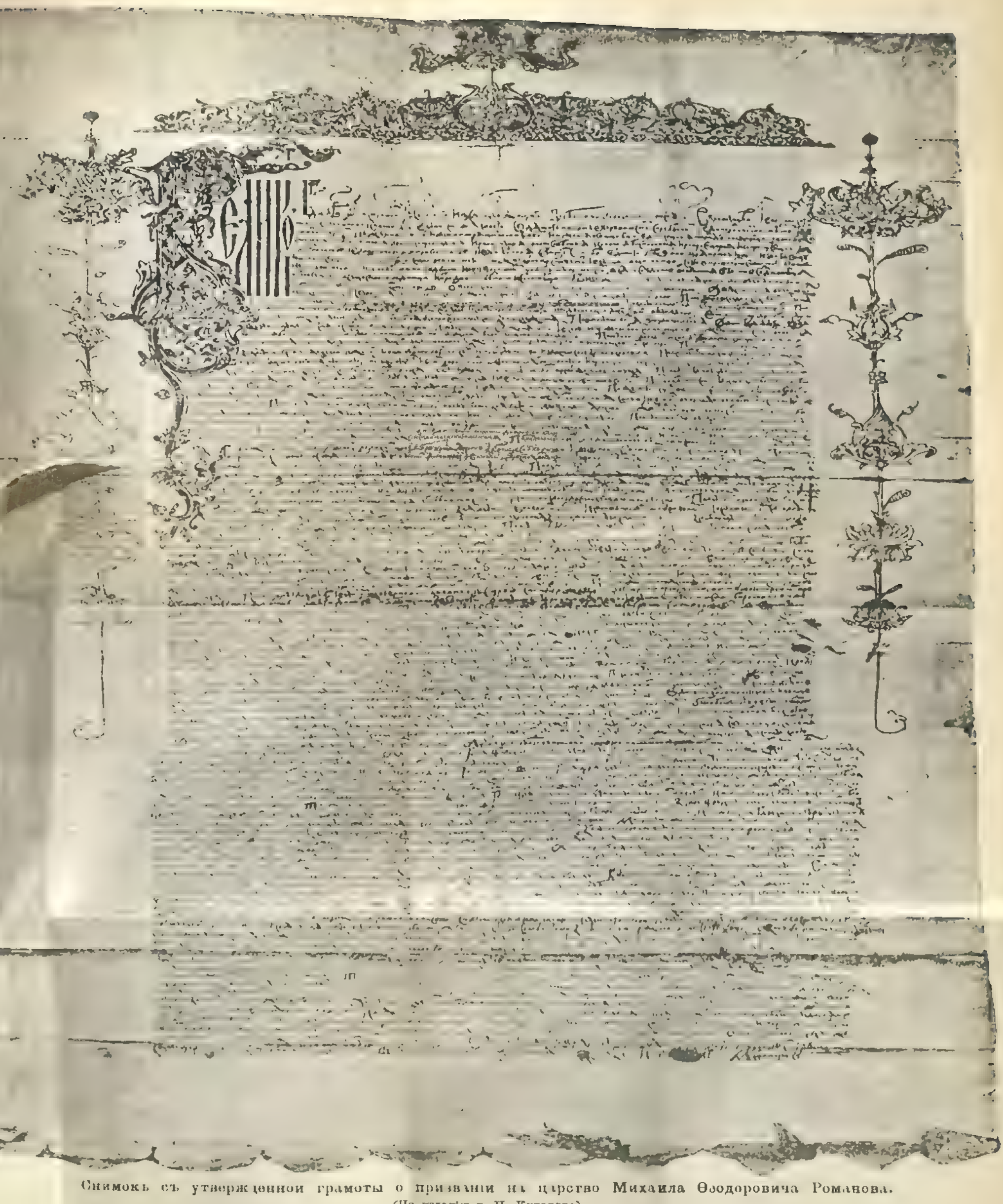
Вотъ начало грамоты:

Грамота, утвержденная о избранiи на Россiйскiй престолъ Царемъ и Самодержцемъ Михаила Өеодоровича Романова-Юрьевыхъ за подписанiемъ бывшихъ при выборѣ всякаго чина и званiя людей—писано 1613 года въ маiѣ мѣсяцѣ.

Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велѣлѣпной и святей славѣ величествия Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господемъ нашимъ Iисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и животворящимъ Своимъ Духомъ, имъ же вся священотса, единосушныя и нераздѣльныя Троицы, равно Божественныя, и равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя, и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальные, и единоначальные, и трисоставные, и нераздѣльные, въ трiехъ составехъ единаго Божества, Царя царствующихъ и Господа Господьствующимъ, непреодолѣннаго и всякие силы крепчайшаго, имъ же Царiи царствуютъ и велицыи величаютца, сего въ Троицѣ присноcлавимаго Бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытия въ бытие создаваетца, и отъ не сущихъ въ существо приводитца, и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ Него-жъ приимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же Великихъ Государей Царей Россiйскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго корени, Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь великiй Рюрикъ содержаше скиөетръ великаго Россiйскаго государства въ Великомъ Новѣграде»...

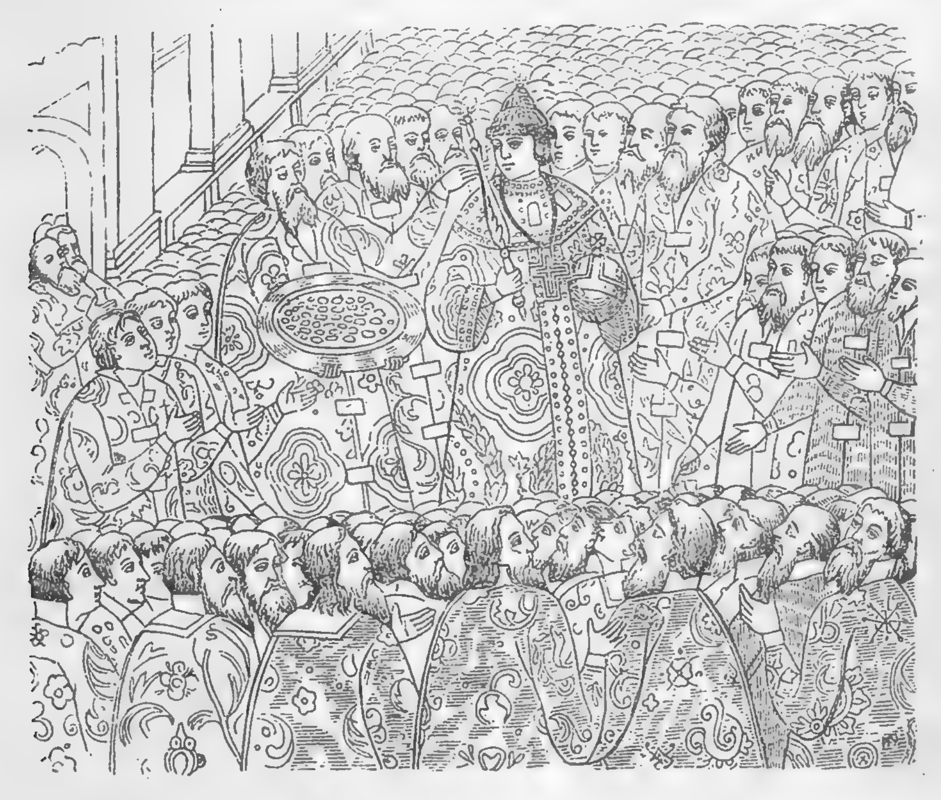
*) По извѣстному изданiю Г. Н. Кутепова.

Снимокъ съ утвержденной грамоты о призваніи на царство Михаила Θеодоровича Романова.
(По изданію г. Н. Кутепова).

Послѣ изложенія Русской Исторіи до избранія на царство Михаила Θеодоровича говорится: «кто похочетъ мимо Государя Царя и Великаго князя Михаила Федоровича, всея Руси Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей небуди, или какое лихо хто похочетъ учинити: и намъ боярамъ, и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, и гостемъ, и детемъ боярскимъ и всякимъ людемъ на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя

Выходъ изъ Успенскаго собора послѣ вѣнчанія на царство.

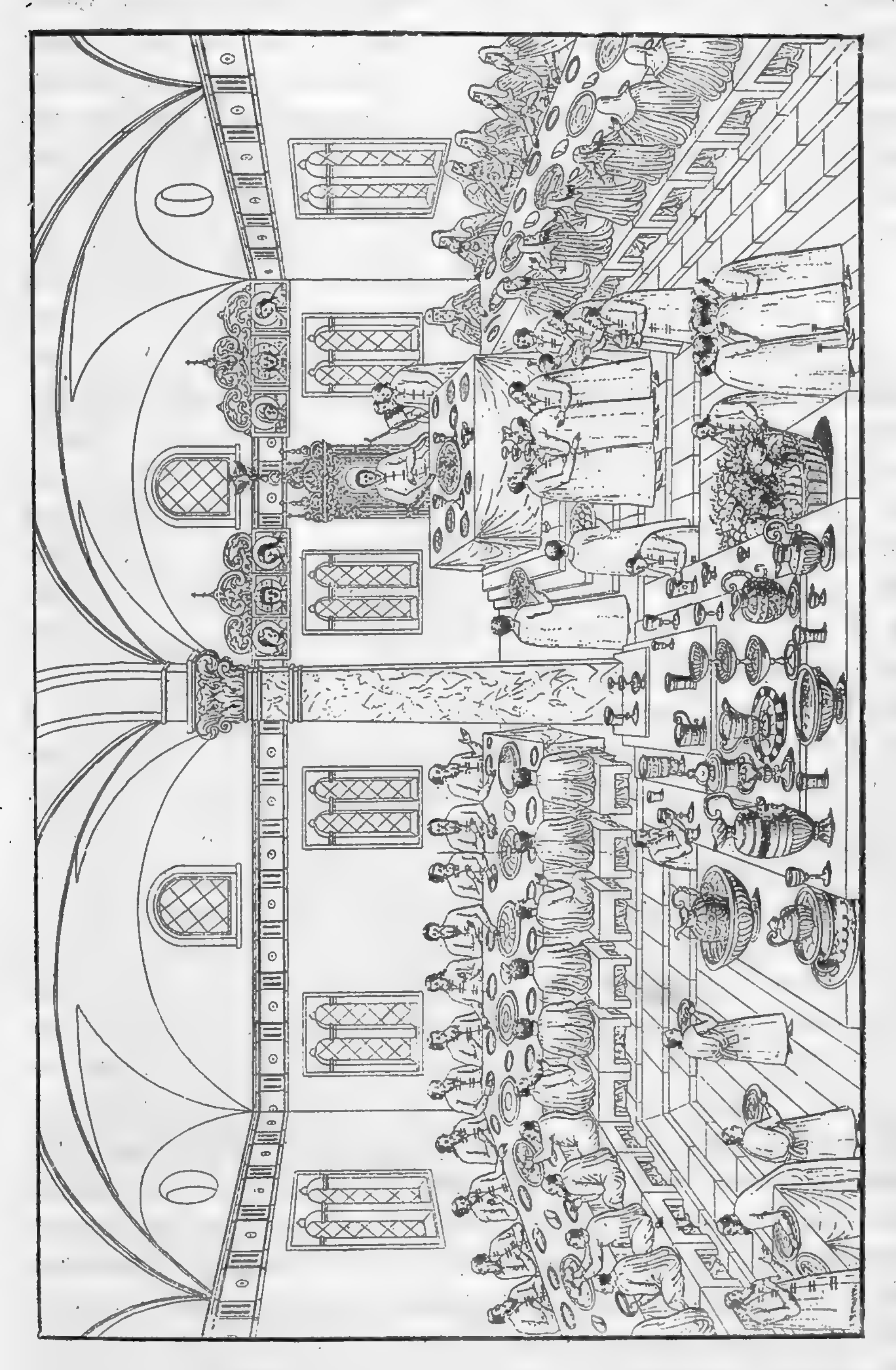
Михаила Федоровича всеа Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людемъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнья, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати; и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ: и быти въ Государскихъ дѣлехъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи, на своей Государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...»

Въ своемъ заключеніи грамота гласитъ:

«А кто убо и не похощетъ послушати сего соборного уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковый, аще отъ священнаго чину, и отъ боляръ, царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ хто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и помѣстныхъ, и по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего изверженъ будетъ, и отъ церкви Божіи отлученъ... А на соборѣ были Московскаго государства и изо всѣхъ городовъ Российского царствия власти, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и протопопы и весь освященныи соборъ, и боляре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие, и думные дворяне и дьяки, и жильцы, и дворяне большие и дворяне изъ городовъ, и дьяки изъ приказовъ и головы стрѣлецкие и всякие приказные и дворовые люди и гости и сотники стрелецкие, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посацкие, всякихъ чиновъ всякие служилые и жилецкие люди, и изо всехъ городовъ всего Российскаго царствия выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обиранье. А уложено бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми Великого Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Федоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующимъ граде Москвѣ, въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру ҂зрка҃-го, индикта а҃і-го, месяца маия.

Изъ исторіи царствованія Михаила Ѳеодоровича вы узнаете, какъ важно государству съ распутія и смуты вступить на свой историческій путь, въ колею твердаго государственнаго порядка. Государь, въ 17 лѣтъ возложившій на себя шапку и бармы Мономаха, конечно, не обладалъ ни правительственною опытностью Годунова, ни волей и умомъ своего внука Петра I, а государство получилъ въ полномъ разореніи. Но онъ, идя правымъ путемъ, скоро привелъ его въ порядокъ, въ прежнее его положеніе. Дѣйствительно, положеніе государства, въ началѣ царствованія его, было крайне печально. Государственная казна не то что была пуста, а просто не существовала: нечѣмъ было, какъ вы знаете, не только жаловать служилыхъ людей, но и нечѣмъ было отстроить Кремлевскіе дворцы, которые стояли безъ крышъ и оконъ. Приходилось немногихъ людей достатка просить въ гра-

мотахъ о пособіяхъ государству, приходилось отъ Англіи принять денежное пособіе заимообразно. Земля до того обезлюдѣла,

Коронаціонный обѣдъ Михаила Θеодоровича въ Грановитой палатѣ. По книгѣ: „Объ избраніи на царство“.

что иностранные послы, проѣзжая сотни верстъ, встрѣчали деревни, села и города, съ домами, наполненными трупами; въ нихъ нельзя было отъ трупнаго запаху пріютиться на ночлегъ

и приходилось ночевать въ полѣ. Слишкомъ мало было на Руси всякихъ средствъ для государственныхъ нуждъ, но враговъ было безъ конца; въ Астрахани сидѣлъ Заруцкій съ сыномъ самозванца, которыхъ поддерживали и турки, и персы, и русскіе инородцы. Внутри государства все грабили и разоряли шайки разнаго сорта воровъ и разбойниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись ватаги атамана Баловня. Вдоль и поперекъ крестилъ Русь, дѣлая переходы по сту верстъ въ сутки, неутомимый польскій наѣздникъ Лисовскій. На сѣверѣ Россіи хозяйничали шведы, уже захватившіе Новгородъ и другіе города, а ихъ король Густавъ Адольфъ осаждалъ Псковъ. Бѣлоруссію и Сѣверскія области занимали поляки; ихъ королевичъ Владиславъ грозилъ юному Михаилу отнять у него врученный ему скипетръ. Но, посмотрите, прошло пять лѣтъ съ 1613 года по 1618, когда Царю Михаилу Ѳеодоровичу было всего только 21 годъ, а Русь нельзя было узнать. Заруцкій, спасаясь отъ преслѣдованія царскаго воеводы князя Одоевскаго, бѣжалъ изъ Астрахани на Уралъ, здѣсь былъ выданъ государевымъ людямъ и казненъ съ сыномъ Марины. Внутреннія шайки успѣшно преслѣдовалъ князь Лыковъ. Баловень былъ захваченъ и повѣшенъ. Князь Д. М. Пожарскій преслѣдовалъ Лисовскаго, но не настигалъ его и тяжко заболѣлъ. По счастію, этотъ вредный для Россіи человѣкъ скоро умеръ въ Литвѣ. Отъ шведовъ мы потерпѣли неудачу: князь Трубецкой былъ разбитъ ими подъ Бронницами. Но при посредствѣ Голландіи и Англіи былъ заключенъ съ ними въ 1617 году въ Столбовѣ, близъ Тихвина, миръ, по коему шведы возвратили намъ Новгородъ и другіе города, хотя и взяли себѣ наше Финское побережье съ городами Орѣшкомъ (Шлиссельбургъ), Иваномъ-городомъ, Ямомъ и Копорьемъ. Шведскій король Густавъ-Адольфъ, придавая большое значеніе тому, что мы были оттѣснены отъ Балтійскаго моря, хвалился предъ сеймомъ, что шведовъ отдѣляютъ теперь отъ Россіи 30 миль болотъ, озера и Финскій заливъ, и долго русскимъ не придется перескочить черезъ этотъ ручеекъ. Но онъ ошибся: внукъ Михаила Ѳеодоровича Петръ I отнялъ отъ шведовъ это исконное достояніе Россіи и здѣсь 200 лѣтъ тому назадъ прорубилъ окно въ Западную Европу, основавъ свой Петербургъ.

Торопились заключеніемъ мира съ Швеціей потому, что предстояла тяжелая война съ Польшей. Владиславъ двинулся противъ Россіи, объявляя себя ея царемъ, но города не сдавались поля-

жамъ, оставаясь вѣрными своему Русскому Государю, а выборные люди, созванные въ Москву на соборъ, поклялись «не щадить головъ своихъ за православную вѣру и своего Царя». Поддержанный малороссійскимъ гетманомъ Конашевичемъ-Сагай-

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ 1613 — 1645. (По Титулярнику).

дачнымъ, Владиславъ подошелъ къ самой Москвѣ и, расположившись станомъ въ Тушинѣ, грамотами требовалъ сдачи Москвы, именуя себя царемъ московскимъ; русскіе люди затерли дегтемъ этотъ титулъ, возвратили грамоту назадъ и отбили приступы Владислава къ Москвѣ. Онъ было пытался

овладѣть Троицкой лаврой, но и здѣсь потерпѣлъ неудачу и въ 1618 году заключилъ въ селѣ Деулинѣ перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ. Русскіе должны были уступить Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую область и заплатили ей 20.000 руб., Владиславъ не отказался отъ правъ своихъ на московскій престолъ и согласился только на размѣнъ плѣнныхъ. На этомъ основаніи возвращенъ былъ къ радости царя и народа доблестный страдалецъ за Русскую землю—отецъ государевъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ.

Послѣ смерти патріарха Гермогена, въ ожиданіи возвращенія изъ польскаго плѣна Филарета Никитича, намѣренно не замѣщали патріаршій престолъ. Возвращеніе его сопровождалось торжественными церковно-народными встрѣчами въ попутныхъ городахъ. Царь выѣхалъ къ отцу на рѣчку Прѣсню. Оба пали

Печать Филарета Никитича.

другъ предъ другомъ на землю. Одинъ чествовалъ въ юномъ сынѣ Царя, другой своего родителя. Народъ, видя это, плакалъ въ умиленіи. Филаретъ Никитичъ возведенъ былъ въ санъ патріарха Іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Какъ отецъ Государя, мужъ сильнаго ума, крѣпкой воли и многотруднаго опыта, онъ сталъ соправителемъ сыну и пользовался титуломъ «Великаго Государя». Всѣ грамоты писались отъ имени двоихъ государей: «Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Руси и Святѣйшій патріархъ и великій государь приказали» и т. д. Всѣ посольства представлялись или обоимъ государямъ вмѣстѣ, или каждому отдѣльно. Важнѣйшіе доклады представляли тому и другому. Но это двоевластіе нисколько не нарушало единства правительственной дѣятельности. Филаретъ Никитичъ еще болѣе укрѣпилъ значеніе

самодержавной власти своего сына. Вѣроятно, не безъ его вліянія выборный царь, нерѣдко собиравшій выборныхъ людей на земскіе соборы, отмѣнилъ въ областномъ управленіи участіе выборныхъ людей, излюбленныхъ головъ, земскихъ и губныхъ старостъ и сосредоточилъ мѣстную власть въ рукахъ воеводъ. Для опредѣленія податей, пошлинъ и другихъ повинностей установлена была перепись населенія, при посредствѣ писцовъ и до-

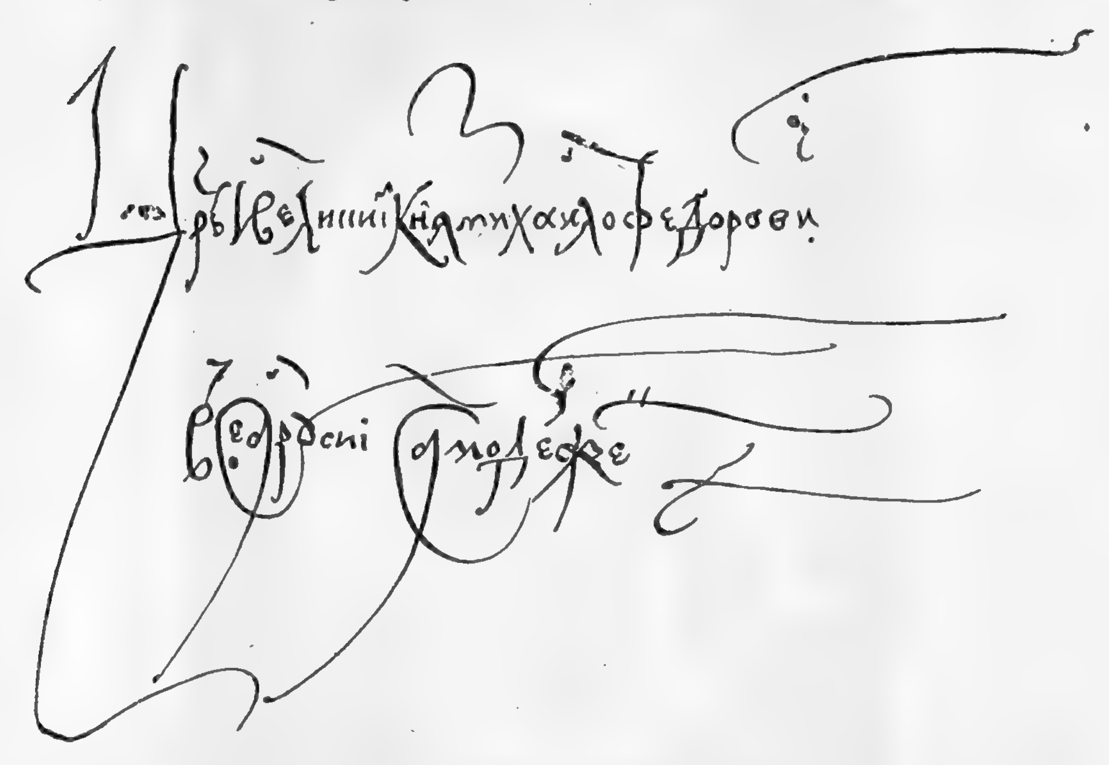

Святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.

зорщиковъ, въ такъ называемыхъ писцовыхъ книгахъ. Патріархъ Филаретъ завелъ въ Чудовомъ монастырѣ греко-латинскую школу и заботился объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ. Царь нанялъ нѣсколько иностранныхъ полковъ, сталъ въ Россіи пользоваться новымъ иностраннымъ военнымъ строемъ и заботился о насажденіи у насъ фабрично-заводскихъ производствъ. Такъ, при помощи иностранцевъ, у насъ были заведены желѣзо-дѣлательные, стекольные, кожаные и кирпичные заводы. Выстроилъ

на Никольской улицѣ, ради поднятія упавшаго книжнаго дѣла, сгорѣвшую типографію. Государь положилъ начало развитію у насъ фруктоваго, цвѣточнаго и аптекарскаго садоводства. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ садахъ появляются новыя для Москвы растенія, между прочимъ, заграничныя розы. Нѣмецкая слобода въ Москвѣ разрослась. Въ ней было до 1000 семействъ только протестантскихъ исповѣданій. Вообще подъ скипетромъ Михаила Ѳеодоровича Романова Россія стала быстро оправляться и крѣпнуть.

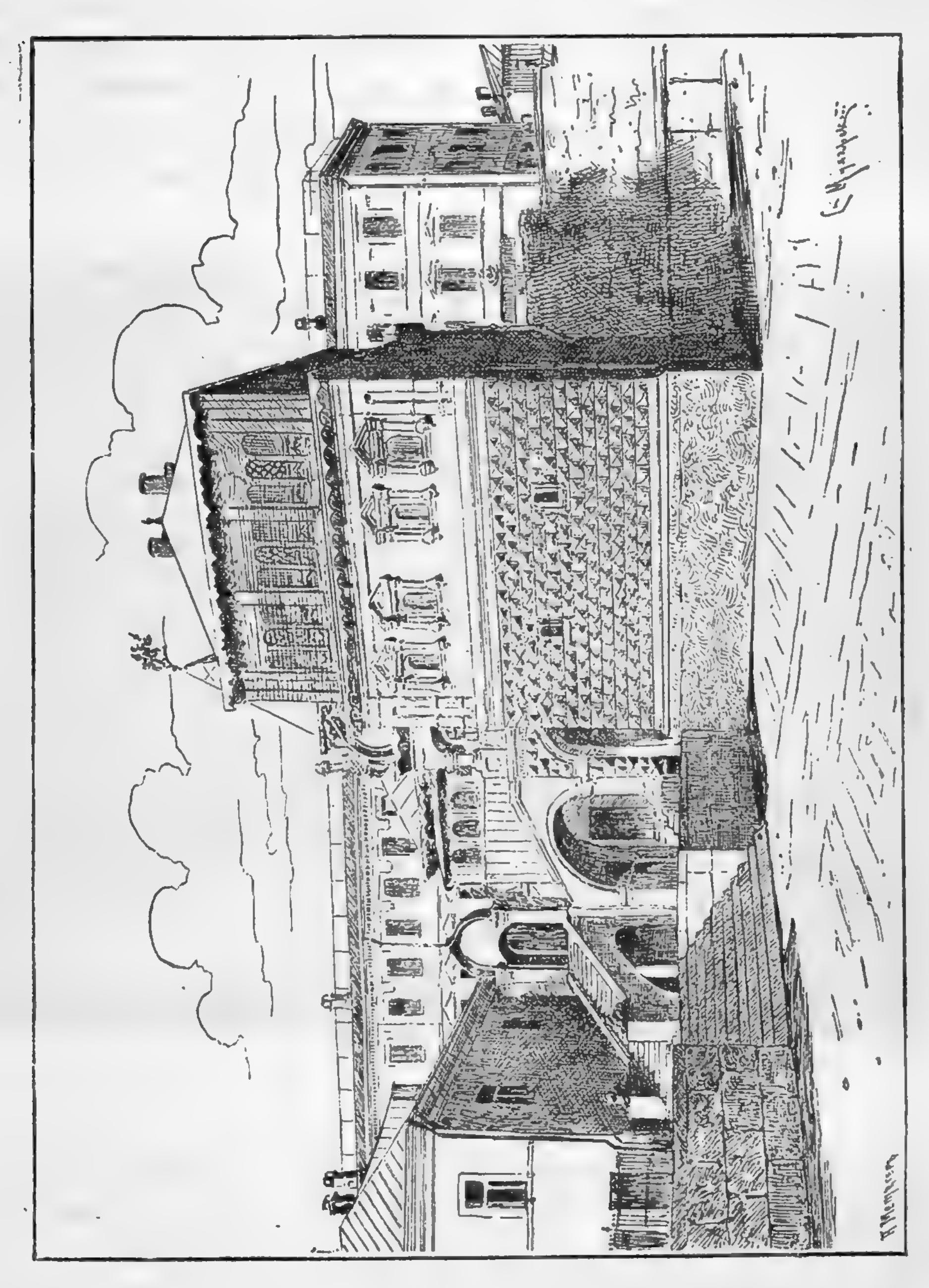
Деулинское перемиріе истекало, а наши отношенія къ Польшѣ

Подпись Михаила Ѳеодоровича.

продолжали быть враждебными, потому что королевичъ Владиславъ все еще не отказывался отъ Русской короны; и нельзя было забыть перехода коренныхъ Русскихъ областей во власть поляковъ. Поэтому Царь заранѣе сталъ готовиться къ войнѣ съ Польшей: собиралъ ратныхъ людей, закупалъ за границей пушки и другое оружіе, нанималъ иностранцевъ — солдатъ и офицеровъ. Когда въ 1632 году умеръ король Сигизмундъ, и въ Польшѣ началось междуцарствіе съ избирательными раздорами, московское правительство объявило войну полякамъ; наши войска, подъ начальствомъ знаменитаго защитника Смоленска въ пору междуцарствія, боярина Шеина, двинулись на западъ. Сначала наши дѣла пошли очень удачно: были отняты у поля-

ковъ нѣкоторые русскіе города, и крѣпко осажденъ Смоленскъ. Но избранный въ короли Владиславъ съ большимъ войскомъ расположился станомъ подъ Смоленскомъ и подкрѣпилъ его гарнизонъ. Въ это время крымскіе татары напали на южныя

Домъ Романовыхъ въ Москвѣ.

области, и много ратныхъ людей ушло изъ русскаго стана для защиты своихъ земель. Шеинъ былъ крайне стѣсненъ; среди наемныхъ иностранцевъ начались раздоры; поляки захватили Дорогобужъ со складомъ провіанта; въ русскомъ станѣ начались

голодъ и страшныя болѣзни. Доведенный до крайности Шеинъ началъ переговоры. Поляки согласились выпустить его съ условіемъ, что онъ выдастъ имъ свою артиллерію, отпуститъ иностранцевъ и преклонитъ знамена предъ поляками. Шеинъ былъ за это преданъ суду, обвиненъ въ измѣнѣ (несправедливо) и казненъ. Истинная причина этого заключалась въ его высокомѣріи и презрительномъ отношеніи къ товарищамъ. Къ счастію, поляки, угрожаемые турками, заключили миръ на рѣкѣ Поляновкѣ на условіяхъ признать Михаила Θеодоровича Царемъ и подтвер-

Крестовая палата бояръ Романовыхъ.

жденія условій Деулинскаго перемирія. Въ это время привезенъ былъ изъ Варшавы гробъ бывшаго царя Василія Ивановича Шуйскаго и поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Въ это время казаки едва не вовлекли Россію въ большую войну съ турками. Донскіе казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго государства, какъ и запорожцы, жившіе въ принадлежавшемъ Польшѣ приднѣпровьѣ, не признавали почти надъ собою ничьей власти и дѣйствовали по своему произ-

волу. Въ 1618 году донцы захватили и изрубили въ своемъ кругу турецкаго посланника и съ помощью запорожцевъ захватили принадлежавшій туркамъ Азовъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ прислалъ имъ строгую грамоту, въ которой говорилъ, что нигдѣ не ведется побивать пословъ, и осуждалъ ихъ за взятіе Азова безъ царскаго повелѣнія. Какъ бы ни выгодно было владѣть намъ Азовомъ, особенно для удержанія крымскихъ татаръ отъ постоянныхъ набѣговъ на русскіе предѣлы, Царь увѣдомилъ султана, что казаки самовольно за-

Дѣтская у бояръ Романовыхъ.

хватили городъ и просилъ его не имѣть нелюбья противъ Россіи. Но въ 1641 году, освободившись отъ войны съ персами, турки послали на русскіе предѣлы крымцевъ, а сами съ двухсотъ-тысячнымъ войскомъ, на корабляхъ и съ сильной артиллеріей, осадили Азовъ. Пятнадцатитысячная горсть донцовъ съ нѣсколькими сотнями своихъ женъ и тысячью запорожцевъ проявили невѣроятное, но обычное для русскихъ людей геройство: они отбили 24 турецкихъ приступа; истребили 20 тысячъ ту-

рокъ и чрезъ полгода заставили турокъ снять осаду и возвратиться во-свояси, а сами послали къ Царю бить челомъ, чтобы онъ взялъ Азовъ подъ свою высокую руку. Побѣдителей, да особенно такихъ, не судятъ. Государь прислалъ казакамъ свою милостивую грамоту съ жалованьемъ и говорилъ имъ: «мы васъ за вашу службу, радѣнье, промыслъ и крѣпкостоятельство милостиво похваляемъ». Но, воздавъ имъ должное за ихъ геройство, Царь не могъ взять Азовъ подъ свою руку, потому что это вело къ громадной войнѣ съ турками, трудной впослѣдствіи и для Петра I. Созваны были въ Москву выборные люди на земскій соборъ для рѣшенія вопроса: «Государю-Царю за Азовъ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ разрывать ли и Азовъ у казаковъ принимать ли? Если принять, то войны не миновать; и ратные люди надобны будутъ многіе; на жалованье и запасы деньги надобны многія и не на одинъ годъ. И такія великія деньги и многіе запасы гдѣ брать?»

Опрошенныя на собраніи сословія отвѣчали въ существѣ дѣла: «какъ рѣшитъ Государь, пусть такъ и будетъ; всѣ готовы по его слову жертвовать всѣмъ, даже и жизнью».

Духовенство, напр., отвѣчало, что о ратномъ дѣлѣ слѣдуетъ разсуждать Царю да боярамъ, а имъ духовнымъ лицамъ все это—не за обычай; ихъ же дѣло Бога молить, а помогать ратнымъ людямъ они готовы по мѣрѣ силъ. Служилые люди прямо говорили, что Азовъ взять слѣдуетъ... Стрѣлецкіе головы отвѣчали, что во всемъ воля Государева, а они, холопы его, служить рады и готовы, гдѣ Государь ни укажетъ. Безпомѣстные, пустомѣстные и мелкомѣстные указывали, что имъ нужно жалованье для отбыванія службы. Другіе, не скрывая своего разоренья отъ разныхъ неурядицъ въ государствѣ, выражали однако готовность на свою службишку противъ недруговъ Государевыхъ. Даже торговые люди, сославшись на плохіе торжишки, перехватываемые иноземцами и кизылбашами (восточные человѣки), заявляли, что «рады своими головами служить за здоровье Царское и за православную вѣру помереть». Выслушавъ такіе отвѣты, отдававшіе въ существѣ дѣла все на волю Государя, Михаилъ Θеодоровичъ далъ приказаніе казакамъ оставить Азовъ, а тѣ не оставили здѣсь туркамъ камня на камнѣ. Но казаки подготовили здѣсь путь Петру I.

Царь Михаилъ Θеодоровичъ скончался 12 іюня 1645 года, послѣ тридцати-двухлѣтняго царствованія, не достигнувъ еще пяти-

десятилѣтняго возраста и оставивъ престолъ 16-тилѣтнему сыну Алексѣю Михайловичу.

Древніе римляне,—народъ глубоко государственный, въ память спасенія своего государства отъ гибели, назвали одного изъ своихъ героевъ (Камилла) вторымъ основателемъ Рима, а

Соборный храмъ Знаменскаго монастыря.

другого (Марія) третьимъ основателемъ. Мы съ большимъ правомъ можемъ назвать Царя Михаила Ѳеодоровича вторымъ основателемъ Русскаго Государства и нашей Москвы. Дѣло въ томъ, что онъ принялъ и Русское государство и нашу Москву разрушенными до основанія. Ему принадлежитъ великая слава за то, что онъ вновь создалъ Русское Государство и основалъ новую

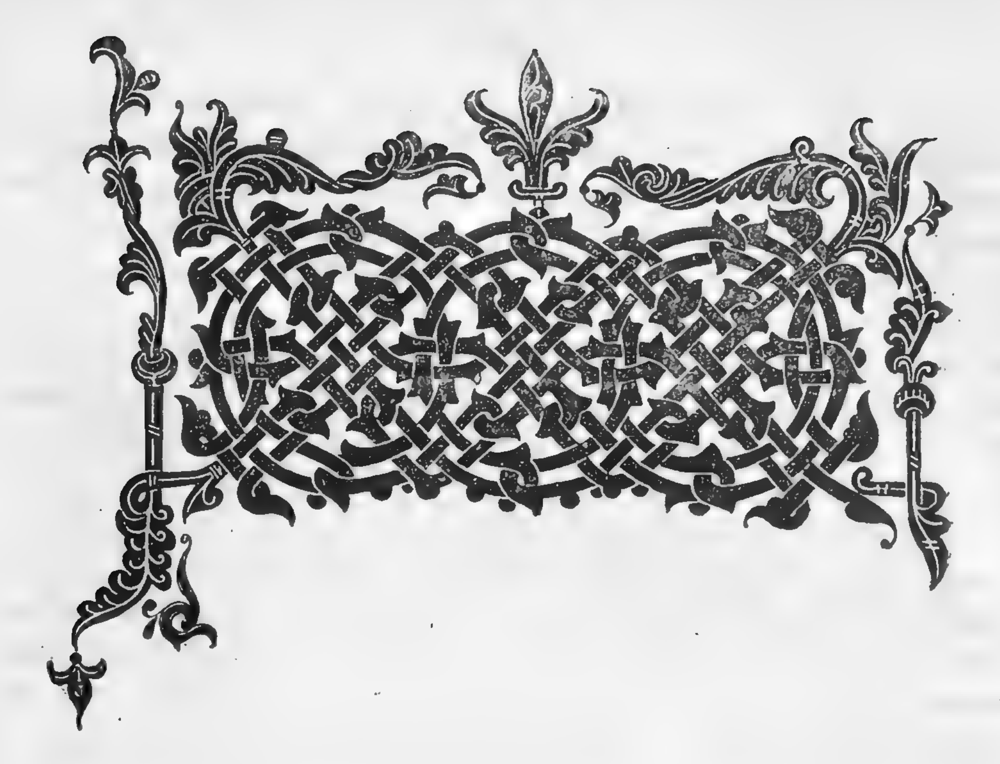
національную династію, которая довела Россію до нынѣшняго Императорскаго величія и могущества, и лежавшую въ развалинахъ Москву передалъ своему сыну Царю Алексѣю Михайловичу опять въ видѣ огромнаго и красиваго города, которому дивились пріѣзжавшіе сюда иностранцы. Три четверти ея, за небольшими исключеніями въ Кремлѣ и Китай-городѣ, были сожжены поляками въ лихолѣтье. До Михаила Ѳеодоровича не существовало ни Бѣлаго города, ни деревяннаго Скородома, или Земляного города, ни слободъ, ни Замоскворѣчья, а послѣ Михаила все это было застроено такъ, «какъ будто и не было совсѣмъ разрухи лихолѣтья». Изъ Исторіи Москвы, какъ города, при этомъ первомъ Царѣ изъ Дома Романовыхъ, укажу только немногое. Онъ возстановилъ обваливавшіяся стѣны и башни Кремля. Небольшія до него Спасскія ворота онъ надстроилъ высокою башней и поставилъ подъ нею тѣ часы, которые замѣнилъ новыми его внукъ Петръ I. Возстановилъ и украсилъ живописью первопрестольный Успенскій соборъ; противъ Тайнинской башни построилъ, теперь несуществующій, Александровскій соборъ, возстановилъ заново разрушенные дворцы, надстроилъ терема, которыми мы любуемся теперь. Филаретъ Никитичъ около Годуновскаго Ивана Великаго сдѣлалъ огромную колокольную пристройку, до сихъ поръ называющуюся Филаретовскою. Въ это же царствованіе былъ построенъ на Красной площади Казанскій соборъ, въ память освобожденія Москвы кн. Пожарскимъ. На Варваркѣ, близъ боярскихъ палатъ Романовыхъ, былъ построенъ Знаменскій монастырь. Трудно исчислить сколько храмовъ было построено при немъ въ Китай-городѣ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ. Его по справедливости мы обязаны почитать, какъ второго основателя нашей Москвы.

Кубокъ Михаила Ѳеодоровича.

Братина патріарха Филарета.

23.

Второй представитель Царствующаго Дома Романовыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ и его значеніе.—Личный характеръ Государя, по отзывамъ современниковъ—иностранныхъ и русскихъ.—Его глубокая религіозность, его умъ и образованіе, его доброта и мягкость, сердечная привязанность къ друзьямъ и благотворительность.—Его взглядъ на Царскую Власть.—Отношеніе къ древней Руси и Западу.—Его потѣхи и охота.

Второй государь изъ дома Романовыхъ Царь Алексѣй Михайловичъ (отъ 1645—1676) далъ одну изъ примѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ страницъ нашей Отечественной Исторіи. Если отецъ его Царь Михаилъ Θеодоровичъ возстановилъ и какъ бы второй разъ основалъ разрушенныя смутой Русское Государство и его столицу Москву и, что знаменательно, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ создала многовѣковая исторія наша, то сынъ его далъ имъ возможность развивать и совершенствовать тѣ творческія начала національной жизни, кои лежали въ основахъ нашей исторіи и сплотили Россію подъ скипетромъ Михаила Θеодоровича. Царствованіе Алексѣя Михайловича подготовило и царствованіе Петра I, съ его сближеніемъ съ западомъ, съ его преобразованіями, съ морскими сношеніями съ другими государствами и народами.

Продолжая дѣло Ярослава Мудраго, давшаго «Русскую Правду», и двухъ Іоанновъ III и IV, издавшихъ свои «Судебники», Царь Алексѣй Михайловичъ явился болѣе ихъ примѣчательнымъ законодателемъ, издавъ охватывавшее всѣ стороны государственной жизни, а не одну судебную, свое Соборное Уложеніе,—такой сводъ законовъ, какого не могли составить въ послѣдующее за нимъ время въ теченіе 100 лѣтъ, протекшихъ отъ Императора Петра I, и какой явился у насъ на смѣну Соборному Уложенію лишь въ царствованіе Императора Николая Павловича.

Продолжая дѣло собиранія Русскихъ земель въ одномъ Всероссійскомъ государствѣ, онъ принялъ подъ свою высокую Царскую руку, по просьбѣ казаковъ съ Хмѣльницкимъ во главѣ, Малую Русь, соединивъ ее съ Великой, и показалъ, что Украйна должна тяготѣть къ своему центру, и вслѣдствіе этого началъ то наступленіе на Польшу, которое окончилось при Екатеринѣ II совершеннымъ паденіемъ этого королевства.

Оставаясь вѣрнымъ національно-историческимъ завѣтамъ нашимъ, онъ однако былъ чуждъ замкнутости и обособленности и, цѣня образованіе, выработанное греко-романо-германскимъ міромъ, готовъ былъ пользоваться и дѣйствительно пользовался имъ въ школьномъ, книжномъ, техническомъ и даже бытовомъ отношеніи болѣе, чѣмъ его царственные предшественники, хотя и менѣе, чѣмъ сынъ его Петръ I.

Такое направленіе своего царствованія онъ велъ въ теченіе 31 года, несмотря на значительныя потрясенія своего времени, какими были тогдашніе гражданскіе и церковные мятежи, до бунта Стеньки Разина и огромнаго церковнаго старообрядческаго раскола включительно.

Мы имѣемъ въ виду подробно изложить вамъ царствованіе Алексѣя Михайловича, но прежде этого должны ознакомить васъ съ личностью и характеромъ этого симпатичнѣйшаго изъ Русскихъ Царей, какъ они выразились во всѣхъ его отношеніяхъ къ государству, церкви, семьѣ, къ ближнимъ лицамъ и къ народу и какъ сказались въ самомъ быту царскомъ до охотъ включительно. Личность и характеръ вождей народа всегда имѣютъ важное значеніе въ исторіи, а особенно личныя свойства тѣхъ, кто облечены такой властью, какъ власть Русскаго Самодержца.

Его современникъ, французскій король Людовикъ XIV, ослѣп-

лялъ французовъ и другіе народы блескомъ своей личности, своего быта и дѣйствій, а нашъ Царь Алексѣй Михайловичъ влекъ къ себѣ сердца своихъ подданныхъ и даже иностранцевъ кроткимъ сіяніемъ своего добраго, глубоко симпатичнаго нрава.

По словамъ иностранцевъ, самая наружность Государя при-

Царь Алексѣй Михайловичъ.

влекала къ нему всѣхъ; это былъ человѣкъ достаточно высокаго роста, здоровый и полный, по нашему, дородный, съ симпатичнымъ лицомъ; въ его голубыхъ глазахъ свѣтилось такое добродушіе, что его взглядъ никогда не возбуждалъ страха, но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ. Его румяное лицо, окаймленное русою бородою,

дышало благостью и въ то же время было серьезно, чинно и важно. Поступь и осанка его отличались царственностью, которая выражала не надменность, а сознаніе высоты и святости своей власти. Нѣмецъ Рейтенфельсъ, указывая на умъ, образованность, благочестіе и доброту Царя, говоритъ, что «это—такой государь, какого желаютъ всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ». Враждебно настроенный ко всему русскому, англичанинъ Коллинсъ былъ однако высокаго мнѣнія о личности Царя Алексѣя Михайловича, когда говорилъ, что онъ можетъ стать на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями всего свѣта. Русскіе подданные называли его «тишайшимъ и ласковымъ» государемъ.

Основной чертой его характера, какъ и его отца, была глубокая религіозность. Это былъ благочестивѣйшій и православнѣйшій государь. Онъ вставалъ раннимъ утромъ въ 4 часа и въ своей моленной творилъ утреннюю молитву, затѣмъ приходилъ къ нему духовникъ съ иконой того святого, который чествовался въ церкви въ этотъ день, съ крестомъ и святой водой, которую привозили изъ ближнихъ и даже дальнихъ монастырей, и окроплялъ ею Государя. Принявъ поклонъ отъ ближнихъ бояръ, онъ каждый день ходилъ къ утренѣ съ царицей, откуда снова возвращался въ свои палаты и бесѣдовалъ съ боярами о дѣлахъ, а потомъ шелъ къ обѣднѣ; послѣ опять занимался государственными дѣлами вплоть до обѣда въ 12 часовъ. Въ праздничные дни онъ съ особою торжественностью совершалъ богомольные выходы изъ дворца въ соборы и монастыри и часто участвовалъ въ крестныхъ ходахъ. На Крещенье онъ ходилъ на водосвятіе на Москву-рѣку и самъ серебрянымъ ведромъ черпалъ изъ нея воду, съ особымъ усердіемъ и блескомъ, окруженный дворомъ своимъ, ходилъ въ Вербное воскресенье въ торжественнѣйшемъ крестномъ ходу, ведя за поводъ коня, на которомъ въѣзжалъ патріархъ въ Кремль, по примѣру вступившаго въ Іерусалимъ Христа Спасителя. Весьма часто ѣздилъ на богомолье въ монастыри, особенно въ Новоспасскій монастырь, гдѣ покоятся предки царствующаго дома, въ Сергіеву лавру и Саввинъ Звенигородскій монастырь, который Царь особенно любилъ, потому что приписывалъ свое спасеніе на медвѣжьей охотѣ Преподобному Саввѣ. Очень строго онъ соблюдалъ посты. Великимъ постомъ, въ дни говѣнья, въ среду, пятницу и понедѣльникъ, онъ ничего не ѣлъ, въ другіе же дни ѣлъ разъ въ день

по куску хлѣба, огурцу и грибу. Памятниками его благочестія въ Москвѣ, кромѣ постройки немалаго числа новыхъ церквей и богатыхъ вкладовъ въ монастыри и приходскіе храмы, были: постройка у Воскресенскихъ воротъ Иверской часовни, гдѣ поставлена была привезенная съ Аѳона чудотворная икона Божіей Матери, столь чтимая у насъ въ Москвѣ, открытіе мощей основателя Московскаго княжества св. Даніила Александровича

Царица Наталья Кирилловна.

въ Даниловомъ монастырѣ, торжественное перенесеніе гробницы патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ и перенесеніе мощей изъ Соловецкаго монастыря Святителя Филиппа. Царь самъ написалъ молитвенное посланіе къ этому святому первосвятителю. Въ немъ онъ говорилъ: «молю тебя, святой отецъ, и желаю твоего пришествія сюда, чтобы разрѣшить прегрѣшеніе прадѣда нашего, Царя Ивана, совер-

шенное противъ тебя неразсудно, завистію и несдержаніемъ гнѣва». Митрополитъ Никонъ читалъ эту царскую грамоту въ Соловкахъ предъ ракой Святителя. Самъ Царь подробно описалъ прибытіе въ Москву мощей св. Филиппа и построилъ въ память этого въ Москвѣ храмъ во имя его. Усердный къ церковному богослуженію, онъ имѣлъ большія свѣдѣнія въ церковныхъ дѣлахъ и церковномъ ученіи, о чемъ свидѣтельствуетъ его участіе въ важномъ дѣлѣ исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ и въ дѣлѣ раскола, а также его бесѣды съ Никономъ и съ восточными патріархами, пріѣзжавшими въ Москву.

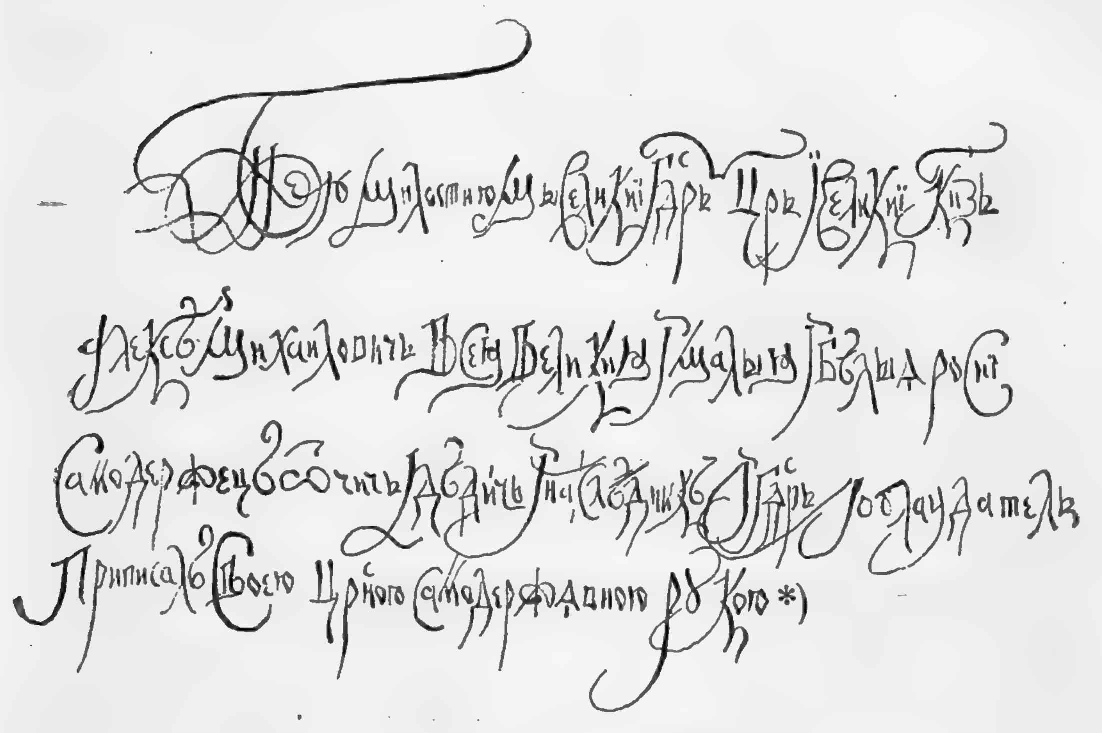
Съ глубокой преданностью церкви Алексѣй Михайловичъ соединялъ и значительную образованность, которая на цѣлую голову возвышала его среди малопросвѣщенныхъ современниковъ. Въ дѣтствѣ онъ прилежно учился, а потомъ много читалъ и писалъ. Но онъ не былъ простымъ начетчикомъ и письменнымъ человѣкомъ, въ родѣ протопопа Аввакума, ненавидѣвшаго по-раскольничьи и греческую и западную образованность. Нѣтъ, онъ цѣнилъ и ту и другую, приближалъ къ себѣ людей образованныхъ, хотя оставался вѣренъ и православію и другимъ завѣтамъ русской народности.

При немъ въ Москву, не смотря на недовѣріе большинства къ грекамъ, будто утратившимъ чистоту православія подъ властью турокъ и подъ вліяніемъ прежнихъ сношеній съ католиками (греки предъ завоеваніемъ Константинополя признали было власть папы надъ своею церковью), вызывались греческіе ученые, привозились изъ Греціи древне-греческія и славянскія книги; вызывались изъ Кіевской Академіи, гдѣ изучали латинскій языкъ и высшія науки, ученые люди, какъ Епифаній Славенецкій, Симеонъ Полоцкій и другіе. Данъ былъ пріютъ въ Москвѣ ученому славянину (хорвату) – Юрію Крижаничу, написавшему много любопытныхъ сочиненій о Россіи и славянствѣ, открывался свободный доступъ въ Москву западнымъ иностранцамъ, пригоднымъ для военнаго дѣла и разныхъ видовъ промышленности. Они расширили до большихъ размѣровъ свой поселокъ въ Москвѣ въ нѣмецкой слободѣ.

Самъ Царь поощрялъ образованныхъ людей писать книги, обучать греческому и латинскому языкамъ русскихъ, давалъ новое хорошее образованіе своимъ дѣтямъ, даже царевнамъ. Симеонъ Полоцкій, учитель царскихъ дѣтей, основалъ школу въ

Заиконоспасскомъ монастырѣ, гдѣ служащіе въ посольскомъ приказѣ учились по-латыни, а Епифаній Славенецкій, по желанію ближняго къ царю боярина Ртищева, человѣка очень образованнаго, основалъ въ Андреевскомъ монастырѣ общество для перевода книгъ съ греческаго языка на русскій. Здѣсь русскіе учились греческому языку.

Начальникъ посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ зналъ языки латинскій, нѣмецкій и польскій и раньше петровскихъ

Почеркъ Царя Алексѣя Михайловича.

печатныхъ «Вѣдомостей» издавалъ рукописные «куранты». Преемникъ его въ посольскомъ приказѣ тоже любимый Царемъ, бояринъ Матвѣевъ, женившись на шотландкѣ, сталъ усваивать западно-европейскіе обычаи, господствовавшіе въ нѣмецкой слободѣ и за границей. У него бывали собранія, въ родѣ петровскихъ ассамблей, на которыхъ присутствовали и женщины, бывали и иностранныя театральныя представленія, которыя послѣ перешли къ Царю въ его потѣшный дворецъ, гдѣ давались піесы, взятыя изъ Священной Исторіи, какъ Юдиѳь и Олофернъ, Навуходоносоръ и т. п., составляемыя Симеономъ Полоцкимъ и друг. Въ домѣ Матвѣева Алексѣй Михайловичъ, послѣ смерти царицы Маріи Милославской, увидалъ его воспитанницу и родственницу—боярышню Наталью Кирилловну Нарышкину и женился на ней, а она въ

1672 году стала матерью преобразователя Россіи по западно-европейскимъ образцамъ Петра I. Но Алексѣй Михайловичъ, благосклонно относившійся къ западной образованности и иностранцамъ, не былъ склоненъ къ такимъ обширнымъ и глубокимъ заимствованіямъ отъ нихъ, какія дѣлалъ его сынъ. Онъ запрещалъ русскимъ носить западно-европейскую одежду и читалъ сочиненія Юрія Крижанича, который возставалъ противъ «чужебѣсія», т. е. противъ неумѣреннаго подражанія иностранцамъ, до забвенія своего національнаго.

Число рукописныхъ и печатныхъ книгъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ умножилось, и самъ Царь своею собственною самодержавною рукою умножалъ нашу письменность. Любя говорить рѣчи, какъ, напр., при отпускѣ своихъ воеводъ на войну, при встрѣчѣ патріарховъ, даже предъ народомъ, онъ любилъ сочинять и письменно, и его писательство замѣчательно литературной даровитостью. Кромѣ посланія къ св. Митрополиту Филиппу, отъ него осталось картинное описаніе кончины и погребенія патріарха Іосифа, описаніе первой польской войны, уставъ о соколиной охотѣ и рядъ самыхъ разнообразныхъ и весьма любопытныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ и по разнымъ обстоятельствамъ, блещущихъ умомъ и художественнымъ чувствомъ.

Человѣкъ сильной вѣры, живого и образованнаго ума, Алексѣй Михайловичъ отличался глубокою русскою сердечностью. Она выражалась широкой благотворительностью ко всѣмъ нуждающимся и нѣжной дружбой къ людямъ, удостоившимся его близости. «На то Богъ насъ и поставилъ, писалъ Царь къ князю Одоевскому, чтобы безпомощнымъ помогать». При дворцѣ его жили разные старики-богомольцы на царскомъ иждивеніи; по праздникамъ для бѣдныхъ и нищихъ Царь устраивалъ кормы, или обѣденные столы. Въ пасху и другіе великіе праздники Алексѣй Михайловичъ самъ отправлялся въ тюрьмы и здѣсь однихъ освобождалъ изъ заключенія, другимъ раздавалъ деньги, пищу и одежду. Онъ старался оказывать свою милость и тѣмъ, кто навлекли на себя его гнѣвъ и опалу и всячески облегчалъ ихъ положеніе.

Особенно трогательны письма его къ ближнимъ людямъ, когда они впадали въ несчастіе. Приведемъ одинъ примѣръ: князь Одоевскій лишился первенца-сына, умершаго отъ горячки. Государь написалъ ему большое утѣшительное посланіе. Въ

немъ съ сердечной отзывчивостью дѣлитъ онъ скорбь отца и говоритъ: «тебѣ нельзя не поскорбѣть и не поплакать». Но предостерегаетъ его отъ скорби чрезмѣрной, указывая на то, что Господь взялъ сына его въ свои небесныя обители; обѣщалъ усилить свою милость царскую ему и дѣтямъ его, собирается самъ въ молитвахъ своихъ поминать новопреставленнаго; вспоминаетъ о симпатичномъ характерѣ покойнаго, «какъ онъ съ

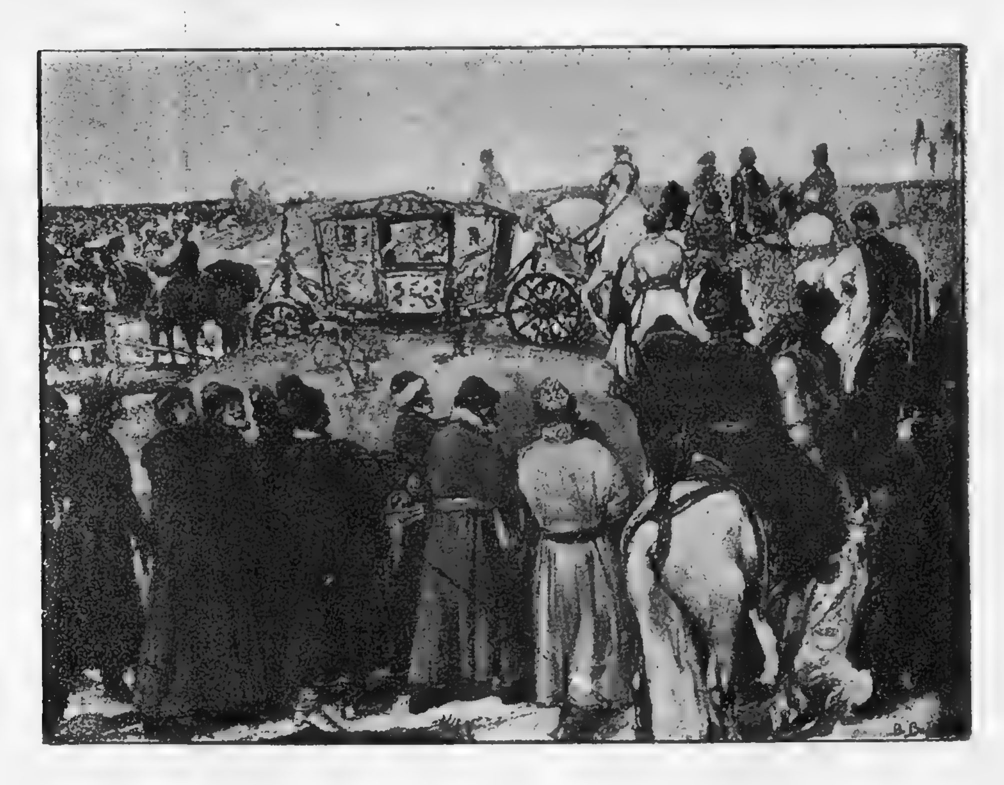

Царскій поѣздъ на Соколиную охоту.

любовью и радостью подарилъ своему Государю прекраснаго темносѣраго коня, и какъ онъ не могъ отказаться принять этотъ подарокъ».

Онъ всю жизнь свою искалъ дружбы и горячо и крѣпко привязывался не только къ своей семьѣ, но и къ людямъ чужимъ. Шестнадцатилѣтній Царь былъ сперва сильно привязанъ къ своему воспитателю боярину Морозову, затѣмъ къ «собинному другу душевному и тѣлесному»—патріарху Никону, подъ конецъ жизни

къ Ордыну-Нащокину, Ртищеву и боярину Матвѣеву. Эти привязанности открывали пути для вліянія на него, даже дѣлали изъ его друзей временщиковъ, но не подавляли до конца его самостоятельности, не дѣлали его орудіемъ другихъ людей. Когда Никонъ — другъ Государя, его совѣтникъ, его собесѣдникъ, которому онъ довѣрялъ управленіе государствомъ въ свое отсутствіе, котораго надѣлилъ титуломъ «великаго государя», проявилъ стремленіе идти противъ его воли и присваивалъ себѣ государеву власть, тишайшій Царь безповоротно повергъ въ опалу этого сильнаго умомъ и волей человѣка, вліянію котораго казалось нѣтъ предѣловъ.

Царскій охотничій поѣздъ. В. М. Васнецова.

Алексѣй Михайловичъ имѣлъ высокое понятіе о своей Царской Самодержавной власти и не допускалъ ея умаленія ни съ чьей стороны. Ограждаемая глубокой преданностью народа, она, послѣ покушеній на нее въ смутное время, ограждена была при Алексѣѣ Михайловичѣ еще законодательными постановленіями въ Соборномъ его Уложеніи, каравшими грозными наказаніями преступленія противъ Государя, совершаемыя дѣломъ ли, или словомъ.

Юрій Крижаничъ въ своихъ сочиненіяхъ, читавшихся «наверху» у Государя, такъ говорилъ объ его Царской власти:

«въ твоихъ рукахъ, Царь, чудодѣйственный жезлъ Моисеевъ, посредствомъ котораго ты можешь творить дивныя чудеса, — въ твоихъ рукахъ Самодержавіе,—совершенная покорность и послушаніе подданныхъ»... Превосходство Царскаго Самодержавія Крижаничъ видитъ въ томъ, что Самодержавный Государь можетъ лучше всѣхъ исправлять пороки и дурные обычаи въ своемъ государствѣ. При этомъ онъ указываетъ на безурядицы Польши, гдѣ не было единства и крѣпости власти государевой, гдѣ столько маленькихъ королей, сколько пановъ на сеймѣ.

Печать Царя Алексѣя Михайловича.

Сознавая значеніе своей власти, Царь Алексѣй Михайловичъ энергически, какъ живой силой, пользовался ею на благо своего государства и своего народа. При своей мягкости и добротѣ, онъ грозно направлялъ ее противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Онъ укротилъ много мятежей до огромнаго бунта Стеньки Разина включительно. Изъ-за присоединенія Малороссіи онъ началъ наступательную войну съ Польшей, самъ, какъ верховный вождь, сталъ во главѣ своихъ войскъ и отнялъ у поляковъ цѣлый рядъ городовъ, начиная съ Смоленска и Вильны. Совершенствуя по западнымъ образцамъ наше сухопутное войско, устраивая солдатскіе полки уже не изъ наемниковъ, а изъ русскихъ людей, Алексѣй Михайловичъ, по совѣту Ордынъ-Нащокина, задумалъ завести флотъ на Балтійскомъ морѣ, для чего воевалъ со шведами и осаждалъ Ригу, а послѣ неудачи въ этой

войнѣ обратилъ вниманіе на Каспійское море и думалъ о заведеніи хоть тамъ флота. Въ Дѣдиновѣ былъ построенъ для Каспійскаго моря большой корабль, за 9.000 р. (100.000 на наши деньги), наименованный «Орломъ», но этотъ первенецъ русскаго флота былъ сожженъ Стенькой Разинымъ на Волгѣ.

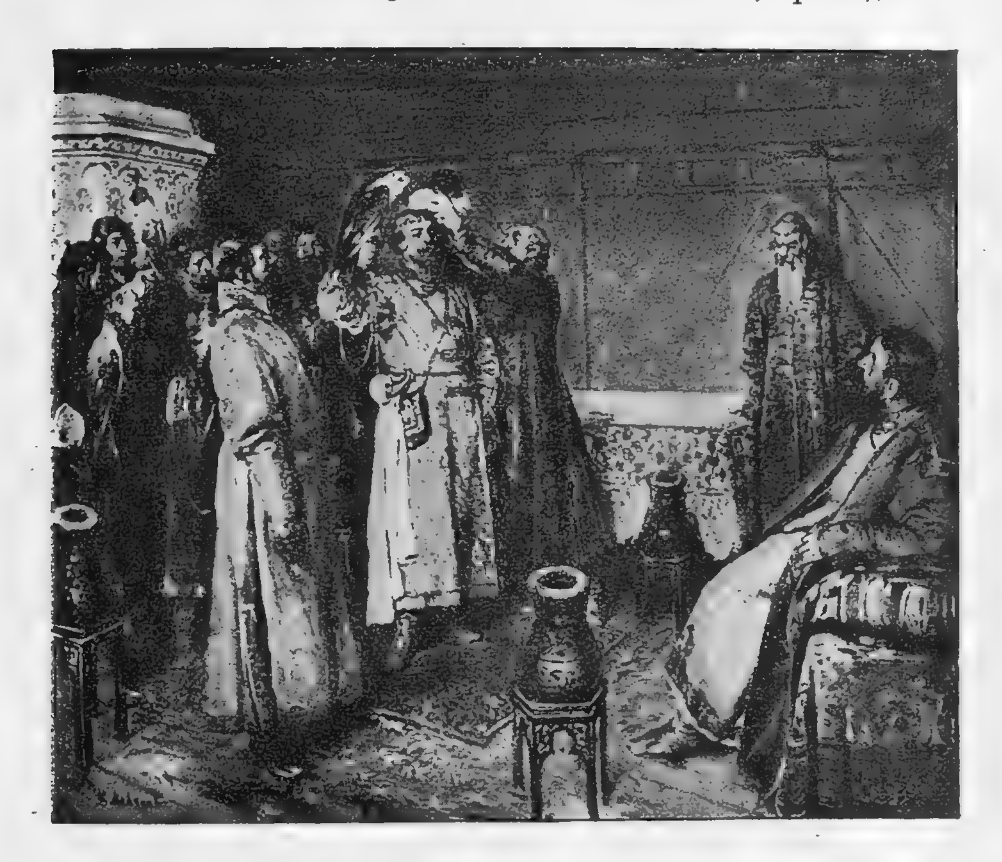
Много занимался онъ финансовыми и экономическими дѣлами. Не мало заботился о насажденіи у насъ промышленности, въ особенности металлическаго производства. Такъ, близъ Соликамска и Олонца у насъ въ это время начинаютъ разрабатывать мѣдь, а также дѣлаются разысканія въ Сибири по части добыванія золота и серебра. Заводятся желѣзо-дѣлательные заводы близъ Тулы (Марселиса) и на рѣкѣ Протвѣ (Акемы). Здѣсь выдѣлывались листовое, полосовое и прутовое желѣзо, гвозди, мельничные снаряды, якори, пушки, ядра и проч. Въ царскомъ селѣ Измайловѣ заведенъ былъ прекрасный стеклянный заводъ, посуда его очень славилась, и отличные ея образцы вы можете видѣть въ Оружейной палатѣ.

Одаренный художественнымъ вкусомъ, Царь Алексѣй Михайловичъ поощрялъ русское искусство: въ его время настала лучшая пора для нашего зодчества и живописи. Развивая сказавшіяся въ постройкѣ храма Василія Блаженнаго русскія самобытныя черты, наша архитектура дала въ это время много прекрасныхъ храмовъ (въ родѣ Рождества въ Путинкахъ, Грузинской Божіей Матери, Останкинскаго и др.), и чудный дворецъ въ селѣ Коломенскомъ, дивный образецъ художественнаго самобытно-русскаго зодчества. Его оригинально сведенныя чешуйчатыя крыши, изящныя башенки, удивительныя крыльца, причудливыя окна, узорчатая рѣзьба, разноцвѣтная раскраска и позолота восхищали иностранцевъ. Великій грѣхъ — слишкомъ увлекшагося западомъ 18-го вѣка, что онъ допустилъ разрушиться этому чудному образцу русскаго искусства.

Никогда въ Москвѣ не работало столько живописцевъ, сколько при поощрявшемъ ихъ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Особенно выдѣлялся изъ нихъ Симонъ Ушаковъ, который внесъ въ русскую иконопись перспективу, живость красокъ и естественность положеній, соединяя все это съ строгимъ византійскимъ стилемъ. Произведенія его кисти вы можете видѣть въ Москвѣ въ церкви Грузинской Божіей Матери. Послѣ него осталось описаніе, сдѣланное при Алексѣѣ Михайловичѣ стѣнной росписи Грановитой палаты. Рукопись эта была найдена въ царствованіе Императора Александра III — и этотъ Царственный Любитель всего чисто-рус-

скаго, а въ особенности древне-русскаго искусства, повелѣлъ при помощи кустарей—живописцевъ села Палехи расписать Грановитую палату такъ, какъ она была разрисована при его царственномъ предкѣ.

Сознавая свое царское величіе, Алексѣй Михайловичъ окружалъ себя необычайнымъ блескомъ и великолѣпіемъ. Пріемы иностранныхъ пословъ, богомольные царскіе выходы въ праздники, крестные ходы, торжественные обѣды его, громадные вы-

Поставленіе въ царскіе сокольники.

ѣзды на охоты отличались величавымъ изяществомъ и блескомъ. Въ этомъ отношеніи Русскій Царь не уступалъ знаменитому своему современнику, французскому королю Людовику XIV. «Дворъ Московскаго Государя, писалъ въ то время англичанинъ Карлейль, такъ красивъ и держится въ такомъ порядкѣ, что едва ли найдется хоть одинъ изъ всѣхъ христіанскихъ монарховъ, который превосходилъ бы московскаго».

Посвящая много труда важнымъ дѣламъ государственнаго управленія, онъ въ часы отдыха любилъ тѣшиться охотою въ разныхъ ея видахъ. Надъ великимъ прудомъ въ пригородномъ селѣ царскомъ Напрудскомъ, гдѣ стоитъ древній храмъ св. Три-

фона-Сокольника, онъ охотился съ соколами и кречетами за водяной или мокрой птицей, въ Сокольникахъ за верховой, въ Лосиномъ островѣ за лосями, въ Измайловѣ за зайцами, а то предпринималъ и далекія охоты на волковъ и медвѣдей. Ловчая часть двора получила теперь сильное развитіе. Особенно онъ любилъ соколиную охоту, держалъ большое количество соколовъ

Сокольничій.

и кречетовъ и значительный штатъ сокольниковъ. Для нихъ онъ написалъ особый уставъ или «Урядникъ сокольничьяго пути». Здѣсь онъ называетъ ее «красною и славною птичьей охотой», ибо, говорилъ Алексѣй Михайловичъ, «красносмотрителемъ и радостенъ высокаго сокола летъ». Государь, съ увлеченіемъ охотника, поэтически описывалъ въ письмахъ свои удачи охотничьи.

Такъ въ одномъ письмѣ 1657 года описываетъ, какъ весною 10 апрѣля поѣхалъ отвѣдывать онъ птицу на добычахъ и между Сущевымъ и Напруднымъ наѣхалъ прыскъ (мѣсто, залитое вешней водой); «тамъ были утки многія, шилохвосты и чирята; пустили на нихъ одного сокола, онъ высоко взмылъ, но не спустился на дичь; пустили другого—Дикомыта; этотъ къ радости охотниковъ добылъ хорошую добычу и потѣшилъ всѣхъ хоро-

Другой сокольничій.

шимъ летомъ». Въ другомъ письмѣ къ ловчему Матюшкину Алексѣй Михайловичъ выражаетъ радость, что улетѣвшаго изъ Москвы сокола поймали около Рязани, и приписываетъ: «я теперь кладуся на васъ во всемъ,—какъ лучше, такъ и дѣлайте; а будетъ вашимъ небреженіемъ Адаръ, Муратъ, Лихачъ, Стрѣляй или Салтанъ (ловчія птицы) умрутъ, и вы меня не встрѣчайте, а сокольниковъ всѣхъ велю перепороть; а если убережете,

всѣхъ милостиво пожалую и сокольниковъ тоже». Любилъ охотиться Царь и на волковъ и на медвѣдей, на которыхъ ходилъ

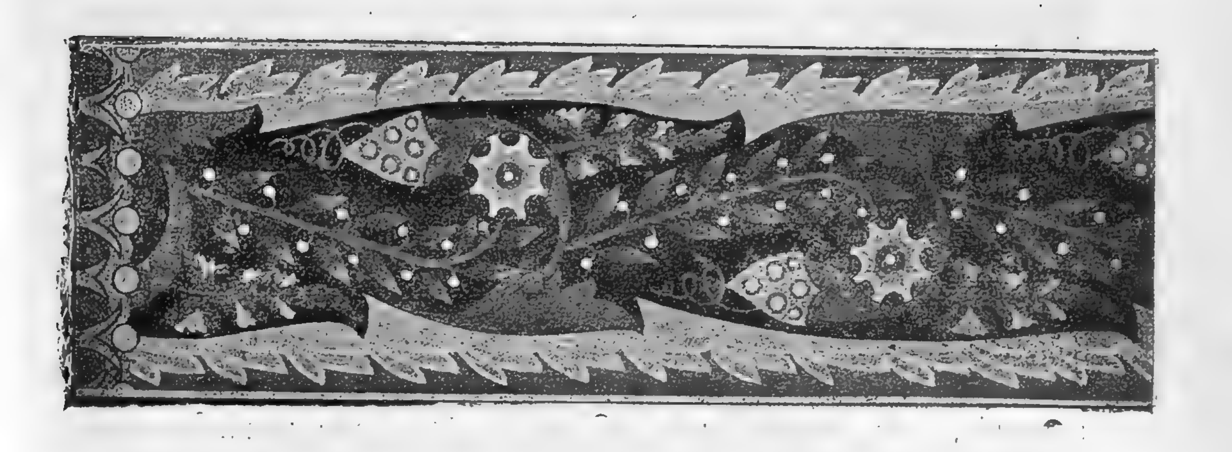
Завѣтъ Царя Алексѣя Михайловича охотникамъ.

Изъ книги „Глаголемая урядникъ новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути“.

Зѣло же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, премудрые и премудрые охотники, да многія вещи добрыя и разсудныя узрите и разумѣете. Аще съ разумомъ прочтете, найдете всякаго утѣшнаго добра; аще же ни, наслѣдите всякаго неутѣшнаго зла. Молю и прошу васъ премудрыхъ доброродныхъ и доброхвальныхъ охотниковъ, насмотритеся всякаго добра; вначалѣ благочинія, словосостія, устроенія, уряженія сокольничья чина начальнымъ людямъ и птицамъ ихъ, и рядовымъ по чину же; потомъ на полѣ утѣшайтеся и наслаждайтеся сердечнымъ утѣшеніемъ во время ..., да утѣшатся сердца ваши отъ скорбей и печалей вашихъ. Зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ веселіемъ радостнымъ. Достовѣрному же охотнику нѣсть въ добычѣ и ловлѣ разсмотрѣнія временамъ и порамъ: всегда время и погоды въ полѣ ... избирайте дни, ѣздити часто, напускайте, добывайте, не лѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу. Славные мои совѣтники, и достовѣрные и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся сердцами своими добрымъ и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предидущія лѣта. Прилогъ книжный или своя сія притча душевне и тѣлесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николи же позабывайте: дѣлу время и потѣхѣ часъ“.

Завѣтъ охотникамъ.

одинъ на одинъ съ рогатиной, при чемъ иногда испытывалъ смертныя опасности, какъ, напр., подъ Саввинымъ—Звенигородскимъ монастыремъ.

24.

Законодательная дѣятельность Алексѣя Михайловича и Соборное Уложеніе.— Малороссія и ея судьбы подъ польскимъ владычествомъ.—Богданъ Хмѣльницкій и борьба казаковъ съ Польшей. — Трактаты зборовскій и бѣлоцерковскій. — Присяга Малороссіи на подданство Царю.—Войны съ Польшей и Швеціей.

рошлый разъ, характеризуя личность Царя Алексѣя Михайловича, мы намѣтили главнѣйшія стороны его царствованія. Теперь переходимъ къ подробному изложенію дѣяній этого примѣчательнѣйшаго Русскаго Государя.

Мы говорили, что его законодательная дѣятельность выразилась изданіемъ Соборнаго Уложенія, такого законодательнаго сборника, который болѣе широкимъ, чѣмъ въ Судебникахъ, обхватомъ обнялъ всѣ стороны государственной жизни, и равнозначительный которому явился лишь при Императорѣ Николаѣ I, въ видѣ Свода Законовъ Россійской Имперіи.

Составленіе его вызвано было тѣмъ, что Судебникъ Царя Іоанна IV и послѣдовавшіе за нимъ указы государей и Судебникъ Ѳеодора Іоанновича были недостаточны для того, чтобы направлять судъ и другія стороны государственной жизни.

Между тѣмъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ правленіе бояръ Морозова и Милославскихъ, было не мало безпорядковъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Молодой Царь (19 лѣтъ) самъ принялся за дѣла правленія и по его личному указанію было рѣшено составить новое уложеніе, а для этого выбрать пригодныя статьи изъ правилъ апостольскихъ и св. отцовъ, изъ законовъ греческихъ царей, изъ прежнихъ московскихъ судебниковъ, также изъ указовъ прежнихъ государей и приговоровъ думы царской, а по вопросамъ, на которые не отвѣчало прежнее законодательство, составить новыя постановленія. Эта работа въ 1648 году была поручена особой комиссіи изъ 5 членовъ (бояръ-князей Одоевскаго и Прозоровскаго, окольничаго князя Волконскаго и двухъ думныхъ дьяковъ Леонтьева и Грибоѣдова). Приказы въ своихъ «указныхъ книгахъ» для этого дали много матеріала. Выработанный проектъ представленъ былъ «въ докладъ» Государю, и онъ въ боярской думѣ разсмотрѣлъ его. По повелѣнію Государя, созванъ былъ въ Москвѣ земскій соборъ, на который явились выборные 150 городовъ и уѣздовъ. Служилыхъ людей на собраніи было 150 человѣкъ и 100 посадскихъ. Имъ предоставлено было въ своихъ челобитныхъ заявить о своихъ нуждахъ, въ виду коихъ были сдѣланы дополненія и измѣненія въ проектѣ. Онъ былъ прочитанъ и утвержденъ Государемъ, и было приказано высшему духовенству, всѣмъ думнымъ и выборнымъ людямъ, т. е. всему собранію, подписать Уложеніе, почему оно и было названо «Соборнымъ». Въ началѣ 1649 года оно было напечатано и разослано по приказамъ столицъ и по городамъ въ воеводскія управленія, чтобы всякія дѣла дѣлались по тому уложенію.

Оно гораздо обширнѣе судебниковъ, которые главнымъ образомъ устанавливали наказанія за уголовныя преступленія и порядокъ судопроизводства. Уложеніе же Царя Алексѣя Михайловича устанавливаетъ наказанія и за преступленія государственныя и церковныя, касается администраціи и сословій, напр., приказовъ, служилаго и тяглыхъ сословій. Оно состоитъ изъ 25 главъ, раздѣленныхъ на 1000 почти статей.

Въ первой главѣ говорится о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ. (За богохульство, буде про то сыщется допряма, полагается сожженіе; безчинство въ церкви, дошедшее до оста-

новки литургіи, карается смертью). Во второй главѣ говорится о государевой чести и какъ государево здоровье оберегать. Смертная казнь назначается злоумышленникамъ на жизнь Государя, измѣнникамъ, бунтовщикамъ и т. п. Даже неуважительныя слова о Царскомъ Величествѣ наказывались тяжкими ка-

Царь Алексѣй Михайловичъ. Со старинной гравюры.

рами. Очевидно, смутное время сдѣлало необходимыми эти дополненія, какія были излишни въ прежнемъ писанномъ законодательствѣ Москвы.

Вообще Уложеніе установило болѣе суровыя, чѣмъ прежде, наказанія за преступленія, каковы залитіе горла растопленнымъ

металломъ фальшивымъ монетчикамъ, зарываніе живой жены за убійство своего мужа и т. д.

Оно расширило власть воеводъ, устранило участіе въ судѣ и управленіи выборныхъ людей, какими были прежде губные старосты, излюбленные головы, земскіе старосты. Учрежденіемъ монастырскаго приказа нѣкоторые виды суда и имущественнаго управленія изъяты изъ церкви въ сферы государственныя. Прикрѣпило посадскихъ людей къ городскимъ общинамъ; усилило крѣпостное право, дозволивъ помѣщикамъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и послѣ 10-лѣтней давности. Но оно облегчало положеніе купечества, сокративъ количество внутреннихъ пошлинъ. Иностранные же купцы были обложены пошлинами, и у нихъ отнята розничная продажа внутри Россіи. Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича было чрезвычайно обильно законами. Съ 1649 по 1675 годъ было издано имъ 600 слишкомъ указныхъ статей. Поэтому князь Яковъ Долгорукій былъ правъ, имѣя въ виду законодательство, сказать Императору Петру I: «въ иномъ дѣлѣ отецъ болѣе, чѣмъ ты, хвалы и благодарности достоинъ».

Особую важность имѣетъ совершенное Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ возвращеніе государству всея Руси Малой и Бѣлой Руси отъ Польши. Вы помните, что это королевство, владѣя многими русскими землями, въ смутное время задумало присоединить къ себѣ все Государство Московское, всю Великую Русь, когда старалось посадить на Русскомъ престолѣ сперва королевича Владислава, а потомъ самого короля Сигизмунда III. Если бы Богъ попустилъ этому совершиться, то не было бы во всей Руси, восточной и западной, ни православія, ни самой народности русской. Но это не сбылось, и Россія, въ царствованіе второго Государя изъ дома Романовыхъ, уже идетъ на Польшу, чтобы отобрать отъ нея исконно-русскія земли Св. Владиміра.

Напомню вамъ, когда и какъ они подпали подъ польское владычество. Южная кіевская Русь, не слѣдовавшая единодержавнымъ стремленіямъ сѣверо-восточной (при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III), послѣ страшнаго разгрома татаръ, не оправилась и потомъ очутилась въ такомъ положеніи, что легко подпала подъ власть Литвы и Польши. Въ то время, какъ московскіе князья собирали сѣверо-восточную Русь подъ своею единою властью, литовскіе князья, сидѣвшіе въ Вильнѣ, какъ Гедиминъ, Оль-

гердъ и Витовтъ, присоединили къ своему литовскому княжеству земли кіевскія, чернигово-сѣверскія, волынскія и подольскія; а поляки присвоили себѣ Червонную Русь или Галицію.

Но власть Литвы, племени не славянскаго, мало образованнаго, не была тяжка для русскихъ юга и запада. Подъ вліяніемъ болѣе образованныхъ русскихъ, среди литовцевъ быстро распространялись русскіе языкъ, обычаи и наше православіе. Литовскіе князья писали свои грамоты и законы на русскомъ

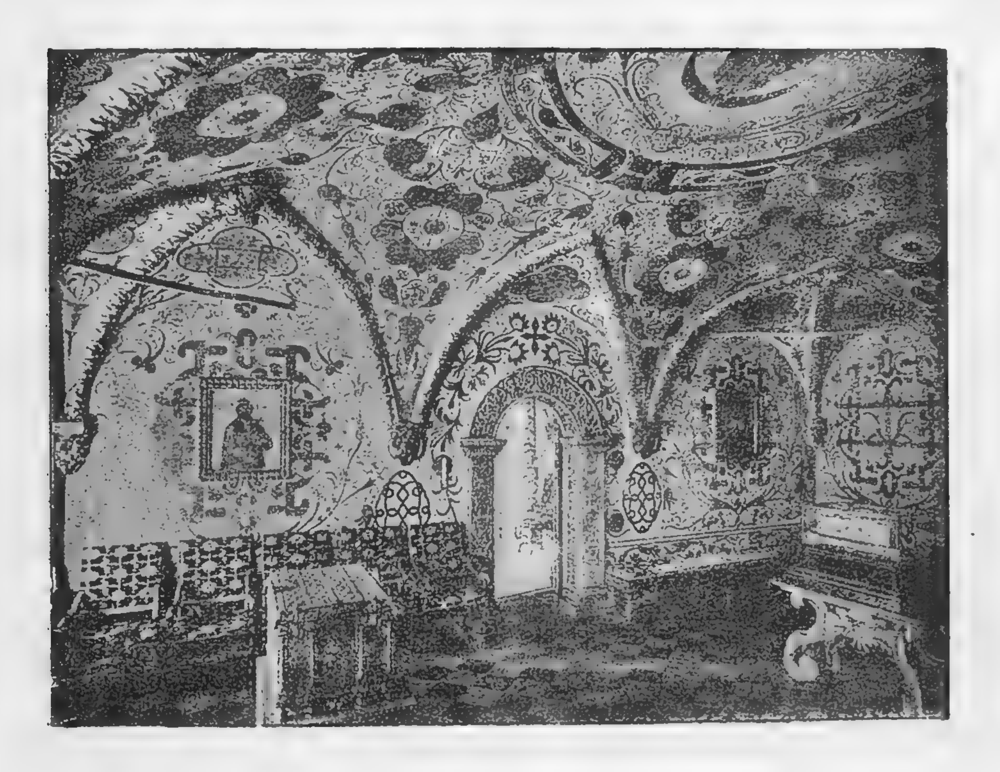
Тронъ Царя Алексѣя Михайловича.

языкѣ, и, казалось, вся Литва обрусѣетъ, приметъ православіе и сольется съ русскимъ народомъ. Но этому помѣшала Польша. Когда въ ней прекратилась ея старинная династія Пястовъ, поляки послѣднюю представительницу ея, королеву Ядвигу, выдали замужъ за брата Витовтова Ягелло съ тѣмъ, чтобы онъ и его потомки были королями Польши и вмѣстѣ великими князьями Литвы и Западной Руси. Такимъ образомъ, Ягеллоны соединили въ своихъ рукахъ два большихъ государства—литовско-русское и польское, и ихъ владѣнія простирались отъ моря и до моря (отъ Чернаго до Балтійскаго). Ягеллоны, сдѣлавшись государями и Польши, отшатнулись отъ восточной Россіи и поддались влія-

нію первой, принявъ ея вѣру католическую и обычаи. Въ Литвѣ и Западной Руси стало по другому: знать литовская и русская начали окатоличиваться и ополячиваться. Вѣдь, предки западно-русскихъ бояръ Вишневецкихъ, Мнишковъ, Чарторыйскихъ и проч. были русскими и православными, а потомки ихъ уже стали заядлыми католиками и поляками. Точно также и литовскіе магнаты, прежде сильно русѣвшіе, какъ Радзивиллы, Пацы и другіе, тоже окатоличились и ополячились. Но пока царствовали въ Польшѣ и Литвѣ литовцы, по происхожденію Ягеллоны, русскіе подъ ихъ властью еще не подвергались отъ поляковъ гоненіямъ за свою вѣру и народность.

Не то стало, когда при послѣднемъ Ягеллонѣ Сигизмундѣ Августѣ, на сеймѣ изъ представителей отъ Польши, Литвы и Западной Руси, въ городѣ Люблинѣ въ 1569 году, постановили соединить навсегда, связать уніей, всѣ эти три народности въ одно государство подъ властью выборнаго, конституціоннаго короля; дѣла законодательства и высшаго управленія поручались общему для всѣхъ земель сейму и сенату, двумъ палатамъ парламента. Съ этого времени польское давленіе въ Западной Руси возрасло чрезвычайно. Но, такъ какъ государственное соединеніе безъ религіозно-церковнаго не было прочнымъ, то при Стефанѣ Баторіи и особенно Сигизмундѣ III рѣшено было подъ вліяніемъ католическихъ монаховъ-іезуитовъ обращать православно-русскихъ въ католическую вѣру, чтобы скорѣе лишить ихъ русской народности и ополячить. Такъ какъ народъ русскій крѣпко стоялъ за свою вѣру православную, то рѣшено было хитростью завлечь его въ ограду католичества, придумали соединеніе православныхъ съ католиками на томъ условіи, чтобы они признали власть папскую надъ своею церковью, сохранивъ ея особенности до времени въ богослуженіи, устройствѣ и т. д. Загоняя русскихъ въ унію, начали преслѣдовать православныхъ: у нихъ отнимали церкви и обращали ихъ въ костелы, обижали духовенство православное, насильственно обучали русскихъ дѣтей въ католическихъ школахъ и обращали ихъ въ католичество; русскіе-православные не могли найти защиты и правосудія у поляковъ-католиковъ. Въ числѣ гонимаго русскаго духовенства тогда возникла мысль, правда, невѣрная, не лучше ли будетъ, когда они подчинятся папѣ? И вотъ малодушные епископы въ юго-западной Руси, Кириллъ Терлецкій въ Луцкѣ на Волыни и Ипатій Поцей (владиміро - волынскій), съ согласія слабо-

характернаго Михаила Рагозы, митрополита кіевскаго, отправились въ Римъ и заявили, что западно-русская церковь подчиняется папѣ, принимаетъ унію. Но эти первые уніаты составляли меньшинство въ духовенствѣ и противъ нихъ шелъ народъ. Созванъ былъ въ 1595 году соборъ въ Брестѣ, и здѣсь православные отлучили отъ церкви уніатовъ, рѣшаясь быть строго вѣрными православію. Несмотря на это, поляки поддерживали уніатовъ и, загоняя въ унію духовенство и народъ, еще сильнѣе подвергали православныхъ гоненіямъ: у нихъ для уніа-

Крестовая палата въ теремахъ.

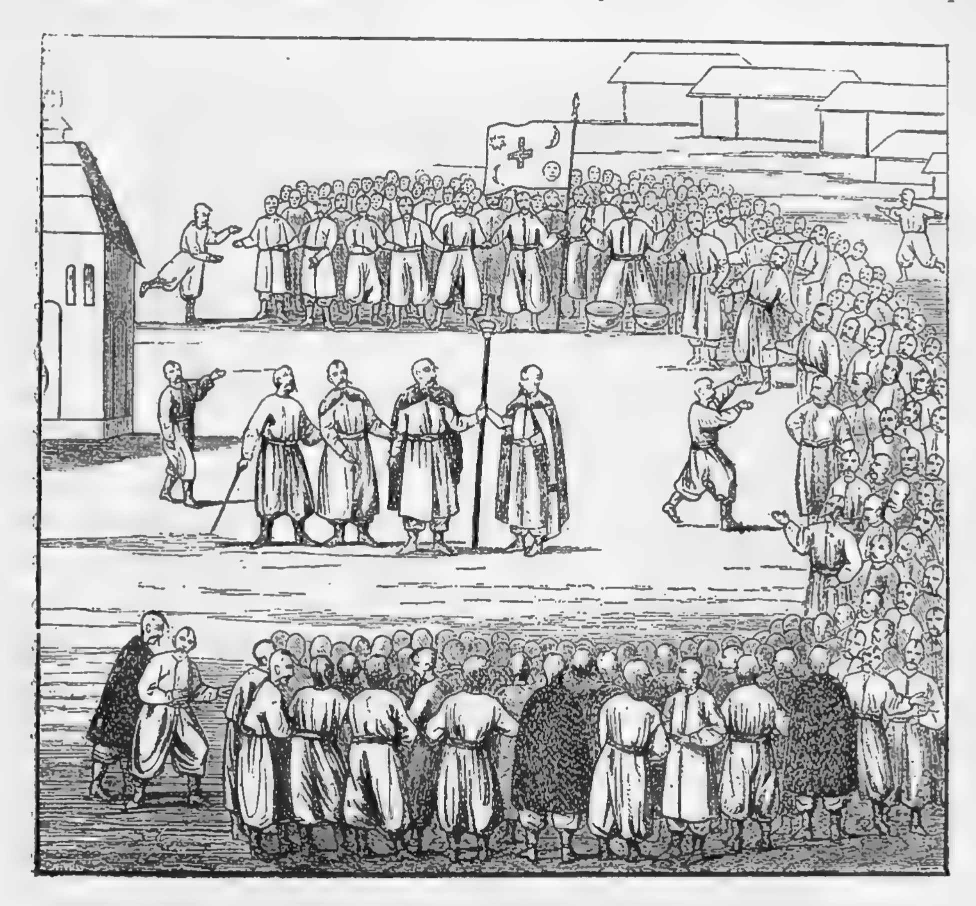
товъ отбирали церкви; въ православныхъ храмахъ не позволяли къ Божіей службѣ звонить въ колокола, выходить изъ нихъ крестнымъ ходомъ; отдавали въ аренду православные храмы евреямъ, и имъ приходилось платить за каждую службу, за похороны умершаго, за крещеніе младенца подати; нерѣдко православные уходили въ поле для совершенія богослуженія. Но чаша терпѣнія народнаго переполнилась, и духъ народа, какъ и у насъ въ междуцарствіе, воспрянулъ па защиту своей вѣры и національности русской. При этомъ подъемѣ національнаго духа, нравственную защиту русскихъ началъ взяли на себя церковныя братства, а защиту оружіемъ—казаки днѣпровскіе.

Братства—это общества, слагавшіяся вокругъ того или другого храма, для его поддержанія и укрѣпленія братчиковъ въ православіи, для обученія дѣтей, для помощи бѣднымъ и устройства школъ, для заведенія типографій и печатанія книгъ. Они стали могущественнымъ орудіемъ для охраны православія и русской народности отъ воинствующихъ католичества и польщизны. Изъ такихъ братствъ особенно выдвигались кіевское-богоявленское, виленское-свято-духовское и львовское въ Червонной Руси. Кіевское братство учредило у себя школу, преобразованную митрополитомъ Петромъ Могилой въ академію, по образцу высшихъ западно-европейскихъ школъ, какія заведены были и въ Польшѣ и сдѣлались орудіемъ для пропаганды католичества. Въ кіевской академіи изучались латинскій и греческій языки, словесность, философія и богословіе. Отсюда выходили образованные пастыри церкви и другіе борцы, которые и устнымъ и печатнымъ словомъ защищали русскую вѣру и народность.

Но такими нравственными средствами церковь не въ силахъ была спасти своихъ дѣтей отъ польско-католическихъ насилій; когда гнетъ ихъ становился невыносимъ, поднимали противъ поляковъ свое оружіе казаки городовые и въ особенности вольные, жившіе за днѣпровскими порогами — казаки запорожскіе. Въ XVII вѣкѣ мы видимъ въ юго-западной Руси цѣлый рядъ такихъ казацкихъ возстаній за вѣру и народность Руси, какъ, Остраницы, Павлюка, Тараса и друг. Но они были погашены Польшею въ крови возставшихъ. Не удалось погасить только то, которое началось при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго.

Онъ не принадлежалъ къ простымъ бѣднымъ казакамъ: воспитанникъ кіевской академіи, онъ былъ образованъ и зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, владѣлъ хорошимъ хуторомъ, былъ добрымъ воиномъ и отличался храбростью въ походахъ противъ турокъ и крымцевъ и настолько выдался, что сдѣлался въ казачьемъ войскѣ вторымъ лицомъ послѣ ихъ главнаго начальника гетмана—войсковымъ писаремъ. Но польскій подстароста въ Чигиринѣ панъ Чаплинскій, несмотря на все это, сдѣлалъ насильственное нападеніе—заѣздъ на его хуторъ Субботово, сжегъ его усадьбу, увезъ жену и засѣкъ его сына-мальчика. Хмѣльницкій долго и терпѣливо пытался найти у поляковъ управу на ихъ соотечественника, но напрасно: не только

низшія польскія власти, но и сеймъ и сенатъ приняли сторону поляка, а не русскаго; король же Владиславъ IV, видя, что со своей ограниченной властью онъ не въ силахъ постоять зо правду, намекнулъ Хмѣльницкому, что у казаковъ есть сабли. Тогда тотъ окончательно убѣдился, что для Русскаго народа нѣтъ иного спасенія, какъ силою оружія выбиться изъ тяжкой польской неволи. Онъ поднялъ противъ поляковъ запорожскихъ

Казачій кругъ.

скихъ и городовыхъ казаковъ, духовенство и крестьянъ (гайдамаки) и склонилъ крымцевъ помогать Малороссіи. Страшныя пораженія нанесъ онъ польскому коронному гетману Потоцкому близъ Днѣпра при Желтыхъ водахъ и Корсунѣ. Когда умеръ Владиславъ, и настало безкоролевье, одержалъ новую побѣду надъ польскими войсками и двинулся на самую Польшу и окружилъ и разбилъ войска новоизбраннаго короля Яна-Казиміра подъ Зборовомъ въ Галиціи. Тотъ долженъ былъ заключить съ Малороссіей зборовскій трактатъ, по которому поляки обязались не тѣснить въ Малороссіи православной вѣры, не вво-

дить тамъ уніи, не посылать туда для управленія поляковъ, позволили казакамъ самимъ избирать себѣ гетмана и обязались дать мѣсто въ польскомъ сенатѣ, наравнѣ съ католическими епископами, кіевскому митрополиту. Число реэстровыхъ, т. е. признанныхъ Польшей и записанныхъ въ реэстръ, казаковъ было опредѣлено въ 40.000. Но зборовскій трактатъ былъ только краткосрочнымъ перемиріемъ. Хмѣльницкій не могъ держаться реэстра и возвратить ставшихъ казаками крестьянъ въ крѣпостную зависимость отъ польскихъ пановъ. И поляки съ своей стороны не исполняли своихъ обязательствъ, какъ, напр., не дали мѣста въ своемъ сенатѣ Русскому митрополиту. Возгорѣлась новая война, несчастливая теперь для казаковъ. Они были разбиты подъ Берестечкомъ, потому что крымскій ханъ покинулъ ихъ въ самое критическое время: пришлось подписать новый трактатъ въ Бѣлой церкви, на половину уменьшившій условія зборовскаго трактата: число реэстровыхъ казаковъ уменьшено было до 20.000. Казалось, возвращаются для Малой Россіи старыя тяжкія времена. Но оставался еще выходъ изъ польской неволи, къ которому съ надеждой обращались малороссы еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ,— отдаться въ подданство Русскому Царю. Въ 1653 году казаки снарядили посольство въ Москву къ Алексѣю Михайловичу бить ему челомъ, чтобы онъ принялъ Малую Русь подъ свою высокую Царскую руку. Государь всея Руси не могъ отказать въ этомъ и отправилъ свое посольство, съ бояриномъ Бутурлинымъ во главѣ, въ Малороссію, чтобы привести казаковъ къ присягѣ на подданство.

Въ началѣ слѣдующаго года Хмѣльницкій созвалъ въ Переяславлѣ казацкую раду; собралось огромное множество народа. Громко зазвучали здѣсь слова вождя казаковъ: «панове-полковники, эсаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Вѣдомо всѣмъ вамъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, тѣснившихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ мы живемъ безъ Государя въ безпрерывныхъ браняхъ и кровопролитіи съ гонителями и врагами нашими, жаждущими искоренить насъ и церковь Божію, чтобы и самое имя Русское не поминалось въ землѣ нашей... Мы видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ Царя. Мы созвали сегодня раду, чтобы вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ, кого хотите. Первый — султанъ турецкій, второй — ханъ крымскій, третій —

король польскій, четвертый — Православный Государь Великой Россіи, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси Самодержецъ, котораго уже шесть лѣтъ умоляемъ быть нашимъ государемъ и повелителемъ. Указавъ на то, что первые два— басурмане, и какъ много подъ властью польскаго, латынской вѣры, короля страдали православные русскіе люди, Хмѣльницкій сказалъ: «а православный христіанскій Государь, Царь восточный,

Богданъ Хмѣльницкій.

единаго съ нами благочестія, греческаго закона... Онъ теперь свое милостивое царское сердце склонилъ къ намъ, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостью своею прислать изволилъ. Кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ! Кто же съ нами не согласенъ, тотъ пусть идетъ, куда хочетъ,—вольная дорога». Въ отвѣтъ на это раздались одушевленные клики народа: «волимъ подъ Царя восточнаго православнаго. Лучше намъ умереть въ своей бла-

гочестивой вѣрѣ»... Одинъ казачій полковникъ сталъ обходить площадь кругомъ и опрашивалъ во всѣ стороны: «чи вси такъ соизволяете?» «Вси», кричалъ отовсюду народъ. Тогда гетманъ крикнулъ во всю площадь: «буди тако. Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою». Народъ вторилъ: «Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобы мы навѣки всѣ были едино». Всѣ съ радостью присягали на подданство православному царю.

Алексѣй Михайловичъ былъ бы не вѣренъ преданіямъ нѣкогда единой Руси и завѣтамъ московскихъ ея собирателей, если бы не принялъ подъ свою высокую царскую руку отторгнутую литовско-польскимъ государствомъ отъ великой Россіи малую Русь: вѣдь, онъ слѣдовалъ тому, что нѣкогда Государь всея Руси Іоаннъ III говорилъ: «не не то одна наша вотчина,

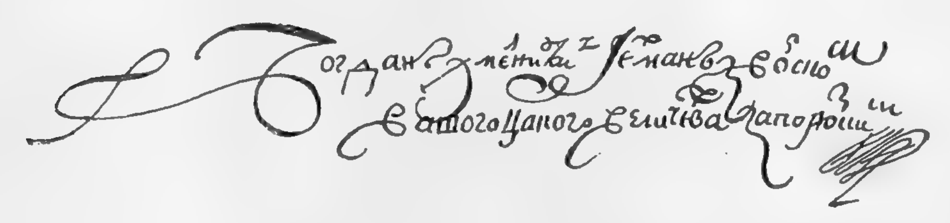
Сѣкира Хмѣльницкаго.

кои городы нынѣ за нами, а вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ предковъ пошла».

Возсоединивъ Малую Русь съ Великой, Царь Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ изъ-за этого вести двѣ войны съ Польшей.

23 октября 1653 года Царь Алексѣй Михайловичъ въ Успенскомъ соборѣ объявилъ: «Мы, Великій Государь, положа упованіе на Бога, на Пресвятую Богородицу и на Московскихъ Чудотворцевъ... изволили идти на недруга своего короля польскаго». Въ слѣдующемъ году начались отпуски ратныхъ отрядовъ изъ Москвы на войну. Свидѣтельства того времени даютъ намъ наглядныя о нихъ представленія. Вотъ что, напр., происходило по этому случаю въ нашемъ Кремлѣ, 17 марта 1654 года. Въ Ус-

пенскомъ соборѣ литургію совершалъ патріархъ Никонъ. На ней присутствовалъ самъ Государь съ ближними боярами, а государыня стояла за занавѣскою на своемъ царицыномъ мѣстѣ, около котораго расположились боярыни. Послѣ напутственнаго молебна воеводы, принявъ благословеніе отъ патріарха, прикладывались къ образамъ. Царь передалъ патріарху наказъ воеводамъ, а онъ положилъ его въ кіотъ Владимірской Богоматери и, вручая его воеводамъ, сказалъ въ рѣчи своей, между прочимъ: «идите радостно и дерзостно за святыя церкви, за благочестиваго Государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безъ всякаго преткновенія». При выходѣ изъ собора Государь пригласилъ воеводъ и бояръ къ себѣ—«хлѣба ѣсти», за обѣдомъ говорилъ имъ наставительную рѣчь и заповѣдалъ, чтобы они въ Петровъ постъ исповѣдывались и причастились Святыхъ Таинъ. Воевода князь Трубецкой

Подпись Богдана Хмѣльницкаго.

первый былъ долженъ подойти къ рукѣ Государя; но онъ прижалъ его голову къ груди, а тотъ много разъ поклонился Царю въ землю. Затѣмъ Государь вышелъ въ сѣни Грановитой палаты къ ратнымъ людямъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и объяснилъ имъ, за что начинается война и что онъ самъ идетъ на нее. Раздались клики, что всѣ готовы сложить головы за Государя и православное христіанство. Царь былъ растроганъ до слезъ...

Какъ только онъ прибылъ къ осажденному Смоленску, стали приходить вѣсти, что сдались нашимъ воеводамъ старые русскіе города—Могилевъ, Полоцкъ и Витебскъ; сдался и Смоленскъ, а польскіе воеводы должны были склонить свои знамена предъ Русскимъ Царемъ. Въ слѣдующемъ 1654 году русскіе взяли столицу Литвы Вильну, а также Ковно и Гродно. Богданъ Хмѣльницкій съ казаками вытѣснилъ поляковъ изъ Червонной Руси. Король шведскій Карлъ X началъ войну съ Польшей и взялъ Варшаву, Краковъ и Познань, главные ея города, а король Янъ

Казимиръ бѣжалъ въ Силезію, Алексѣй Михайловичъ принялъ титулъ великаго князя литовскаго. Для Польши, повидимому, наступало подобное нашему «лихолѣтью» время; но для Россіи не было выгоды отъ усиленія Швеціи на счетъ Польши, а Австріи—такое

Памятникъ Хмѣльницкому въ Кіевѣ.

же усиленіе Россіи; и Царь Алексѣй Михайловичъ далъ Польшѣ перемиріе на нѣсколько лѣтъ, при чемъ поляки обѣщали по смерти Яна Казиміра избрать его въ короли польскіе. Торжественна была встрѣча Государя въ Москвѣ. Духовенство съ патріархомъ

во главѣ и бояре выступили на край города. При колокольномъ звонѣ и выстрѣлахъ изъ пушекъ, отнятыхъ у поляковъ, шелъ по городу Царь, поддерживаемый боярами. На Красной площади онъ велѣлъ съ Лобнаго мѣста спросить народъ объ его здоровьѣ. Массы, покрывавшія огромныя пространства, упали на колѣни и прокричали: «многія лѣта Царю-Государю».

Въ 1656 году объявлена была война шведамъ, и самъ Царь двинулся въ походъ. Алексѣй Михайловичъ думалъ утвердиться навсегда въ завоеванныхъ областяхъ вплоть до Балтійскаго моря.

Ордынъ-Нащокинъ.

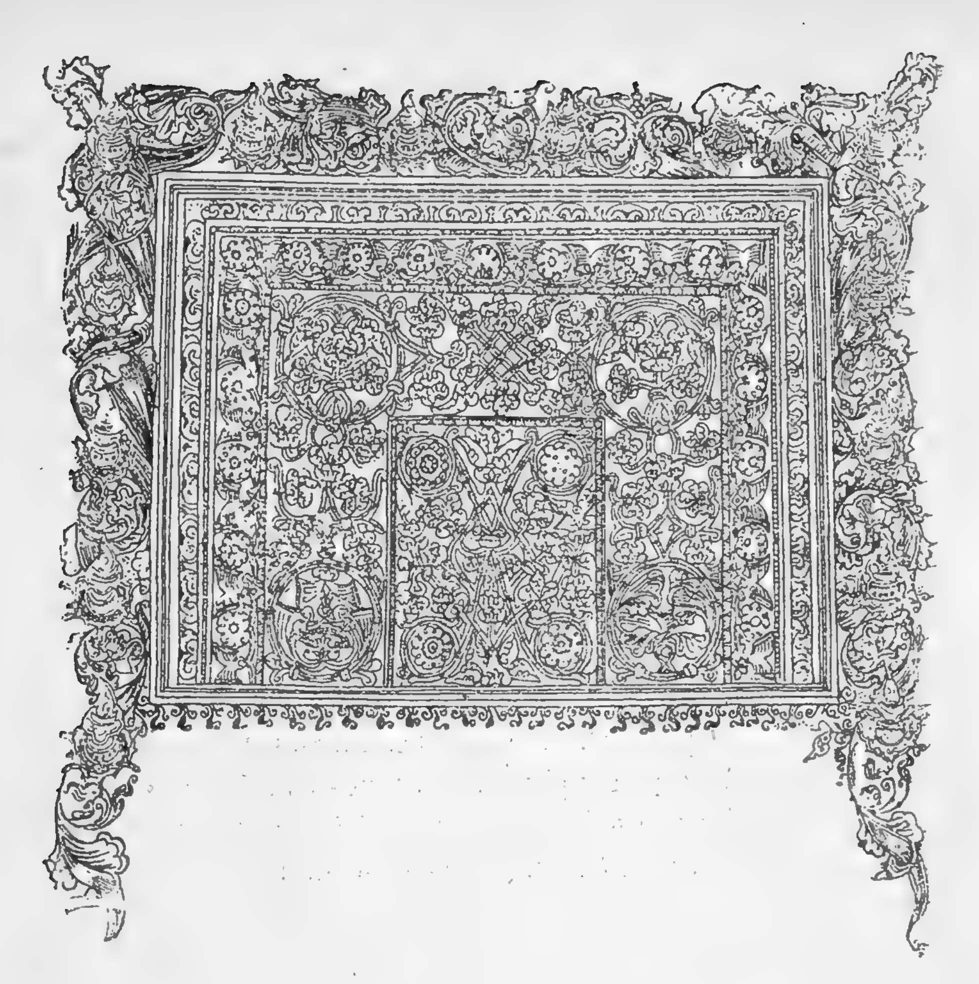
Когда былъ взятъ Динабургъ, онъ построилъ здѣсь церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба и переименовалъ городъ въ Борисоглѣбовъ, а взятый затѣмъ Кокенгузенъ названъ былъ, по имени Царевича Димитрія, Царевичевымъ—Дмитріевымъ городомъ. Осаждены были Рига и Шлиссельбургъ и такимъ образомъ намѣчены были завоеванія отъ устья Западной Двины до рѣки Невы, и взятъ былъ Дерптъ (древній Юрьевъ); но съ того времени остановились наши успѣхи; вслѣдствіе этого, а отчасти и смутъ въ Малороссіи, пришлось прекратить войну и заключить миръ въ 1661 году въ Кардисѣ, по коему завоеванія были возвращены Швеціи.

Въ Малороссіи, по смерти Богдана Хмѣльницкаго, гетманомъ былъ провозглашенъ его юный сынъ Юрій, но до его совершеннолѣтія булава гетманская вручена была Выговскому, который измѣнилъ Россіи и тянулъ въ сторону Польши. Хотя онъ долженъ былъ бѣжать изъ Малороссіи, а Юрій Хмѣльницкій опять получилъ гетманство, но смуты не прекращались. Поляки, пользуясь этимъ, задумали возвратить себѣ сдѣланныя Царемъ за-

Бояринъ Матвѣевъ.

воеванія и стали враждовать противъ Россіи. Намъ пришлось вести вторую войну съ Польшей, отмѣченную нѣсколькими военными неудачами и измѣной намъ Юрія Хмѣльницкаго. Тогда обѣ стороны, утомленныя войною, вступили въ переговоры о мирѣ, которые были ведены въ Андрусовѣ, близъ Смоленска. Здѣсь начальникъ посольскаго приказа Ордынъ-Нащокинъ въ 1667 году заключилъ мирный договоръ, по которому мы отказались отъ Литвы, но удержали за собой Бѣлоруссію съ Смоленскомъ и Малую Русь на лѣвомъ берегу Днѣпра. На правомъ же намъ былъ оставленъ на два года Кіевъ. Но мы не возвратили полякамъ эту «матерь городовъ русскихъ,—Руси чистую купель», на что далъ свое согласіе, уже въ правленіе царевны Софіи, польскій король Янъ-Собѣсскій.

25.

Исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, патріархъ Никонъ, происхожденіе раскола, паденіе Никона.—Мятежныя движенія при Алексѣѣ Михайловичѣ и бунтъ Стеньки Разина.—Значеніе этого царствованія, какъ подготовительной ступени къ эпохѣ сближенія съ Западомъ.—Смерть Алексѣя Михайловича.

Свѣтъ въ природѣ смѣняется тѣнью, а въ жизни радость печалью, такъ и въ исторіи нѣтъ эпохъ сплошь свѣтлыхъ: и здѣсь свѣтлыя событія смѣняются мрачными.

Много отрадныхъ картинъ мы видѣли въ царствованіе Тишайшаго Государя—Царя Алексѣя Михайловича, но и оно было омрачено смутами, какъ церковными, такъ и государственными.

Здѣсь прежде всего мы должны сказать о живущемъ до нашего времени церковномъ расколѣ старообрядчества. При Алексѣѣ Михайловичѣ часть духовенства и мірянъ отдѣлилась или

откололась отъ православной церкви потому, что не захотѣла принять правильно исправленныхъ церковною властью богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ. Но прежде, чѣмъ раскрыть вамъ происхожденіе раскола, я долженъ познакомить васъ съ патріархомъ Никономъ, совершавшимъ это исправленіе.

Этотъ примѣчательный историческій дѣятель происходилъ изъ крестьянской семьи нижегородской области и отличался большими дарованіями съ самаго дѣтства, которое однако протекло для него печально, вслѣдствіе жестокихъ притѣсненій мачехи. Не смотря на это, онъ выучился читать и писать и развилъ свой природный умъ прилежнымъ чтеніемъ книгъ; 12 лѣтъ онъ уходитъ въ Макарьевскій Желтоводскій монастырь и здѣсь удивляетъ своею набожностью и строгостью жизни самихъ иноковъ. Въ 20 лѣтъ его уговорили стать приходскимъ священникомъ близъ его родины. Но его величавая наружность, прекрасное служеніе и умъ привлекли къ нему любовь московскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Макарьевъ на ярмарку, и они уговорили его перейти въ Москву. Здѣсь онъ лишился своихъ дѣтей, убѣдилъ жену поступить въ монастырь и самъ принялъ монашество, смѣнивъ свое мірское имя Никиты на новое—монашеское Никона и поступивъ въ Анзерскій скитъ на Бѣломъ морѣ; въ Кожеезерскомъ монастырѣ онъ былъ избранъ за свою строгую жизнь въ игумены, а въ свой пріѣздъ въ Москву сталъ лично извѣстенъ Царю Алексѣю Михайловичу, который полюбилъ его, сдѣлалъ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря и приказалъ ему каждую недѣлю по пятницамъ являться къ нему во дворецъ для духовныхъ бесѣдъ. Добрый Государь поручилъ ему дѣла своей личной благотворительности, а Никонъ сталъ печаловаться предъ Царемъ за всѣхъ несчастныхъ и обиженныхъ. Значеніе Никона стало очень важнымъ, и патріархъ по волѣ государевой назначилъ его митрополитомъ новгородскимъ, который считался въ нашей церкви вторымъ лицомъ послѣ патріарха. Здѣсь Никонъ, кромѣ ревностныхъ архипастырскихъ трудовъ своихъ, отличился еще укрощеніемъ мятежа. Подбитые смутьянами новгородцы, по поводу договорной уплаты шведамъ хлѣбомъ и деньгами, подняли бунтъ, съ которымъ не справился воевода. Тогда Никонъ предалъ мятежниковъ анаѳемѣ, но они на площади избили митрополита, а онъ, отслуживъ литургію, крестнымъ ходомъ двинулся въ тотъ новгородскій конецъ, гдѣ кипѣлъ главный мятежъ, и своей твердостью и увѣщаніями убѣдилъ прекра-

тить бунтъ, чѣмъ еще больше поднялъ расположеніе къ себѣ Государя. Въ 1652 году ему было поручено привезти изъ Соловковъ въ Москву мощи св. митрополита Филиппа, а когда умеръ патріархъ Іосифъ, ему было предложено патріаршество; но онъ отъ этого отказался и побудилъ тѣмъ Царя, духовенство и народъ, въ Успенскомъ соборѣ, умолять его принять этотъ высокій санъ. И только послѣ долгихъ упрашиваній, Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: «будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ и дадутъ ли ему устроить церковь?»

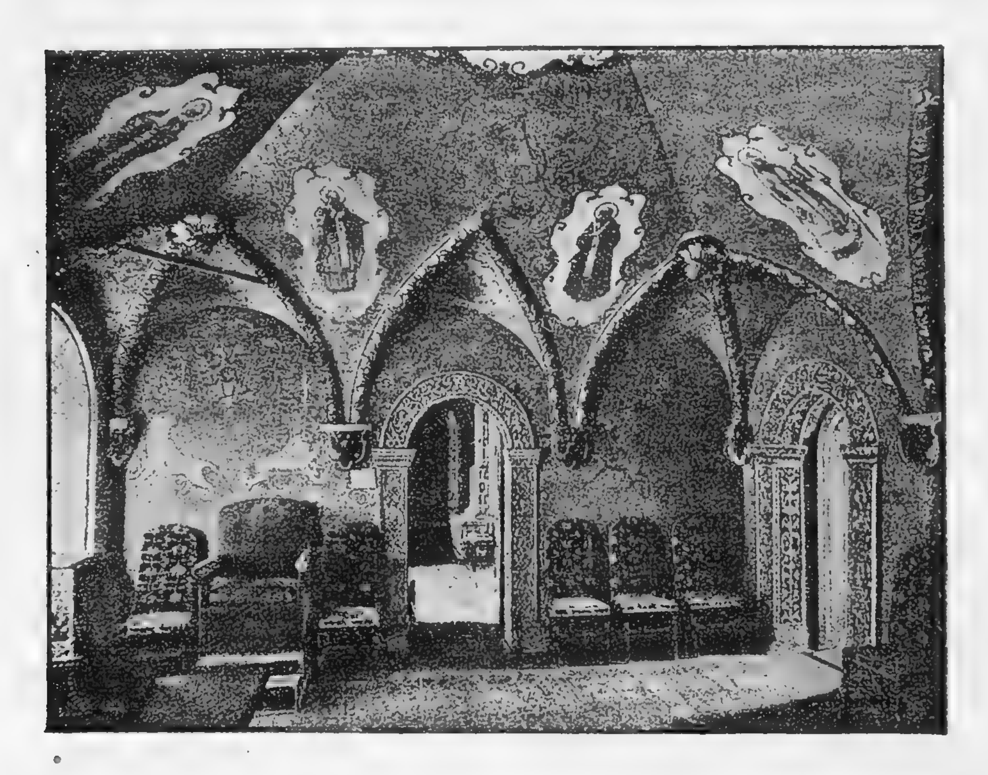
Царь Алексѣй Михайловичъ и Царица Марія Ильинична. По Симону Ушакову.

Всѣ обѣщали клятвенно, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ принялъ патріаршество.

Важнѣйшимъ его дѣломъ было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Въ древней Руси, какъ вы знаете, всѣ книги переписывались особыми переписчиками. Съ упадкомъ же на Руси просвѣщенія, вслѣдствіе монгольскаго ига, въ книги эти невѣжественными писцами вносилось много ошибокъ, иногда искажавшихъ смыслъ богослуженія. Церковное правительство уже въ началѣ XVI вѣка, еще при Василіи III, при помощи ученаго Максима грека и другихъ образованныхъ лицъ, начало исправлять ошибки въ богослужебныхъ книгахъ, при чемъ они сличались съ греческими подлинниками, съ коихъ

были ранѣе переведены. Но русскіе люди были преданы своему богослуженію и старинѣ, и многіе изъ нихъ, не понимая истиннаго значенія этого добраго дѣла, возставали противъ него.

Вы помните, что пословъ князя Владиміра въ Царьградѣ больше всего въ православіи поразило богослуженіе, а не христіанское ученіе, не законы церковные. И русскіе люди горячо были преданы православному богослуженію и очень чутко относились ко всякимъ малѣйшимъ измѣненіямъ въ немъ до послѣдней іоты и черты. Этихъ измѣненій они не хотѣли потому, что чтили

Престольная палата въ теремахъ.

свою старину, подъ сѣнью которой прославилось столько угодниковъ Божіихъ. При недостаткѣ же просвѣщенія, многіе стали смѣшивать обряды съ догматами, великими и страшными, не подлежащими измѣненіямъ; стариной считали то, что было только недавними, но уже привычными ошибками. Особенно подозрительно относились русскіе къ грекамъ, которые, какъ вы знаете, подъ грозой турецкаго завоеванія признали было власть папы на Флорентійскомъ соборѣ; они казались русскимъ измѣнникамъ православія своего рода еретиками. Вотъ почему и исправленіе Максимомъ грекомъ богослужебныхъ книгъ на основаніи греческихъ рукописей показалось русскимъ людямъ ихъ

искаженіемъ, введеніемъ въ нихъ новшества и даже ереси и противъ него, возстановителя истинной подлинной старины, истинно православнаго обряда, поднялись страшные ропотъ и негодованіе, и дѣло исправленія книгъ, по греческимъ подлинникамъ, было пріостановлено.

Но власти церковныя, при Іоаннѣ IV, какъ митрополитъ Макарій и стоглавый соборъ, видя несогласіе тогдашнихъ бого-

Печатный дворъ.

служебныхъ книгъ даже съ нашими древне-славянскими рукописями, заботились объ ихъ исправленіи, хотя и безъ сличенія съ греческими подлинниками; а ради того, чтобы рукописи не множили разностей въ богослуженіи, завели въ Москвѣ типографію и печатаніе книгъ. Но, къ сожалѣнію, при неосновательномъ и неполномъ исправленіи и въ печатныя книги вошли ошибочныя и недавняго происхожденія разности, какъ напр. двоеперстіе при сложеніи крестнаго знаменія, двоеніе аллилуіи, семь просфоръ на

проскомидіи и проч., а народъ привыкъ къ нимъ, какъ будто къ подлинной старинѣ. Когда при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ возстановлена была въ Москвѣ сгорѣвшая типографія и церковныя власти, при помощи архимандрита Троицкой лавры св. Діонисія съ сотрудниками, начали было исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ, приверженцы мнимой, а не истинной старины опять подняли такіе вопли противъ новшества, что исправленія пошли очень недалеко и дѣлались они, какъ при патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ, такъ и его преемникѣ, очень слабо и поверхностно; богослужебныя книги оставались наполненными ошибокъ, въ народѣ привыкали къ этимъ ошибкамъ, какъ къ глубокой старинѣ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и при патріархѣ Іосифѣ также нерѣшительно велось исправленіе. Но пріѣзжавшіе съ востока патріархи, ученые греки и кіевскіе ученые, видя множество отступленій отъ древняго богослуженія въ Русской церкви, укоренили въ высшемъ церковномъ управленіи сознаніе того, что дѣлавшееся прежде недостаточно, что назрѣла пора обширнаго и основательнаго исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, на основаніи греческихъ рукописей. За это дѣло принялся энергически и настойчиво патріархъ Никонъ. Удостовѣрившись и отъ патріарховъ, и отъ ученыхъ людей, и самолично (прибавленіе въ символѣ вѣры слова истиннаго о Духѣ Святомъ), онъ устранилъ отъ печатнаго двора прежнихъ малосвѣдущихъ справщиковъ (протопоповъ Неронова и Аввакума, дьякона Ѳедора и другихъ) и поручилъ это дѣло ученымъ людямъ, знающимъ греческій языкъ, каковы Епифаній Славенецкій, Діонисій Святогорецъ, Арсеній Грекъ, Арсеній Сатановскій и другіе. Въ Москву отовсюду, изъ Греціи, съ Аѳона и изъ другихъ мѣстъ, привозились древнія греческія и славянскія рукописи для сличенія съ ними печатавшихся въ Москвѣ церковныхъ книгъ. Въ 1654 году созванъ былъ въ Москвѣ изъ епископовъ и другого высшаго духовенства соборъ, на которомъ признано было необходимымъ исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ, на основаніи греческихъ подлинниковъ. Исправленія были сдѣланы тщательно и одобрены были на новомъ соборѣ, на коемъ присутствовалъ одинъ изъ восточныхъ патріарховъ. Но, когда новопечатныя книги съ сдѣланными въ нихъ исправленіями стали разсылать по церквамъ, люди невѣжественные изъ духовенства и мірянъ отказывались принимать ихъ и совершать по нимъ богослу-

женіе, называя ихъ испорченными, подъ вліяніемъ грековъ, будто утратившихъ православіе, какъ и западно-русскихъ ученыхъ, будто впавшихъ въ латынство. Защитники старо-печатныхъ книгъ и мнимо-старыхъ обрядовъ (двуперстія, двоенія аллилуіи, хожденія по-солонь и проч.) стали агитировать въ народѣ и духовенствѣ противъ нелюбимаго за строгость Никона

Патріархъ Никонъ. По Титулярнику.

и побуждать темныхъ людей отдѣлиться или отколоться отъ церкви, но пока Никонъ твердо стоялъ на патріаршей каѳедрѣ, поклонники мнимой старины, какъ Нероновъ, Аввакумъ и другіе, подвергавшіеся ссылкамъ и другимъ наказаніямъ, не могли такъ успѣшно дѣйствовать противъ новоисправленныхъ книгъ и обрядовъ; когда же онъ покинулъ патріаршество въ 1558 году, церковныя власти стали дѣйствовать слабо,

а вожди старообрядческаго раскола возвратились въ Москву и стали успѣшно вести пропаганду здѣсь и по другимъ городамъ. Старообрядчество стало даже проникать въ среду боярства, увлекая главнымъ образомъ женщинъ, какъ напр. боярыню Морозову, княгиню Урусову и другихъ, доводило даже до открытыхъ бунтовъ, какъ напр. въ Соловецкомъ монастырѣ, гдѣ раскольники нѣсколько лѣтъ сопротивлялись воеводскимъ войскамъ. Но, когда движеніе раскольническое уже окрѣпло, созванъ былъ въ Москвѣ, въ 1666 году, соборъ, который одобрилъ сдѣланныя исправленія осудилъ расколъ и расколоучителей, а въ слѣдующемъ 1667 году, на такъ называемомъ великомъ соборѣ, на которомъ присутствовали два восточныхъ патріарха, одобрены были всѣ подробности никоновскаго исправленія и положена была анаѳема на сопротивляющихся православной церкви изъ-за мнимаго старообрядчества. Примѣчательно, что соборъ осудилъ Никона за его вины, о коихъ рѣчь впереди, но совершенное имъ дѣло очищенія богослужебныхъ книгъ въ духѣ подлинной православной древности одобрилъ.

Самое паденіе Никона вызвало не мало безпокойствъ и смутъ. Вы знаете, что личное расположеніе Царя Алексѣя Михайловича къ Никону возвело его на такую высоту значенія, какое не принадлежало въ Россіи другимъ патріархамъ и какое при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ досталось патріарху Филарету Никитичу лишь потому, что онъ былъ отцомъ Государя и сталъ его соправителемъ. По личной любви Государя, ставши его собиннымъ другомъ душевнымъ и тѣлеснымъ, Никонъ опять только по волѣ Алексѣя Михайловича получилъ большое значеніе и въ дѣлахъ государственныхъ; Царь дозволилъ ему именоваться великимъ государемъ, какъ именовался Филаретъ Никитичъ; въ свое отсутствіе въ первый походъ въ Польшу, поручилъ ему самое управленіе государствомъ и береженіе своего семейства. Вы помните, что въ такомъ положеніи правителя государства былъ св. Алексѣй митрополитъ. Но это не надмевало великаго и праведнаго святителя. Не то было съ Никономъ. Распоряжаясь всевластно въ дѣлахъ церкви, не допуская сюда ни малѣйшаго вступательства государственной власти, вооружаясь противъ Соборнаго Уложенія, а въ особенности противъ монастырскаго приказа, Никонъ хотѣлъ дать патріаршей власти въ области государства непринадлежащее ей значеніе и не удерживался здѣсь отъ высокомѣрія и властолюбія. Забывая, что въ госу-

дарствѣ онъ только подданный, выставлялъ равенство своей власти съ государевой, свой первосвятительскій посохъ уравнивалъ со скипетромъ и державой царской. Такъ въ новоизданномъ служебникѣ 1655 года Никонъ напечаталъ слѣдующія слова: «да дастъ же Господь имъ (т. е. царю и патріарху) желаніе сердецъ ихъ; да возрадуются вси живущіе подъ державою ихъ..., яко да подъ единымъ государскимъ повелѣніемъ вси повсюду православніи народы живущи... славити имутъ истиннаго Бога нашего». Въ періодъ своего паденія, раздраженный имъ, онъ договорился какъ разъ до того, что нѣкогда говорилъ

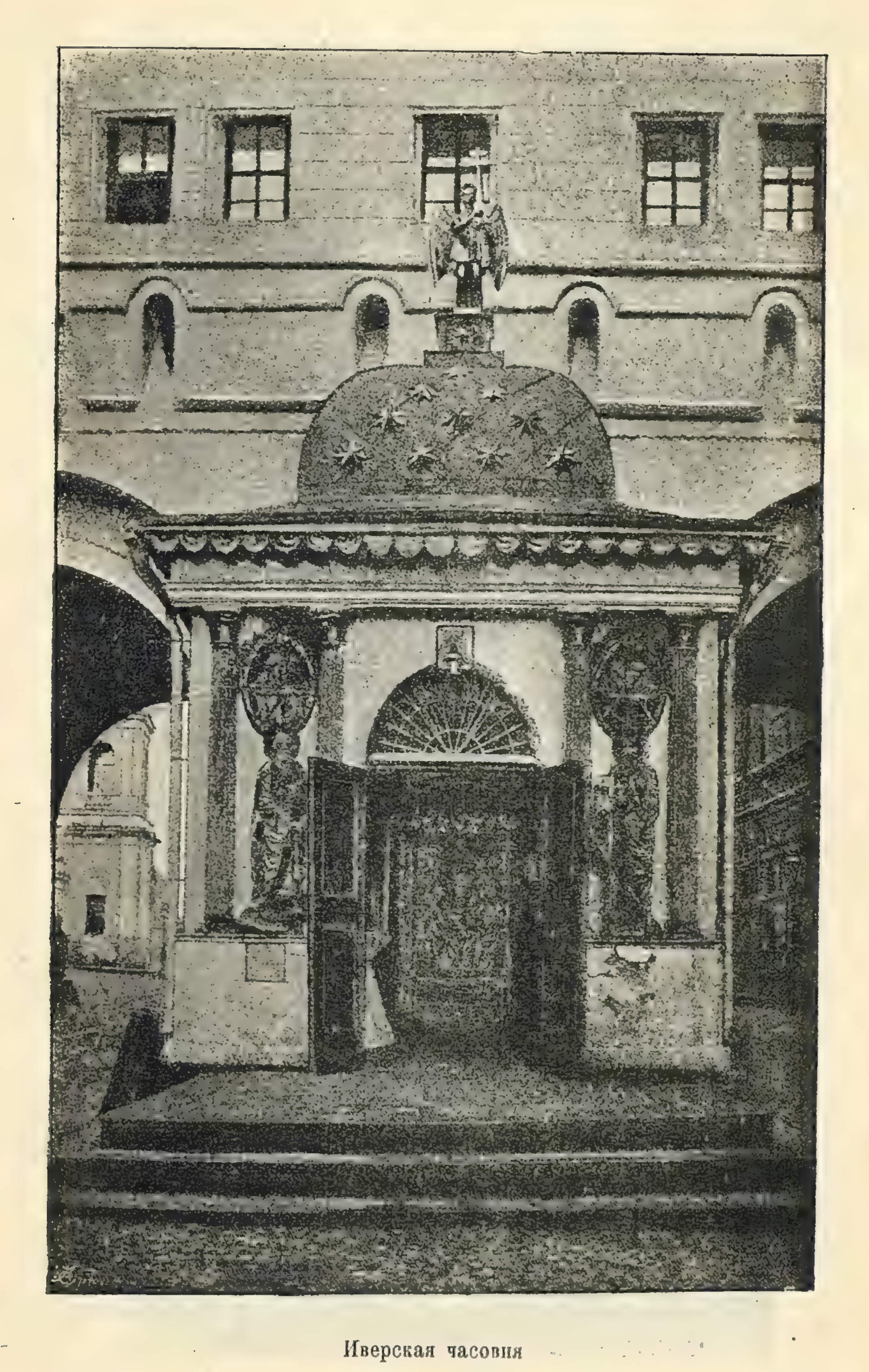

Соловецкій монастырь.

папа Иннокентій III: «не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давалъ намъ царь правъ, а церковію обладаетъ; весь священный чинъ ему работаетъ и оброки даетъ... Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую; архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская — въ вещахъ міра сего». Если царь жилъ въ Москвѣ, какъ въ третьемъ Римѣ, то патріархъ хотѣлъ жить въ Воскресенскомъ монастырѣ, какъ во второмъ Іерусалимѣ новомъ.

Патріархъ окружалъ себя необыкновенною пышностью, любилъ, какъ говорили современники, «стоять высоко и ѣздить широко», былъ крутъ въ обращеніи не только съ духовенствомъ, но и съ боярами.

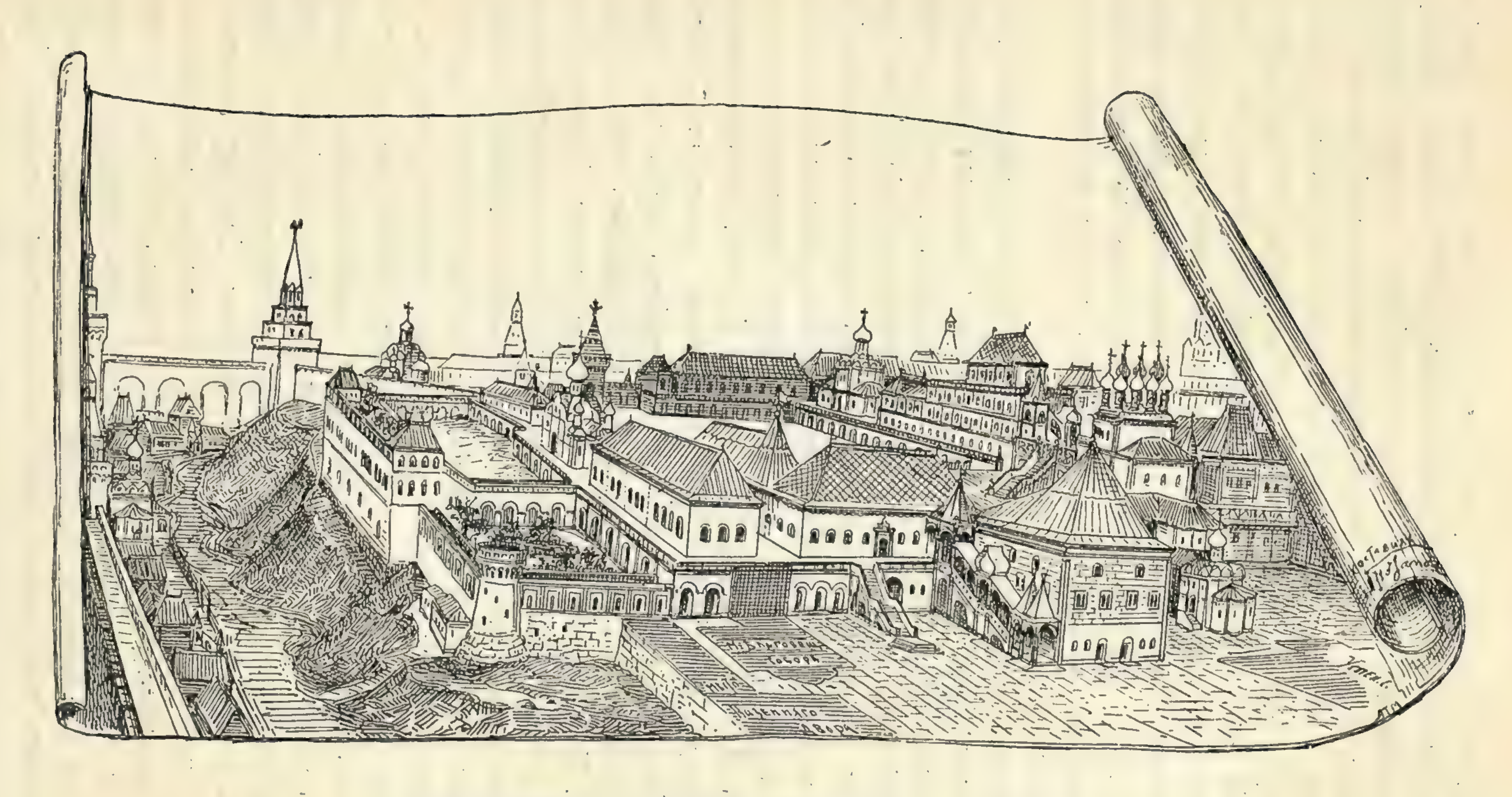
Понятно, что при этихъ условіяхъ, раньше или позже, должны были возникнуть столкновенія между Государемъ и царскимъ дворомъ съ одной стороны и патріархомъ съ другой.—Алексѣй Михайловичъ, по возвращеніи съ польской войны, въ которой онъ укрѣпилъ свой характеръ и созналъ высоту своей всероссійской власти, началъ удаляться отъ Никона и проявлять къ нему остуду. Тотъ, при горячности и строптивости своего характера, не сумѣлъ мягкостью и сердечностью исправить свои отношенія и довелъ ихъ до разрыва. Въ 1658 году принимали во дворцѣ грузинскаго царевича Теймураза. Вопреки обычаю, Никона не пригласили на это торжество, онъ послалъ своего патріаршаго боярина Мещерскаго узнать, что это значитъ, но окольничій Хитрово не пустилъ его и даже ударилъ палкою. Никонъ потребовалъ отъ Царя наказанія окольничаго. Но Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ поговорить по этому предмету съ патріархомъ, но отъ объясненій уклонился, оставивъ Никона безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Ризъ-положенія, патріархъ ожидалъ въ Успенскомъ соборѣ Государя и разсчитывалъ объясниться съ нимъ здѣсь. Но Царь прислалъ сказать, что не будетъ на богослуженіи, а бояринъ Ромодановскій объяснилъ, что «Государь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя». Окончивъ литургію, Никонъ вышелъ на амвонъ говорить поученіе народу. Но всѣ услышали странныя, исполненныя горечи и раздраженія, слова: «лѣнивъ я былъ учить васъ, не стало меня на это... Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема». Сказавъ это, онъ переодѣлся въ черную монашескую мантію съ чернымъ клобукомъ, написалъ въ ризницѣ письмо Царю, что оставляетъ патріаршій престолъ, думая, что самъ Алексѣй Михайловичъ придетъ просить его не дѣлать этого, но обманулся въ этомъ и въ сопровожденіи огромной толпы вышелъ изъ собора. Народъ плакалъ, не пуская его изъ Кремля, даже отнялъ у него карету, но онъ рѣшилъ уйти на Воскресенское подворье и отсюда уѣхалъ въ Новый Іерусалимъ. Царь, хотя и жалѣлъ прежняго своего друга, но не дѣлалъ ничего къ его возвращенію на патріаршество, а онъ не хотѣлъ отказаться окончательно отъ своего сана, говорилъ раздраженно, писалъ

Иверская часовня

Патріаршее шествіе въ Вербное воскресенье.

Царскіе дворцы въ XVII вѣкѣ. По рисунку А. А. Потапова.

укорительное посланіе Государю, отлучалъ отъ церкви своихъ личныхъ враговъ. Въ 1660 году соборъ изъ русскихъ епископовъ постановилъ избрать другого патріарха, а для суда надъ Никономъ пригласилъ въ Москву восточныхъ патріарховъ. Судъ надъ нимъ состоялся на соборѣ въ 1667 году, въ присутствіи Царя, двора, патріарховъ, и онъ былъ осужденъ за самовольное оставленіе патріаршества и неподобающія отношенія къ Государю, лишенъ сана и отправленъ въ заключеніе въ Бѣлозерскую Ѳерапонтову пустынь. Но въ слѣдующее царствованіе (въ 1681 году) былъ прощенъ, возстановленъ въ священномъ санѣ, возвращенъ въ Новый Іерусалимъ, но на пути скончался и погребенъ въ любимой своей обители.

Противодѣйствіе раскола церкви и Никона государству, конечно, были безсильны глубоко потрясти твердыя церковно-государственныя основы. Безсильными предъ государственною организаціей оказались и другія смутныя движенія этого времени. Они исходили изъ низшихъ слоевъ городского населенія и тоже изъ низшихъ слоевъ донского казачества, увлекшихъ за собою и часть крестьянства. Городскія волненія происходили въ то время въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ, Устюгѣ. Ихъ поднимала чернь, возставая противъ злоупотребленій приказныхъ людей, противъ дороговизны, условленной паденіемъ цѣнъ на мѣдныя деньги, ходившія въ то время съ принудительнымъ курсомъ серебряныхъ. Но эти волненія были быстро подавлены. Гораздо болѣе хлопотъ доставило мятежное движеніе въ низшемъ классѣ донского казачества, сгруппировавшемся вокругъ Стеньки Разина. Движеніе это нельзя сравнивать съ движеніемъ малороссійскихъ казаковъ, которые поднялись противъ чужеземной власти поляковъ во имя высокихъ началъ вѣры и народности. Не схоже оно и съ движеніемъ Ермака Тимоѳеевича, хотя въ началѣ онъ дѣйствовалъ по разбойничьи, но зато кончилъ искупленіемъ своихъ винъ подвигомъ покоренія подъ высокую царскую руку Сибири и умеръ смертью героя въ битвѣ съ врагами. На Дону казачество дѣлилось на два класса: домовитыхъ казаковъ, соблюдавшихъ государственный порядокъ и признававшихъ государственную власть, и голутвенныхъ (голь, босяки того времени), стремившихся къ разбоямъ и своеволію, подобно худымъ и меньшимъ людямъ, какъ говорилось тогда, въ городахъ и посадахъ. Голутвенные на Дону множились: потому что сюда бѣжали и тѣ, кого преслѣдовали суды, и крестьяне, которымъ жилось плохо

КАРТА
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
1598—1676.
ПО АТЛАСУ
Н. Н. ТОРПАУ.
ШВЕДСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Стокгольмъ
Балтійское море
Бѣлое море
Соловецкій мон.
Архангельскъ
Пустозерскъ
Эстляндія
Лифляндія
Курляндія
Литва
Пруссія
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ
Варшава
МОСКВА
Смоленскъ
Новгородъ
Псковъ
Тверь
Ярославль
Кострома
Владиміръ
Калуга
Рязань
Черниговъ
Кіевъ
Нижній
Арзамасъ
Пенза
Саратовъ
Камышинъ
Царицынъ
Астрахань
Донскіе Казаки
Запорожье
Молдавія
Валахія
Крымская Орда
Азовское море
Азовъ
Ногаи Малые
Бахчисарай
Черное море
ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ
Терскіе
Грузія
ПЕРСІЯ
Каспійское море
Тюмень
Тобольскъ
Тура
Обь
Сибирь.
Пріобр. 1598—1613
15.
Швеція
Польша
Москва
Московское государство
Киргизы
Монголы
Китайская Имперія
Пекинъ
Персія
Ледовитый Океанъ
Охотское море
Великій или Тихій Океанъ
Якутскъ
14
Области, уступл.
Польшѣ
по Деулинскому перем
1618 г.
Ростовъ
Торжокъ
Торопецъ
Вел. Луки
Переяславль
Троицко-Серг. Лавра
Дмитровъ
Деулино
Волоколамскъ
Воскресенскій м.
Тушино
Можайскъ
Коломенское
Бронницы
Вязьма
Коломна
Серпуховъ
Зарайскъ
Кашира
Венёвъ
Тула
Волховъ
Лебедянь
Елецъ
Ливны
Воронежъ
Добрыничи
Сѣвскъ
Путивль
Глуховъ
Стародубъ
Могилевъ
Полоцкъ
Витебскъ
Батуринъ
Конотопъ
Нѣжинъ
Остеръ
Кіевъ
Гадячъ
Сумы
Ахтырка
Переяславль
Миргородъ

Коломенскій дворецъ.

въ селахъ и деревняхъ. Въ это время у голутвенныхъ казаковъ появился удачливый, предпріимчивый, но крайне безнравственный предводитель въ лицѣ Стеньки Разина. Ватаги, или шайки голутвенныхъ, для добычи, какъ говорили тогда, зипуновъ, Разинъ направилъ мимо Азова въ Черное море, чтобы тамъ поживиться на счетъ турокъ. Но домовитые казаки, понимая, что это можетъ натравить Турцію на Россію, не пустили Разина съ его шайками. Тогда они бросились на Волгу и здѣсь разбойничали, грабили караваны судовъ и отсюда перекинулись на Уралъ, а затѣмъ чрезъ Каспійское море къ берегамъ Персіи. Обогати-

Стрѣльцы.

вшись здѣсь большою добычею, они возвращались назадъ, но были остановлены астраханскимъ воеводой княземъ Прозоровскимъ. Онъ обѣщалъ имъ именемъ Царя прощеніе и пропускъ, если они возвратятъ пушки, захваченныя суда, служилыхъ людей и полоненныхъ персіянъ. Разбойники притворно принесли повинную, но не были склонны исполнить всѣ принятыя условія. Разинъ, окруженный молвой о своихъ будто несчетныхъ богатствахъ и неуязвимости отъ пуль, сталъ на Дону принимать къ себѣ новыя толпы буйной вольницы; а ставши опять атаманомъ большой ватаги, снова перекинулся на Волгу и завладѣлъ

Царицынымъ. Высылаемые противъ него стрѣлецкіе отряды, какъ и чернь, измѣннически переходили на его сторону. Поволжье заволновалось. Астрахань почти безъ сопротивленія сдалась атаману, при чемъ жители сами помогали разбойникамъ перелѣзать черезъ стѣны. Торжествующій Разинъ облилъ себя кровью: первою жертвой его сталъ воевода князь Прозоровскій, сброшенный внизъ головой съ раската; за нимъ послѣдовали нескончаемой вереницей замученные безъ разбора пола и возраста; окровавленныя тѣла ихъ кучами сваливались въ ямы и зарывались. Ограблены были не только дома и лавки, но и храмы Божьи. Всюду Разинъ вводилъ казацкое устройство, раздѣляя покоренныхъ жителей на тысячи, сотни, десятки и подчиняя ихъ выборнымъ атаманамъ, есауламъ, сотникамъ, десятникамъ.

Одежды XVII вѣка.

Оставивъ начальствовать въ Астрахани своего есаула Ваську Уса, Разинъ двинулся вверхъ по Волгѣ и захватилъ Саратовъ и Самару. Товарищи его всюду творили разбои, поднимая вездѣ чернь, обѣщая ей, какъ дѣлалъ въ смутное время Болотниковъ, казацкую вольность, имущество богатыхъ, истребленіе бояръ и приказныхъ. Этому вторилъ въ Астрахани Васька Усъ, сбросившій съ колокольни, послѣ жестокихъ пытокъ, митрополита Іосифа.

По мѣрѣ мятежническихъ успѣховъ, Разинъ все больше и больше проявлялъ свой злобный разбойническій характеръ безчисленными грабежами и убійствами. Но, чтобы обманомъ

укрыть отъ черни свою гнусную сущность, онъ сулилъ ей какое-то освобожденіе отъ общественной тяготы и, видя крѣпкое уваженіе народа къ царской власти, распустилъ слухи, будто онъ идетъ за Царя противъ бояръ, будто съ нимъ находится царскій сынъ, умершій уже царевичъ Алексѣй и низложенный патріархъ Никонъ и что царевичъ, взошедши на престолъ, объявитъ всѣмъ льготу и волю. Заволновался народъ, и между Окою и Волгою поднялись противъ государства инородцы: татары, мордва, чуваши и черемисы: всѣ жаждали разныхъ благополучій отъ взманившаго ихъ Разина. Какъ комъ катящагося съ горы снѣга, росло мятежное движеніе.

Печать Царя Алексѣя Михайловича.

Но вотъ оно встрѣтило крѣпкое сопротивленіе и разсыпалось. Стенька Разинъ былъ разбитъ царскимъ воеводой княземъ Барятинскимъ подъ Симбирскомъ и бросилъ на произволъ судьбы довѣрившихся ему крестьянъ и другихъ своихъ приверженцевъ. Его всѣ поняли и не пустили въ Саратовъ, а на Дону сами казаки схватили его вмѣстѣ съ братомъ его Фролкой и отправили въ Москву, гдѣ онъ въ 1671 году былъ казненъ, а его бунтовскія шайки были усмирены царскими воеводами.

Напрасно смутьяны такими волненіями старались задержать Россію въ ея историческомъ движеніи. Болѣе потрясающая смута, смута безцарія или междуцарствія, при здравомъ госу-

дарственномъ смыслѣ народа, оказалась безсильна на это, смуты же времени Алексѣя Михайловича еще менѣе могли задержать Россію въ ея движеніи, а она готовилась вступить на новый, нелегкій путь, на западъ.

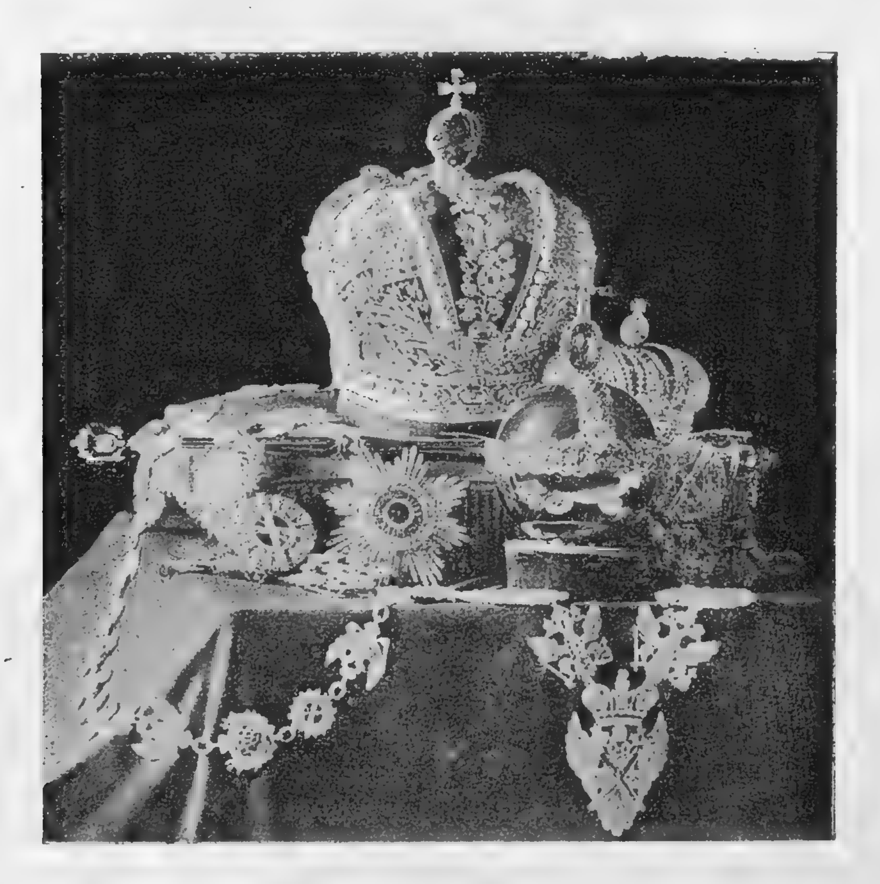
Вы знаете, что самъ Алексѣй Михайловичъ думалъ завладѣть Балтійскимъ побережьемъ отъ истока Невы до устья Западной Двины, завести флотъ на Балтійскомъ морѣ, въ Ригѣ открыть для Россіи окно въ западную Европу. Онъ много, какъ помните, хлопоталъ о подъемѣ просвѣщенія въ Россіи, вызывая въ Москву ученыхъ грековъ и западно-русскихъ ученыхъ, просвѣщенныхъ на началахъ совершившагося на западѣ возрожденія наукъ и ис-

Медаль на рожденіе Петра I.

кусствъ, наполнялъ нѣмецкую слободу разными иностранцами, военными инструкторами и разными техниками. При немъ, какъ сказано выше, учились русскіе люди по-гречески въ Андреевскомъ и Чудовомъ монастыряхъ, по-латыни (служившіе въ польскомъ приказѣ) въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Дѣлались переводы разныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ. Въ искусствѣ появляется художникъ Симонъ Ушаковъ, соединяющій стиль византійскій съ итальянскимъ. Стали проникать въ бытъ высшаго общества обычаи западные: Ордынъ-Нащокинъ, начальникъ посольскаго приказа, читаетъ латинскія, нѣмецкія и польскія книги и издаетъ рукописную газету: «Куранты», преемникъ его бояринъ Матвѣевъ

устраиваетъ у себя нѣчто въ родѣ ассамблей нѣмецкой слободы, на которыхъ сходятся и мужчины и женщины для бесѣды и разговоровъ, а не для ѣды и питья. У него начинаются театральныя представленія, которыя скоро переходятъ въ потѣшный дворецъ. Алексѣй Михайловичъ не по-старообрядчески относился къ иноземцамъ запада и востока и готовъ былъ для совершенствованія Россіи пользоваться ихъ образованностью, какъ научною, такъ и техническою, вноситъ нѣкоторыя измѣненія въ нашъ бытъ, но, глубоко преданный православію и русской народности, онъ далекъ былъ отъ чрезмѣрныхъ увлеченій всѣмъ иноземнымъ, берегся отъ чужебѣсія, какъ называлъ такія увлеченія Юрій Крижаничъ, запрещалъ еще русскимъ носить заграничную одежду... Однако на смѣну Тишайшему Царю, въ 1672 году, родился громовый Царь Петръ, который съ грозой и бурей двинетъ Россію на западъ для усвоенія его образованности...

Знаки Царскаго достоинства въ Императорскую эпоху.

Свѣтовыя картины къ чтеніямъ по Русской Исторіи.

1. Призваніе князей.
2. Олегъ.
3. Смерть Аскольда и Дира.
4. Чудо съ Евангеліемъ.
5. Аскольдова могила.
6. Олегъ подъ Цареградомъ.
7. Олегъ и кудесникъ.
8. Смерть Олега.
9. Тризна по немъ.
10. Варягъ.
11. Варяжскіе воины.
12. Видъ Кіева.
13. Св. Ольга (по В. М. Васнецову).
14. Крещеніе ея.
15. Часовня св. Ольги во Псковѣ.
16. Андрей Первозванный.
17. Св. Климентъ Римскій.
18. Свв. Кириллъ и Меѳодій.
19. Святославъ.
20. Владиміръ Святой (по Васнецову).
21. Поклоненіе Перуну.
22. Первомученики въ Кіевѣ.
23. Греческій монахъ у Владиміра.
24. Послы Владиміра въ храмѣ св. Софіи.
25. Основатель Царьграда—Константинъ Великій.
26. Виды Константинополя (2).
27. Наружные виды св. Софіи (2).
28. Внутренній видъ св. Софіи.
29. Пріѣздъ въ Корсунь царевны Анны.
30. Крещеніе Владиміра.
31. Низверженіе Перуна.
32. Крещеніе кіевлянъ.
33. Видъ Херсонеса.
34. Храмъ въ Херсонесѣ.
35. Развалины Херсонеса.
36. Десятинная церковь.
37. Богатыри Владиміра (В. М. Васнецова).
38. Крещатикъ.
39. Памятникъ Св. Владиміру.
40. Свв. Борисъ и Глѣбъ.
41. Убіеніе Бориса.
42. Убіеніе Глѣба.
43. Видѣніе Святополка.
44. Ярославъ Мудрый.
45. Софійскій соборъ въ Кіевѣ.
46. Внутренній его видъ.
47. Фрески св. Софіи („Нерушимая стѣна“).
48. Развалины Золотыхъ воротъ.
49. Русская Правда.
50. Завѣщаніе Ярослава Мудраго.
51. Видъ Новгорода.
52. Кіевскія бармы.
53. Гробница Ярослава.
54. Видъ Кіева (другой).
55. Остромірово Евангеліе.
56. Лѣтописецъ.
57. Гробница Пр. Нестора.
58. Кіево-Печерская Лавра.
59. Владиміръ Мономахъ.
60. Шапка Мономаха.
61. Коронованіе Мономаха.
62. Съѣздъ въ Любечѣ.
63. Ослѣпленіе Василька.
64. Съѣздъ въ Витичевѣ.
65. Походъ на половцевъ.
66. Встрѣча Мономаха въ Кіевѣ.
67. Златоверхій Михайловскій монастырь.
68. Охота Мономаха (В. М. Васнецова).
69. Завѣщаніе и смерть Мономаха.
70. Василько Ростиславичъ въ битвѣ.
71. Романъ Галицкій.
72. Юрій Долгорукій (по В. В. Верещагину).
73. Основаніе Москвы.
74. Видъ древняго Кремля.
75. Древняя Москва.
76. Суздальскія бармы.
77. Андрей Боголюбскій.
78. Владимірская икона Богоматери.
79. Городъ Владиміръ на Клязьмѣ.
80. Смерть Андрея Боголюбскаго.
81. Битва на Калкѣ.
82. Чингисъ-ханъ.
83. Татарскій воинъ.
84. Пиръ татаръ послѣ побѣды.
85. Гибель Владимірцевъ въ Успенскомъ соборѣ.
86. Татары у Кіева.
87. Ханъ Золотой орды.
88. Ханская ставка.
89. Русскій князь передъ ханомъ.
90. Александръ Невскій.

91. Видѣніе Пелгусія.
92. Невскій и Биргеръ.
93. Ледовое побоище.
94. Походъ Александра Невскаго въ Финляндію.
95. Копорье.
96. Софійскій соборъ въ Новгородѣ.
97. Возвращеніе Невскаго во Псковъ.
98. Александръ Невскій принимаетъ схиму.
99. Петръ I и мощи св. Александра.
100. Невская лавра.
101. Даніилъ Московскій.
102. Даниловъ монастырь.
103. Смерть Михаила Тверского.
104. Плѣнъ Кончаки и Кавгадыя.
105. Юрій и Дмитрій „Грозныя очи".
106. Іоаннъ Калита (по Верещагину).
107. Тоже (по Титулярнику).
108. Узбекъ.
109. Св. Митрополитъ Петръ.
110. Успенскій соборъ снаружи.
111. Успенскій соборъ внутри.
112. Постройка Успенскаго собора (съ древней иконы).
113. Саккосъ св. Петра.
114. Икона „Успеніе", писанная митрополитомъ Петромъ.
115. Рака св. Петра.
116. Архангельскій соборъ.
117. Его внутренній видъ.
118 Спась на Бору.
119. Симеонъ Гордый (по Верещагину).
120. Завѣщаніе его (по рукописи).
121. Іоаннъ II.
122. Димитрій Донской
123. Его духовное завѣщаніе.
124. Св. Алексій митрополитъ.
125. Отрывокъ изъ его собственно-ручнаго Евангелія (съ рукописи).
126. Другой отрывокъ изъ его рукописи.
127. Саккосъ митрополита Алексія.
128. Поручи его.
129. Исцѣленіе Тайдулы.
130. Рака св. Алексія.
131. Печати Димитрія Донского и св. Алексія.
132. Преподобный Сергій.
133. Крестъ, которымъ благословлялъ св. Сергій Димитрія Донского.
134. Картина благословенія.
135. Троицкій соборъ.
136. Постройка Троицкой обители (по древней рукописи).
137. Икона Пресв. Троицы (Андрея Рублева).
138. Великій князь предъ битвой.
139. Димитрій на Куликовомъ полѣ.
140. Схимникъ Пересвѣтъ и татарскій богатырь.
141. Куликовская битва.
142. Раненый Димитрій.
143. Мамай.
144. Монеты Димитрія Донского.
145. Памятникъ на Куликовомъ полѣ.
146. Изображеніе Василія Дмитріевича и Софьи Витовтовны на саккосѣ митрополита Фотія.
147. Передняя сторона саккоса.
148. Задняя его сторона.
149. Детали его.
150. Встрѣча Владимірской иконы въ Москвѣ.
151. Видѣніе Тамерлана.
152. Благовѣщенскій соборъ.
153. Василій Темный и его сынъ Іоаннъ (по Верещагину).
154. Іоаннъ III (по Титулярнику).
155. Тоже (съ древней иностран. грав.).
156. Тоже (по В. Верещагину).
157. Встрѣча Софіи Палеологъ.
158. Бракъ съ нею Іоанна III.
159. Султанъ въ храмѣ св. Софіи.
160. Грановитая палата (наружный видъ).
161. Тоже (внутренній видъ).
162. Пріемъ пословъ.
163. Сверженіе татарскаго ига.
164. Уничтоженіе новгородскаго вѣча.
165. Вѣчевая усобица.
166. Планъ древняго Новгорода. (Съ древней иконы).
167. Барельефъ Георгія Побѣдоносца.
168. Тронъ Іоанна III.
169. Бармы рязанскія.
170. Судебникъ Іоанна III.
171. Печати его.
172. Его монеты.
173. Рогатина Михаила Борисовича Тверского.
174. Древніе шлемы. (Оружейная палата).
175. Древніе панцыри.
176. Оружіе.
177. Вильна.
178. Смоленскъ.
179. Василій III (по Герберштейну).
180. Тоже (по Верещагину).
181. Великая княгиня Елена Глинская.
182. Царь Іоаннъ IV (по Титулярнику).
183. Грозный въ старости.
184. Іоаннъ и Андрей Шуйскій.
185. Бракъ съ Анастасіей Романовной.
186. Вѣнчаніе на царство (изъ „Царствен. рукописи").
187. Осыпаніе царя монетами (изъ той же рукописи).
188. Іоаннъ и Сильвестръ.
189. Тронъ Іоанна IV (т. н. Мономаховъ).
190. Грозный на Лобномъ мѣстѣ.
191. Сильвестръ и Адашевъ.
192. Бояре отправляются на ратную службу.

193. Взрывъ казанской башни.
194. Сдача Едигера.
195. Грозный вступаетъ въ Казань.
196. Видъ Казани.
197. Знамя Грознаго, хранящееся въ Оружейной палатѣ.
198. Храмъ Василія Блаженнаго.
199. Посольство въ Александровскую слободу.
200. Грозный на паперти храма.
201. Св. Филиппъ и Грозный.
202. Стефанъ Баторій.
203. Осада Пскова (по Брюллову).
204. Василій Шибановъ.
205. Грозный у гроба сына.
206. Митрополитъ Филиппъ.
207. Снимки (2) съ старопечатныхъ книгъ.
208. Первопечатникъ Иванъ Өедоровъ.
209. Палаты Строгановыхъ.
210. Ермакъ у Строгановыхъ.
211. Знамя Ермака, хранящееся въ Оружейной палатѣ.
212. Статуя Ермака.
213. Ермакъ въ битвѣ.
214. Плѣнъ Магметъ-Кула.
215. Послы Ермака у Грознаго.
216. Смерть Ермака.
217. Смерть царя Іоанна IV.
218. Большая царская печать Іоанна IV.
219. Царь Өеодоръ Іоанновичъ (въ художественномъ изображеніи).
220. Өеодоръ Іоанновичъ (по Титулярнику).
221. Сосудъ Мѵропомазанія.
222. Димитрій Царевичъ (по Титулярнику).
223. Убіеніе Царевича Димитрія.
224. Его дворецъ въ Угличѣ.
225. Патріархъ Іовъ (по Титулярнику).
226. Патріаршее шествіе въ Вербное воскресенье.
227. Донской монастырь.
228. Царь-Пушка.
229. Борисъ Годуновъ (художественное изображеніе).
230. Царь Борисъ (по Титулярнику).
231. Тронъ Годунова.
232. Печать Годунова.
233. Борисъ принимаетъ корону.
234. Новодѣвичій монастырь.
235. Голодъ въ Москвѣ.
236. Иванъ Великій.
237. Планъ Кремля при Годуновѣ (по книгѣ изъ „Исторіи Москвы 1147—1703“).
238. Отрепьевъ въ Чудовѣ.
239. Отрепьевъ у Вишневецкихъ.
240. Отрепьевъ у Сигизмунда III.
241. Отрепьевъ на границѣ.
242. Семья Годуновыхъ.
243. Могила Годуновыхъ.
244. Портретъ Лжедимитрія I.
245. Свиданіе Самозванца съ инокиней Маrөой.
246. Его печать, медаль и подпись.
247. Собраніе у Шуйскаго.
248. Возстаніе на Самозванца.
249. Послѣднія его минуты.
250. Инокиня Марөа на Лобномъ мѣстѣ.
251. Василій Шуйскій (художественное изображеніе).
252. Тоже (по Титулярнику).
253. Постриженіе Шуйскаго.
254. Скопинъ-Шуйскій.
255. Портретъ Гермогена (по Титулярнику).
256. Художественное изображеніе Гермогена.
257. Поляки и патріархъ Гермогенъ.
258. Сигизмундъ III.
259. Сапѣга.
260. Троицкая лавра.
261. Осада ея.
262. Защита ея отъ поляковъ.
263. Явленіе Пр. Сергія.
264. Мининъ передъ народомъ.
265. Пожарскій въ битвѣ.
266. Авраамій Палицынъ среди казаковъ
267. Пожарскій у Кремля.
268. Знамя Пожарскаго (снимокъ съ оригинала, хранящагося въ Оружейной палатѣ).
269. Памятникъ Минину и Пожарскому.
270. Портретъ Царя Михаила Өеодоровича.
271. Тоже (по Титулярнику).
272. Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ. (Изъ книги: „Избраніе на царство Михаила Өеодоровича Романова“).
273. Ипатьевскій монастырь.
274. Палаты бояръ Романовыхъ въ Костромѣ.
275. Смерть Ивана Сусанина.
276. Памятникъ ему въ Костромѣ.
277. Вѣнчаніе на царство Михаила Өеодоровича.
278. Тоже по рукописи „Избраніе на царство Михаила Өеодоровича“.
279. Собственноручная подпись Царя Михаила Өеодоровича.
280. Инокиня Марөа.
281. Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.
282. Встрѣча митрополита Филарета Никитича на Прѣснѣ, по книгѣ „Избраніе на царство“.
283. Печатный дворъ въ Москвѣ при Михаилѣ Өеодоровичѣ.
284. Филаретъ Никитичъ (по Титулярнику).

285. Тоже съ стариннаго портрета.
286. Царь Алексѣй Михайловичъ (по Титулярнику).
287. Тоже (по древней гравюрѣ).
288. Тоже съ стариннаго портрета.
289. Царица Марія Милославская (по Мейербергу).
290. Теремъ царскій въ Москвѣ.
291. Внутренній его видъ.
292. Село Коломенское.
293. Патріархъ Никонъ.
294. Новый Іерусалимъ.
295. Соловки.
296. Патріархъ Никонъ передъ Царемъ.
297. Никонъ на судѣ соборномъ.
298. Смерть Никона.
299. Бояринъ Матвѣевъ.
300. Царица Наталья Кирилловна.
301. Царевна Софья Алексѣевна.
302. Разинъ на Волгѣ.
303. Богданъ Хмѣльницкій.
304. Митрополитъ Петръ Могила.
305. Переяславская рада.
306. Присяга казаковъ на подданство Русскому Царю.
307. Днѣпровскіе пороги.
308. Петръ въ юности.
309. Гербъ Московскаго государства XVII вѣка.
310.–314. Охотничьи сцены изъ времени Царя Алексѣя Михайловича.
315.–318. Четыре карты Россіи въ допетровское время.

Картины въ полной коллекціи или по выбору можно заказывать въ Москвѣ въ художественныхъ мастерскихъ Л. М. Соколова и А. Ф. Анцыферовой.

